63.3(2-2СПб)
К22

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

книга пятая

200556/2

RAJAJOKI

63.3(2-2СПб)
К22

Абонемент

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

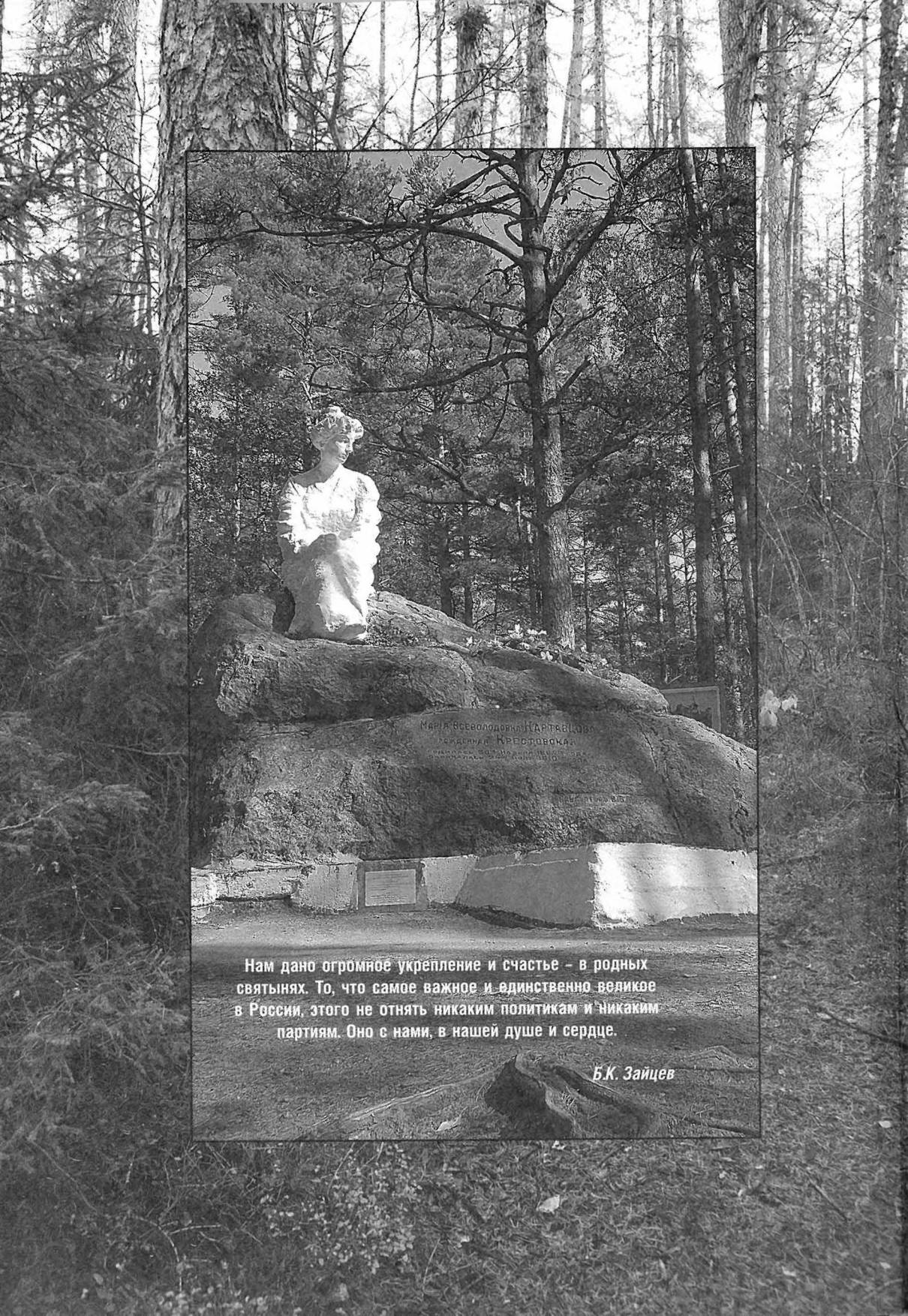
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. ЗОЩЕНКО
СПб ГБУК "ЦБС Курортного района"
197706, г. Сестрорецк, ул. Токарева, д.7
тел.: 246-24-06

Книга пятая

200556/2
ГБУК «ЦБС Курортного района»
Санкт-Петербурга

ОСТРОВ

Санкт-Петербург
2021



Нам дано огромное укрепление и счастье – в родных святынях. То, что самое важное и единственно великое в России, этого не отнять никаким политикам и никаким партиям. Оно с нами, в нашей душе и сердце.

Б.К. Зайцев

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Чертовски обидно бывает, когда человек уходит в мир иной раньше отведенного ему срока. В прошлом году мы потеряли Б.Е. Ривкина, в начале этого – Р.М. Даянова. И еще многих, кого унесла жестокая пандемия, дополненная человеческой глупостью. Но нам надо идти дальше и помнить всех.

Этот сборник отличается от предыдущих тем, что впервые мы немного отклоняемся от уже привычного маршрута Петербург – Выборг в сторону ныне не существующей деревеньки Липола. Но это процесс неизбежный. А отправляемся мы в наше путешествие от Парнаса – это ведь тоже Карельский перешеек, так как начинается он от северного берега Большой Невки.

Счастливого пути!

Л.И. Амирханов

А.В. Востров

ФИНЛЯНДСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В 1870–1917 годах: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ФАКТОР СБЛИЖЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ГЕЛЬСИНГФОРСА

Санкт-Петербург и Гельсингфорс (Хельсинки) – два разных и одновременно похожих города, которые в одночасье по монаршей воле стали столичными (Гельсингфорс стал административным центром Великого Княжества Финляндского в 1812 году по воле Александра I). Они и внешне в чем-то схожи: в профиле Сенатской площади и ее окрестностях, спроектированных К.Л. Энгелем, можно легко заметить петербургские черты. Даже события беспорядков на Сенатской площади в Гельсингфорсе 18 апреля 1902 года (протесты против призыва финнов на воинскую службу в российскую армию) в чем-то напоминают события в Петербурге – от восстания декабристов на Сенатской площади (!) до «Кровавого воскресенья».

С годами контакты финнов[1] и шведов с новой «полумифической» столицей, манившей их не только высокими заработками, но и своей необычной аурой, продолжали расти. Основанные в середине XVIII века шведский и финский приходы помогали вновь прибывшим соотечественникам обосноваться в имперской столице.[2] Очевидная геополитическая мощь Петербурга, постоянно растущий «этнический конгломерат» не могли не сказаться на идентичности приезжих. Однако финляндские традиции здесь не проходили бесследно.

Миграция населения между финскими землями и Петербургом увеличивалась почти на всем протяжении XIX века (с момента вхождения Великого Княжества в состав Империи в 1809 году) – лишь начиная с 1880-х годов поток пошел на убыль

[1] В тексте будут встречаться два именования – финны и финляндцы. Первое определение подчеркивает национальность, второе является более емким: оно показывает не столько национальность, сколько принадлежность к определенной культуре, социальный статус и даже круг общения. Так к финляндцам относились не только финноязычные и шведоязычные финны (последние шведами не являлись!), но и те представители, родным языком которых был немецкий (например, Карл Фацер). Также важно отметить то, что финский, шведский и немецкий приходы в Петербурге были тесно связаны (см. следующую сноску), поэтому контакты между финляндцами и шведами, немцами (чаще всего, балтийскими) были значительными (например, семья Нобелей имела дачу под Выборгом, семья Парландов после революции перебралась в Финляндию).

[2] Первоначально существовал общий шведско-финский приход (церковь Св. Анны, 1734), который в 1745 году разделился на шведский (Св. Екатерины, 1769) и финский (Св. Марии, 1804). Большинство членов шведского прихода были финляндцами. Иерархия приходов являлась следующей: немецкий, шведский, финский, эстонский. Социальное положение жителей определялось принадлежностью к тому или иному приходу, поэтому случалось, что прихожане финского прихода при достижении определенного социального уровня переходили в шведский, а из шведского – в немецкий.

Открытие памятника императору Александру II на Сенатской площади 17 апреля 1894 года. Скульпторы В. Руненберг и Й. Таканен. Из книги: Клинге М. Очерк истории Финляндии. Хельсинки. 1995

«Волнения» на Сенатской площади в Гельсингфорсе 18 апреля 1902 года. Из книги: Клинге М. Имперская Финляндия. СПб. 2005

из-за экономического кризиса: финляндцев заменяли на более дешевую рабочую силу. Движение происходило в оба направления, однако преобладало столичное имперское: в середине и во второй половине XIX века этот поток в два раза превосходил обратный.

Мигранты стремились в Петербург, являвшийся во второй половине XIX века вторым городом по количеству проживающих в нем финляндцев после Гельсингфорса, ожидая больших заработков и преимуществ жизни в мегаполисе.[3] Основным «донором» рабочей силы являлся Выборг и его окрестности, которым с момента основания Петербурга была присуща данная ориентация, однако Нюландская (столичная) губерния также стала поставщиком рабочей силы для Петербурга. Кроме того, через столицу княжества проходил миграционный поток из Або (Турку) и Эстерботнии. Впрочем, для Эстерботнии был более характерен поток сезонных рабочих («отходники»). Нельзя не упомянуть и финских извозчиков («вейки» от фин. «вейкко» – дружок, браток), которые лихо катали петербуржцев на Масличную неделю, после которой убывали обратно в Великое Княжество.

В обратном движении, из Петербурга в Великое Княжество, значительно преобладало направление на Гельсингфорс: многие финляндцы, привыкнув к жизни в мегаполисе, не хотели возвращаться в сельскую местность, а выбирали крупнейший город Финляндии, где, к тому же, было проще найти работу. Однако сезонные рабочие предпочитали возвращаться в родные места.

Постройка Сайменского канала, законченного в 1856 году, увеличила возможности экономических контактов между Великим Княжеством и Петербургом: с этого момента резко увеличилась перевозка грузов из Вильманстранда (Лаппеенранта) и региона озера Саймаа. Еще раньше на Неве, на причале у Тучкова моста, появилась дровяная пристань, куда финляндцы привозили по Финскому заливу дрова и доски, удовлетворяя потребности большого города. Перевозили водным путем и камень, необходимый для строительства, а также продукты питания (например, масло).

Тем не менее, главным символом движения между Петербургом и Великим Княжеством можно назвать Финляндскую железную дорогу, законченную в 1870 году. Изначально она соединила в 1862 году Гельсингфорс с Риихимяки, а позднее ее продолжили до Петербурга.[4] Она связала имперскую столицу с Гельсингфорсом[5] (через Выборг) не столько из-за стратегического значения – переброски войск к портам на побережье Финского залива в случае войны с иностранными державами, сколько коммерческого: по сравнению с Сайменским каналом по ней можно было круглогодично перевозить грузы. Кроме того, генерал-губернатор отчетливо понимал и еще одну возможную пользу железной дороги: сближение финляндцев с метрополией, необходимое в процессе европейского радикализма, охватившего и часть жителей Великого Княжества – в первую очередь, шведоязычную интеллигенцию.

По стратегическим соображениям в самом Великом Княжестве дорогу проложили не вдоль побережья Финского залива, а в глубине материка – для недоступности огня или десанта возможного противника. Интересно, что финляндский статс-

[3] Например, в Петербурге в 1880 году проживало 24,4 тыс. финляндцев, в Гельсингфорсе – 38,7, в Або (Турку) – 21,5. Но уже к 1910 году в Петербурге осталось лишь 17,1 тыс. финляндцев, в то время как в Гельсингфорсе – 127,4, в Або – 53,3. (*Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб. Европейский дом. 2005. С. 144).

[4] Железнодорожная ветка Риихимяки-Лахти (55 верст) была открыта 1 ноября 1869 году, Выборг-Санкт-Петербург (120 верст) – 13 февраля 1870 года, Лахти-Выборг (171 верста) – 11 сентября 1870 года (Российский государственный исторический архив. Ф. 262. Оп. 1. Д. 737. Л. 19).

[5] Необходимость соединения транспортной системы Финляндии с транспортной системой столицы Империи Александр II подчеркивал еще в 1856 году, когда решение о строительстве железной дороги было в целом принято.

секретарь Л.Г. фон Гартман и публицист, общественный деятель Й.-В. Снельльман изначально планировали построить дорогу между Або и Петербургом с ответвлением до Гельсингфорса, но военные и экономические факторы, тесно сплетенные с бурным развитием национального центра, изменили стратегию. Так, первый участок дороги Хельсинки – Хямеенлинна стал важной транспортной артерией, связавшей промышленную область Таммерфорса (Тампере) посредством озерной системы Ванайявеси и железнодорожного сообщения с административным центром Великого Княжества.

До обретения Финляндией независимости дорогу обслуживали почти исключительно финляндцы – даже на станциях участка от Финляндского вокзала до Белоострова, находившихся на петербургской стороне границы. Здание Финляндского вокзала также принадлежало Великому Княжеству, поэтому и здесь весь обслуживающий персонал (в том числе, инженерные кадры) был преимущественно финляндским.

Вопросы таможенного контроля и порядка прохождения границы были достаточно ощутимыми практически все время функционирования дороги как части Российской империи. Но контроль больше «ударял» по русским пассажирам, значительно преобладавшим (в 1897 году, доходность одной версты дороги в пределах Великого Княжества не достигала и 8 тыс. рублей, тогда как на территории Санкт-Петербургской губернии доход за тот же период составлял 93 тыс. рублей за версту).

Финляндский железнодорожный вокзал дал толчок не только движению по линии Петербург-Выборг-Гельсингфорс (в первую очередь, в дачном направлении), но и к активному переселению большей части финнов, проживавших в столице, на Выборгскую сторону. Вокруг вокзала было построено несколько доходных домов, принадлежащих финляндцам, и вскоре этот небольшой квартал стал типично финляндским (около 10 % всех жителей в 1881 году).[6]

Численность финляндцев в Петербурге (1881 год – 24 374, 1897 год – 21 358, 1910 год – 17 104 человек), нельзя рассматривать как точную.[7] Главной причиной является то, что сложно выделить единый критерий определения финляндцев в Петербурге: место рождения, указанное в приходских книгах и переписях населения, принадлежность к церковному приходу, родной язык или подданство. Эти цифры не учитывают и сезонных рабочих. Также существовал довольно обширный круг лиц, которые не регистрировались по прибытию в столицу (сезонные рабочие) или не проходили перерегистрацию, в том числе, представители «петербургского дна».

Учитывая все эти факторы, можно предположить, что в Петербурге конца XIX века проживало 2–3 % финляндцев (от общего числа жителей),[8] часть из которых постепенно ассимилировалась с русским населением. Однако браки с православными русскими в финском и шведском приходах случались реже, чем браки между прихожанами или между протестантами. Исходя из этого, а также видимой изолированности проживания финляндцев в Петербурге, большой «текучести» финляндцев в столице Империи, можно говорить о незначительных контактах финляндцев и русского населения. Тем не менее финляндские инженеры и особенно рабочие (в основном, металлической промышленности), в большинстве своем более грамотные, чем бывшие крепостные русские крестьяне, ценились на городских предприятиях – чаще всего, принадлежавших шведоязычным финнам или шведам. Также ценились финские прислуга (в первую очередь, кухарки) и трубочисты,[9]

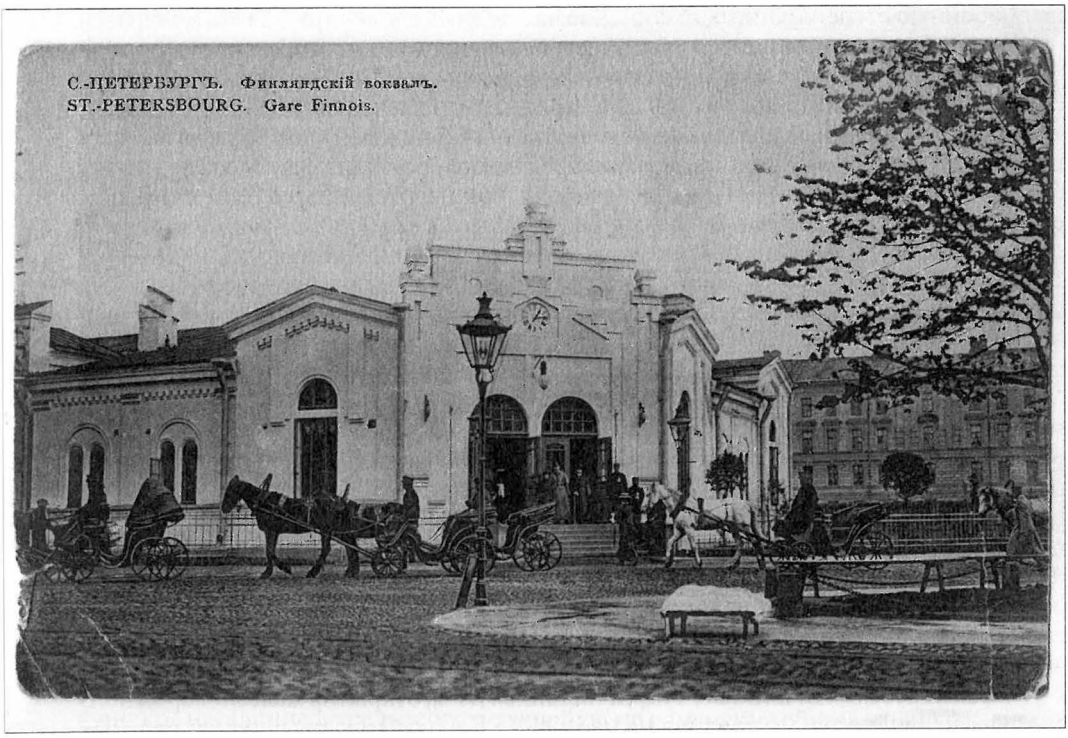
---

[6] *Мусаев В.И.* Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX века – 1930-е гг.). СПб. Из-во Политехнического университета. 2007. С. 22–23.

[7] *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб. Европейский дом. 2005. С. 68.

[8] Там же. С. 68, 143.

[9] Слово «финн» даже стало синонимом этой профессии, так как в разные годы финны составляли от 62 % до 71 % общей численности петербургских трубочистов (подробнее см: *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб. Европейский дом, 2005. С. 236).



Финляндский вокзал в Санкт-Петербурге. Открытки начала XX века.
Из собрания Л.И. Амирханова

но особенную ступень занимали финские часовщики и ювелиры (до четверти всей отрасли), обычно трудившиеся у своих земляков или в фирме Фаберже.

Небольшое количество русскоязычных жителей столицы Великого Княжества (например, в Гельсингфорсе в 1900 году официально насчитывалось 1408 человек, а в волости Муолаа на Карельском перешейке – 1427 человек)[10] не должно вводить в заблуждение: цифры вновь не отражают реального соотношения. Здесь не учтены сезонные рабочие, военные (моряки кораблей, пришвартованных в Гельсингфорсе, солдаты и офицеры с семьями, расквартированные в Свеаборге), а также многие из тех, кто постоянно проживал в городе, но не имел финляндского подданства.

Так, на рубеже XIX и XX веков в Гельсингфорсе проживало много русскоязычных коммерсантов и мелких торговцев, в совокупности приносивших около 40 % доходов от городской торговли, большинство из которых официально не считались финляндцами. Хозяйственный подъем в Финляндии в 1880-х годах вызвал строительный бум, привлекая артели сезонных русских рабочих: каменщиков, штукатуров, маляров, мостильщиков дорог. Поэтому больше стоит доверять неофициальным данным, указывающим на 5304 русских жителя Гельсингфорса на тот же 1900 год[11] (из 93 576 официальных жителей финляндской столицы).[12]

Однако одной из главных проблем для русских в Финляндии являлось то, что российские подданные, кроме дворян, до 1891 года могли приобретать недвижимость на территории Великого Княжества только с «высочайшего» разрешения. Отсутствие особого финляндского подданства, получить которое было неимоверно сложно, также являлось препятствием – даже для дворян. Но и после указа покупка недвижимости оставалась проблематичной.

«Эффект русских дачников»,[13] увеличившийся из-за открытия железнодорожного сообщения, значительно повлиял на население Карельского перешейка: местные жители стали говорить на смеси финского и русского языков, активно сдавали свои дома внаем, почти полностью отошли от земледелия и ремесел, то есть традиционного образа жизни. Произошло смещение идентичности не только жителей приграничных земель, но и части жителей столицы Великого Княжества, которые теперь чаще стали контактировать с петербуржцами и частично заимствовать их образ жизни.

Тесные контакты Петербурга и Гельсингфорса вызывали недовольство свекоманов, радикальных фенноманов[14] и местной прессы, несмотря на существенную экономическую перспективу. Особенно ярко эти противоречия стали проявляться после начала активной русификации Финляндии с изданием Февральского манифеста 1899 года.

---

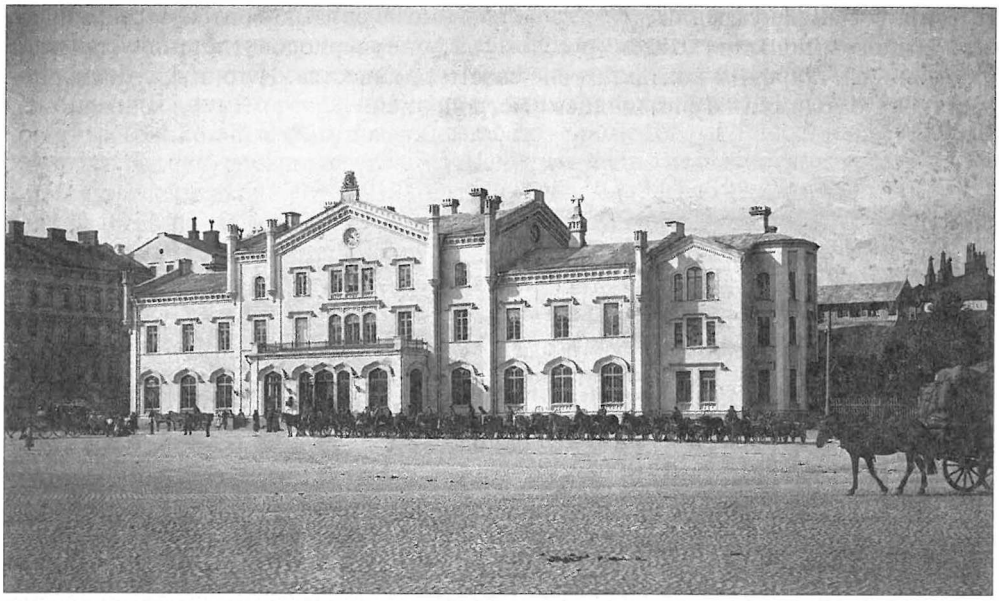
[10] *Мусаев В.И.* Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX века – 1930-е гг.). СПб. Из-во Политехнического университета. 2007. С. 61, 62.

[11] Там же. С. 62.

[12] По материалам Suomen tilastollinen vuosikirja 1920. С. 10.

[13] Перед Первой мировой войной численность отдыхающих на Карельском перешейке превышала 100 тысяч человек. Дачникам принадлежало около 5000 домов (подробнее см.: *Востров А.В.* Леонид Андреев и Финляндия. Диалог «своего» и «чужого», с. 198–212 данного сборника).

[14] Фенноманы (от названия движения Fennomania) выступали за развитие национальной финской культуры, основной движущей силой которой должен был стать финский язык (в то время находившийся в статусе народного или «кухонного», так как языком администрации и культуры был шведский язык). Радикальные фенноманы ратовали за автономию и даже независимость Финляндии. Движение стало особенно активным с 1860-х годов после рескрипта Александра II от 1863 года о введении финского языка в статус официального в течение 20 лет и распространении европейского радикализма. Усиление фенномании привело к появлению ответного движения – свекомании (Svekomaner), которое позже неоднократно влияло на радикализм фенноманов. Позиция свекоманов представляла собой смесь скандинавизма и антирусской ориентации; их стремление к шведскому языку и союзу с близкой по духу Швецией вызывала в обществе (в первую очередь в радикальном студенчестве) брожения и ответную реакцию фенноманов.



Первый вокзал в Гельсингфорсе. Из собрания М.М. Браудзе

Тогда же стали привычными реплики о вредном влиянии русских дачников на финское население Карельского перешейка, на изменение образа жизни финляндцев, возвращающихся из Петербурга, пагубном влиянии русского языка на финский язык. Кроме того, русские отдыхающие в Гельсингфорсе показывали, как считалось, дурной пример местному населению, ведя праздный образ жизни. И если на Карельском перешейке, из-за огромной экономической выгоды и близости Петербурга, эти противоречия сглаживались, то в столичном Гельсингфорсе рост национального самосознания диктовал иные условия.

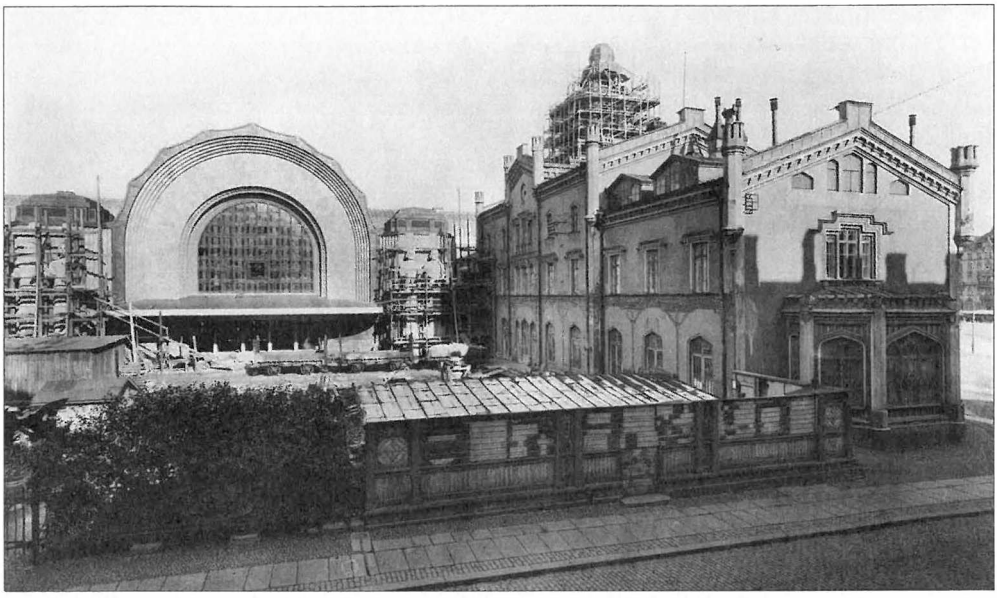
Интересно, что в Петербурге проживало мало представителей финляндской аристократии, как и в Гельсингфорсе – русской. Первое объяснимо высокими расходами, необходимыми для жизни в столице Империи, и отсутствием потребности в большом светском обществе. Второе показывает, насколько сильно автономия (в первую очередь, наличие финляндского подданства и таможенные правила) сказывалась на желании русскоязычных аристократов жить в чужеродной (языковой) среде. Однако на культурные контакты такая ситуация практически не влияла.

Открытие железной дороги дало больше выгоды Великому Княжеству, чем Петербургу: возможность доступного дачного отдыха, возросший товарооборот столицы и военные эшелоны во время Первой мировой войны не «перевешивали» экономических преимуществ Финляндии в обретении железнодорожного сообщения с Петербургом.[15] Но это вплеталось в общую канву дисбаланса в положении финляндских подданных в Империи и российских подданных в Финляндии. Несколько официальных визитов российских самодержцев Александра III и Николая II по железной дороге лишь подчеркивают этот дисбаланс: для отдыха они предпочитали путешествовать на императорских яхтах.

Несмотря на широкие возможности, открывавшиеся для финляндцев в Петербурге, они мало контактировали с русскими жителями столицы, предпочитая контакты внутри своего сообщества или со шведами, немцами. В то же время русские жители

[15] В 1880 году около 84% всей прибыли железных дорог в Финляндии пришлось на указанный участок, а в 1915 году (учитывая значительное развитие сети) – около 68 %.

Гельсингфорса, вынужденные жить изолированно из-за языкового барьера и общего осторожного отношения ко всему русскому на фоне «периодов угнетения», также не стремились к широким контактам вне своего сообщества. И то, и другое не способствовало сближению финляндцев с метрополией.



Строительство нового вокзала в Гельсингфорсе; справа – старый вокзал. Из собрания М.М. Браудзе

Новый вокзал в Гельсингфорсе. Открытка начала XX века. Из собрания Л.И. Амирханова

Таким образом, Финляндская железная дорога, соединив две столицы, не изменила общей тенденции к самостоятельности Гельсингфорса по отношению к Петербургу. «Эффект русских дачников» являлся лишь локальным сближением на фоне экономических интересов, но никак не влиял на представления об Империи в столичных великокняжеских правящих кругах. Кроме того, путешествия из Гельсингфорса в Петербург были не столь частыми, что видно из статистики: средняя длина поездки в период с 1870 по 1917 годы колебалась от 30,7 до 49,2 км, что много меньше расстояния между двумя столицами. Естественно, эти километры «отсчитывались» от столицы империи.

С другой стороны, к началу XX века идея самоопределения финской нации стала доминирующей в княжестве (временами радикально) и в таких условиях сближение с метрополией было маловероятным. Два «периода угнетения» (1899–1905 и 1909–1914) лишь подчеркнули невозможность найти ощутимый баланс между Империей и Великим Княжеством в стремительно развивающемся потоке событий. И железная дорога стала в этом случае лишь линией связи, но не сближения.

События Первой мировой войны лишь подчеркнули, что фактор сближения двух столиц оказался практически не реализованным: несмотря на перевозку солдат и военных грузов, железная дорога оставалась лишь временной линии связи. Причем, не столько между Петербургом и Гельсингфорсом, сколько между Петербургом и Швецией, а также Великобританией. Показательно, что во время финской Гражданской войны в 1918 году германские части перемещались в сторону столицы Финляндии по железной дороге, построенной российскими властями для препятствия высадки десанта противника.

Литература

Воспоминания о Гельсингфорсе. Историко-литературный очерк под. ред. Л. Коль. Хельсинки. 2011.

Востров А.В. Финляндская железная дорога: связь столиц Империи и Великого Княжества // Literarus. 2016. № 4. С. 12–23.

Востров А.В. Шведский и русский языки в Финляндии в XIX веке: проблемы отношений двух административных языков Великого Княжества // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы семнадцатой ежегодной международной конференции. СПб. Изд-во РХГА. 2016. Стр. 281–291.

Гельсингфорс – Санкт-Петербург. Страницы истории (вторая половина XIX – начало XX века): сборник статей под ред. Т. Вихавайнена, С.Г. Кащенко. СПб. Нестор история. 2012.

Дубровская Е.Ю. Русские в Финляндии в XIX – начале XX столетия: военные и гражданские // Скандинавские чтения 2014 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб. Музей антропологии и этнографии РАН. 2014. С. 351–366.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб. 2005.

Клинге М. На чужбине и дома. СПб. 2005.

Мусаев В.И. Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX века – 1930-е гг.). СПб. Из-во Политехнического университета. 2007.

Ниронен Я. Финский Петербург. СПб. Европейский дом. 1999.

Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб. Европейский дом. 2005.

Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М. 2010.

Baschmakoff N., Leinonen M. Russian Life in Finland 1917–1939. A local and oral history. Helsinki. 2001.

Suomen tilastollinen vuosikirja 1882–1920. Helsinki. 1882–1921.

ПАРНАС – РЕПИНО

С.Е. Глезеров

ПАРНАС И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Словосочетание «Живу на Парнасе» кому-то может показаться странным, но только не тем, кто живет в районе, появившемся за последние десять лет возле конечной станции метро «Парнас». В Петербурге так принято говорить: «живу на Пионерской», «живу на Академической»... Между тем, своим именем станция метро, а стало быть, и район обязаны рукотворной горе в ближайшем Шуваловском парке. В свою очередь, ее назвали так в XVIII веке по месту обитания бога Аполлона и муз...

Петербургский Парнас стал, говоря современным языком, настоящим «брендом» северных районов Петербурга. Не только гора в Шуваловском парке, но и грузовая железнодорожная станция, промзона, станция метро, даже гипермаркет...

Название «Парнас» носило до лета 2017 года и муниципальное образование, однако в угоду политической конъюнктуре (кому-то показалось, что оно созвучно с аббревиатурой оппозиционной политической партии) его переименовали в «Сергиевское» (в честь Сергия Радонежского). Тем самым возникла топонимическая путаница, ведь поселок Сергиево (бывший Володарский) и одноименная железнодорожная станция расположены на юго-западе Петербурга, в Красносельском районе.

Откуда пошел Парнас? Так называется горный массив в Центральной Греции к северу от Коринфского залива; это название образовано от слова лувийского языка parna, что означает «святилище, храм, дом». Правда, есть легенда, что именно так, Парнасом, звали сына Посейдона и нимфы Клеодоры...

Парнас – священная гора в Греции, связанная, подобно Олимпу, Геликону, Киферону, с мифическими сказаниями. У ее подножия находился храм Аполлона со знаменитым Дельфийским оракулом. Здесь же проистекал священный Кастальский источник, дававший поэтическое и музыкальное вдохновение.

В древнегреческой мифологии Парнас – место обитания бога Аполлона и муз. В переносном значении Парнас – содружество поэтов. В античной и европейской культуре Парнас – символ поэзии, поэтического признания.

Именно так называла себя группа французских поэтов второй половины XIX века, объединившихся вокруг Теофиля Готье. Свое творчество они противопоставили поэзии и поэтике устаревшего, с их точки зрения, романтизма. Среди участников содружества, которых называли «парнасцами», были Шарль Леконт де Лиль, Жозе Мария де Эредиа, Сюлли-Прюдом. В России их стихи переводили знаменитые литераторы «серебряного века» Валерий Брюсов, Иван Бунин, Иннокентий Анненский, Максимилиан Волошин...

Кстати, во французской столице есть район Монпарнас, который в буквальном переводе означает «гора Парнас». Он стал популярен в начале XX века, когда здесь в легендарных кафе и кабачках стала собираться творческая интеллигенция. Сюда со всего мира приезжали писатели, скульпторы, художники, поэты и музыканты. По сей день Монпарнас имеет славу богемного артистического района, а его своеобразным символом является одноименный 57-этажный небоскреб, возведенный в 1969–1972 годах. Это самое высокое здание в центре Париже...

Кстати, в Петербурге топоним «Парнас» больше нигде не повторяется, но есть он в дворцово-парковых пригородах. К примеру, гора Парнас существует в Александровском парке в Царском Селе, к северо-востоку от Китайского театра. На ее вершину ведет вьющаяся спиралью дорожка, обсаженная деревьями. Это искусственная горка: она была насыпана в 1755 году. Напоминать Парнас с чистыми водами Кастальского источника была призвана и колоннада Аполлона напротив дворца в Павловске. Она была создана в 1780–1783 годах архитектором Чарльзом Камероном. Окруженная небольшой рощицей, колоннада возвещала пришедшим сюда, что они попадали в мир поэзии и красоты...

«Северный Парнас» появился на территории парголовской усадьбы графа Шувалова в середине XVIII века. Мыза, в свою очередь, получила свое название по селению Парголово, расположенному рядом. Первое упоминание о нем прозвучало в переписной окладной книге Водской пятины Великого Новгорода в 1500 году. В ней сообщалось, что на здешних холмах расположены четыре деревни «Паркола», в которых было восемь дворов.

Считается, что название древней деревни Паркола пошло то ли от финского имени Парко, то ли от финского слова «пергана» – черт. Согласно старинным легендам, места эти давным-давно были покрыты дремучим лесом, наводившим суеверный страх на жителей. Есть и другая легенда – будто бы название «Парголово» связана с боевыми делами Петра Великого в годы Северной войны, что он здесь так яростно бился со шведами, что «пар от голов шел»...

Высота горы Парнас составляла около 60 м, она долгое время являлась одной из главных достопримечательностей северных окрестностей Петербурга. С пушкинских времен, когда здешние места вошли в орбиту дачного Петербурга, сюда непременно приезжали горожане любоваться закатом солнца. Говорят, что с вершины горы, на которой была устроена специальная площадка со скамейками, были видны не только купола и шпили петербургских храмов, но даже Финский залив.

В XIX веке современники нередко образно именовали Парнас «Парголовским Чимборассо» – по названию потухшего вулкана, самой высокой точки Эквадора. С XVI века по начало XIX века Чимборассо считался высочайшей вершиной на Земле.

«Парнас открылся мне с толпой женщин, которых издали можно было почесть музами, – говорилось в очерке писателя Ф.В. Булгарина «Поездка в Парголово. 21 июня (Письмо к П.П. Свиньину)», опубликованном в июне 1825 года в газете «Северная пчела». – Здесь северная природа является во всей своей красе. Холмы облечены душистой муравой и усеяны прекрасными возмужалыми деревьями всяких родов...

Но лучше всего вид с Парнаса: взор ваш пробегает по всему саду, по чистым прудам и бассейнам, открывает с правой стороны село Суздальское с озером, на котором паруса белеются, как точки; церковь Спаса, построенную на береговом возвышении озера; наконец, за лесами и долинами, блестящая в солнечных лучах столица составляет последний предел картины. Громкие песни раздавались на Парнасе; пели и плясали не музы, а русские крестьянские девушки. Деревенские мальчики забавляли городских весельчаков своими уловками и проказами. По данному знаку, человек двадцати мальчиков бросились с горы вниз головой и кубарем катились во всю прыть там, где мы едва могли сходить тихим шагом...».

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. ЗОЩЕНКО
СПб ГБУК "ЦБС Курортного района"
197706, г. Сестрорецк, ул. Токарева, д.7
200556/2

Восторженное описание Шуваловского парка и горы Парнас можно найти в стихотворении известного поэта и переводчика В.Г. Бенедиктова «Авдотье Павловне Гартонг (На память прогулки в Парголове 8-го августа 1840 г.)». Там были и такие слегка иронические строки:

Под светлым именем Парнаса
Пригорок стал среди холмов,
И тут же сельского Пегаса
Хребет оседланный готов.

«В хороший летний день прогулка в Шуваловский парк к знаменитому Парнасу из душного и знойного Петербурга напоминает, как нельзя более, многие заграничные прогулки, как легкостью сообщения, так и неоспоримой миловидностью проскальзывающих перед глазами картин», – говорилось в одном из путеводителей конца XIX века.

Сегодня с Парнаса так далеко уже не видно: можно оглядеть разве что панораму северных новостроек. А вот пруды фигурной формы, среди которых, по преданию, рубаха и треуголка Наполеона, такие же, как и в XIX веке.

Виной тому, что Парнас стал гораздо ниже, не только то обстоятельство, что Шуваловский парк давно уже превратился в густой лес. В начале 1990-х годов вершину горы разрыли экскаваторами, когда искали мальчишек, которых засыпало под сводами проходивших в горе заброшенных подземных лабиринтов, оставшихся еще с войны. Ведь на территории Шуваловского парка в военную пору находился стратегический объект, о назначении которого историки до сих пор не имеют единого мнения. По наиболее распространенной версии – запасной штаб Ленинградского фронта.

Что же касается трансформации названия «Парнас» – сперва на железнодорожную станцию, а потом на промзону, то она такова. Во время Советско-

Вид с Парнаса на Шуваловский парк. Открытка начала XX века. Из собрания автора

Вид с горы Парнас. 1961 год. Из коллекции музея ВНИИТВЧ

финляндской войны 1939–1940 годов оказалось, что ленинградский железнодорожный узел перегружен, началась прокладка новых веток, одной из которых стала линия Ручьи-Парголово с промежуточной станцией Бугры. Она была призвана соединить две железнодорожные линии, идущие с Финляндского вокзала – на Выборг и на Кексгольм (Приозерск).

Начало Великой Отечественной войны остановило стройку и ее завершили только в 1946 году. Однако с названием станции произошла заминка: использовать топоним Бугры было невозможно, так как выяснилось, что на Октябрьской дороге уже есть одноименная станция. Тогда решили использовать ближайшую географическую точку, которой и послужил Парнас.

К началу 1970-х годов к соединительной железнодорожной линии вплотную приблизились новостройки. А по другую ее сторону стала возникать промышленная зона: именно по ближайшей железнодорожной станции она и получила название «Парнас». Ее создание предусматривалось еще в рамках проекта генерального плана Ленинграда, разработанного в 1958–1959 годах.

Первая улица на промзоне появилась в 1976 году, и называлась она Домостроительной, по имени расположенного на ней Домостроительного комбината № 7. Ранее ее неофициально именовали Центральной, так как проходила она посередине промзоны. Другая улица – Верхняя – получила свое название в 1977 году, до этого она неофициально называлась Железнодорожной, поскольку шла вдоль железной дороги. Остальные топонимы на территории промзоны большим разнообразием не отличаются: здесь восемь номерных Верхних переулков.

В 1990 году в промзоне открылся пивоваренный завод «Балтика», ставший одним из самых крупных предприятий «Парнаса». С тех пор промзона стала оживать. Здесь

даже появилась часовня Святых Царственных мучеников (ее адрес – 3-й Верхний переулок, 5), приписанная к храму Святого Великомученика и целителя Пантелеймона на Ручье.

В конце декабря 2006 года недалеко от промзоны вступила в строй долгожданная конечная станция метро «Парнас» – 60-я по счету станция петербургского метрополитена. На схемах метро ее начали обозначать еще в 1980-х годах, причем она фигурировала под именем «Парнасской». Ветку метро в сторону «Парнаса» начали прокладывать сразу же после запуска в августе 1988 года станций «Озерки» и «Проспект Просвещения». Однако метростроителей ждал неприятный сюрприз: в районе пересечения улицы Шостаковича и проспекта Энгельса произошла внезапная осадка грунта. На ликвидацию последствий этого ЧП ушло немало времени, а затем строительство ветки до «Парнасской» заморозили из-за отсутствия финансирования.

К идее строительства конечной станции метро вновь вернулись в середине 2000-х годов, когда в Петербурге развернулся строительный бум и пошла речь о возведении района новостроек за соединительной линией железной дороги. Следуя за названием, создатели метровокзала украсили его витражами на тему древнегреческих мифов – «Поход аргонавтов, открывающих мир», «Похищение Европы», «Бог Гелиос на колеснице», «Летящая богиня Ника». Изготовили эти произведения мастера Академии художеств. Авторами витражей стали молодые художники Григорий Гукасов и Егор Быстров, а воплотил их замысел в материал известный петербургский витражист Сергей Хвалов. Проект возглавил профессор Академии художеств Александр Быстров.

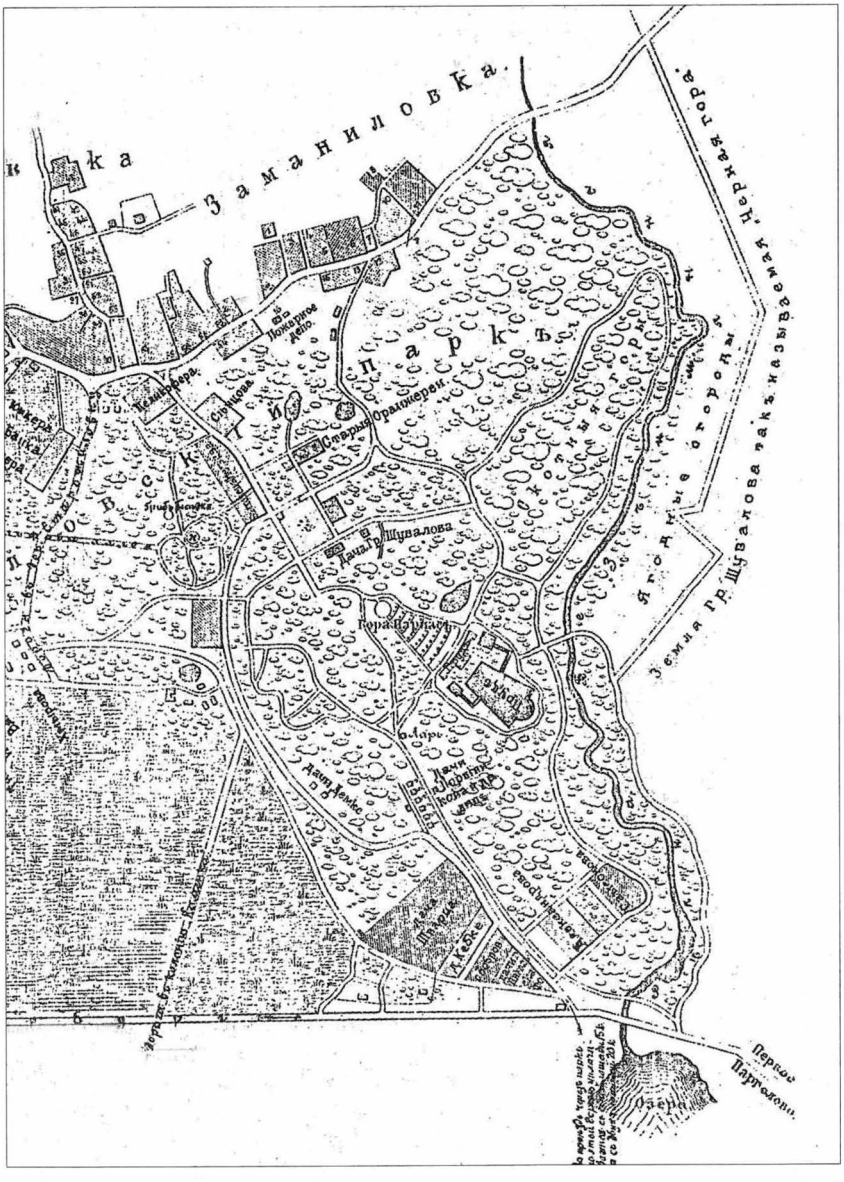
Когда станция метро «Парнас» только вступила в строй, она располагалась практически в чистом поле. «Только рельсы да асфальтобетонный ковер для автомобилей и пешеходов и выдают его назначение. А вокруг пустое пространство, окаймленное зубцами леса», – сообщали в те дни «Санкт-Петербургские ведомости».

Впрочем, у этих полей была своя история. С незапамятных времен эти места, к востоку от Шуваловского парка, обозначали на картах как «Черная гора». Здесь торфяной холм возвышался над окружающей местностью (поэтому и гора), а черной ее называли за мрачный ковер, покрытый низкорослой сосной и карликовой березой среди обширной местности, занятой пашнями и заболоченными лугами.

«На поверхности Шуваловского торфяника можно наблюдать и собрать все главные болотные растения... Все эти растения благодаря особенностям своего роста придают Торфянику особенный выпуклый вид, и издали он кажется горой, заметно возвышающейся над окружающими равнинами», – говорилось в путеводителе по окрестностям Ленинграда 1927 года.

Шуваловский торфяник с давних пор привлекал петербургских ученых. Почвовед Г.И. Танфильев первым предпринял попытку дать обзор болотной растительности в работе «О болотах Петербургской губернии» (1889 год). В частности, он давал краткое описание шуваловского торфяника и пытался разгадать историю его возникновения. В 1900 году профессор В. Алексеев в Петербургской горнозаводской лаборатории произвел анализ образцов торфа из Парголовского имения и пришел к выводу о том, что Шуваловский торфяник является наилучшим по малому содержанию в нем зольных веществ, и он может конкурировать с известным Ириновским месторождением.

В 1906 году геоботаник В.Н. Сукачев открыл на шуваловской «Черной горе» в так называемом пограничном горизонте торфяников погребенные леса. Впоследствии радиоуглеродные датировки по Шуваловскому болоту показали, что пласт стволов и пней деревьев в пограничном горизонте имеет возраст около 4 тысяч лет, а вышележащий «молодой» сфагновый торф – 3,2 тысячи лет. Во время подъема вод в Балтике уровень грунтовых вод в прибрежных районах повышался. Шуваловское болото и другие торфяники насыщались влагой и как бы вновь оживали.

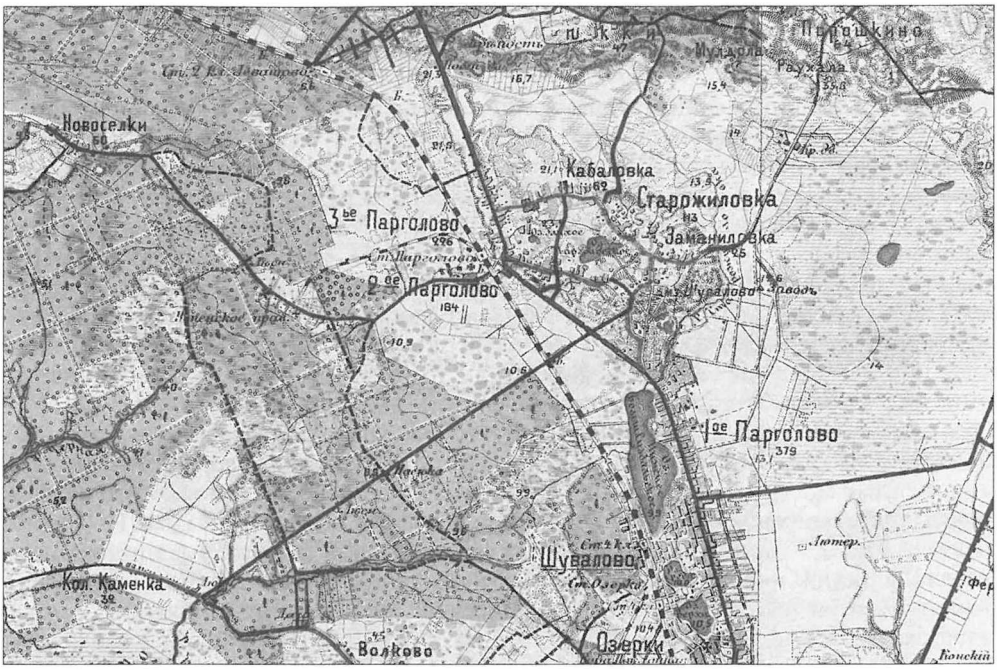


Фрагменты плана 2-го и 3-го Парголова, Кабловки, Старожиловки, Заманиловки и Шуваловского парка, составленного и изданного Н.Н. Федотовым. 1886 год. К востоку от речки Старожиловки отмечены ягодные огороды и «земля гр. Шувалова так называемая "Черная гора"»

Подтопленные деревья падали на поверхность торфяников и захоронялись под слоями нараставшего молодого торфа...

В 1914 году В.Н. Сукачев по заданию Докучаевского почвенного комитета предпринял научную командировку на Шуваловский торфяник, в которой приняли участие студенты Лесного института.

Первое предприятие по добыче торфа на шуваловских месторождениях, в местности, именовавшейся «Черная гора», появилось еще до революции, в начале XX века. Речь тогда шла, разумеется, о частной инициативе. При советской власти дело добычи торфа было взято в государственные руки.



Парголово и окрестности на карте района маневров в Санкт-Петербургской губернии 1913 года. Издание Военно-Топографического отдела Главного управления Генерального Штаба. Июль 1913 года

Широкое развитие торфяной промышленности началось после декрета Совета Народных Комиссаров «О разработке торфяного топлива», подписанного в апреле 1918 года В.И. Лениным. Торфу придавалось государственное значение как топливу для электростанций. Поскольку, как известно, коммунизм, как указывал вождь мировой революции, – это советская власть плюс электрификация всей страны.

Речь об импортозамещении столетней давности. Если до революции до 70 % всех доставляемых в Петербург грузов составлял каменный уголь, то с 1929 года его стали заменять торфом, сланцами и отечественным каменным углем. За 1925–1928 годы потребление торфа электростанциями Ленинграда возросло в 3,5 раза.

В мае 1918 года торфяной отдел Совета коммунального хозяйства Петроградской трудовой коммуны насчитывал 12 торфоразработок, в том числе и Шуваловскую. Трудовой коммуне было дано указание исследовать окрестности Ленинграда и использовать обнаруженные торфяные месторождения для добычи топлива.

В марте 1918 года местное население было мобилизовано на болотно-подготовительные работы на Шуваловском болоте. Взрослые и подростки, которые могли держать топор и мотыгу, вышли на болото на вырубку кустарника, леса, рытье траншей, снятие очеса. Условия труда были очень тяжелые.

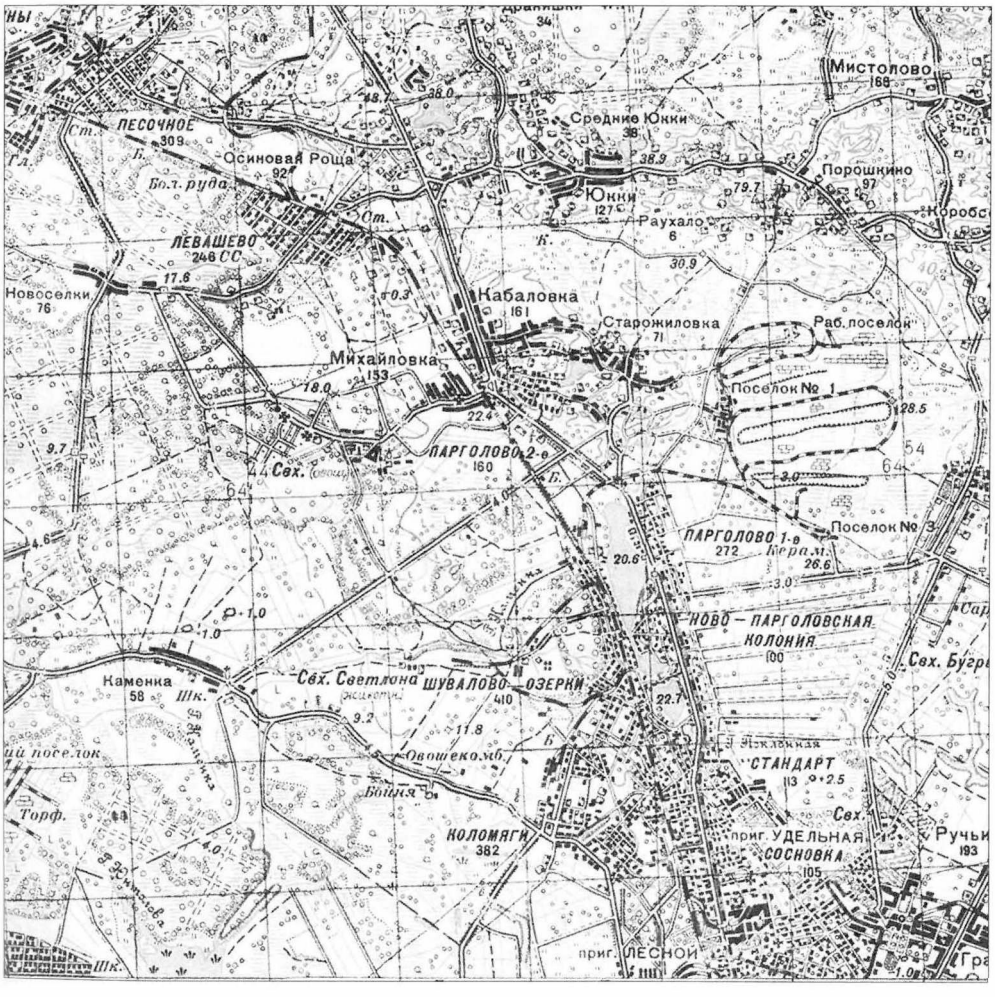
В начале 1919 года на Шуваловскую торфоразработку отправили двести «красных финнов», бежавших из Финляндии от политического преследования. Резкой торфа тогда занимались вручную. Норма составляли 1000 торфяных «кирпичей» на человека, финны перевыполняли ее в полтора раза. Всего за 1919 год на Шуваловском болоте было добыто около 1 млн пудов (16 380 т) торфа.

Настоящей трудовой героической эпопеей стала доставка на шуваловские торфоразработки в феврале 1920 года локомобиля с разработок в Лахте. Люди с помощью веревок три недели тащили машину на себе, в день передвигались примерно на один километр. Обогревались прямо на месте, у костров. Ночевать ходили сначала в Лахту, затем, по мере приближения к месту, на Шуваловские торфоразработки.

Как указывалось в путеводителе Н.Х. Виленской и В.Н. Клычина «На лыжах по окрестностям Ленинграда», изданном в 1930 году, Шуваловские торфяные разработки принадлежали Ленгосторфу. «На производстве “Шувалово” занято 269 человек. Но зимой всякая жизнь здесь замирает, так как на торфоразработках работы производятся только летом, когда к этим местам стягивается несколько сот рабочих. Часть их работает по прокладке осушительных канав, другая – при машинах, которые ставятся на болоте для добычи, резки и спрессовки торфа. Среди сезонников много женщин. Единственная работа, которую туристу интересно наблюдать и зимой, – это перевозка, а главное погрузка сухого торфа, превращенного просушкой в ценное топливо из черной, грязной, добытой из болота массы. Аккуратные кубики горючего материала погружаются (частично при помощи машин) в небольшие, имеющие специальное устройство вагоны и затем отвозятся к работающим на торфу заводам».

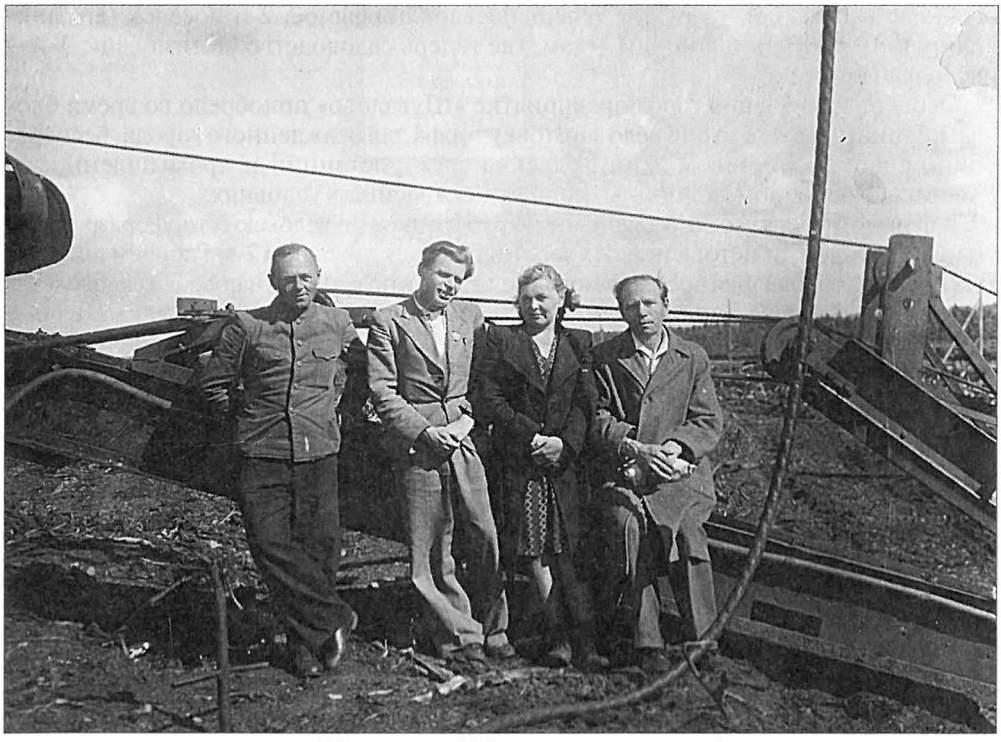
Торфопредприятие «Шувалово» было как будто бы «городом в городе»: здесь все было свое — пекарня, баня, парикмахерская, школа, клуб, медицинское обслуживание.

Рядом с торфоразботками возникли Рабочие поселки, где жили вербованные рабочие с Тамбовской, Рязанской, Псковской и Пензенской губерний. Поселков



На карте, подготовленной Генеральным Штабом Красной Армии в 1940 году, обозначены и узкоколейные линии, ведущие на торфоразработки и отходящие от соединительной ветки, а также два торфяных карьера

Работники торфопредприятия «Торфяное». 1950–1960-е годы. Из фондов музея школы № 469 (поселокТорфяное)



Работники торфопредприятия «Торфяное». 1950–1960-е годы. Из фондов музея школы № 469 (поселокТорфяное)

было несколько: 1-й – там, где теперь поселок Торфяное; 2-й поселок (его ликвидировали еще перед войной) – там, где теперь садоводство «Климовец»; 3-й – несколько южнее.

Особенное значение торфопредприятие «Шувалово» приобрело во время блокады Ленинграда, когда оно вело заготовку торфа для осажденного города, бесперебойно снабжая топливом ленинградские электростанции и промышленность. Работали, в основном, женщины, причем в тяжелейших условиях.

В первую блокадную зиму очень много работников шуваловских торфоразработок умерло от голода, от истощения. Их хоронили во рву в бывшем 2-м Рабочем поселке. В 1970-х годах блокадная братская могила оказалась практически посреди садоводства «Климовец», которое организовали на месте бывшего 2-го Рабочего поселка. В начале 1980-х годов силами торфопредприятия «Шувалово» в садоводстве «Климовец» установили памятник жертвам блокады. Шефство над ним осуществляла школа № 469, расположенная в поселке Торфяное.

Памятник жертвам блокады в садоводстве «Климовец». Из фондов музея школы № 469 (поселок Торфяное)

Учащиеся школы № 469 у памятника жертвам блокады в садоводстве «Климовец».
Из фондов музея школы № 469 (поселок Торфяное)

Учащиеся школы № 469 у памятника жертвам блокады в садоводстве «Климовец».
Из фондов музея школы № 469 (поселок Торфяное)

К сожалению, подвиг «торфушек», достойный самой светлой памяти и высочайшего уважения, до сих пор остается не самой известной страницей блокады Ленинграда. О блокадном мемориале в садоводстве «Климовец» сегодня знают немногие, да и доступность к нему не самая лучшая. Вот почему было бы вполне уместным увековечить подвиг работников торфопредприятия «Шувалово» памятным знаком на территории района новостроек вблизи станции метро «Парнас», тем более, что он непосредственно расположен на тех местах, где в блокаду трудились «торфушки».

В январе 1999 года в петербургском журнале «Нева» были опубликованы мемуары Елены Крапивиной «На болотах. Из записок торфушки».

«Нас, ленинградских женщин, в 1943 году мобилизовали на работу на торфоразработках в Шувалово, – вспоминала Елена Крапивина. – Женщины были в разной степени истощены и казались однолетками – бледные, худые, слабые и голодные.

На нарах сидели и лежали изможденные хмурые женщины, похожие друг на друга и одеждой – ватники, штаны, платки – и каким-то общим отрешенным выражением глаз. И возраст неопределенно-общий, старообразный...

Разбудил стук в дверь и крик: "Эй, бабы, на работу!"

Мы вышли в кромешную сырую мартовскую тьму. У выхода бригадирша сунула мне в руки брезентовые рукавицы и тяжелый лом, и я влилась в строй серых теней, медленно бредущих за бригадиршей. Шли долго по пустынному, покрытому слякотным снегом болоту... Наконец мы пришли на наш участок и приступили к работе — скалыванию полуметрового льда, покрывавшего торфяной слой...

Продолжая беспомощно долбить лед, я думала только – скорее бы кончилась смена, скорее бы пойти в столовую, где хоть и не утолишь волчий голод, зато немного согреешься...

Шли дни, кончался март, и все труднее было добираться до участка, где частично чернел освобожденный от льда торф. Все эти недели не отличались одна от другой – ночная смена, столовая, нары и опять болото, болото...

Ленинградские плакаты военного времени.

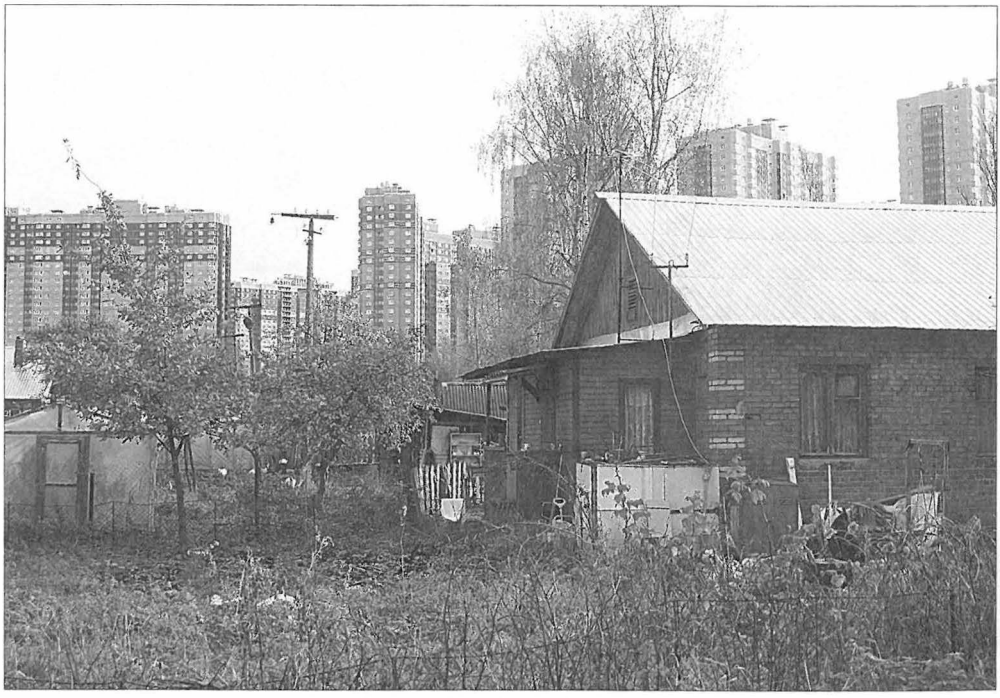
В апреле все болота окончательно развезло. Начальство настелило мостки между бараками. На работу мы ползли еще медленнее, утопая в грязи. Наши ватники и шинели стали еще тяжелее от влаги. Лед был почти весь уже сколот, и на болоте появились багеры – машины для выбрасывания на поверхность торфяных пластов, которые мы разравнивали лопатами для просушки. Работать было уже полегче...».

За ударную работу в годы Великой Отечественной войны 250 работников предприятия были награждены правительственными наградами. В марте 1944 года торфопредприятие «Шувалово» выполнило план вывоза торфа на 150 %. За достижение трудовых успехов предприятию было присуждено переходящее Красное знамя треста «Ленгосторф» и Обкома союза рабочих торфяной промышленности.

«Торфопредприятие "Шувалово" в 1951–1952 годах коренным образом изменило технологический процесс добычи торфа, полностью провело работу по замене старых малопроизводительных машин новыми высокопроизводительными, в связи с чем высвободилось большое количество людей, занятых на торфопредприятии, резко возросла производительность труда и снижена себестоимость тонны добываемого торфа», – сообщалось в районной газете «Ленинское слово», издававшейся Парголовским райкомом партии и Райсоветом депутатов трудящихся.

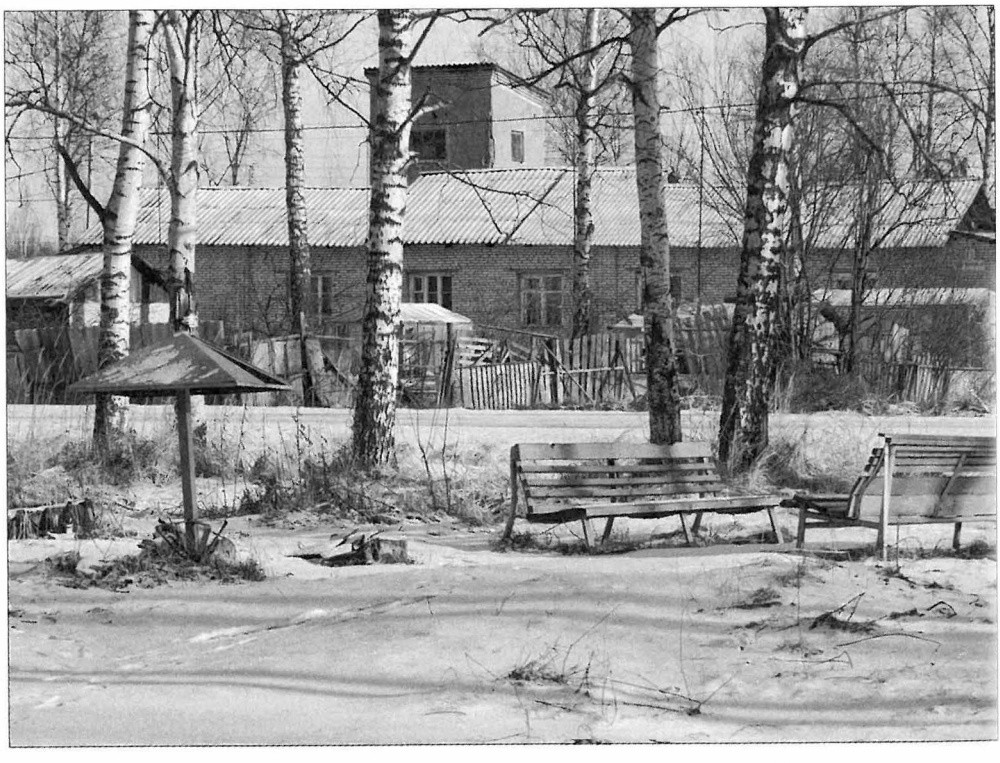
Там же указывалось, что в 1952 году по сравнению с 1951 годом себестоимость добычи торфа были снижена на 38,4 %, вывозки торфа – на 48,1 %. Рабочие торфопредприятия внесли 19 рационализаторских предложений, из которых 11 были внедрены в производство с годовой экономией в 15,3 тыс. руб.

Со временем запасы торфа на территории шуваловских разработок истощались. Кусковой торф закончился в конце 1950-х годов. Стали добывать фрезер – торфяную пыль: сначала для отопления, потом – для удобрения. Торфопредприятие уже не могло обеспечить работой всех жителей поселка: приходилось поступать на ленинградские предприятия. А в начале 1980-х годов залежи торфа были практически полностью исчерпаны.

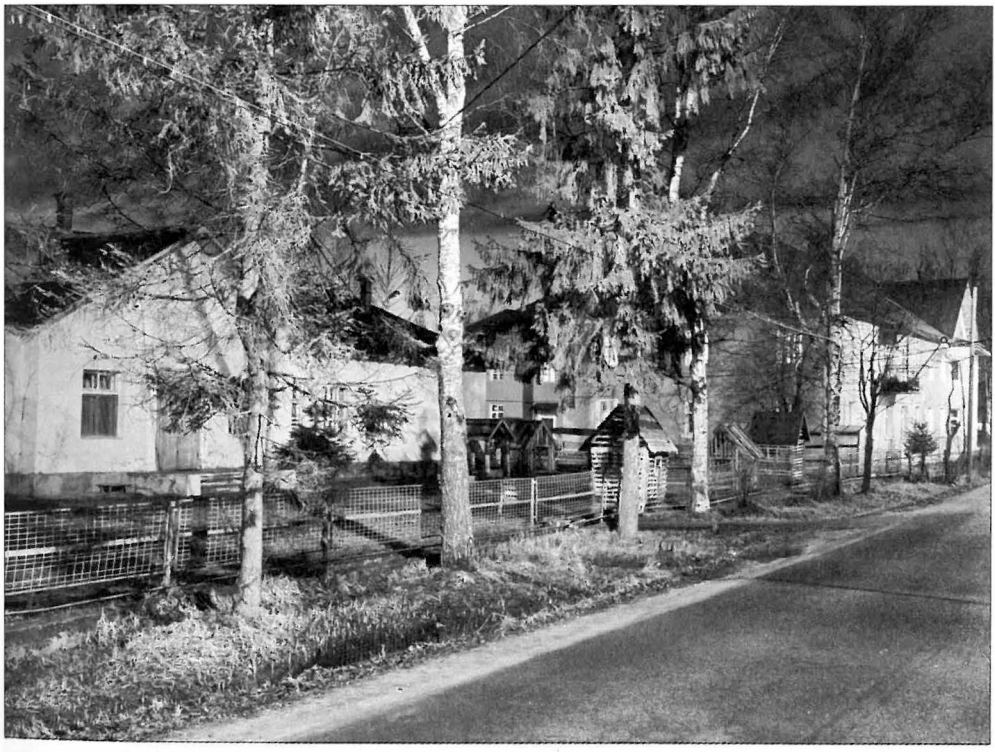


Один из бывших бараков в поселке Торфяное, 34, за несколько лет до сноса. Октябрь 2013 года. Фото автора

Виды поселка Торфяное в середине 2000-х годов. Фото Александра Овсянко



Виды поселка Торфяное в середине 2000-х годов. Фото Александра Овсянко



Виды поселка Торфяное в середине 2000-х годов; на верхнем фото – руины столовой. Фото Александра Овсянко

Виды поселка Торфяное в середине 2000-х годов. Фото Александра Овсянко

По воспоминаниям жителей Торфяного, в послевоенные десятилетия поселок отличался практически идеальным порядком. Дороги были земляные, по бокам – деревянные тротуары. Вдоль улиц — всегда чистые канавы. Весной и летом поселок утопал в цветах. У столовой был разбит красивый маленький парк с прудиком, где плавали белые лебеди. В центре стоял памятник Ленину, бетонный постамент от которого был цел до недавнего времени.

В 1968 году в Торфяном была построена средняя школа. В поселковом клубе действовали кружки художественной самодеятельности: хоровой, танцевальный, театральный. В клубе показывали новинки кино еще раньше, чем они шли в кинотеатрах Ленинграда. Выступали знаменитые артисты – Бен Бенцианов, ВИА «Дружба», Юрий Антонов, начинающий Виктор Цой, приезжали цирковые труппы.

«Наш поселок Торфяное был очень спортивный. У нас много было спортсменов, мастеров спорта, чемпион СССР по лыжам. Когда я была маленькая, для нас родители вырыли пруд, чтобы мы не ходили на карьер (он находился на том месте, где теперь дом № 25 по улице Михаила Дудина). В пруду мы купались всем двором, а зимой там заливали каток. Стадион у школы соорудили ребята нашего поселка, выпускники нашей школы. Собрались после работы вечером. Дружно, ловко, с большим энтузиазмом!..

У клуба была наша любимая волейбольная площадка – там день и ночь проходили игры и взрослых, и детей. Для ребят была также сделана детская площадка и большие качели, где собирались все жители поселка – и дети, и взрослые», – вспоминает Лидия Ивановна Таранина, педагог школы № 469, проработавшая в ней 40 лет.

К концу XX века становилось очевидным, что город вскоре «перешагнет» через соединительную линию железной дороги и придет в окрестности Торфяного. В июне 1995 года мэрия Петербурга утвердила Проект детальной планировки района, который же тогда получил название «Северная долина», с разграничением на кварталы и проектированием основных магистралей, включая дугообразную Центральную районную магистраль и Главную улицу (согласно плану она должна была проходить от Верхней улицы на север). Предусматривалась и привязка к станции метро «Парнас». Согласно проекту, на территории «Северной долины» предполагалось развивать строительство малоэтажного элитного жилья.

По различным причинам проект остался на бумаге. Тем не менее, развитие территории оставалось насущным вопросом, она входила в перечень земель, отведенных под строительство жилья согласно постановлению правительства Петербурга от 22 июня 2004 года. Исходя из положений этого документа, квартал планировалось выставить на торги еще в конце 2005 года.

Из-за отсутствия инженерных сетей и градостроительной документации проведение аукциона постоянно откладывали. В итоге городская администрация пошла по другому пути. В феврале 2006 года она утвердила постановление «О комплексном освоении территорий в целях жилищного строительства». Согласно нему, победители торгов по выставляемым в рамках данного документа лотам должны самостоятельно готовить градостроительную документацию и возводить инженерные сети.

В 2007 году состоялись торги, в ходе которых за право строить жилье в квартале «Северная долина» соревновались восемь компаний, шесть из которых представляли интересы московского бизнеса. Несмотря на рекордно высокую стартовую цену лота, желающих осваивать землю нашлось немало, в результате чего ее стоимость подскочила почти в 12 раз. Покупателем стала компания «Главстрой-СПб», входящая в структуру московской корпорации «Главстрой». Руководство компании заверяло, что оно готово воплотить в жизнь идею разумного развития новых районов крупных мегаполисов и международный опыт комплексного освоения подобных территорий.

В мае 2009 года строители торжественно вбили первую сваю первой очереди «Северной долины». Застройка началась со стороны станции метро «Парнас», с квартала № 15.

Эскизный проект малоэтажного района «Северная долина», 1995 год. Редкая для петербургской планировки полукруглая улица, огибающая парк, перекочевала в проект «Северной долины», который был осуществлен в 2010-х годах, и получила название в честь композитора Валерия Гаврилина

«Долгое время петербуржцы дивились уникальной ситуации – Московско-Петроградскую "синюю" ветку метрополитена протянули практически "в никуда", – говорилось в мае 2009 года в «Санкт-Петербургских ведомостях». – И вот с полуторагодовалым опозданием началось освоение парнасских пустырей... Как это часто бывает в Петербурге, строительство жилого квартала предполагает снос уже существующих объектов. Так, планируется сравнять с землей 8973 гаража... На территории будущего жилого квартала вдоль проспекта Энгельса располагается также несколько объектов "малого автомобильного бизнеса". По плану застройки, их также предстоит снести».

Большинство зданий, возведенных здесь, имеют высоту 26 этажей. Надо отдать должное застройщику: район отличается стилистическим архитектурным единством. Дабы продолжить «идейную линию» Парнаса, в оформлении зданий и дворов также использованы античные мотивы.

Что же касается названий новых улиц, то они продолжили топонимическую традицию этой части Выборгского района: улицы в новостройках здесь названы в честь деятелей искусства и культуры. Следуя этому принципу, в 2010 году улицы в новом районе были названы в честь поэтов Михаила Дудина и Николая Рубцова, писателя Федора Абрамова, композитора Валерия Гаврилина.

«Существует некоторая смысловая перекличка между «общекультурной» направленностью топонимии северных районов и Парнасом, – считает краевед Андрей Рыжков, член городской топонимической комиссии. – Вряд ли именно его принимали в расчет, когда улицам северных новостроек присваивали имена писателей, художников, поэтов, архитекторов, однако сейчас сложившийся топонимический ансамбль очень хорошо гармонирует с этой старинной "естественной" доминантой...»

Символическое торжественное открытие улицы Михаила Дудина состоялось 20 ноября 2012 года – в день рождения поэта и накануне праздника Архангела Михаила. «Память о таких редкостных людях, как Михаил Александрович Дудин, должна быть хранима городом», – сказал во время открытия улицы петербургский писатель Михаил Николаевич Кураев. В рамках церемонии на доме № 23 по улице Дудина открыли мемориальную доску, посвященную поэту-фронтовику.

Из общего ряда названий выбивается лишь Заречная улица: ее название можно считать историко-географическим, оно связано с тем, что она проходит за речкой Старожиловкой. В конце 2016 году в новостройках Парнаса появился Толубеевский проезд, в честь актеров Юрия и Андрея Толубеевых. Летом 2017 года в юго-западной части нового района названия были даны еще двум магистралям: там появились Брюлловская улица (в честь братьев Брюлловых – архитектора Александра и художника Карла) и улица Архитектора Белова – в честь ленинградского зодчего Виктора Белова, много строившего после войны на Выборгской стороне.

Тогда же возникла мысль установить на улице Михаила Дудина памятник поэту. В начале июня 2017 года возле дома № 23 был торжественно установлен закладной камень. Однако на деле памятник Михаилу Дудину установили совершенно в другом месте – возле дома № 8 по Большой Посадской улице, в котором он прожил больше 30 лет. Авторами монумента – бронзовой фигуры, установленной на гранитном валуне, – стали Надежда Вострикова и Павел Шевченко. Церемония открытия памятника состоялась 30 ноября 2018 года. Увы, про планы установить памятник Михаилу Дудину на Парнасе практически никто и не вспомнил...

Больше чем за десять лет вокруг станции метро «Парнас» образрвался практически огромный город, появившийся с нуля. Бóльшую его часть занимают кварталы, построенные компанией «Главстрой-СПб» и имеющие официальное название «Северная долина». Но обитатели района чаще всего называют его «Парнасом». Коренных петербуржцев среди жителей района, пожалуй, меньшинство. В основном,

Строительство улицы Валерия Гаврилина. Август 2014 года. Фото автора

Строительство улицы Николая Рубцова. Июнь 2014 года. Фото автора.

здесь покупали квартиры те, кто переехал в северную столицу из самых разных регионов России – от Калининграда до Хабаровска. Многие приехали с Севера, из Сибири, с Дальнего Востока.

«Все то плохое, что зачастую можно услышать про наш район, – не более чем стереотипы, – считает местный муниципальный депутат Наталия Крисятецкая (кстати, она переехала в Петербург из Великого Новгорода). – Причем главный их распространитель – это блогер и урбанист Илья Варламов, назвавший Парнас «одним из худших районов в России» и сравнивший его с гетто. Разумеется, у него есть право на собственное мнение, но с ним нельзя согласиться, когда он выдает его за единственное верное и научно обоснованное...

Печально еще и то, что некоторые жители начинают смотреть на окружающее пространство его глазами. Между тем социологи, проведя на территории Парнаса исследования в рамках проекта «Живые массивы», отмечают, что тезисы, которые озвучивают СМИ с подачи Варламова, достаточно просто опровергаются. Здесь вовсе не «скопище» маргиналов, купивших квартиры в кредит: наоборот, достаточно много успешных людей, достаточно неплохо финансово обеспеченных. Жители активные, творческие, интересующиеся, есть "соседские" сообщества...».

Едва ли не самая главная беда нового района в том, что он представляет собой каменные джунгли. В процессе освоения территории вся прежняя растительность была ликвидирована, а саженцы-кустики плохо приживаются на здешних почвах, тем более в условиях очень сильных ветров, которые почти постоянно царят на Парнасе, продувая район практически полностью.

Спасает ситуацию лишь то, что Шуваловский парк – совсем неподалеку. Но и для парка соседство подобного района стало достаточно непростым испытанием: такой антропогенной нагрузки, как теперь, он прежде никогда не испытывал... Своего рода альтернативой может стать парк «шаговой доступности», запланированный

на пустыре между полукруглой улицей Валерия Гаврилина и будущим продолжением Заречной, на месте бывших торфоразработок. Посреди него небольшое живописное озерцо, в которое впадает ручей.

Итоги открытого конкурса на создание здесь парка были подведены в феврале 2018 года. Площадь территории 10,8 га, что вполне сопоставима с Летним садом или Марсовым полем. Лучшей концепцией жюри признало работу «Северная ветвь» петербурженки Полины Гуляк. Она предложила устроить в южной и северной частях парка площадки для мероприятий и выставок. Их свяжет широкий мощеный бульвар, огибающий искусственный холм-амфитеатр. Ближе к домам появятся газоны, спортплощадки, пруд и скейт-парк. Примерно пятую часть территории займут деревья, сохранится и существующее ныне водное пространство.

Представители компании «Главстрой-СПб» заверяли, что к активной фазе благоустройства приступят в 2019 году, а весь объем работ завершат за три года. Однако этого не произошло. Надо отдать должное активным жителям Парнаса: летом 2020 года они решили сами взять дело в свои руки. Инициативные граждане провели несколько субботников, на собранные деньги было вывезено полсотни мешков бытового мусора. Хотя территория будущего парка осталась диким местом, она стала по крайней мере более-менее чистой. И у жителей отношение стало меняться: летом тут занимались спортом, выходили с детьми как на пляж, даже палатки ставили...

Еще одна форма местной активности – исследовательский архитектурно-градостроительный проект «Чего хочет Парнас?». Его создали три молодых архитектора: Надежда Герасимова, Мария Левченко и Антон Николаенков, закончившие Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (бывший ЛИСИ). Для начала участники команды запустили онлайн-голосование местных жителей, чтобы понять, чего им не хватает. Выяснилось самое очевидное: в первую очередь – зелени и прогулочных зон. Площадки для маленьких детей есть, а для подростков – нет.

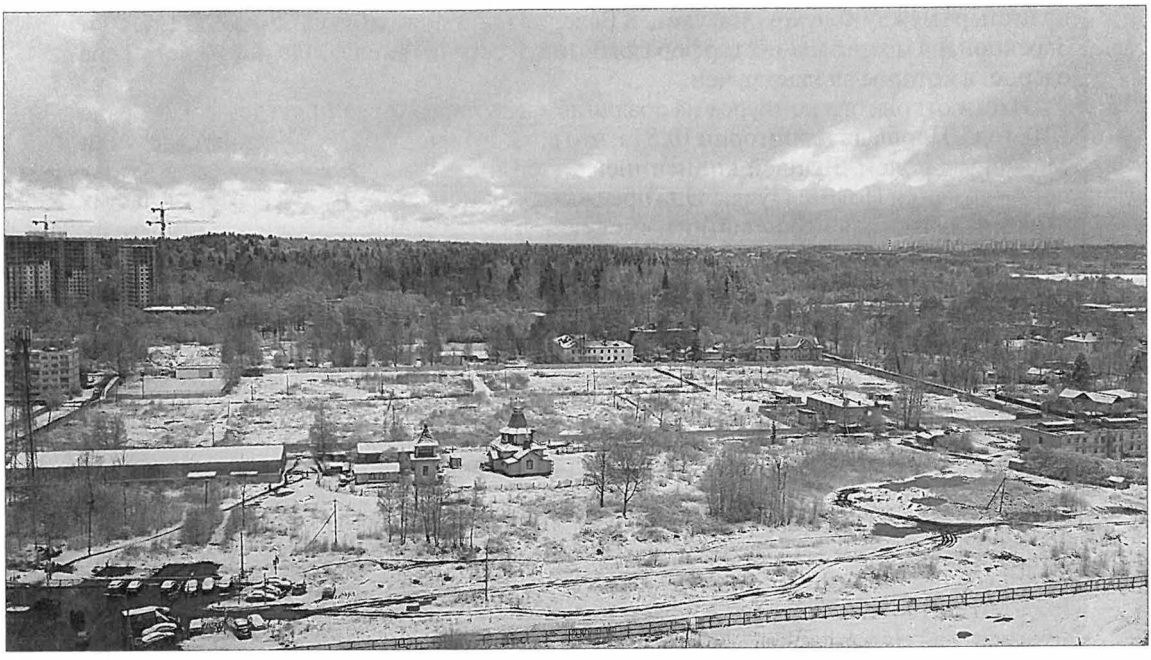
Первым проектом группы «Чего хочет Парнас?» стал соседский фестиваль «Активация!» во дворе дома по улице Федора Абрамова, 19, проведенный осенью 2019 года. «Исходя из принципа тактического урбанизма – минимизировать расходы на дальнейшую эксплуатацию – мы сделали особое оборудование для детской площадки и улицы, состоящее из набора интерактивных элементов», – рассказал Антон Николаенков. Вторая работа команды трех архитекторов – участие в проектировании сквера на Заречной улице.

Отзывы о том, как живется на Парнасе, можно услышать самые разные. Вот лишь некоторые из них, собранные автором осенью 2020 года при подготовке публикации в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

«Живу на Парнасе с осознанным удовольствием, – отметил председатель гильдии фотожурналистов Союза журналистов Санкт-Петербурга Андрей Чепакин. – С моего 22-го этажа из окон весь город виден. Да, недочетов в районе много, но планировка здесь достаточно продуманная, дома не стоят вплотную, как где-нибудь в Кудрово и Мурино. Про архитектуру говорить не буду: мне по душе больше скандинавский стиль, но здесь тоже достаточно приятно...».

«Живу на Парнасе уже пять лет и, честно говоря, хочу покинуть этот район,– сказал предприниматель Александр Седунов. – Во-первых, все-таки далеко от центра. Во-вторых, за прошедшее время здесь не стало больше зелени. Тут элементарно негде гулять, а до Шуваловского парка мне далеко. И, в-третьих, лично на меня гнетущее впечатление производит высотность зданий. Конечно, на фоне Девяткино, Шушар и Кудрово, застроенных «человейниками», Парнас – не самое плохое место, но мне здесь все-таки не очень комфортно».

И, наконец, мнение заместителя директора мемориального музея «Разночинный Петербург» Елены Хрустовой: «Живу в этом районе с 2013 года. Не скрою, переселялась из центра города с опаской. Мне казалось, что только там может быть удобная



Вид на территорию поселка Торфяное: на месте снесенных бараков жителей торфопредприятия готовится новое строительство. Видна возведенная в 2015 году деревянная церковь во имя Святых Мучеников младенцев Вифлеемских. Апрель 2021 года. Фото автора.

развитая инфраструктура, а на окраинах либо ее нет вообще, либо недостаточно для делового или творческого человека. К моей радости, опасения не оправдались. Сегодня здесь практически все есть в шаговой доступности. И люди интересные, есть даже своя футбольная команда “Парнас” и музыкальная группа “Северная долина” с песнями о Парнасе»...

Г.А. Исаченко

ПРИРОДА И ИСТОРИЯ ЗАКАЗНИКА «СЕВЕРНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ НЕВСКОЙ ГУБЫ»

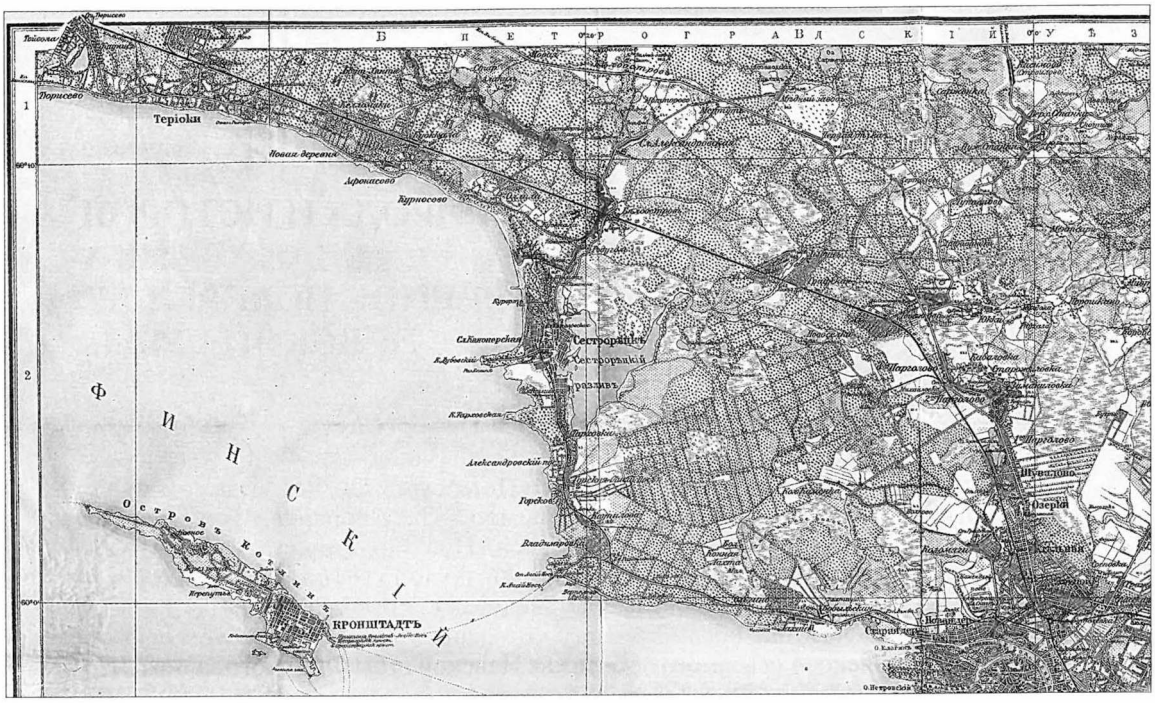
Природный заказник «Северное побережье Невской губы» – один из интересных, но не слишком известных уголков Петербурга. Он был создан в 2009 году на части территории бывшего Северо-Приморского лесопарка в Приморском районе города, между станциями Ольгино и Лисий Нос. Территория заказника (площадь 330 га) протягивается полосой до 5 км в длину и до 1 км в ширину между Приморским шоссе и берегом Финского залива. Заказник как особо охраняемая природная территория (ООПТ) был образован с целью сохранения и восстановления ценных природных комплексов северного побережья Невской губы Финского залива. Что же это за природные комплексы?

Совсем недавно по геологическим меркам (примерно 8,5–4, по некоторым данным до 3 тысяч лет назад) на месте «Северного побережья Невской губы» было дно Литоринового моря – одного из морей, предшествовавших современной Балтике после таяния Валдайского ледника. После отступания Литоринового моря часть его дна стала так называемой Литориновой террасой – равниной, ограниченной с севера крутым уступом – бывшим морским берегом. Высота Литоринового уступа в районе Ушково – Серово (недалеко от Зеленогорска) достигает высоты почти 30 м, но в районе Ольгино – Лисий Нос этот уступ почти не сохранился.

На Литориновой террасе параллельно современной береговой линии Финского залива протягиваются древние береговые валы – пологие гряды шириной до 200 м и относительной высотой до 2,5 м. В восточной части заказника, ближе к мотелю «Ольгино», можно насчитать до пяти параллельных гряд. В западной части ООПТ, ближе к Лисьему Носу, некоторые гряды сливаются между собой. Приморское шоссе также проложено по одному из древних береговых валов. Пространства между грядами – это пологие понижения, в основном заболоченные и осушенные в прошлом веке многочисленными дренажными канавами, которые выведены в Финский залив. На грядах растут леса в основном из ели и сосны, в понижениях больше всего березы. В наиболее заболоченных местах обильна черная ольха – дерево, когда-то широко распространенное на всех островах в устье Невы. Наиболее примечательная особенность заказника то, что в его прибрежной части растут широколиственные деревья: дуб, липа, ясень, вяз, клен и сопутствующий им кустарник лещина (орешник).

Заказник имеет очень богатую флору: 521 вид сосудистых растений, 123 вида мохообразных, 189 видов лишайников и 714 видов грибов. Фауна позвоночных животных представлена 32-мя видами млекопитающих, 183-мя видами птиц, одним видом пресмыкающихся и четырьмя видами земноводных.[1]

[1] Природа заказника «Северное побережье Невской губы» / Ред. Е.А.Волкова, Г.А.Исаченко, В.Н.Храмцов. СПб. 2020.



Фрагмент карты окрестностей Санкт-Петербурга Ю. Гаша. 1909 год. Из книги: Санкт-Петербург. Планы и карты. СПб. 2004

Вдоль побережья Невской губы протягивается современный береговой вал, ширина которого составляет 10–60 м, а относительная высота – 1,5 м. Вал очень живописен благодаря растущим здесь многочисленным старым дубам; диаметр некоторых из них превышает 1 м, а возраст – 200 лет. Некоторые дубы еще старше – более 300 лет. Часть дубов была высажена в начале XVIII века в усадьбе Петра I «Ближние Дубки» (о которой речь ниже), а другие, как считается, выросли без помощи человека благодаря мягкому микроклимату побережья. В последние десятилетия молодых дубков становится все больше за счет потепления климата.

Еще 30 лет назад на побережье залива в пределах нынешнего заказника были песчаные пляжи. Однако в результате изменения гидрологического режима северной части Невской губы после сооружения комплекса по защите Санкт-Петербурга от наводнений («дамбы») мелководья почти полностью заросли тростником и камышом, а пляжи превратились в луга с высокотравьем, среди которого встречаются виды растений, занесенные в Красные книги Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Мелководье продолжает зарастать, несмотря на периодические сгоны и нагоны воды, и здесь, в «земноводной» полосе шириной более 600 м, находят приют многочисленные виды водоплавающих и околоводных птиц.

В состав заказника «Северное побережье Невской губы» входит остров Верперлуда, расположенный примерно в 450 м от берега. Название острова, по-видимому, происходит от названия деревни Верпелево, располагавшейся несколько восточнее поселка Лисий Нос, и «луда» (от финского luoto) – маленький островок: второе значение этого слова – выступающий из воды камень). Максимальный поперечник острова – 300 м. Бóльшая его часть низкая и затапливается при нагонах. С трех сторон (кроме северной) остров окаймляет береговой вал шириной до 40 м. Остров в основном покрыт лесом из черной ольхи, черемухи и ивы. Бывшие здесь песчаные пляжи почти полностью заросли, как и на материковом побережье. Все пространство

между островом Верперлуда и берегом занимают заросшие мелководья, и чистая вода сохраняется только в «канале», который поддерживают владельцы катеров и лодок, базирующихся в поселке Поляны.

Интересно, что остров Верперлуда отсутствует почти на всех картах, напечатанных в XIX – первой половине XX века. Исключение составляет карта 1831 года и несколько карт конца XIX века. На одной их них остров нанесен более чем на 1 км восточнее современного и значительно меньше его, на другой – остров имеет сильно вытянутые очертания, совершенно не похожие на современные. Объяснить такие «разночтения» в картах можно тем, что остров часто изменял свои очертания из-за размыва волнами и намыва песка. Кроме того, при проведении топографической съемки с берега остров могли «не замечать» за густыми зарослями тростника и камыша.

Территория заказника «Северное побережье Невской губы» и его окрестности имеют довольно богатую историю. Земли по северному берегу Невской губы Финского залива, заселенные преимущественно прибалтийско-финскими племенами, были закреплены в составе владений Великого Новгорода согласно Ореховецкому мирному договору с Швецией, заключенному в 1323 году.

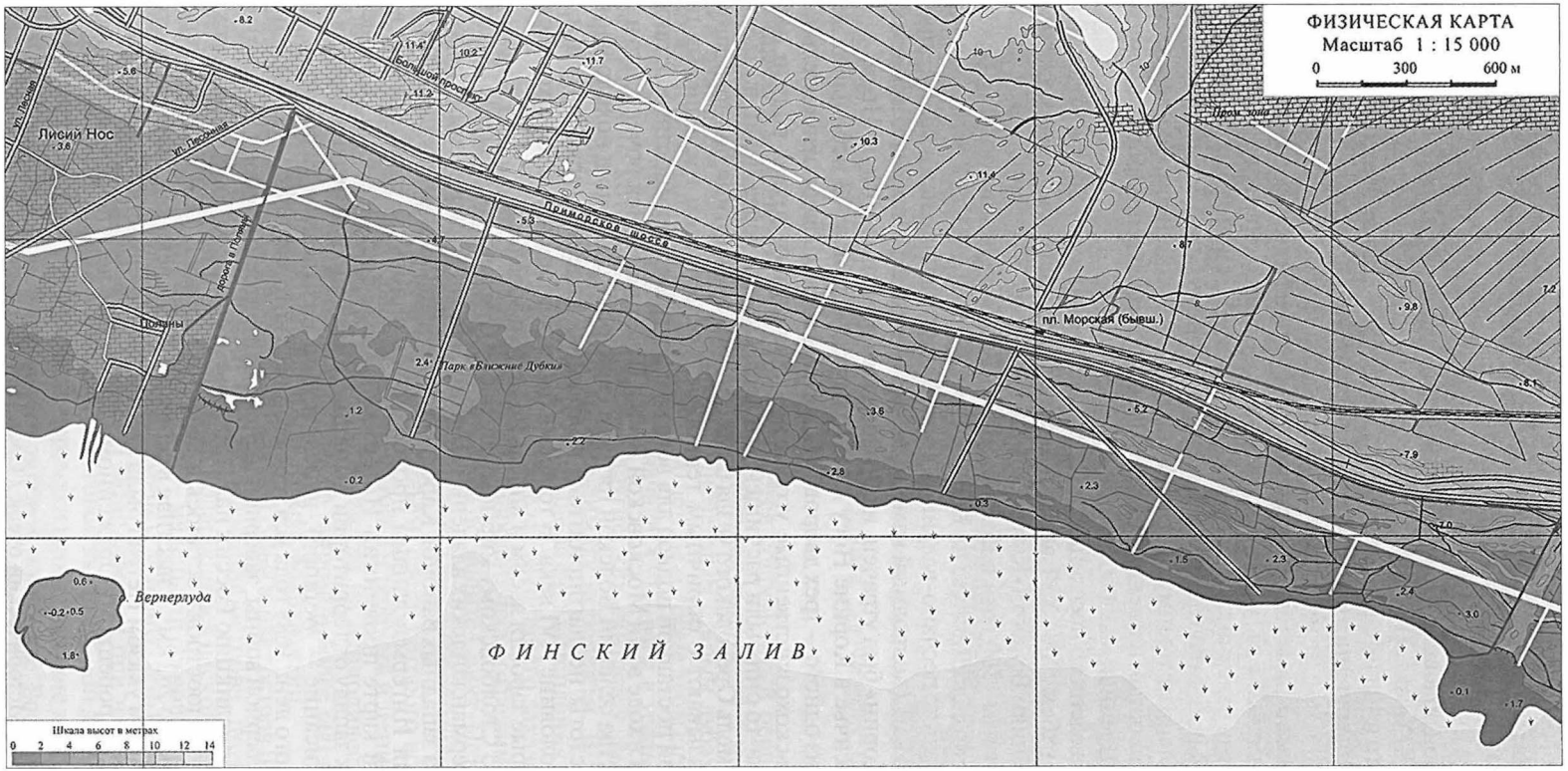
Первые сведения о поселениях в Приневье (входившем в состав Водской пятины) относятся к рубежу XV–XVI веков, когда новгородские земли были уже присоединены к владениям Великого Княжества Московского. В Переписной окладной книге Водской пятины 1500 года в Воздвиженско-Корбосельском погосте Ореховского уезда записано село Лисичье на Корине Носу. Считается, что Корин (Карин) Нос – местное название песчано-валунной косы, далеко вдающейся в залив – произошло от финского kari (подводный камень, мель). Позднее финский по происхождению топоним «Корин» был утрачен, и образовалось название «Лисий Нос».

Село Лисичье в Корине Носу в 1501 году объединило 13 небольших деревень, состоящих из одного – трех дворов.[2] Их жители возделывали относительно плодородные сельскохозяйственные угодья на суглинистых почвах вблизи побережья залива: когда-то они были расчищены от леса. Однако через 70 лет, в 1573 году, при «обыске» земель Ореховского уезда была обнаружена картина полного запустения, которое связывают с опричным террором, увеличением государевых податей, обязательной поставкой подвод для войска и другими повинностями, а также разорением края в ходе войн Московской Руси и Швеции. Не исключено, что в запустении множества селений Водской пятины свою роль сыграло и похолодание и увеличение частоты неблагоприятных природных явлений (градобитий и других) во второй половине XVI века. В то время были заброшены сельскохозяйственные земли, которые заросли лесом и впредь не использовались.

Согласно Столбовскому мирному договору Ореховский уезд в 1617 году вошел в состав ингерманландских владений Швеции. На запустевшие земли переселились крестьяне из западных районов Карельского перешейка и внутренней Финляндии. Финнизация Ингерманландии продолжалась вплоть до начала XVIII века. На Генеральной карте провинции Ингерманландии, составленной А. Андерсином в 1704 году, к западу от территории нынешнего заказника отмечена деревня Varapara (другое написание – Weränpä), впоследствии называемая Верпелево. На карте Нотеборгского лена 1688 года вся территория, о которой идет речь, покрыта лесом.

После Северной войны, завершившейся Ништадтским миром (1721 год) и восстановившей юрисдикцию России над Приневьем, северное побережье Невской губы от Лахты до Белоострова осталось в ведении казны. В 1724 году эта территория площадью около 262 км^2, известная в середине XVIII века как мыза Белоостровская Кирха, именным указом Петра I была приписана к Ведомству путевого дворца царя в Дубках и Сестрорецкому Оружейному заводу. Все леса по северному побережью

[2] Лисий Нос. Исторический очерк / Сост. И.М. Карусева. СПб. ARTDECO. 2001.



Карта территории заказника. Из «Атласа ООПТ Санкт-Петербурга». 2016 год

Остров Верперлуда. Фотография сделана квадрокоптером. 2020 год

Старые дубы на береговом валу. 2018 год. Фото автора

Невской губы и примыкающей к ней части Финского залива (около 700 км^2) были объявлены заповедными. Петр I приказал: «Поставить караул и хранить как око весь лес в окружности до 200 верст. Сей лес нужен для строения и содержания впредь Сестрорецких заводов, на жжение угля и на прочие надобности к долговременному и непременному его действию».[3] По-видимому, этот законодательный акт сохранил леса на территории нынешнего заказника от сведения под сельскохозяйственные угодья.

На северном побережье Финского залива в 1720-х годах были возведены три усадьбы Петра I, получившие названия «Ближние», «Средние» и «Дальние Дубки». «Ближние Дубки» располагались между Лахтой и Лисьим Носом, восточнее деревни Верпелево. Усадьба «Средние Дубки» была примерно в 2 км западнее «Ближних Дубков». От усадьбы сохранилось только несколько старых дубов. Усадьба «Дальние Дубки» – ныне парк «Дубки» в Сестрорецке.

В «Ближних Дубках» в 1723 году, предположительно по проекту архитектора С. Ван Звитена, под руководством капитана И. Алмазова был распланирован регулярный парк прямоугольной формы, размерами примерно 250 × 300 м. Для создания парка был использован участок леса, в котором, кроме черной ольхи, была примесь дуба и мелколиственных пород (березы, ивы); часть деревьев (в основном дубы и липы) были посажены.

В парке под прямым углом были прорыты каналы шириной до 5 м; на пересечении каналов устроен круглый остров. Вода в каналы поступала из пруда, выкопанного в 700 м от побережья залива, на более высоком месте. Остатки этого пруда до сих пор

[3] Цит. по: Лисий Нос. Исторический очерк / Сост. И.М. Карусева. СПб. ARTDECO. С. 13.

сохранились к северу от железной дороги Петербург-Сестрорецк. Между каналами из насыпного грунта сделаны искусственные террасы. После смерти Петра I в 1725 году усадьба запустела. Деревянный дворец Петра I со служебными постройками и оранжереями (располагался в южной части парка, вблизи побережья) сохранялся до середины XVIII века, затем обветшавшие постройки, по-видимому, были разобраны. Планировка парка дошла до нашего времени. В «Ближних Дубках» сохранилось много деревьев в возрасте 150–300 лет (дубы, липы, черные ольхи, березы). Название «Дубки», «Дубовая роща», «Сад Дубовской» и тому подобные фигурируют на всех более или менее детальных картах территории, начиная с середины XVIII века.

Г.Г. Орлов в 1764 году получил из ведомства Канцелярии от строений дворцов и садов мызу Лахту «со всеми к сей мызе и деревнями приписными землями, лесами, сенными покосы и всякими угодьи»; во владения Орлова входила и территория между Лисьим Носом и Лахтой. С 1813 года мызой Лахта владела статская советница К.И. Яковлева. В деревне Верпелево в это время был 21 житель. На топографических картах окрестностей Санкт-Петербурга, выполненных в 1817-м и 1831 году под руководством генерал-лейтенанта Ф.Ф. Шуберта, территория вдоль побережья Финского залива между Лахтой и Верпелево (Верперова Поляна) показана как полностью залесенная; леса на значительной площади были заболочены. На этих же картах показан «Сад Дубовский» – бывшая усадьба «Ближние Дубки», сохранявшая в первой трети XIX веке свою планировку и соединенная прямой дорогой с Сестрорецкой дорогой (впоследствии Приморским шоссе).

В начале лета 1854 года у мыса Лисий Нос развернулось строительство оружейного редута и гавани, которым руководил инженер-полковник И.А. Заржецкий. К весне 1855-го были достроены дамбы, охраняющие гавань от ветров, офицерский дом, хлебопекарня и баня. В этом же году от гавани была проложена дорога до находившейся в 2 верстах деревни Лисий Нос, через которую проходила большая Сестрорецкая дорога.[4] Однако военное строительство не затронуло территорию к востоку от деревни Верпелево в сторону Лахты: она по-прежнему оставалась залесенной и необжитой.

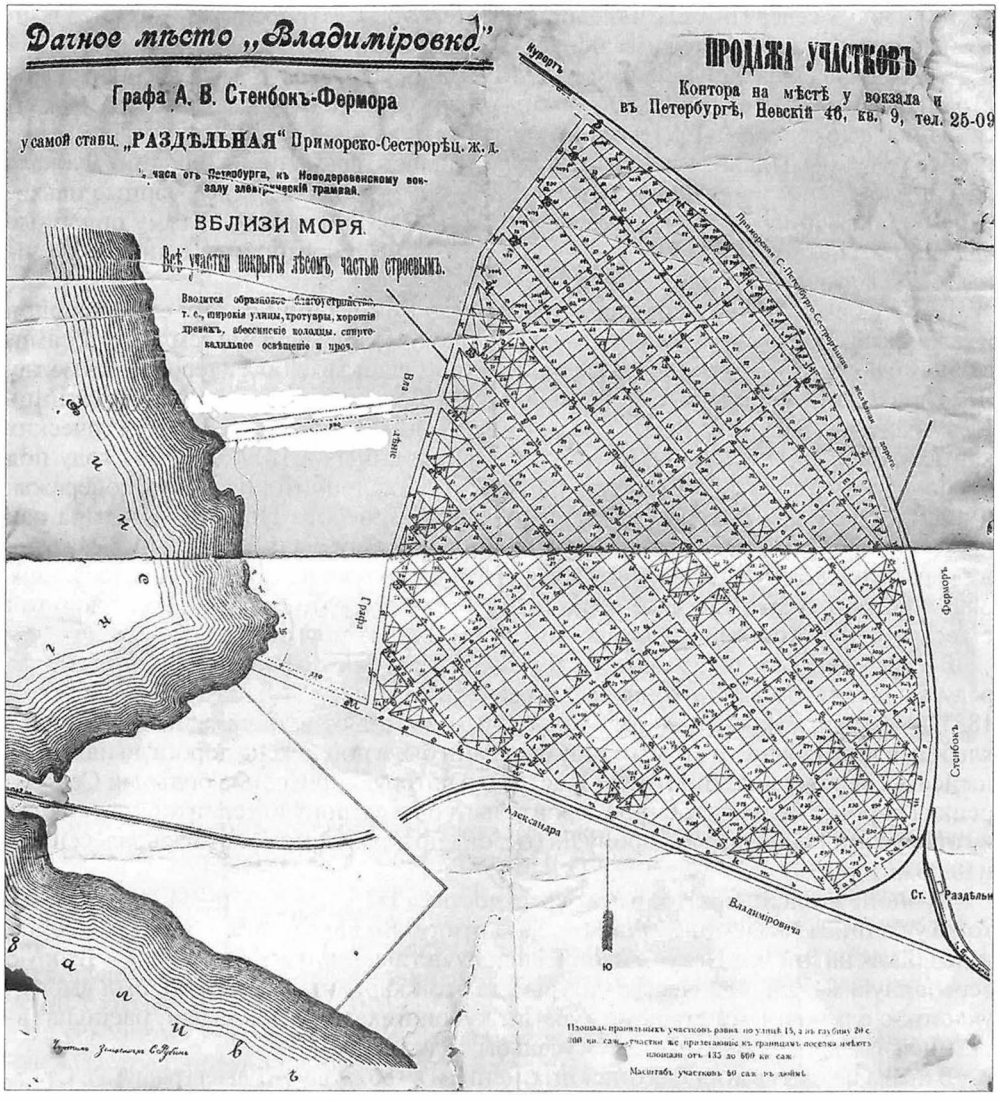
В районе мыса Лисий Нос и его окрестностях в 1856 году работал И.И. Шишкин, тогда учащийся Академии художеств. За картину «Вид окрестностей из Петербурга, или пейзаж на Лисьем Носу» живописец получил академическую награду – Вторую серебряную медаль. В качестве натуры для этой картины, возможно, был выбран участок с одиночными старыми дубами, кустарниками и полянами, располагавшимися в то время вблизи бывшей усадьбы «Ближние Дубки».

В права наследования Лахтинским имением в 1862 году вступил граф А.А. Стенбок-Фермор. Имение состояло из мызы Лахта с деревнями Лахта, Бобыльская, Конная, Верпелево-Дубки и Лисий Нос, общей площадью 49.5 км^2. В деревне Лисий Нос тогда жило 142 человека, в Верпелево-Дубки – 20 человек. Стенбок-Ферморы владели имением вплоть до революции 1917 года.

Вплоть до постройки железной дороги Новая Деревня-Сестрорецк в 1894 году, окрестности Лисьего Носа оставались довольно глухими местами, привлекавшими немногих дачников в летний период. На военно-топографической карте 1863 года показана дорога на Сестрорецк (нынешнее Приморское шоссе), проходившая на протяжении более десятка километров среди непрерывного леса; единственное ответвление от дороги вело к парку «Ближние Дубки».

После открытия железнодорожного сообщения между Петербургом и Сестрорецком началось интенсивное дачное освоение прилегающих территорий. В 1907 году уездная земская управа удовлетворила ходатайство поверенного графа А.В. Стенбок-

[4] Лисий Нос. Исторический очерк / Сост. И.М. Карусева. СПб. ARTDECO. С. 32.



Дачное место «Владимировка».
Из книги: Глезеров С.Е. Лисий Нос. Люди, судьбы, эпоха. СПб. 2010

Фермора «О разрешении разбить на участки и проложить улицы на принадлежащих его доверителю земельных владениях, находящихся в 3-м стане Санкт-Петербургского уезда при селении Лахта с присвоением вновь образуемым поселкам наименований Ольгино, Александровка и Владимировка».[5] Один из поселков – Владимировка – получил имя в память графа В.А. Стенбок-Фермора, он застраивался при железнодорожной станции Раздельная, откуда была проложена 2-километровая ветка до пристани (тогда она называлась станцией Лисий Нос), связывавшей Петербург с Кронштадтом.

[5] Лисий Нос. Исторический очерк / Сост. И.М. Карусева. СПб. ARTDECO, 2001. С. 69–71.

Поселок Владимировка имел характерную прямоугольную планировку. До начала XX века территория к югу и юго-востоку от железнодорожной ветки Раздельная-Лисий Нос оставалась незастроенной. Вся территория нынешнего заказника находилась под лесом; здесь в начале XX века прорыли несколько дренажных канав. Согласно плану лесонасаждений Лахтинской дачи Сестрорецкого лесничества (съемка 1927 года) в пределах территории заказника преобладали береза и ель; имелись участки вырубок, сосредоточенные в основном в восточной части. К юго-западу, югу и юго-востоку от бывшего парка «Ближние Дубки», в полосе шириной до 300 м от побережья располагались сенокосы.

В 1920–1930-е годы интенсивно застраивалась дачами территория между поселком Владимировка (переименован в Лисий Нос) и побережьем Финского залива. В 1932 году была образована пригородная лесопарковая зона Ленинграда с жестко регламентированным режимом лесопользования. С 1938 года в парклесхозах Треста лесопарковой зоны организуются лесопарки, в том числе Северо-Приморский лесопарк на территории между станциями Ольгино и Лисий Нос. По-видимому, еще в предвоенные годы в лесопарке начались осушительные работы в заболоченных понижениях между древними береговыми валами, где произрастали низкорослые леса, в основном с преобладанием березы. В результате создания осушительной сети здесь начали формироваться высокопродуктивные леса из березы, ели и сосны, которым сейчас 70–90 лет.

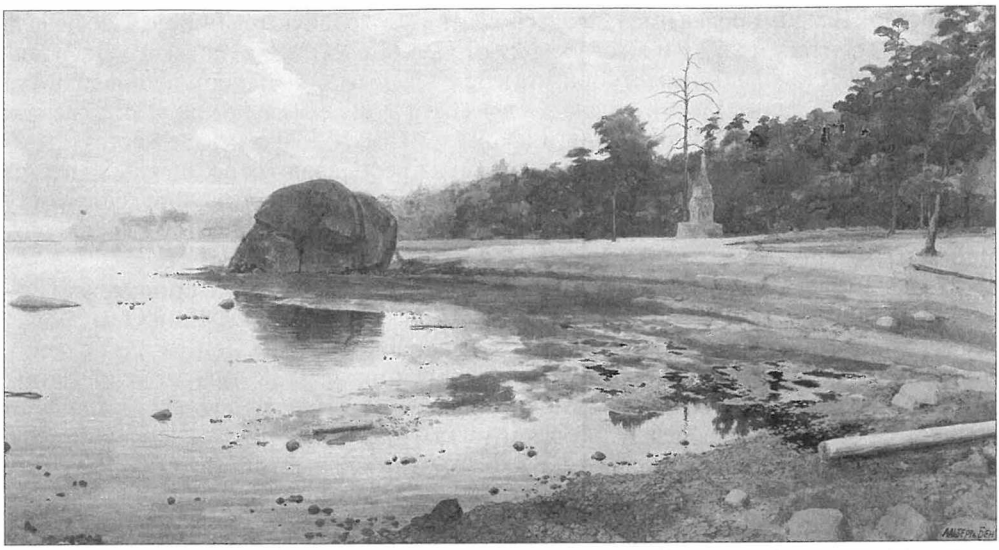
В годы Великой Отечественной войны леса Северо-Приморского лесопарка подверглись рубкам. На германском аэрофотоснимке 1942 года хорошо виды две сплошные вырубки треугольной формы, расширяющиеся к побережью залива: по всей видимости, это сектора обстрела артиллерийских позиций, размещенных вблизи линии электропередач.

За годы войны население близлежащих поселков резко сократилось. К концу 1945 года в Лисьем Носу проживало 1635 человек, в Морских Дубках (поселок западнее Верпелево) – 87, в Полянах (бывшее Верпелево) – 35 человек.

В Лисьем Носу в 1950-е годы было развернуто строительство военных городков. Восточнее поселка Поляны располагались закрытые позиции 152-мм орудий. В ходе оборудования позиций был вырублен участок леса, в том числе старые дубы, изменен естественный рельеф, насыпан грунт. Впоследствии строительство прекратилось, и военный объект, по всей видимости, не действовал в полную силу. Часть территории бывшего военного городка, площадью около 8 га, вошла в состав ООПТ. Здесь сохранились многочисленные подковообразные укрытия из грунта и бетона, высокие насыпи для дорог, искусственные водоемы и так далее.

Решением Исполкома Ленгорсовета в 1957 году поселки Дубки и Поляны, близлежащие к территории заказника, были включены в черту рабочего поселка Лисий Нос. В 1970 году поселок Лисий Нос с населением 11 тыс. человек (до войны было 18 тыс. жителей) был подчинен Сестрорецкому райсовету.

Вокруг Ленинграда в 1945 году была выделена зеленая зона города, в границы которой вошла и ранее образованная лесопарковая зона. В начале 1960-х годов площадь Северо-Приморского лесопарка определялась в 466 га. Он был предназначен для кратковременного прогулочного отдыха приезжающих сюда ленинградцев, жителей ближайших поселков, а также транзитных посетителей, следующих в курортную зону города. В лесопарке продолжались работы по осушению и благоустройству, начатые в довоенный период. Особую заботу о Северо-Приморском лесопарке проявлял А.А. Сизов, бывший председателем Исполкома Ленгорсовета в 1966–1973 годах. По его инициативе на перегоне между железнодорожной платформой Ольгино и станцией Лисий Нос была сооружена платформа «Морская» (в некоторых кругах ее именовали «Сизовкой»), а от нее проложена «диагональная» асфальтированная дорога к берегу залива протяженностью более 1 км. В лесопарке появились дорожки для пешеходных и велосипедных прогулок, обустроенные места



Вид часовки в Лахте. Художник Альберт Бенуа. 1920 год. Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Опубликовано в книге: Савинова Е.А. Альберт Бенуа. М. 2016

отдыха, скамейки, спортплощадки. В это же время в лесопарке высадили много широколиственных деревьев, в том числе дубы по обеим сторонам дороги, ведущей к бывшей усадьбе «Ближние Дубки». Сооружен парковый павильон-беседка в ложноклассическом стиле на одной из дорожек, ведущей от платформы Морская к заливу. К началу XXI века павильон сильно обветшал и до настоящего времени не сохранился.

Площадь Северо-Приморского лесопарка к 1983 году увеличилась до 615 га, он входил в состав Сестрорецкого парклесхоза. К востоку от лесопарка был возведен комплекс мотеля-кемпинга «Ольгино». В 1980–1990-е годы нагрузки отдыхающих на территорию увеличились, в том числе и за счет увеличения интенсивности движения по Приморскому шоссе, ставшему на отрезке от Лахты до Сестрорецка частью международной трассы «Скандинавия». В этот же период на северном побережье Невской губы начали сказываться последствия сооружения Комплекса защиты Ленинграда от наводнений, начатого в конце 1970-х годов. Практически полное перекрытие северного фарватера Невской губы на участке между Горской и островом Котлин (при увеличении объема поступающих в акваторию загрязненных городских стоков) привело к изменению характера течений, ухудшению качества воды, активизации зарастания мелководий, резкому сокращению площади песчаных пляжей. На качестве воды вблизи северного побережья Невской губы негативно сказалось также устройство выпуска Северных очистных сооружений, работающих с 1986 года западнее поселка Ольгино. Трасса выпускного коллектора очистных сооружений служит восточной границей заказника «Северное побережье Невской губы».

В результате значение побережья Финского залива на участке от Лахты до Горской, как места для пляжного отдыха, было практически полностью утрачено к концу XX века. В то же время увеличение площади водных зарослей на мелководьях Невской губы стало привлекать сюда больше водоплавающих птиц, в том числе редких и охраняемых видов.

Социально-экономический кризис 1990-х годов не обошел стороной и район Лахты – Лисьего Носа, вошедший к тому времени в состав Приморского района Санкт-Петербурга. Платформа Морская была закрыта за «нерентабельностью».

Существенно сократилось финансирование мероприятий по уходу за Северо-Приморским лесопарком: здесь появились участки с обилием сухостоя и поваленных деревьев; во многих местах засорилась дренажная сеть. В отсутствии действенного контроля со стороны лесной службы на территории велись пиратские рубки спелых деревьев (особенно вблизи Приморского шоссе), устраивались свалки мусора. Побережье Финского залива, хотя и практически недоступное для купания (но зато доступное для автомашин), стало местом проведения массовых мероприятий (корпоративных пикников и тому подобных), результатом которых стали горы мусора и пятна полностью вытоптанного растительного покрова.

Еще одним штрихом в изменении ландшафта вблизи территории заказника стала застройка бывшего поселка Поляны коттеджами с обширными приусадебными участками, обустроенными по проектам ландшафтных дизайнеров. Несколько таких участков выходят на Полянскую дорогу, которая служит западной границей ООПТ. Вблизи северо-западной окраины заказника, на Песочной улице строится коттеджный поселок «Аллегро-Парк».

Создание заказника «Северное побережье Невской губы» в 2009 году привело к прекращению доступа автомашин к побережью Финского залива и к изменению состава посетителей ООПТ. Основные потоки отдыхающих направляются по дорожке вдоль побережья залива и по дороге, параллельной линии электропередач. Территория заказника широко используется велосипедистами, которые попадают сюда с популярной велодорожки, проложенной вдоль Приморского шоссе. Благодаря усилиям дирекции ООПТ Санкт-Петербурга были убраны свалки мусора на территории заказника, оборудованы места отдыха, установлены информационные стенды. В 2019 году началось сооружение экологической тропы в западной части заказника, частично проходящей по деревянному настилу.

Большим коллективом ученых из Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН, Зоологического института РАН, Санкт-Петербургского государственного университета в 2020 году была выпущена монография, которая подводит итоги почти 15-летнего изучения ландшафтов, растительного и животного мира заказника «Северное побережье Невской губы», и намечает пути сохранения природы этой особо охраняемой природной территории для будущих поколений.

Литература

Глезеров С.Е. Лисий Нос. Люди, судьбы, эпоха. СПб. 2010.

Лисий Нос. Исторический очерк / Сост. И.М. Карусева. СПб. ARTDECO, 2001.

Природа заказника «Северное побережье Невской губы»/ Ред. Е.А.Волкова, Г.А.Исаченко, В.Н.Храмцов. СПб. 2020.

Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. Л. 1988.

С.В. Ренни

ЗАВОДСКАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ
(к 300-летию основания «ружейных заводов и прочих железных дел фабрик при Сестре реке»)

Посвящается памяти
Бориса Еремеевича Ривкина
(1935–2020)

В самом центре Сестрорецка в полукилометре друг от друга находятся два гидротехнических сооружения, и поныне выполняющие роль регулятора уровня воды в озере Разлив. О плотине Гаусмана,[1] ставшей одной из визитных карточек города, нам известно многое – от числа забитых свай и состава строительного раствора до точной даты пробного выпуска воды из озера 4 июля 1862 года. Напомним, что строительство водоспуска началось летом 1859-го и завершилось в чистовой отделке в 1863 году.

История другого объекта более поздней постройки, как ни странно, практически не отражена в исследованиях, посвященных Сестрорецку и Сестрорецкому оружейному заводу (СОЗ). Сведения о нем разрозненны и скупы, а попытка проанализировать имеющиеся факты способна привести в замешательство неискушенного в вопросах истории местности читателя. Речь пойдет о заводском канале с плотиной и зданием ГЭС – искусственном водотоке для сброса озерных вод в Малую (Заводскую) Сестру.

Исследования и публикации (краткий обзор)

Большинство источников ограничиваются констатацией факта постройки гидротехнического объекта. На 1899-й, как год строительства заводской ГЭС малой мощности, указывает А.И. Давиденко, добавляя, что в 1901 году имела место установка «новых динамо-машин».[2] Все вышесказанное повторено В.Д. Яковлевым.[3] О постройке ГЭС на 470 кВт в 1890-е годы говорит хронограф.[4] Рапорт полковника

[1] Гаусман Карл Федорович (1818–1880) – военный инженер, выпускник Института Инженеров Корпуса Путей Сообщений; проектировал и руководил работами по ремонту и возведению ряда гидротехнических объектов на СОЗ (1845–1849, 1852–1863); заведующий гидротехническими сооружениями СОЗ и Охтинского порохового завода; инженер-генерал-майор (1870); преподаватель, читал курс лекций по устройству плотин и теоретической механике.

[2] *Давиденко А.И.* Сестрорецк. Очерки по истории города. Л. 1962. С. 32.

[3] *Яковлев В.Д.* Мой Сестрорецк. Сестрорецк. 2006. С. 38.

[4] Курортный район. Страницы истории. Выпуск 1. СПб. 2005. С. 33.

А.П. Залюбовского[5] от 15 октября 1904 года свидетельствует о постройке ГЭС после 1898 года.[6] В том же источнике зафиксирован факт «полной электрификации» завода к началу 1900-х годов.[7] Начало XX века в качестве отправной точки действия ГЭС приводит альманах «Смоляной путь».[8] Годом 1870-м датирует устройство «гидростанции с двумя турбинами» справочник Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП),[9] на 20 лет предвосхищая само появление первых ГЭС. На Яндекс-карте заводская плотина обозначена как «Плотина Де Волана» (!), что отсылает пользователя по времени к началу XIX века. Слова сожаления о невозможности более увидеть «старинную кладку XVIII века» после ремонта канала 2012–2013 годов можно встретить в юбилейном издании.[10] На устройство «Соляного канала»[11] в начале (!) XVIII века указывают и материалы КГИОП.[12] Столь ранняя датировка никакого отношения к ныне существующему каналу не имеет, что подтверждается планами завода XVIII–XIX веков, на которых водоток в данном месте отсутствует.

Ряд авторов видят связь между постройкой заводского канала и заменой рабочих вододействующих колес турбинами. Так, В.В. Беликов считает, что нововведения имели место во второй половине XIX века. Необходимый турбинам «более сильный поток создали чуть восточнее»,[13] после чего «примерно через четверть века» произошла замена «водяных» турбин «электрическими».[14] На основе сравнительного анализа «абсолютных высотных отметок», подсчета «мощности накопления осадков» в озере, Беликов сделал вывод о сооружении плотины Гаусмана и Заводской плотины с каналом Петра I[15] «примерно в одно время».[16] Вывод неправильный.

---

[5] Залюбовский Анатолий Петрович (1859–1936) – помощник начальника СОЗ (1894–1907); временно и.д. начальника СОЗ после смерти С.И. Мосина (02.1902–04.1902); генерал-майор (1909); начальник СОЗ (31 декабря 1913–1915); генерал-лейтенант (1916); в эмиграции с 1920 года.

[6] Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 60.

[7] Там же. С. 36.

[8] Смоляной путь. Альманах. Выпуск 4. СПб. 2017. С. 35.

[9] Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. Справочник. СПб. 2000. С. 273.

[10] *Амирханов Л.И.* Сестрорецк. 300 лет истории. СПб. 2014. С. 342.

[11] «Соляной канал» – в документах КГИОП обобщенное название нескольких различных объектов: русла Заводской Сестры в границах объекта культурного наследия (ОКН) «Ансамбль Сестрорецкого оружейного завода»; элементов засыпанного в 1846 году канала для спуска паводковых вод, проложенного по территории завода и не раз с 1724 года менявшего свой вид; части (только в границах ОКН) существующего заводского канала. Этимология названия, без сомнения, связана с «соляными деньгами», отпускаемыми из Конторы Соляного Правления на «строенье Сестрорецких заводов». В 1721–1724 годах учетом и расходом поступавших «соляных» сумм ведал комиссар Кормедон Антон Бетман (1679–1739), в числе прочих «нужных лиц» отправленный на Сестру реку с Олонецких Петровских заводов.

[12] Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. Справочник. СПб. 2000. С. 272.

[13] *Беликов В.В.* Северный Курорт России. Тайны озера Разлив. СПб. 1999. С. 89.

[14] Там же. С. 91. Турбины лишь передают силу воды генераторам переменного тока, которые и преобразуют механическую энергию в электрическую

[15] Название прижилось. Но не в ряду ли оно прочих «открытий» автора, которые ученый и краевед О.Г. Растворова (1935–2010), с присущей ей деликатностью в издании «Курортный летописец» (№ 12. 2001) охарактеризовала «бытующими мифами». В первую очередь это относится к «реке Гогоре» – интригующему результату палеореконструкции нижнего течения Сестры и, как следствие, поиску доказательств рукотворного происхождения русла Заводской Сестры. Впрочем, В.В. Беликов и не скрывал намерений окунуться в историю «фантазируя и предполагая...».

[16] *Беликов В.В.* Северный Курорт России. Тайны озера Разлив. СПб. 1999. С. 96.

Волей случая семь лет спустя версия В.В. Беликова оказалась реанимирована в статье В.А. Дорогина.[17]

Заслуживают внимания исследования к. г. н. А.И. Резникова «Формирование гидрологических объектов в низовьях рек Сестры и Черной в историческое время» (2005 год), вошедшие в замечательный коллективный труд под эгидой Дирекции особо охраняемых природных территорий Санкт-Петербурга – книге «Природа Сестрорецкой низины» (СПб. 2011). Как «наиболее достоверные», по мнению редакции, исследования легли в основу рассказа об истории гидротехнических сооружений СОЗ,[18] а еще ранее «закрыли тему плотины и озера Разлив».[19] «Прокопку» канала «к востоку от заводских корпусов» автор, с оговоркой «видимо», относит ко времени замены водяных колес турбинами, произошедшему «уже в 1873 году».[20] Упомянута им и постройка ГЭС в 1890-е годы.[21]

Итак, оба автора – В.В. Беликов и А.И. Резников – придерживаются мнения о необходимости канала первоначально для новых турбин, а в дальнейшем и для ГЭС. Чтобы понять, так ли это, вернемся в 1870-е годы.

1870-е годы

Время технических обновлений на заводе в источниках варьируется, не выходя за рамки первой половины 1870-х годов. Большее доверие у автора вызывают свидетельства очевидца тех событий С.А. Броуна. Согласно данным земского врача, переустройство началось в 1872 году и продолжалось полтора года, в течение которых на СОЗ не было работы. До конца 1872 года в водохранилище держался низкий уровень воды, а в 1874 году уровень стал высоким, что свидетельствует об установке «нового водяного двигателя».[22]

Первые турбины Сестрорецкого оружейного завода

Подготовка к серийному производству ружей системы Бердана поставила перед арендатором завода Отто фон Лилиенфельдом (1827–1891) задачу обновления оборудования, в том числе и водяных двигателей. На СОЗ началось внедрение гидравлических осевых турбин реактивного типа системы Николя Жонваля – Карла Хеншеля (1837–1843) – двигателей с гораздо меньшими габаритами и более высоким КПД (до 0,75) по сравнению с водяными колесами. Дорогостоящий процесс замены колес турбинами растянулся во времени. Так, в донесении начальника СОЗ Михаила Тимофеевича Соколова от 8 мая 1890 года говорится, что в «...Инструментальной мастерской поставлена новая “тюрбина” в 20 л.с. вместо вододействующего колеса, пришедшего в ветхость...».[23] Следовательно, более полтора десятка лет машины завода работали от различных по конструкции преобразователей энергии воды! Как

---

[17] *Дорогин В.А.* Реконструкция заводской плотины в XIX веке // История Сестрорецка и его окрестностей. Том II. СПб. 2007. С. 133.

[18] *Амирханов Л.И.* Сестрорецк. 300 лет истории. СПб. 2014. С. 324.

[19] *Резников А.И.* Плотина и озеро Разлив // История Сестрорецка и его окрестностей. Т. III. СПб. 2008. С. 5.

[20] Природа Сестрорецкой низины. СПб. 2011. С. 15.

[21] Там же. С. 16.

[22] *Броун С.А.* Очерк Сестрорецкой волости, Петербургского уезда. Известия ИРГО. Т.XI. 1875. СПб. 1876. С. 482.

[23] *Амирханов Л.И.* Сестрорецк. 300 лет истории. СПб. 2014. С. 87.

менялось численное соотношение колес и турбин в 1870–1890 годах, автору неизвестно. Но есть сведения об установке двух турбин в годы управления заводом полковником Н.Е. Болониным.[24]

Требовался ли для турбин новый водоток? Напомним читателю о проведенных в 1846–1848 годах под руководством Карла Гаусмана работах по разборке и засыпке заводской плотины Деволана[25], построенной в 1803–1806 годах, и устройству нового подземного каменного туннеля, проводящего воду на рабочие русла к вододействующим колесам. Длина туннеля равнялась 55 м, ширина 4,2 м, наибольшая высота 2,5 м.[26] Туннель и русла хорошо читаются на многих планах Сестрорецкого оруейного завода; трассировка главных русел оставалась неизменной с середины XIX до начала XX века. Трубу (так называл туннель сам строитель) не «зарыли» в середине 1870-х;[27] по своему прямому назначению она служила значительно дольше. Питание водой, как колес, так и постепенно сменявших их турбин, продолжалось за отсутствием альтернативы именно через туннель Гаусмана и русла до введения в строй заводской ГЭС.

Расположение рабочих русел с петровских времен определяло места заводских фабрик и, в конечном итоге, схему заводской планировки. В 1870-х годах планировка сохранилась, произошла лишь замена части преобразователей силы воды более совершенными механизмами.

При сравнительно небольшом напоре воды, имевшем место на СОЗ, турбины устанавливались в рабочих руслах, заполняемых водой. Точной информации о форме русел СОЗ на тот период нет. На крупных вододействующих производствах тогда применялись металлические желоба различного сечения, открытые и частично закрытые, превосходящие размером деревянные прямоугольные лари, характерные для XVIII – начала XIX века. Требовалось приспособить конструкцию русла для монтажа, удобного обслуживания и ремонта нового «гидравлического приемника силы воды». Не только русла, принципиальной переделке подверглись и передаточные механизмы к машинам, прежде действующим от колес.

1890-е годы

Наладка производства принятой в 1891 году на вооружение армии «трехлинейной винтовки образца 1891 года» (винтовки Мосина) встретила на СОЗ значительные трудности. Это касалось не только перестройки, капитального ремонта, приспособления для новых целей зданий мастерских и обновления четверти парка станков.

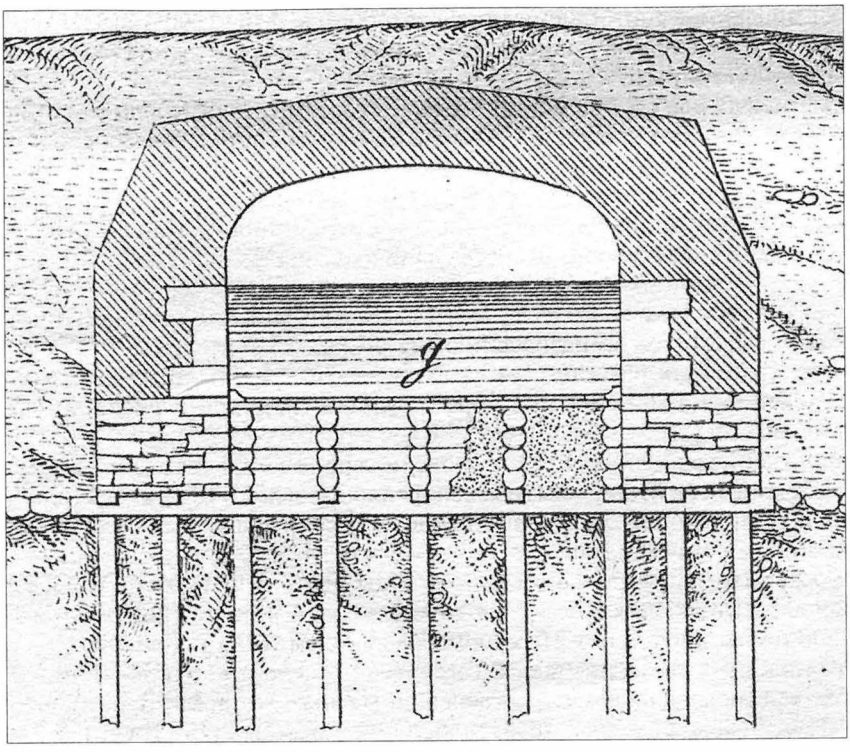
---

[24] *Болонин Николай Егорович* (1843?–1915) – управляющий заводом (1880–1885); инициатор создания Сестрорецкого Благотворительного Общества (1881), его председатель и почетный член; благотворитель и попечитель Сестрорецкой народной земской школы (так называемой Болонинской); генерал-майор (1901). См.: Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 35.

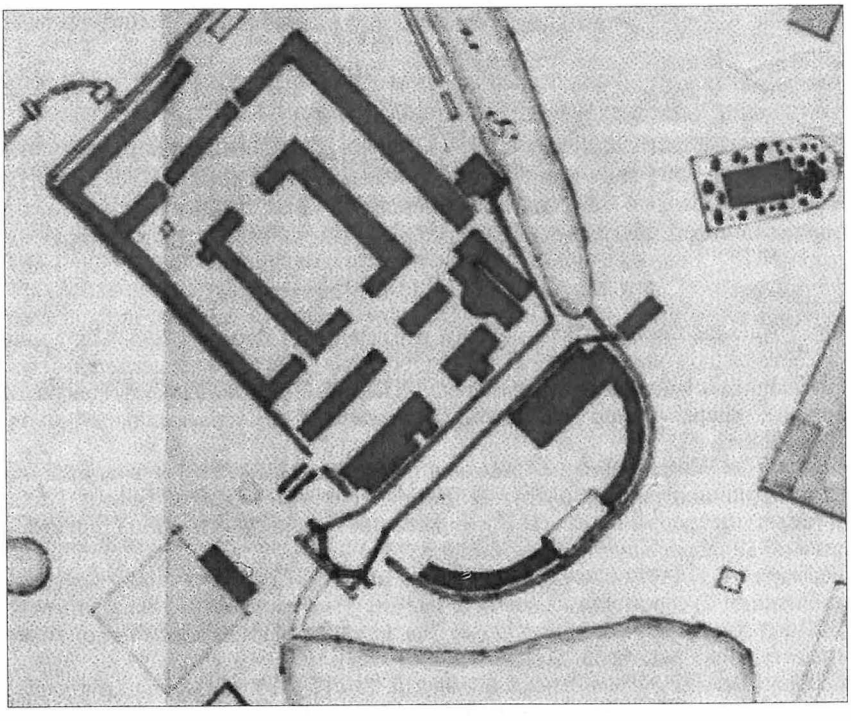
[25] Деволан (De Wollant) Франц Павлович (1752 или 1755–1818) – военный инженер, инициатор и руководитель ряда крупнейших гидротехнических проектов Российской империи тех лет; инженер-генерал (1810); «правящий должность» главного директора Путей Сообщений (1812); член Комитета Министров (1814).

[26] 30 октября 1973 года при прокладке участка городского водопровода у заводского клуба (улица Воскова, 2) строители к своему немалому удивлению обнаружили артефакт. Под асфальтовым покрытием на глубине около 2 м в траншее обнажилась кирпичная кладка свода внушительных размеров. Прибывшие к месту находки сотрудники ОКСа завода зафиксировали находку – им оказался туннель Гаусмана. Сжатые сроки строительных работ не позволили провести обследование старой водной артерии.

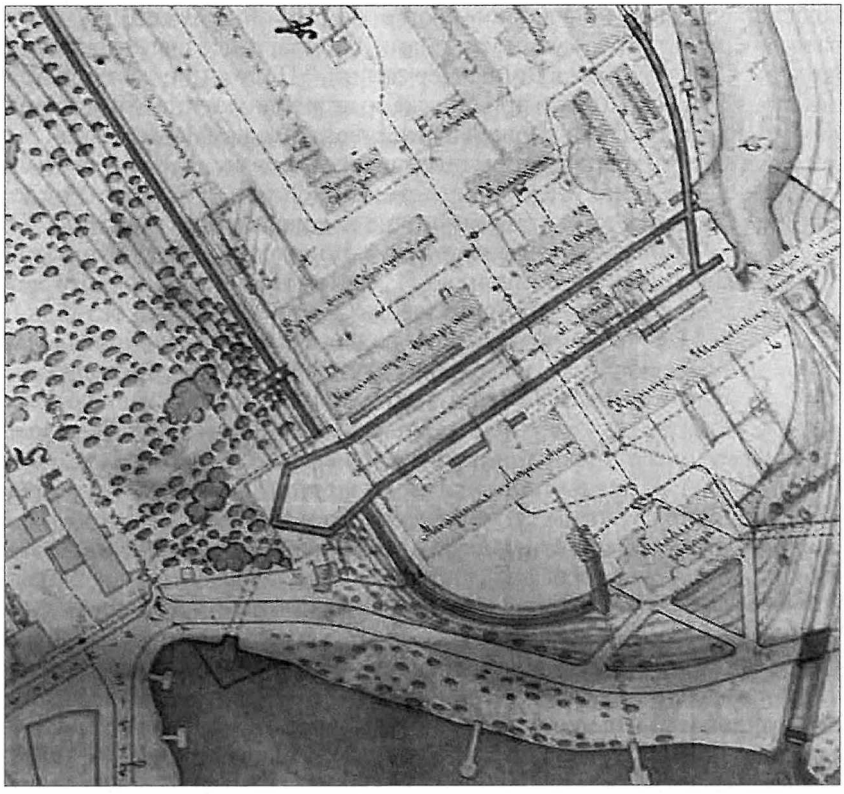
[27] Природа Сестрорецкой низины. СПб. 2011. С. 15.



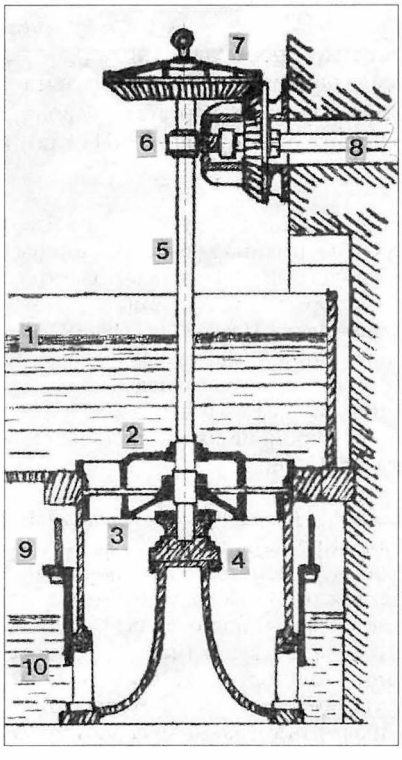
Подземное водопроводное русло Гаусмана. Разрез. Инженерный журнал. 1862. № 6



Туннель Гаусмана и рабочие русла на фрагменте плана СОЗ 1868 года



Туннель Гаусмана и рабочие русла на фрагменте плана СОЗ 1904 года



Принципиальная схема турбины Жонваля-Хеншеля.
1 – рабочее «верхнее» русло; 2 – направляющее колесо; 3 – рабочее колесо; 4 – подпятник; 5 – вал турбины; 6 – гальсбант; 7 – зубчатая передача; 8 – вал механизма; 9 – затвор; 10 – «нижнее» русло.
Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

Требовалось значительное увеличение энергетических мощностей, для чего установили два паровых котла с паровыми машинами и приобрели газовый двигатель системы Николауса Отто фабрики в Дойце (Германия).[28] Постоянно растущий дефицит энергии не удалось восполнить и при запуске во второй половине 1890-х годов заводской электростанции, использующей в качестве сырья каменный уголь. Электричество вырабатывали электромоторы швейцарской фирмы «Brown, Boveri & Cie».[29]

Весьма распространено мнение о переходе заводом в 1890-е годы от вододействующих машин к паровым и даже о потере водохранилищем в конце XIX века «своего первоначального значения энергетического гидротехнического сооружения». Насколько справедлива такая оценка? Из рапорта «исполняющего действие» начальника Сестрорецкого оружейного завода С.И. Мосина[30] от 9 октября 1895 года следует, что на заводе «за недостатком водяной силы» использовалось 110 из имеющихся 180 л.с. паровых и газовых двигателей установленных – внимание! – «на случай маловодья».[31] Заботила Мосина и необходимость найма второго штата турбинщиков, и затраты на ежегодный ремонт русла.[32] Таким образом, вода продолжала оставаться одним из главных источников энергии для СОЗ, источником дешевым, хотя и не всегда надежным. Осознавая нехватку энергетического ресурса в перспективе выполнения заводом ежегодного наряда, в том же рапорте С.И. Мосин доказывает необходимость устройства «центральной электрической станции, действующей водой, для передачи сил мастерским завода...», запрашивая на эти цели 211 668 рублей.[33]

Однако, интенсивный выпуск заводом винтовок (по 75 000 штук в 1895 и 1896 годах и 50 000 – в 1897 году), «не производя остановки даже на один день», не позволял приступить к модернизации еще несколько лет. В 1897 году для приведения в действие 875 станков и освещения мастерских завод располагал энергией в 656 л.с. от различных источников: 230 «паровых», 56 «газовых», 50 «электрических» и 320 (почти 50 %!) «водяных». Продолжали использоваться турбины Жонваля, как вертикальные, так и горизонтальные, усовершенствованные механиком СОЗ Г. Броуном.[34]

Лишь в 1898 году вследствие уменьшения заказов было решено начать столь необходимые преобразования; работы планировали завершить к 1900 году. Для устройства центральной станции пытались воспользоваться «наивысшим падением воды в расстоянии $^1/_3$ версты от завода, доходящем до 24 футов...», что имело место только у плотины Гаусмана.[35] На станции предполагалось поставить две турбины

---

[28] Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 36.

[29] Вероятно, именно эти электромоторы в дальнейшем приобрело Общество Приморской железной дороги для организации электростанции в здании Института физических методов лечения Сестрорецкого Курорта.

[30] Мосин Сергей Иванович (1849–1902) – в звании полковника принял дела в июне 1894 года после кончины предыдущего начальника СОЗ М.Т. Соколова (15 февраля 1894 года). Должность начальника завода (без «и.д.») закрепилась за С.И. Мосиным только после присвоения ему звания генерал-майора (9 апреля 1900 года).

[31] Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 56.

[32] Там же. С. 58.

[33] Там же. С. 57.

[34] *Зыбин С., Неклюдов М., Левицкий М.* Оружейные заводы: (Тульский, Сестрорецкий, Ижевский). Кронштадт, 1898. С. 50.

[35] К плану устройства гидростанции на месте плотины Гаусмана в дальнейшем обращались еще дважды. В 1926 году документацию «полного и экономного использования энергии сбрасываемой воды» подготовил Гидропроект. Планировалось устройство подводящего и отводящего каналов, аванкамеры и здания ГЭС, установка пяти турбин, пяти генераторов суммарной мощностью 1210 кВт и четырех понижающих трансформаторов. В 1940–1941 годах проектом Ново-Сестрорецкой ГЭС занимался ЛенГИДЭП, но до начала войны успели провести только инженерно-геологические изыскания.

в 650 и 180 л.с. и «соответственные динамо-машины трехфазного тока, посылающие ток в завод».[36] Воплотить на первый взгляд простую и рациональную идею не удалось – интеграция нового гидроузла со зданием станции в конструкции водоспуска оказалась сопряжена со значительными издержками и неоправданным риском. Поиск оптимальной схемы размещения ГЭС, не затрагивающей весенний водоспуск, привел к новому решению.

Инженер-полковник А.П. Веретенников. Около 1900 года

Проект и его реализация. 1899–1902 годы

Чертежи и смету проекта «капитальной перестройки гидротехнических сооружений Сестрорецкого оружейного завода» выполнил заведующий сооружениями и исполняющий должность архитектора СОЗ инженер-полковник А.П. Веретенников.[37] Сохранившиеся чертежи заверены собственноручной подписью военного инженера с датой «29.XI.1899». Некоторое время проект рассматривался заводским начальством, о чем свидетельствует резолюция на чертежах: «С проектом согласен. 22 января 1900. И.д. начальника завода полковник Мосин». В дальнейшем документация поступила на согласование в Инженерный Комитет Главного Инженерного Управления (ГИУ), который внес ряд поправок в предложенные технические решения. Чертежи утвердила комиссия в составе девяти постоянных членов Инженерного Комитета во главе с председателем – начальником ГИУ генерал-лейтенантом А.П. Вернандером «журналом № 41 от 24 августа 1900 года».

Работы по «капитальной перестройке» велись в 1901–1902 годах, производство на заводе при этом не останавливалось. Вода продолжала поступать к мастерским по старым руслам, демонтаж которых начался только после окончательного ввода в действие заводской ГЭС.[38]

---

[36] *Зыбин С., Неклюдов М., Левицкий М.* Оружейные заводы: (Тульский, Сестрорецкий, Ижевский). Кронштадт, 1898. С. 51.

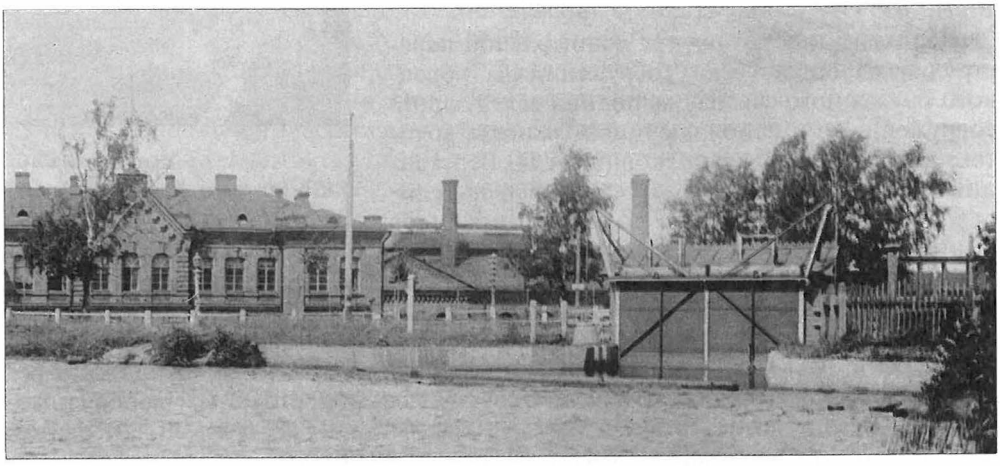
[37] Веретенников Алексей Порфирьевич (1860–1927) – окончил Николаевскую инженерную академию по специальности гидротехник (1886); и.д. архитектора СОЗ (1887–1903); 5 августа 1890 года в Сестрорецке родились его дети близнецы Алексей и Яков; Гласный Санкт-Петербургской Думы с 1889 года; в штате ГИУ с 29 декабря 1897 года; полковник (18 апреля 1899 года); инспектор Туркестанского военного округа (1903–1906); генерал-майор (25 августа 1906 года); Киевский губернатор (25 августа – 15 декабря 1906 года); Костромской губернатор (15 декабря 1906 – 14 февраля 1910 года); с 14 февраля 1910 года – при МВД; уволен с «пенсией и мундиром» (1910); при Штабе Киевского военного округа (1916); в эмиграции с 1918 года.

[38] Начало разборки рабочих (верхних) русел отражено на плане СОЗ 1904 года (ЦГИА СПб). Нижние русла частично были засыпаны, частично разломаны в ходе перестройки корпусов в дальнейшем. По воспоминаниям заводчан, места выхода подземных русел в Заводскую Сестру угадывались до 1970-х годов.

Объекты «капитальной перестройки»

Заводская плотина

Принципиальная невозможность прокладки канала по старинке, то есть по территории завода, конфигурация берега озера и минимизация расстояния до здания ГЭС обусловили место новой плотины. Работы начались с осушения участка посредством двухрядной шпунтовой перемычки длиной около 40 м, впущенной в берега. Вход в канал имел форму раструба; стены крыльев на свайно-ростверковом фундаменте толщиной 1,0–1,8 м и высотой около 4 м вывели из бута, облицевав блоками гранита. Понур (пол перед щитами) представлял собой бетонный массив, заключенный между двумя линиями свай, заглубленных в грунт на 6,4 м. Порог водосброса был устроен на отметке примерно 5,0 м[39] (порог плотины Гаусмана



Плотина заводской ГЭС. Около 1907 года. Из собрания автора

Дом смотрителя заводской плотины. Около 1907 года. Из собрания автора

[39] Здесь и далее отметки даются по Балтийской системе высот, при которой отсчет ведется от «0» Кронштадтского футштока.

находился на отметке около 6 м). Перед рабочими затворами в стенах предусматривались пазы для установки временных ремонтных затворов. Величина входящего потока регулировалась двумя металлическими щитами, разделенными стойкой. Их элементы соединялись заклепочными соединениями. Щиты поднимали порознь ручной лебедкой посредством зубчатых и червячных передач, блоков, цепей и противовесов. Все механизмы размещались над щитами в маленьком домике (в проекте отсутствовал), противовесы оставались снаружи. Работу затворов и технический надзор за плотиной осуществлял шлюзвахтер (смотритель), для которого возле плотины построили жилой дом. К началу 1950-х годов дом еще состоял в жилищном фонде.

Подводящее русло

По мнению Инженерного Комитета, конструкция отдельных элементов канала требовала исправлений. Нецелесообразным сочли устройство деревянной обшивки стен и связей в средней части канала, а также деревянного настила поверх бетонного основания толщиной 0,3 м. В новой редакции бетонный монолит шириной 8,15 м и толщиной 1,15 м послужил и фундаментом стен и дном канала, причем ложе канала приобрело форму желоба. Стены канала на всем протяжении вывели из бутовой плиты на цементном растворе толщиной 1,5 м снизу и 1,0 м в верхней части при высоте около 3,4 м. Длина подводящего канала от щитов плотины до «турбинного дома» составила 142 м, ширина – 4,9 м.

После прямого начального участка и плавного изгиба в своем окончании, канал прошел по трассе старого дренажного рва. Интересна коллизия, когда прокладка канала привела к необходимости сокращения площади сада стоящей недалеко церковно-приходской школы (постройка 1893 года) и переноса хозяйственного сарая. Несмотря на принадлежность школьного участка Военному ведомству (а значит заводу), настоятель сестрорецкой Петропавловской церкви протоиерей Н.Ф. Розанов «позволил себе после обедни выйти на амвон с крестом в руке и обратиться при всем народе с обличительной речью к стоящему тут же генералу С.И. Мосину». Непочтительно вел себя отец Николай и с полковником А.П. Залюбовским, «позволяя себе отворачиваться и не кланяться при встрече на улицах».[40]

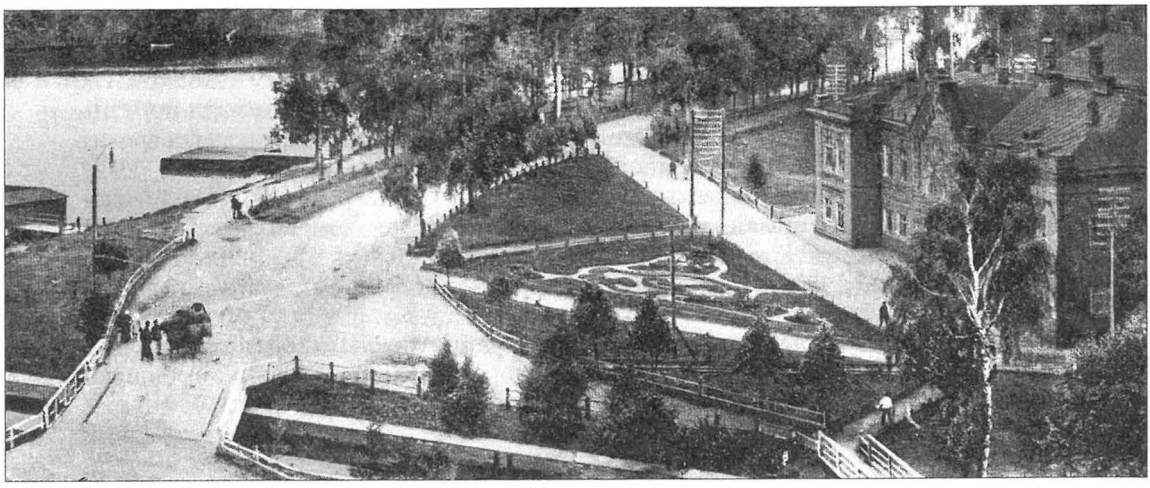
Откосы канала имели булыжное мощение, частью дерновое покрытие, а ближе к зданию ГЭС являли собой пологие песчано-земляные насыпи. Через канал предусмотрели мост для гужевого транспорта шириной 4 сажени (8,53 м) и пешеходный мостик. Перед «устьем» канала монтировались решетки, препятствующие проникновению с водой к турбинам мусора и случайных предметов.

У здания ГЭС канал расширялся до 9,7 м, его глубина немного увеличивалась, образуя открытые турбинные камеры – места непосредственной установки двух турбин. Под каждым аппаратом находилось помещение (так называемая подтурбинная камера) со сводчатыми потолками, стенами из бутового камня толщиной 1,5–1,7 м и бетонным дном, где проходила отсасывающая труба турбины, погруженная своим концом в воду нижнего бьефа. Разница высот между отметками дна канала и дна подтурбинной камеры составляла около 4,3 м. Пройдя через рабочее колесо и отсасывающую трубу турбины, поток воды вливался в Заводскую Сестру.

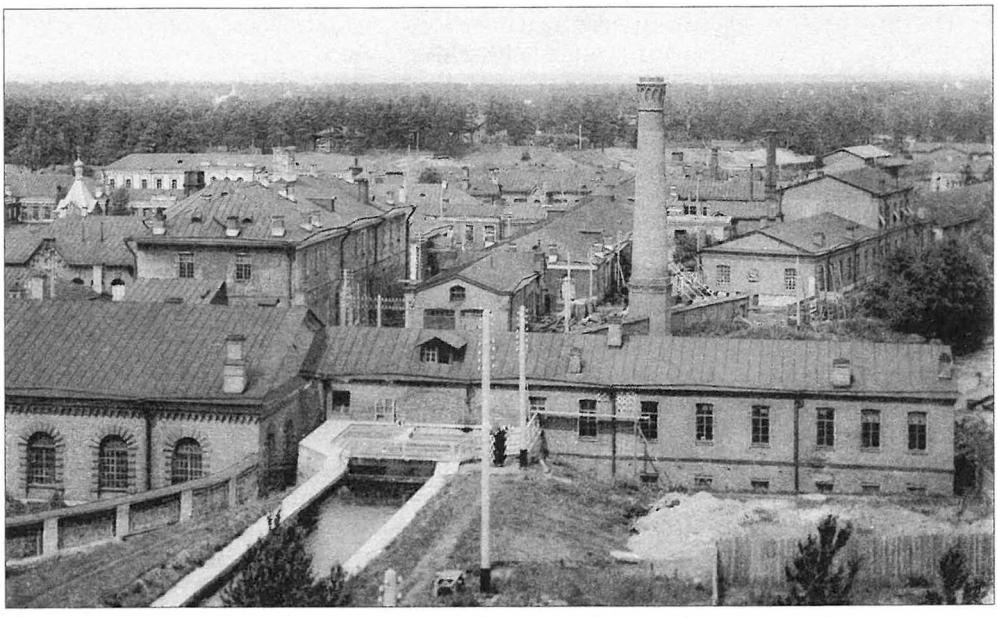
Устье канала, почти до краев заполненного водой, и «турбинный дом» (здание ГЭС) хорошо видны на почтовой открытке К.А. Фишера 1905 года издания. Заметны переходные мостки у решеток, а вот предусмотренный проектом навес над каналом у ГЭС (за ненадобностью?) отсутствует. Важность объекта подчеркивает наличие караульной будки.

---

[40] *Иванова Н.Л.* История малой Родины – Сестрорецк. Изд. 2. СПб. 2014. С. 40.



Вид на здание правления СОЗ и канал. Почтовая открытка. Издание К.П. Леонтьева, 1912–1913. Фрагмент. Из собрания автора.

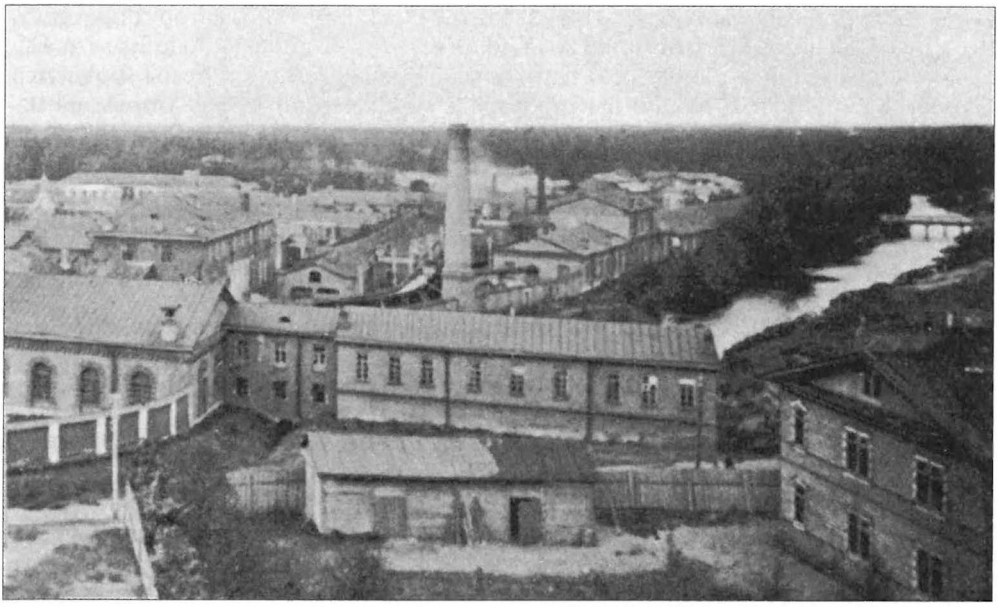


Здание ГЭС и подводящий канал. Почтовая открытка. Издание К.А. Фишера, 1905. Фрагмент. Из собрания автора.

Здание ГЭС

Вариант размещения заводской гидроэлектростанции не имел альтернативы. Сброс большой массы воды через ГЭС был возможен только в русло реки. Под «турбинный дом» предстояло перестроить часть здания штыковой мастерской, бывшей ранее механической.[41] В этом месте заканчивалось одно из рабочих русел

[41] Перестройка механической мастерской с приспособлением под штыковую произошла в 1890 году. Стоимость работ составила 10 336,18 рублей



Здание штыковой мастерской. Фото 1899–1900 годов (фрагмент). Опубликовано в книге: Орфеев А.П., Неклюдов М.Е. Сестрорецк. Краткий исторический и современный очерк с описанием курорта. СПб. 1900

и начиналась Заводская Сестра, принимающая отработанную заводом воду. Представить, как выглядело здание мастерской до переделки в «турбинный дом», поможет фотография – иллюстрация в изданной в конце 1900 года книге А.П. Орфеева и М.Е. Неклюдова.[42] Канал на фото отсутствует; вместо него заплывший от времени ров, обозначенный на планах СОЗ XIX века.

Нижняя часть здания представляла собой два сводчатых прохода шириной 5,0 и 3,0 м со стенами из бута толщиной 1,3–1,6 м, соединяющих подтурбинные камеры с руслом Заводской Сестры. Максимальная толщина бетонного перекрытия над сводами достигала 1,7 м. Со стороны нижнего бьефа архивольты арочных проемов и фасад здания до уровня машинного зала были облицованы известняком. Потоки воды из турбин разделял бык, сложенный из бутового камня с гранитной отделкой.

Верхнюю часть здания занимал машинный зал размерами 15,6 × 8,4 м. Помещение имело дверные проемы для сообщения с примыкающими к ГЭС заводскими корпусами и не менее 12 оконных проемов для естественного освещения. Часть окон заложили в ходе монтажа оборудования сразу после постройки ГЭС.

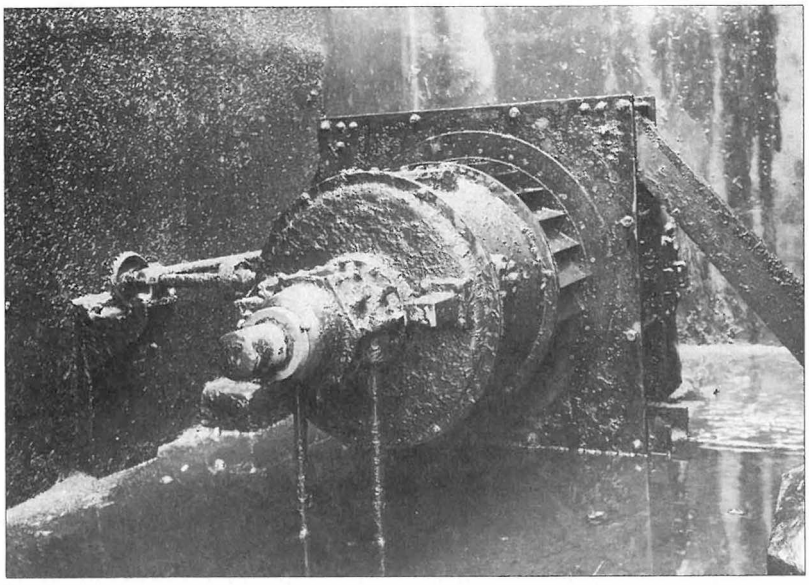
Оборудование ГЭС

По всей видимости, на стадии проектирования (1899 год) информация о конкретных моделях турбин для СОЗ в полной мере отсутствовала, поскольку есть разница между проектным и фактическим расположением малой турбины. В итоге главную турбину закупили у американской фирмы «James Leffel & Co». Номинальная мощность турбины составляла 478 кВт,[43] при расходе 10,25 м^3/с и напоре 21 дюйм (5,33 м). Турбина имела эластичную муфту модели «Voith» для соединения ротора

[42] *Орфеев А.П., Неклюдов М.Е.* Сестрорецк. Краткий исторический и современный очерк с описанием курорта. СПб. 1900.

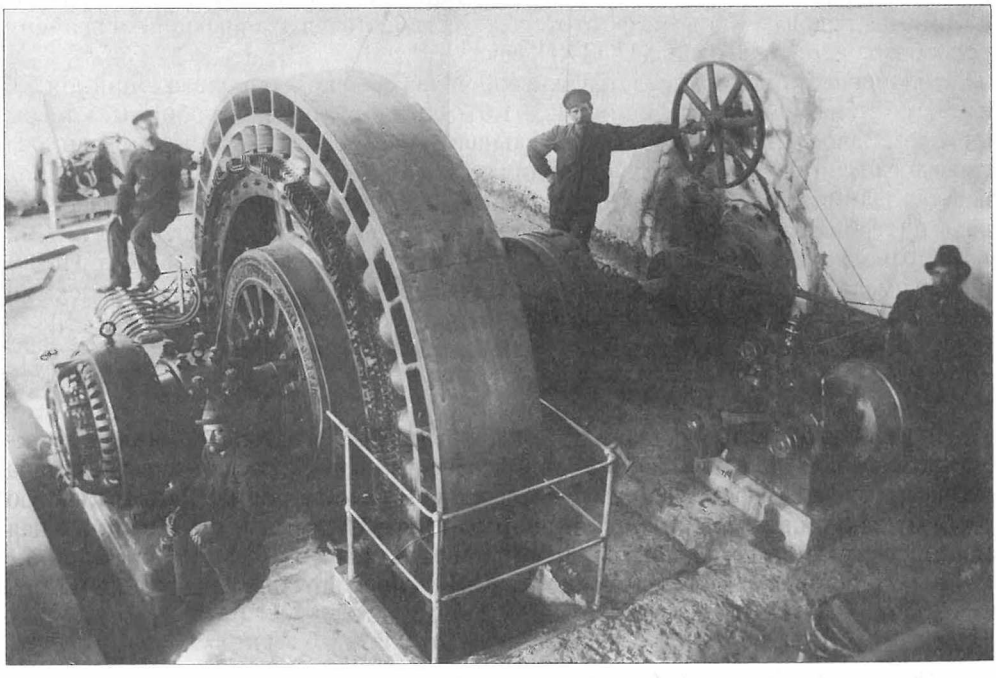
[43] Достичь максимальной мощности удавалось не всегда из-за колебаний уровня воды в Разливе и нагона в Заводской Сестре, вследствие чего КПД турбины снижался.

турбины с ротором генератора.[44] Производителя малой турбины автору определить не удалось. Ее параметры: номинальная мощность 132 кВт при расходе 2,5 м³/с. Обе турбины относились к типу реактивных радиально-осевых системы Фрэнсиса. Скорость (мощность) турбин варьировалась механическим регулятором из машинного зала с помощью колес, подобным штурвалу.



Заводская ГЭС. Малая турбина. Около 1907 года. Из собрания автора

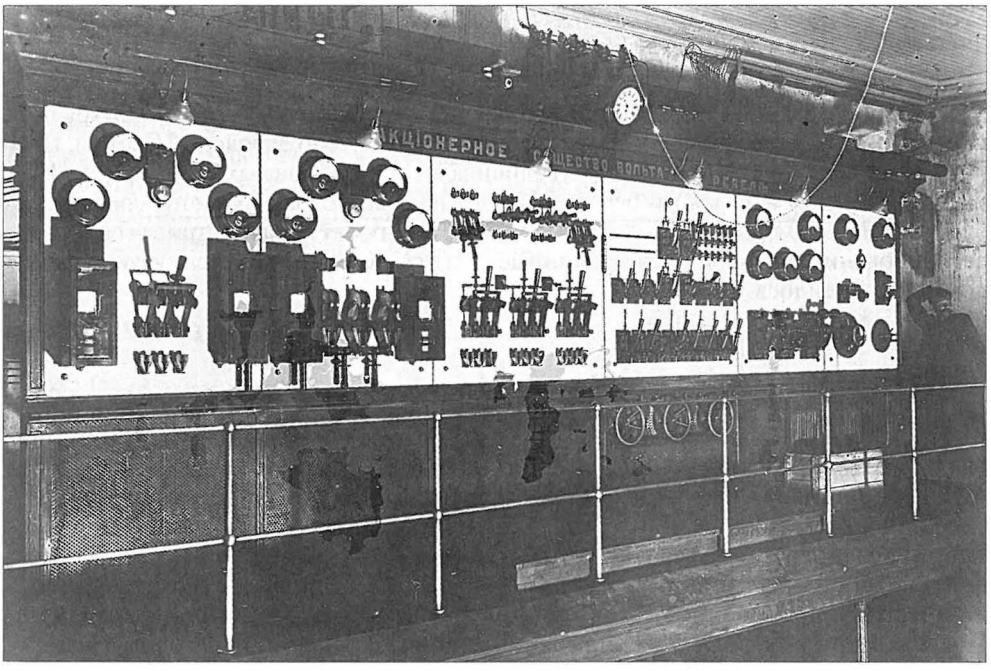
Заводская ГЭС. Главный генератор (450 кВт). Около 1907 года. Из собрания автора



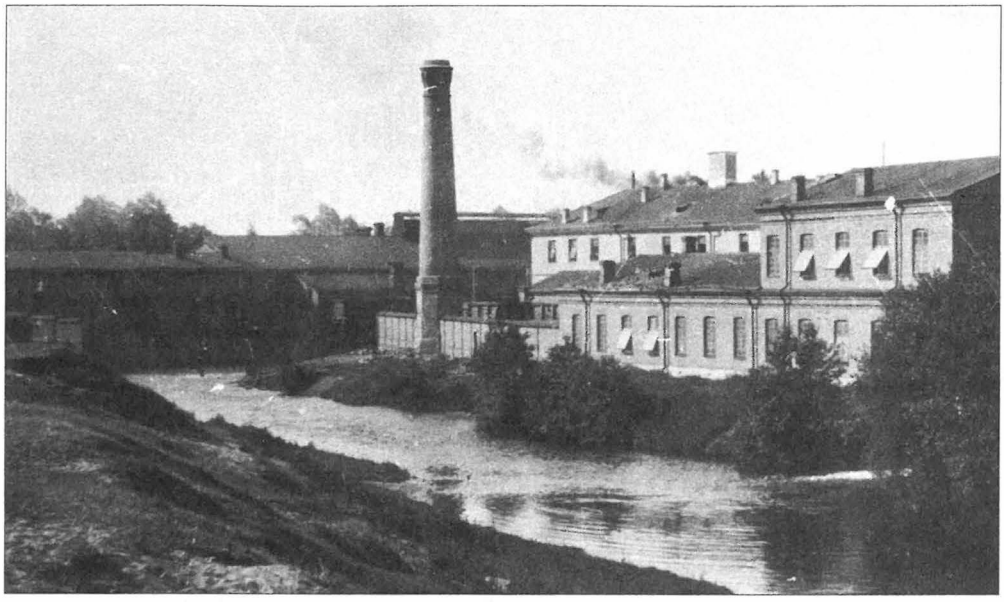
[44] Пояснительная записка к проекту новой гидростанции при Сестрорецком заводе. ГИДРОПРОЕКТ. 1926.

Заводская ГЭС. Шильда малого генератора. 2011 год. Фото М.М. Браудзе

Заводская ГЭС. Главный распределительный щит. Около 1907 года. Из собрания автора



Генераторы, комплект электротехнического оборудования и главный распределительный щит поставило для завода Акционерное Общество «Вольта» в Ревеле (ныне Таллин). Устав Общества получил высочайшее утверждение 15 апреля 1899 года, а начало производственной деятельности пришлось на 1901 год. В машинном зале на фундаментах установили два генератора переменного тока мощностью 450 и 120 кВт с возбудителями и регуляторами частоты. Главный распределительный щит также находился в машинном зале на антресоли, поддерживаемой чугунными столбиками. Щит проектировался у стены, обращенной к каналу, но в итоге был смонтирован на противоположной.



Заводская Сестра у выхода рабочих вод до постройки ГЭС. Около 1900 года. Из фондов ЦГАКФФД СПб

Отводящее русло

Устройство здания ГЭС и отводящего участка потребовало возведения двухрядной перемычки, чтобы разобщить место строительства и русло Заводской Сестры. Ширина отводящего русла постепенно увеличивалась от 9,8 м на выходе из ГЭС до 19,2. На протяжении 4 м по левому берегу и 17 м по правому поток ограничивали стены из бутовой плиты толщиной 0,7–1,3 и высотой 1,6 м. Проект предусматривал сплошное бетонирование дна русла на расстоянии до 12 м от ГЭС; ниже по течению укрепление дна не проводилось.

1900-е годы

Поставка и монтаж оборудования начались не ранее 1903 года. Как уже говорилось, ряд проектных решений пришлось менять на ходу. В апреле 1903 года завод покинул А.П. Веретенников и на должность заведующего гидротехническими сооружениями заступил инженер-капитан В.А. Защук.[45] Именно под его контролем новые сооружения начали действовать в штатном режиме. Несмотря на качественное исполнение проекта, постоянного внимания требовало здание ГЭС; ежегодно приходилось обновлять гидроизоляцию стен, соприкасающихся с турбинными камерами. Повышенного контроля требовала эксплуатация турбин и генераторов. На посту заведующего электрическим освещением СОЗ и передачей энергии в мастерские завода бессменно находился инженер-электротехник Василий (Фридрих) Германович Фрелих.

---

[45] Защук Всеволод Александрович (1868–1943) – окончил Николаевскую инженерную академию (1895); капитан (1897); обер-офицер СПб Окружного Инженерного Управления; 30 апреля 1903 – 18 августа 1910 года – архитектор СОЗ; подполковник (6 декабря 1904); в штате ГИУ (1904–1912); полковник (6 декабря 1909 года); в распоряжении ГИУ (1914–1916); в рядах РККА (1918–1922); с 1923 года занимался гражданским строительством; умер в Ялте в период оккупации.

1910-е годы

Инженер-капитан В.А. Защук. Начало 1900-х годов. Из собрания автора

Масштаб производства на заводе многократно увеличился с началом Первой мировой войны, достигнув максимума в 1916 году. Так, выпуск винтовок по сравнению с 1913 годом вырос почти в 33 раза и составил 147 534 штуки.[46] 24 октября 1916 года было зафиксировано максимальное значение выработанной гидротурбинами энергии – 743 кВт. Отсутствие резервов привело к широкому использованию альтернативных источников энергии – двух болиндеров[47] по 160 л.с. и дизель-генератора в 550 л.с. Годовая потребность СОЗ на 1915 год составила 30 тысяч пудов (491,4 т) «фильтрованной» нефти и 20 тысяч пудов (327,6 т) «нефтяных остатков». Сведения о доле ГЭС в суммарном обеспечении завода энергией содержит рапорт «временно исполняющего действие» заведующего технической частью СОЗ инженера-механика В.П. Коновалова[48] от 24 октября 1917 года. По его расчетам в пик загрузки завода (1916–1917) расход энергии составлял 5 млн кВт-час в год, из которых 2 млн «добывалось своей дешевой гидравлической силой». Рассматривая возможность подрыва завода с приближением германской армии к Петрограду, В.П. Коновалов констатировал, что «его гидравлические турбины для другого места не подойдут».[49]

В марте 1918 года началась эвакуация СОЗ, до минимума сократилось производство. В годы Гражданской войны в условиях отсутствия сырья и топлива завод частично функционировал только благодаря «дешевой водной энергии»; «гидроэлектростанция не прекращала своей работы».[50]

1920–1930-е годы

«К 1922 году основной контингент квалифицированных рабочих возвратился на завод. «Возрождению завода благоприятствовало и наличие собственной гидроэнергии...».[51] Но сказалось вынужденное отсутствие внимания в последние годы к элементам капитального строительства. В начале 1920-х годов через «размороженные» бутовые стены подводящего русла стала просачиваться вода, периодически заливая заводской двор вблизи ГЭС. В 1924 году по толевой изоляции была сделана бетонная «рубашка» дна и стен по всей длине канала. Как оказалось, вода подмывала не только элементы канала, но и основание фундамента здания станции. В 1928 году сложилась аварийная ситуация – проседание грунта привело к сильной вибрации оборудования

[46] Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 81.

[47] Болиндер – двухтактный калоризаторный ДВС, работающий на всех видах нефтепродуктов. Название дано по шведской фирме-поставщику.

[48] Коновалов Василий Прокофьевич – инженер-технолог; помощник механика СОЗ (1890), механик СОЗ (1905); помощник начальника СОЗ по технической части (1917); талантливый изобретатель-рационализатор, конструктор автоматического оружия; в 1910 году был принят на вооружение прицел системы Коновалова к винтовке Мосина.

[49] Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 81.

[50] Там же. С. 219.

[51] Там же. С. 224.

и ГЭС пришлось остановить. Изучив мнения экспертов, приняли вариант архитектора Л.П. Шишко (1872–1943), предложившего устранить фильтрацию со стороны нижнего бьефа. Отводящее русло вновь забетонировали по всей площади с устройством бетонного плинтуса на высоту уровня воды при работающей станции. В стены здания ГЭС и под его фундамент под давлением нагнетался цементный раствор. Обновление в виде железобетонной стяжки толщиной 20 см получил пол подтурбинных камер. По отчетам на ликвидацию аварии ушло два вагона тампонажного цемента.[52]

Очередные ремонтные работы пришлись на 1933 год. Примерно на половине длины канала (начиная от плотины) бетонную «рубашку» заменила железобетонная облицовка. Предварительно в стены и дно канала нагнетался цементный раствор. На оставшейся части канала аналогичный комплекс работ провели только спустя 30 лет, в 1963 году.[53]

Превратить завод имени Воскова в «крупнейшую инструментальную базу страны» удалось лишь после прокладки линии электропередач из Ленинграда через Лахту и Лисий Нос около 1930 года. Трансформаторная подстанция № 1 разместилась недалеко от заводского клуба имени Ленина. Крайняя опора ЛЭП стояла поблизости на берегу озера,[54] предпоследняя – у городской бани.

Значительным подспорьем для завода стала собственная ГЭС в период Советско-финляндской войны (ноябрь 1939 – март 1940 года), когда перебои с электроэнергией вызвали остановку работы большинства цехов, «парализовав всю производственную деятельность...».[55]

В годы Великой Отечественной войны

Эвакуация основной части оборудования и персонала завода в Новосибирск была проведена в июле – августе 1941 года. Но на заводе продолжалось выполнение военных заказов до начала сентября, когда фронт вплотную приблизился к Сестрорецку, начались обстрелы и появились жертвы. Оставшуюся материальную часть в сентябре перевели в Ленинград, создав 1-е и 2-е отделения завода на территории заводов «Красный инструментальщик» и «Электроаппарат». В Сестрорецке осталась только охрана завода во главе с М. Кабысовым и старший мастер С.Я. Прохоров с помощниками для надзора за электрохозяйством. Весной (?) 1942 года было принято решение об открытии 3-го отделения в самом Сестрорецке. По приказу директора Л.Н. Худякова бригаде Прохорова в тяжелых условиях удалось отремонтировать генераторы, запустить турбины ГЭС и в дальнейшем поддерживать работоспособность оборудования. Станция ежедневно вырабатывала до 12 000 кВт-час электроэнергии,[56] столь необходимой и заводу, и фронту (зарядка аккумуляторов ДОТов, свет для штабов воинских соединений, медсанбатов и других), и городскому хозяйству (хлебопекарня, банно-прачечная служба, отделение связи, органы местной власти). Возможность передачи станцией тока «...и мастерским Кронштадта,

[52] *Иорс А.М.* Сообщение о состоянии гидротехнических сооружений Сестрорецкого завода им. Воскова на 17.10.1966 года. СИЗ. 1966.

[53] Там же.

[54] Для установки опоры окончательно разобрали часовню «В память избавления Императора Александра II от покушения 2 апреля 1879 года», перенесенную на это место с территории завода в связи с постройкой (1914 год) нового корпуса (в последствие цех № 8).

[55] Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 249.

[56] Непокоренный рубеж. Изд. 2. Сестрорецк. 2020. С. 118.

и осажденному Ленинграду...»[57] представляется автору некоторым преувеличением. Рабочие жили на казарменном положении при ГЭС. Сохранились различающиеся в деталях воспоминания о плановых и внеплановых (!) закрытиях щитов заводской плотины, что позволяло в осушенном русле канала собрать свежую рыбу и тем пополнить блокадный рацион.

Командование фронта придавало особое значение гидротехническому комплексу Сестрорецка. Плотины тщательно охранялись. Весь период боевых действий контроль над ним осуществлял старший техник-лейтенант Л.Д. Версудский, в последствие представленный к ордену Красной Звезды. В ходе активной обороны в озере Разлив поддерживался предельно высокий уровень воды «для непроходимости болота и связанной с ним Ржавой канавы. Перед наступлением воду спустили».[58] Можно найти и такую оценку вклада заводской плотины в успех Выборгской операции: «... советская пехота быстро преодолела обмелевшую Сестру (накануне были перекрыты русла из Разлива к электростанции завода) и уже через 9 дней достигла Выборга».[59]

В феврале 1945 года вышли приказы Совета Народных Комиссаров СССР и наркома станкостроения о восстановлении завода в Сестрорецке; немного позднее наметили конкретные планы. К этому времени на территории завода в рабочем состоянии находилась только гидроэлектростанция.

1950–1970-е годы

Согласно директивам пятого пятилетнего плана (1951–1955 годы), Сестрорецкому инструментальному заводу (СИЗ) предстояло увеличить выпуск инструмента в 2,5 раза по сравнению с 1950 годом, а также освоить выпуск новых типов «высокопроизводительного инструмента». Одной «творческой инициативы трудящихся» не хватало; производительность труда напрямую зависела от заводского энергохозяйства, состояние которого главный энергетик завода Александр Дмитриевич Иванов оценивал как «неблагополучное и требующее реконструкции». Неудивительно, что руководство завода искало любые возможности по его улучшению. Показательно в этом отношении расширенное заседание Технического совета завода, прошедшее 7 февраля 1952 года. На заседании обсуждался вопрос увеличения надежности и экономичности энергоснабжения цехов за счет собственных ресурсов. Присутствующие заслушали доклад представителя ЛЭТИ о наработках института и одобрили принципиальные положения проекта, предусматривающего замену «родных» турбин и генераторов на новые при использовании старого здания заводской ГЭС и углублении русла подводящего канала.[60] По результатам заседания в августе 1952 года в адрес министра станкостроения СССР А.И. Костоусова и начальника Главинструмента МСС Н.С. Дегтяренко ушли письма с ходатайством о включении в план капитальных вложений на 1953–1956 годы 12 млн рублей (с учетом проектных работ) на реконструкцию энергохозяйства СИЗ. В финансировании проекта министерство отказало. Лишь в 1961–1963 годах к заводу провели линию от подстанции «Дюны» в Белоострове. Новую заводскую трансформаторную подстанцию 35/10 кВ построили на правом берегу Заводской Сестры (современный адрес: улица Борисова, 12).

---

[57] Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 373.

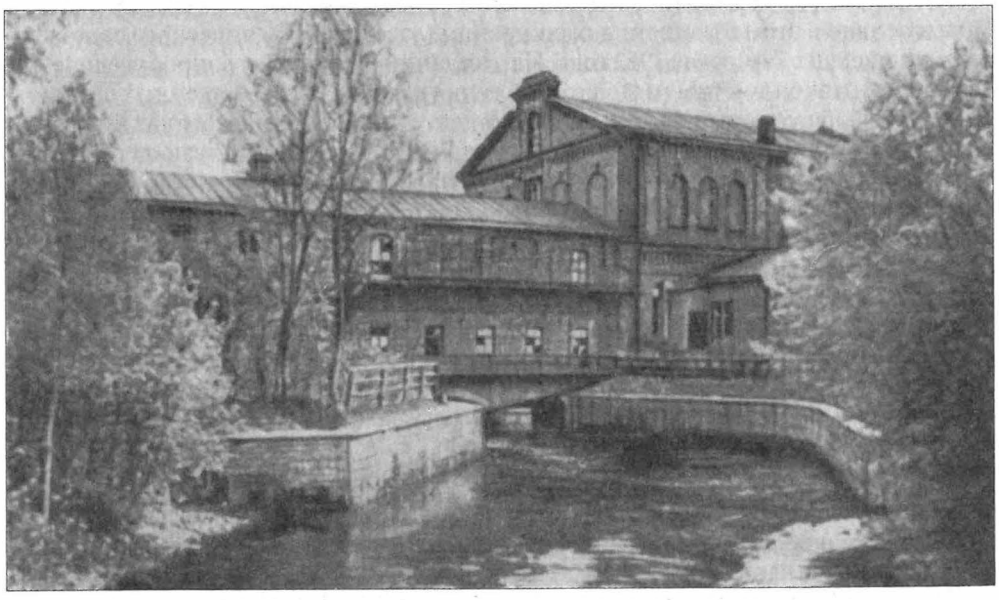
[58] Непокоренный рубеж. Изд. 2. Сестрорецк. 2020. М. 1997.

[59] *Давиденко А.И.* Сестрорецк. Очерки по истории города. Л. 1962. С. 143.

[60] Протокол заседания Технического совета завода имени Воскова от 07.02.1952 года. СИЗ. 1952.

Заводская плотина. 1965 год. Фото М. Герцекова. Из собрания автора

Несмотря на кардинальное решение вопроса энергоснабжения завода, «микро-ГЭС» (по масштабам даже того времени) продолжала функционировать благодаря заботам главного энергетика СИЗ с 1964 по 1979 год Михаила Григорьевича Шубова. Турбины (в основном большая) работали в период «высокой воды»; вырабатываемая станцией энергия поступала в энергосистему завода. Домик с оборудованием подъема щитов плотины содержался в исправном состоянии, огороженный и недоступный для посторонних лиц. Представляют интерес данные измерений расхода воды



Заводская ГЭС со стороны нижнего бьефа.
Из книги: Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968

в подводящем канале ГЭС – так, в марте 1967 года он колебался в пределах от 2,0 до 12,5 м³/с. В начале 1970-х годов история бесполезного в понимании многих объекта могла завершиться сдачей оборудования в металлолом. К счастью, возобладало мнение неравнодушных к наследию отечественного энергомашиностроения людей, отстоявших комплекс ГЭС. Более того, в 1973–1974 годах Трестом СпецГидроЭнергоМонтаж (СГЭМ) был осуществлен капитальный ремонт и запуск большой турбины. В дальнейшем обеспечивался плановый ремонт оборудования, в том числе наплавка и замена рабочих лопастей турбины, которые по шаблонам гнули на заводе.

Плотина всегда притягивала местных рыболовов – ловили перед щитами у деревянных боновых заграждений и в самом канале, когда поднимали щиты. В 1970-х годах мальчишками мы часто удили у «шлюза». Из любопытства подбирались к окошкам плотинного домика, стараясь рассмотреть его хозяйство.

1980-е годы

В марте 1982 года директор завода И.А. Ординарцев получил рекомендации в связи с ожидаемым паводком «редкой обеспеченности» (120 м³/с). Спущенный для исполнения документ регламентировал порядок открытия-закрытия щитов плотины Гаусмана. В случае увеличения уровня воды при всех (18) поднятых щитах плотины Гаусмана предписывалось «открыть полностью щиты ГЭС».[61] Резолюция главному инженеру П.К. Банатову гласила: «Организуйте эту работу»; от него поступило указание бывшему тогда главным энергетиком Э.И. Сосину: «Для руководства, 30.03.1982 года».

Бережное отношение к турбинам и генераторам ГЭС преобладало и в бытность главным энергетиком Павла Ильича Латынина (с 1979 по 1994 год, с перерывами). Так, в середине 1980-х годов Трест СГЭМ вновь провел капитальный ремонт большой турбины. Однако техническое состояние канала и плотины, находящейся на балансе СИЗ, вызывало опасения. Корневая система разросшихся берез по берегам канала разрушала бетонную отделку. Гранитные блоки облицовки входа в канал один за другим сползали в воду, обнажая каменную кладку. Щиты плотины требовали замены. К 1987 году деревянные конструкции домика плотины сгнили; механизмы, лишенные укрытия и ухода, на глазах превращались в груду ржавого металла.

Примерно в 1988 году произошел инцидент – после очередной очистки секции защитных решеток турбин по халатности не установили на место.[62] Увлеченный потоком в большую турбину попал крупный деревянный предмет, заклинив рабочее колесо. Сложность ремонтных работ вынудила прекратить попытки исправить ситуацию.

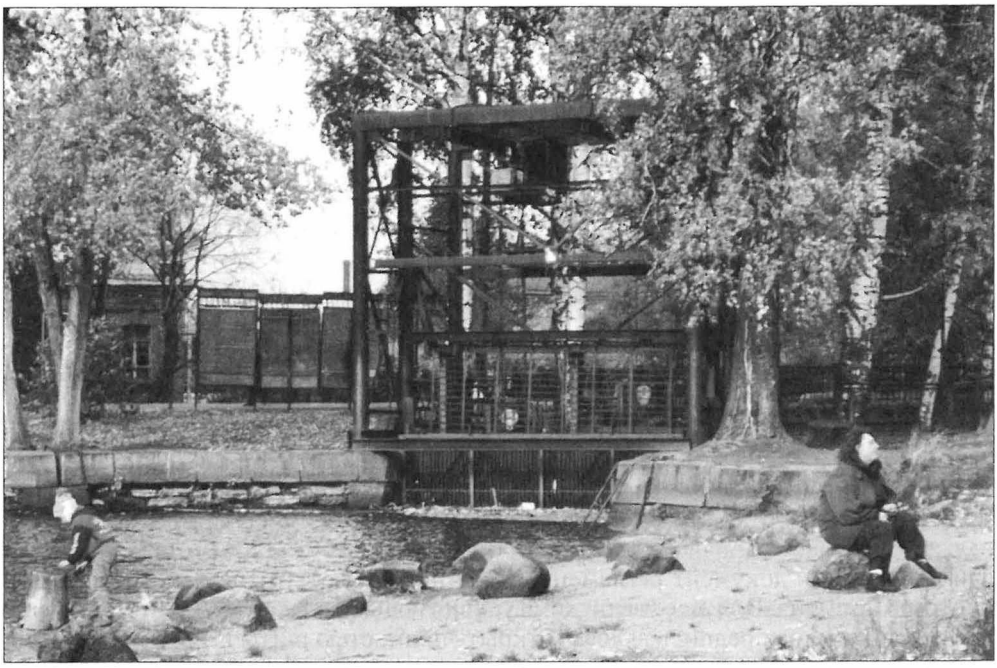
Важное событие венчало 1988 год – здание электростанции и «Соляной канал» получили охранный статус. В числе ряда других сооружений на территории СИЗ, решением Исполкома Ленгорсовета № 963 от 5 декабря 1988 года их признали памятниками истории и культуры местного (регионального) значения.[63]

---

[61] Схема маневрирования затворами при пропуске паводка 1982 года через водосбросные сооружения озера Разлив. ВНИИГ им. Веденеева. 1982.

[62] Очистка защитных решеток проходила регулярно, поскольку в канал попадало много мусора природного и техногенного характера. Случалось, к решеткам прибивало и утопленников... Русло канала перед решетками тайком использовали для купания в жару сотрудники отдела главного энергетика, который размещался на втором этаже у здания ГЭС. При закрытии шлюза коллектив не оставался без рыбы (из воспоминаний П.И. Латынина).

[63] Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. Справочник. СПб. 2000. С. 822.



Заводская плотина. 1999 год. Фото автора

Угроза полного разрушения плотины побудила завод в 1988–1989 годах провести аварийные работы. Но тогда ограничились заменой щитовых затворов[64] и установкой перед ними улавливающих мусор решеток. Подъем и опускание щитов теперь осуществлялись с помощью тросов электрическими тельферами, которые смонтировали на высокой П-образной металлической конструкции. Причем старые неиспользуемые механизмы еще долго оставались нетронутыми, придавая плотине вид музея под открытым небом.

1990-е годы

Руководству образованного в 1991 году ОАО «СИЗ» хватало забот и без давно ставших обузой гидротехнических сооружений. Каким-то образом заводскую плотину удалось снять с баланса предприятия.[65] Почти на два года до передачи в ведение «Ленводхоза» объект лишился хозяина и надзора. Мало-помалу пришли в негодность, а затем и вовсе исчезли тельферы; щиты плотины замерли – один в нижней точке, другой в подвешенном состоянии. Все, что можно, растащили в металлолом. С каждым годом усугублялась проблема технического состояния всех элементов по сути заброшенного объекта. Процесс выпуска воды из водохранилища через заводскую плотину приобрел неконтролируемый характер.

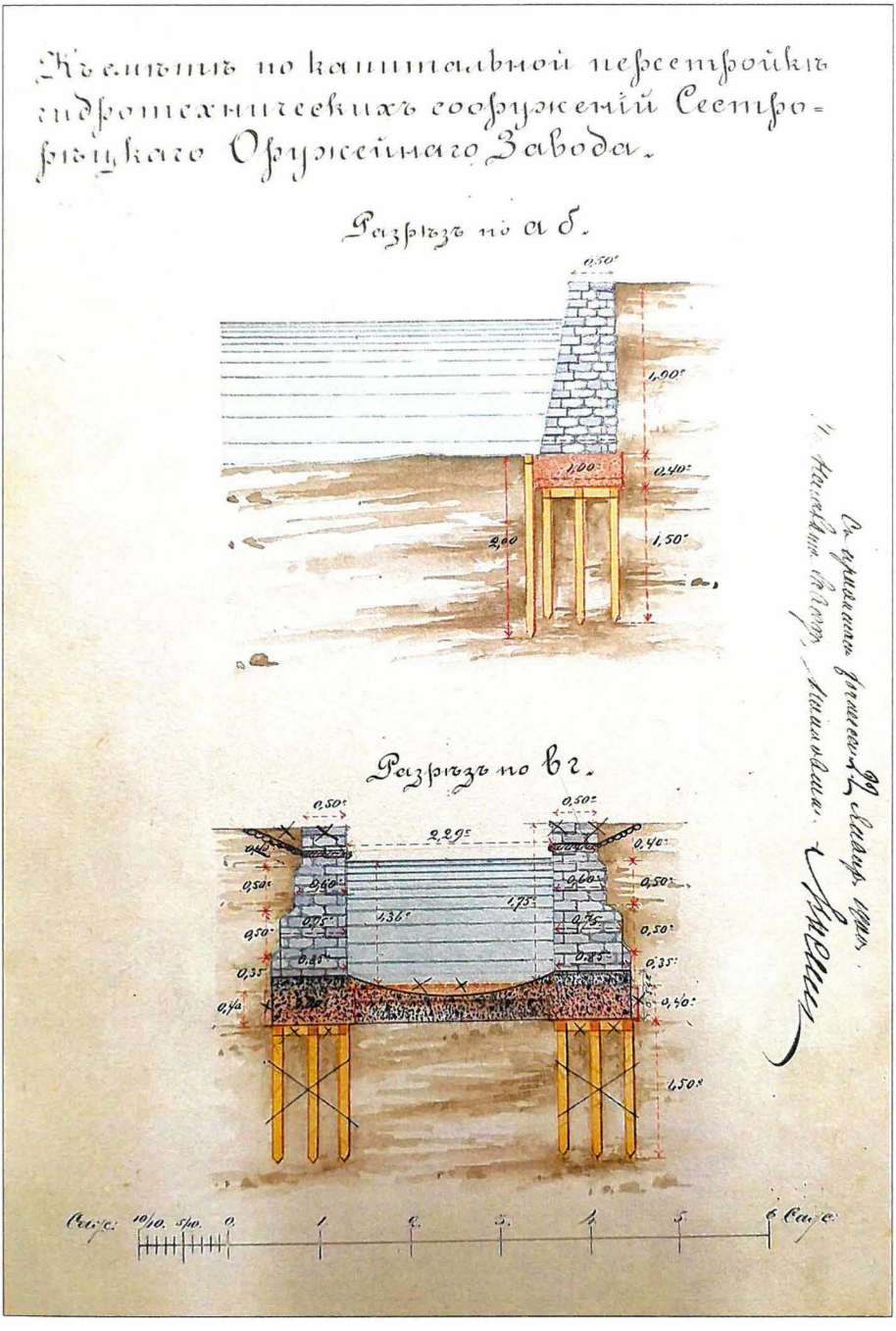
В начале 1990-х годов электриками завода была проведена замена обмоток генераторов АО «Вольта» и их консервация.

---

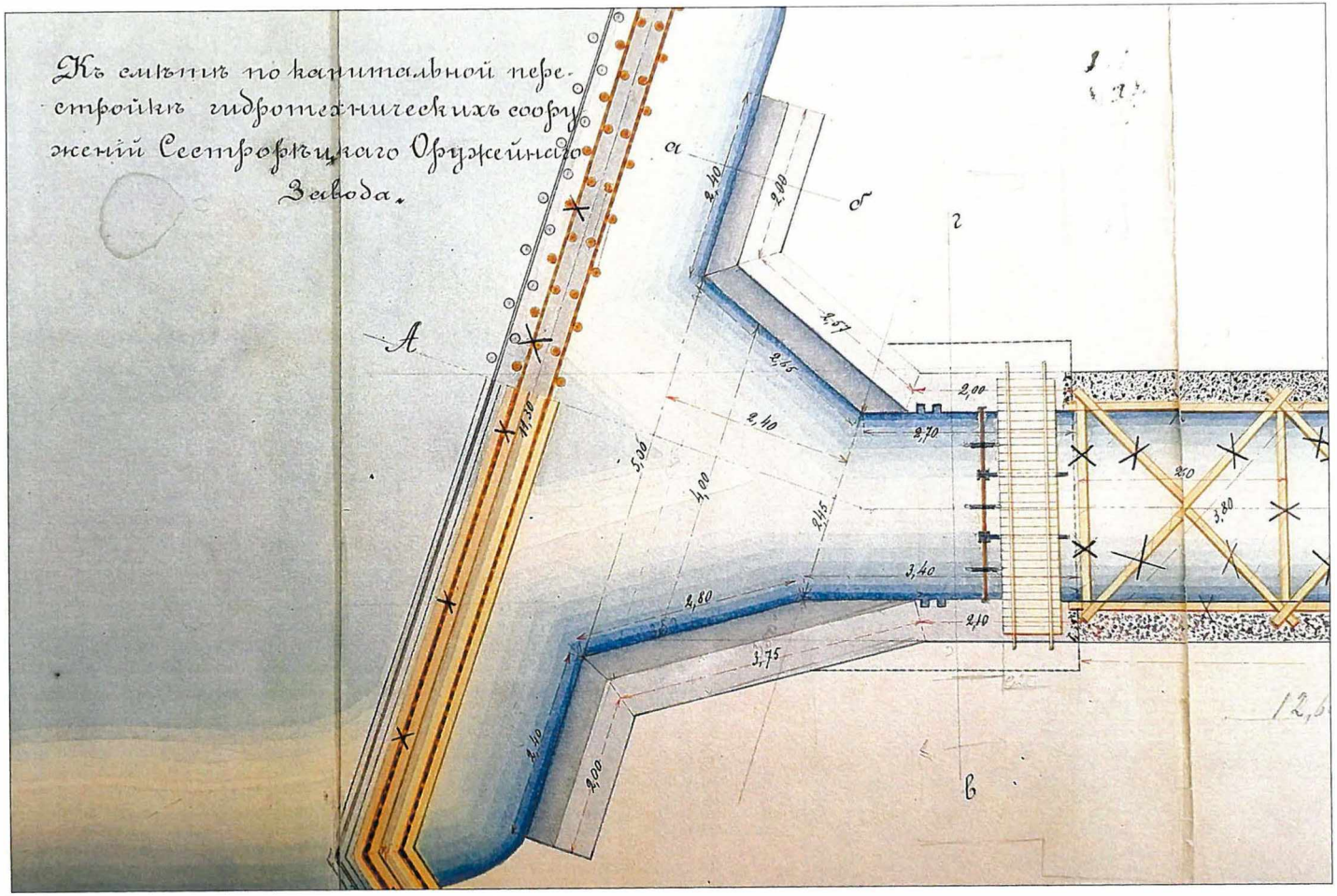
[64] При изготовлении новых щитов Трест СГЭМ не учел профиль дна канала, вследствие чего щиты закрывались с зазором (из воспоминаний П.И. Латынина).

[65] До проведения реконструкции (1985–1988) на балансе завода находилась и плотина Гаусмана, доставляя руководству СИЗ, а особенно главному энергетику, немало хлопот

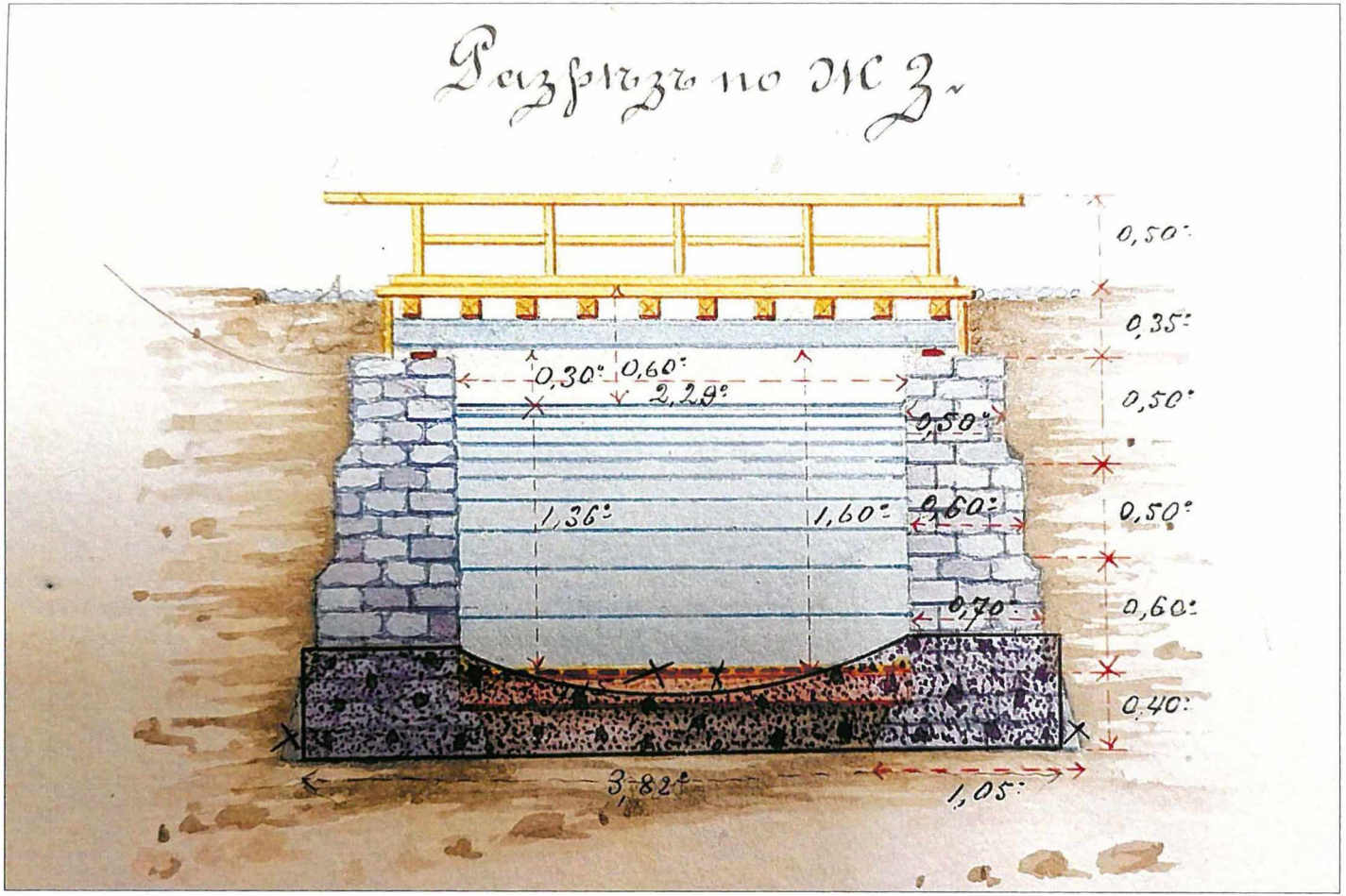
К статье С.В. Ренни «Заводская электростанция (к 300-детию основания “ружейных заводов и прочих железных дел фабрик при Сестре реке”)»



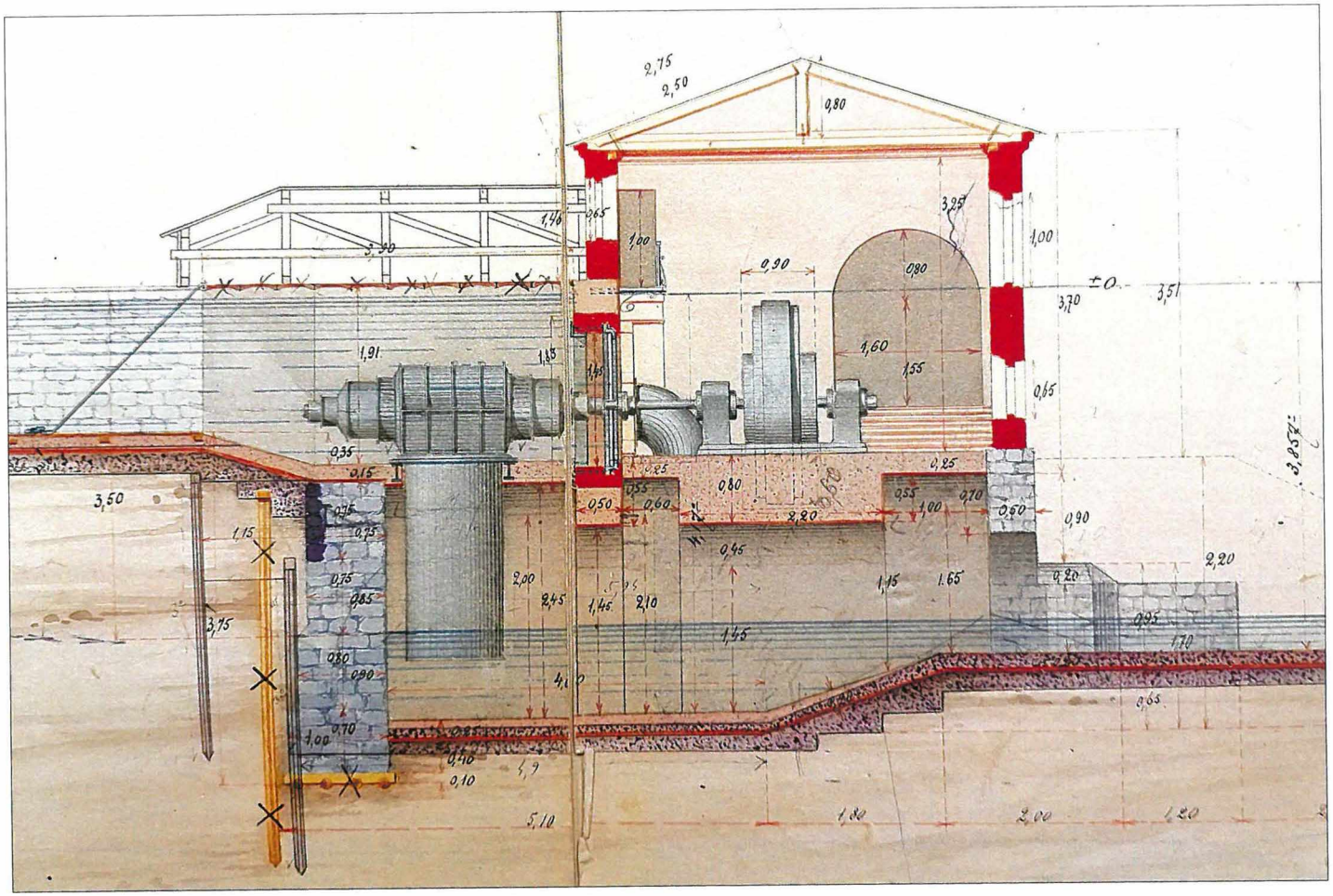
Плотина Сестрорецкого оружейного завода. Разрез. С оригинала 22 января 1900 года, подписанного С.И. Мосиным.
Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе



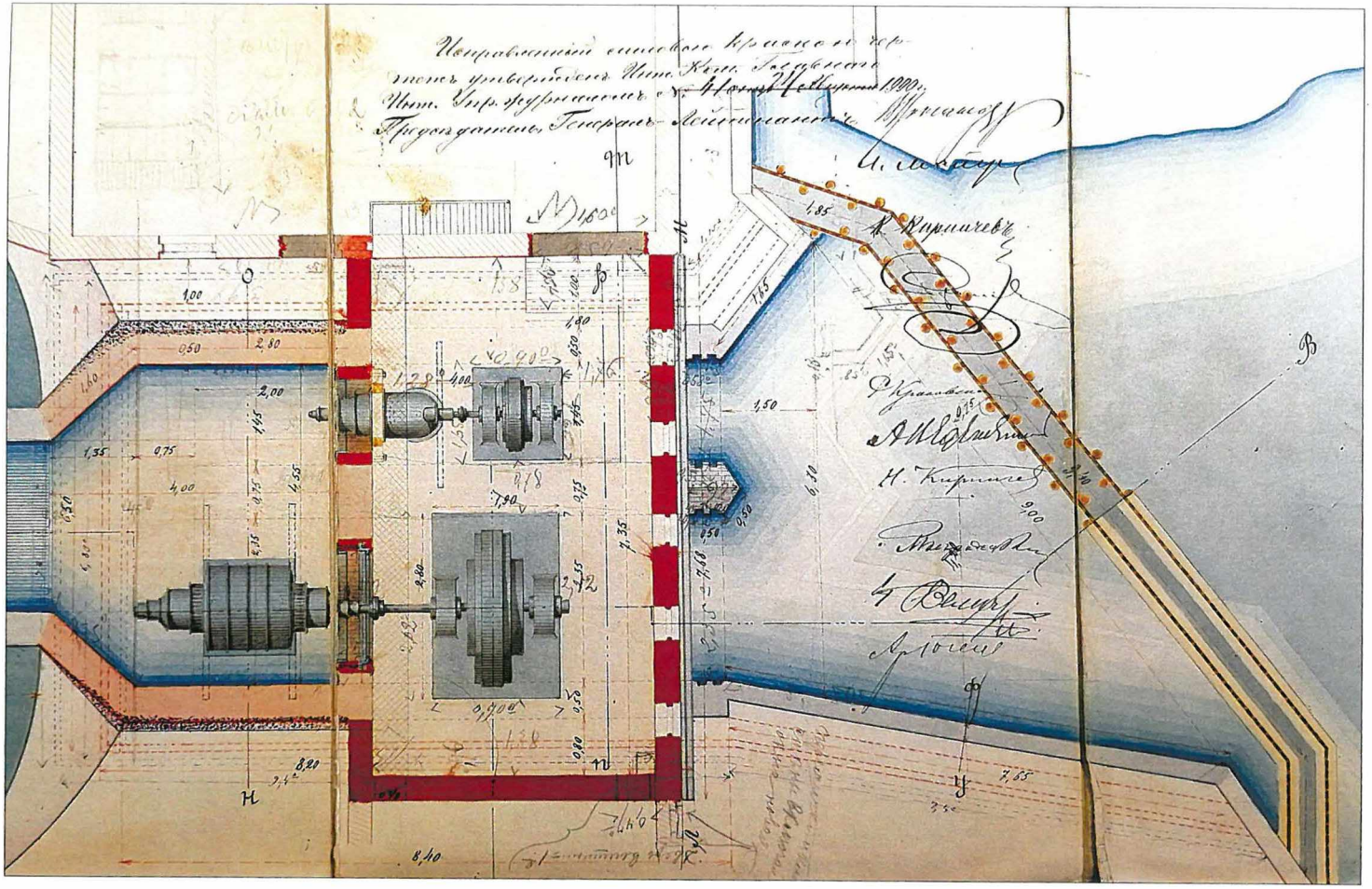
Плотина Сестрорецкого оружейного завода. Разрез. Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе



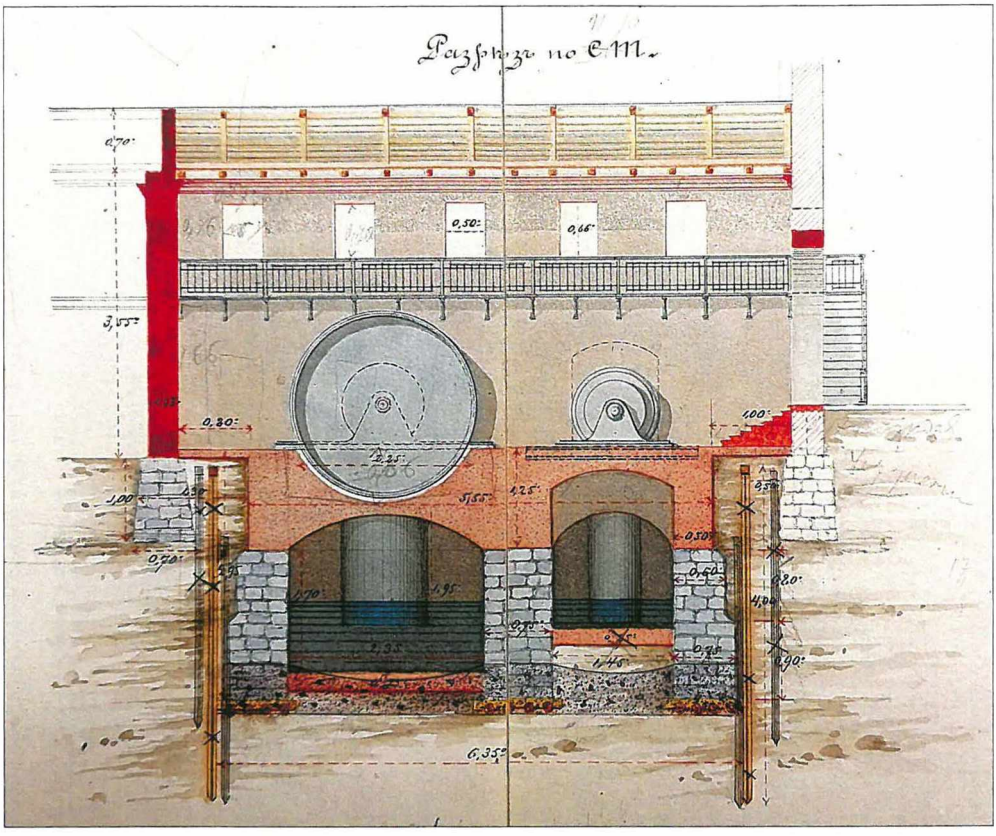
Плотина Сестрорецкого оружейного завода. Разрез канала. Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе



Здание ГЭС. Разрез турбинной камеры. Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе

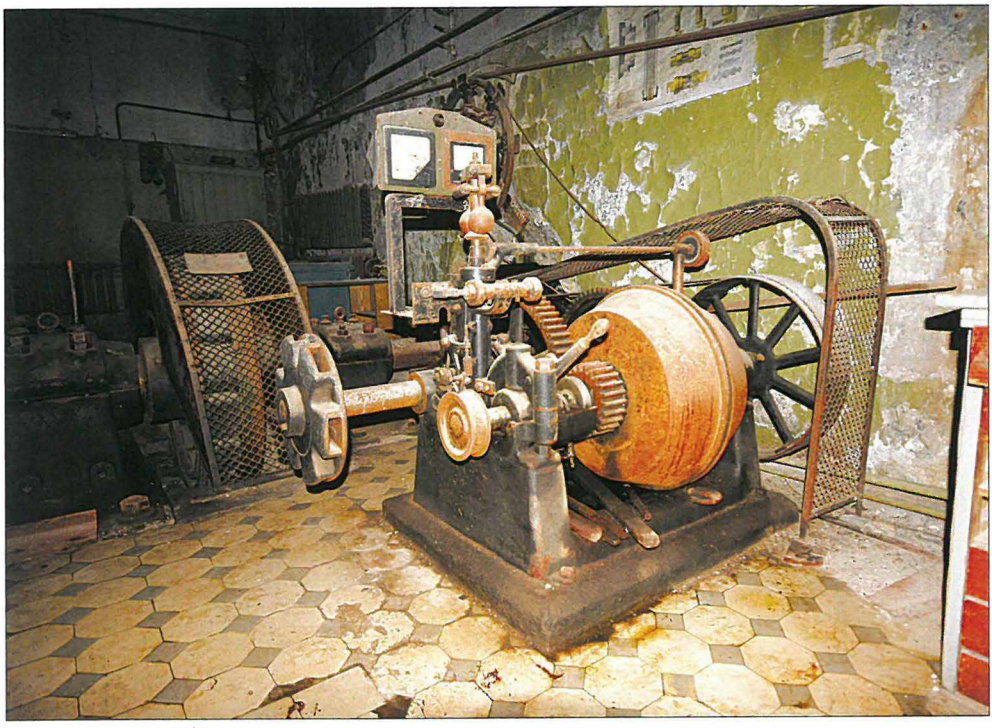


Здание ГЭС. Нижний бьеф турбинной камеры. Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе



Здание ГЭС. Продольный разрез. Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе

Макет будущего комплекса на месте Сестрорецкого инструментального завода. 2011 год. Фото М.М. Браудзе



Машинный зал ГЭС. Механический регулятор мощности турбины. 2011 год.
Фото М.М. Браудзе

Машинный зал ГЭС. Дополнительные генераторы. 2011 год.
Фото М.М. Браудзе

Машинный зал ГЭС. Генераторы АО «Вольта» на 450 кВт (на переднем плане) и на 120 кВт. 2011 год. Фото М.М. Браудзе

Машинный зал ГЭС. Генераторы АО «Вольта» на 120 кВт (на переднем плане) и на 450 кВт. 2011 год. Фото М.М. Браудзе

Заводская плотина. 2000 год. Фото автора

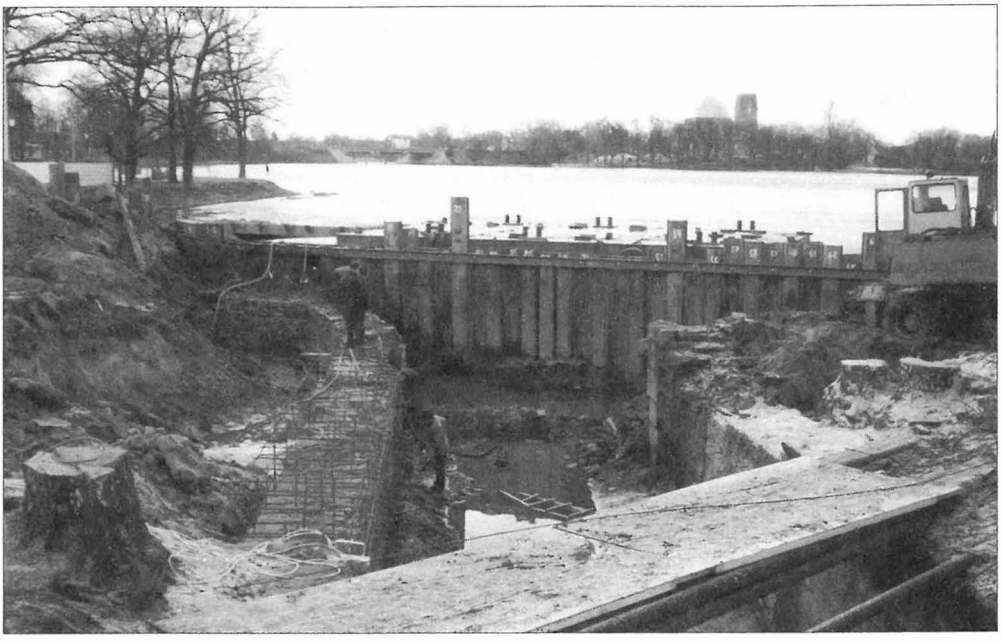
2000-е годы

По всей видимости, в начале 2000-х годов, когда в погоне за контрольным пакетом набирала ход компания по скупке акций ОАО «СИЗ», «родные» турбины ГЭС были утрачены – демонтированы в металлолом. Никаких подробностей операции автору выяснить не удалось.

Осенью 2006 года началась реализация проекта реконструкции заводской плотины, включающего капитальный ремонт головного (12-го) участка заводского канала. Для осушения места работ пространство перед плотиной перекрыла линия металлического шпунта. После демонтажа гранитной облицовки крыльев плотины и железобетонных «одежд» стен канала проводились укрепление и ремонт массива кладки из бутовой плиты. Широко применялся бетон с армированием. Чистовая отделка включала облицовку стен и бортов канала крупномерной гранитной плиткой толщиной 5 см. К сожалению, не вернулись на свои места перед затворами блоки тесаного гранита, замененные на плитку.

Новый водоспуск предстал трехрядной сварной конструкцией с пазами-направляющими из металлического профиля. В первых двух пазах со стороны озера установлены рамы с решетками, с крупными и мелкими ячеями для задержки плавающего мусора. За ними, разделенные стойкой, две секции парных щитов. Нижние щиты стационарны и опираются на бетонное дно русла. Верхние предназначены для регулировки величины входящего потока, их можно поднять с помощью подвесных талей. В этом случае нижние щиты играют роль «водослива с тонкой стенкой», с отметкой гребня около 7,3 м, близкой к ранее принятой минимальной отметке «сработки озера» (7,2 м). Если опущены и верхние щиты, вода переливается через гребень на отметке примерно 7,75 м.

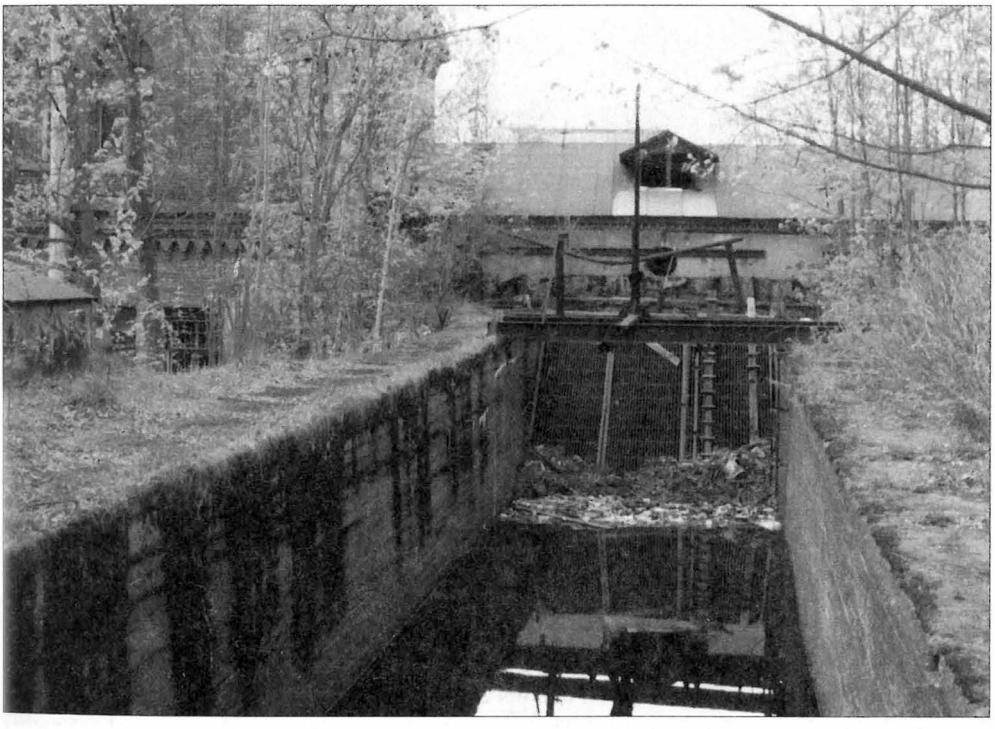
Шпунтовая перемычка по окончании работ летом 2007 года осталась; для пропуска воды в нее врезали два регулируемых патрубка диаметром 200 мм. Столь малый размер лишь усугубил ситуацию с током воды в Заводской Сестре, практически обмелевшей. Преграду из шпунта демонтировали только в мае 2013 года.



Этапы реконструкции заводской плотины. 2006–2007 годы. Фото автора

Радужные перспективы для территории завода и здания ГЭС в частности наметились в ходе разработки проекта комплекса «Петровский Арсенал» (2006–2008 годы). 15 августа 2008 года в присутствии губернатора Санкт-Петербурга торжественно заложили первый камень. Уже в 2012 году инвестиционная компания ООО «Сестра Ривер Девелопментс» планировала завершить амбициозный проект создания нового жилого квартала с бизнес-центром, ресторанами, спортивным комплексом, коммерческим медицинским учреждением на территории бывшего завода,

Завершающий этап реконструкции заводской плотины. 2007 год. Фото автора



Заводской канал у бывшей ГЭС. 2008 год. Фото автора

с восстановлением и приспособлением восьми исторических построек, имеющих охранный статус. Не забыли и про заводской музей! Экспозицию после «восстановления и обновления» предполагалось перенести в здание гидроэлектростанции. Сохранившиеся генераторы «Вольта» должны были занять достойное место среди экспонатов. Обновленное здание ГЭС с пристройками, перекрытыми световыми фонарями, предстало для обозрения на рекламном макете. Технические аспекты реконструкции и приспособления комплекса, включающего верхний и нижний бьефы, остались за рамками этапа эскизного проектирования. Русло отводящего канала планировалось очистить, спрямить и благоустроить, заключив берега в набережные и озеленив территорию.

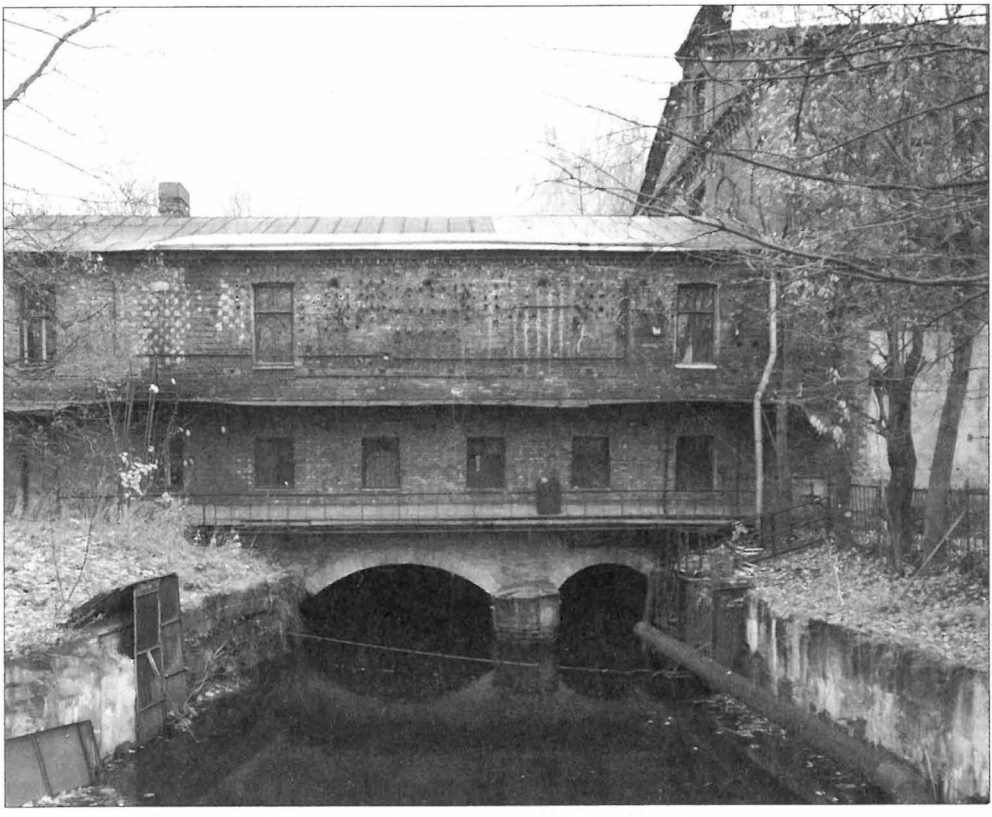
2010-е годы

Очередной этап работ по ремонту заводского канала проходил по заказу Комитета по природопользованию, охране окружающей среды и экологической безопасности Правительства Санкт-Петербурга в 2012–2013 годах под девизом «обеспечения экологической безопасности Сестрорецка».[66] Силами ООО «СИК РоссИнком» работы шли по отработанному сценарию: отбивка бетонных «одежд» канала, укрепление, ремонт и консервация бутовой кладки,[67] гидроизоляция и бетонирование,

Южный (рукотворный) рукав Заводской Сестры. При внимательном рассмотрении можно увидеть ряд шпунтов, забитых с непонятной целью. 2014 год. Фото Л.И. Амирханова

[66] Вести Курортного района. № 11. 6 июня 2013.

[67] Строители были уверены, что имеют дело с каменной кладкой петровского времени, о чем не без гордости звучало в репортажах.



Здание ГЭС. Нижний бьеф. 2011 год. Фото М.М. Браудзе

облицовка гранитной плиткой. Работы в зимний период потребовали возведения над объектом тепляка. 5 июня 2013 года при участии представителей заказчика, подрядчика, эксплуатирующей организации ГУП «Ленводхоз», администраций Курортного района и Сестрорецка состоялась торжественная церемония «открытия и ввода в эксплуатацию» Заводского канала. С высокой трибуны звучали речи о сохранении природной среды, о создании «еще одного места для нерестилища рыбы».[68] С поднятием щитов реконструированной пятью годами ранее плотины вода устремилась в канал. Впрочем, уже на следующий день щиты опустили. Ремонт не затронул находящуюся на территории инвестора часть канала, о чем старались не упоминать.

11 июля 2013 года комиссия Комитета приняла масштабные работы по «восстановлению проточности» устья Малой (Заводской) Сестры (канал, пешеходный мост, «струеотводящий» мол). Напомним, что весь комплекс работ 2012–2013 годов затевался с целью «восстановления работоспособности гидросистемы», включающей озеро Разлив, Заводской канал, Малую Сестру и Финский залив.[69] Дело оставалось за финансированием дноочистительных работ на всем протяжении Заводской Сестры. К рассчитанным на два года работам ни в 2014 году, ни в последующем так и не приступили.

Зато в рамках проекта перекрыли в истоке южный (рукотворный) рукав Заводской Сестры перемычкой из металлического шпунта, что привело к ускорению процесса

[68] Вести Курортного района. № 11. 6 июня 2013.
[69] Там же.

заболачивания и так слаботочного (на данный момент полностью изолированного) водоема вблизи излюбленного маршрута терренкура Курорта. Трудно назвать это «улучшением экологической картины побережья», столь уверенно нам обещанным.

В 2016 году участки берега заводского канала пришлось вскрыть для устройства бетонного фундамента опор нового автомобильного моста. Ход работ вызвал необходимость кратковременного поднятия верхних щитов плотины в августе – сентябре 2016 года.

Своим распоряжением от 28 апреля 2017 года № 186-р КГИОП утвердил границы территории объекта культурного наследия «Ансамбль Сестрорецкого оружейного завода». Граница прошла вдоль восточного берега «Соляного канала» (читай Заводской Сестры и Заводского канала) и фундаменту здания ГЭС. При этом основная часть заводского канала осталась за пределами объекта, лишившись охранного статуса.

Апрель 2021 года (вместо послесловия)

Ремонтные работы 2006–2007 годов на заводской плотине лишь свели к минимуму возможность аварийной ситуации. Давно наблюдаемая течь у береговых устоев и между щитами угрозы для сооружения не представляет. Из года в год вода лениво переливается через щиты тонким слоем, лишь весной величина потока немного возрастает, если по той или иной причине задействованы не все затворы плотины Гаусмана. Как следствие, Заводская Сестра изобилует мелями, а под железнодорожным мостом близ Курорта летом не превышает в ширину 3 м.

Впрочем, 9 апреля автор стал свидетелем редкого явления – щиты заводской плотины были подняты, зафиксированы в верхнем положении металлической арматурой, а вода с шумом заполняла канал. Не воплощение ли это плана экологов по «нормализации стока реки»? Представитель «Ленводхоза» объяснил происходящее как вынужденную меру; несколько щитов плотины Гаусмана временно не работоспособны, а уровень озера требуется срочно понизить из-за обильного паводка. Действительно, уже к 13 апреля заводская плотина и канал приняли привычный глазу вид. Беспокойства за целостность 120-летней постройки ГЭС при пропуске значительной массы воды специалист эксплуатирующей организации не обнаружил, сочтя бетонное ложе водослива вполне надежным. Но, как известно, вода камень точит. Как давно собственником проводилось обследование стен и перекрытий здания ГЭС? Ведется ли мониторинг? Вопросы риторические...

Реконструкция объекта по адресу: улица Воскова, дом № 2, литера «З», как и «забытого» участка заводского канала в перспективе неизбежна. Кому решать проблему – нынешнему ли владельцу территории завода или его приемнику, – покажет время. Лишь тогда, при умелом маневрировании щитами двух плотин, полноводность Заводской Сестры можно восстановить. Бóльшую часть года, однако, придется мириться с видом сухого русла Водосливного канала в верхнем и среднем течении, поскольку через плотину Гаусмана пойдет только излишек воды из озера в период паводков. Но в этом и состояло изначальное предназначение «перепада»...

Будет ли машинный зал ГЭС когда-нибудь превращен в музейное пространство? Ответа ни сегодня, ни в ближайшие годы, скорее всего, никто не даст. Жаль, если история сохраненных поколениями заводчан уникальных агрегатов начала XX века на этом и закончится.

Автор благодарит за помощь в подготовке статьи Бориса Еремеевича Ривкина, Петра Ильича Латынина, Аркадия Юрьевича Николаенко

Литература

Амирханов Л.И. Сестрорецк. 300 лет истории. СПб. 2014.

Беликов В.В. Северный Курорт России. Тайны озера Разлив. СПб. 1999.

Броун С.А. Очерк Сестрорецкой волости, Петербургского уезда. Известия ИРГО. Т.XI. 1875. СПб. 1876.

Вести Курортного района. № 11. 6 июня 2013.

Давиденко А.И. Сестрорецк. Очерки по истории города. Л. 1962.

Зыбин С., Неклюдов М., Левицкий М. Оружейные заводы: (Тульский, Сестрорецкий, Ижевский). Кронштадт, 1898.

Иванова Н.Л. История малой Родины – Сестрорецк. Изд. 2. СПб. 2014.

Иорс А.М. Сообщение о состоянии гидротехнических сооружений Сестрорецкого завода им. Воскова на 17.10.1966 года. СИЗ. 1966.

История Сестрорецка и его окрестностей. Т.II. Сестрорецк и его окрестности в XIX веке. СПб. 2007.

История Сестрорецка и его окрестностей. Т.III. Сестрорецк и его окрестности в начале XX веке. СПб. 2008.

Курортный летописец. № 12. 2001.

Курортный район. Страницы истории. Выпуск 1. СПб. 2005.

Непокоренный рубеж. Изд. 2. Сестрорецк. 2020.

Орфеев А.П., Неклюдов М.Е. Сестрорецк. Краткий исторический и современный очерк с описанием курорта. СПб. 1900.

Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. Справочник. СПб. 2000.

Пояснительная записка к проекту новой гидростанции при Сестрорецком заводе. ГИДРОПРОЕКТ. 1926.

Природа Сестрорецкой низины. СПб. 2011.

Протокол заседания Технического совета завода имени Воскова от 7 февраля 1952 года. СИЗ. 1952.

Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968.

Смоляной путь. Альманах. Выпуск 4. СПб. 2017.

Схема маневрирования затворами при пропуске паводка 1982 г. через водосбросные сооружения озера Разлив. ВНИИГ им. Веденеева. 1982.

Яковлев В.Д. Мой Сестрорецк. Сестрорецк. 2006.

https://www.geni.com

https://www.ria1914.info

https://ru.wikipedia.org

Е.А. Агафонова

АРХИТЕКТУРА САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ КОМПЛЕКСОВ СЕСТРОРЕЦКА, РЕПИНО И СОЛНЕЧНОГО ЭПОХИ СОВЕТСКОГО МОДЕРНИЗМА 1960–1990-х годов

Развитие туристического потенциала Санкт-Петербурга всегда являлось одним из приоритетных направлений градостроительной политики города. Такие крупные населенные пункты, как Сестрорецк, Солнечное и Репино, расположенные в районе с говорящим названием Курортный, еще со времен своего основания позиционировались как главные рекреационные территории города. Развитие санаторной застройки, один из активных периодов которой пришелся на 1960–1990-е годы, незаслуженно обделено вниманием исследователей ввиду своей простоты и массовой типизации в угоду скорости и экономичности проектирования и строительства. Однако именно эти два качества могут послужить во благо при создании новых комплексов, в противоположность современным тенденциям создания неоправданно сложных и дорогостоящих проектов, в итоге приводящим к большим затратам и увеличению сроков строительства.

Еще одним важным аспектом изучения пансионатно-санаторного наследия Курортного района является анализ сильных и слабых сторон существующих комплексов. Это необходимо для грамотного составления проектов их реновации и общей стратегии развития региона. На первых этапах обновления курортного региона вовлечение существующих санаториев и пансионатов в активную жизнь, повышение их статусности и престижа, создание и обновление идентичности могут стать ключевыми в стратегии развития. В прошлом, когда пансионные комплексы имели почти 100 % заполняемость благодаря их принадлежности к крупным отраслям экономики (заводы, транспорт и так далее), у них не возникало проблем с финансированием и поддержанием внутреннего и внешнего вида, а также качества оказываемых услуг на современном должном уровне. Сейчас же этот взаимовыгодный симбиоз значительно ослаб и возникла необходимость поиска новых источников дохода. Многие заведения пришли в упадок и перестали соответствовать современным потребностям туристов. Некоторые санатории были выкуплены богатыми инвесторами и отреставрированы с использованием современных систем строительства. Однако применение вентилируемых фасадов, замена остекления и другие изменения разрушают исторический облик зданий, когда от них остается только геометрический объем и каркас постройки. При этом не достигается цель по созданию уникального внешнего вида здания; оно становится обычным представителем типовой современной застройки, не имеющей ярко выраженных стилевых приемов или уникальных инновационных решений.

Исследованиям архитектурно-градостроительного наследия санаторно-курортного проектирования 1920–1960-х годов посвящено большое количество научных работ. Однако постройкам данного типа периода 1960–1990-х годов уделено незаслуженно мало внимания. Несмотря на то, что они создавались в непростых условиях массовой экономии и борьбы с излишествами, архитекторам удавалось достигать выразительности образа здания сугубо за счет интересного пространственно-объемного решения функциональных компонентов и деталей. Данные постройки до сих пор функционируют, однако ввиду пренебрежительного отношения к ним и негативного восприятия со стороны общества нуждаются в реновации, переосмыслении образа и создании новой идентичности. Именно для этого необходимо проведение тщательного анализа сильных и слабых сторон данных комплексов и выявление путей их потенциального развития и массовой популяризации.

Ввиду слабой научной изученности темы, для лучшего понимания истории развития архитектуры санаториев 1960–1990-х годов необходимо обратиться к опыту проектирования санаторно-курортных комплексов более раннего периода – 1920–1960-х. Они будут рассматриваться с точки зрения использования этих наработок и приемов в проектировании комплексов более поздних периодов.

Основой для формирования санаторного комплекса всегда являлись благоприятные для здоровья человека природные условия, которые можно было использовать как самостоятельный способ лечения. Именно поэтому особое развитие курортных регионов, таких как Сочи, Кисловодск, Ессентуки и другие, связанно именно с богатством природных лечебных ресурсов (источники минеральных вод, теплое море, мягкий климат и свежий воздух) и высоким спросом на них. Однако, курортные районы крупных мегаполисов средней полосы также имеют свои лечебно-оздоровительные комплексы в залесенных пригородах. Популярность этих курортов не в самую последнюю очередь связана с создавшейся в обществе потребностью кратковременного отдыха в комфортных природных условиях для людей, не имеющих возможности надолго отлучаться от мест работы. Таким образом, создается спрос на формирование здравниц в часовой доступности от центра крупного города.

Исследователи чаще всего выделяют четыре этапа развития архитектурно-градостроительной мысли советских санаторно-курортных комплексов.

На первом постреволюционном этапе (1917–1930) санатории имели скромный набор обслуживающих помещений, лечебный и пищевой блоки, как правило, размещались в объеме спальных корпусов или совмещались с ними. Функциональные и планировочные решения корпусов имели асимметричное построение. Архитектура санаториев носила черты конструктивизма, выразительность композиции достигалась за счет пропорционального сочетания и артикуляции простых объемов.

На втором (1930–1941) и третьем (1945–1950) этапах происходит переосмысление классических принципов, и дальнейшее развитие идет по двум направлениям. В одном случае, интерпретация этих принципов выражается в построении всего ансамбля санаторного комплекса и сочетается с новаторскими поисками объемного решения корпусов. В другом наряду с классическими приемами построения композиции заимствуются и элементы классической архитектуры, выступающие в роли стилизованной декорации.

Четвертый этап (1960–1970) отражает новые методы строительства и конструктивные возможности. Строгая функциональность архитектурных решений сочетается со стремлением вписать сооружение в природное окружение.

В отличие от южных санаториев, отличающихся богатством идей и архитектурных задумок известных советских архитекторов, учреждения севера Санкт-Петербурга отличаются более скромными приемами выразительности облика зданий. Это связано с потребностью стандартизации производства и ускорения процесса возведения зданий, а как следствие и их удешевление строительства. В конструкции

Вид с самолета на северный берег Финского залива в Сестрорецке. Справа налево: 2-й корпус Сестрорецкого курорта, санаторий «Белые Ночи», санаторий «Детские дюны». 2008 год. Фото П.С. Сапунова

зданий использовались типовые крупносборные элементы, типовые однообразные жилые блоки. Но, несмотря на стремление до предела ужать стоимость возведения данных комплексов, архитекторы все же находили способы создания выразительности образа санатория. В основном это достигалось за счет комбинации уже существующих типовых объектов, доступных в каждом городе. Если рассмотреть отдельно каждый элемент здания, то можно провести аналогии: жилой блок санатория отдельно похож на панельный многоквартирный дом, столовое и досуговое отделения – на типовые проекты магазинов и дворцов культуры, создававшихся в те времена организацией ЛенНИИПроект, а спортивные и лечебные блоки имеют схожие образы с районными больницами и поликлиниками. И все же в сочетании этих базовых элементов в едином целом получается новый объект, смотря на который люди сразу узнают его назначение: санаторий или пансионат.

Сочетание всех функций в едином объеме – наиболее распространенный, хоть и не повсеместный прием в создании санаторно-курортных комплексов севера Санкт-Петербурга. В основном это связано с удобством эксплуатации здания и комфортом нахождения в нем людей: в отличие от южных краев, в северных регионах вблизи Финского залива погода очень непостоянна, с большим количеством дождливых дней и сильными порывами ветра. Поэтому более рационально строить прибрежные санатории как монообъем, а санатории в лесных массивах – располагать с учетом защиты открытой территории от ветра.

Территория Курортного района Санкт-Петербурга обладает благоприятными природными условиями для создания лечебных и оздоровительных центров. Основными оздоровительными направлениями являются бальнеология, гелио- и аэротерапии и грязетерапия.

История развития Балтийского побережья Курортного района Санкт-Петербурга как рекреационной территории в первую очередь связано с созданием транспортной

инфраструктуры, соединяющей город с отдаленными от центра природными угодьями периферийных районов. Это Приморская (Сестрорецкая) и Финляндская железные дороги, и сегодня все крупные санатории Курортного района находятся в радиусе 10–20 минут пешей доступности до остановок электричек.

В целом историю развития Сестрорецких курортно-оздоровительных комплексов можно разделить на довоенный и послевоенный периоды. В первом до революции был построен знаменитый санаторий Сестрорецкий курорт, который впоследствии был усовершенствован. Послевоенный период развития уже связан с созданием крупных массовых заведений, рассчитанных на большое количество посетителей и быстрые сроки строительства.

Параллельно с Сестрорецком получили развитие другие населенные пункты на побережье: Солнечное, Репино и другие.

Сегодня в Курортном районе наблюдается большое количество небольших гостиничных и курортных комплексов различных периодов постройки. Однако для анализа архитектурных приемов советского модернизма стоит обратиться именно к крупным санаториям периода 1960–1990-х годов, как наиболее завершенным и самодостаточным объектам.

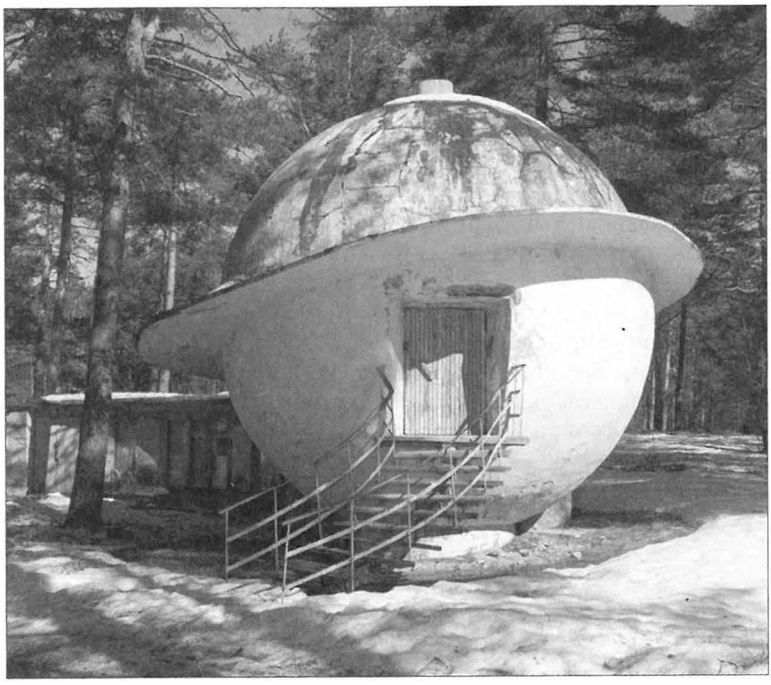
Солнечное

Санаторий «Солнечное» (1963, 1972 годы). Мастерская № 3 «Ленпроект», архитекторы Я.Д. Болотин, Л.В. Кайтмазова, Д.В. Эксе, под руководством Л.М. Хидекеля

Санаторий имеет рассредоточенную структуру организации участка, при которой каждое здание выполняет единственную функцию: жилую, образовательно-досуговую, хозяйственную или лечебную. Жилые корпуса расположены компактно, на некотором отнесении от общественных и лечебных построек. Дома простой прямоугольной формы своей протяженной стороной развернуты на юг под углом: таким образом достигается необходимый уровень инсоляции жилых комнат и вид в сторону Финского залива. Здания такой же прямоугольной формы, предназначенные для лечебных функций, полностью ориентированы на запад параллельно прибрежной линии залива для удобства проветривания помещений. На фасадах корпусов имеются прямоугольные эркеры с панорамными окнами, южные торцевые стены также выполнены с использованием большого процента остекления.

Особый интерес представляют сохранившиеся малые архитектурные формы и досуговые здания санатория, выполненные в духе космической эпохи и футуризма. Авторами выступают художники и скульпторы Училища имени В.И. Мухиной (сегодня – Академия Штиглица). Здание планетария выполнено в форме планеты Сатурн с гладким штукатурным покрытием, с пристроенной к ней изогнутой галереей, олицетворяющей траекторию ее движения. Постройка служит ключевым элементом комплекса космической тематики, который включает в себя также две детских горки и скульптурный парк. Бетонные скульптуры изображают необычные гибриды животных. Они выполнены в минималистичной манере, когда от формы сохраняется только узнаваемый плоский силуэт. В целом данный комплекс можно считать воплощением в малом масштабе идеи «футуристического города», который создал скульптор – брат архитектора санатория Лазарь Хидекель.

Именно благодаря данным малым архитектурным формам создается идентичность санатория, предназначенного для долгого пребывания детей на территории. В то же время сравнительно скромные размеры и простота отвечают общей концепции экономичного и быстрого строительства. В простых и элегантных решениях чувствуется любовь и гуманизм художников. Небольшие объекты, обладающие индивидуальностью и характером, не только отражают дух и историю своего времени, но и позволяют детям погрузиться в особую фантазийную атмосферу сказочного



Санаторий «Солнечное». Планетарий в виде планеты Сатурн. 2021 год. Фото В. Юльева. URL: https://www.the-village.ru/city/in-the-house/347045-pink-planet-house

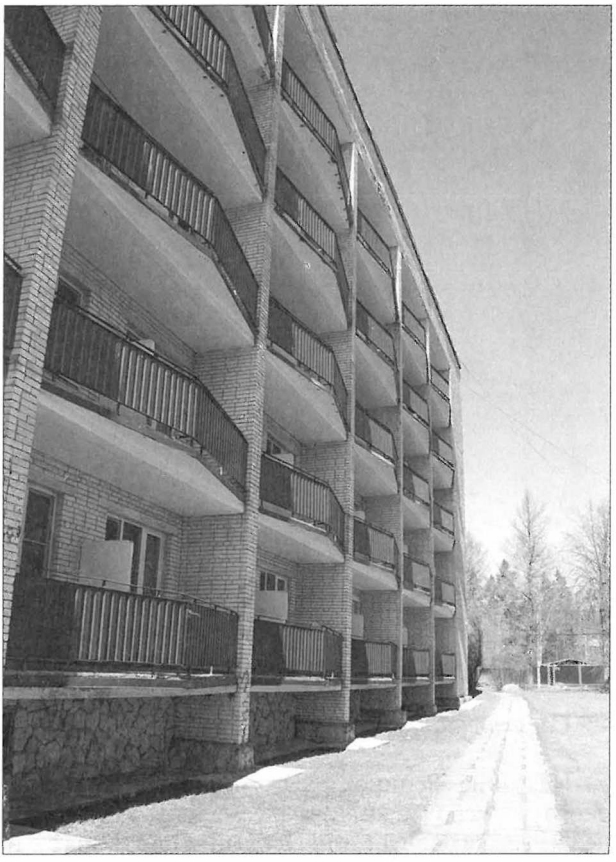
леса, наполненного необыкновенными вещами. Такое решение не только стимулирует творческое развитие своих юных посетителей, но и поощряет их интерес к активным играм и времяпрепровождению на свежем целебном воздухе.

Репино

Пансионат «Буревестник» (1963, 1971 годы), архитекторы В.М. Гуляев, А.А. Маслов, И.А. Солодовников, А.П. Плеханов

Комплекс пансионата представлен в виде единого здания. Два вытянутых перпендикулярно линии залива объема в пять и три этажа выполняют функции жилого и административного зданий соответственно. Между ними размещено квадратное здание концертного и спортивного назначения. Все три объема соединены между собой закрытой остекленной и открытой с навесом галереями. Комплекс выполнен из сборных железобетонных конструкций с заполнением из кирпича или панорамного остекления. Во всех жилых комнатах предусмотрено наличие балконов с видом на залив. В общественной части активно используется естественное освещение для улучшения самочувствия посетителей.

Функциональное назначение объемов здания также отражено в фасадном решении. Жилая часть имеет ярко выраженный горизонтальный ритм, создаваемый с помощью ограждений треугольных балконов синего цвета, как аллегории морской волны. В качестве вертикального акцента используется выдающийся из фасада объем лестницы с остеклением с первого по пятый этаж и входным козырьков в форме белой чайки. В целом данная часть здания по своей стилистике напоминает архитектурные решения жилых панельных домов-кораблей. Общественно-досуговая часть комплекса по своему внешнему виду больше напоминает промышленное здание с четко выраженными ребрами несущих бетонных конструкций, горизонталью галереи-навеса и ленточным остеклением. Ритмика протяженного объема завершена лестницей на торце здания. Третий объем концертного зала выражен в виде



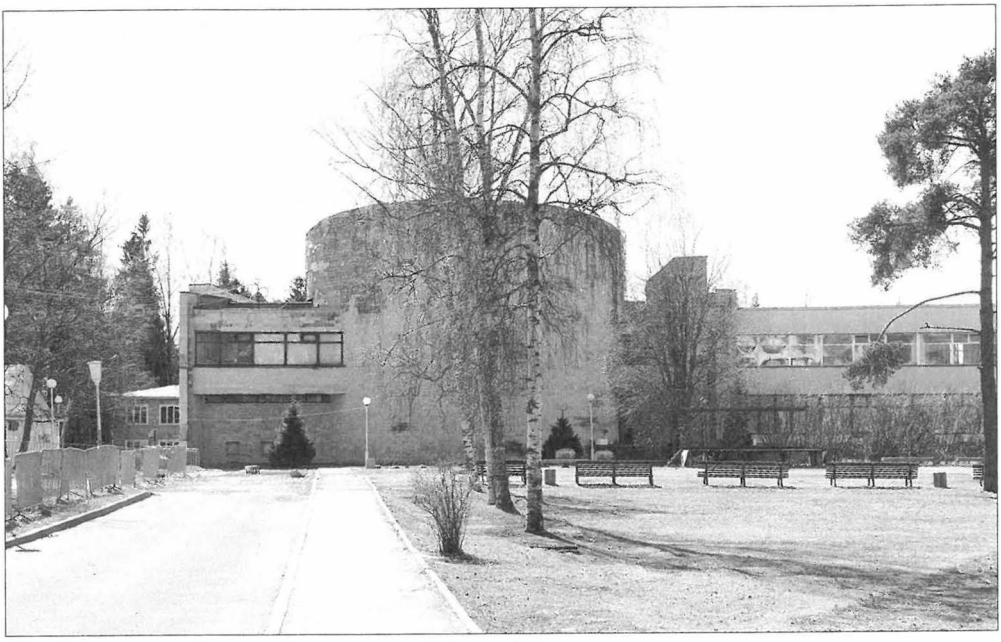
Пансионат «Буревестник». Вид на выступающие треугольные балконы жилого блока. 2021 год. Фото Е.А. Агафоновой и Е.А. Михайлюковой

монументального сплошного объема, главным акцентом которого является большое панорамное окно и выступающий козырек-балкон над входной группой. В целом в архитектурном решении здания используется единый прием акцентной лестницы с остеклением в сочетании с горизонтальной ритмикой остальных элементов фасада.

Пансионат «Балтиец» (1986 год)

Здание пансионата, расположенное рядом с пансионатом «Буревестник», также выполнено в едином объеме со схожим функциональным делением частей здания. Однако, если в «Буревестнике» центральным акцентным элементом выступает концертный зал, то здесь этот круглый объем служит лишь для создания композиционного баланса по отношению к 14-этажному прямоугольному жилому блоку. Вторым его противовесом выступает трехэтажная секция спортивно-оздоровительной функции. Между собой эти разнообразные формы соединены остекленной галереей.

В фасадном решении здания также прослеживаются аналогии с «Буревестником». В решении жилого блока используются горизонтальные ритмы, создаваемые треугольными балконами, а завершением выступает торцевой объем лестницы со скругленными балконами. Отличительной чертой комплекса можно назвать необычное здание концертного зала в форме короткого цилиндра, которое удачно завершает Г-образную композицию всего здания. На первых трех этажах проходит ленточное остекление, связывающее между собой все три функции пансионата.

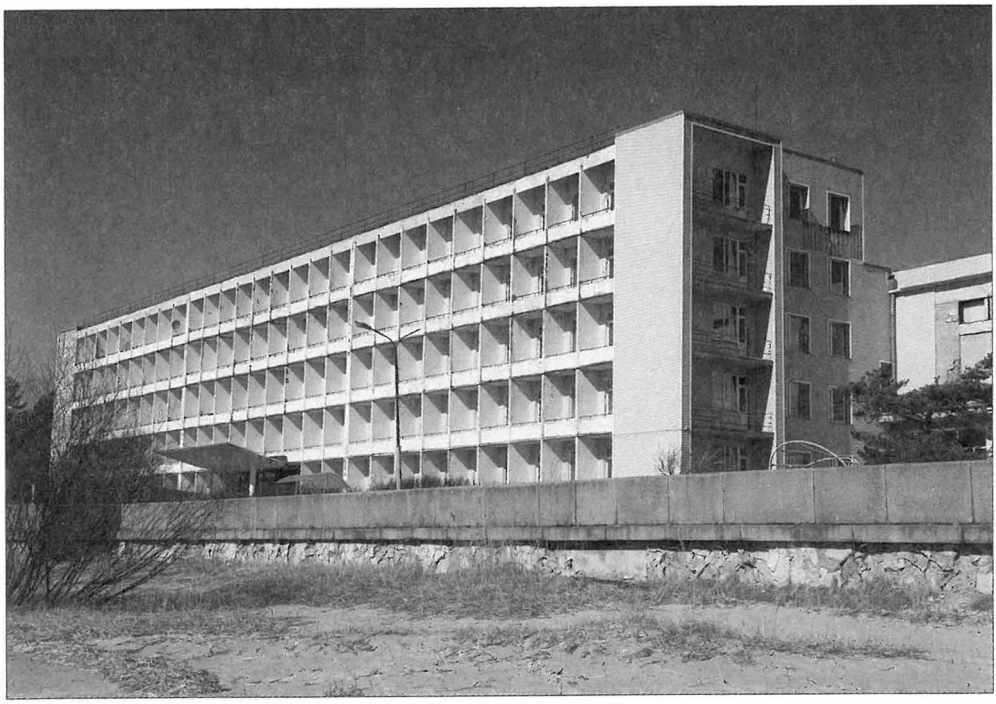


Пансионат «Балтиец». Вид на концертный зал. 2021 год. Фото Е.А. Агафоновой и Е.А. Михайлюковой

Санаторий «Репино» (1971 год)

Название «Репино» носят два комплекса, расположенные вдоль побережья Финского залива. Оба корпуса размещены в непосредственной близи к заливу параллельно береговой линии. Первый – пансионат – не имеет ярко выраженных архитектурных решений и выполнен в форме типовых квадратных ячеек номеров с балконами, составленными в прямоугольный объем, дополненный простым навесом над входом. Второй – дом отдыха – был реконструирован в 2007–2008 годах с использованием вентфасада и керамогранита, все остекление заменено на новое. Однако сама форма и конфигурация здания осталась неизменной: центральный стеклянный блок входной группы, к которому с одной стороны примыкает жилой блок, а с другой – водно-спортивный центр. Фасад жилой части, обращенный в сторону залива, выполнен в виде сплошной остекленной плоскости. Внутренний фасад имеет треугольные выступы, также выполненные из стекла.

Еще один комплекс, имеющий название гостиница «Репинская», состоит из жилого блока прямоугольной формы и двух примыкающих по бокам двухэтажных объемов киноконцертного зала и спортивно-оздоровительного центра. Жилой объем имеет прямоугольную форму, составленную из ячеек номеров, но, в отличие от первого санатория, данные ячейки сдвоенные и объединены одним легким деревянным балконным ограждением, что позволяет внести разнообразие во внешний облик здания. Со стороны залива в центре фасада сделано стеклянное разделение лестничным блоком, размещенным в одной плоскости с ним. В оформлении первых нежилых этажей используется дикий камень – прием, характерный для архитектуры северного модерна. Сравнивая первый и третий комплексы, можно сделать вывод, что чрезмерная погоня за экономией на внешнем виде здания может стать губительным для него в условиях жестокой конкуренции между заведениями. И в то же время, применение простых и эффектных элементов декора позволяет создать необходимый облик здания лечебно-рекреационного типа и вызвать положительный отклик в его посетителях.



Санаторий «Репино». Вид со стороны залива. 2021. Фото Е.А. Агафоновой и Е.А. Михайлюковой

Гостиница «Репинская». Вид с высоты птичьего полета. Фото Д. Лебедева

Пансионат «Заря». Вид на входную группу пансионата. 2021 год. Фото Е.А. Агафоновой и Е.А. Михайлюковой

Пансионат «Заря» (1989 год).

Пансионат разделен на несколько зданий по их функциональному назначению. Центральное здание выполнено в форме шестиугольника с выдающейся вперед входной группой. Верхний этаж имеет призматическое ленточное остекление, аналогичное санаторию «Белые Ночи». В центре здания размещено фойе, к которому выходят периметрально расположенные кабинеты.

Жилые корпуса разделены на два прямоугольных блока, разнесенных в стороны от центральной входной группы. По архитектуре они, так же как и в пансионате «Репино», не имеют особых стилевых характеристик и выполнены в форме простых жилых блоков с балконами. Оба жилых объема развернуты протяженным фасадом вдоль береговой линии с севера на юг.

Сестрорецк

Санаторий «Белые ночи» (1988 год). ЛенЗНИИЭП, архитектор М.Б. Серебровский

Решение об организации санатория «Белые ночи» – элитного медицинско-оздоровительного учреждения – принималось на самом высоком уровне Министерства здравоохранения. В качестве главного проектировщика был выбран Ленинградский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования. Генподрядчиком выступала ведущая строительная организация Ленинграда – 16-й трест Главленинградстроя. В проектировании и планировании здания помимо архитекторов принимали участие и врачи, которые организовывали технологические процессы здравоохранения и лечения будущих пациентов. Несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране и всеобщий дефицит, в архитектурных решениях не наблюдается ухудшения качества в угоду экономии. Наоборот, все эти глобальные проблемы проявились в подчеркнутой строгости и скромности, а также

Вид на санаторий «Белые ночи» с самолета. 2008 год. Фото П.С. Сапунова

продуманности решений как объемно-планировочных, так и фасадных. Лечебные отделения и кабинеты оснащены современным медицинским оборудованием. Открыты клинико-диагностическая лаборатория, рентгеновский кабинет, косметологический кабинет, отделение функциональной диагностики, осваиваются новые методики лечения.

В этом санатории, также как и в пансионате «Балтиец», центральным композиционным элементом единого комплекса является жилой блок номеров. Также к этому объему непосредственно примыкает блок киноконцертного зала, но в отличие от «Балтийца» он отнесен в сторону. От центра композиции по направлениям сторон света отходит четыре луча корпусов здания. Самым протяженным является западный жилой блок, так как это позволяет открыть на юг максимальное количество номеров. Третий жилой блок направлен на север и имеет самое маленькое количество номеров по отношению к двум другим. В сторону востока размещен лечебно-спортивный блок, соединяющийся с центром галереей. Помещения приема пациентов также развернуты в сторону юга, в то время как спортивные залы выходят на север. Такое расположение функций является самым рациональным с точки зрения создания комфортного микроклимата в зависимости от основного вида деятельности в помещениях.

В архитектурном решении фасадов также прослеживается тенденция создания горизонтального мотива фасадов с акцентами в виде объемов лестниц. Однако здесь, в отличие от «Балтийца» и «Буревестника», практически не используется ленточное остекление, а ритм создается с помощью контрастных белых ограждений балконов и единых подоконных ниш. Сплошное остекление призматической формы используется только в зонах концертного и спортивного залов.

Таким образом, для санаториев 1960–1990-х годов, расположенных на Балтийском побережье в районе поселений Сестрорецк, Репино, Солнечное, можно выделить следующие характерные черты:

планировка участка делится на два типа: рассредоточенный, когда различные функции санатория располагаются в отдельных зданиях, не связанных между собой, и комплексный, когда все функции размещены в самостоятельных объемах характерной формы, но соединенных в единую композицию с помощью закрытых и открытых переходов;

объем и образ здания формируется из уже существующих и узнаваемых образов типовых построек данного периода: жилых зданий, магазинов, дворцов культуры и поликлиник;

в архитектурном решении фасадов преобладает горизонтальный ритм, создаваемый с помощью плоскостей балконов или декоративных элементов окон, с акцентным завершением в виде выдающегося вперед лестничного объема;

основным блоком создания жилого объема является прямоугольная ячейка с балконом, предусмотренным в каждом номере;

внешний вид и композиция комплексов исходит в первую очередь от его функционального назначения и рациональности взаимосвязи компонентов и их взаимодействия с окружающей средой;

фасады не имеют лишних декоративных элементов и отличаются простотой и чистой формой здания, выразительность достигается за счет композиционного сочетания различных по форме в зависимости от функции геометрических объемов, что отвечает распространявшейся в этот период государственной политикой борьбы с украшательством и излишествами в архитектуре.

Большинство зданий санаториев, созданных в период с 1960 по 1990-е годы, ныне поддерживаются в удовлетворительном состоянии и не поменяли своей рекреационно-оздоровительной функции. Однако совершенно очевидно, что они нуждаются в обновлении для привлечения посетителей и активного вовлечения санаторно-курортных комплексов в туристический бизнес. В связи с этим проведенный анализ архитектуры и истории строительства санаториев, выявленные в исследовании характерные черты этих построек могут стать хорошей базой для проведения их реновации, отойдя от самых простых и дешевых решений в виде обшивки существующего здания вентфасадом и ремонтом интерьера, и создавая новые уникальные объекты архитектуры регионального значения.

Литература

Галкина Ю. «Pink Planet House: загадка круглого дома под Петербургом» // интернет-журнал The Village. 2019. URL: https://www.the-village.ru/village/city/in-the-house/347045-pink-planet-house (дата обращения: 13.07.2020).

Лебедева М.А. Архитектура санаториев советского периода // материалы 66-й научной конференции Секции социально-гуманитарных наук. 2014. URL: http://dspace.susu.ac.ru/xmlui/handle/0001.74/3962 (дата обращения: 13.07.2020).

Самойлов А.В. Санатории и дома отдыха (Архитектура страны Советов). М. Издательство Академии архитектуры. 1948.

Санаторий «Белые ночи». URL: https://www.citywalls.ru/house23493.html (дата обращения: 13.07.2020).

Санаторий «Репино». Корпус гостиницы «Репино Cronwell Park». URL: https://www.citywalls.ru/house29573.html (дата обращения: 13.07.2020).

Пансионат «Балтиец». URL: https://www.citywalls.ru/house29580.html (дата обращения: 13.07.2020).

Пансионат «Заря». URL: https://www.citywalls.ru/house29576.html (дата обращения: 13.07.2020).

Maryam Omidi. «Holidays in Soviet Sanatoriums» // Fuel. 2017.

А.Г. Дружинина

РЕМЕСЛЕННАЯ ШКОЛА СЕСТРОРЕЦКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА

История – дама капризная, но честная. В отличие от многих «экскурсоводов-выдумщиков». Это к тому, что даже на официальный сайт Мосинского колледжа попала выдумка о том, что ремесленное училище при Сестрорецком оружейном заводе (СОЗ) было первым в России. С благородной целью, надо думать. Поднять патриотизм, вызвать гордость за свое учебное заведение, да мало ли... Тому, кто это писал, наверное, просто не пришло в голову поднять документы, соответствующие времени. А документов достаточно.

Период с 1888 до 1917 года характеризируется наиболее активным развитием российской системы профессионального образования. Утвержденные в 1888 году, во времена правления Александра III «Основные положения о промышленных училищах» на законодательном уровне установили единую систему разрозненных ранее профессионально-технических учебных заведений. С этого времени профтехучилища начали подразделять по трем типам:

средние технические училища готовили техников, которые могли работать помощниками инженеров и других руководителей промышленных предприятий;

низшие технические училища подготавливали рабочих для определенной сферы производства;

ремесленные училища обучали определенному ремеслу, чаще всего связанному с бытом населения.

И ранее 1888 года существовали «разрозненные профессионально-технические заведения». И уж никак образованная в 1900 году ремесленная школа в Сестрорецке не могла стать первой в России. Первой в Сестрорецке – безусловно, да.

К сожалению, бóльшая часть заводского архива сгорела в огне пожара в 1868 году, но и в последние 20 лет больше уничтожали, чем сохраняли. Многие документы разрознены, часть утрачена, часть не разобрана, часть находится в частных собраниях. И дело будущего краеведческого музея – в первую очередь восстановить, собрать и проанализировать все, что удастся найти.

Сейчас легче восстановить «советский» период существования уже инструментального завода. Еще живы те, кто работал на нем. С дореволюционным периодом все гораздо сложнее. По крупицам собранные документы, конечно, отражают историю завода, но лакун все же больше, чем хотелось бы. Тем отраднее, когда вдруг находятся доныне неизвестные документы и свидетельства.

Найденная в фондах Историко-культурного музейного комплекса в Разливе часть архива ремесленного училища при СОЗ содержит полную документацию с 1909 по 1914 год. В этом деле более 700 листов, ко многим основным документам при-ложены записки, уточнения и прочее.

Таких дел, скорее всего, было несколько, конкретно этому должно было предшествовать как минимум два – с 1900 – года основания училища по 1904–1905, и с 1905 по 1909 год. Быть может, их было и больше, ведь и после 1914 года архивы тоже велись, но где они? Быть может, найдутся, а быть может и пропали безвозвратно. Но за период с 1909 года по 1914 год – полная ясность.

Содержимое дела начинается с любопытного документа – положения о ремесленном училище.

«Ремесленные оружейные школы при императорском Тульском и Сестрорецком оружейном заводах подготовляют необходимых для завода слесарей, токарей, а также мастеров со сведениями, имеющими исключительное применение в оружейном деле. В каждую школу принимаются дети рабочих своего завода, предпочтительно из местных жителей.

Примечание: дети местных рабочих, прослуживших на заводе не менее 10 лет, но не состоящих уже на службе в нем, могут приниматься в школу.

Училища состоят в ведении Главного Артиллерийского Управления и находятся под наблюдением Заведывающего техническими заведениями.

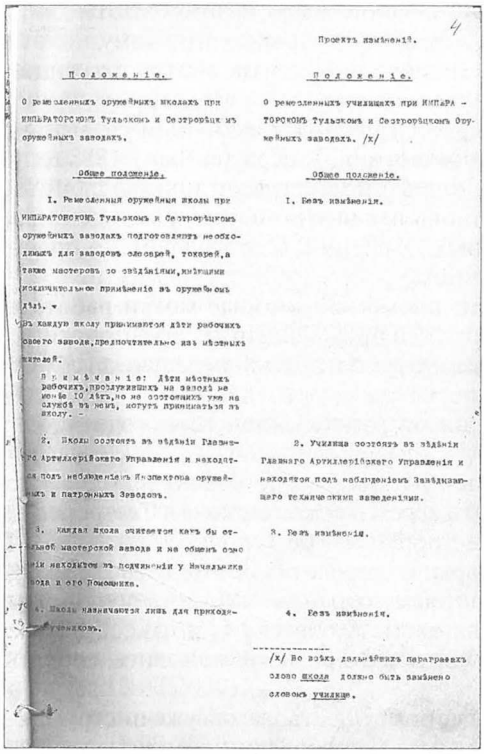
Каждая школа считается как бы отдельной мастерской завода и на общем основании находится в подчинении у Начальника завода и его Помощника.

Школы назначаются лишь для приходящих учеников.

Учащиеся в школе снабжаются всеми необходимыми руководствами, пособиями, классными принадлежностями, материалами и инструментами для практических работ и за них, а ровно и за само обучение платы не полагается».

Далее следуют правила приема, количество учащихся, преподавательский состав, распределение выпускников».

В 1909–1914 годах в школе обучались Николай, Иван и Василий Квятковские. Василий – самый младший. В семье было пятеро детей, из них четыре мальчика. Василий поступил в ремесленную школу в 1914 году. Его внук Валерий Квятковский, проживающий в Сестрорецке, сохранил фотографию деда в одной из мастерских завода. На фото юноше (на втором плане) 16–17 лет, значит, этот снимок был сделан либо сразу после революции, либо до. Скорее – до, поскольку уже в 1918 году он был призван в армию, в 1920 году окончил Военно-инженерную школу, а затем – Военно-техническую академию им. Дзержинского. Василий Александрович



Проектъ измѣненій.

Положеніе.

О ремесленныхъ оружейныхъ школахъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Тульскомъ и Сестрорѣцкомъ оружейныхъ заводахъ.

Общее положеніе.

I. Ремесленныя оружейныя школы при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Тульскомъ и Сестрорѣцкомъ оружейныхъ заводахъ подготовляютъ необходимыхъ для заводовъ слесарей, токарей, а также мастеровъ со свѣдѣніями, имѣющими исключительное примѣненіе въ оружейномъ дѣлѣ.

Въ каждую школу принимаются дѣти рабочихъ своего завода, предпочтительно изъ мѣстныхъ жителей.

Примѣчаніе: Дѣти мѣстныхъ рабочихъ, прослужившихъ на заводѣ не менѣе 10 лѣтъ, но не состоящихъ уже на службѣ въ немъ, могутъ приниматься въ школу.

2. Школы состоятъ въ вѣдѣніи Главнаго Артиллерійскаго Управленія и находятся подъ наблюденіемъ Инспектора оружейныхъ и патронныхъ Заводовъ.

3. Каждая школа считается какъ бы отдѣльной мастерской завода и на общемъ основаніи находится въ подчиненіи у Начальника завода и его Помощника.

4. Школы назначаются лишь для приходящихъ учениковъ.

Положеніе.

О ремесленныхъ училищахъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Тульскомъ и Сестрорѣцкомъ оружейныхъ заводахъ. /х/

Общее положеніе.

I. Безъ измѣненія.

2. Училища состоятъ въ вѣдѣніи Главнаго Артиллерійскаго Управленія и находятся подъ наблюденіемъ Заѣдывающаго техническими заведеніями.

3. Безъ измѣненія.

4. Безъ измѣненія.

/х/ Во всѣхъ дальнѣйшихъ параграфахъ слово школа должно быть замѣнено словомъ училище.

Фрагмент дела Ремесленного училища при СОЗ. Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе

Василий Квятковский (на втором плане) в одной из мастерских СОЗ. Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе

Квятковский стал генерал-майором инженерных войск.

Сравнивая фамилии, указанные в списках учеников Ремесленной школы, и фамилии ныне живущих в Сестрорецке и Разливе семей, можно проследить династические линии. Фирфаровы, Лапотниковы, Квятковские, Клевиц, Леонтьевы, Шушпановы, Емельяновы и так далее. В этих семьях, из поколения в поколение работавших на заводе, наверняка хранятся уникальные фотографии и документы.

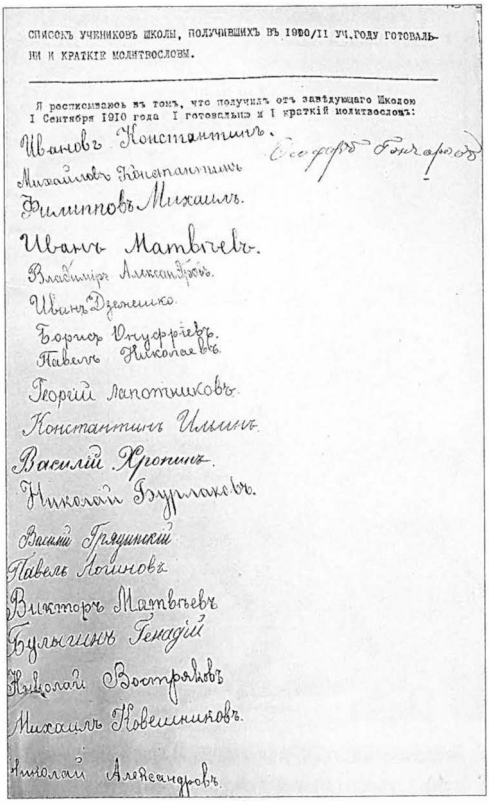
Генерал-майор В.А. Квятковский. Архив Историко-культурного музейного комплекса в Разливе

Документы

В школу принимали мальчиков с 13-ти по 18-ть лет, имеющих начальное образование, которое они получали либо в церковно-приходской школе (ныне здание музыкальной школы), либо в Болонинской земской школе (ныне торговый комплекс «Скиф»).

Обеспечение учащихся необходимыми учебными пособиями, одеждой,

Сестрорецкая музыкальная школа. Фото автора

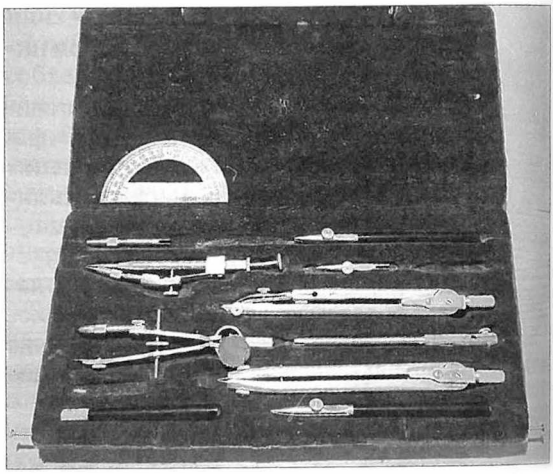


СПИСОКЪ УЧЕНИКОВЪ ШКОЛЫ, ПОЛУЧИВШИХЪ ВЪ 1910/11 УЧ.ГОДУ ГОТОВАЛЬНИ И КРАТКІЕ МОЛИТВОСЛОВЫ.

Я росписавшись въ томъ, что получилъ отъ заведующаго Школою 1 Сентября 1910 года 1 готовальню и 1 краткій молитвословъ:

Ивановъ Константинъ.
Михайловъ Константинъ
Филипповъ Михаилъ.
Иванъ Матвѣевъ.
Владиміръ Алексѣевъ.
Ивинъ Дзенишко.
Борисъ Оттуфіевъ.
Павелъ Николаевъ.
Георгій Лапотниковъ.
Константинъ Ильинъ.
Василій Жуковинъ.
Николай Бурлаковъ.
Василій Грязинскій
Павелъ Лобановъ
Викторъ Матвѣевъ
Булычевъ Геннадій
Николай Востриковъ
Михаилъ Новосильцовъ.
Николай Александровъ.

Список учащихся, получивших готовальни и краткий молитвослов. Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе



Подобные готовальни выдавали ученикам ремесленной школы при СОЗ. Фото автора

питанием и прочим происходило согласно положению о ремесленной школе. Список учащихся, расписавшихся в получении готовальни и краткого молитвослова, интересен не только сам по себе, но может послужить для важного исследования по графологии.

Многие помнят, что готовальня (набор инструментов для чертежных работ) и в советское время стоила недешево. И, тем не менее, каждому ученику ремесленной школы она выдавалась БЕСПЛАТНО! Оставалась ли готовальня во владении ученика после окончания училища или передавалась следующим – доподлинно неизвестно.

В 1910 году отмечалось десятилетие Ремесленной Школы. В деле сохранилась приветственная речь заведующего Школой в честь этого события.

Приветственное слово заведующего школой, сказанное в школе 14 ноября 1910 года в день десятилетнего юбилея школы (фрагмент)

«Прежде всего позвольте поблагодарить всех тех, кто почтил сегодня Школу в день Десятилетнего юбилея своим присутствием. В этом многочисленном обществе лиц, сюда собравшихся, Педагогический комитет видит залог успеха дальнейшей жизни Школы, в нем же он черпает энергию для продолжения работы на пользу Школы.

Оборачивая свой взор на эту стену – я невольно читаю на ней историю Школы: Вот центральная фигура стены – портрет незабвенного глубокоуважаемого Генерал-майора Сергея Ивановича Мосина. Он был одним из первых, лелеявших мысль об основании Школы при Оружейном заводе, он был деятельным участником комиссии по выработке положения о нашей Ремесленной Школе. На его же долю выпала честь отдать тот приказ по Сестрорецкому Оружейному заводу от 13 ноября 1900 года за № 211, в пункте 4-м которого объявляется об открытии с 14 ноября 1900 года Ремесленно-оружейной Школы при Сестрорецком Оружейном заводе после Литургии в соборе Св. Апостолов Петра и Павла.

Этот портрет окружен 8-ю рамками с фотографиями первых 8-ми выпускников Школы: на них вы видите Педагогический персонал, окруженный питомцами Школы. 1903 год дает их 19 из 40 принятых; 1904 – 11, 1905 – 10, 1906 – 9, 1907 – 8, 1908 – 11, 1909 – 17, а всего за 10 лет 8 выпусков дало 102 человека, из которых 83 сейчас работают на заводе, 12 – на военной службе не работают 2, исключены 3 и умерло 2 (Николай Кибарин и Василий Шляхецкий). Из 83 работающих на заводе 52 в Образцовой, 16 в Инструментальной, 8 в Механической и 7 в прочих мастерских завода. На содержание Школы отпускается казной 3190 рублей в год, что при комплекте в 60 учеников дает стоимость 1 ученика в год 53 р. 16 к. при готовом помещении, освещении, отоплении и прислуге. Этих средств не хватает на содержание Школы и мастерские дают от себя 1800 руб., и прочие еще около 70 рублей, так что можно считать бюджет Школы около 5660 руб. в год что уже дает стоимость каждого ученика казне около 84 рублей в год и около 253 рублей за все 3 года курса Школы».[1]

Далее следует отчет о расходах на устройство празднования десятилетия ремесленно-оружейной школы при Сестрорецком оружейном заводе 14 ноября 1910 года.

И рядом интереснейший документ – расписание уроков на 1911–1912 учебный год. За ним – учебные планы, расписание занятий, ведомости о сдаче экзаменов, протоколы заседаний педагогического комитета.

[1] Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе.

Ремесленно-Оружейная Школа при Сестрорѣцкомъ Оружейномъ Заводѣ.

РОСПИСАНІЕ УРОКОВЪ НА 1911–12 учебн. годъ.

(На основаніи п. 4 § 32 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго положенія о Ремесленно-Оружейныхъ школахъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Тульскомъ и Сестрорѣцкомъ оружейныхъ заводахъ утверждено Журналомъ № 90 Педагогическаго Комитета Школы отъ 25 Августа 1911 года на 1911—12 учебный годъ).

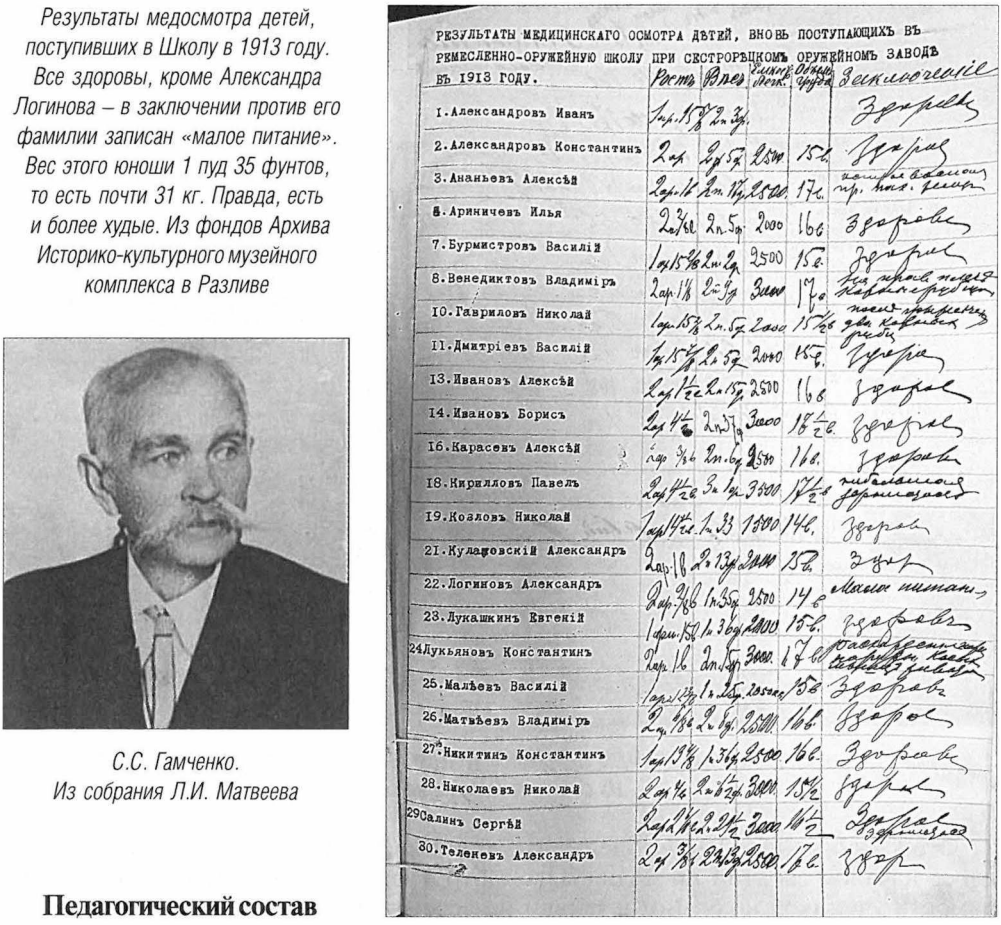
Дни.	Часы.	Первый классъ.	Второй классъ.	Третій классъ.
Понедѣльникъ.	Отъ 8 ч. до 8 ч. 50 м.	Черченіе. П.А. Гассельблатъ	Законъ Божій. Прот. Ф. С. Комаровъ.	Ариѳметика. Г. С. Дунаевскій.
	Отъ 9 ч. до 9 ч. 50 м.	Черченіе. П.А. Гассельблатъ	Русскій языкъ. В. Г. Корняевъ.	Ариѳметика. Г. С. Дунаевскій.
	Отъ 2 ч. до 2 ч. 50 м.	Ариѳметика. Г. С. Дунаевскій.	Рисованіе. П. П. Захаровъ.	Русскій языкъ. Б. Г. Корняевъ.
Вторникъ.	Отъ 8 ч. до 8 ч. 50 м.	Технологія. В. Э. Макаровичъ.	Ариѳметика. Г. С. Дунаевскій.	Физика. И. М. Храбровъ.
	Отъ 9 ч. до 9 ч. 50 м.	Русскій языкъ. С. С. Гамченко	Технологія. В. Э. Макаровичъ.	Физика. И. М. Храбровъ.
	Отъ 2 ч. до 2 ч. 50 м.	Рисованіе. П. П. Захаровъ.	Русскій языкъ. В. Г. Корняевъ.	Технологія. В. Э. Макаровичъ.
Среда.	Отъ 8 ч. до 8 ч. 50 м.	Физика. И. М. Храбровъ.	Ариѳметика. Г. С. Дунаевскій.	Законъ Божій. Прот.Ф.Комаровъ.
	Отъ 9 ч. до 9 ч. 50 м.	Физика. И. М. Храбровъ.	Ариѳметика. Г. С. Дунаевскій.	Технологія. Е. Н. Дмитревскій.
	Отъ 10 ч. до 10 ч. 50 м.	Практическія занятія.	Практическія занятія.	Рисованіе. П. П. Захаровъ.
	Отъ 2 ч. до 2 ч. 50 м.	Рисованіе. П. П. Захаровъ.	Геометрія. П А. Гассельблатъ	Геометрія. В. Э. Макаровичъ.
Четвергъ.	Отъ 8 ч. до 8 ч. 50 м.	Ариѳметика. Г. С. Дунаевскій.	Черченіе. П.А. Гассельблатъ	Русскій языкъ. В. Г. Корняевъ.
	Отъ 9 ч. до 9 ч. 50 м.	Ариѳметика. Г. С. Дунаевскій.	Черченіе. П.А. Гассельблатъ	Технологія. Е. Н. Дмитревскій.
	Отъ 2 ч. до 2 ч. 50 м.	Геометрія. П.А. Гассельблатъ	Технологія. В. Э. Макаровичъ.	Ариѳметика Г. Н. Дунаевскій.
Пятница.	Отъ 8 ч. до 8 ч. 50 м.	Законъ Божій. Прот. Ф. С. Комаровъ.	Физика. И. М. Храбровъ.	Геометрія. В. Э. Макаровичъ.
	Отъ 9 ч. до 9 ч. 50 м.	Русскій языкъ. С. С. Гамченко.	Физика. И. М. Храбровъ.	Технологія Е. Н. Дмитревскій.
	Отъ 10 ч. до 10 ч. 50 м.	Практическія занятія.	Практическія занятія.	Рисованіе. П. П. Захаровъ.
	Отъ 2 ч. до 2 ч. 50 м.	Геометрія. П.А. Гассельблатъ	Технологія. В. Э. Макаровичъ.	Черченіе. И. М. Храбровъ.
Суббота.	Отъ 8 ч. до 8 ч. 50 м.	Чистописаніе. С. С. Гамченко.	Геометрія. П.А. Гассельблатъ	Законъ Божій. Прот. Ф. С. Комаровъ.
	Отъ 9 ч. до 9 ч. 50 м.	Русскій языкъ. С. С. Гамченко.	Технологія. В. Э. Макаровичъ.	Черченіе. И. М. Храбровъ.
	Отъ 10 ч. до 10 ч. 50 м.	Технологія. В. Э. Макаровичъ.	Рисованіе. П. П. Захаровъ.	Черченіе. И. М. Храбровъ.
	Отъ 11 ч. до 11 ч. 45 м.	Пѣніе Л. С. Катулинъ.		

ПРИМѢЧАНІЕ. Въ среду 7-го Сентября, во вторникъ 13-го Сентября и въ среду 1-го Февраля послѣдній урокъ производится не отъ 2 час., а отъ 10 час. до 10 час. 50 мин., а рисованіе въ 3 классѣ отъ 11 час. до 11 час. 50 мин. пополудни.

Сестрорѣцкъ, Августа 26 дня 1911 года. Завѣдующій Школою: *Е. Дмитревскій.*

Расписание уроков на 1911–1912 учебный год. Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе

Результаты медосмотра детей, поступивших в Школу в 1913 году. Все здоровы, кроме Александра Логинова – в заключении против его фамилии записан «малое питание». Вес этого юноши 1 пуд 35 фунтов, то есть почти 31 кг. Правда, есть и более худые. Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе



РЕЗУЛЬТАТЫ МЕДИЦИНСКАГО ОСМОТРА ДѢТЕЙ, ВНОВЬ ПОСТУПАЮЩИХЪ ВЪ РЕМЕСЛЕННО-ОРУЖЕЙНУЮ ШКОЛУ ПРИ СЕСТРОРѢЦКОМЪ ОРУЖЕЙНОМЪ ЗАВОДѢ ВЪ 1913 ГОДУ.

	Рост	Вес	Грудь	Окруж. груди	Заключение
1. Александровъ Иванъ	1 ар. 15 в.	2 п. 3 ф.			Здоровъ
2. Александровъ Константинъ	2 ар.	2 п. 5 ф.	2500	15 в.	Здоровъ
3. Ананьевъ Алексѣй	2 ар. 16 в.	2 п. 17 ф.	2500	17 в.	малое питание пр. тех. рем.
4. Ариничевъ Илья	2 ар. 6 в.	2 п. 5 ф.	2000	16 в.	Здоровъ
7. Бурмистровъ Василій	1 ар. 15 в.	2 п. 2 ф.	2500	15 в.	Здоровъ
8. Венедиктовъ Владиміръ	2 ар. 1 в.	2 п. 5 ф.	3000	17 в.	Малое питание Здоровъ
10. Гавриловъ Николай	1 ар. 15 в.	2 п. 5 ф.	2000	15 в.	малое питание для кадетской роты
11. Дмитріевъ Василій	1 ар. 15 в.	2 п. 5 ф.	2000	15 в.	Здоровъ
13. Ивановъ Алексѣй	2 ар. 1 в.	2 п. 5 ф.	2500	16 в.	Здоровъ
14. Ивановъ Борисъ	2 ар. 4 в.	2 п. 3 ф.	3000	18 в.	Здоровъ
16. Карасевъ Алексѣй	2 ар. 3 в.	2 п. 6 ф.	2500	16 в.	Здоровъ
18. Кирилловъ Павелъ	2 ар. 4 в.	3 п. 1 ф.	3500	17 в.	малое питание Здоровъ
19. Козловъ Николай	1 ар. 14 в.	1 п. 33	1500	14 в.	Здоровъ
21. Кулаковскій Александръ	2 ар. 16	2 п. 13 ф.	2000	15 в.	Здоровъ
22. Логиновъ Александръ	2 ар. 3 в.	1 п. 35 ф.	2500	14 в.	Малое питание
23. Лукашкинъ Евгеній	1 ар. 15 в.	1 п. 36 ф.	2000	15 в.	Здоровъ
24. Лукьяновъ Константинъ	2 ар. 16	2 п. 5 ф.	3000	17 в.	Малое питание Здоровъ
25. Малѣевъ Василій	1 ар. 13 в.	1 п. 25 ф.	1500	15 в.	Здоровъ
26. Матьѣевъ Владиміръ	2 ар. 16 в.	2 п. 6 ф.	2500	16 в.	Здоровъ
27. Никитинъ Константинъ	1 ар. 13 в.	1 п. 36 ф.	2500	16 в.	Здоровъ
28. Николаевъ Николай	2 ар. 4 в.	2 п. 5 ф.	3000	15 в.	Здоровъ
29. Салинъ Сергѣй	2 ар. 2 в.	2 п. 2 ф.	3000	16 в.	Здоровъ
30. Теленевъ Александръ	2 ар. 3 в.	2 п. 13 ф.	2500	17 в.	Здоровъ

С.С. Гамченко. Из собрания Л.И. Матвеева

Педагогический состав

В расписании уроков можно увидеть фамилии преподавателей школы. Причем заведующий тщательно подбирал педагогический состав. Специальные предметы преподавали начальники мастерских, закон Божий – протоиерей Ф. Комаров. Председателем педагогического комитета был командир (начальник) завода. На 1 января 1909 года это был генерал-майор Николай Григорьев Дмитриев-Байцуров. Заведующим училищем, как свидетельствуют документы, со дня основания был назначен полковник Дмитревский Евгений Николаевич.

Русский язык преподавал Сергей Спиридонович Гамченко, кроме этого работавший в Школе в качестве библиотекарем. При этом он тоже был военным (подполковник на 1909 год) – и на Сестрорецкий завод был направлен на службу. Входил в Хозяйственный комитет СОЗ (с 1904 года). Занимался археологическими раскопками в окраинах Сестрорецка. Именно Сергею Спиридоновичу поручили выяснить точную дату создания завода. Его изыскания на эту тему вылились в капитальный труд «Записка для памяти о 200-летнем юбилее Сестрорецкого Оружейного завода», изданный в 1914 году. На основании сохранившихся архивных документов Гамченко выяснил, что закладка завода состоялась в 1721 году, а первая продукция была получена в 1724-м.[2]

[2] Подробнее об этом можно будет прочитать в книге Л.И. Амирханова «Сестрорецкий Оружейный завод. 1714–1917», которую готовит к печати «Издательский центр «ОСТРОВ».

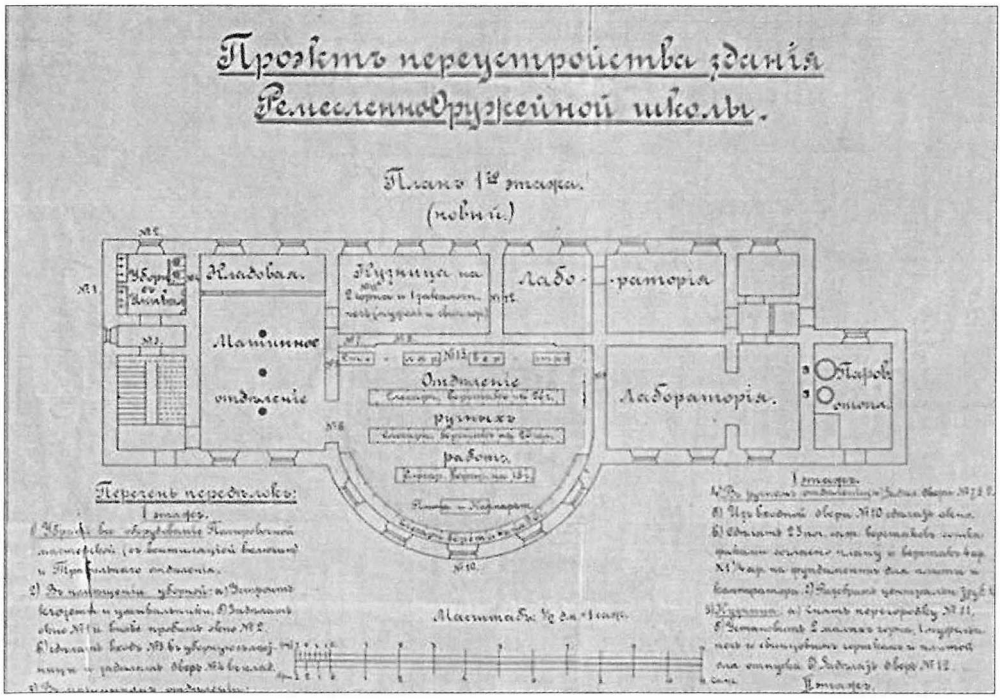
Здание Церковно-приходской школы, за которым на пустыре было построено здание Ремесленной школы. Из собрания Л.И. Матвеева

Особое внимание в Школе уделялось медицинскому обследованию. Каждый год перед началом занятий проходил медосмотр в заводском лазарете. При необходимости учеников школы отправляли на лечение туда же, в заводской лазарет. Направления и ответы из лазарета тоже имеются в этом архиве. Причем некоторые документы написаны четким почерком и легко читаются. В то время медицинские работники не позволяли себе пренебрегать чистописанием.

Помещение для школы

Здание ремесленной школы, каким мы его видим сейчас было построено в 1915 году. В документах найдено упоминание о ходе постройки и в 1916 году его еще достраивали. То есть ученики смогли занять это здание только в конце 1916 года. А где же размещалась школа до этого времени? В процессе работы над статьей удалось найти информацию о том, что школа размещалась в помещении полировальной мастерской. Помещение это было маленьким и в нем едва размещалось 60 учеников. Сохранился протокол собрания педагогического комитета, на котором заведующий сетует на тесноту, плохое состояние здания и на то, что в учительской комнате обваливается потолок и необходим срочный ремонт.

На плане реконструкции школы, подписанном заведующим школы Е.Н. Дмитревским, отмечены необходимые преобразования. На переустройство были выделены деньги, но, к счастью, чуть позже в планах руководства завода и Главного Артиллерийского Управления произошли изменения, и строительство нового, просторного здания для ремесленной школы было включено в план реконструкции завода, с выделением значительных средств.

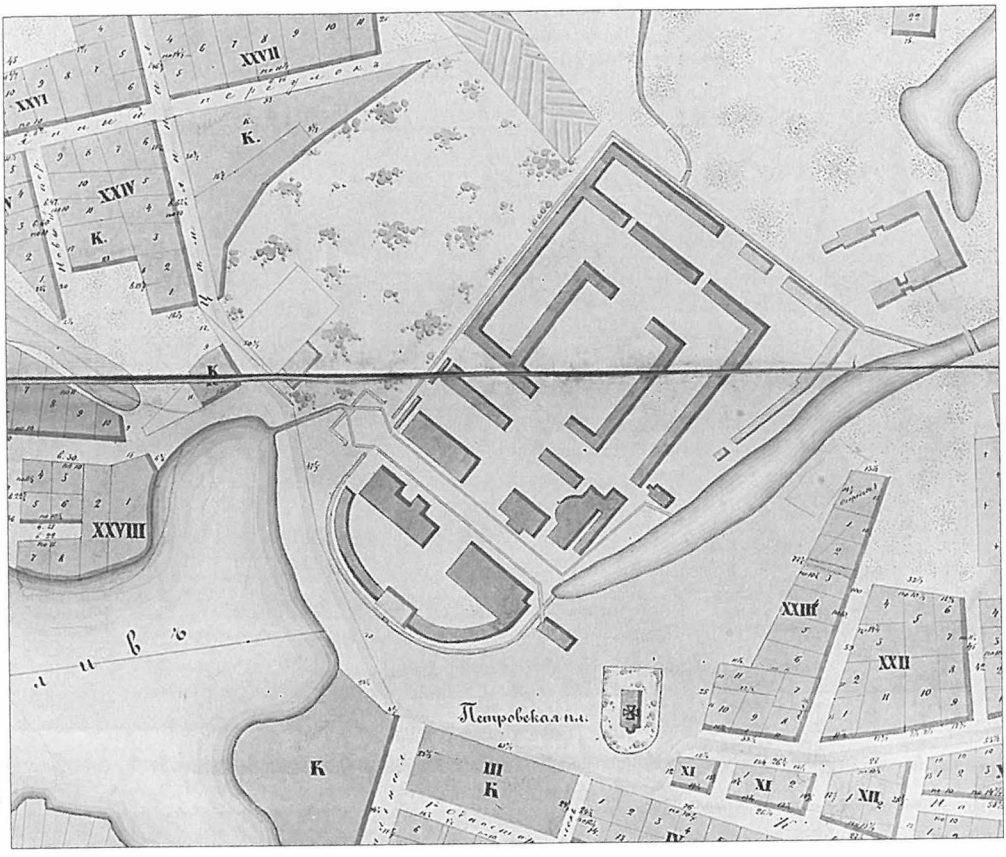


План реконструкции завода.
Из фондов Архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе

II/Расширить помѣщеніе Ремесленной Школы путемъ приспособленія нижняго этажа существующаго зданія школы, занятаго Полировочною мастерскою подъ мастерскія Школы съ соотвѣтствующимъ оборудованіемъ---10.000р.	II/ Эта работа осталась невыполненной, такъ какъ было испрошено къ постройкѣ для Школы новое двухъэтажное зданіе, каковое и разрѣшено положеніемъ Военнаго Совѣта 11 Февраля 1915г. /предписанія Г.А.Упр.15 и 19 Февраля 1915 г. за №№ 923 секр. и 12605/. /См.пн. 6 отдѣла III-го этой-же графы/.

Сведения о состоянии новых построек и капитальных перестроек на Сестрорецком оружейном заводе на 1 января 1916 года (фрагмент). Из фондов ЦГИА СПб

К началу XX века многие заводские корпуса нуждались в реконструкции, к 1914 году были проведены масштабные перестройки, возведены новые корпуса. Об этом говорят цифры «1914» на фасадах некоторых цехов. Также есть упоминания о ходе постройки здания для училища. Но полностью к приему учеников здание было готово, как уже упоминалось, не ранее 1916 года. И, надо сказать, построено оно отлично, даже на сегодняшний день, – большие светлые классы, прекрасный актовый зал, в цокольном этаже – помещения под мастерские. Снаружи здание двухэтажное, а на самом деле – трехэтажное, поскольку подвал (цокольный этаж) – полноценный этаж, с высокими потолками и хорошей вентиляцией.



План Сестрорецка 1868 года (фрагмент). Из фондов ЦГИА СПб

Достаточно сложной задачей казалось обнаружить, где же была полировальная мастерская. Но, поскольку на поэтажном плане училища ясно читаются его внешние очертания с характерным полукруглым фасадом, найти его на плане завода 1868 года не составило труда. При общей масштабной реконструкции завода это здание было снесено.

Исследования документов продолжаются. По материалам только части архивов можно написать увлекательную повесть о славной истории Ремесленного училища, преемником которого является технологический колледж имени Сергея Ивановича Мосина. И хотя имя Мосина учебное заведение получило только в 2000 году, «Мосинкой» его называли и раньше.

На основании только части архива училища можно сделать выводы о том, с какой тщательностью готовили специалистов для работы на заводе, насколько образованными были выпускники, как следили за их здоровьем и воспитанием, как заботились о детях из малоимущих семей. В советское время часто говорилось о бедственном положении угнетенных рабочих, о нищете и безграмотности до революции. Приходится признать, что это – тоже по большей части – мифы и пропаганда.

О советском периоде существования школы еще помнят старожилы, представители рабочих династий, работавших на заводе. К сожалению, такого полного архива, который использовался при написании этой статьи, за все время существования в советское время не обнаружено. Но пока живы люди, окончившие это учебное заведение в советское время, еще есть возможность, заглянув в семейные архивы, собрать интересную и очень нужную информацию.

В.В. Скурлов

ЗАГОРОДНЫЙ ДОМ АГАФОНА ФАБЕРЖЕ В ЛЕВАШОВО

Любители пеших прогулок по окрестностям Петербурга обращают внимание на заброшенный ныне, но некогда явно бывший шикарным особняк в стиле модерн в поселке Левашово: полированные гранитные колонны, мраморные лестницы, резные деревянные двери...

Знатоки подскажут: это – дача Фаберже. Хотя это неверно: дача, на которой дети проводили лето, у Фаберже была в Келломяках на берегу Финского залива. А это – загородный дом, который Карл Фаберже в 1907 году подарил своему сыну Агафону.

К тому моменту Агафон Карлович (1876–1951) работал коммерческим директором в фирме отца, слыл лучшим в России оценщиком драгоценных камней, служил экспертом-оценщиком Бриллиантовой комнаты Зимнего Дворца и оценщиком Ссудной Казны (ломбарда). Его состояние доходило до 4 млн рублей (в те годы в Петербурге килограмм хлеба стоил 5 копеек, мяса — 55 копеек, грамм золота – 1,5 рубля).

В 1882 году после удачно закончившейся для фирмы Фаберже всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве Карл Фаберже покупает дачный участок в северном предместье Петербурга Левашово. Территория эта живописная и обильно поросшая лесом, находилась неподалеку от знаменитой усадьбы Вяземских, а позднее Левашовых – «Осиновая роща».Соседями по даче были семейства Бенуа, полковника Савицкого, архитектора и старшего библиотекаря Училища барона Штиглица И.А. Гальнбека, академика Бруни и других известных людей. Долгое время на территории участка стоял лишь охотничий домик, пока, наконец, после постройки здания на Большой Морской улице сын двоюродной сестры Карла Фаберже – архитектор К.К. Шмидт, будущий академик, в 1901 году не принялся за строительство двухэтажной дачи. Он же выполнил ее проект, который тогда же утвердила Санкт-Петербургская земельная управа. В день закладки первого камня Карл Фаберже посадил на территории участка дуб, который красуется и поныне.

Стены возводились из двух рядов деревянного бруса, между которыми засыпали гравий, битый кирпич и тому подобное, снаружи стены штукатурили на дранке и окрашивали масляной краской. Фасады загородного дома были выполнены в стиле модерн и практически не имели каких-либо декоративных деталей.

Получив этот роскошный подарок в 1907 году, Агафон Карлович решил дом перестроить. Агафон собирал все, что на его взгляд, имело художественную ценность:

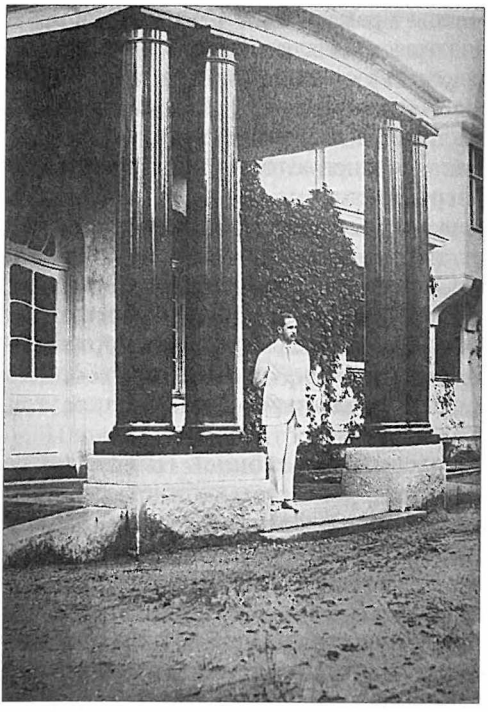
Карл Фаберже. 1905 год. Из книги: Толмацкий В.А. Поставщики Российского императорского двора. СПб. 2013

ковры, фарфор, гравюры, серебряные бокалы, картины и многое другое, предпочтительно восточного искусства. Агафон Фаберже имел одну из крупнейших в мире коллекцию финских почтовых марок, а также русских и польских. Поэтому он решил устроить в Левашово резиденцию, о которой говорил бы весь Петербург. И у него это получилось.

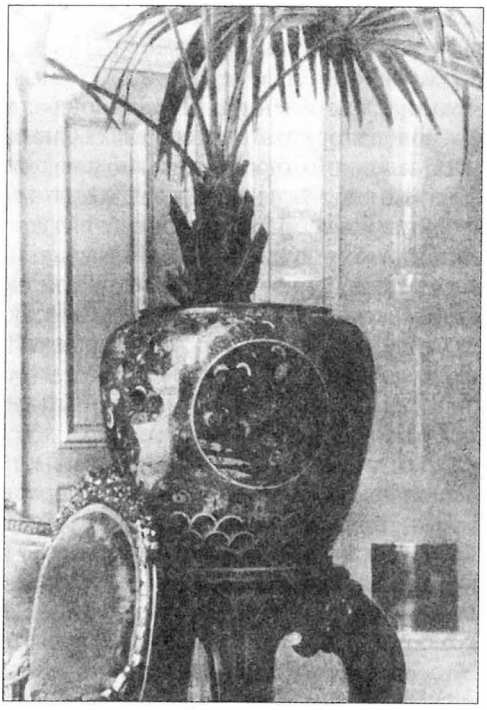
Проектные работы и строительство были поручены архитектору Ивану Андреевичу Гальнбеку (1855–1934). После окончания Петербургской Академии художеств он два года, путешествуя, изучал архитектуру Европы. Вернувшись в Петербург, И.А. Гальнбек поступил преподавателем в Училище технического рисования барона Штиглица, где работал почти до конца своей жизни. Он много сделал для создания великолепной библиотеки по декоративно-прикладному искусству, читал лекции, организовывал выставки, конкурсы, в 1904 году стал одним из создателей Русского художественно-промышленного общества и был первым его председателем, занимался археологией и историей архитектуры. Русское художественно-промышленное общество немало сотрудничало с фирмой Фаберже, Евгений Карлович Фаберже и Франц-Петер (Петрович) Бирбаум (главный мастер фирмы Фаберже) входили в Совет общества.

Проект 1907 года Санкт-Петербургская городская управа утвердила 23 января 1908-го. Почти весь деревянный дачный дом, построенный К.К. Шмидтом, был сохранен, разобрали только западную стену, на месте постройки каменного флигеля. С севера пристроили другой двухэтажный каменный флигель, на первом этаже которого разместили кухню. Главный вход с крыльцом на восточном фасаде заменили ордером южного фасада. Вход был оформлен четырехколонным гранитным портиком и весь дом поднялся на высокий гранитный цоколь, стены оштукатурили и окрасили белой краской. Несколько световых фонарей обогатили силуэт дачи. Оформление окон в новой даче отличается большим разнообразием, многие на них имеют «криволинейный», как бы перетекающий рисунок, столь характерный для стиля модерн. В результате площадь дома увеличилась в три раза.

Интерьеры дома были также декорированы в различных стилях. Пройдя через парадный вход, миновав две пары колонн красного гранита, посетитель попадал в сводчатый



Агафон Фаберже возле загородного дома. 1907 год. Из архива семьи Фаберже



Фарфоровая ваза в загородном доме Агафона Фаберже. Из архива Татьяны Фаберже

Один из интерьеров дома Агафона Фаберже в Левашово. Из архива Татьяны Фаберже

вестибюль. Пол и панели стен здесь облицованы мрамором, из того же материала выложен фасад углового камина. Шестистворчатые двери вели в парадный вестибюль, переходящий в объем главной лестницы. Эффектную лестницу со ступенями из белого мрамора, огражденную деревянной балюстрадой и завершенную обходной галереей на уровне второго этажа, освещал большой трехярусный световой фонарь.

С западной стороны к вестибюлю примыкает помещение гостиной, сохранившей фрагменты лепки на падуге и на платформе перекрытия.

Четырехстворчатая дверь ведет из вестибюля в самое большое помещение второго этажа – концертный зал. Пол в зале имеет два уровня. Повышенная его часть, соответствующая по своей отметке другим помещениям северной анфилады, отделялась от пониженной части деревянной лестницей с металлической решеткой изысканного рисунка. В зале сохранился лепной узор в виде растительных орнаментов и изображений лиры в венке, напоминающей о назначении зала. Наборный паркетный пол и резной мраморный камин, расположенный в юго-западном углу, завершал оформление зала.

С северной стороны от концертного зала расположен кабинет. Пол его также решен в двух уровнях. Самым интересным элементом отделки кабинета является камин, облицованный подлинными «кобальтовыми» изразцами русской работы XVIII века. На изразцах изображены фигуры и эмблемы с надписями. Отделка кабинета, вероятно, была выполнена в «русском стиле». Несколько гостиных в восточной части дома также сохранили лепную отделку. Но наиболее интересным помещением в этой части здания является двухсветная столовая с большим итальянским окном с восточной стороны. В углах под балконом расположены полуциркульные кафельные печи с керамическими гирляндами.

С верхней площадки парадной лестницы можно попасть в гостиную, имеющую выход на балкон над главным входом.

Одно из наиболее загадочных и самое крупное помещение второго этажа, занимающее его юго-западную часть – это так называемый «геммологический зал». Этот зал, где Агафон Фаберже изучал драгоценные камни, также как и парадная лестница, был перекрыт в центральной части световым фонарем. Из рабочего кабинета, примыкавшего с севера к залу, можно попасть в помещение сейфа, где хранились драгоценности. С восточной стороны от геммологического зала были расположены ванная, туалетная и спальня с изразцами коричневого света.

Все интерьеры дома, как нам известно, были обставлены великолепной мебелью большой художественной ценности, на стенах висели многочисленные картины, портреты и гравюры, были коллекции китайского и японского фарфора, скульптуры, тщательно и любовно собранные.

В северо-восточной части дома к кухонному корпусу была пристроена одноэтажная оранжерея, прикрытая световым фонарем.

Позднее, между 1907 и 1909 годом, на территории усадьбы появились два служебных корпуса: каретный сарай и двухэтажный дом для служащих.

В пейзажном парке, сохранившем часть елей, росших здесь еще со времен постройки первоначальной дачи, были проведены посадки дубов, вязов, сосен.

Украшали дом антикварная мебель, старинные ковры и гобелены, фарфор и бронза, гравюры, иконы, миниатюры, скульптуры, полотна лучших европейских художников и, конечно, ювелирные шедевры с клеймом Фаберже.

И очень быстро виллу стали называть не иначе как «малым Эрмитажем». Агафон Карлович был известным коллекционером и гостеприимным хозяином, он принимал гостей, среди которых преобладали коллекционеры и филателисты. Как руководитель коммерческой службы фирмы, хозяин дома мог принимать в Левашово гостей и клиентов. Продажа дорогих ювелирных изделий предполагает оказание знаков внимания: «Ювелир должен быть хорошим психологом», – говорил А.К. Фаберже. Все знали, что у него прекрасная винотека и обширный набор водок, настоянных на ягодах,

и плодах (он любил «выпить-закусить»). В окрестностях Левашово в те годы была хорошая охота (сам Карл как-то ходил на медведя), много ягод и грибов.

Торгово-промышленная и финансовая буржуазия, к которой принадлежал клан Фаберже, уже обладала признаками аристократической жизни. Ее представители посещали зарубежные города и курорты (Карл Фаберже после Пасхи по два месяца отдыхал в Ницце), знали от трех до пяти иностранных языков, умели подрезать розы в саду, занимались яхтенным спортом (Агафон Карлович имел яхту «Голконда» в Териокском яхт-клубе). Известно также, что Карл и его дети были театралами, поощряли балетное и оперное искусство, увлекались живописью. Однако в те годы еще было большое сословное неравенство. Аристократы встречались с аристократами, а буржуазия предпочитала людей своего круга. Возможно, к Агафону приходили соседи по Левашово: пуговичные фабриканты Гутхейль, бумажный фабрикант Кирхнер, мозаичист-профессор Бруни, полковник Савицкий, архитектор А. Оль, доктор Арронет (родственники семьи Фаберже) и другие.

Площадь особняка (более 2000 м^2) и участка (5 га) позволяли устраивать светские рауты, однако застенчивый характер хозяйки (Лидии Фаберже, урожденной Трейберг), матери пятерых детей, светской жизни не способствовал. Она не решалась музицировать при гостях, хотя была ученицей Рубинштейна. На фортепиано играли все члены семьи Фаберже, в доме в Левашово было четыре музыкальных инструмента, в том числе органола. Сыновья Карла Фаберже вчетвером составляли квартет, однако лишь в те дни, когда Александр Карлович приезжал из Москвы, а Николай Карлович – из Лондона.

Три стеклянных потолка, зимний сад, где выращивались персики и цветы, мраморная лестница, кафельные печи-голландки, комнаты-залы, выполненные в стилях различных исторических эпох. Плюс к этому водяное отопление, собственная электростанция, конюшня. Словом, это была вилла. Это-то ее и погубило, когда наступило время революционных бурь. Дача стала лакомым куском для восставшего народа, среди которого пользовался огромной популярностью лозунг: «Грабь награбленное!»

Вскоре после Октябрьского переворота Агафон Фаберже переправил бóльшую часть своей огромной коллекции в здание на Большой Морской улице, 24. Квартиру, которую он занял в верхнем этаже дома, друзья снова стали называть «Малым Эрмитажем». Все работы в фирме к тому времени уже прекратились. Как свидетельствуют более поздние документы (от апреля 1919 года), «хозяева фирмы, бежав за границу, попрятали все документы и инструменты, а дом отдали швейцарскому консульству». В первые революционные годы огромное здание пустовало. В одном из помещений академик А.Е. Ферсман нашел запрятанного среди бухгалтерских книг великолепного лазуритового слона.

Однако в первой половине 1918 года Агафон Фаберже еще сохранял надежды на светлое будущее. Трудно понять, чем он руководствовался, но тем не менее это факт, что 29 июня 1918 года он открыл собственный антикварный магазин в доме по той же Большой Морской улице, но уже в здании на углу Кирпичного переулка (дом № 16). Вот два письма Агафона Фаберже в адрес академика А.Н. Бенуа.

«27 июня 1918 года

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Открывая свой художественно-антикварный магазин, Морская, 16, покорнейше прошу почтить своим присутствием в день открытия – суббота 16/29 сего июня и пожаловать к Св. Молебствию – 12 час. дня.

Уважаемый Вас Аг. Фаберже».

[1] Отдел рукописей Русского музея. Ф. 137. Д. 1666. Л. 1.

«АГАФОН ФАБЕРЖЕ
2 сентября 1918 г. Морская, 16 – тел. 2-25-94 Петроград.
Господину А.Н. Бенуа, В.О., 1-я линия, 38.
Многоуважаемый Александр Николаевич,

Если Вы будете в наших краях, то не откажите мне в любезности зайти ко мне; я хотел бы показать Вам две картинки художника Гойя и слышать Ваше мнение. Я знаю, что Вы заняты, и если Вам моя просьба почему-либо неудобна, то я охотно сам принесу к Вам эти картины; в этом случае я прошу Вас позвонить тогда ко мне и сообщить, когда Вам удобно будет меня принять. Я бываю на Морской, 16, обыкновенно от 10 до 12 $^{1}/_{2}$ ч. и от 4 до 5 $^{1}/_{2}$ ч. – только завтра, во вторник, утром я занят с С.Н. Тройницким в одном доме.

Примите привет от уважающего Вас

Аг. Фаберже».[2]

Именно летом 1918 года правительство большевиков готовило декрет о закрытии антикварных магазинов. Однако Агафон этого еще не знал. События в стране развивались стремительно. Страшной явью стал «красный террор».

Как свидетельствуют архивные документы, сразу после убийства председателя Петроградской чрезвычайной комиссии Урицкого, из Петрограда во все райсовдепы была отправлена телеграмма с предложением выступить против местной буржуазии. Левашовский военный комиссар К. Петухов, его помощник Новиков и военный инструктор Рудольф Кох 18 сентября 1918 года произвели на даче Агафона Фаберже троекратный обыск. Были конфискованы «столовое серебро, 15 ковров, находившихся на учете в комиссии по охране памятников старины и искусства, часть белья из лазарета Красного Креста и 1 $^{1}/_{2}$ или 2 бутылки вина». Эти реквизиции и обыск были незаконны, поскольку еще 9 августа 1918 года Комиссариат имуществ за № 182 и подписью правительственного комиссара Ерыкалова и секретаря Коптева выдал гражданину А.К. Фаберже «удостоверение в том, что принадлежащее ему собрание картин, миниатюр, скульптуры и предметов прикладного искусства, находящееся в Левашове, принято на учет Художественной комиссией по охране и регистрации памятников искусства и старины и без разрешения комиссии не может быть подвергнуто никакими реквизициям и секвестрам».[3]

Евгению Карловичу Фаберже для защиты коллекции в доме на Морской, 24 не удалось получить и такого документа.

15 ноября 1918 года Евгений Фаберже направил следующее письмо:

«В комиссию по охране памятников искусства и старины
Гражданина Карла Густавовича Фаберже

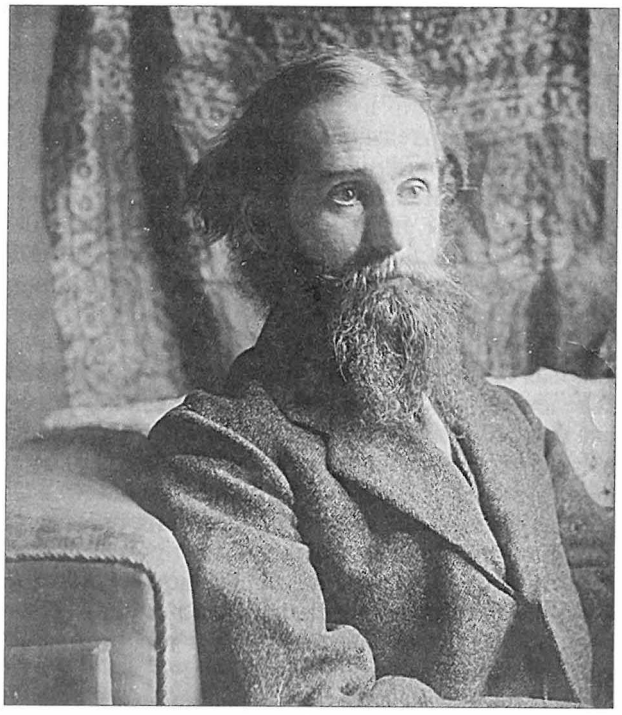
Заявление

Сим прошу выдать мне охранное свидетельство на художественные произведения, находящиеся в моей квартире в доме № 24 по Морской улице. Между ними картины художников: van Mierevelt, Pierson, Hermann, Baisch, Victor Borngeois, Canella, Клевера, Александровского, Рындина, Riedel, Крыжицкого, Ив. Шультце, Heiska, Егорова, Гефтлера, Боголюбова, Богданова, Dietrich и др.

2 мраморных бюста Jos. Limburg'a, бронзовые статуэтки, вазы, фарфор и эмалированные японские коллекции видов и планов стар. Петербурга и Москвы и карт России и другие вещи.

За К. Фаберже
Е .Фаберже. 15 ноября 1918 г. Тел. 521-57 или 3-04»

[2] Отдел рукописей Русского музея. Ф. 137. Д. 1666. Л. 2.
[3] Архив Государственного Эрмитажа. Ф. IV. Оп. 1, Д. 896. 1918 год.



Агафон Фаберже после выхода из тюрьмы в сентябре 1920 года. Из архива Татьяны Фаберже

На вышеприведенном заявлении виза начальственного лица, подпись которого, к сожалению, не удалось расшифровать: «Ввиду того, что К.Г. Фаберже является антикваром, решено свидетельство не выдавать», хотя перед тем стоит виза: «Вещи Фаберже мне лично известны и охранный лист может быть выдан. 19.11.1918 г.». Подпись неразборчива, но предположительно М. Философова. Это предрешило судьбу коллекции, в марте 1920 года она была реквизирована и прекратила существовать как единое целое.

В 1927 году Агафон Карлович Фаберже с семьей тайно пересек границу, эмигрировав в Финляндию. Он умер в Хельсинки 10 октября 1951 года.

Но вернемся в даче в Левашове. Сотрудник отдела охраны памятников старины и искусства архитектор Гальнбек, старый друг семьи Фаберже, в марте 1919 года разыскал часть ковров из собрания Аг. Фаберже на чердаке Петроградского уездного Совета депутатов на 2-й Рождественской (ныне – 2-й Советской) улице в Петрограде и несколько ковров, переданных Парголовскому детскому приюту.

А теперь обратимся к подлинным документам очевидца событий – сотрудника отдела охраны памятников искусстваи старины Наталии Бараш от 3 июня 1919 года.

«31-го минувшего мая в исполнении возложенного на меня поручения я осмотрела совместно с председателем Левашовского исполкома дом Фаберже, находящийся на Дибунском шоссе, об угрожающем положении которого в смысле опасности быть разграбленным получены сведения Эрмитажем.

К сожалению, опасения Эрмитажа оказались давно запоздалыми, так как внутренность этого прекрасного дома представляет из себя картину полного разрушения и дикого вандализма. По-видимому, и сам председатель был поражен тем, что оказалось в доме, так как по дороге в дом он хотя и рассказывал мне о бесконечных грабежах в этом доме, совершавшихся не без участия, по-видимому, местного Совета прежнего состава, преданного суду, из какового состава двое членов уже расстреляны, однако он думал, что две запечатанные комнаты в этом доме (по его словам, печатью тов. Луначарского) содержат кучу ковров и фарфора. Ничего не оказалось на самом

деле, все положительно разграблено, печати все сорваны, все выворочено, сломано, на части оставшейся мебели срезана материя и кожа. Словом, охранять там больше нечего. В течение последних месяцев через дом прошло более двух тысяч красноармейцев, имевших в доме временную стоянку. Сам дом новой архитектуры (в виде английского коттеджа) и очень интересен».[4]

На этом испытания, выпавшие на долю дачи Фаберже, не окончились. Более того, они приняли характер детективной истории. 18 сентября 1919 года, в годовщину первого обыска, на даче произошло чрезвычайное событие, обратившее на себя внимание всесильного диктатора Петрограда Г.Е. Зиновьева. Обратимся к докладу сотрудника отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины Б.Н. Моласа от 23 сентября 1919 года: «...При осмотре 18 сентября пустующей ныне дачи б. Фаберже члены местного исполкома обнаружили изолированную комнату, каковая была того же числа вскрыта в присутствии 7 членов исполкома и представителей от райкома партии и Петроградского укрепленного района, причем в ней оказалось большое количество драгоценных камней, медалей, ваз и картин. Все это имущество тотчас же было уложено обратно, двери запечатаны, поставлен караул, и о случившемся было сообщено тов. Зиновьеву, в Особый отдел Укрепленного района и в Губисполком с просьбой прислать представителей и дать распоряжения.

19 сентября в Левашово прибыли представители Губиспролкома тов. Зотов и Укрепленного района тов. Ильин, в присутствии которых и членов местного райсовета комната была вновь вскрыта (все оказалось в целости), и затем комната была вновь опечатана и ручка от двери увезена тов. Зотовым до получения соответствующих распоряжений центральной власти.

Затем в 12 дня 21 сентября райсовдепом была получена от Губисполкома телефонограмма о том, что 23-го в 10 ч. утра прибудет в Левашово особо назначенная Губисполкомом комиссия для приема ценностей дачи Фаберже в Народный банк и что "всякая другая комиссия незаконна и действия ее будут преследоваться Губисполкомом как подлог, а допущение ее к вскрытию хранилища ценностей местными властями – как преступление по должности".

Ввиду изложенного я 22-го же числа вернулся в Петроград и получил от отдела предписание принять участие в назначенной на 23-е комиссии Губисполкома на предмет определения, какие же из предметов, найденных в бронированной комнате, подлежат обращению в Музейный фонд отдела.

Утром 23-го числа я совместно с представителем Губисполкома тов. Зотовым и главным бухгалтером Губисполкома Вапнярчиком и представителем Народного банка тов. Шалфеевым прибыл на дачу Фаберже и от встретивших нас членов местного Исполкома узнал следующее.

22 сентября в 5 ч. дня в райсовет прибыли трое представителей Комитета обороны: тов. Ческис, Линде и Панфилов, на автобусе и с вооруженною охраною и потребовали передачи ценностей, открытых на даче Фаберже, предъявив при этом соответствующий мандат за подписью тов. Зиновьева и секретаря тов. Крастина. Вследствие возражения райсовдепа, основанного на вышеизложенной телефонограмме Губисполкома, тов. Ческис, переговорил по телефону с Губисполкомом, причем этим последним было заявлено о невозможности вскрытия комнаты без представителя Губисполкома, и был срочно с поездом 5 ч.15 мин. (подчеркнуто в тексте. – *Авт.*) отправлен в Левашово один из членов Губисполкома. Однако, несмотря на это, комиссия Комитета обороны приступила к вскрытию комнаты, не дожидаясь приезда представителя Губисполкома, и выносу вещей, беря на себя всю ответственность со всеми последствиями, т. к. члены местного исполкома противодействовать не могли. Все вещи были взяты без составления акта и описи, уложены

[4] Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 4. Оп. 1. Д. 895. 1918 год.

в 10 привезенных комиссией ящиков и увезены на автобусе. Сверх 10 ящиков было взято 2 картины и большая книга-альбом в железном переплете. В числе увезенных предметов была огромная коллекция почтовых марок и свыше 1700 драгоценных камней разных размеров. В комнате после этого осталось несколько крупных бронзовых вещей, которые не уместились в автобусе, а комната была вновь запечатана. Об изложенных обстоятельствах комиссией Губисполкома был составлен совместно со мною акт, и 24-го утром настоящее дело будет рассмотрено в президиуме Губисполкома. При указанном положении дела я не мог вскрывать бронированную комнату, а ограничился составлением краткой описи вещей дачи Фаберже, которые по своему художественному значению подлежали бы охране отдела. Должен при этом заметить, что трудно себе представить, до какой степени жившей на даче Фаберже воинской частью была изуродована и покалечена вся без исключения богатая и высокохудожественная обстановка. Все картины проткнуты штыками; вся обивка с мебели содрана; все инкрустированные и мозаичные столы и в особенности многочисленные стилевые (Людовик XVI) комоды, шкафы, шифоньерки и бюро исковерканы; все книги ободраны, т. е. без переплетов и иллюстраций, а большинство разодрано на кусочки. Тем не менее, я составил краткую опись тех из этих вещей, которые могут быть исправлены и по существу должны быть охранены, и испрашиваю указания отдела по их дальнейшей судьбе.

По словам председателя райисполкома тов. Соколова, комиссией, увезшей 22 сентября ценностей с дачи б. Фаберже, было взято много старинных икон, в дорогих окладах, тонкой работы фигурок из разных камней, несколько небольших картин, гравюр и миниатюр. Вещи из бронированной комнаты были увезены в штаб коменданта Укрепленного района, ул. Гоголя, 19».[5]

До сих пор не удалось проследить судьбу этих художественных ценностей. Особый интерес сегодня могли бы представить «тонкой работы фигурки из разных камней» – такие вещи Фаберже представляют исключительную музейную ценность. К сожалению, «архив тов. Зиновьева» недоступен для исследователей.

Только часть предметов декоративно-прикладного искусства была спасена и перевезена в усадьбу Вяземских в Осиновой роще.

Уже в 1919 году очевидцы свидетельствовали: «внутренность этого прекрасного дома представляет собой картину полного разрушения и дикого вандализма». Имущество большевики реквизировали, а особняк стал временным пристанищем для двух тысяч красноармейцев. После смены эпох в здании устроили санаторий для высших чинов НКВД, затем штаб пограничной дивизии, во время блокады разместили госпиталь. После войны в усадьбе был детский сад для отпрысков высокопоставленных чиновников Министерства обороны и здание подверглось некоторой перепланировке.

Но с «Перестройкой» здание оказалось никому не нужным, и лишь в 1989 году дача Фаберже была включена в государственные списки памятников истории и культуры. Тогда же Управление Государственной инспекции по охране памятников подготовило архитектурно-реставрационное задание на реставрацию этого неординарного архитектурного комплекса. Была разработана проектно-сметная документация.

В 2007 году КГИОП отдал право распоряжаться «дачей Фаберже» Санкт-Петербургскому Горному институту. Планировалось, что в здании будет филиал Горного музея, интегрированный и в научный, и в учебный процесс. Горный институт

[5] Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 4. Оп. 1. Д. 895. 1918 г. Описи и переписка о поступлении художественных предметов с дачи Фаберже Аг. Карл. (в Левашово) в Отдел охраны, учета и регистрации памятников искусства и старины, 1918/1919 гг. Вывоз с дачи Фаберже драгоценностей, обнаруженных в сентябре 1919 г. в сейфе.

Так выглядит сегодня загородный дом Агафона Фаберже

в Левашово. 2017 год. Фото М.М. Браудзе

успел установить профессиональную охрану и начать работы по расчистке. Но дело продвигается медленно. Уникальные изразцы с печи (диковинные птицы, звери и персонажи из древних русских сказок и былин – ни одного повторяющегося сюжета!), старинные решетки, витражные стекла и белый мрамор облицовки 25 лет (с 1982 по 2007 годы) растаскивали вандалы и кладоискатели. В октябре 2016 года Горный университет передал левашовский загородный дом Фаберже обратно в подчинение Министерства культуры Российской Федерации.

В результате стены трещат, потолки рушатся прямо на глазах. Там, где раньше кипела светская жизнь, сегодня гуляет ветер...

Источники и литература

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 4. Оп. 1. Д. 381, 895, 896.

ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 3. Д. 4173, 4175.

Алексеев А.А. Историческая справка «Дача Фаберже в Левашово». Институт «Ленпроектрестарация». 1990.

Новопольский П. В Осиновой Роще // Вечерний Ленинград. 8 декабря 1977.

Позольская А. Судьба дачи Фаберже // Вечерний Ленинград. 7 декабря 1989.

Скурлов В.В. Агафон Фаберже в красном Петрограде. СПб. 2012.

А.Г. Румянцев

«НОВЫЕ ПОГРАНИЧНИКИ» НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ В 1918 году

Важнейшим фактором жизни Петрограда 1918 года стало появление рядом с ним государственной границы. Она проходила всего в 30 км, если считать от Финляндского вокзала до станции Белоостров, где до революции располагалась таможенная граница с тогдашним Великим Княжеством Финляндским.

После прихода к власти большевиков на основании приказа Военно-революционного комитета (ВРК) от 3 (16) ноября 1917 года за № 2412 граница была временно закрыта.[1] Согласно предписанию ВРК от 8 (21) ноября 1917 года, выданного комиссару станции Белоостров Владимирову, правом свободного проезда в Финляндию пользовались лишь дипломатические курьеры. «Все остальные лица могут быть пропускаемы через границу лишь в том случае, если они имеют особые удостоверения от Военно-революционного комитета и фотографии, скрепленные печатью Военно-революционного комитета», – говорилось в документе.[2]

После того как Совнарком в декабре 1917 года признал независимость Финляндии, четкой границы между двумя странами установлено не было. Для решения этого вопроса предполагалось создать межгосударственную комиссию, однако помешала начавшаяся в Финляндии Гражданская война.[3]

Фактическим рубежом, разделявшим два государства на Карельском перешейке, стала старая административная граница. До начала Первой мировой войны она находилась под контролем Раяйокского отряда пограничной стражи, располагавшегося в районе станции Белоостров и охранявшего участок между деревнями Алакюль и Мустолово протяженностью 38 верст. На территории участка располагалось несколько постов: Раяйокский (15 пограничников, из них четыре конных), Акказинский (11 пограничников, из них трое конных), Тапкенский (11 пограничников, из них трое конных) и Термоловский (12 пограничников, из них трое конных).[4] Направление на Сестрорецк прикрывал Сестрорецкий (Редикюльский) отряд пограничной стражи в составе 15–18 пограничников, из которых шесть – восемь являлись конными.[5] Кондушский, Олонецкий, Новоладожский, Туломозерский, Шлиссельбургский, Лемболовский, Лахтинский отряды пограничной стражи находились на границе с Финляндией со стороны Санкт-Петербургской и Олонецкой губерний.[6] Для организации таможенной службы на границе с Финляндией были

[1] Документы великой пролетарской революции. Том 1. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского совета. ОГИЗ. 1938. С. 168. Документ № 280.

[2] Там же. С. 202. Документ № 325.

[3] Документы внешней политики СССР. Т. 1. М. 1957. С. 71.

[4] ЦГИА СПб. Ф. 1210. Оп. 3. Д. 21. Л. 11.

[5] Там же. Л. 15.

[6] ЦГИА СПб. Ф. 1210. Оп. 3. Д. 21. Л. 17; Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1914–1915 гг. СПб. 1914. С. 42, 43.

Пограничники на реке Сестре. Начало XX века. Из фондов ЦГАКФФД СПб

развернуты Белоостровская таможня, Коркомяккская и Кондушская заставы и семь таможенных постов (Короссарийский, Кирьясальский, Раяйокский, Никулясский, Калеловский, Дюнский и Сестрорецкий), подчинявшиеся Управлению Санкт-Петербургского таможенного участка.[7] Через таможенные учреждения и пограничные посты осуществлялся пропуск местных жителей и провоз разрешенных товаров.[8] Обычно в Россию ввозились железные изделия (пилы, топоры, подковы, гвозди), швейные машинки, динамо-машины, рыба, картофельная мука, зерновой кофе, мясо, мыло, а вывозилось древесная кора, глиняная посуда, лучинные корзины, бочарные изделия.[9]

С начала 1918 года старую административную границу охраняли войска будущей 7-й армии, формировавшиеся из тех подразделений, которые раньше входили в состав бывшего 42-го армейского корпуса, дислоцировавшегося в районе Выборга, Гельсингфорса и в юго-западной части Финляндии. Из оставшихся в строю после демобилизации бойцов и из вольнонаемных кадров с февраля 1918 года начал формироваться район под названием «Охрана русско-финляндской границы», позднее – Финляндский район.[10] На основании приказа Наркомфина от 1 (14) марта 1918 года на границе с Финляндией предполагалось поставить особые воинские заставы, возложив на них наблюдение за пограничной рогаткой в Белоострове и восстановление пропускных пунктов в Алакюле и Термолово.[11]

---

[7] Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1914–1915 гг. СПб. 1914. С. 43, 44.

[8] ЦГИА СПб. Ф. 1210. Оп. 3. Д. 21. Л. 16.

[9] Там же. Д. 11. Л. 1–6.

[10] *Рупасов А.И., Чистиков А.Н.* Советско-Финляндская граница. 1918–1938. Очерки истории. СПб. 2007. С. 30.

[11] ЦГИА СПб. Ф. 1210. Оп. 3. Д. 21. Л. 7, 16.

«Новым пограничникам» предписывалось соблюдать строгий нейтралитет в отношении Финляндии, не допускать нарушения границы, немедленно разоружать всех нарушителей при любой попытке ее пересечения.[12] Этому способствовал и заключенный 16 февраля (1 марта) 1918 года в Петрограде договор «Об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской Социалистической рабочей республикой». С финской стороны его заключило правительство красных финнов во главе с Куллерво Маннером. Согласно договору граница на Карельском перешейке должна была определяться особой подкомиссией из представителей обоих государств.[13]

Однако в реалиях начала 1918 года новые рубежи контролировали только таможенные посты, поскольку пограничники нередко оставляли службу и возвращались в места своего постоянного базирования в Финляндии. Так, по донесению из Калеловского таможенного поста на станции Белоостров от 31 января 1918 года солдаты 4-го Финляндского пехотного полка, охранявшие границу и рогатку, были уведены в Куоккала (Репино), где располагался штаб полка, а затем были распущены по домам. Граница оставалась открытой, чем усердно пользовались контрабандисты.[14] Из Коросарийского таможенного поста 6 (19) февраля 1918 года докладывали, что солдаты Финляндского пограничного полка постепенно расходятся, причем носились слухи, что «в ближайшем будущем наши воинские части совершенно уйдут, тогда наша граница останется без пограничного надзора».[15] Уже 15 (28) февраля 1918 года с поста пришло тревожное сообщение, что все пограничные части покинули свое место службы.[16] Оставшиеся солдаты и «новые пограничники» нередко за мзду пропускали в Финляндию тех, кто бежал из Петрограда от власти большевиков, причем даже без документов. Несмотря на то, что русских в Финляндии не жаловали, для многих из них это была единственная возможность спастись от голода и преследования со стороны новой власти. Среди таких беженцев был и А.Ф. Керенский, скрывавшийся после разгона Учредительного собрания в Финляндии в январе – март 1918 года под именем адвоката Лебедева. Бывший глава Временного правительства проживал в Або (Турку), о чем он впоследствии вспоминал: «Жил я там в полном комфорте и имел возможность получать исчерпывающую информацию о событиях, происходивших в России и Европе, поскольку мой хозяин – владелец животноводческой фермы – постоянно ездил в Гельсингфорс и был в курсе всех дел».[17]

В условиях отсутствия реальной охраны границы на Карельском перешейке процветала контрабанда, прежде всего, табаком, бумажными тканями, бельем, кожей, зерном и мукой.[18] Из донесений бывших служащих Белоостровской таможни в Управление Петроградского таможенного участка следует, что в марте 1918 года чины таможни организовали аукцион по продаже конфискованных товаров через «своих» людей, что привело к обогащению таможенников. Некий бывший служащий

---

[12] Приказ Военного совета Петроградского района военному руководителю Северного участка завесы об организации охраны на русско-финской границе. В кн.: Разгром бело-финских интервентов в Карелии в 1918–22 гг. Сб. док. Тегозеро. 1944, док. № 29; *Аблаев Ю.М.* Образование советско-финляндской границы // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 137–143; *Плеханов А.* Отдельный пограничный корпус в революциях 1917 года // Альманах «Марс». 2006. № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.geraldika.org/04_2006_21.htm (дата обращения: 25.12.2020).

[13] Правда. 10 марта 1918; *Аблаев Ю.М.* Образование советско-финляндской границы // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 137–143.

[14] ЦГИА СПб. Ф. 1210. Оп. 3. Д. 21. Л. 1, 2.

[15] Там же. Л. 3, 4.

[16] Там же. Л. 5, 6.

[17] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М. 1993. С. 335.

[18] ЦГИА СПб. Ф. 1210. Оп. 3. Д. 19. Л. 67, 68.

Петров дал такую характеристику деятельности Белоостровской таможни: «Никто не знал об аукционе, явились 2–3 татарина, скупившие весь товар за бесценок. Товары подменивались, приобретались и перепродавались служащими за большие деньги, многие получили перчатки, чулки, полотно, обувь. Все бездельничают, выпивают и играют в карты».[19] Однако проведенная в конце июня 1918 года ревизия таможни не выявила особых нарушений в ее деятельности. Исполнявший должность управляющего таможней Сапежко сумел объяснить свои действия собственной нераспорядительностью, растерянностью, а также требованиями досмотрщиков о быстрейшей продаже товаров в связи с наступлением белых и возможном разгроме пакгауза с конфискованными товарами.[20]

Подобное оправдание было принято во внимание управлением Петроградского таможенного округа в связи с недавней неразберихой на границе, ставшей следствием, в том числе, Гражданской войны в Финляндии.

К началу мая 1918 года красные финны потерпели поражение, и белые взяли под контроль всю территорию страны и вышли на рубежи бывшего Великого княжества Финляндского. Предвидя подобный оборот событий, 12 апреля 1918 года Малый Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны назначил бывшего инженер-генерала А.В. Шварца военным руководителем Северного участка и Петроградского района. Через день, 14 апреля, Малый совет комиссаров принял специальное постановление. Признав «положение Петрограда угрожаемым», он передал в распоряжение военного руководителя все имеющиеся в пределах участка и района войсковые части, поручил ему сформировать дополнительно четыре корпуса для пополнения существующих войск завесы, «принять все нужные меры к обороне границы с Финляндией на Карельском перешейке, в том числе: переброску войск на финляндскую границу с участков завесы, постройку укрепленной позиции на границе с Финляндией и пр.».[21]

Победа белых в Гражданской войне в Финляндии осложнила пересечение российско-финляндской границы. 26 апреля 1918 года советской стороной была прекращена выдача пропусков в Финляндию, а 9 мая Финляндия закрыла границу с Советской Россией. При этом пограничные пункты в Белоострове на советской территории и в Раяйоках на финской продолжали действовать. Теперь уже появился и другой поток беженцев – из Финляндии в Советскую Россию. Красные финны спасались от белого террора, а жившие на Карельском перешейке русские – от этнических чисток.[22] Газета «Новая жизнь» так описывала пересечение границы: «После весьма тщательного, включительно до раздевания, таможенного осмотра на ст.[анции] Раяйоки путешественники пешком добираются до Белоострова. Отбираются все финские деньги свыше 100 марок, продукты, материя и т.д. Унижениям и оскорблениям несть числа. Финские чиновники распространяют всевозможные ложные слухи о насилиях и грабежах, якобы чинимых над беженцами по ту сторону границы».[23] Помимо мирных жителей в Россию возвращали военнопленных из числа солдат бывшей царской армии и красногвардейцев, плененных во время Гражданской войны в Финляндии.

К лету 1918 года таким образом границу пересекли около 20 тыс. человек.[24]

---

[19] ЦГИА СПб. Ф. 1210. Оп. 3. Д. 19. Л. 49, 50.

[20] Там же. Л. 57, 58.

[21] *Рупасов А.И., Чистиков А.Н.* Советско-Финляндская граница. 1918–1938. Очерки истории. СПб. 2007. С. 32.

[22] Там же. С. 35; *Аблаев Ю.М.* Образование советско-финляндской границы // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 137–143.

[23] Новая жизнь. 1918. 26 мая.

[24] *Невалайнен П.* Финляндия и СССР в 1920–30-х гг.: основные характеристики миграции и торговли / / Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб. 1999. С. 105.

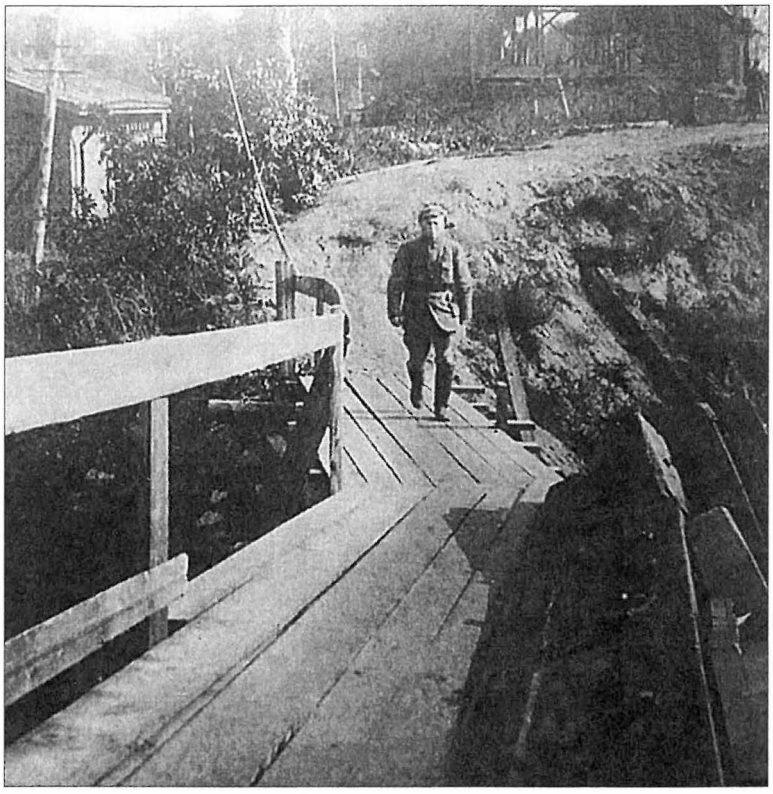
Желающие уехать в Финляндию ожидают разрешения на выезд. Белоостров. 1919 год.
Из книги: Рупасов А.И., Чистиков А.Н.. Советско-финляндская граница. 1918–1938. СПб. 2007

К этому моменту происходит окончательное формирование пограничной охраны на Карельском перешейке. Несшие службу части входили в состав Петроградского округа пограничной охраны, формировавшегося с 1 апреля 1918 года. Через два месяца, к концу мая, он состоял из пяти районов: Беломорского, Олонецкого, Финляндского, Петроградского и Чудского, которые, в свою очередь, делились на подрайоны, дистанции и заставы. Первоначально на основании декрета Совета Народных Комиссаров от 28 мая 1918 года 1-й округ подчинялся Наркомфину, с 1 июля 1918-го вместе в Департаментом таможенных сборов перешел в ведение Наркомата торговли и промышленности, а с конца октября 1918-го находился в оперативном подчинении командования 7-й армии.[25] При этом первоначальный способ комплектования пограничной охраны на принципах вольного найма оспаривался уже в середине 1918 года. Как следует из записки состоящего в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа генерал-майора М.П. Чернушевича комиссару по финансовым делам Северной области А.Л. Шейнману от 7 июля 1918 года, не следует надеяться на вольнонаемных лиц, поскольку им приходится «добровольно нести такую службу как сопряженную с несением на открытом воздухе, в мороз, ветер, слякоть, под дождем, с необходимостью проходить при указанных условиях большие расстояния». По мнению М.П. Чернушевича, пограничная служба должна комплектоваться на регулярной основе с обеспечением военнослужащих обмундированием, питанием и всем необходимым.[26]

---

[25] *Рупасов А.И., Чистиков А.Н.* Советско-Финляндская граница. 1918–1938. Очерки истории. СПб. 2007. С. 42, 43.

[26] ЦГИА СПб. Ф. 1210. Оп. 3. Д. 59. Л. 5, 6.



На переговоры к финнам. Белоостров, 1919 год.
Из книги: Рупасов А.И., Чистиков А.Н.. Советско-финляндская граница. 1918–1938. СПб. 2007

Раяйокская таможня. 1919 год.
Из книги: Рупасов А.И., Чистиков А.Н.. Советско-финляндская граница. 1918–1938. СПб. 2007

Несмотря на предпринимаемые Советской властью меры, в частности, введение с октября 1918 года мобилизационного принципа комплектования частей пограничной охраны, вплоть до конца года ее состояние оставляло желать лучшего. Сказывался дефицит кадров низового звена, отсутствие необходимой материально-технической базы, так что пограничники могли контролировать только рогатку у станции Белоостров.[27]

Из доклада члена губисполкома Сметанина о постановке и деятельности пограничной охраны в Олонецком и Финляндском районах 1-го округа пограничной охраны на конец 1918 года следует, что большинство пограничников комплектовалось по вольному найму из числа карел и красных финнов, красноармейцев из местного населения. Нравственный уровень оценивался весьма невысоко, систематическими были пьянство и участие в провозе контрабанды. Отсутствие пайка действующей армии приводило к организации самоснабжения путем закупок продовольствия. Помещения, в которых располагались пограничники, были сырые и требовали ремонта. Единственными достижениями считалось неплохое обмундирование, налаженная медико-санитарная помощь и наличие неплохих отношений с местными Совдепами.[28]

Непростыми были отношения между чинами таможенной службы и пограничной охраны. Так, управляющий Кондушской заставы А.С. Петров-Евтеев направил 11 ноября 1918 года жалобу в управление Петроградского таможенного участка, в которой указывал, что ему и его подчиненным периодически приходится «выслушивать неуместные и необдуманные замечания дерзкого характера на какой-то непонятной враждебной почве с исключительной целью чувствительно и нравственно задеть беззащитного таможенного служащего». Как и генерал-майор М.П. Чернушевич, управляющий заставой предлагал принимать на пограничную службу «вполне сознательных и здравомыслящих лиц, и с установившимися понятиями о современной жизни, а не мальчиков 16–17 летнего возраста, при том еще из местных жителей, от которых, кроме вреда и ущерба, ничего нельзя ожидать».[29]

Об условиях деятельности пограничной охраны осенью 1918 года сообщают доклады управляющих нескольких таможенных постов в Управление Петроградского таможенного участка. В сообщении о положении дел на Сестрорецком таможенном посту от 20 сентября 1918 года его руководитель А.Р. Бомбинский отмечал, что в сторожевой будке у поста дежурили чины пограничной охраны, а у полотна железной дороги в десяти шагах от здания в устроенном шалаше – часовые-красноармейцы. Холод вынуждал красноармейцев разбирать деревянную ограду, окружавшую сад и здание поста, и отапливать ей деревянную будку. Попытка увещевания солдат со стороны управляющего таможенного поста ни к чему не привела.[30] Начальник Дюнского таможенного поста А.П. Гришкевич-Трохимовский докладывал 27 ноября 1918 года, что часть помещения поста была самовольно занята красноармейцами, которые, за неимением дров, разбирали изгородь и стены надворных построек, и никакие увещевания успеха не имели.[31]

Неопределенность ситуации, неупорядоченность пограничных вопросов приводили к тому, что многие русские и финляндские подданные по-своему решали проблему перехода и переезда границы. В середине 1918 года близ станции Белоостров русскими контрразведчиками под руководством Сеппенена было выявлено восемь

---

[27] *Рупасов А.И., Чистиков А.Н.* Советско-Финляндская граница. 1918–1938. Очерки истории. СПб. 2007. С. 43, 44.

[28] ЦГИА СПб. Ф. 1210. Оп. 3. Д. 19. Л. 196, 197.

[29] Там же. Л. 102–104.

[30] Там же. Д. 21. Л. 29.

[31] Там же. Д. 21. Л. 36.

Граница Финляндии в 1920 году. Из книги: Цеттерберг С. Финляндия после 1917 года. Хельсинки. 1995

тайных переходных пунктов.[32] Граница оставалась весьма прозрачной в течение всей Гражданской войны, вплоть до подписания 14 октября 1920 года Тартусского мирного договора между РСФСР и Финляндией, которым подтверждалось признание независимости и суверенитета Финляндского государства в границах бывшего Великого Княжества Финляндского и восстанавливались дипломатические и консульские отношения. Договор предусматривал также регулирование многих остальных вопросов: гражданства, военнопленных, рыбной ловли, восстановления почтово-телеграфной связи, упорядочения железнодорожного сообщения, возобновления экономических отношений, обоюдного возвращения судов.[33] На основании Тартусского договора граница по реке Сестре стала носить официальный характер и сохранялась вплоть до 1940 года.

---

[32] *Рупасов А.И., Чистиков А.Н.* Советско-Финляндская граница. 1918–1938. Очерки истории. СПб. 2007. С. 46.

[33] Подробнее см.: *Смолин А.В.* Государственные интересы или революционная целесообразность? // Карельский перешеек. Страницы истории. Книга четвертая. СПб. 2020. С. 11–27.

Ю.Д. Балаценко

ДИЙ ЮРЬЕВИЧ РЕПИН – ЖЕРТВА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФИНЛЯНДИИ

После Октябрьской революции 1917 года входившее в состав Российской Империи Великое Княжество Финляндское получило независимость. И вскоре на ее территории началась Гражданская война, продлившаяся относительно недолго. После ее завершения в Финляндии оказалось большое количество русских эмигрантов. По оценке видного представителя русской эмиграции в Париже Владимира Феофиловича Зеелера (1874–1954) «к началу 1920-х годов в Финляндии скопилось до 15 тысяч русских беженцев, в том числе 11 тысяч в Выборгской губернии».[1] Среди них было много тех, кто имел усадьбы на Карельском перешейке. К ним относился и всемирно известный русский художник И.Е. Репин (1844–1930). Здесь также обосновалось большое количество белоэмигрантских организаций и обществ, боровшихся с советской властью.

Внук И.Е. Репина, Дий Юрьевич Репин (1907–1935), не остался в стороне от кипевших в стране политических страстей. В начале 1930-х годов он примкнул сразу к нескольким контрреволюционным организациям, что в конечном счете послужило причиной его трагической гибели. Сведения о Дие Репине можно найти в разных источниках, но они не всегда совпадают. Наиболее правдивыми, вероятно, являются воспоминания различных знакомых и друзей Репина и его переписка с ними. Кроме того, ценным источником являются статьи и монография «Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939)» современного историка П.Н. Базанова.[2]

Несомненный интерес представляют заметки соседей И.Е. Репина о детских и юношеских годах его внуков. В нескольких километрах от усадьбы художника в поселке Оллила с 1909 года жил биолог, агроном и физиолог Григорий Николаевич Бренёв,[3] в прошлом юрист и владелец издательства «Наш век» и типографии. После

---

[1] *Дорончeнков И.А.* Семья И.Е. Репина в письмах Т.И. Репиной-Язевой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб. 1994. С. 254.

[2] См. также: *Балаценко Ю.Д.* Превратности жизни сыновей Юрия Ильича Репина // Карельский перешеек. Страницы истории. Книга третья. СПб. Остров. С. 88–105.

[3] Бренёв Григорий Николаевич (1888–1969) – родом из кубанских казаков. Агрономическое образование получил в Пскове, а юридическое – в Петербурге. Работал у профессора Л.И. Петражицкого. С Репиным он особенно сдружился после событий 1917 года. Кроме пасеки и сада, в его имении также была физиологическая лаборатория, которую посещал академик И.П. Павлов. Репин и Бренёв часто бывали друг у друга в гостях. Репин интересовался хозяйственной деятельностью Бренёва, а Григорий Николаевич часто делал доклады на репинских «средах» на естественнонаучные или исторические темы. После эвакуации 1939 года жил в разных местах Финляндии, в конце концов обосновался близ города Хювинкяя примерно в 50 км от Хельсинки.

Юрий Ильич, Дий, Гай и Прасковья Алексеевна Репины. 1910-е годы. Из фондов Музея-усадьбы «Пенаты»

Илья Ефимович, Вера Ильинична и Дий Репины. 1916 год. Из фондов Музея-усадьбы «Пенаты»

октябрьского переворота Бренёв занялся садоводством и разведением пчел. Его сын Николай считал, что «Возможно, наша пасека была одно время самой большой во всей Выборгской губернии».[4] Обширное хозяйство Бренёва давало работу русским эмигрантам, положение которых было особенно бедственным. Григорий Николаевич был членом партии «Крестьянская Россия».[5] По мнению Базанова, «с начала 1920-х Г.Н. Бренёв переправлял на советскую сторону эмигрантские издания».[6] В 1935 году Г.Н. Брёнев, вероятно, под руководством С.Ц. Добровольского[7] издал книгу «Доисторическая цветная цивилизация».[8]

Жена Григория Николаевича была художницей. Учителем Анастасии Петровны Бренёвой был Иван Яковлевич Билибин (1876–1942). Ее талант передался сыну Николаю, который с детства пристрастился к рисованию, став впоследствии художником. Н.Г. Бренёв оставил чрезвычайно интересные воспоминания о своих детских годах и о дружбе его семьи с семьей И.Е. Репина. Он исключительно высоко оценивал объединяющее значение усадьбы Репина для эмигрантов. «Закрытие границы и оторванность от России как бы подчеркнули и усилили значение "Пенат" в жизни русских людей этой местности, а также и в жизни финнов, знающих русский язык, интересующихся русской культурой, любящих ее и связанных в прошлом с русскими интересами и русским народом».[9]

Вспоминая зиму 1922/1923 годов, Николай Бренёв описал забавный эпизод, где главными действующими лицами выступали внуки Ильи Ефимовича. «С наступлением зимы "репинские среды" пользовались особенной симпатией русских жителей Куоккалы. Раз в такой вечер пришел в "Пенаты" будто неизвестный человек, ведя на привязи медведя. Медведь, впрочем, был только весьма удачно наряженный Дий, внук Ильи Ефимовича. Другой внук – Гай наряженный поводырем медведя, сказал: "Мы шли узкою тропою среди вьюги, и снежного заноса, и вдруг увидели огонек, ну, думаем, теперь не пропадем, пошли «на огонь» и вот пришли к вам". Они проделали несколько номеров, как полагается медведь плясал и проделывал разные фокусы. "Сласти Мишка любит", – сказал Гай, и, конечно, Мишку одарили обильно конфетами, да и поводырь не был забыт. Костюмы для них, весьма хорошо и правдоподобно сделанные, были приготовлены Юрием Ильичем».[10] В ту зиму

---

[4] *Бренёв Н.Г.* Мои воспоминания о Репине и «Пенатах» // Наша жизнь. № 7/199. 1974. Хельсинки. С. 26.

[5] «Крестьянская Россия» – партия, созданная в 1921 году для борьбы крестьянства за его политические и экономические интересы. С 1927 года она стала называться Трудовой крестьянской партией – «Крестьянской Россией». Партия входила в Республиканско-демократическое объединение (РДО). В Праге партия издавала журналы «Вестник крестьянской России» и «Знамя России». Партия действовала до начала Второй мировой войны.

[6] *Базанов П.Н.* Человек без биографии. Дий Юрьевич Репин // Право на имя. Биографика XX века. Десятые чтения памяти Вениамина Иофе. 21–23.04.2012. СПб. С. 39, 40.

[7] Добровольский (Доливо-Добровольский) Северин Цезаревич (1881–1946) – генерал-майор, военный юрист, деятель Белого движения и эмиграции. В 1918 году эмигрировал в Финляндию, но гражданства не принял и жил с «нансеновским паспортом». Он был представителем Русского общевоинского союза (РОВС) в Финляндии. Сотрудничал со 2-м отделом Генерального штаба Финляндии, используя его ресурсы для реализации планов РОВС. Издавал журнал «Клич». Являлся членом правления выборгского Культурно-просветительного общества, выступал с лекциями в Выборге и Хельсинки. Его доклады были посвящены общественно-политической и культурной тематике. Весной 1945 года выдан правительством Финляндии СССР и 26 января 1946 года расстрелян.

[8] *Базанов П.Н.* Человек без биографии. Дий Юрьевич Репин // Право на имя. Биографика XX века. Десятые чтения памяти Вениамина Иофе. 21–23.04.2012. СПб. С. 39, 40.

[9] *Бренёв Н.Г.* Мои воспоминания о Репине и «Пенатах» // Наша жизнь. № 7/199. 1974. Хельсинки. С. 18.

[10] Там же. С. 25, 26.

И.Е. Репин. Портрет Дия Репина. 1924 год. Из фондов Музея-усадьбы «Пенаты»

Дию сильно не везло. Николай Бренёв вспоминал, что «один паренек его же возраста ударил его кастетом так сильно, что Дий лежал на снегу некоторое время без сознания». Вполне вероятно, Дий в результате сильного удара получил сотрясение мозга, что впоследствии сказалось как на его успехах в учебе, так и на некоторой неадекватности в поведении. Кроме полученной травмы в ту же зиму «врачи нашли, что у Дия слабые легкие, и говорили о необходимости обратить на это особое внимание. Юрий Ильич уверял, что он может вылечить его собственным средством – употреблением топленого почечного жира, которому как целебному народному средству он придавал большое значение. Средство, как вспоминал Николай Бренёв, в самом деле, должно быть, помогло, так как с наступлением лета Дий больше ни на что не жаловался».[11] Если судить по заметкам сверстника Дия, то его юношеские годы не были омрачены чем-либо другим, кроме как вышеописанной травмой и тяжелой болезнью.

Что касается получения образования, то Дий окончил только четыре класса русского реального училища в Териоках. Бросив учебу, он не мог устроиться на постоянную работу и многократно менял профессии, изучая парикмахерское дело, столярное и сапожное ремесло. Это вполне согласуется с тем, что вспоминал Николай Бренёв: «Илья Ефимович заговорил о своих внуках и их будущем. Не было ли у него предчувствия и беспокойства об их судьбе? Гай, имевший лучшие способности к учению, был устроен в Праге. Дий еще в то время не избрал своего пути. Впоследствии он отправился матросом на море». При этом Николай Григорьевич писал, что Илья Ефимович материально поддерживал внуков. «У него были средства для оказания им помощи, которые он охотно давал им».[12]

После отъезда Гая в Чехословакию в 1924 году жизненные пути внуков Репина разошлись и пересекались только изредка. В конце апреля 1925-го Илья Ефимович написал своему старинному другу Д.И. Яворницкому (1855–1940): «Дий едет юнгой в кругосветное путешествие».[13]

Здесь необходимо отметить, что, пожалуй, единственная специальность, которой Дий овладел в совершенстве, была профессия матроса. Ее он освоил, плавая сначала юнгой, а потом матросом на шведских парусных судах. Дий, получив 3 января 1925 года так называемый «Нансеновский паспорт»,[14] отправился в море. Вполне вероятно, что это событие произошло не без участия знаменитого деда. Западногерманский

[11] *Бренёв Н.Г.* Мои воспоминания о Репине и «Пенатах» // Наша жизнь. № 7/199. 1974. Хельсинки. С. 26.

[12] Там же. С. 34.

[13] *Репин И.Е.* Письмо от 26 апреля 1925 года Д.И. Яворницкому // Избранные письма в двух томах 1867–1930. Т. 2. М. Искусство. С. 360.

[14] Нансеновский паспорт – удостоверение личности. Выдавался с начала июля 1922 года Лигой Наций беженцам, не имевшим гражданства. Разработан в 1922 года норвежцем Фритьофом Нансеном, комиссаром Лиги Наций по делам беженцев. Паспорт давал право выезда из страны и поступления на работу. Выдавался сроком на один год.

исследователь Инора Крайзман установила, что «Дий плавал более 20 месяцев на парусном барке "Ванья" (Wanja) до лета 1927 года, а с 27 сентября 1927 года по 16 октября 1929 года на учебном парусснике "Киллоран" (Killoran)».[15] Судно являлось плавучей базой морской школы Густава Эриксона (Gustav Erikson). Он в 1920–1930-е годы владел крупнейшим парусным флотом в мире. Также И. Крайзман обнаружила в старых шведских журналах фотографии парусных судов, на которых нес тяжелую матросскую службу Дий Репин. Спущенный на воду в 1900 году парусник «Киллоран» был потоплен в 1940 году во время Второй мировой войны.

Фотография Дия на «Нансеновском паспорте». Из фондов Музейного агенства Финляндии

Надо заметить, что данные И. Крайзман несколько расходятся с теми, которые привел П.Н. Базанов в своей статье о внуке Репина. По его данным, Дий «с 1926 по 1934 годы регулярно ходил на разных кораблях. Сначала 22 месяца на ... паруснике "Ванья", а затем ... 26 месяцев на учебном судне "Киллоран". Потом служил на шведских кораблях. Учился на шоферских курсах в Выборге. Затем совершил рейс в Бразилию, где работал на строительстве железной дороги, ... а потом опять ходил в рейсы».[16] Вероятно, различия объясняются тем, что авторы работ использовали разные источники.

Суровые матросские будни на учебном паруснике «Киллоран» и само судно Дий подробно описал в письме, которое он послал родителям из Австралии в 1928 году. По просьбе Репина, бесхитростное письмо внука было опубликовано на страницах популярной в среде эмигрантов русскоязычной газеты «Сегодня»,[17] издававшейся в Риге. Редакция не могла отказать великому русскому художнику. Текст письма Дия напечатали в 75-м номере газеты от 18 марта 1928 года вместе с его фотографией и факсимиле просьбы И.Е. Репина. Илья Ефимович, отсылая послание внука в газету, вероятно, посчитал его наиболее интересным и информативным, среди других писем Дия, отправленных родителям.

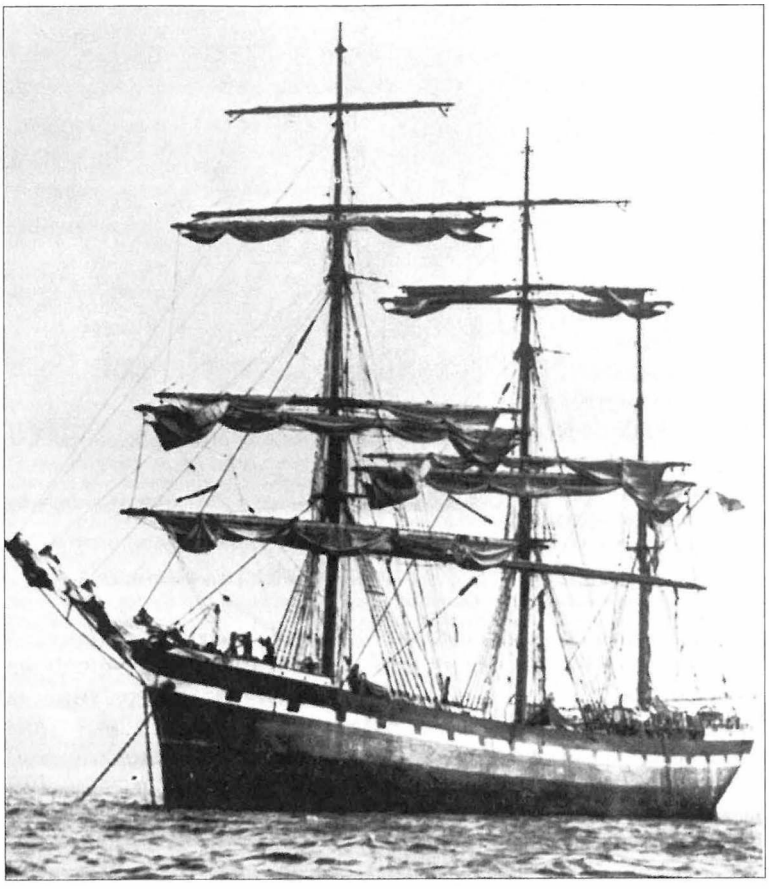
Парусник «Киллоран», покинув Швецию 1 октября 1927 года, через 113 дней прибыл 23 января 1928 года в южно-австралийский порт Аделаиду. Причем на протяжении всего пути, «нигде мы не останавливались» – писал Дий. Письмо родителям Дий, вероятно, отправил в один из первых выходов в город, где он, отметив обилие и дешевизну разнообразных фруктов, посетил кинематограф. «В Австралии мы пробудем, наверное, два месяца, – написал Дий, – потом не знаю куда».

В письме Дий дал описание трехмачтового учебного парусника «Киллоран»: «Мачты 50 метров вышины, с 20 парусами, в 6 ярусов. Всего народу 26 человек». Некоторые сведения он сообщил о себе и о других моряках. «Живу я ничего; здоров; товарищи хорошие. Говорю по-шведски. Кормят хорошо. В общем, я доволен, что

[15] *Крайзман Инора.* Репин или Repeen. URL: https://repin.in.ua/ru/articles/shvedskiy-moryak-diy-repin

[16] *Базанов П.Н.* Человек без биографии. Дий Юрьевич Репин // Право на имя. Биографика XX века. Десятые чтения памяти Вениамина Иофе. 21–23.04.2012. СПб. С. 36.

[17] Газета «Сегодня» – самое крупное и авторитетное периодическое издание на русском языке в Прибалтике. Газета выходила в Риге (Латвия) с 17 августа 1919 по 21 июня 1940 года. Издатель Я.И. Брамс.



Учебный парусник «Киллоран». Из фондов Музейного агенства Финляндии

попал сюда. Учат нас все больше математике. Три года нужно плавать, а затем в школу, куда принимают, как я слышал, на казенный счет». По-видимому, Дий начал уже задумываться о продолжении образования, понимая, что без фундаментальных знаний даже простому матросу не обойтись.

Затем Дий обратился с просьбой к родителям прислать ему денег. Объясняя свою просьбу, он написал, что «истратился в дороге по Швеции, где очень все дорого, а также и капитану надо заплатить за учебные книги, которые очень дорого стоят, две по 50 марок и одна 214 марок, а затем матрац – 60 марок, и мелочи: мыло и т.д.». Цены в письме указаны явно в финских марках. Дий, вероятно, перевел шведские кроны в финские марки с тем, чтобы родителям было бы более понятно, о какой сумме шла речь.

Всех учеников-юнг, поступивших на судно, Дий называл «школьниками», написав, что «во время бури все новые школьники страдали морской болезнью, я же не чувствовал ее совсем так как уже привык». Это и понятно, так как до учебного судна «Киллоран» Дий почти два года был матросом на барке «Ванья», который принадлежал К.Г. Карлстрему (K. Carlstrem). В продолжение своего рассказа Дий дал подробное описание бури, в которую судно попало в Бискайском заливе. «Это был очень сильный шторм, – писал Дий, – и наверно про него писали в газетах. Ветер выл и рвал все, и, несмотря на то, что мы были совсем без парусов, мы почти лежали на воде, правый борт корабля был совсем под водою и волны перекатывались через все судно. ... Когда шторм стал стихать, сидим мы все мокрые, холодные и голодные, по колено в воде; обеда и ужина не было, ели хлеб, и вот пришел штурман и всем дал по стакану водки. В этот шторм у нас разорвало в клочья десять парусов. Капитан же

сказал, что если бы шторм продолжился еще четыре часа, мы бы наскочили на мель у берегов Исландии, где нас, конечно бы, разбило». В этом чрезвычайно эмоциональном описании Дием шторма в Бискайском заливе вызывает некоторое удивление высказывание капитана судна, о том, что оно потерпело бы крушение, напоровшись на мель у берегов Исландии, если бы буря продолжилась. Здесь внук И.Е. Репина явно что-то перепутал, так как от берегов Исландии до Бискайского залива огромное расстояние. Вероятно, капитан имел в виду берега Испании, а Дий плохо расслышав сказанное, решил, что речь шла об Исландии. При этом не надо забывать, что ранее Дий написал, что шведский язык он еще не совсем освоил.

Далее путешествие юных моряков продолжалось без опасных приключений. «Доехали до Пассатов». Здесь Дий употребил сугубо сухопутный термин – «доехали», моряки так не говорят и не пишут. Надо заметить, что Дий на протяжении всего интересного и подробного письма часто употребляет выражения, не принятые среди моряков. «Пассаты начинаются от северной Африки до 20-го градуса южной параллели. Здесь очень хорошие попутные ветры, тепло. Здесь мы занимались, т. к. занятия идут только в Пассатах, два месяца. Остальное время проходит в работе». И это хорошо понятно, так как парусник принадлежал коммерческой фирме, цель которой была не только в обучении юных моряков, но и в получении конкретной прибыли от международных перевозок.

«Когда проезжали экватор, – здесь Дий в своем рассказе опять использует сухопутный термин, – нас смолили; это морской обычай. Кто первый раз проезжает экватор, подвергается этому. Смолят черной смолой лицо». Кроме учебных занятий на судне юнги занимались для развлечения рыбной ловлей: «пытались ловить летающих рыб, которые перелетали с места на место», но поймать не удалось. Пробовали ловить акул, но с тем же результатом.

В конце письма, после приветов и поклонов всем домашним, он добавил, что «отсюда мы поедем на Южно-американские острова Галапагос». Вероятно, Дий сочинял письмо не один день, и за прошедшее время выяснилось, куда дальше направится парусник.

Интересная деталь: опубликованное в газете «Сегодня» письмо Дия Репина не оставило равнодушным друга Ильи Ефимовича, бывшего золотопромышленника и мецената, Виктора Ивановича Базилевского.[18] Уже 22 марта 1928 года он написал художнику: «С величайшим интересом читаю я плавание вашего внука в Австралию. Какая смелая идея отправится на парусном судне! *Очень бы хотелось узнать продолжение его похождений* (курсив Базилевского. – *Авт.*)».[19]

В перерывах между плаваниями, возвращаясь к отцу в «Пенаты», Дий Юрьевич особо ничем не занимался. Искал постоянную работу, правда, ему не очень везло с поисками. Как отметил П.Н. Базанов, Дий «знал в совершенстве шведский язык, хуже финский и плохо немецкий».[20] Вероятно, плохое знание финского языка мешало найти подходящую работу, не говоря о том, что отношение финнов к русским в 1930-е годы было не всегда доброжелательным.

После очередного возвращения в Куоккалу Дий, не имея постоянной работы, связался с антисоветскими организациями. В Финляндии, как и в других странах

[18] Базилевский Виктор Иванович (1840–1929) – петербургский геолог, золотопромышленник и меценат. В начале Гражданской войны, в 1918 году, спасаясь от боевых действий, уехал в Эстонию. Сначала жил в Нарве, а затем в Усть-Нарве. Переписывался с Репиным вплоть до своей кончины.

[19] Базилевский В.И. Письмо от 22 марта 1928 года И.Е. Репину // Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 гг. Міръ. СПб. РГАЛИ. М. 2012. С.229.

[20] *Базанов П.Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.). СПб. 2015. С.87.

Западной Европы основными военно-политическими организациями Русского Зарубежья были «Русский Общевоинский Союз» (РОВС)[21] и «Братство Русской Правды» (БРП).[22] Обе организации наиболее активно действовали на Карельском перешейке. «Особой активностью – отмечал П.Н. Базанов, – отличалось автономное отделение БРП в поселке Куоккала, ближе расположенном к Ленинграду. Оно координировало деятельность групп в соседних поселках».[23]

По данным П.Н. Базанова Дий Репин имел отношение к обеим организациям. Каковы были побудительные мотивы связи Дия Юрьевича с ними, не совсем ясно. С одной стороны, он хотел отправиться в СССР на учебу, правда, не понятно, где и чему бы он учился в Советском Союзе. Подтверждением этому желанию служит то, что он пытался получить в 1932 году разрешение на въезд в СССР, но ему отказали. Вероятно, Дий, помня о том, как уговаривали его деда переехать в Ленинград члены делегации советских художников летом 1926 года, считал, что и ему не будут чинить препятствий с переездом. При этом он не учитывал того, что переезд всемирно известного художника И.Е. Репина в Советский Союз был нужен руководству страны в чисто пропагандистских целях. А малообразованный внук Репина с точки зрения пропаганды не представлял никакой ценности.

По мнению П.Н. Базанова, «косвенным подтверждением связи Дия с БРП является тот факт, что его тетка Вера Ильинична в 1930-м или 1931 году пожертвовала Русской освободительной казне[24] (легальному прикрытию БРП) картину И.Е. Репина».[25] Дар Веры Ильиничны РОК вполне объясним. Старшая дочь Ильи Ефимовича, пережив все ужасы первых лет советской власти в Петрограде, смогла приехать к отцу в «Пенаты» только в апреле 1922 года. О своих послереволюционных впечатлениях и переживаниях Вера Репина подробно рассказывала гостям репинской усадьбы. Из ее рассказов следовало, что она стала явным и последовательным противником государства «рабочих и крестьян».

[21] Русский Общевоинский Союз (РОВС) – русская воинская организация, созданная 1 сентября 1924 года бывшим главнокомандующим Русской армии генерал-лейтенантом бароном П.Н. Врангелем. В момент создания Союз насчитывал до 100 тыс. членов. Первоначально Союз объединял военные организации и воинские союзы во всех странах Русского Зарубежья. Члены Союза вели подпольную работу на территории СССР, направленную на свержение диктатуры большевиков.

[22] Братство Русской Правды (БРП) – русская православно-монархическая и диверсионно-террористическая организация, образованная в Берлине в 1921 году герцогом Г.Н. Лейхтенбергским, генерелом П.Н. Красновым, литераторами С.А. Соколовым-Кречетовым и А.В. Амфитеатровым и другими участниками Белого движения, недовольными малоэффективной деятельностью военной эмиграции под руководством барона П.Н. Врангеля.

[23] *Базанов П.Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.). СПб. 2015. С. 38.

[24] Русская Освободительная Казна в память Царя-Мученика Николая II (РОК) – создана в 1930 году С.Н. Палеологом – начальником управления внутренних дел в правительстве А.И. Деникина – для финансирования деятельности БРП. До 1924 года БРП финансировалась бароном П.Н. Врангелем. Позже из-за эмигрантских противоречий финансирование практически прекратилось, но уже через год деньги стали поступать от бывшего ростовского миллионера и предпринимателя Н.Е. Парамонова и герцога Г.Н. Лейхтенбергского, а после его смерти в 1929 году БРП наладило поступление средств от многочисленных сочувствующих лиц, преимущественно проживавших в США. Кроме того, был налажен выпуск марок с эмблемой БРП для пополнения средств организации. С.Н. Палеолог пересылал желающим бандеролями литературу БРП, но в конспиративной работе участия не принимал. В Финляндии отделение РОК возглавлял К.Н. Пушкарев.

[25] *Базанов П.Н.* Человек без биографии. Дий Юрьевич Репин // Право на имя. Биографика XX века. Десятые чтения памяти Вениамина Иофе. 21–23.04.2012. СПб. С. 39

В настоящее время нет достоверных данных об официальном членстве Дия в какой-либо из белогвардейских организаций. Как отмечал Базанов, «Дий поддерживал отношения с двоюродным братом отца – бывшим офицером Русской армии генерала Врангеля, Ильей Васильевичем Репиным,[26] ставшим столяром, и его женой Елизаветой Александровной Репиной. В их квартире в Куоккале Дий часто бывал в гостях».[27] На следствии Дий Юрьевич показал, что участвовал в собраниях, которые часто проходили у его дяди, знакомился с антисоветской литературой, но реальных данных о его собственном отношении к пропагандистской литературе и деятельности антисоветских эмигрантских организаций нет. Вполне вероятно, что они существуют в финских архивах, так как сыскная полиция Финляндии, как об этом упоминалось выше, постоянно наблюдала за русскими эмигрантами.

Дядя Дия появился в «Пенатах» весной 1924 года, быстро став незаменимым помощником Ильи Ефимовича. Современный независимый исследователь О.С. Смирнова, используя финские архивы, установила, что Илья Васильевич «по давно заведенной традиции, после обеда ... читал ему (И.Е. Репину. – *Авт.*) вслух самую разнообразную литературу, от классики до свежих европейских газет. Помогал разбирать корреспонденцию».[28] Как отмечал Н.Г. Бренёв, «Илья Васильевич владел хорошим голосом – басом, что было очень ценно для местного церковного хора, поэтому все любители хорового пения его чрезвычайно ценили».[29] Сначала он пытался заняться огородничеством, пользуясь консультациями старшего Бренёва, но когда из этой затеи ничего не вышло, Илья Васильевич стал краснодеревщиком. Его работы пользовались большим спросом. В середине 1950-х годов он выполнил резной иконостас в церкви Ильи Пророка на православном русском кладбище в Хельсинки. В некоторых современных источниках содержится неверное утверждение, что над иконостасом работал Юрий Репин.

Кроме дома дяди, где Дий читал белоэмигрантские пропагандистские материалы, он был знаком со многими членами куоккальской группы БРП. Это вполне естественно – все русские эмигранты, хорошо зная друг друга, постоянно общались между собой. Так, один из сыновей Бренёва, Константин, «отвечал за рассылку эмигрантской литературы в письмах частным лицам и организациям в СССР».[30] Надо помнить, что семья Бренёва и семья Репина, живя по соседству, постоянно ходили в гости друг к другу. Как рассказывали очевидцы той поры, листовки и журнал БРП «Русская Правда» зачастую просто перебрасывались через границу, где их должны были подбирать доверенные люди. Но, скорее всего, бóльшая часть пропагандистских материалов до них не доходила, а попадала в руки советских пограничников.

В целом на поведение и образ мысли Дия, наверняка, оказывал влияние авторитет старших родственников с их явно враждебным отношением к Советской России. А может быть, сыграл роль некоторый авантюризм в его характере, или недопонимание

---

[26] Репин Илья Васильевич (1889–1968) – штабс-капитан артиллерии, младший сын Василия Ефимовича Репина (брата Ильи Ефимовича) игравшего на фаготе в оркестре Императорского Мариинского театра. После отступления войск Врангеля из Крыма попал в Болгарию, оттуда весной 1924 года переехал в Финляндию к своему дяде И.Е. Репину. После эвакуации 1939 года поселился с семьей в местечке Ярвенпяя под Хельсинки.

[27] *Базанов П.Н.* Человек без биографии. Дий Юрьевич Репин // Право на имя. Биографика XX века. Десятые чтения памяти Вениамина Иофе. 21–23.04.2012. СПб. С. 36.

[28] *Смирнова О.С.* Илья Васильевич Репин – забытый художник русской эмиграции // Репинские чтения 2019. СПб. 2020. С. 116.

[29] *Бренёв Н.Г.* Мои воспоминания о Репине и «Пенатах» // Наша жизнь. № 7/199. 1974. Хельсинки. С. 29.

[30] *Базанов П.Н.* Человек без биографии. Дий Юрьевич Репин // Право на имя. Биографика XX века. Десятые чтения памяти Вениамина Иофе. 21–23.04.2012. СПб. С.39.

того, к чему могут привести связи с белогвардейским подпольем. Чтение пропагандистских материалов и болтовня на собраниях – это одно, а какие-либо конкретные действия – это совсем другое, и они подлежат совершенно иной оценке.

В начале 1935 года Дий жил в доме отца и у вдовы Дарьи Андреевны Григорьевой, чья дача находилась в непосредственной близости от пограничной реки Сестры. 28 февраля 1935 года Дий неожиданно для родных отправился в СССР. При переходе советско-финской границы между поселками Хаппала (ныне Ленинское) и Куоккала он был задержан советскими пограничниками. С этого момента родственники никакой достоверной информации о нем не имели. В принципе, нелегальные пересечения границы на Карельском перешейке происходили постоянно, но власти как СССР, так и Финляндии старались пресечь самыми жесткими методами такие пересечения. В случае Дия Репина, оперативность советских пограничников, вероятно, объяснялась тем, что о переходе Дия они узнали заранее и были готовы его встретить. Как упоминалось выше, среди членов белогвардейских организаций было немало осведомителей органов контрразведки СССР.

П.Н. Базанов, ссылаясь на следственное дело «Дия Юрьевича Репина» в архиве ФСБ, установил, что произошло с внуком И.Е. Репина после задержания. Само «Дело», как отметил Павел Николаевич, «сравнительно небольшое – 55 листов. Протоколы допросов с 28 февраля (день перехода границы) до суда 10 июня 1935 года содержат сведения о его жизни, знакомых в Финляндии и так далее».[31] Содержание этих документов явно показывает, что никакого особого давления на Дия Юрьевича никто не оказывал, и все свои разноречивые показания следователю он дал добровольно, вероятно, предполагая, что раз он никаких реальных действий, направленных против Советского Союза, не совершил, то и наказание будет не самое суровое.

Как отметил Базанов, «На первом допросе от 28 февраля он [Дий] указывал, что перешел границу по личному желанию, чтобы жить в СССР, собирался поселиться у известного советского художника Исаака Израилевича Бродского, или у своего двоюродного брата Алексея Васильевича Репина (рабочий фарфоровой фабрики, жил в Красном Селе), или же у скульптора Моисея Яковлевича Гинзбурга (так в тексте. – *Авт.*)».[32] Заслуживает внимания и удивления то, что после этого заявления Дия, ни И.И. Бродский (1884–1939), ни И.Я. Гинцбург (1859–1939) не были репрессированы и им не предъявили обвинение в связях с антисоветским подпольем Финляндии. Причем то, что Дий переврал имя, отчество и фамилию скульптора Ильи Яковлевича Гинцбурга, вряд ли помешало бы его аресту, в том случае если советская контрразведка сочла бы необходимым его задержание. Фамилию скульптора Дий, вероятно, исказил, вероятно, потому, что для него хороший знакомый И.Е. Репина Гинцбург был мало знакомым человеком, в то время как И.И. Бродский – это один из любимых учеников Ильи Ефимовича и товарищ Юрия Репина по Академии художеств.

На следующем допросе 1 марта 1935 года Дий изменил показания, сообщив, «что ушел, якобы, с ведома сотрудника финской полиции в Териоках, Василия Ивановича Тамбела», при этом он «дал подписку о работе на РОВС поручику Филиппу Михайловичу Парамонову, у которого жил и работал в 1934 [году] в поместье Мессекюля, в 4 км от Тампере. Ф.М. Парамонов вел антисоветскую агитацию: давал читать журнал "Часовой", фактически орган РОВС, и листовку "Проснись Россия"».[33]

Как отметил Базанов, «Только 4 марта в показаниях впервые упоминается задание РОВС убить Сталина и Ворошилова, если те придут в гости к Бродскому или

[31] *Базанов П.Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.). СПб. 2015. С.88.

[32] Там же.

[33] Там же.

Гинцбургу, причем оружие он должен достать в СССР сам!».[34] Здесь следует обратить особое внимание на то, что Дий совершенно не понимал советской действительности, предполагая, что высшие руководители государства, да еще жившие в Москве, а не в Ленинграде, пожалуют в гости, вероятно, на чай или обед, к художнику И.И. Бродскому или скульптору И.Я. Гинцбургу. При этом нужно помнить, что оба пользовались широкой известностью в СССР и действительно были лично знакомы с рядом руководителей страны. Рассказав о задании проводить теракты против высших руководителей партии и государства, Дий Юрьевич Репин практически сам себе подписал смертный приговор. Причем надо заметить, что, как установил П.Н. Базанов, изучая «Дело Д. Репина», к этому признанию внука И.Е. Репина никто не принуждал.

Результат следствия в отношении Д.Ю. Репина был вполне предсказуем. П.Н. Базанов отмечал, что «согласно «Протоколу судебного заседания от 10 июня 1935 г.» Дий Юрьевич Репин виновным себя не признал. В заключительной речи указал, что хотел перейти в СССР из-за тяжелых материальных условий и просоветских взглядов, при этом подтвердил контакты с БРП и РОВС, но от намерения организовать убийство И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова решительно отказался».[35] Здесь следует обратить внимание на слова Дия о «просоветских взглядах», которые особенно наглядно характеризуют внука Репина, в том числе отсутствие у него какой-либо внятной идеологии. В результате прошедшего суда, Дий Юрьевич Репин был «приговорен 10 июня 1935 г. военным трибуналом Ленинградского военного округа по статьям 58-8 и 84 УК РСФСР к расстрелу».[36] По данным П.Н. Базанова, «Дий Юрьевич Репин был расстрелян 6 августа 1935 г. Похоронен в Койранкангасе (Собачья пустошь)».[37] В этом месте восточнее дачного поселка Токсово в годы сталинских репрессий проводились массовые расстрелы.

Трагедия, произошедшая с внуком Репина, вполне закономерна: примкнув к белогвардейскому подполью и получив невыполнимое задание, он нелегально отправился в СССР. А учитывая существование большого количества осведомителей в контрреволюционных организациях Финляндии, можно допустить, что одни дали Дию задание, а другие предоставили информацию советским чекистам.

О том, что произошло с Дием Репиным, советские власти хранили молчание, хотя Ю.И. Репин неоднократно обращался в разные советские инстанции с вопросом по поводу судьбы сына.

Современный исследователь С.В. Шумихин, изучая документы, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства, установил, что в конце 1934 года к Юрию Репину обратился директор Государственного литературного музея в Москве В.Д. Бонч-Бруевич (1873–1955). Он просил его передать в музей сохранившуюся в «Пенатах» переписку отца с литераторами. Юрий Ильич 28 апреля 1935 года ответил, что лично он перепиской отца не располагает, но готов предоставить музею некоторые картины И.Е. Репина и другие принадлежавшие ему мемориальные вещи. В конце письма Юрий Ильич просил директора Гослитмузея навести справки о том, что стало с Дием Репиным, который, не поставив отца в известность, в конце февраля или начале марта отправился в СССР. В.Д. Бонч-Бруевич

[34] *Базанов П.Н.* Человек без биографии. Дий Юрьевич Репин // Право на имя. Биографика XX века. Десятые чтения памяти Вениамина Иофе. 21–23.04.2012. СПб. С. 37.

[35] *Базанов П.Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.). СПб. 2015. С. 92.

[36] *Бородина Т.П.* Надзор сыскной полиции Финляндии за И.Е. Репиным и его семьей // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб. 2011. С.4 4.

[37] *Базанов П.Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.). СПб. 2015. С.92.

Дом И.Е. Репина в усадьбе «Пенаты». Фото Л.И. Амирханова

на это письмо Юрия Репина ничего не ответил. А 28 мая 1935 года проинформировал народного комиссара внутренних дел Г.Г. Ягоду о переписке с сыном И.Е. Репина и о его просьбе выяснить, что произошло с Дием Юрьевичем. При этом он особо отметил, что «само собой понятно, что я решительно ничего не знаю об этом внуке знаменитого художника Репина и также, само собой понятно, что я ни одного слова о нем не писал и писать не буду его отцу, а Вам для сведения сообщаю».[38]

Т.П. Бородина в своей статье, посвященной надзору финской полиции, привела любопытную выдержку из письма Юрия Репина от 12 ноября 1935 года на имя Сталина, обнаруженного в архиве полиции Финляндии. «Поскольку в консульстве мне не дали ответ, Вы дайте мне ответ: Где он, [Дий] который ушел в этом году в конце февраля искать счастья в России».[39] Трудно сказать, дошло ли письмо до адресата или нет, но наличие его копии в финском архиве лишний раз подтверждает, насколько серьезной была слежка за русскими эмигрантами.

Не получив ответа от советских властей, Юрий Репин до самой своей кончины в 1954 году, считая Дия живым, полагал, что младший сын живет где-то в СССР на нелегальном положении. Его полное неведение о судьбе младшего сына подтверждается письмами,[40] которые Юрий Репин регулярно отправлял своему старшему сыну Гаю в Германию. Юрий Ильич постоянно упоминал в письмах, что просит

---

[38] *Шумихин С.В.* Побег внука гения. // Полит. Журнал. 2005. № 40(91). URL: http://www.polit journal.ru/preview.php? Все опубликованные С. Шумихиным документы хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства. Ф. 612.

[39] *Бородина Т.П.* Надзор сыскной полиции за И.Е. Репиным и его семьей. По материалам Национального архива Финляндии. Фонд EK-VALPO // Курортный район. Страницы истории. Выпуск № 7. СПб. Остров. 2012. С. 33.

Бога о ниспослании здоровья как Гаю, так и Дию. Кроме того 1 июля 1950 года он сообщил Гаю, что составленное им завещание на имя Гая и Дия, а также деньги в сумме 154 030 финских марок и рисунки И.Е. Репина, находятся в банке «Kansallis-Osake-Pannki» в Хельсинки.

Знакомясь с биографией Дия Юрьевича Репина, возникает стойкий образ так называемого «перекати-поле», когда недостаточное базовое образование и зачастую непродуманные действия в конечном счете приводят к трагической развязке. И при этом нужно еще учитывать политическую обстановку, существовавшую в то время в Финляндии. Можно допустить, что если бы такой нелегальный переход государственной границы СССР состоялся бы в период «развитого социализма» в 1960–1970-е годы, то результат его, скорее всего, был бы иным. Даже если бы нарушитель границы получил аналогичное задание – убийство руководителей советского государства. Вполне вероятно, что такого «нарушителя» отправили бы на принудительное психиатрическое лечение, а не стали бы расстреливать.

Справедливость восторжествовала через 56 лет. 13 декабря 1991 года дело в отношении Дия Юрьевича Репина было прекращено постановлением Пленума Верховного Суда СССР в связи с отсутствием состава преступления и материальных доказательств.

В заключение статьи можно отметить, что современные либеральные исследователи – как российские, так и западноевропейские, описывая трагическую судьбу внука И.Е. Репина, пытаются сделать из Дия Юрьевича Репина невинную жертву «кровавого сталинского режима». При этом они не учитывают, что внук Репина жил в очень сложный исторический период, когда любой намек на связь с враждебными СССР организациями мог привести к очень суровому приговору. Дий Репин, несомненно, стал жертвой контрреволюционных организаций, которые в избытке существовали на территории Финляндии в 1920–1930-е годы. И это они, дав ему абсолютно невыполнимое задание, послали младшего внука И.Е. Репина в Советский Союз на явную смерть, причем неясно, какую цель они при этом преследовали.

---

[40] Письма Юрия Ильича Репина к Гаю Юрьевичу Репину находятся в архиве Музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты».

КОМАРОВО – КРАСНОЕ СЕЛО

Л.И. Амирханов

ПАМЯТИ АННЫ АНДРЕЕВНЫ АХМАТОВОЙ

Анна Андреевна Ахматова покинула этот мир 5 марта 1966 года – 55 лет назад. Значимая часть ее жизни связана с Карельским перешейком и именно с Комарово. Здесь она и похоронена.

Мы обидели Комарово бездарной песней «На недельку, до второго». При чем здесь шереметевский баркас? К тому же качающийся на дюнах. Возможно, этот образ – дюны – автору напоминает волны. А уж водолаз в карельских скалах – это что-то запредельное, еще и потому, что в Комарово никаких скал нет. Но это – музыка для ног, стихи... нет, это не стихи, а текст, а еще говорят – текстовка. Следующим этапом должна быть, видимо, музыковка.

А ведь Комарово заслуживает гораздо большего. Потрудитесь добраться до комаровского некрополя. На машине – пять минут. А пешком – полчаса. Но за эти полчаса вы сможете приготовить свои душу и сердце к встрече с вечностью. Здесь много очень достойных людей, но для меня одной из самых важных является могила Анны Андреевны Ахматовой.

Известный актер и режиссер Михаил Козаков приводил в воспоминаниях фрагмент из записок своей матери, Зои Александровны, которая была хорошо знакома с Анной Ахматовой.

«Союз писателей возложил на меня обязанности организовать установку памятника А.А. Блоку (в начале 46-го или в конце 45-го года). Мы запросили комитет по делам искусств и нам было ассигновано 25 тыс. рублей. <...> По совету писателей я обратилась в Музей скульптуры с вопросом, чем они могут нам помочь. И там оказалась фантастическая женщина Тамара Федоровна Попова, директор Музея, которая мне обещала, что она постарается отобрать одну из бесхозных скульптур, и она повела меня в хранилище бесхозных скульптур, предложив выбрать обелиск, на который можно поставить горельеф. В 46-м году горельеф был утвержден Прокофьевым, и памятник был готов к 7-му августа. 7 августа 1946 года я позвонила Анне Андреевне и сказала, что за ней заеду. <...> Анна Андреевна обратилась ко мне и сказала:

– Правда ли, что А.А. Блоку установлен памятник из бесхозной скульптуры?

Я ответила утвердительно. И вдруг Анна Андреевна сказала:

– Зоя Александровна, если я умру и Вы будете устанавливать памятник у меня на могиле – ни в коем случае не берите из бесхозных скульптур.

Я сказала:

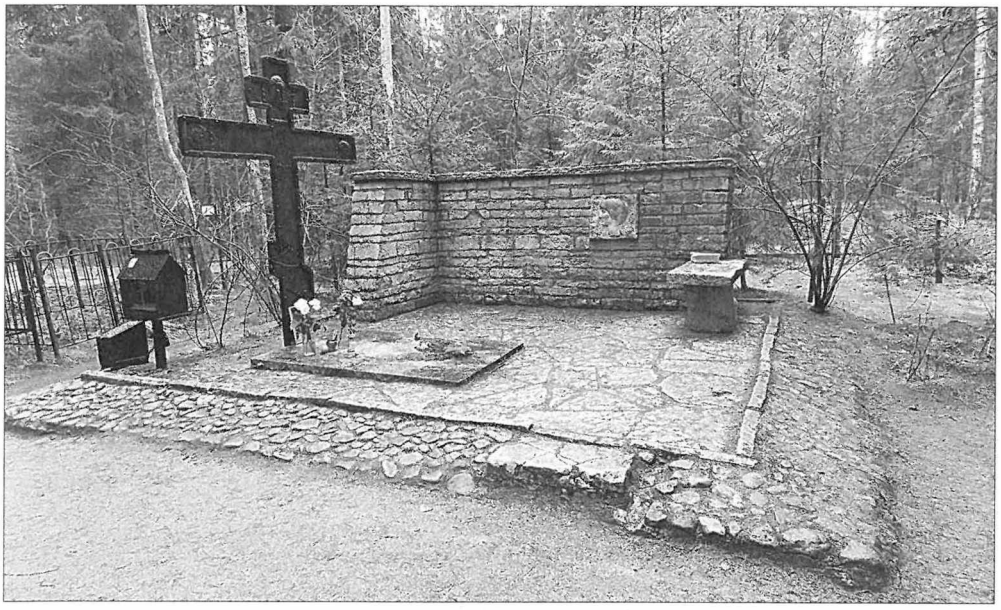
– Помилуй Бог, Анна Андреевна, не будет ли Вам тогда все равно?

На что она немного подумав, сказала:

– Да, пожалуй, Вы правы, мне будет все равно».

Далее Михаил Козаков пишет:

«А.А. Ахматова читала стихи у Ардовых в Москве – я был в гостях у Бори Ардова и слышал ее. Теперь она стала уже грузной, величественной, как Екатерина Вторая.



Могила А.А. Ахматовой на Комаровском кладбище. 2020 год. Фото Л.И. Амирханова

Мы, молодежь, резвящееся дурачье, даже тогда до конца и не поняли, что за счастье нам выпало...

На ее могиле в Комарово сначала стоял простой деревянный крест, а потом возникла непонятная стена с окошком и каким-то голубком. Но хоть памятник не из "бесхозного фонда", как у Блока».[1]

Замечательный поэт Арсений Тарковский сопровождал ее тело в Ленинград, присутствовал на отпевании у Николы Морского, хоронил в Комарово. Тогда же написал это стихотворение

Когда у Николы Морского
Лежала в цветах нищета,
Смиренное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.

Но смысл его был непонятен,
А если понять – не сберечь.
И был он, как небыль, невнятен
И разве что – в трепете пятен
Вокруг оплывающих свеч.

И тень бездомовной гордыни
По черному Невскому льду,
По снежной Балтийской пустыне
И по Адриатике синей
Летела у всех на виду.

[1] По другим данным крест изначально был металлический, как и голубь, сидевший на этом кресте, но голубя вскоре украли...

И еще одно стихотворение Арсения Александровича, отца гениального кинорежиссера Андрея Тарковского, так же, как и Анна Андреевна, на собственной судьбе почувствовавшего, что такое советская власть...

Домой, домой, домой,
Под сосны в Комарове...
О, смертный ангел мой
С венками в изголовье,
В косынке кружевной,
С крылами наготове!

Как для деревьев снег,
Так для земли не бремя
Открытый твой ковчег,
Плывущий перед всеми
В твой двадцать первый век,
Из времени во время.

Последний луч несла
Зима над головою,
Как первый взмах крыла
Из-под апрельской хвои,
И звезды ночь зажгла
Над снежной синевою.

И мы тебе всю ночь
Бессмертье обещали,
Просили нам помочь
Покинуть дом печали,
Всю ночь, всю ночь, всю ночь.
И снова ночь в начале.

Была ли хоть одна женщина, которой было посвящено столько стихов? Беатриче не в счет – здесь совсем другое. Был ли хоть один поэт, которому было посвящено столько стихов? Поэты, написавшие эти стихи, знали Анну Андреевну, и поэтому они лучше других расскажут о ней. Пусть даже не всегда сразу будет понятен строй и образ их мыслей и чувств, но это стихи, которые надо прочитать и не один раз. Глядишь, после третьего что-то откроется.

Александр Блок
АННЕ АХМАТОВОЙ

«Красота страшна» – Вам скажут, –
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан в волосах

«Красота проста» – Вам скажут, –
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан на полу.

Но рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я,
И не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна»

16 декабря 1913 года

Николай Гумилёв посвятил своей жене сборник «Романтические цветы», впервые изданный в 1907 году, в который вошло это гениальное стихотворение.

ЖИРАФ

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай, далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грандиозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.

И как я тебе расскажу про таинственный сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

А в 1912-м он посвятил Анне еще одно стихотворение.

Николай Гумилёв
ВОЗВРАЩЕНИЕ
(Анне Ахматовой)

Я из дому вышел, когда все спали.
Мой спутник скрывался у рва в кустах,
Наверно, утром меня искали,
Но было поздно, мы шли в полях.

Мой спутник был желтый, худой, раскосый,
О, как безумно его любил!
Под пестрой хламидой он прятал косу,
Глазами гадюки смотрел и ныл.

О старом, о странном, о безбольном
О вечном слагалось его нытье,
Звучало мне звоном колокольным
Ввергало в истому и забытье.

Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин.
Порою казалось – идем мы годы,
Казалось порою – лишь день один.

Когда ж мы достигли стены Китая,
Мой спутник сказал мне «теперь прощай,
Нам разны дороги: твоя – святая,
А мне, мне сеять мой рис и чай.

На белом пригорке, над полем чайным,
У пагоды ветхой сидел Будда.
Пред ним я склонился в восторге тайном.
И было сладко, как никогда.

Так тихо, так тихо над миром дольним,
С глазами гадюки он пел и пел
О старом, о странном, о безбольном,
О вечном, и воздух вокруг светлел.

Кому-то может показаться странным обилие стихов в краеведческом сборнике. Но мне кажется, что мир поэзии и мир краеведения не слишком далеко ушли друг от друга, а кое-где тесно переплетаются. Поэтому ниже еще девять стихотворений, посвященных Ахматовой, и два, написанных Анной Андреевной.

Кому неинтересно, можете пролистать, но, возможно, при этом пролиставший может потерять в жизни что-то очень важное...

Михаил Лозинский
НЕ ЗАБЫВШАЯ

Еще свою я помню колыбель,
И ласково земное новоселье,
И тихих песен мимолетный хмель,
И жизни милой беглое веселье.

Я отдаюсь, как кроткому лучу,
Неярким дням моей страны родимой.
Я знаю – есть покой, и я хочу
Тебя любить и быть тобой любимой.

Но в душном сердце – дивно и темно,
И ужас в нем, и скорбь и песнопенье,

И на губах, как темное пятно,
Холодных губ лежит напечатленье,

И слух прибоем и стенаньем полн,
Как будто вновь, еще взглянуть не смея,
Я уношу от безутешных волн
Замученную голову Орфея.

1912 год

Василий Комаровский
АННЕ АХМАТОВОЙ
(«ВЕЧЕР» и «ЧЕТКИ»)

В полуночи, осыпанной золою,
В условии сердечной тесноты,
Над темною и серою землею
Ваш эвкалипт раскрыл свои цветы.

И утренней порой голубоокой
Тоской весны еще не крепкий ствол,
Он с нежностью, исторгнутый жестоко,
Среди камней недоуменно цвел.

Вот славы день. Искусно или больно
Перед людьми разбито на куски,
И что взято рукою богомольно,
И что дано бесчувствием руки.

1914 год

Марина Цветаева
СТИХИ АХМАТОВОЙ

Соревнования короста
В нас не осилила родства.
И поделили мы так просто:
Твой Петербург, моя – Москва.

Блаженно так и бескорыстно
Мой гений твоему внимал.
На каждый вздох твой рукописный
Дыхания вздымался вал.

Но вал моей гордыни польской –
Как пал он! – С златозарных гор
Мои стихи – как добровольцы
К тебе стекались под шатер.

Дойдет ли в пустоте эфира
Моя лирическая лесть?
И безутешна я,

Что женской лиры
Одной мне тягу несть
Август 1921 года

В 16 марта 1940 года Ахматова ответила Цветаевой:

Невидимка, двойник, пересмешник,
Что ты прячешься в черных кустах!
То забьешься в дырявый скворешник,
То мелькнешь на погибших крестах,
То кричишь из Мариинской башни:
«Я сегодня вернулась домой,
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной,
Поглотила родимых пучина,
И разграблен родительский дом».
Мы сегодня с тобою, Марина,
По столице полнощной идем
И безмолвнее шествия нет,
А за нами таких миллионы,
А вокруг погребальные звоны
Да московские дикие стоны
Вьюги, наш заметающей след.

Борис Пастернак
АННЕ АХМАТОВОЙ

Мне кажется, я подберу слова,
Похожие на вашу первозданность,
А ошибусь, – мне это трын-трава,
Я все равно с ошибкой не расстанусь

Я слышу мокрых кровель говорок,
Торцовых плит заглохшие эклоги.
Какой-то город, явный с первых строк,
Растет и отдается в каждом слоге.

Кругом весна, но за город нельзя,
Еще строга заказчица скупая,
Глаза шитьем за лампою слезя,
Горит заря, спины не разгибая,

Спешит к воде, смиряя сил упадок,
Вдыхая дали ладожскую гладь,
С таких гулянок ничего не взять,
Каналы пахнут затхлостью укладок.

По ним ныряет, как пустой орех,
Горячий ветер и колышет вехи
Ветвей, и звезд, и фонарей, и вех,
И с моста вдаль глядящей белошвейки.

Бывает глаз по-разному остер,
По-разному бывает образ точен,
Но самой страшной крепости раствор –
Ночная даль под взглядом белой ночи.

Таким я вижу облик ваш и взгляд.
Он мне внушен не тем столбом из соли,
Которым вы пять лет тому назад
Испуг оглядки к рифме прикололи,

Но, исходив от ваших первых книг,
Где крепли прозы пристальной крупицы,
Он и во всех, как искры проводник,
Событья былью заставляет биться

1929 год

Владимир Адмони
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ

Я помню бормотанье строк,
Слагающихся за стеною.

И неба синего клочок
Над нами раннею весною.

И зеркальце у Вас в руках –
И Вы порой в него глядитесь.

А слов непорванные нити
Остались навсегда в веках.

1987 год

Глеб Семенов
КОГДА ПОГРЕБАЮТ ЭПОХУ

О, как вам дышится средь комаровских сосен?
Кладбищенский предел отраден и несносен.
Оградки тесные, как дачные заборы.
И пусть вполголоса, но те же разговоры.

Единственность свою опасно знать заранее.
Над бегом времени, как Федра в балагане,
Вы, так и видится, стоите без оглядки,
И стынут на ветру классические складки.

Уже успели всех угробить и заямить.
Ваш черно-белый стих шифрованней, чем память.
Дивились недруги надменной вашей силе.
Четыре мальчика чугунный шлейф носили.

Великая вдова, наследница по праву
Зарытых без вести, свою зарывших славу,
Когда самой себе вы памятником стали,
Не пусто ль было вам одной на пьедестале?

Где Осип? Где Борис? Где странница Марина?
Беспамятство трудней открытого помина.
Вас восхваляют те, кто их хулил доселе.
Перед разлукою вы даже не присели.

И понимаются глухие ваши речи.
И занимаются сухие наши свечи.
Мы отпеваем вас, мы яму вам копаем,
Мы на казенный счет эпоху погребаем.

И вырастает крест на молодом погосте.
И топчутся вокруг непрошенные гости.
Но – согласились бы вы разве под ракитой,
В глуши какой-нибудь, быть без вести зарытой?!

1978 год

Иосиф Бродский
УТРЕННЯЯ ПОЧТА ДЛЯ А.А. АХМАТОВОЙ ИЗ ГОРОДА СЕСТРОРЕЦКА

В кустах Финляндии бессмертной,
где сосны царствуют сурово,
я полон радости несметной,
когда залив и Комарово
освещены зарей прекрасной,
осенены листвой беспечной,
любовью Вашей – ежечасной
и Вашей добротою – вечной.

1962 год

В этом же 1962 году, 19 августа здесь в Комарово написала эти строки Мария Петровых:

Ахматовой и Пастернака
Цветаевой и Мандельштама
Неразлучимы имена.
Четыре путеводных знака –
Их горний свет горит упрямо,
Их связь таинственно ясна.
Неугасимое созвездье!
Навеки врозь, навеки вместе.
Звезда в ответе за звезду.
Для нас четырехзначность эта –
Как бы четыре края света,
Четыре времени в году.
Их правотой наш век отмечен,

Здесь крыть, как говорится, нечем
Вам, нагоняющие страх.
Здесь просто замкнутость квадрата,
Семьи, где две сестры, два брата
Изба о четырех углах...

Дмитрий Бобышев
ВЗГЛЯД

С мольбой на лбу, в кладбищенском леску
в день грузный и сырой, зимне-весенний
она ушла от нас к корням растений,
туда, в подпочву, к мерзлому песку.
«Кто сподличать решит, – сказал Арсений, –
пускай представит глаз ее тоску».
Да, это взгляд приставить бы к виску.
когда в разладе жизнь, и нет спасенья.

Сама же Анна Андреевна в 1922 году, уже после того, как расстреляли Николая Гумилёва, написала это страшное стихотворение:

Заболеть бы как следует, в жгучем бреду
Повстречаться со всеми опять,
В полном ветра и солнца приморском саду
По широким аллеям гулять.

Даже мертвые нынче согласны прийти,
И изгнанники в доме моем.
Ты ребенка за ручку ко мне приведи,
Так давно я скучаю о нем.

Буду с милыми есть голубой виноград,
Буду пить ледяное вино
И глядеть, как струится седой водопад
На кремнистое влажное дно.

В 1948 году дачный поселок и станция Келломяки были переименованы в Комарово. Обоснованием переименования выступил факт наличия в поселке дачи президента Академии наук СССР В.Л. Комарова. Комаров, конечно, знаменитый человек, его фамилия увековечена не только в названиях растений, научных институтов, топонимов, но есть даже животные. И почтовая марка. Но при этом сейчас мало кто помнит все это, и далеко не каждый знает, где находилась дача академика.

А вот ахматовскую «будку» знают все нормальные люди и уже который год в июне здесь собираются литераторы (и не только литераторы) на памятный ахматовский вечер.

Понятно, что топонимическая комиссия вряд ли решится на переименование, но как приятно было бы услышать в электричке:

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Ахматово».

С.С. Левошко, Е.М. Травина

АРХИТЕКТОР Р.М. ДАЯНОВ И АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА

24 апреля 2021 года в городской библиотеке Зеленогорска состоялось очередное заседание архитектурно-краеведческого семинара «Уходящая натура», посвященного памяти безвременно ушедшего архитектора Рафаэля Маратовича Даянова (31.12.1950, Ленинград – 18.01.2021, Санкт-Петербург).

Архитектор и реставратор, исследователь и педагог – о нем еще скажут и напишут его коллеги, единомышленники по профессиональному цеху, заказчики, сокурсники и студенты реставрационной мастерской, им созданной в Академии художеств. Еще будет в Доме архитектора вечер его памяти, где вспомнят исключительно плодотворную профессиональную жизнь и перечислят его большое и разнообразное наследие на карте мира. Мы же хотели напомнить о том, как был связан Рафаэль Маратович с архитектурным наследием любимого им Карельского перешейка, и сделали это в рамках многолетнего семинара «Уходящая натура». Семинар был основан в 2014 году архитекторами, историками и краеведами с целью изучения и сохранения дачной застройки Карельского перешейка и неразрывно связан с именем Даянова.

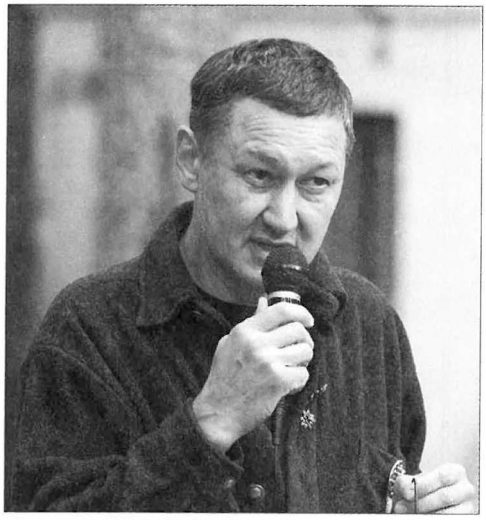
Рафаэль Даянов ценил эти места, понимал и тонко чувствовал их особость, недаром здесь он обосновался и, можно сказать, жил «на два дома»: в Санкт-Петербурге и Комарово. В Комарово у него была дача, а с недавних пор и специально выстроенная «мастерская художника». И сейчас особенно четко понимаешь, что своей яркой жизнью и своим творчеством он продолжал интеллектуальную, художественную традицию этих мест, делясь знаниями со всеми, кто в этом нуждался.

Он всегда с энтузиазмом соглашался принять участие в любом мероприятии, будь то обмерная практика студентов, семинар, конференция, выставка, воркшоп или конкурс. Он неоднократно выступал с интереснейшими лекциями о своих реставрационных методах воссоздания деревянных дач в Комарово перед началом студенческих пленэров и практик, и с оценкой в конце, уже на выставках студенческих работ в залах зеленогорской библиотеки или на защитах конкурсных проектов в Доме Архитектора. Он относился к этому серьезно, это было его делом. Он охотно делился с участниками семинара, со всеми, не только со студентами, своим огромным профессиональным опытом, материалами архивных поисков, что реально помогало в практической работе.

В 2013 году, зная, что разрабатывается экспертиза по присвоению поселку Комарово статуса достопримечательного места, он по собственной инициативе предоставил архитектурной мастерской Н.Ф. Никитина обширный архивный материал по одиннадцатиглавой церкви Сошествия Святого Духа в Келломяках. Годом ранее, в 2012-м, Рафаэль Маратович разработал эскизный проект воссоздания этой церкви:

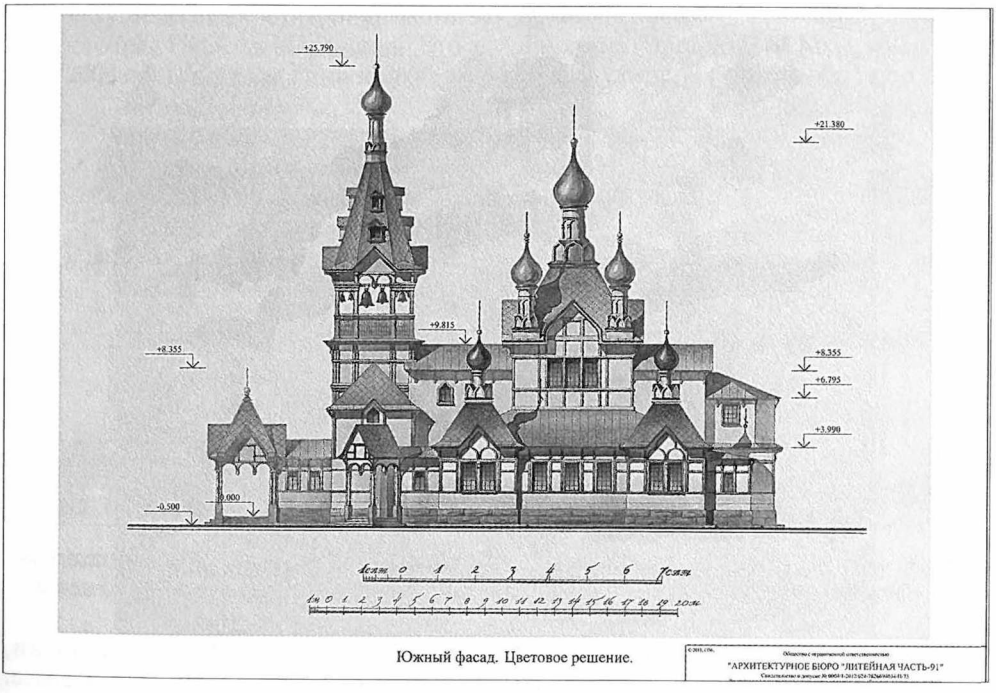
безвозмездно или «по личному радению», как говорили об авторе проекта 1906 года – архитекторе Н.Н. Никонове. Традиция продолжалась...

По своей инициативе он неоднократно организовывал и оплачивал архивные копии нужных в исследовательской и реставрационной работе бесценных материалов, предоставляя их в самое широкое использование. Чего только стоит один дореволюционный «План дачного района Келломяки» художника И.А. Владимирова, обнаруженный им в семейном архиве внучки художника Н.И. Баторевич! Сегодня это «настольная книга» любого исследователя поселка Комарово. Или такой пример: сегодня в открытом доступе, благодаря Даянову, имеются цифровые копии обмерных чертежей одиннадцати деревянных сооружений Сестрорецка, выполненных в 1989–1992 годах под руководством архитектора О.М. Рунтовой (однокурсницы Даянова по Академии Художеств). До этого времени плохо атрибутированные, невостребованные, они лежали рулоном ватмана в архиве КГИОП.

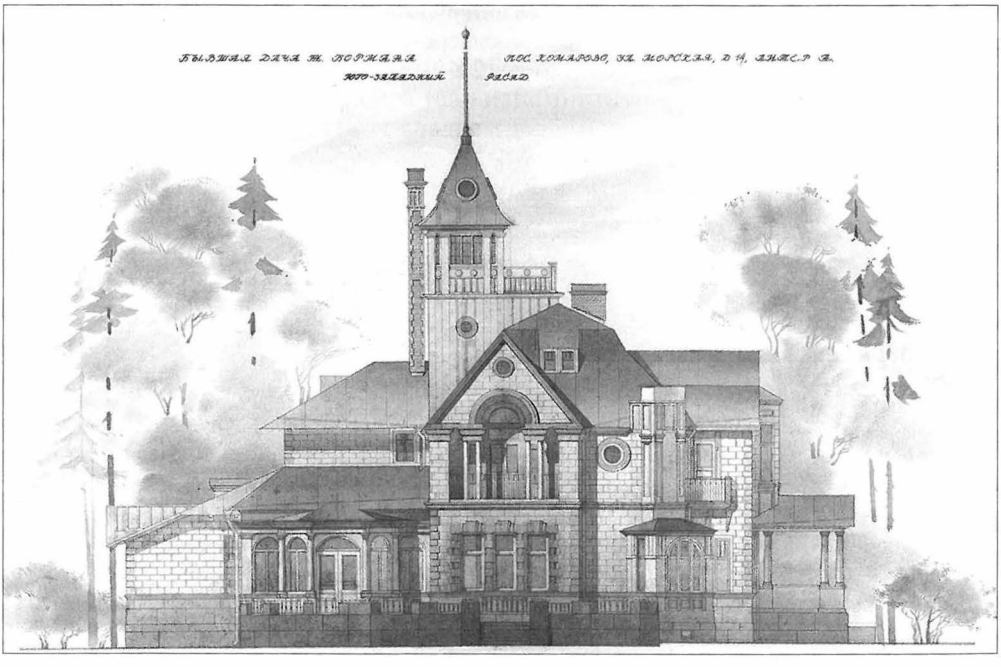


Р.М. Даянов на празднике в Комарово. Фото А.Е. Браво

Правильно вспомнить и о ставшем бестселлером сборнике «Комарово-Келломяки. Статьи и воспоминания» (СПб. Реликвия. 2010), где Р.М. Даянов, один из авторов

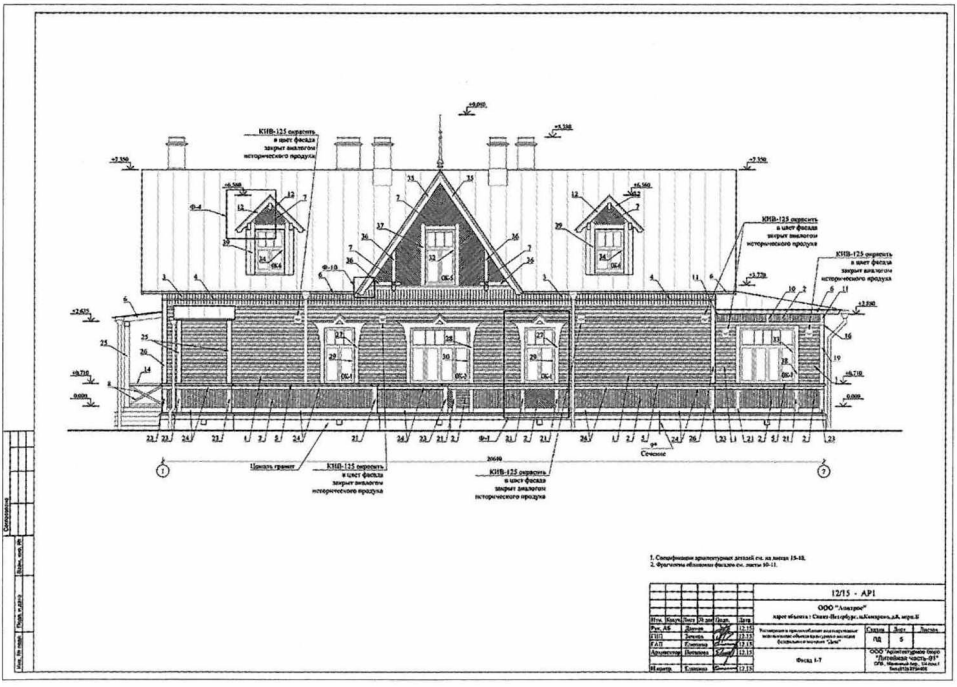


Церковь во имя Сошествия Святого Духа на Апостолов в Комарово. Эскизный проект воссоздания, южный фасад. АБ «Литейная часть-91». 2012 год. В процессе реализации



«Дача Ж. Бормана» (дача Эргардта) в Комарово, Морская улица, 14А. Проект реставрации и приспособления. АБ «Литейная часть-91». 2000 год. Реализован. Вверху – юго-восточный фасад, внизу – юго-западный

блестящего коллектива, размышляет о феномене дачной архитектуры Келломяки, о необходимости соответствия новой застройки Комарово этой келломякской среде. Его же фотографии 2004 года цветных витражей одной из дачных веранд украсили обложку. Хорошо, что «рукописи не горят», и эта книга навсегда с нами.



«Вилла Рено» в Комарово, Морская улица, 8. Проект реставрации и приспособления. АБ «Литейная часть-91». 2013–2016 годы. Реализован в 2017 году

Поселок Комарово украшают два объекта, которые были отреставрированы архитектурным бюро «Литейная часть-91», основателем и бессменным директором которого был Рафаэль Маратович. Это дача Бормана (Эргардта) на Морской улице, 14А (2000 год), и вилла Рено на той же Морской улице, 8 (2016 год). Их по праву

Дача Гаусвальда на Каменном острове, Большая аллея, 12-14. Проект реставрации и приспособления (АБ «Литейная часть-91», 2017 год) реализован в 2019 году. Фото С.С. Левошко, январь 2021 года

можно считать эталонными объектами реставрации и воссоздания. Последним проектом Рафаэля Даянова, уже «на будущее», был эскизный проект воссоздания самой знаменитой виллы Карельского перешейка – виллы «Арфа» архитектора Г.В. Барановского. Рафаэль Маратович называл эту виллу «фантастическим сооружением из детских снов». Он разработал проект по фотографиям и результатам детального обследования территории, и проект, несомненно, должен быть востребован в случае появления реальных планов у современного владельца участка.

Своим опытом реставрации виллы Рено Р.М. Даянов поделился на 3-й Российско-Финляндской научно-практической конференции «Исторические дачные поселения и курорты Финского залива: проблемы сохранения и использования», которая проходила в Хельсинки в 2018 году. По итогам конференции был издан сборник, который он не успел увидеть: «The Look of Leisure. Historic Seaside villas of the Northern Baltic» (Helsinki, 2021). Зато успел порадоваться публикации материалов этого проекта в сборнике «Карельский перешеек. Страницы истории» в 2019 году (статья «Вилла Рено. Возрождение» в соавторстве с А.М. Залманзон).

Выступающие на семинаре говорили о совместной работе, осуществленной в проектах в рамках семинара «Уходящая натура» и не только, и просто вспоминали Рафаэля Даянова. Вот некоторые из этих выступлений.

Александра Толстова:

«Для меня семинар "Уходящая натура" связан с именем Даянова самым естественным образом. Мы видели его живое участие на всех этапах развития нашего движения за сохранение дачного наследия в исторических поселениях Курортного района: от первых обмеров в 2015 году до масштабного межуниверситетского воркшопа "Город и наследие: диалог и взаимовлияние" в 2019-м, на котором студентами создавались концепции развития для Сестрорецка, Зеленогорска и Старого Петергофа. Трудно представить, какой поддержки теперь лишились мы, наши студенты и его подопечные студенты в Академии художеств. Именно выступления Рафаэля Маратовича увлекли молодых дизайнеров и архитекторов темой исследования исторического наследия, демонстрировали методику работы с иконографическим и архивным материалом, становились эталоном вдумчивого отношения к исследовательской и проектной работе».

Евгений Балашов:

«Последний раз я встречался с Рафаэлем Маратовичем в августе 2020 года в Комарово на презентации очередного сборника "Карельский Перешеек". Ничто тогда, как мне сейчас кажется, не предвещало скорого конца. Это большая потеря, люди такой величины встречаются в нашей жизни редко. А со временем масштаб личности увеличивается – "большое видится на расстояньи...". Все мы когда-то уйдем, все мы не вечны, и главное – это успеть сделать в жизни возможно больше, что в наших силах. Отдыхать – там будем...»

Леонид Амирханов:

«С Рафаэлем Маратовичем мы знакомы давно. К нему можно было обратиться за советом, помощью – всегда старался помочь. Еще при формировании первого сборника "Карельский перешеек. Страницы истории" я просил его дать статью о его работе, но силу небывалой загрузки он смог сделать это для третьего сборника. Это была статья о восстановлении "Виллы Рено". Его соавтором была историк Анна Залманзон. Они подготовили статью и для четвертого сборника – "Церковь Св. Серафима Саровского в Песочном". Напрасно говорят, что незаменимых не бывает – бывает. И смерть Даянова тому подтверждение».

Александр Браво:

«Он нам (веб-сайту terijoki.spb.ru – *Ред.*) очень помогал. Делился старыми открытками, помогал сканировать огромные листы, которые мы просто не знали, где можно отсканировать. Это – карты межевания, которые я привез из архива Миккели величиной вот с этот экран, и которые в итоге отсканировали в мастерской Даянова. Это

и материалы 1980-х годов большого числа обмеров сестрорецких дач. Он совершенно безвозмездно передал свои материалы по реставрации губернаторской дачи на Морской улице. Именно Рафаэль Маратович нашел и передал нам "Дневник неизвестной барышни" – дореволюционный дневник девушки, начинающийся с описания достоинств жизни на даче. Мы этот дневник расшифровали, оцифровали и даже смогли определить фамилию барышни (дневник не был подписан), имена ее родных, найти потомков, у которых сохранились старые семейные фотографии. Находка Р.М. Даянова вылилась в многолетнее исследование, в котором приняло участие много людей со всей страны. Рафаэль Маратович был человек большого масштаба, огромных знаний, профессионал, и огромное ему спасибо. Мы с ним иногда переписывались, не могу пока себе представить, что писем от него больше не будет».

Светлана Левошко:

«Рафаэль Маратович более двух десятков лет был председателем Совета по архитектурному и историческому наследию Санкт-Петербурга. Заседания самого разного толка: дискуссии, презентации книг, обсуждения проектов, семинары... – всегда были не официальными, не авторитарными, а напротив, подчеркнуто демократичными. Он так и поставил работу своего Совета. "Вход свободный!" – гласили приглашения на заседания Совета, и сегодня это можно считать символом этих встреч, поощряющих начинания, инициативу и свободу общения на важнейшие темы сохранения наследия. Он всегда поддерживал наши предложения по выявленным объектам культурного наследия в Курортном районе на Совете при правительстве Санкт-Петербурга по историко-культурному наследию, был такой надежной опорой. Еще одна сторона профессиональной деятельности не так давно открылась лично мне. Рафаэль Маратович активно сотрудничал с петербургской общественной организацией "Помним всех поименно" и разработал множество проектов надмогильных памятников, досок, кенотафов для некрополей Санкт-Петербурга и даже мира (Таиланд, Индонезия, Греция, Китай). Это особая сфера, в которой он также стал профи, как и во всем, за что он брался. Недаром он принял такое активное участие в деле создания кенотафа архитектору Г.В. Барановскому на Комаровском кладбище в 2020 году, где упокоился сейчас и сам... Он высоко нес свое звание Архитектора, был уверенным в себе человеком и своем деле, как говорится, "знал себе цену", и его внутреннюю убежденность в том или ином профессиональном вопросе сломить было невозможно».

Елена Травина:

«Мы с весны не встречались из-за пандемии, разговаривали по телефону, и во время разговоров уже осенью я увидела тему, которая проходила для него "красной нитью" и над которой он думал давно. Это мысль о том, что мы разбрасываемся именами. С этим мы сами постоянно сталкиваемся в своей исследовательской работе. Вот стоит дача, но мы не знаем, кто архитектор. Строительство дач тогда было таким "низким" жанром, не то, что строительство храма или большого доходного дома. То же самое с современными архитекторами: мы уже не всегда знаем, кто спроектировал небольшие постройки под Петербургом. А сам Рафаэль Маратович говорил об этом на примере комаровского кладбища, где находится много совершенно уникальных по мастерству исполнения памятников, и никто уже не помнит, кто это сделал. И это совершенно невероятно, потому что прошло всего 20–30–40 лет, а память об авторах уже исчезла. Но мы должны знать – и каждому памятнику, каждой даче, каждому дому дать имя того человека, который это создал. "Мы должны помнить" – это слова архитектора, реставратора, просто очень хорошего человека, который жил, который передал нам свою эстафету "помнить" и которого нам очень будет не хватать».

Нас постигла невосполнимая утрата...

Е.М. Травина

VILLA «HARPPULINNA». НЕОКОНЧЕННАЯ МЕЛОДИЯ ДЛЯ АРФЫ. 1905–1921

Вилла восседала на высоком троне, как Королева, в ожидании подданных, спешивших восхититься и насладиться прекрасными звуками арфы.
Ирья Кохонен

Участок «Nordiska villa» в селении Келломяки с кадастровым номером 2-119 площадью 2,62 га 17 апреля 1905 года приобрел гражданский инженер Гавриил Васильевич Барановский на имя жены Екатерины Васильевны. Участок находился на вершине высокого Литоринового уступа, спускавшегося обрывом вниз, а затем продолжавшегося полого к морю. Продавцом выступил Пекка Пааволайнен, у которого в эти годы приобрели участки примерно 180 человек только в Келломяках. Примерная стоимость участка составляла 10 000 руб. (один из соседних участков площадью 0,5 га был продан тогда же за 2318 руб.). На этом участке Барановский построил собственную дачу (или виллу, как именовали дачные постройки в Финляндии) – виллу «Арфа». После революции название было переведено на финский язык и вилла стала известна как «Harppulinna» – «Замок-Арфа».

Сохранились воспоминания соседей Барановских с описанием самой виллы и некоторыми обстоятельствами ее строительства. До 2020 года исследователям были известны фотографии из альбома, составленного и изданного в 2008 году Теуво Термоненом «На поезде из Петербурга в Кивеннапу», и воспоминания Эстер Кяхинен «Прежние Териоки». В них она описывала историю дачного строительства на Перешейке, жизнь в Териоках, а также Келломяках с их достопримечательностью – «Harppulinna».[1] Наиболее полная картина на сегодняшний день частной и профессиональной жизни архитектора Г.В. Барановского изложена в статье С.С. Левошко и Е.М. Травиной в XVIII выпуске Архитектурного Ежегодника, а также в статье Е.М. Травиной «Архитектор Гавриил Барановский. Годы жизни» в сборнике «Карельский перешеек. Страницы истории». Книга вторая (СПб. 2018).

В самом начале 2021 года исследователям в России удалось ознакомиться с текстом, опубликованном в 2004 году Ирьей Кохонен и составленном на основе воспоминаний разных лиц, связанных с Келломяками.[2] (Сама она родилась там в 1922 году

[1] *Termonen Teuvo.* Junalla Pietarista Kivennavalle. Saarijärvi, 2008; *Кяхенен Эстер.* Прежние Терийоки – деревенские воспоминания. Коувола. 1982. Пер. с финского А.К. Молчанова и Е.А. Балашова. URL: https://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=arpha&lang=ru

[2] *Korhonen Irja.* «Harppulinna». Helsinki. 2020.

в семье Лидии и Пааво Хюппёнен). Переиздание этого буклета осуществила в 2020-м Ева-Кристина Мякеляйнен. Она также предоставила ценнейшие сведения о вилле, поскольку ее семья жила на соседней с «Harppulinna» виллой «Käpylinna» («Замок Шишка»).[3] Одним из мемуаристов выступила госпожа Каарина Хенрикссон-Мальм, крестница Гавриила Барановского. Семья ее отца, Эдварда Хенрикссона, проживала до революции в Келломяках, где тот занимался торговлей деревянными строительными и пиломатериалами (участок Генрихсона № 31 по плану 1913 года и 2-78 по плану межевания). Очевидно, что часть стройматериалов для виллы «Арфа» была приобретена в магазине Хенрикссона. И очевидно же, что Барановского и Хенрикссона связывали добрые приятельские отношения, иначе не было бы приглашения в крестные; а общению способствовало то, что Хенрикссон прекрасно владел пятью языками, в том числе русским.

Согласно воспоминаниям, которые, конечно же, нуждаются в дальнейшей проверке, Барановский обратил внимание на живописный берег Финского залива в районе Келломяк, когда бывал в Кронштадте, выполняя там какие-то строительные работы (что пока не нашло подтверждения). От этих работ якобы остались дубовые доски, которые он купил и перевез через Финский залив в Келломяки. Факт покупки строительных материалов в Кронштадте мог иметь место, хотя никаких строительных работ Барановского там не зафиксировано. Но можно предположить другое. В сентябре 1902 года в Кронштадте по проекту Вас.А. Косякова, однокурсника и друга Барановского, началось строительство Морского собора. Вполне вероятно, что Барановский бывал на стройке неоднократно, тем более, что в 1903 году в своем журнале «Строитель» он написал большую статью о возведении собора. Возможно, что тогда он и рассмотрел в бинокль келломякский берег и договорился о покупке для постройки дачи использованных и более не нужных строительных лесов. В Келломяках строительные материалы из Кронштадта приняли два брата-строителя, Ааретти и Эса Копра из Луутахянтя; они же перевезли лес вверх по Морской улице к участку Барановского на Большом проспекте, они же строили дачу.

На основе некоторых косвенных фактов можно сделать предположение, что первоначально в качестве участка под дачу мог рассматриваться Сестрорецк. Дело в том, что друг Барановского (еще со времен реального училища в Одессе) и однокурсник по Институту гражданских инженеров Бронислав Правдзик в 1899 году арендовал участок № 33 в Канонирских дачах. Затем в 1904-м он взял еще и соседний участок № 35 – не для Барановского ли? Но в конечном счете, соседом Правдзика стал их третий друг – Василий Косяков, а Барановский купил участок в Финляндии.

В архиве семьи Крюковых (родственников Барановского по линии его жены Екатерины) сохранились любительские (к сожалению, не очень хорошего качества) фотографии, относящиеся к годам постройки виллы. На одной фотографии изображена вилла в строительных лесах, на другой – предположительно гражданский инженер Михаил Кобелев, который непосредственно занимался постройкой. Михаил Васильевич Кобелев был братом Екатерины, жены Г.В. Барановского. Он окончил Институт гражданских инженеров на шесть лет позже, чем его зять, и стал на некоторое время его «стажером» – помощником на постройках, что тогда было принято. По семейным воспоминаниям, он наблюдал за строительством и других зданий, возводимых по проектам Барановского (Елисеевский магазин, Буддийский храм, Русское географическое общество).

[3] О первом владельце виллы «Шишка» Джоне Гернанде см.: *Травина Е.М.* К биографии Джона Гернанда, первого владельца виллы «Шишка» // Карельский перешеек. Страницы истории». Книга первая. СПб. 2017. С. 156–159.

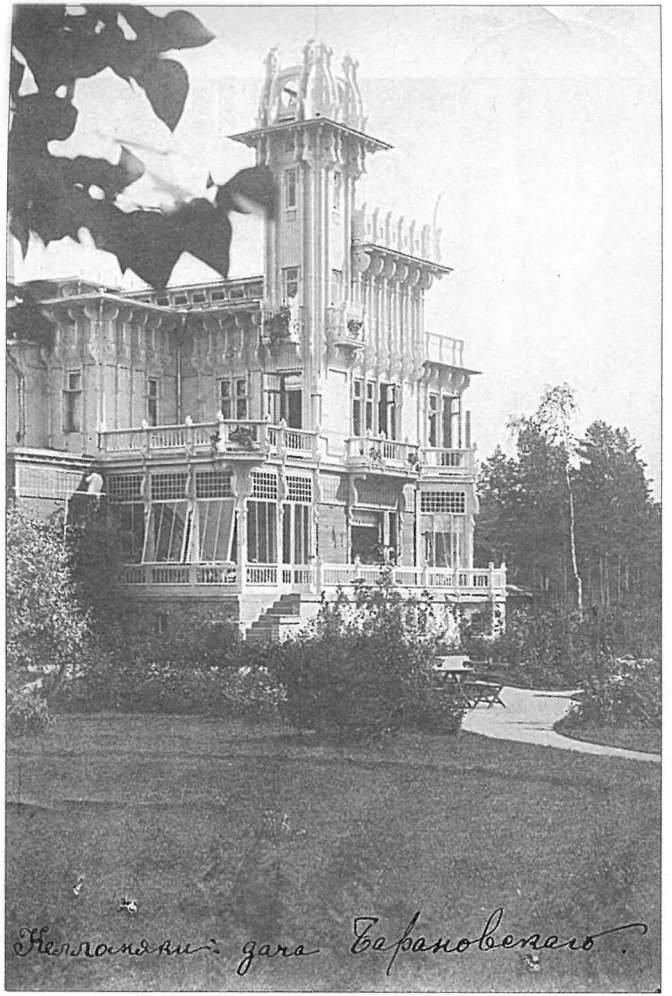
Вилла «Арфа» в строительных лесах. Семейных архив Крюковых. Предоставлено сайтом terijoki.spb.ru

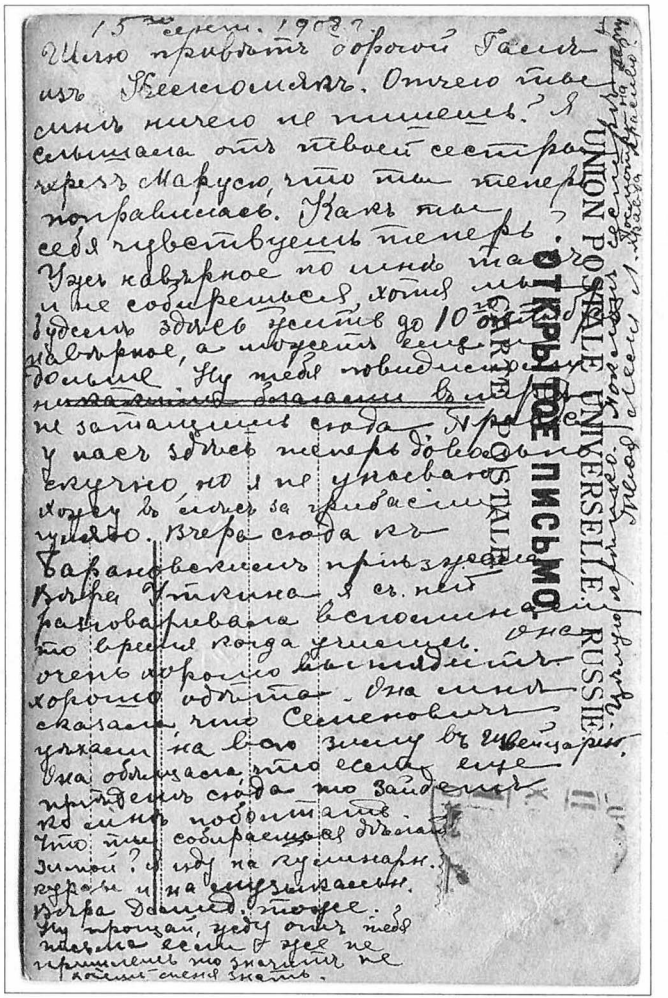
Михаил Кобелев (?). Семейных архив Крюковых. Предоставлено сайтом terijoki.spb.ru

Виллу построили к 1908 году: этим годом датирована проштемпелеванная фотооткрытка с ее изображением (фото А. Зевальда). Хотя, возможно, что достраивалась, отделывалась и обставлялась она еще в течение нескольких лет. Во всяком случае, адрес «ст. Келломяки Ф. ж. д., собственный дом» впервые появляется в справочнике «Весь Петроград» с 1915 года.

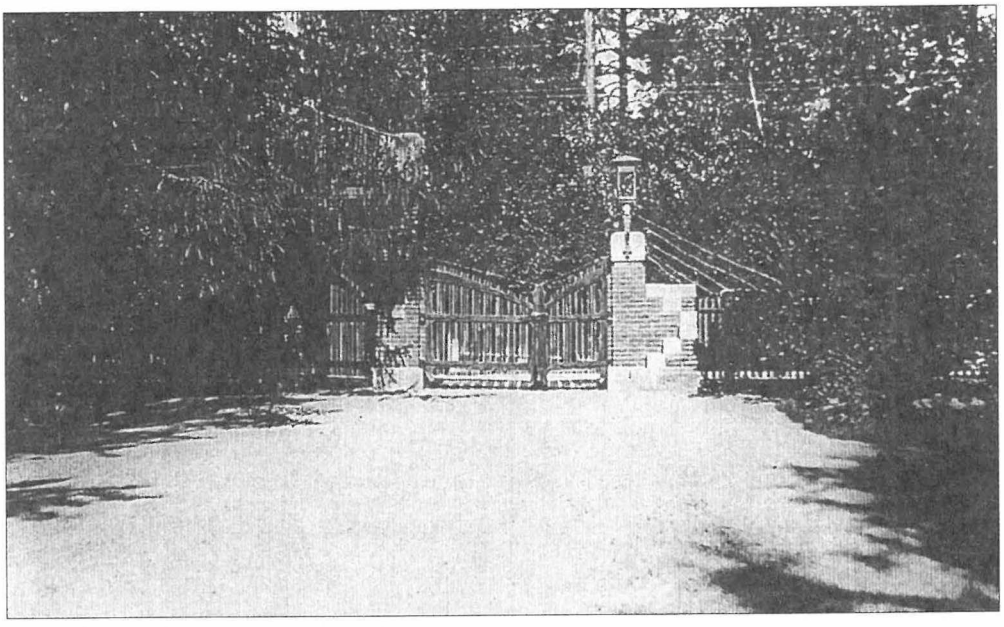
Дача была центром усадьбы или, иначе говоря, солирующим инструментом этого оркестра. Каждая постройка, статуя, фонтан имели собственный голос в сочиненной архитектором партитуре.

Впечатляющие ворота виллы как бы приготавливали гостя к тому, что он увидит за воротами – роскошный сад и дачный дом. Столбы ворот были из кирпича и камня с изображениями арф, обыгрывающих название виллы, в воротах висел гонг. Как камертон он задавал музыкальное звучание сада, начинавшегося прямо за воротами. За садом



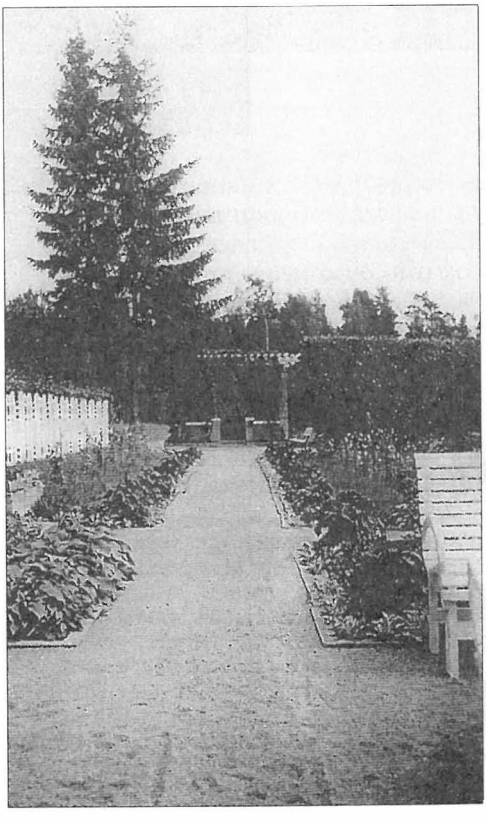


Почтовая карточка. Издание А. Зевальда (лето 1908? года), возможно, одно из первых фотоизображений дачи. Адресная сторона: Гале от Лёли. Дати 15 сентября 1908 года. Марка сорвана. Последняя фраза – «Посмотри на дачу. Правда, красиво?». Из собрания С.В. Ренни



Ворота виллы «Арфа». Korhonen Irja. «Harppulinna». Helsinki. 2020

Беседка в саду дачи «Арфа». Предоставлено сайтом terijoki.spb.ru



Аллея в саду виллы «Арфа». Korhonen Irja. «Harppulinna». Helsinki. 2020

присматривал специально нанятый садовник. Трудно сказать, был ли этот сад разбит по проекту самого Барановского или он пригласил ландшафтного мастера? Архитекторы часто сами проектировали парки и сады вокруг строящихся по их проектам дач. Но вот для огромного парка вокруг дворца Г.Г. Елисеева в Тойла (Эстония), возведенного по проекту Барановского, был приглашен известный ландшафтный архитектор Георг-Фридрих Куфальдт.

Сад вокруг дачи Барановского был распланирован таким образом, чтобы постоянно удивлять гостей, которые бродили по его аллеям. Здесь были прекрасные кусты и цветы, которые все вокруг наполняли благоуханием. Мемуаристка вспоминает о «бесчисленном множестве мраморных статуй», стоявших «в тени фонтанов», и, даже если сделать скидку на детский восторг, несколько статуй – это было все равно необычно для дачного участка. Несколько в стороне находились два теннисных корта и, видимо, именно эти площадки без зеленых насаждений были после войны приспособлены для спортивных занятий в пионерском лагере.

На участке находилась небольшая электростанция с электрогенератором. Он снабжал электричеством весь большой дом и поначалу это было большой редкостью в поселке, где улицы освещались керосиновыми фонарями, а в домах светили керосиновые лампы. Правда, отапливалась вилла углем, и то не вся, а только первый этаж. Верхние этажи назывались «летними» и на зиму закрывались.

Как отмечала кандидат архитектуры Светлана Левошко: «Собственная дача Гавриила Васильевича "вилла Арфа" в дачном селении Келломяки была исключительно оригинальным сооружением, лишний раз подтверждающим тезис о том, что в модерне индивидуальный подход возведен в принцип. Она стала градостроительной доминантой так называемой Морской стороны поселка благодаря поистине "дворцовым" размерам и 15-метровой башне со смотровой площадкой наверху, композиционно завершающей сложный многоуровневый объем. Воздушность и грациозность деревянной даче придавали огромные фигурные кронштейны на всю высоту этажей, ребристость обшивки, перголы и балюстрады террас и балконов. Этот музыкальный строй (недаром ведь прозвали ее Арфой!) частых вертикалей явно перекликался со строем вертикалей металлических конструкций застекленной арки Елисеевского магазина. Определенные параллели архитектурных приемов прослеживаются и в усложненности венчающей части зданий и акцентных скульптурных завершениях. Это приемы мастера, одна рука.

И еще одно размышление. Башня виллы может рассматриваться и как знаковая форма для местной традиции, т. к. представляет собой своеобразную интерпретацию образцов национального романтизма Финляндии, хотя, как мы убедились, архитектор не работал в формах региональной архитектуры даже на лоне природы, ориентируясь в целом на классическую традицию».[4]

Если ворота виллы говорили об ее имени – «Арфа» – прохожему или подошедшему близко гостю, то башня виллы говорила об этом издалека. Ее деревянные детали напоминали изогнутые рамы этого инструмента, внутри которых были натянуты медные струны. Ветер, прикасаясь к этим струнам, извлекал из них мелодичные звуки, разносившиеся над округой, – так звучала «Эолова арфа».

Стиль дачи напоминал итальянские средиземноморские виллы, что было вполне уместно для постройки на берегу моря, но все равно немного неожиданно для сурового Финского залива. А потому и казалась она современникам то «дворцом принцессы», то «зачарованным замком, в котором обитают привидения». Но неизменным оставалось одно – единство с музыкой. Она была настолько совершенна, что сама по

[4] *Левошко С.С., Травина Е.М.* Гавриил Васильевич Барановский. 1860–1920. К 160-летию со дня рождения. Архитектурный Ежегодник. Санкт-Петербург. 2020. Вып. XVIII. СПб. 2020. С. 144.

Вилла «Арфа». Вид с юга. Издание А. Зевальда. Келломяки, 1913 год. Из собрания С.В. Ренни

себе напоминала музыкальное произведение. С музыкой ее роднили и детали — частый строй струн-вертикалей, которые формировали облик, устремленный ввысь, к небу, и горизонтальные «клавиши» балюстрад и балконов на этажах. С музыкой ее роднило и то, что построена она была для будущей семьи музыканта (что так и не случилось).

Василий, сын Гавриила Барановского, родился «принцем» и должен был стать «родоначальником» новой и блестящей династии. С детства он был окружен заботой и вниманием родителей, которые старались дать ему все самое лучшее для будущей счастливой безбедной жизни. Когда Василию исполнилось пять лет, его стали обучать музыке. С семи лет ему давал уроки известный пианист Флориан Лежен и эти занятия продолжались в течение всех школьных лет. Среднее образование Василий, как и дед, получил в Петришуле. Затем он был принят в элитарное Училище правоведения, куда могли быть зачислены только дворяне, преимущественно родовитые. Диплом Училища приравнивался к диплому университетов. В период учебы в Училище правоведения занятия музыкой продолжались с известным педагогом Г.В. Романовским. В Училище Василия Барановского характеризовали как отличного воспитанника, очень талантливого, играющего прекрасно на рояле, который усердно занимался, и в 1911 году окончил Училище четвертым из 30, по I разряду с чином титулярного советника. По окончании он был направлен в 5-й «Финский» департамент Канцелярии Совета Министров в Петербурге в качестве чиновника для особых поручений (этот департамент работал с администрацией Великого Княжества Финляндского).

В мае 1914 года Василий Барановский получил и диплом Санкт-Петербургской консерватории. Он не проходил там очное обучение, но подготовился самостоятельно и сдал все экзамены по игре на фортепиано и обязательной теории музыки как экстерн. Все эти годы, кроме постоянных занятий, он играл и на семейных вечерах, которые устраивали его родители в петербургской квартире, и в гостях. А вот на вилле «Арфа» в Келломяках для Василия Барановского была устроена специальная

Вилла «Арфа».
Вид с запада.
Издание А. Пуллинена,
Териоки,
середина 1930-х годов.
Из собрания С.В. Ренни

музыкальная зала с подиумом для фортепиано. Кроме того, для небольших камерных концертов, декламаций и театральных постановок предназначалась двухуровневая терраса, встроенная в склон Литоринового уступа на границе участка (сохранилась с искажениями, внесенными косметическим ремонтом).

Чтобы закончить «музыкальную тему», необходимо упомянуть, что усилия родителей по обучению музыке и консерваторское образование очень помогли Василию Барановскому после революции, когда рухнула Российская империя, и юрист Барановский оказался никому не нужен. А вот музыкант Барановский – да. Став гражданином Швеции, он объездил всю Европу, выступая в составе ансамблей, а также аккомпанируя скрипачам. Его дуэт с женой, скрипачкой Норой Дюсберг-Барановски, был записан на пластинках, равно как и сольное исполнение музыки разных композиторов и своей собственной. В музыкальной истории Швеции Василий

Барановский известен как пианист и композитор русско-польского происхождения, писавший концерты, прелюдии, сонаты и романсы на стихи русских поэтов. Нотные записи хранятся в Архиве музыки и театра в Стокгольме.[5] В Интернете же нашелся отрывок прелюдии ор. 2/5 Василия Барановского.[6]

Кроме музыкальной залы, на вилле «Арфа» было еще 14 жилых комнат; часть из них предназначалась для прислуги. Гостиные были разных цветов, к примеру, белого, голубого и золотого, и все они были обставлены прекрасной мебелью «Большого стиля». В доме было множество коридоров между комнатами и лестниц на верхние этажи. Гости всегда удивлялись, как удалось разместить в доме всю эту тяжелую мебель, и высказывали предположение, что, наверное, использовались некие подъемные устройства и лестницы снаружи. Детишкам нравился этот «хаос» комнат и комнаток, чуланов и чуланчиков, коридоров и коридорчиков, где можно было играть в прятки. А взрослые приезжали на рауты и музыкальные вечера в богатый загородный дом, где удобства городской квартиры соседствовали с прелестями дачной жизни.

Каарина Хенрикссон-Мальм отчетливо запомнила пасхальные праздники на вилле, когда дети получали дорогие подарки. Летом, кроме «обычных» гостей, на вилле бывали артисты и ставились спектакли. Молодежь каталась на лошадях и играла в лаун-теннис. Апогеем летних месяцев был праздник, устраиваемый гостями. На вилле царила интернациональная атмосфера, всюду была слышна разноязычная речь.

Один из интерьеров виллы «Арфа». На стенах предположительно два портрета Екатерины Барановской. Издание А. Пуллинена. Териоки, середина 1930-х годов. Из собрания С.В. Ренни

[5] Василий Гавриилович Барановский (1890, Петербург – 1946, Лунд, Швеция); Екатерина Васильевна Барановская (1869, Петербург – 1932, Лунд, Швеция).

[6] Svenska Tangenter: Svenska Pianister före 1950: диск 4, дорожка 6: https://www.allmusic.com/album/svenska-tangenter-svenska-pianister-f%C3%B6re-1950-mw0002145482

Интерьеры виллы «Арфа». На верхнем фото справа портрет предположительно матери Г.В. Барановского, Р.К. Барановской-Диамантиди. Издание А. Пуллинена. Териоки, середина 1930-х годов. Из собрания С.В. Ренни

Эта прекрасная жизнь продолжалась до 1917 года, вернее, до начала Первой мировой войны. При этом материальное благополучие владельца виллы никогда не было стабильным, а финансовое настоящее и будущее – безоблачными. Барановский

состоял на государственной службе в Техническо-Строительном комитете в чине действительного статского советника с окладом (на 1908 год) 3000 рублей без разделения на жалованье, столовые и квартирные. Это была капля в море по сравнению с теми суммами, которые он тратил на демонстрируемый образ жизни богатого и успешного архитектора.

С одной стороны, положение «семейного» архитектора и друга богатейшего купца Г.Г. Елисеева давало и хороший дополнительный заработок, и некоторые бонусы. У нас есть лишь один документально подтвержденный пример того, что в 1897 году Елисеев дал Барановскому взаймы 235 000 руб. на десять лет под 5 % годовых на постройку собственного доходного дома на Достоевского, 36. Но архитектор был неважным управляющим: спустя некоторое время проверяющая комиссия выяснила, что часть квартир не сдана, а значит, дом не приносит ожидаемой прибыли. В 1908 году дом выставили на торги и купил его тот же Г.Г. Елисеев за 141 000 рублей. Можно предположить, что издание Барановским журнала «Строитель» (1894–1905 годы) и роскошной семитомной «Архитектурной энциклопедии второй половины XIX века» (1902–1908 годы) также имело отношение к Елисееву, равно как и сама постройка и обстановка «Арфы». При изучении архивных документов складывается впечатление, что все предреволюционные годы протекали для Барановского под кредиты и займы и сопровождались исполнительными листами на выплату долгов. Так, в 1912 году по одному из исков вычитали $^{2}/_{5}$ из его оклада, а в период с 1912 по 1916 год требования сумм выплат по долгам к банкам и частным лицам достигли 17 000 рублей. В 1911-м виллу перевели на имя Василия Барановского, а в 1913 году был объявлен аукцион по ее продаже в уплату долга по закладной в сумме 10 000 рублей от однокурсника отца, гражданского инженера Болеслава Савицкого. Тогда продажи удалось избежать, но каким образом – можно только догадываться.

История послереволюционных продаж не ясна до конца по сей день и требует дополнительных исследований в архивах. Василий Барановский написал в автобиографии, что вилла была продана еще в декабре 1917 года (то есть при жизни отца) за 175 000 рублей, из которых 80 000 пошли на уплату долга, а оставшиеся 95 000 должны были выплачиваться Барановским небольшими ежемесячными суммами. Время для продажи было выбрано самое что ни на есть неудачное: уже произошла «Великая Октябрьская», инфляция ползла вверх в геометрической прогрессии, большевики скоро объявят «красный террор», а в Финляндии начнется недолгая, но кровопролитная Гражданская война. Где жила семья после этой продажи, прячась от «белых» и «красных»? Правда, в этом же документе Василий написал, что за Барановскими оставался еще один участок, который был продан вскоре после смерти отца за 80 000 финских марок. Что это был за участок?

В настоящее время хронология продаж и покупок виллы «Арфа» выглядит следующим образом.

Екатерина Барановская продала виллу бывшему российскому предпринимателю Арнольду Орнтлиху. Когда – пока не ясно. Если брать свидетельство Василия Барановского, то в декабре 1917 года, если верить мемуарам современников, то есть в конце 1920 года, после смерти архитектора. Имя Орнтлиха есть в учетной карточке на участок, но без года. Арнольд Гансович Орнтлих, владелец фабрики металлических изделий, проживал на Невском проспекте, 95 (Весь Петроград-1917). Но после русской революции дела его пошли на спад, фабрика в России была национализирована, предприятие в Швеции так и не имело успеха и было в долгах, и в конечном итоге Орнтлих виллу содержать не смог.

В последний раз он был на вилле в 1926 году, после чего через год она была признана оставленной без ухода (бесхозной) и подпала под Положение о национализации. Была собрана комиссия в составе Микки Коукка и Карла Сундберга, при участии Павла Зубатова (?), служившего на вилле. Эта комиссия составила опись недвижимого и движимого имущества. Кроме основного дома на участке находилось

Вилла «Арфа». На переднем плане виден пруд в виде палитры художника. Издание Н. Симановского. Келломяки, середина 1930-х годов. Из собрания С.В. Ренни

Вяйно Куосманен с семейством и собакой Килли у входа на дачу. Лето 1937 года. Из собрания С.В. Ренни

еще несколько жилых строений, отапливаемые парники, искусственные пруды в саду, беседки. В дом были проведены водопровод и канализация. Сама вилла находилась в хорошем состоянии и была оценена в 75 000 финских марок. Эта опись стала основанием для принудительной продажи вследствие невыполнения владельцем своих обязательств по уплате налогов и обслуживанию дома.

Дальше – совсем неясно. Мемуаристы называют еще двух хозяев виллы, но вполне возможно, что это были «дачники», которые арендовали виллу у Орнтлиха до 1926 года. Первым назван некто Александр Кох. Воспоминания о нем были записаны со слов Суло Каронена, который недолгое время служил господину Коху на вилле. Он запомнил хозяина не очень здоровым и одиноким. В доме с ним находились только две служанки, экономка и управляющий. Хозяин жил затворником, был немногословен и только однажды упомянул о знатной родне и «королевских балах» в Петербурге. В его комнате, которую он почти никогда не покидал, в стенных шкафах стояли дорожные саквояжи с секретными отделениями, в одно из которых любопытному Суло якобы удалось сунуть свой нос. Там лежали золотые монеты и бриллианты. Суло говорил, что многие прекрасные предметы на вилле были привезены из Петербурга именно «графом Кохом». Через некоторое время проблемы со здоровьем вынудили хозяина отправиться в Италию. Мальчик Суло остался в Выборге с матерью, а уже в пожилом возрасте вдруг решил изготовить модель виллы «Арфа» из картона и спичек, что и сделал. Его фотография с этой моделью была помещена в 1996 году в журнале «Карьяла».

«Граф Александр Кох», который одновременно с виллой «Арфа» якобы приобрел несколько землевладений в Териоках, ближе всего находится к истории семьи Леопольда, Вольдемара, Николая и Александра Матвеевичей фон Кохов. До революции у них были участки в Териоках, в западном районе Кякёсенпяя. Сын Леопольда, Константин, моряк и командир миноносца в Первую мировую, так и продолжал жить там после 1917 года, став лютеранским проповедником.

Следующим арендатором (?) стал Албин Феннандер, о котором вообще ничего неизвестно, кроме имени, да и жил он на вилле, видимо, недолго.

Вилла была национализирована в 1927 году и выставлена на аукцион с единственным условием: новый владелец должен был быть гражданином Финляндии. Виллу тогда приобрел фабрикант Карл-Оскар Ренстрём, владелец (с 1901 года) фабрики фортепиано марки «Hellas» в Хювинкяя. Он услышал о продаже некоей виллы на Перешейке, которую связывали с любимой им музыкой, и сразу пустился в неблизкий путь. Как пишет мемуаристка, еще только стоя у входных ворот с арфами и увидев силуэт виллы в отдалении, он понял, что должен ее купить. Невестка Ренстрёма Маргарета Ренстрём вспоминала свое лето на вилле. Она была беременна первым ребенком и ее успокаивала атмосфера, где даже светильники с хрустальными подвесками тихо звучали как музыкальные инструменты.

Идиллия на вилле для Ренстрёмов длилась недолго. Финансовые дела расстроились и обстановка виллы была выставлена на аукцион, а по сути – «гаражную распродажу». Процесс описал Илмари Кианто, известный финских писатель, у которого была дача на Лесной стороне Келломяк. В журнале «Кансан кувалехти» был помещен его эмоциональный очерк, начинавшийся словами «Одна из красивейших вилл, может быть, самая красивая на Карельском перешейке...» и заканчивавшийся «Увидеть Замок-Арфу и умереть!»

«Предметы обстановки один за другим шли с молотка, а мы ходили из комнаты в комнату и, наконец, поднялись наверх. Антикварную мебель продавали за бесценок. Ушли красивые фонари со столбов, настенные часы, сами столбы, ушли садовые гномы и другие украшения, красивый гонг. (Жаль, что я не сделал ставку, чтобы купить для своего замка). Наверху красовалась королевская кровать со всеми ее матрасами и мягчайшими постельными принадлежностями. Кровать привела меня в восхищение, поспать на такой хотя бы одну ночь! Кровать была такой

широкой, что на ней, вероятно, могли бы лечь поперёк шесть человек. Деревянное ложе для гиганта. Я не мог принять участие в торге. Цена кровати выросла почти до пяти тысяч марок».[7]

Илмари Кианто обозначил в своем очерке главную проблему виллы «Арфа» – высокую стоимость ее владения. Огромный дом, требовавший ухода, а значит большого числа прислуги, участок с садом и оранжереями (садовники), спортивные площадки (рабочие), конюшня (конюхи), электрогенераторы и насосы (техники) и, наверняка, много кого еще – упоминали даже об управляющем, специально нанятом в Выборге. Кроме того – расстояние: Келломяки находились ближе к Петербургу, чем к Выборгу, и очень далеко от Хельсинки, то есть от людей, которые теоретически имели возможность купить и содержать виллу. Да еще и лето короткое и ненадежное – только вложишься и приедешь, а тут снова холодно и дожди. А потому предложение Кианто было рационально, хотя вряд ли выполнимо: найти спонсора-миллиардера, который бы организовал на вилле своеобразный «Дом отдыха деятелей искусств». Подобных «домов отдыха», содержавшихся, правда, профсоюзами, было несколько на побережье от Оллила до Койвисто. Но в данном случае требовался не профсоюз, а частное лицо с большим кошельком и добрым сердцем. «Я уже вижу там почетным гостем Сибелиуса. Метрдотелем Эрнста Лампена-Исо-Кейсарии– ёрничал Кианто. – Председателем – Сантери Ивало. Главным виночерпием Хялмара Нортамо, директором театра на вилле Арфа – Лаури Хаарла. Поэтом – Коскенниеми и его помощником Ууно Кайласа. Бесспорным секретарем – Ийво Хяркюнэн. Придворным проповедником – писателя и священника Ярвентауса. Калерво Репонена вижу в роли шута. Мастером кулака и генералом с пистолетом – писателя и не только Кондрада Лехтимяки. Душой общества, persona grata Майлу Талвио. Забавницей Хилью Валтонэн. Агапетуса в костюме Евы. И, конечно, я даже себя вижу в углу (занятым ворошением дров в печи)».[8] Это был смех сквозь слезы: в тот момент казалось, что вилла погибла безвозвратно.

Но «спаситель» с кошельком и сердцем все же нашелся. Правда, купил он виллу не для общественных нужд, а для себя. И – более того, – он еще бросился по аукционным адресам покупателей (как примерно тогда же Остап Бендер за стульями), отыскивая «мебеля», картины, светильники и прочее, скупая их и возвращая обратно на виллу.

Это был Йохан-Вильгельм Вордстрём (Wåhrdström), который приобрел виллу в том же 1930 году в качестве свадебного подарка жене Эмме. Вордстрём владел патронным заводом, а также торговым и пассажирским судоходством на Перешейке. При нем вилла пережила свой «серебряный век», если «золотым» считать век Барановского. Сам он был все время в разъездах, преумножая капиталы, в том числе на содержание своих приобретений под Выборгом. А на вилле жила красавица Эмма Вордстрём, урожденная Потоцкая, запомнившаяся жителям Перешейка бешеной ездой на стильном авто с красным кожаным салоном. Вся в белых одеждах, с «шоффером» в белой униформе и белоснежной английской борзой на заднем сиденье – она была как будто звездой кино, сошедшей с экрана. Жизнь Вордстрёмов, к вящему удовольствию жителей тихого Келломяки, сопровождала и «экранная» любовная интрига: с момента знакомства прекрасной Эммы с молодым скульптором Матти Хауптом, жившим неподалеку, на Лесной стороне, возник любовный треугольник, разрешившийся смертью мужа и воссоединением влюбленных. Правда,

[7] Ilmari Kianto. Harppulinna. Kansan Kuvalehti. 1930. № 15. Пер. Матти Терса. И. Кианто и патетичен в отношении виллы и ироничен, говоря о своей даче. Она была известна под названием «Пещера Антилопы», и гонг туда бы еще подошел, а вот кровать с виллы Арфа вряд ли: «мой собственный домик настолько мал, что может поместиться, если не под кроватью Харппулинны, так на ней».

[8] Там же.

Эмма Вордстрём на террасе виллы «Арфа». Korhonen Irja. «Harppulinna». Helsinki, 2020

их дальнейшая жизнь продолжилась уже в Хельсинки, потому что началась война и все жители были эвакуированы из прифронтовой полосы.

Что случилось в 1939-м с мебелью, картинами, светильниками, коврами, фарфором и бронзой – не очень понятно. Вроде, что-то успели упаковать и отправить поездом в Турку (из Келломяк было прямое сообщение через Хельсинки). Что удалось увезти, что бросили? Сейчас по фотографиям 1930-х годов уже трудно понять, что осталось от Барановских, а что привезли с собой новые хозяева. Еще весной 1938 года Вордстрёмы собирались делать большой ремонт виллы, чтобы избавиться от следов предыдущих, не очень удачливых собственников. Предполагалось переложить паркеты и печи, заменить бархатную обивку стен на шелка, привезенные из Италии (свой цвет для каждой комнаты). Впоследствии у Эммы и Матти Хауптов в Хельсинки была вилла в районе Кулосаари; может, что-то сохранилось там.[9]

В воспоминаниях (до- и послереволюционных) осталось описание нескольких комнат виллы «Арфа». В мавританской гостиной была зеркальная стена, а сама комната была полна разнообразных восточных безделушек. Барочная комната называлась так, потому что была обставлена мебелью в этом стиле. Хозяева гордились музыкальной гостиной, где на возвышении стоял концертный рояль. Крестнице Барановского, Каарине Хенрикссон, разрешалось играть на нем, и она мечтала, что когда-нибудь этот рояль станет ее собственным. Одна из комнат была обита винно-красным бархатом с выдавленным рисунком в виде цветов и большим мягким ковром на полу, гармонировавшим с цветом стен. В главную столовую слуги проходили, открывая зеркальные двери. В доме также была большая библиотека. В одной из комнат с потолка свисали жемчужины (?) и издавали приятный звук при небольшом сквозняке.

Если рассматривать отдельно предметы мебели, то можно сказать, что они были по преимуществу, как и определила ее одна из мемуаристок, во вкусе пышного и великолепного «Большого стиля», то есть стиля второй половины XVII – начала XVIII веков (эпохи Людовика XIV). Но были среди предметов мебели и образцы, напоминавшие ренессанс, рококо, и классицизм, то есть стили, отсылающие почти ко всем Людовикам. Вероятнее всего, это был не антиквариат, а так называемая «стильная мебель». В Петербурге в это время работало несколько мастерских и мебельных фабрик, которые изготавливали мебель в духе «ретроспективизма». Но вполне возможно, что некоторые предметы мебели на вилле были коллекционными.

[9] Матти Хаупт скончался в 1999 году в Хельсинки, Эмма Вордстрём – в 2000-м в Швеции, их сыновья Марио и Марино в 2004-м и 2006-м в Риме; дочь Ирма-Изольда (родилась в 1938 году) живет в Италии.

Еще интереснее с картинами. Их на вилле было множество: пейзажи, марины, жанровые сцены, и их еще предстоит атрибутировать. А вот касательно портретов уже сейчас можно высказать предположения. В одной из комнат vis-a-vis висят два женских портрета (один поясной, второй почти в рост – парадный). Сопоставив черты лица, можно предположить, что на них обоих художники изобразили Екатерину Барановскую с разницей лет в десять.

С другого портрета на нас смотрит пожилая дама в черной вдовьей наколке. Вероятнее всего, это мать Гавриила Барановского, Розалия Константиновна, урожденная Малиновская, во втором браке Диамантиди. В пользу этого предположения недавно совершенно неожиданно появилось зыбкое подтверждение. Дело в том, что племянник Гавриила Барановского, Александр Маркович Барановский, был женат на Вере Мамантовне Неёловой-Здзитовецкой, дочери знаменитого трагика Маманта Дальского (настоящая фамилия Неёлов). В архиве их дочери Ирины сохранилось несколько семейных фотографий, одна из которых изображает бабушку, обнимающую внука. Эта бабушка и чертами лица, и прической, и этой самой вдовьей наколкой чрезвычайно похожа на даму с портрета на вилле «Арфа» (и тоже в разные годы). Если предположить, что на фото Розалия Константиновна с внуком Александром (что вполне логично для семейного архива), то дама на портрете – точно она.

Где-то сейчас эти портреты... Сохранились ли они или погибли в войну? Некоторую надежду дает то, что Матти Хаупт смог эвакуировать из Келломяк свои скульптуры. Может, и картины все же увезли?

Время разрушения виллы можно установить по свидетельству Йоуко Тепери, сына начальника станции, который был в первую осень «войны-продолжения» (осень 1941 года) в Келломяках. У него на глазах рухнула башня виллы «Арфа» после

Все, что осталось от прекрасной виллы «Арфа». 1943 год. Из собрания А.И. Старкова

шквального огня из Кронштадта. Был еще один свидетель – садовник У. Лехтонен, который посетил Келломяки в 1941-м. Он рассказывал, что пожар, видимо, был такой силы, что сгорели растущие рядом деревья. Сад также сильно пострадал и впоследствии его не восстанавливали. Возможно, сохранилась только яблоня-китайка вблизи пруда и террасы.

Николай Николаевич Браун, которого родители мальчишкой привезли в Келломяки сразу после окончания войны, вспоминал: «В усадьбе Барановского на Большом проспекте сохранялись два просторных гаража, роскошные клумбы с цветочными узорами, бассейн с беседкой <...> Деревянная высокая часть с резными украшениями в стиле северного деревянного зодчества, называемая "Эоловой арфой", сгорела от единственного снаряда на совсем не Эоловом ветру советско-финской войны». Еще один келломякский/комаровский житель тех лет, Иван Никитич Домнин, вспоминал о холме на месте сгоревшей виллы, куда мальчишки любили бегать отыскивать «сокровища», – всякие гвозди, медные задвижки, дверные ручки и оплавленные в пожаре цветные стеклышки.

После окончания Великой Отечественной войны на территории виллы «Арфа» находились спортивные площадки, участки юных натуралистов и «живой уголок» пионерлагеря Ленинградских обкома и горкома КПСС. На рубеже 1980–1990-х годов почти на месте виллы был построен кирпичный пионерский клуб с актовым залом, библиотекой и помещениями для различных кружков. Клубом так и не пользовались по причине закрытия пионерского лагеря.

В настоящее время участок находится в аренде у Академии танца Бориса Эйфмана, который, по некоторым данным, собирается использовать его для летнего отдыха своих воспитанников. На территории остались артефакты, относящиеся к постройкам времени Барановского: бетонный пруд в виде палитры, беседка и двухуровневая терраса, встроенная в обрыв на южной границе участка. Существует проект воссоздания виллы, выполненный архитектором Р.М. Даяновым незадолго до его безвременной кончины. Что касается сохранившихся артефактов, они, несомненно, требуют бережной реставрации. Вопрос же воссоздания виллы, в силу значимости этого объекта, хоть и без статуса государственной охраны, вероятно, должно решать совместно с арендатором экспертное сообщество. Во всяком случае, воссоздание фасадов виллы, пусть и с интерьерами, приспособленными для современного использования, привело бы к восстановлению былой славы «Замка-Арфы» – этой виллы, звучащей в памяти народной уже тому сто лет.

С.А. Медведников

ОТ УГЛИЧА ДО ТЕРИОКИ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПУГОВИЦЫ

Две войны, переход от одного государства к другому и обратно катком прошли через историю Карельского перешейка, порой оставив краеведам и историкам сущие крохи в контексте материальных артефактов, – свидетелей прошедшей эпохи.

От «Териокского Морского яхт-клуба», существовавшего в 1909–1916 годах, помимо открыток и публикаций в прессе, фактически остался один-единственный артефакт, хранящийся в Российской Национальной библиотеке, – оригинал Устава 1914 года. Именно по нему мы знаем о том, как проходило вступление в клуб, как выглядели клубные флаги и парадная форма.

В Уставе дважды изображен символ клуба, в частности, присутствует рисунок кокарды форменой фуражки, на которой изображен герб Выборгской губернии, под которым – буква «Т» и два перекрещивающихся якоря. Устав был утвержден в 1914 году. Но вскоре начались трагические события, после которых как клуб, так и вся Российская Империя так и не смогли оправиться....

Однако перенесемся в наши дни.

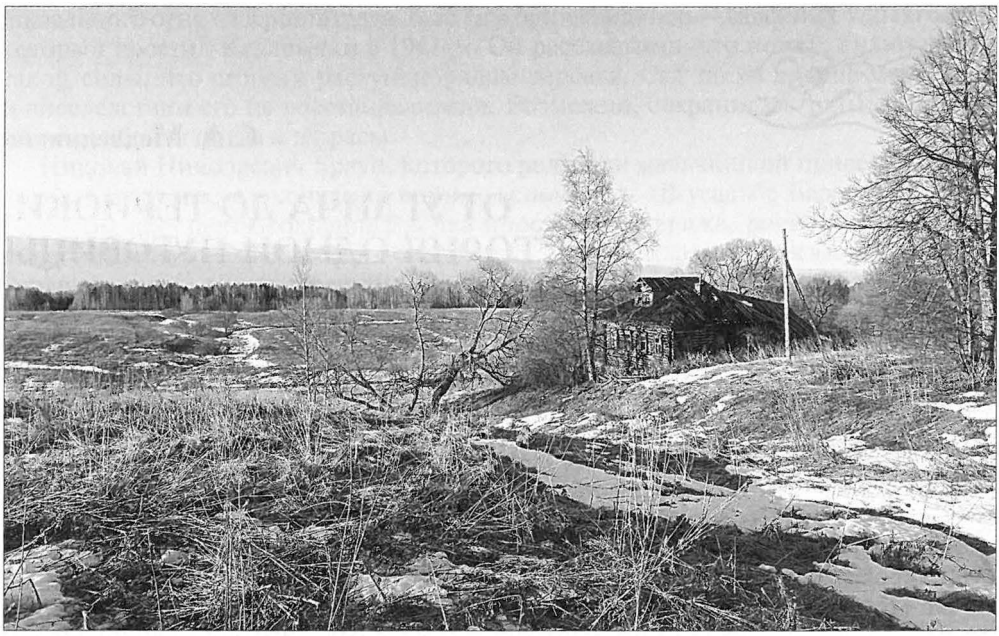
...Ранним утром, в четверг 12 декабря 2019 года мне пришло электронное сообщение из Рыбинска. Писал незнакомый молодой человек Антон Яковлев о том, что им найден артефакт, который, по его мнению, принадлежит «Териокскому морскому яхт-клубу». Найден он был в глубинке Ярославской области – деревне Широбоково Угличского района. Раньше это была большая зажиточная деревня, рядом, в полутора километрах – усадьба Ф.И. Тютчева, сейчас же там остался всего один заброшенный дом... Артефакт нашелся на месте одного из домов – зажиточного пятиоконного пятистенка.

Антон целую неделю искренне пытался понять, кому могла принадлежать эта вещь. И, слава Богу, нашел клуб судовладельцев «Териоки», расположенный на огромном от него расстоянии!

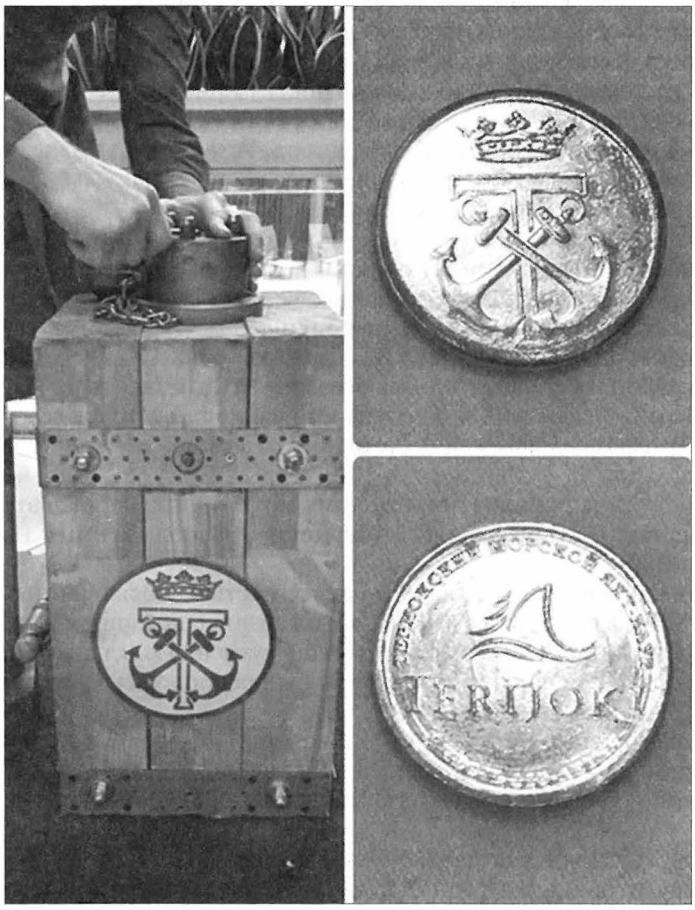
Помогло то, что в наших публикациях о юбилейных торжествах, посвященных 110-летию «Териокского Морского яхт-клуба» мы много касались истории клуба, в частности, на закрытие юбилейного сезона был приглашен кузнец, и каждый гость мог выковать памятный жетон, где на одной из сторон был расположен символ, известный нам по кокарде. Антон и увидел это фото.

А. Яковлев поступил благородно: не хотел, чтобы найденный предмет попал к бездушным перекупщикам, и артефакт отправился в Петербург, пополнив нашу кладезь знаний о прошлом – частную коллекцию, посвященную «Териокскому морскому яхт-клубу».

Что же это за артефакт? Увидев первое фото от Антона, мы не могли поверить глазам: это... оригинальная пуговица с парадной формы «Териокского Морского



Дом в Широбоково, рядом с которым была найдена драгоценная пуговица



Процесс изготовления памятного жетона

Счастливые обладатели только что откованного памятного жетона

Пуговица с парадной формы «Териокского Морского яхт-клуба», найденная Антоном Яковлевым

яхт-клуба»! Необходимо отметить, что до этого дня ни историки, ни краеведы не видели даже описания пуговицы... Верной атрибуции помогла та самая кокарда, уже упомянутая нами.

Уникальная пуговица была представлена собравшимся на первой в 2020 году клубной встрече капитанов, в рамках визита в музей-усадьбу И.Е. Репина «Пенаты» 1 февраля – так символично часть парадной формы дореволюционного клуба вернулась из странствий «в родные пенаты»...

В публикации на краеведческом сайте terijoki.spb.ru, посвященном истории Карельского перешейка, высказывались различные предположения о том, как пуговица могла попасть в Широбоково... Может быть, кто-то купил на «барахолке» в лихие годы поношенный пиджак, а может, деревня стала родовым убежищем для кого-то из членов клуба... Неизвестно.

Кратко коснемся известных пуговиц дореволюционных яхт-клубов. Любопытным является то, что обычно довольно подробно описывается форма – цвета тканей, размеры и форма нашивок. Однако относительно пуговиц таких подробностей встретить не удалось – как в уставе «Териокского Морского яхт-клуба», так и в некоторых других.

На портале «исторические пуговицы» можно встретить ряд изображений подобных пуговиц (всего пять видов, и нашей среди них нет), например: императорский герб, под ним якорь и буквы Я Р К – это пуговица, принадлежавшая «Императорскому Речному яхт-клубу»; якорь без короны с буквами Н Я К – пуговица Невского яхт-клуба; крупная императорская корона и якорь под ней без буквенного обозначения – пуговица самого знаменитого, «Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба».

Почему же мы считаем, что найденная пуговица принадлежит именно к парадной форме? Мы нашли ответ в Уставе клуба: в описании формы говорится, что «обыкновенный» вариант формы включает «двубортный пиджак гражданского покроя... с четырьмя черными форменными застегивающимися пуговицами».[1] Парадная же форма включала уже смокинг с «вызолоченными форменными пуговицами».[2]

Если внимательно осмотреть обратную сторону пуговицы «Териокского Морского яхт-клуба», то здесь мы увидим клеймо «БУХ / BUCH» – одной из известнейших фабрик Российской Империи, которую основали в 1816 году мастера медного, бронзового и оловянного дела И. Траншель и Бургард Бух.

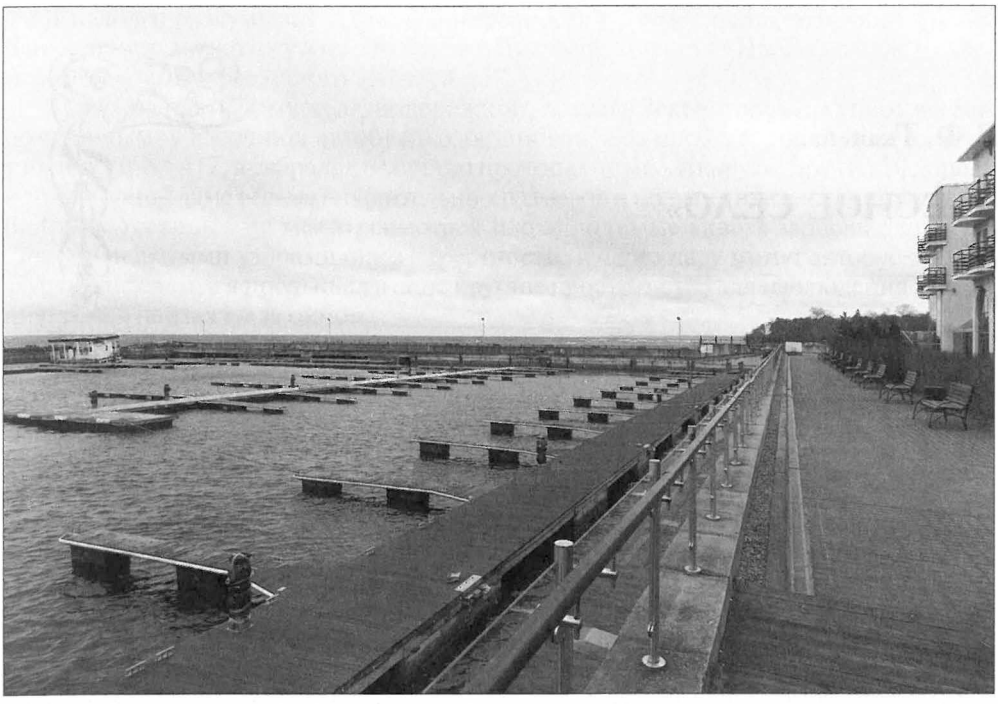
В 1890 году на 5-й линии Васильевского острова по проекту известного архитектора В.В. Шауба (который, к слову, позднее являлся членом «Териокского Морского яхт-клуба»!) было построено новое двухэтажное здание фабрики. По данным на 1909 год на производстве функционировал газовый двигатель 40 л. с., трудились 90 рабочих, а годовое производство составляло 100 тыс. рублей! Так что заказ «Териокского Морского яхт-клуба» был отдан надежному подрядчику.

Постскриптум.

Снова вернемся в сегодняшнему дню. Несмотря на то, что после постсоветского запустения в 2008 году гавань яхт-клуба стала снова функционировать, а с 2015 года началась работа по восстановлению традиций и связи времен и поколений, был создан клуб судовладельцев и календарь клубных мероприятий, издана книга об истории клуба, воссоздана парадная форма по уставу 1914 года, проведены торжества, посвященные 110-летию гавани (Морской бал в Кронштадтском Морском собрании и выставка, посвященная истории клуба и курортов северного побережья Финского залива в Российской Национальной библиотеке), так вот, несмотря на все это... первыми лицами яхт-клуба весной 2020 года было принято решение о том, что гавань яхт-клуба в наступившем сезоне будет закрыта.

[1] Устав Териокского морского яхт-клуба. СПб. 1914. С. 18.

[2] Там же. С. 19.



Гавань яхт-клуба «Териоки». Февраль 2020 года. Фото Л.И. Амирханова

...А чуть позже, осенью 2020 года, состоялись торги по делу о банкротстве. На них были выставлены два лота, связанные с инфраструктурой яхт-клуба. Несмотря на то, что причины произошедшего многим, знакомым с ситуацией, известны (как и результаты прошедших аукционов), будущее исторической гавани пока неясно. Попытка администрации находящегося на побережье отеля осуществить прокат досок сап-серфинга – для катания вокруг пустых понтонов гавани – потерпела фиаско.

Из-за того, что не были проведены сезонные работы по углублению, а подходной фарватер был серьезно замыт, возникла перемычка между гаванью и заливом, на которой стали загорать отдыхающие, а гавань превратилась в пруд. Работы по восстановлению оцениваются экспертами в несколько миллионов рублей.

Иными словами, сегодня гавань яхт-клуба снова переживает непростой период, как и в 1916–1917 годах. Но мы будем надеяться, что в Териоки – Зеленогорск снова будут приходить яхты, а о своей истории представители клуба будут гордо рассказывать в музее клуба, где одним из экспонатов станет найденная пуговица парадной формы «Териокского Морского яхт-клуба».

В.Ф. Ткаченко

«ЛЕСНОЕ СЕЛО»

Я попал сюда в какой-то степени случайно. Хотя и говорится, что случайностей не бывает, но есть промысел Божий.

Заканчивался 1983 год. Я после армии трудился в поте лица на заводе «Арсенал», а тут позвонила моя тетушка, она была сотрудником проектно-инвентаризационного бюро Сестрорецкого района, и предложила интересную работу по основной гражданской специальности. В поселке Молодежное окончили отделочные работы в новом пионерском лагере «Заря» Управления «Ленинградодежда». И требовался художник для оформления интерьеров весьма необычных, по тем временам, построек. Лагерные корпуса строили по специальному проекту, и внешне они скорее напоминали санаторий где-нибудь в Крыму. То есть это было новое слово в проектировании и строительстве подобных сооружений.

Главный корпус бывшего пионерского лагеря «Заря» (ныне ДОЛ – детский оздоровительный лагерь). 2016 год. Фото автора

Я недолго раздумывал – стало интересно, и в конце ноября отправился в неблизкий путь, поскольку жил в то время в Пушкине. Дорога из Царского Села в «Лесное Село» заняла без малого три часа.

Выйдя на платформу железнодорожного вокзала Зеленогорска, я усмотрел морозную дымку выхлопов автобусных остановок. Без проблем обнаружив желтую табличку с № 417, я забрался в хорошо протопленный «Икарус». Вручил 20 копеек кондукторной даме весьма внушительных размеров и получил взамен длинную ленту билетов. Усевшись на место, осмотрел плохо видимые сквозь заросшее причудливыми ледяными узорами окно окрестности, и через пару минут автобус смачно заурчал дизелем, а я продышал в окне круглое пространство для наблюдения за сменявшимся пейзажем за окном.

Автобус, пустой более чем наполовину, раскочегарил дизель и припустил по извилистому Приморскому шоссе, миновав предместья Териок, то есть Зеленогорска. На какое-то мгновение показался закованный льдом мрачный ноябрьский залив и автобус нырнул почти в тайгу. Шоссе окаймляли группы огромных елей и оранжевоствольных сосен. Остановок никто не требовал и в автобусе воцарилась сонливая атмосфера. Шесть пассажиров утомленно склонили головы, а один дядечка даже сладко всхрапнул, поминая во сне какую-то Зою. Кондукторная дама держалась недолго, и вяло объявив, что автобус миновал некий поселок Ушково, уронила голову набок. В результате в автобусе остались два бодрствующих товарища: шофер, мужественно преодолевающий зевоту, и ваш покорный слуга, снедающий глазами неизвестный пейзаж за окном, которое все время приходилось протирать горячим пальцем.

Внезапно автобус заложил резкий вираж, от чего я чуть не вывалился со своего одинарного кресла, вовремя подставив ногу как подпорку. Сказывалась молодость лет и только что пройденная суровая школа Советской Армии – реакция сработала на уровне, я сказал бы, подсознания. Публика всколыхнулась, кто-то охнул, а давешний упоминатель некой Зои тихо выматерился в адрес лихача-шофера. Справа внезапно выросла гора, обильно поросшая лесом, а слева опять открылась ледяная равнина залива. Автобус притормаживал, спускаясь под горку. Справа показалась двухэтажная будка поста ГАИ, слева мелькнула черная, безо льда, почти горная, речка. Впоследствии я узнал, что она так и называлась – Черная речка, а позднее, что Ваммельйоки, впрочем «йоки» местные жители не упоминали, ежели применяли старое финское название в бытовых разговорах, поскольку «йоки» в переводе и так означало река, только по-фински.

Автобус остановился, зашипел воздух в цилиндрах пневмосистемы открывания дверей и салон получил порцию морозной дымки, выпустив знакомого некой Зои. Затем двери бодро закрылись и мы покатили далее под горку. Миновали коротенький мостик и автобус, натужно рыча своим плохо отрегулированным дизелем, пополз в эту горку. Проехав поворот, мы пересекли маленький ручеек, что-то бормотавший про себя в окружении огромных сугробов, и тогда я еще не знал, что ручеек дал название поселку, когда-то давно, в финские времена. Наконец грозная дама-кондуктор басом возвестила:

– Молодой человек, Вам выходить, Вы спрашивали, – и добавила голосом нараспев, будто объявляла о прибытии в Париж, – остано-о-вка-а Мо-о-лодё-ё-ж-ное...

Я выпрыгнул из автобуса, он шипнул дверями, обдал меня сизым дымком («Колечки залегли» – машинально отметил я про себя по не ушедшей еще армейской привычке, имея в виду дизель автобуса[1]) и был таков за ближайшим поворотом в западном направлении.

---

[1] Расхожее выражение дизелистов. Изношенные (залегшие) маслосъемные кольца в цилиндрах двигателя пропускают масло из картера в верхнюю часть цилиндра, где масло сгорает вместе с топливной смесью; отчего выхлоп приобретает темно-сизый оттенок. То есть такой износ колец можно определить по цвету выхлопа.

«Горка»: слева почта, здание практически не изменилось с 1980-х годов. Справа магазин, но уже «огламуренный». 2016 год. Фото автора

Воцарилась такая тишина, ажно в ушах зазвенело. Обернувшись, я усмотрел маленький желтый домик, где уже уютно теплились огни, а над входом, украшенным массивным гербом государства, висела синяя вывеска с лаконичной надписью ПОЧТА. Покрутив головой и не найдя никаких указателей, но только еще один домик более современного дизайна и с не менее лаконичной надписью МАГАЗИН, я нырнул в тепло почты. Разбудив местного работника, коим оказалась миловидная барышня почти в пенсне, на самом деле в очках, украшенных модной металлической оправой, и выяснив дислокацию объекта, почти как разведчик в тылу врага, пошел на поиски пионерского лагеря «Заря».

Поиски не заняли много времени, поскольку спустившись с шоссе на боковую дорожку, я сразу усмотрел некие причудливые архитектурные изыски. Главное здание, до сих пор затрудняюсь определить, во сколько этажей и какого архитектурного стиля (Ле Корбюзье – отдыхает), представляло собой нечто среднее между океанским лайнером и бунгало где-нибудь в Майами-Бич.

Поиск офиса, как бы мы сейчас сказали, опять же не вызвал трудностей, так как во всей громаде здания горели только два окна. Открыв модно отделанную дверь, я попал в небольшое симпатичное помещение, почти полностью заполненное рослой секретаршей, которая дала бы сто очков вперед нашему ротному пулеметчику Жене Прохиндееву, строча на пишущей машинке с такой скоростью, что я не видел ее пальцев.

– Здравствуйте, – возвестил я самым любезным тоном, на который только был способен, и положил рядом с машинкой плитку шоколада «Мокко».

– Ну, что вы, молодой человек, зачем же, – скромно сказала секретарша, и шоколад исчез где-то в недрах ее стола. – Вы...э...

– К начальнику.

– А-ха, – нараспев сказала большая секретарша, – по вопросу...?

– Трудоустройства...

– А-ха-а, – более нежно сказала она и встала во весь свой гренадерский рост,

от чего мне стало как-то неловко за свою неказистую фигуру достаточно среднего роста, – минутку, – и пропала за соседней дверью. Невнятное бормотанье, дверь открылась, крупная, но должен признать, тем не менее по-своему изящная рука большой барышни сделала приглашающий жест.

Я вошел в такую же небольшую комнату, как и приемная, и увидел товарища примерно 43–45 лет,[2] подтянутого, с выпуклым лбом, но почему-то в больших солнцезащитных очках.[3]

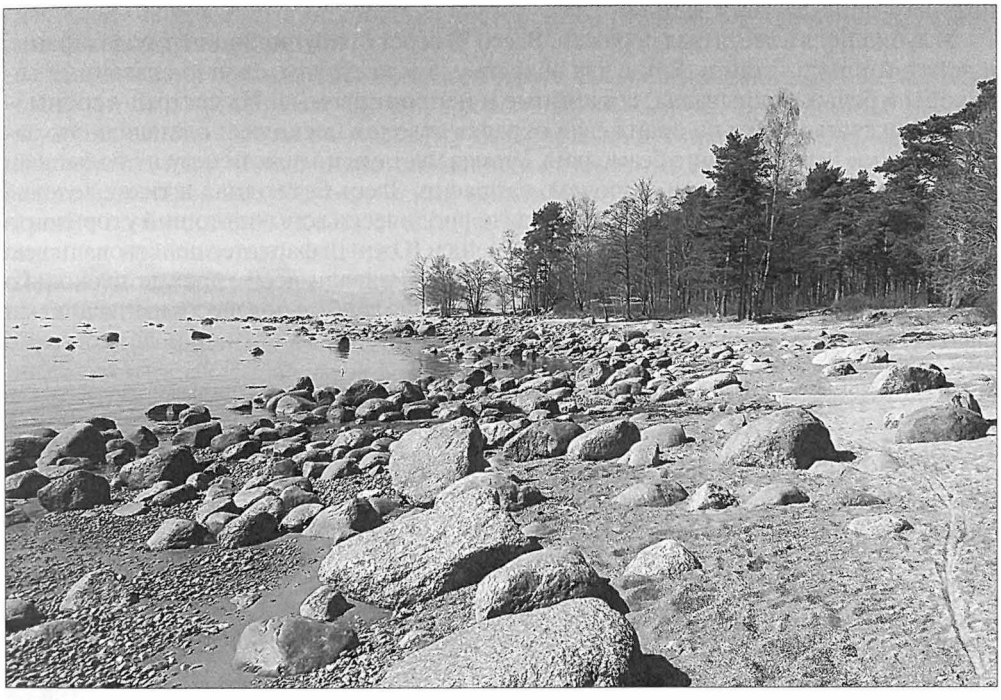
– Проходите, молодой человек, – неожиданно тихим голосом возвестил начальник, – присаживайтесь, прошу Вас.

С кадрами в лагере было туго. Никто не хотел ехать за 70 верст от тогда еще Ленинграда в «дикую тайгу». Посему мое трудоустройство не заняло и пяти минут. Редкость удивительная в те годы.

– Тэк-с, тэк-с, – тихо сказал начальник, – знаете что, а занимайте-ка Вы квартиру 17, – возвестил он, что-то чиркнув карандашом в толстом гроссбухе.

– Э-э, – сказал я.

– Ну, не мотаться же Вам ежедневно за 120 км на работу?



Берег в Метсякюля. На дальнем плане – мыс Лаутаранта. 2016 год. Фото автора

[2] Парусов Евгений Гаврилович. Замечательный человек, говорю это не потому что его уже нет с нами, но потому что действительно замечательный: спокойный и выдержанный. Я ни разу не слышал, чтобы он повысил голос в разговоре с подчиненными.

[3] Как оказалось впоследствии, Евгений Гаврилович предпочитал в зимний период употреблять исключительно коньяк, и не пьянства ради, но согрева организма для. Глаза при этом почему-то краснели, и, будучи человеком крайне деликатного склада, он прятал глаза за стеклами означенных очков, дабы не смущать местную публику. В день моей свадьбы мы с ним приняли по рюмке отличного армянского коньяку. Я предложил принять по второй, но Евгений Гаврилович резко выставил большую ладонь и провозгласил кратко: – Норма! – после чего тепло меня поздравил.

– Это да.

– Вы женаты?

– Пока нет, но собираюсь на следующий год.

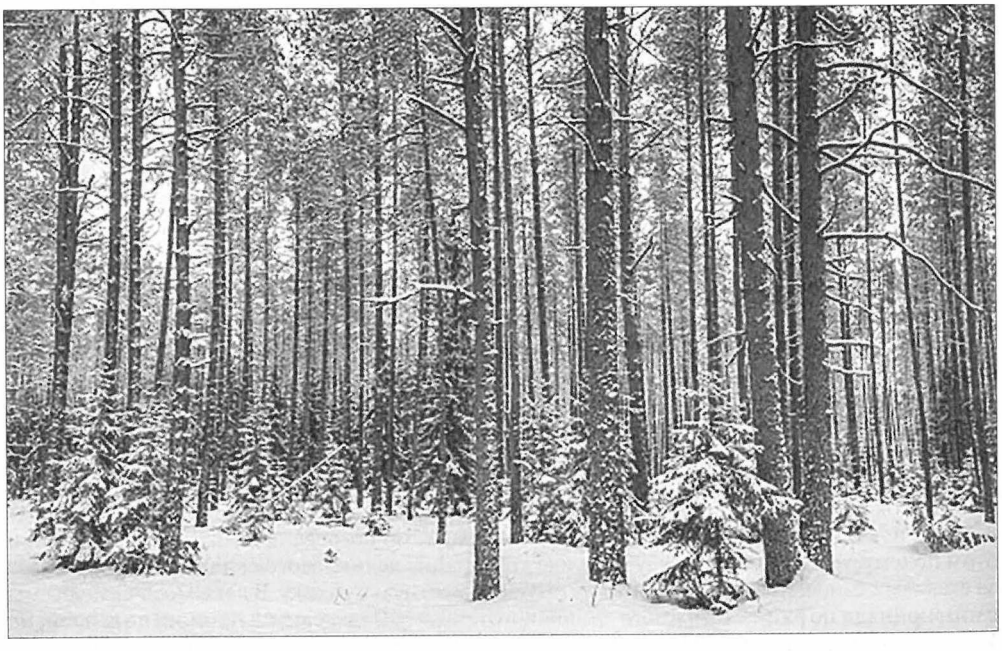
– Тогда только комната в означенной квартире, если жена будет работать у нас, вся квартира за Вами.

Так я оказался в поселке Молодежное, а точнее Метсякюля, что в переводе с финского означало всего лишь «Лесное село» и никакой политики. Почему поселок не переименовали в 1945 году, используя прямой перевод с финского? Затрудняюсь ответить даже сейчас. Тогда, правда, я этого не знал, не силен был в топонимике бывшего финского прибрежья. Теперь я был обеспечен работой и даже жильем. Начальник вручил мне ключ от квартиры и мы вместе пошли к жилому дому персонала (именно так, никаких работников, мы были исключительно персоналом). Он находился в 300 метрах от основных построек комплекса в направлении побережья.

Дом был современный, со всеми удобствами, но всего о двух этажах. Коттедж, а не дом. В квартире было пустовато, но самая необходимая мебель присутствовала.

Выпив чаю у любезного начальника в соседней квартире за номером 18, я отправился прогуляться к заливу.

Углубившись в лес, я был поражен. Всего 70 верст от крупнейшего города страны, и действительно – тайга. Ели в два обхвата у комля стояли, словно сказочные великаны в белых покрывалах, спокойные и непроницаемые. Их сестры – сосны – были под стать, и только оранжевая окраска стволов несколько оживляла это заколдованное царство белого безмолвия. Утопая местами по пояс в снегу, я с большими трудами выбрался на залив, впрочем, напрасно. Здесь безлюдная и тихая ледовая равнина навевала тоску. Ее покой нарушал периодически вспыхивающий у горизонта огонь Толбухина маяка – Красногорский рейд и Южный фарватер действовали всю зиму, да цепочка далеких огней Кронштадта придавали всей картине несколько обжитой вид, но и только. Покосившиеся пляжные грибки под высокими шапками снега, утонувшие в причудливо наметенных ветром сугробах скамейки, да несколько



Зимняя «тайга» в Метсякюля. 1984 год. Фото автора

крыш флигелей соседнего лагеря говорили – сезон праздности давно закончился. Тишина. Жуткая. Зимняя. Даже собаки не лаяли, а шум автомобилей на шоссе сюда не доносился вовсе. Я чувствовал себя первопроходцем на чужой планете. Забавно. Всего через год все эти «инопланетные» окрестности станут моим настоящим домом.

Финская малина

Через несколько дней я перевез свой нехитрый скарб на старенькой «буханке» отца и за один вечер оборудовал скудное гнездо в квартире № 17 в доме без номера. Первую ночь я проворочался в полупровалах к товарищу Морфею. Плохо спалось на новом месте. Но привык к жилью, а надо отметить – более чем сносному, быстро.

Зима нового года пролетела в хлопотах по оформительскому хозяйству. Стены были голые, в помещениях для детей не было даже махонькой гравюрки. Работы хватало, и мне было не до красот окрестных пейзажей и краеведческих походов. Весна добавила работ и по благоустройству территории лагеря, что, правда, улучшило мое финансовое положение. По садово-парковым изыскам усиленно помогала молодая жена. Лагерь из стройплощадки постепенно превращался в детскую здравницу, как говорили в те времена.

Для писания пейзажей оставались вечера, а для обследования живописных окрестностей был приобретен большой дорожный велосипед. В обеденный перерыв я ударял велопробегом по местному бездорожью, добираясь в соседнее селение Лаутаранта, ныне Смолячково, дабы найти интересные места для этюдов. В Лаутаранте находился микроскопический магазинчик, единственный, где можно было купить пачку сигарет «Космос» в твердой пачке. Почему-то этот сорт сигарет отличался повышенным качеством. Да-да, элитный «Космос» за 60 копеек пачка. Дорого, но лучше чем душиться какой-нибудь «Примой».

Комиссия РОНО 30 мая благополучно приняла лагерь и наступила шумная пора. Ор стоял целый день, детишки сизого оттенка от затяжной питерской зимы оживали на глазах и их захлестывала эйфория невиданного простора.

Признаться, ор этот надоел мне очень быстро, а поскольку с открытием первой смены у меня появилось больше свободного времени, мы с женой решили расширить познания о местных, весьма скромных, но, тем не менее, интересных достопримечательностях.

Сначала было тщательно осмотрено побережье, но изыскательские работы были грубо оборваны матерным окриком часового и свежей колючей проволокой, а на столбиках ограды через каждые 50 метров висела табличка с текстом не самого приятного содержания:

> СТОЙ!
> ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА!
> Стреляю без предупреждения!

Я знал, что где-то здесь, в окрестных лесах прячется старый русский форт, но не ожидал, что его территория так тщательно охраняется. Я многого тогда не знал.

Ну что ж. Не судьба прикоснуться к камням старого форта, как мне показалось тогда. Помог случай, но об этом отдельный рассказ впереди. Один раз я умудрился проникнуть на форт совершенно нелегально, в 1979 году. Но обстоятельно осмотреть сооружения форта тогда, естественно, не удалось. Жена забралась на багажник и мы мирно покатили в обратном направлении по живописному шоссе.

Подъезжая к поселку, давшему нам дом, жена указала мне на боковую дорожку, пропадающую далее в густых елях. Я, не раздумывая, повернул велосипед в этом направлении и вскоре мы попали почти в сумерки – так плотно росли ели. Но

«Метсякюльная тайга». 2013 год

То ли большой ручей, то ли маленькая речушка Мется (Metsävirta), тихо течет в «Карельской тайге». 2016 год. Фото автора

в конце дорожка выбегала на открытое место и упиралась в бугор с довольно резким подъемом. Пришлось покинуть уютную «Украину» и далее двигаться пешком. На вершине бугра стояло несколько стандартных пятиэтажек, существенно искажая пасторальную картину окрестностей. Это было так называемое верхнее Молодежное, но чаще местное народонаселение на вопрос, где живешь, отвечало – на Горке. Подразумевая написание именно так – с прописной буквы.

Миновав дома, мы спустились в балку, где бодро журчал коричневой торфяной водой ручей Метсяоя, давший название поселению. Балка сильно заросла лесом и кустарником. Но поднявшись на ее другой берег, перейдя ручей по заботливо уложенным бревнам, мы оказались на просторной равнине, расположенной на довольно приличной высоте, если считать от уровня моря – не Кавказ, конечно... Ну, у них свои горы, а у нас свои... пригорки при отсутствии гор.

Ладно, будем скромнее, и назовем равнину проще – поле на возвышенности. Леса здесь не было, но только одиноко стоящие деревья и группы кустарников. Слева чернел настоящий бор, а за полем продолжался густой еловый лес. Позднее я для себя определил, что поле это, конечно, искусственного происхождение и появилось в результате невероятно сложного труда не одного поколения финских землепашцев. Влево уходила дорога и виднелся ее поворот. Как я выяснил позднее, дорога вела к бывшей платформе Ваммельйоки – ныне Молодежное.

Кстати, за деревянным навесом платформы начинался даже не лес, но форменная тайга. Причем, светлый лес перемежался таким буреломом, что действительно напоминал тайгу. Лес этот, тянувшийся до самого поселка Сопки, обладал весьма непонятной энергетикой. Именно в светлых частях этого леса казалось, что за тобой постоянно кто-то наблюдает. В более плотных частях леса это ощущение периодически пропадало и при подходе к поселку Сопки исчезало вовсе. Не берусь объяснить этот феномен, но, многократно бывая в этом лесу в поисках брусники (а она

У реки Вамельйоки лес более светлый. 2013 год. Фото автора

там росла совершенно невероятная), черники и грибов, ощущал это странное чувство наблюдения за собой. Жена также соглашалась со мной в этом вопросе и ходила туда только из-за обильных даров северной природы. Интересно и другое. Посетив эти места через много лет, ощущение наблюдения осталось прежним. Впрочем, вернусь к основной теме.

Мое внимание сразу привлекло странное расположение группы елей, и я отправился в том направлении. Жена где-то потерялась, и позднее я обнаружил ее на... плантации малины, но об этом чуть позже.

Выбравшись на самую высокую точку, я обнаружил, что группа елей, высотою по 25–30 м, была посажена таким образом, что получалась стена из деревьев в виде русской литеры «Г», причем за стеной из елей оказался дом, построенный из необычного кирпича серого цвета. При близком рассмотрении структура кирпича походила на прессованную каменную крошку. Дом покоился на фундаменте из тесанных гранитных блоков, уже обстоятельно поросших мхом и лишайником. Осмотревшись, я понял, что искусственно посаженные ели прикрывали дом и двор от северного и северо-западного ветров. Очень практично. Конечно, дом был лишен всех деревянных конструкций и уже давно, но производил необычное впечатление еще и по той причине, что стены его были двойными с промежутком в 10–15 см. Воздушная полость давала возможность лучше удерживать тепло зимой. Пологий спуск от дома в южном направлении был засажен плодовыми деревьями и кустарниками. В основном яблонями и смородиной.

Спустившись к саду, я вдруг усмотрел нечто ярко-красное в высокой траве. В этой заброшенности гордо пламенели великолепные красные садовые лилии. Смотрелись они здесь странно в роли простых, теперь уже полевых цветов.

Пройдя еще несколько десятков метров, я вышел к той самой плантации, что уже упоминалась. Таких посадок обычной, в общем-то, ягоды, мне видеть еще не приходилось. Кусты малины более чем в рост человека были высажены длинными шпалерами. Все кусты были усеяны крупнейшими ягодами, несмотря на отсутствие должного ухода. В одной из шпалер я обнаружил велосипед и жену, собирающую ягоды в полиэтиленовый пакет весьма странным образом, впрочем, объяснимым – три ягоды отправлялись внутрь организма, одна в пакет.

Я присел на замшелый камень, закурил, и мне стало грустно. Какое замечательное место, и какое замечательное хозяйство... было. И все брошено. В полукилометре люди, как полевые мыши, ютились в каменных многоквартирных «норах» на головах друг у друга. А здесь – огромное поле, бывшие финские усадьбы (позднее мы нашли еще несколько домов, но уже в виде одних фундаментов), и все в запустении. Почему бы не поселить людей здесь, а не в панельных «ящиках»?

Женщины, как известно, существа более практичные, и через секунду раздался окрик жены:

– Ну что ты там расселся? Иди, помогай. Тут просто сказочная малина...

Я тяжело вздохнул (не дали пофилософствовать о суетности мира) и отправился рабом на плантацию. Собрав пакет малины, жена вскочила на велосипед и, крикнув мне что-то о дополнительной таре, умчалась в направлении поселка.

Через минут сорок в балке показалось облако пыли, затем на проселочной дорожке появилась супруга на красной «Украине». Дополнительные пакеты были доставлены и я продолжил свой рабский труд. Глядя на жену, лихо обирающую кусты финской малины, я удивлялся, она совершенно не походила на рабыню, и ее прекрасное юное лицо, в обрамлении растрепавшихся золотых волос сияло довольной улыбкой, а прозрачные глаза отражали небо и от того казались синими.

Обратный путь мы совершили по иной дорожке, которая выводила нас по более короткому маршруту прямо к центру поселка – то есть к продмагу. Тяжелогруженый велосипед натужно постанывал всеми сочленениями на бугорках и колдобинах далеко не идеальной проселочной дорожки, а жена что-то пела у меня за спиной о местных красотах.

Вечер дома прошел в изготовлении огромного количества малинового варенья. Женщина что-то говорила о полном обеспечении природным лекарственным средством зимнего периода и о том что я должен быть нем как рыба на предмет найденной плантации, иначе, мол, оберут за день. Ни ягодки не останется.

Только через год мы узнали, что подобных брошенных финнами плантаций в округе хватает.

Я перебирал ягоды, кивал головой и поражался крупности плодов, о вкусе молчу, это была амброзия. Суровая северная земля плодоносила не хуже мягкого юга.

Форт «Ино»

За год окрестности Метсякюля были изучены достаточно подробно. И с бытовой, и с исторической точек зрения. Но осознание того, что всего в семи километрах от дома находится интереснейший объект фортификации старой России, не давал полноценно отдаваться в объятия Морфея.

Следующим летом я решил совершить преступление и подвергнуться риску быть расстрелянным. Нужна была разведка, не боем, конечно, но с аккуратным осмотром прилегающих к форту окрестностей. Где-то должна быть лазейка. Хорошо помня по армейской бытности изъяны караульной службы, я надеялся на подобную лазейку.

Но сначала была проведена подготовительная работа с местным населением. Неоценимую услугу мне оказала женщина преклонных лет, которая дополняла свою скромную пенсию заработком у нас в лагере в качестве ночного сторожа.

Зайдя как-то вечером в «бендежку» (так у нас почему-то называли помещение сторожей), я обнаружил бдительную Наталию Алексеевну. Маленькая, сухонькая бабулька обдала меня холодом пронзительных голубых глаз и вопросила нечто о причине моего визита, да еще и с тортом, купленным в продмаге на «Горке».

Фотографировать башенную батарею сегодня и панорамно очень сложно, поскольку она сильно заросла лесом. На данном фото – левый фланг батареи с подпорной стеной и декоративной тумбой. 2015 год. Фото автора

Я нагло начал плести о скучности вечера, убытии жены навестить матушку в Ленинграде, полнейшем одиночестве и совершенной невозможности провести вечер в оном.

Алексеевна потеплела лицом и пошла ставить чайник, но при том предложила мне обмен на ее рассказ о местных исторических событиях за последние 40 лет, а именно – сегодня ночью я буду совершать обходы территории на предмет изъятия воров и пьяных бродяг, а она будет спать в «бендежке». Я категорически и с радостью согласился, поскольку был молод, бодр и обладал красной «Украиной», на коей совершать надо будет не обход, а объезд вверенной мне территории, пускай и одну ночь.

Беседа затянулась надолго. Выяснив все подробности штурма Метсякюля войсками Красной Армии в 1944 году, а надо пояснить – Алексеевна в тот год была маленькой симпатичной и очень молоденькой медсестрой в составе штурмующих частей (смотрел ее фронтовой альбом), я плавно перевел разговор на интересующий меня объект. Бабулька сразу пояснила:

– Э-э, милый мой, не знаю. Я здесь после 1944 года осела, так и живу. Про форт тебе надо у Михалыча спрашивать. Он там после войны служил.

Михалыч – это наш плотник. Престарелый любитель огненной воды, как выражался местный инженер Толик Кирин.

Ну что ж. Ниточка дознания потянулась и это радовало. Я добросовестно охранял территорию всю ночь, затем пару часиков «плющил хар...», ну, скажем так – «лицо» (когда же я избавлюсь от армейского жаргона?), а затем отправился на «Горку» за порцией огненной воды.

Тщательный анализ продуктов винно-водочного отдела показал, что видов «воды» всего два – «Пшеничная» (хм, дорого при окладе 95 рублей) и «Русская». Вот она, родимая, и была приобретена, аккуратно запеленована в большое количество крафт-бумаги и доставлена на велосипеде по назначению. Назначением была мастерская Михалыча в Хозблоке (только так, с большой буквы), ибо Хозблок был местом почетным. Все ремонтно-квартирно-бытовые вопросы решались местной публикой именно здесь.

В мастерской было тихо и темно, но слышался где-то храп. Я повернул пимпочку гермовыключателя и усмотрел такую картину: Михалыч, укутавшись в два ватника, мирно почивал на верстаке.

– Михалыч! – громко воскликнул я.

– У! – быстро проснулся Михалыч.

– Освежиться, не желаешь? – постучал я ногтем по невзрачной бутылке.

– Ха-а, – сказал Михалыч и полез куда-то за верстак. К моему удивлению, там стоял бочонок, как оказалось, с хрусткими солеными корнишонами.

Плотник с невероятной скоростью собрал немудреный стол – корнишоны, хлеб, видавший виды, как ни странно – ветчина, большая луковица и еще какая-то зелень.

– Откупоривай, – как-то очень смачно провозгласил Михалыч, масляным взглядом поедая бутылку, и изъял из-под верстака удивительно чистые граненые стаканы.

Мы выпили и закусили, а Михалыч вопросил:

– Проблема?

Я пояснил суть вопроса. Михалыч удивился, и его глаза подернулись ностальгической пеленой.

– Наливай.

Я налил, плотник принял огненной воды, крякнул, закусил и в деталях пояснил, как мне попасть на объект и не получить пулю.

– Зачем тебе? – поинтересовался Михалыч.

– Историей русской фортификации интересуюсь. Слабость у меня такая имеется.

– Ну, тогда наливай...

Следующим днем велосипед был подвергнут тщательному осмотру. Все гайки и болты были подтянуты. Втулки смазаны – никаких скрипов.

Вид с самолета на башенную батарею форта «Ино». Фото П.С. Сапунова

Семь километров отличного шоссе для велосипеда не расстояние. Первая неприятность поджидала меня за поворотом дороги, как только я миновал поселок Приветнинское, он же – Инонкюля. На шоссе стоял пограничный пост и все автомобили и рейсовые автобусы тщательнейшим образом досматривались. Не скажу, что там проводился личный досмотр, но в остальном подробно.

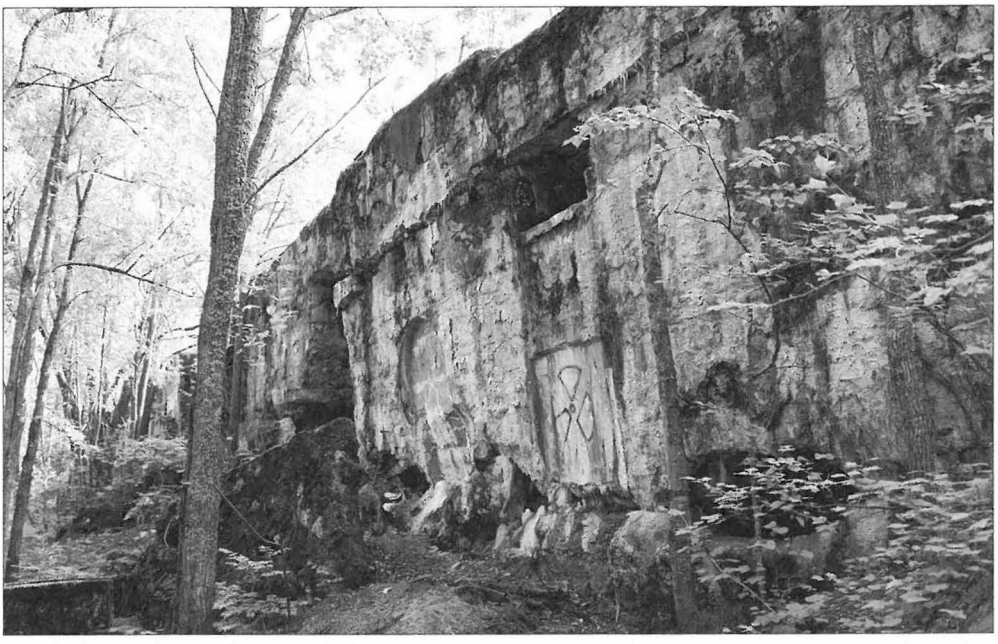
Я подкатил к посту и машинально отметил, посмотрев на двух солдат, – «черпаки»,[4] с этими не договориться. Развернул велосипед и свернул на шоссе, уходящее в поселок, поскольку слева от главного шоссе мне было бы не проехать из-за военного городка. Оставалось только попытать счастья со стороны железной дороги Зеленогорск – Приморск.

Добравшись до перекрестка, я спешился и отправился по шпалам. «Оно самое», – подумал я, усмотрев на рельсах выбитый год – 1915. Пройдя примерно метров 300, слева от дороги я увидел привычно-подозрительный холмик, поросший лесом. Под холмиком оказалась массивная бетонная постройка, частично взорванная. Уже позднее, работая в архиве, я узнал, что это были останки пехотного убежища опорного пункта № 10 сухопутной обороны форта «Ино».

Велосипед в лесу штука лишняя и, недолго думая, я спрятал ярко-демаскирующую «Украину» в бетонное убежище, благо основные его казематы сохранились. Сориентировавшись на местности, я понял, что давно миновал погранпост, и отправился на шум шоссе – его надо было миновать незамеченным.

Выйдя к шоссе, я замаскировался кустом можжевельника и осмотрел диспозицию. Диспозиция была такая: на противоположном краю шоссе тянулся сплошной

[4] «Черпак» – армейский жаргон. Так обозначали солдата, прослужившего год, уже несколько расслабившегося и привыкшего к службе, но, тем не менее, строго исполнявшего устав. О нелегальном проникновении сквозь пост в этом случае не могло быть и речи.



Фасад башенной батареи форта «Ино», а если быть точным – то, что от него осталось. 2007 год. Фото автора

ряд колючей проволоки с неприятными красно-угрожающими табличками. Как заправский партизан, я подобно молнии (ха-ха) метнулся через шоссе и плюхнулся в сочный черничник. Можно, конечно, применить другой образ – подобно кобре совершил бросок..., нет, на кобру я явно не тяну. Ладно, суть не в том.

По-пластунски преодолел расстояние от кромки шоссе до колючки, и в том же ящерообразном (или коброобразном... нет, опять не то, у них нет конечностей, у меня, как вы понимаете, они есть до сих пор) состоянии проследовал далее вдоль колючей проволоки. Моей главной целью являлась башенная батарея – наиболее интересный объект форта.

Примерно через сто метров пластунского маршрута, неудобство которого скрашивало наличие могучих ягод (видимо радиоактивных) черники, буквально лезших автоматически в рот, мне попалось приятное повреждение колючей проволоки в виде отверстия в ржавых и частично оборванных концах колючки.[5] Туда я и нырнул.

Оказавшись на запретной территории, я принял нормальное прямоходящее положение, памятуя, что часовой будет ходить по периметру и вглубь не пойдет в нарушение устава караульной службы. Короткими перебежками я добрался до нескольких бетонных убежищ и сквозь стволы, листву и пушистые кисточки сосновых иголок усмотрел некое массивно-приземистое длинное сооружение. Сердце волнительно заколотилось.

– Она, твою мать, – шепотом выругался я и бегом бросился к массиву. Недолго думая, я нырнул в проход на левом крыле башенной батареи, краем глаза отметив с сожалением, что батарея так основательно взорвана.

Осмотрев внутренние помещения батареи, я поразился не только размерами казематов, но и запутанностью помещений, за счет причудливого нагромождения

[5] Как выяснилось позднее, радиоактивность там действительно имелась, но это отдельный разговор.

бетонных глыб после взрыва. Старый добрый герметичный «фортификационный» фонарь «Маяк» (цена 3 руб. 50 коп., постройки 1977 года, с клеймом – «Сделано в СССР», это вам не «Made in China» на два раза работы) здорово меня выручал, особенно когда я нашел проход в нижний ярус батареи.

Время словно остановилось. Я судорожно делал наброски внутренних помещений (кто же знал, что в конце года я окажусь в архиве и буду в нежной тишине читального зала любоваться прекрасными цветными чертежами форта «Ино»).

Выбравшись на верхнюю площадку батареи через башенный колодец, я услышал голоса. Опять же по-пластунски выбрался к кромке бетонного массива и выглянул за нее. Передо мной как на ладони открылась картина армейского гаража.

– Вова, тихо валим отсюда, – сам себе сказал я и проделал обратный маршрут в начинавшихся сумерках.

Дорога домой, как известно, короче. Но меня снедала досада. Ведь это только одна батарея осмотрена более-менее подробно. А там, я обернулся на чернеющий за спиной лес, остались, не изучены еще пять не менее интересных батарей.

Дома я привел наброски в порядок и составил на их основе схему батареи, решив далее действовать официальным путем.

В следующее воскресение я подкатил не к погранпосту, а к КПП воинской части не сильно надеясь на успех предприятия. Как оказалось, это была не совсем воинская часть, а летняя учебная база военно-инженерного училища. Поэтому на КПП дежурили двое курсантов.

Обратившись к курсантам с вопросом, как можно осмотреть экспозицию, посвященную форту «Ино» на территории базы (факт наличия экспозиции я выяснил у нашего инженера), получил ответ, что только через командира части полковника Прямицкого. Второй вопрос о местопребывании означенного офицера был предвосхищен одним из курсантов, мол, полковник «уехал по службе, но вскоре должен вернуться и Вы сможете с ним переговорить».

Примерно через час к КПП подкатил армейский УАЗ и я доложил по всей форме полковнику о сути своего визита.

Полковник С.Д. Прямицкий, придирчиво осмотрев меня и мои эскизы, снисходительно улыбнулся и обратился к одному из курсантов:

– Товарищ курсант, проводите товарища...

Я горячо поблагодарил полковника и, волнуясь, отправился по главной аллее базы. У клуба располагались несколько больших щитов, на которых размещались копии архивных чертежей с подробнейшим показанием всех тонкостей и деталей старого форта.

– Можно срисовать? – обратился я к курсанту.

Он кивнул, явно скучая. Постояв еще минут пять, он выдал мне самые точные инструкции о нахождении на территории и отправился восвояси.

Окончив копировать чертежи, я с видом праздного обывателя стал, не спеша, смещаться в интересующем меня направлении – 6-дм и 11-дм батарей.

Исчезнув из поля зрения местной военной публики, я прибавил оборотов и углубился в плотный сосновый лес. Метров через триста появилась она, родимая, самая левофланговая батарея Канэ. «Провалившись» в недра батареи, я перевел дух и принялся осматривать вожделенное. Времени у меня было немного, а на КПП стояла улика в виде красной «Украины», могли хватиться – куда, мол, делся исследователь.

Следующая, 11-дм, батарея не заняла много времени, поскольку от нее осталось немного – пара двориков на правом фланге, все остальное было повреждено взрывом 1918 года и частично засыпано грунтом пулеулавливателя местного курсантского стрельбища. Но оставались еще три батареи и я рискнул продвинуться несколько в западном направлении. Меня ожидало разочарование. Лес был полностью перегорожен двумя рядами колючей проволоки, а из-за невысоких молодых сосенок выглядывали до боли знакомые ракеты. Начавшуюся ностальгию прервал грубый окрик:

– Че надо?

Я усмотрел молодого бойца с «Калашом» наперевес, стоящего между колючек.

– Не по уставу, товарищ «шнурок»,[6] не по уставу. Надо вопрошать – Стой, кто идет...ну и далее...по уставу...

– Че?

– ...через плечо и на охоту... – я повернулся в досаде и отправился к КПП. Не видать мне батарей. Но я ошибался...

Примерно через месяц я решил поиграть в «чайника». Добравшись на велосипеде до известного КПП, я свернул в сторону залива и был вознагражден. С 1979 года, когда мне удалось нелегально проникнуть на территорию форта, ограду, выходящую к урезу воды, так и не починили – столбики с ржавой колючкой лежали в мутных водах залива.

Велосипед был аккуратно перенесен через опасное место, и по плотному сырому песку я покатил вдоль берега с озабоченным видом сугубо местного жителя из военного городка, где гражданских хватало.

Укатил я не очень далеко и на первом же повороте асфальтированной дорожки военного городка меня остановил курсант в звании старшего сержанта:

– Э... товарищ, Вы что тут делаете? Не положено...

– Да понимаете, – с нагло-простодушной физиономией возвестил я, – вот, заблудился, ищу домик полковника Прямицкого.

Фамилия начальника произвела потрясающий эффект. Сержант подобрался, судорожно сглотнул, встал по стойке «смирно» и рука его невольно потянулась к голове, но он вовремя спохватился и той же рукой показал в нужном направлении, вернее сказать, совсем мне не нужном. Но я, поблагодарив, отправился по маршруту. Используя фамилию начальника как пароль, я благополучно добрался до вожделенных батарей и с облегчением вздохнув, провалился с удовольствием в прохладу погребов боезапаса.

Завершив съемку внутренних помещений означенных батарей, я решил совершить совсем уж наглый поступок и берегом залива миновать войсковую часть, наиболее охраняемую – ракетную. Данное мероприятие прошло без приключений, поскольку я развил невероятную велосипедную скорость, достойную пометы в книге рекордов Гиннеса, по прибрежной дорожке.

Далее шла территория военного института, где имелся обширный гражданский поселок, и режим расстрела без предупреждений был более мягок. Кроме того, понятно, где легче всего спрятать иголку... нет-нет, не в стоге сена, а в компании таких же иголок. Это я к тому, что среди гражданского населения указанного поселка мне было проще всего затеряться.

Мой маршрут лежал к еще одной интереснейшей батарее – 12-дм открытой. Подобравшись к оной, я с прискорбием обнаружил, что она весьма плотно окутана свежайшей колючей проволокой, матово и зловеще поблескивающей в лучах вечернего солнца. Но тут вмешался его величество случай. Я уселся на ствол упавшей сосны перекурить досаду и мужественно пережить неудачу. Мимо меня с отвратительным треском промчался юный мотоциклист на разбитом «Восходе», но вскоре, к моему удивлению, мотоциклист вернулся. Им оказался парнишка лет 17–18. Он явно представлял себя будущим победителем на каких-нибудь ралли типа Париж – Дакар, и разбитной походкой подошел ко мне, процедив при этом:

– Эта-а, закурить чиво есть?

Я молча протянул ему пачку «Космоса». Усмотрев курево, парнишка лишился хамоватости и более деликатно поинтересовался моим плохим настроением:

– Че грустим-та, в натуре?

---

[6] Боец, отслуживший полгода, имел на армейском жаргоне такое странное именование.

Я поделился горем со случайным товарищем, на что он улыбнулся, снисходительно цыкнул сквозь зубы, полюбовался уверенным полетом продукта собственных слюнных желез и обронил:

– Ха, хрень какая, счас мигом будем на месте.... Вот тока мотик пристрою...

«Мотик» был надежно укрыт в зарослях папоротника и мы отправились к батарее. Парнишка подсобрался и принял вид актера А. Кайдановского из фильма «Сталкер». Получалось у него не очень профессионально, но суть вопроса заключалась вовсе не в этом.

Подобравшись к валу батареи, мой проводник громким шепотом дал приказ упасть в траву и далее передвигаться, уподобляясь пресмыкающемуся. Приблизившись к моему уху, сталкер дал краткую инструкцию:

– Слушай сюда. Щас часовой пойдет, лежи мертво. Как пройдет, не дергайся, он еще три раза обернется. А как с бугра спустится, вот к той сосне, пулей, ну ты поял?

Я кивнул и приготовился превратиться в пулю. Далее все прошло, как приказал сталкер, и через несколько минут мы тихо спустились в недра полувзорванной батареи. Ходили недолго, поскольку сталкер все время шипел у меня за спиной:

– Эсли, эта, возьмут за ж..., труба нам, повезут на Литейный...

На Литейный я не хотел, и, сделав еще несколько эскизов, вернулся вместе с провожатым к «мотику».

– Ну, че, давай покурим, – сказал случайный попутчик, заботливо обтирая мотоцикл от пыльцы и прочей зелени. Мы покурили. Попрощались. И больше я никогда не встречался с ним. Даже в суете забыл спросить, как его зовут.

Ну, что ж, картина несколько прояснилась, и я поразился размерам форта. Нет, это был не форт, но крепость. Только через много лет я узнал все подробности случившейся здесь трагедии 14 мая 1918 года.[7]

Ночные цветы

Конечно, воровать – очень плохо, и в Писании сказано: не укради. Но я оступился, о чем, кстати говоря, не жалею. Во-первых, воровал не для себя, во-вторых, узнал интересную историю, почти детективную, связанную с очень красивым домом, которого, увы, более не существует. В-третьих, увидел странную женщину, которая тоже исчезла без следа. Сегодня мне кажется, что не привиделась ли мне тогда, в теплую августовскую ночь 1985 года, женщина в синем халате и с узлом золотисто-рыжих волос на затылке. А через много лет, именно здесь, в санатории «Черная Речка», меня «вытащили из гроба» такие же женщины – спокойные внешне, бурлящие внутри, и удивительно непостижимые.

Работая по совместительству садовником в упомянутом выше пионерском лагере, как-то заехал к токарю санатория «Черная речка». Токарь был высокого класса и помог мне выточить втулки сложной формы для щитов, украсивших впоследствии линейку лагеря. Интереса ради, а был я в санатории в первый раз, решил осмотреть территорию, которая оказалась очень красивой. Берег плавно сбегал к заливу. Местность представляла собой нечто вроде пейзажного английского парка: вековые ели и сосны только лишь говорили – это далеко не Альбион, а северная красота Карельского перешейка. Но более всего меня поразило здание администрации санатория – английский коттедж, да и только. Двухэтажный особняк с высокой башней, затрудняюсь с определением вкуса, в котором была построена эта явная дача начала

[7] В 2009 году «Издательский центр «ОСТРОВ» выпустил книгу В.Ф. Ткаченко «Форт "Ино". Строительство, Служба. Уничтожение». В настоящее время готовится к печати второе издание, значительно дополненное. Прим. ред.

Исчезнувший дом. 1986 год. Фото автора

XX века (скорее всего – модерн, но с сильным английским привкусом). Тогда я не знал об этом доме ничего, но помогли ворованные цветы. На обратном пути у старого корпуса санатория (1952 года постройки) я усмотрел совершенно потрясающей красоты ирисы: верхние лепестки белые, а нижние – лилово-сиреневые.

Как раз в этот период я сделал две горки в нашем лагере, украшенные диким камнем, папоротником, вереском, мхом и ирисами. Садовый бородатый (германский) ирис цветет в начале июня; корневища можно выкопать только после периода цветения, и лучше всего в августе. Так я и сделал. Ночью, примерно около 2 часов, прибыл на красной «Украине» на территорию санатория, и принялся аккуратно выкапывать самое крайнее корневище. Срез у оставшегося в земле корневища я обработал толченным древесным углем, что уберегло бы его от порчи.

Закончив процесс, я собирался, уже было, убыть восвояси, но...

– Интересно, чем Вы обработали срез? – раздался за спиной приятный женский голос.

Признаться, я чуть не свалился с велосипеда от неожиданности. Обернувшись на голос, я усмотрел женщину лет сорока с небольшим в синем рабочем халате.

– Углем... – машинально провозгласил я.

– Зачем вам корневище ириса, молодой человек? – поинтересовалась женщина.

– Посажу у нас в лагере, на горке...

– А-а, понятно, ночной вор-садовник...

– Извините, но красота, – я внимательно посмотрел на женщину, – страшная сила.

– Неужели? – невозмутимо сказала женщина, но даже в свете уличного фонаря было видно, как зарделись ее щеки.

– Послушайте, добрая ночная фея, – совсем уж обнаглел я до крайности, – давайте решим этот вопрос миром, и завтра я привезу Вам взамен корневище белого или голубого ириса. Они очень красивы, с Вашей красотой, конечно, не сравнить, но они доставлены мною из Крыма в прошлом году и цветут удивительно приятно глазу.

Женщина подошла ближе и внимательно меня рассмотрела.

– Странно, молодой парень и занимается цветами, – промолвила она и жестом пригласила в дом, который так меня заинтриговал.

– Ирисы – моя слабость с детства. Вы когда-нибудь ощущали, какой у них тонкий и нежный аромат? – спросил я у женщины, когда уже вошел в боковую дверь старинной дачи. Потолок комнаты, в которую мы вошли, напоминал подволок деревянной яхты, а стены были убраны в красивые деревянные панели.

– А разве они пахнут?

– В солнечный день, разогретые солнцем, ирисы издают почти незаметный аромат, чем-то напоминая фиалку. Надо только приблизиться к ним как можно ближе...

– Чай будете? – спросила странная женщина, сверкнув зелеными глазами, и добавила: – я обязательно попробую этот аромат, но теперь уже на будущий год.

Когда мы выпили чай, она сказала: – Привезите белый. А сейчас выметайтесь, и чтобы больше я Вас здесь ночью не видела.

– Я хотел спросить о доме, он...

– Завтра, и в нормальное время, доброй ночи...

Главный корпус санатория «Черная Речка». Справа клумба, где я украл корневище ириса, а потом посадил белый ирис туда же. Дорожка, на которой я беседовал с незнакомкой. 2016 год. Фото автора

Несолоно хлебавши, в историческом контексте, конечно, я оседлал красную «Украину» и отправился обратно. А следует отметить, тогда меня очень интересовали местные дачи постройки 1910-х годов, что было связано с увлечением стилем модерн, и не только в архитектуре.

Прибыв на следующий день в санаторий, примерно к 18.00, то есть к окончанию рабочего дня, я постучал в знакомую дверь. Навстречу вышла полная дама, не имеющая ничего общего с моей ночной знакомой.

– Что Вы хотели, молодой человек?

– Я привез корневище ириса, как и обещал... но...э-э, а где женщина...

– Какая еще женщина? И какое корневище? Что вы мне голову морочите!

Я рассказал о моем недостойном ночном поведении и о собеседнице, которая меня так ловко поймала.

– Послушайте, сажайте Ваше корневище и идите прочь, пока я не сообщила в администрацию, – была непреклонна дама. – А то и вовсе вызову милицию. Что вы делаете на закрытой территории медицинского учреждения? – возвысила голос полная дама и уперла руки в крутые бока.

– Может быть, Вы мне подскажете, чей это был раньше дом, – я указал на здание причудливой архитектуры.

– Понятия не имею...

– Спасибо...

– Не за что, и прочь отсюда, – дама от души хлопнула дверью. Я посадил корневище белого ириса и опять, несолоно хлебавши, отправился в обратном направлении. Выручил меня Михалыч – не человек, а ходячая энциклопедия по местным достопримечательностям. На «Горке» я купил чекушку[8] и заехал в почетную мастерскую. Михалыч что-то точил железное, зажатое в тисках. Усмотрев чекушку, он заметно взбодрился, выкушал напиток и хрустко закусил его неизменным корнишоном.

– Проблема?

– Михалыч, ты же работал в «Черной Речке»...

– Было дело...

– А чей там дом? Деревянный и...

– Народонаселение, – перебил меня мастер на все руки, – считает, что купца Воронина. Но, малец, слушай сюда (конечно, для Михалыча я был «мальцом», поскольку ему было хорошо за 70). У Воронина был магазинчик у дороги, а далее, ближе к заливу, стояла дача генерала Рейнбота. Вот народец хозяев и попутал. Хотя, утверждать не стану. Но может быть, этот Воронин дачу сдавал, кто его знает. Я в тонкости не вникал. Да и какая разница тебе, какой буржуй владел домом?

– Собственно, никакой, но откуда ты все это знаешь?

– В сорок четвертом, я тогда сопливым рядовым высотку брал в Ваммельсуу, ну, сейчас-то Серово. А выше по горке финн жил на хуторе. Старик уже. Все финны-то ушли, а этот остался. Мы у него четыре ночи ночевали, как бугор этот взяли; у финнов там батарея стояла, мешала она нам здорово. А финн тот по-русски говорил хорошо, хоть и с акцентом. Он у генерала истопником работал. А в восемнадцатом генерал помер. Вот он и рассказывал. Он много интересного рассказывал.

– А тебе не встречалась в «Черной Речке» женщина, – я подробно описал внешность ночной незнакомки.

– Ну, малец, это не знаю, как тебе объяснить. Как звать ее не скажу, не знаю потому как. Но когда я работал там, она по хозяйственной части заведовала. Вроде как она немного...э-э... того..., хотя может и врут. В разговоре-то, она вполне нормальная, правда, потом уволилась.

---

[8] Чекушка в современном значении – 0,25 л водки. Первоначально – четушка, дометрическая единица измерения объема жидкости, $^1/_{50}$ ведра или 0,246 л.

Дача купца М.С. Воронина – Рейнбота. Из книги: Травина Е.М., Левошко С.С. Архитекторы Карельского перешейка. СПб. 2016

– Когда?

– Так, я ушел в восемьдесят третьем. Ну, значитца, года два назад и она уволилась. А тебе зачем?

– А-а... так, вроде видал я ее...

– Эк, брат, ты хватил. Я ж тебе говорю, года два как не работает она там. Ладно, некогда мне, – вдруг как-то весь напрягся Михалыч. Я не стал донимать старика и отправился домой.

Но история на этом не закончилась. Попав в санаторий в 2016 году по причине серьезного заболевания, у меня что-то всколыхнулось внутри, ностальгическое и одновременно исторического характера. Почитав краеведческую литературу о Метсякюля, я нашел подтверждения словам Михалыча из далекого теперь 1985 года. Но вот незадача. Попался мне ежегодник Общества архитекторов-художников за 1910 год. Там фотография этого дома и с подписью: «дача М.С. Воронина». Описка-ошибка? А в рассказе Леонида Андреева «Он» описывается этот дом, и как Андреев некоторое время жил в одной из комнат этого дома, и упоминает некоего Нордена, как владельца (?) дома. Местный же краевед, с которым пришлось познакомиться в санатории в 2016 году, пояснил: проще простого – Воронин сдавал дачу генералу Рейнботу. И два вопроса так и остались до сего дня: кому же принадлежал этот дом сразу после постройки в 1910 году. А второй вопрос и задавать неловко, сочтут за..., хм, впрочем, промолчу.

А судьба самого дома сложилась странно. Пережив все войны и революции, он дожил до наших дней. Я был в этом доме, пил чай с неизвестной женщиной, сфотографировал этот дом. А в 1993 году его сожгли. Тогда это было нормой. Так жгли дома в Сестрорецке, Разливе и Курорте. Нет памятника, нет проблемы – покупай участок и строй свой уродливый новорусский коттедж. Самое же забавное, что сожженный, редкой красоты, дом продолжает числиться как памятник архитектуры. Дома нет, осталась только бумажка. Ирисов тоже нет, как оказалось. Кстати,

Каменистый мыс Стирсудден, или по-фински Сейвястёниеми. Причем, финское название – только лишь прямой перевод шведского «стирс» – шест рыбацкого закола и «удд» – мыс с соответствующей флексией. 2006 год. Фото автора

в санаторий я катался на «Украине» многократно, надеясь увидеть еще раз исчезнувшую женщину, но, увы... Расспросы о женщине с золотистым цветом волос ничего не дали. Все исчезло, все кануло в туманную дымку Истории.

Арест на мысу Стирсудден

В моем аресте был виноват всецело наш инженер Толик Кирин. Веселый, обаятельный, порывистый Толик имел один существенный недостаток при наличии массы достоинств. А именно: он мог раз двадцать подряд прослушать «боевик» прежних лет А.Б. Пугачёвой, название которого я нынче не помню. Но там были такие слова: «без меня тебе любимый мой лететь с одним крылом...». Как можно лететь с одним крылом, я до сих пор понять не могу. Впрочем, суть не в этом.

Мы были соседями по жилому дому персонала лагеря, и, придя после работы, Толик мог слушать – «...лететь с одним крылом...» – до самого гимна, еще и подпевать совершенно ужасным голосом. Спасали нас только многочисленные любовницы Толика, к которым он относился очень серьезно и, полагаю, всех искренне любил. Прибытие очередной Клавы или Антонины спасало нас от надрывных воплей подпевалы – воцарялась вожделенная тишина.

Но случилась беда – у Толика сломался магнитофон и его почему-то оставили любовницы. Летел он теперь вообще без крыльев и без музыки. Начинал тихо пить.

Как-то вечером жена отправилась в город навестить матушку, а ко мне в гости напросился Толик. За разговорами на местные краеведческие темы мы не заметили пролетевшее время.

Забравшись в койку около трех часов ночи, я долго не мог уснуть, вспоминая рассказ Толика о мысе Стирсудден, маяке и батарее, по слухам находящейся где-то рядом с маяком. Главная проблема опять заключалась в большой вероятности

расстрела без предупреждения, поскольку окрестности мыса густо покрывали различные в/ч и погранпост в придачу.

Неделю я ходил сосредоточенный до крайности, вынашивая дерзкий план налета на околомаячную местность. Вероятность расстрела, признаться, перевешивал жгучий интерес к батарее. Я уже побывал в архиве к тому времени и мне попались весьма интересные документы, рассказывающие о проекте постройки на указанном мысу 10-дм батареи. Но была ли построена батарея в действительности, мне предстояло выяснить в ближайшее воскресение.

Ранним утром 14 августа 1986 года я залил полный бак... организма свежезаваренным чаем. Красная «Украина» прошла полный регламент еще накануне. Были взяты самые необходимые инструменты исследователя – рабочая тетрадь с набором карандашей, термос с чаем, бутерброды, фонарь электрический и перочинный нож. Зажигалка и пачка «Космоса» в верхнем кармане рубашки. И, естественно, паспорт гражданина еще пока СССР («меченный» только начинал свою деятельность).

Путь предстоял неблизкий – 30 верст в один конец. Рано утром, по прохладце, я отправился. Миновав лесом погранпост, выбрался на шоссе и налег на педали. Дорога шла в прекрасном сосновом лесу, но по пересеченной местности. Подъем в горку вознаграждался тихим беззвучным скоростным спуском и только скорость и движение встречного потока воздуха вышибала из глаз слезу, да свежие покрышки рокотали протектором по асфальту.

У Антола, пардон, Зелёной Рощи, дорога выбегала к морю. Картина была потрясающая. Нежно-голубой залив, оранжевый песок пляжа, крик неугомонных чаек и вкусный запах сосновой смолы. Да, я понимал финнов, почему они так упорно не хотели отдавать эти благодатные места. Автомобили на шоссе попадались до приятности редко, а местное население не встречалось вовсе.

Здесь я устроил небольшой привал, спустившись к морю. Справа в мареве рождавшегося знойного дня таял еще пока далекий мыс Стирсудден. Далеко у горизонта призраком, прямо из воды, вставал купол Морского Собора в Кронштадте. А чуть правее горизонт прочеркнула дымная полоска южного берега. Выкурив сигарету после крышки чая, я оседлал боевого механического коня и продолжил путь.

Далее пошли еще более прекрасные места и перо бессильно передать красоту оных. Увлекшись созерцанием пейзажей, я чуть было не проскочил маяк. Мне представлялось, что он должен стоять на берегу моря, на мощном цоколе из дикого камня. Но маяк стоял довольно далеко от берега, на возвышенности берегового плато. Картина была удручающая – с обеих сторон шоссе тянулась сплошная линия колючей проволоки.

К маяку поднималась каменная дорожка. Я достал копию архивной карты и прикинул место предполагаемой батареи. Получалось, что батарея находилась в самой глубине территории, огороженной колючей проволокой – совсем плохо. Но первая задача заключалась в сокрытии от посторонних глаз велосипеда уж очень демаскирующего ярко-красного цвета.

От маячной дорожки вправо уходила тропинка, пройдя по оной метров 50, я обнаружил развалины сарая. Вот здесь и был закопан, буквально в обломки досок, велосипед. Обходя территорию маяка той же правой стороной, я вышел к поселку. Здесь было проще – играли дети, ходили прохожие, кричали коты и квохтали куры – сельская идиллия, которую я миновал с сосредоточенно-озабоченный видом, придав физиономии сугубо местный вид простоватой задумчивости. Никто на меня не обратил внимания, но появилась проблема. Найти без труда батарею не удастся, поскольку моя карта 1916 года совершенно не соответствовала современному состоянию местности. Нет, конечно, рельеф совпадал, и даже маяк оказался на месте, но все остальное.... И у местных жителей я не мог осведомиться, рискуя вызвать подозрение. Кроме того, меня очень смущал локатор погранпоста, резво вращавшийся на наблюдательной вышке.

Углубившись в лесной массив, и от греха подальше, и от поселка подальше, я уселся на полуразбитый ящик из-под непонятно чего-то военного, и в раздумье закурил. Развернув карту, еще раз просмотрел главные ориентиры, и самый основной – железную дорогу из Яппиля. Именно она позволяла безошибочно выйти к батарее. Мои раздумья прервал звук дизеля и постукивание колес... на стыках рельс.

– Вот оно! – вслух воскликнул я, но не очень громко, и пошел на звук, как я предположил, дрезины. Буквально через минуту я вышел к железнодорожному полотну, а слева усмотрел симпатичную дрезину, стоящую у ворот некоей воинской части. К сожалению, воинская часть имела более чем обжитой вид, а над лесом просматривались наблюдательные вышки и огромное количество каких-то причудливых устройств, сильно напоминающих корабельные локаторы.

– Полный обломиус, – почти по-гречески выругался я и начал применять прежнюю тактику, – огибание местности лесом, и с поиском в заборах приятных глазу отверстий, последствий военной бесхозяйственности.

Примерно через полчаса блужданий по лесу мое сердце радостно забилось – сквозь колючую проволоку и стволы деревьев светлело нечто приятно-родное, бетонное. «Неужто она?» – подумал я, и как мотылек на огонь, совершенно в парализованном состоянии отправился к батарее. Радость моя оказалась преждевременной. Пробравшись через колючую проволоку, я заставил сработать (как выяснилось позднее) некий датчик движения, а бетонная конструкция оказалось исключительно современного происхождения и не имела к артиллерии абсолютно никакого отношения. За спиной раздался жизнеутверждающий возглас:

– На месте стоять, руки на виду держать!

Я медленно обернулся и усмотрел молодого лейтенанта и двух солдат с привычными «калашниковыми». «Не застрелили сразу, уже хлеб...», – промелькнула успокоительная мысль. Офицер отобрал у меня сумку и спокойно вопросил:

– Документы.

Полученный паспорт был тщательно просмотрен от корки до корки.

– Прошу следовать за нами, – был немногословен офицер, и мы оправились в сторону КПП.

Солдат на КПП не удержался от реплики и ехидной улыбки:

– Че, таищ летенант, диверсанта взяли?

– Бекреев, бди службу, ты проспал..., а мы вот...

– Че, бди, видал я его, он папироску курил, так ить не на нашей территории...

Мы проследовали в милый и уютный домик погранпоста, а я даже успел полюбоваться башней маяка, правда уже новой – 1953 года постройки, старая башня 1910 года не сохранилась во время боевых действий 1941–1944 годов.

Меня завели в кабинет, как я понял, начальника поста – приятного капитана в очках в тонкой металлической оправе. Он кивнул мне на стул, а лейтенант вывалил содержимое моей сумки на стол начальника. Тот подробно осмотрел имущество и присвистнул, усмотрев подробнейшую карту 1916 года

– Это архивная копия, товарищ капитан, – заискивающе пояснил я.

– Разберемся.

Но истинное радостное удивление вызвала моя рабочая тетрадь.

– Оп-ля, какие подробности. Хм, вляпались Вы крепенько, тут какая схема чудесная, орудийные дворики, качественно так все отображено...да-а... лет на десять...хм, тянет...

– Как это на десять? Это ж неиспользуемые объекты, так сказать история отечественной фор...

– Ну, как же неиспользуемые? Вот батареи форта «Ино». Территория этого форта – запретная зона.

И здесь меня осенило. Надо звонить Прямицкому. Он офицер, и сможет подтвердить, что я не шпион мирового империализма.

– А здесь, куда Вы влезли в нарушение всех правил, и вовсе сверхсекретный объект.

– Товарищ капитан, послушайте, – и я принялся расспрашивать у него о 10-дм батарее, машинально подсознанием вспоминая телефон Прямицкого.

Капитан откинулся на спинку стула, и удивление на его лице росло с каждой секундой моего рассказа, состоящего из одних вопросов. Тут, понимаешь ли, десять лет светят, а этот, с позволения сказать, историк, продолжает гнуть свое.

Именно моя дотошность убедила капитана, что я не шпион. Затем последовали звонки Прямицкому, в «большой» дом, на работу и родителям.

Примерно через три часа изысканий личность моя была установлена вплоть до пеленочного возраста со всеми ее положительными и отрицательными сторонами.

– Вот, что...э...товарищ Ткаченко, а не пойти ли Вам отсюда к... – начал, было, капитан, выяснив все подробности моего появления на этом свете до пятого колена.

– Я понимаю, товарищ капитан, – ответил я, придав своему голосу максимально возможную виноватость.

– Ну и хорошо. Вот Ваши документы.

– Товарищ капитан, а батарея...

– Твою мать!!! – взорвался долго терпевший занудную персону начальник, – сколько раз говорить, мать ... ..., нет здесь, ни-ка-кой ба-та-реи... пошел вон!!!

– Есть! – по-военному ответил я и вышел вон.

На улице под грибочком курили солдаты. Я отправился к ним. Пачка «Космоса» была мгновенно «расстреляна», но словоохотливые бойцы категорически меня заверили, что на территории погранзоны означенной батареи – не имеется.

– В-о-о-н-н!!! – раздался дикий крик – капитан вышел покурить и усмотрел осточертевшую физиономию в курилке.

Я не стал искушать судьбу и лесочком, полянкой, принялся огибать погранпост теперь уже слева. Боевой конь оказался на месте, смахнув с него древесную труху, я оседлал красную «Украину» и отправился к дому.

Надо признаться, что я страшный зануда, и через 20 лет вернулся на мыс Стирсудден, теперь с другом на его автомобиле. Территория воинской части и погранпоста съежились, словно шагреневая кожа, и я убедился в правдивости слов капитана – батареи не было. На ее месте мне удалось отыскать только четыре сильно затянутые грунтом и поросшие сосной ямы – батарею не успели построить из-за наступившего бурного 1917 года. Представлял я ее только по чертежам архива. Жаль, конечно...

Поселок Метсякюля. «Лесное Село». Сколько благодатных дней было мне подарено этой чудесной стороной елей, сосен, ослепительного моря и золотого песка, старых финских усадеб и хуторов, тайных фортификационных построек и... необычных встреч.

Но, самое главное...жив, остался...не расстреляли...

А.В. Востров

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И ФИНЛЯНДИЯ. ДИАЛОГ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»

Леонид Андреев окончательно переехал в Финляндию в марте 1908 года – в собственную «Виллу Аванс», как он шутливо ее называл (официальное название – «Белая ночь»). Огромный дом на берегу Финского залива близ устья Черной речки (Ваммельсуу, совр. Серово), построенный на взятые вперед деньги за издание собрания сочинений (в 1910–1916 годах опубликованы 17 томов), предопределил последние 11 лет жизни писателя. Спроектированный самим Андреевым в стиле норвежского замка дом построил молодой архитектор А. Оль,[1] будущий муж младшей сестры писателя. Разваливающийся опустелый «замок» был продан за долги и разобран менее чем через два десятилетия, в 1924 году, а часть бревен и красная черепица были использованы при строительстве местной школы.

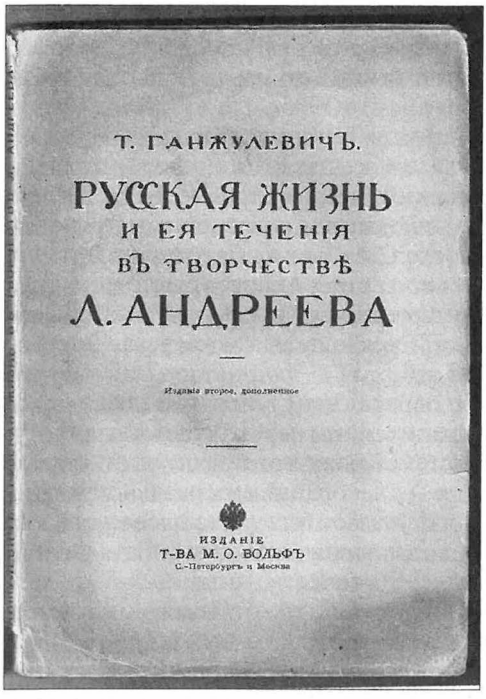
Суровая параллель напрашивается сама собой: так же быстро была развенчана всероссийская слава Л. Андреева, оказавшегося за границей и забытого отечественной литературой после Октябрьской революции.[2] «Один из наиболее характерных представителей буржуазного декадентства» – характеристика, надолго лишившая его читателей на родине. Ставшее классическим (в том числе, школьно-программным), высказывание Л. Толстого «он пугает, а мне не страшно» подчеркивает, как в первый раз знакомились с творчеством Л. Андреева.

Его произведения не издавались около четырех десятилетий, однако в 1920-е годы вышло три публикации, посвященные памяти писателя, умершего в сентябре 1919 года. Первая и самая крупная – «Книга о Леониде Андрееве» (1922 год), в которую вошли воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока, Б. Зайцева... Своеобразным исключением стал «Реквием. Сборник памяти Л. Андреева» (1930 год), так как в него, кроме документальных материалов, вошла одноименная пьеса.

В 1957 году, в период «оттепели», появился однотомник повестей и рассказов, начавший постепенное воскрешение полузабытого автора. Целенаправленные исследования творчества Л. Андреева активизировались в 1970–1990-е годы и были связаны как с отечественными именами (в первую очередь, Л. Иезуитова, В. Беззубов), так и зарубежными (Б. Хеллман, Р. Дэвис); в XXI веке количество исследований лишь увеличивалось. Имя Л. Андреева упоминалось все чаще: в 1991 году был открыт музей в родном Орле, в 2003-м установлена мемориальная доска в Петербурге,

[1] Писатель познакомился с архитектором на даче издателя З. Гржебина в Куоккале.

[2] Фактически Л. Андреев сам способствовал этому, отказавшись сотрудничать с издателем З. Гржебиным и М. Горьким на рубеже 1918–1919 годов. Основными причинами для отказа стали нелегитимность власти и новое правописание.

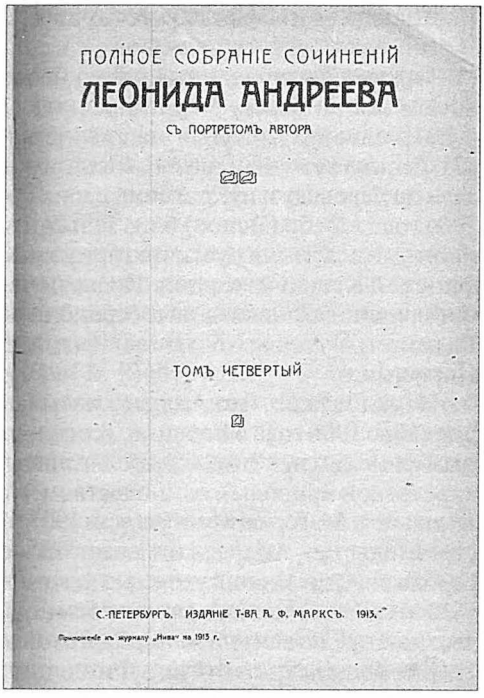

Т. ГАНЖУЛЕВИЧЪ.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ
И ЕЯ ТЕЧЕНІЯ
ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ
Л. АНДРЕЕВА

Изданіе второе, дополненное

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ и Москва

Обложка одной из первых книг, посвященных творчеству Л.Н. Андреева, изданная в 1910 году. Интересно отметить, что это второе издание


ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ. 1913.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1913 г.

Титульный лист четвертого тома «Полного собрания сочинений» Л.Н. Андреева. В этой книге объемом 936 страниц опубликованы еще пятый и шестой тома

в 2013 году был снят фильм «Иуда», спустя год – основан Московский театр его имени, в 2016-м состоялась громкая премьера «Губернатора» в петербуржском БДТ...

Символично, что вторая жизнь андреевского дома указала на будущее произведений писателя, попавших в школьную программу: с 1990-х годов его «Иуда Искариот» стал факультативно изучаться на уроках литературы. Но писатель, тем не менее, остался вдалеке от современного читателя – и как автор, и как персонаж: мало кто может перечислить несколько его произведений, зачастую его путают с сыном Даниилом, а местоположение фундамента дома, до сих пор сохранившегося на территории детского лагеря «Океан» (случайна ли связь с названием пьесы?!) в Серово, лишь в самые последние годы стало известно благодаря усилиям местных краеведов.

Здесь необходимо сделать ремарку – отъезд 1908 года в финскую «глушь и тишину» отдалил Л. Андреева от Петербурга, но не от читателей и литературных столичных кругов, до которых было всего несколько часов пути и которые «перекочевали» в его дом на Черной речке. Лишь вынужденная изоляция последних двух лет жизни, отягощенная Гражданской войной, полностью оторвала писателя от Родины и «прибила» к оказавшемуся чужим финскому берегу.

Финская культура и ландшафт за 11 лет почти постоянного проживания писателя на Карельском перешейке не могли не оказать влияние на образ жизни, социальные контакты, мировоззрение писателя. Однако насколько серьезно они сказалась на творчестве? В этом контексте интересно рассмотреть применимость концепции «своего» и «чужого» при анализе произведений, относящихся к финскому периоду жизни автора. Также необходимо учитывать влияние особой культурной среды Карельского перешейка, сформировавшейся в последней четверти XIX – начале XX веков. И, несомненно, масштабных перемен в Российской империи и Финляндии, вызванных революциями и Первой мировой войной.

Л. Андреев и «эффект русских дачников»

Андреев посещал Финляндию неоднократно задолго до марта 1908 года, когда поселился на берегу Черной речки.[3] Он провел лето 1905 года на съемной даче в Ваммельсуу, выступал на творческих вечерах в Териоки, бывал на «средах» у И. Репина в его знаменитых «Пенатах» в Куоккале, посещал Гельсингфорс, устраивая дела по переводу и публикаций своих произведений,[4] давал интервью. Проводя лето 1906 года в Эсбо (Эспоо) близ Гельсингфорса, он оказался вовлеченным в революционные волнения русского гарнизона крепости Свеаборг и выступил на митинге финской Красной гвардии. После подавления восстания Андреев быстро покинул Финляндию, оставив на даче беременную жену Александру Михайловну с маленьким Вадимом, ненадолго остановился в безопасном Стокгольме, а затем уехал на север Норвегии.

Немаловажно, что Андреев называл свою первую жену, умершую после родов в декабре 1906 года в Берлине, «сосенкой на граните», что перекликается с привычным финским пейзажем. Эта аллюзия проявляется сильнее в отождествлении скупой карельской природы с одиночеством, а позднее – с декорациями к реальной жизни. В письме к М. Горькому от августа 1907 года, когда участок был уже куплен и началось строительство, Андреев отмечает: «Ты знаешь мое давнишнее мечтание – уйти из города совсем. И вот я ухожу из него – в глушь, в одиночество, в снега...».[5] Это лето 1907 года писатель провел на съемной даче в Куоккале, где отдыхали многие известные представители петербургской культурной жизни.

В те годы летний отдых в Финляндии считался модным и недорогим, чему способствовали близкий к природе финский крестьянский быт, близость Карельского перешейка к столице, наличие железной дороги, законченной в 1870 году и связавшей Петербург с Гельсингфорсом. Перед Первой мировой войной численность отдыхающих на Карельском перешейке превышала 100 тысяч человек, а дачникам принадлежало около 5000 домов.[6] Хотя Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи, его автономный статус предполагал наличие границы с особыми таможенными правилами, собственной полиции, валюты... и официальных языков – традиционного шведского и народного финского. Русский язык, несмотря на все попытки правительства Николая II, фактически не стал административным из-за революций и Первой мировой войны, а также активного сопротивления финляндцев и части русской интеллигенции.

Кроме географического, экономического, природного факторов, немаловажным аспектом популярности дачного отдыха стали знаменитые дачники: И. Репин, М. Горький, К. Чуковский, В. Мейерхольд, В. Стасов, Ф. Шаляпин, Н. Рерих...

---

[3] Здесь, конечно, напрашивается параллель с А. Пушкиным. Только Андреев «вызвал на дуэль» всю новую Советскую Россию и был морально уничтожен происходившими на Родине переменами (следствием стала преждевременная смерть). Иллюстрацией «вызова» стали статьи «S.O.S.», «Veni Creator!», «Европа в опасности».

[4] Первые переводы произведений Андреева в Финляндии состоялись в 1903 году (на финский и шведский языки), первый сборник рассказов вышел осенью 1905 года незадолго до публикации финских и шведских переводов «Красного смеха». Популярность Андреева достигла пика в 1908 году; в дальнейшем в 1910–1920-е годы финскими театрами были востребованы некоторые его пьесы. Подробнее см.: *Хеллман Б.* Рецепция творчества Л.Н. Андреева в Финляндии. // Леонид Андреев: материалы и исследования. Вып. 2. М. ИМЛИ РАН. 2012. С. 278–298.

[5] *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. Издательско-полиграфическая компания «Коста», 2010. С. 191.

[6] *Мусаев В* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX века – 1930-е гг.). СПб. Издательство Политехнического университета. 2007. С. 75.

Д. Лихачев в своих воспоминаниях писал: «Ездили мы обычно в Куоккалу за финской границей, где дачи были относительно дешевы и где жила петербургская интеллигенция – преимущественно артистическая. <...> Я в детстве жил в Куоккале недалеко от "Пенат" Репина. Он очень покровительствовал Чуковскому, Пуни, Анненкову, Кульбину. С семьями Пуни и Анненкова наша семья дружила. Помню Мейерхольда, красавца Леонида Андреева. Все они оригинальничали и озорничали, играли в рюхи, запускали змеев на пляже, жгли костры, увлекались фейерверками, домашними театрами, шутливыми выставками».[7]

«Эффект русских дачников», просуществовавший всего несколько десятилетий, заключался не столько в количестве русскоязычного населения Карельского перешейка в летнее время, сколько в создании особой этнолингвистической культурной среды, существовавшей вблизи столицы и подпитывавшейся от нее. Постоянные театральные постановки, в которых участвовали В. Мейерхольд и В. Немирович-Данченко; художественные выставки с непременным участием И. Репина и его знаменитые «среды», частые литературные вечера у Л. Андреева... Тот же Д. Лихачев[8] отмечал, что культура дачного общества была повторением русской культуры в целом, но в меньшем масштабе.[9]

Однако особые, достаточно свободные от государственной идеологии, условия позволяли более свободно выражать революционные настроения – в том числе, в искусстве. Финские власти не желали преследовать революционеров (только под нажимом официального Петербурга или в критических случаях), а по мнению Д. Лихачева Куоккала стала одной из родин европейского авангардизма.[10] Культурные контакты с представителями «золотого века» финляндской культуры[11] наполняли поездки в «русское зарубежье» дополнительным смыслом. Культурные импульсы, направленные из Петербурга в сторону Гельсингфорса, но угасавшие по мере удаления от имперской столицы, способствовали несомненному интересу финских издательств к русской литературе.

Финское население Карельского перешейка также испытало значительное влияние «Эффекта»: местные жители стали говорить на смеси финского и русского языков; сдавая внаем дачи, почти полностью отошли от земледелия и ремесел, то есть традиционного образа жизни. Смещение идентичности жителей приграничных земель частично отразилось и на жителях Гельсингфорса, но именно Петербург, породивший этот эффект, уже вскоре испытал огромное его влияние. Самой яркой иллюстрацией стала реакция на желание правительства перенести границу дальше от Петербурга в сторону Выборга (из-за соображений безопасности столицы): часть русских дачников заявило о намерении владеть дачей именно на территории Финляндии.[12]

К решению купить участок именно на Карельском перешейке Андреев шел несколько лет: в письме к брату Павлу он замечает, что жить за границей больше не может и хочет в Финляндию, так как в самой России, по всем соображениям, ему

---

[7] *Лихачев Д.* Воспоминания. М. АСТ. 2016. С. 63.

[8] Школьным учителем Д. Лихачева являлся младший брат Л. Андреева – Павел.

[9] *Лихачев Д.* Воспоминания. М. АСТ. 2016. С. 62, 63.

[10] Там же. С. 63.

[11] Художник А. Эдельфельт учился в Академии художеств и высоко ценился при дворах Александра III и Николая II (ему заказывали портреты императорской фамилии); художник Х. Бакманссон и творческая семья Ярнефельтов также тесно связаны с Петербургом. Кроме того, в Петербурге несколько раз исполнялись произведения Я. Сибелиуса при участии самого композитора в качестве дирижера. О некоторых параллелях жизни И.Е. Репина и финского скульптора и художника Э.Г. Сёдеркройтца см.: *Балаценко Ю.Д.* Две усадьбы, две судьбы // Курортный район. Страницы истории. Выпуск 10. СПб. Остров. 2015. С. 94–122.

[12] *Мусаев В.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX века – 1930-е гг.). СПб. Издательство Политехнического университета. 2007. С. 81.

неудобно.[13] «От этого так люблю я будущий дом, с его всяческой приспособленностью к одиночеству и работе», – рассуждал писатель в дневнике, словно подсказывая себе будущий сюжет. Сам факт переезда состоялся сразу после скоротечного романа с Анной Ильиничной Денисевич, приведшего ко второй женитьбе писателя (Анну порекомендовал в качестве секретаря К. Чуковский).

Новый дом, самостоятельно придуманный будущим хозяином, дополнял желание Андреева осуществить реинкарнацию предыдущего счастливого брака: автор написал сюжет, поместил его в заранее выбранные декорации и стал ожидать счастливой развязки. Но произведения Андреева менее всего предполагали такой поворот.

Эта «пьеса» незримо перекликается с сюжетом повести «Жизнь Василия Фивейского», написанной в 1903 году. Беременная жена отца Василия, ждавшая перерождения утонувшего старшего сына и бросившая пить, вскоре жестоко разочаруется – родился идиот. Провидение, как и писатель Андреев, не пощадило своего героя, которому после первых внешне благополучных мгновений в Финляндии послало суровые испытания – сомнения в верности жены, войну, революцию, эмиграцию...

Уже осенью 1908 года автор воплотил свое душевное смятение, вызванное отношениями с Анной, в пьесе «Черные маски», где вывел на передний план внутренний мир героя – и самого автора. Новаторский прием вызвал неоднозначную реакцию среди критиков и читателей, как и сам абстрактный подход: мысли и чувства герцога Лоренцо пришли к нему в виде масок, а огромный пожар в финале уничтожил замок, описание которого напоминает новый дом писателя... Чем не предвосхищение будущего сюжета андреевской жизни?

Однако не только переживания диктовали произведения. Атмосфера свободы и дикой природы повлияла как на северный цикл Н. Рериха,[14] жившего в глубине Карельского перешейка близ Сортавалы; на ряд значительных полотен И. Репина из дачной Куоккалы; на яркие образы модернисткой поэзии Э. Сёдергран из Райволы... так и на произведения финского периода Л. Андреева. «Природа Финляндии обладает магическим свойством. Вначале она не действует на вас, но чем дольше вы живете среди невзрачных финских болот, тем все глубже западает в вашу душу любовь к этому заброшенному краю...», – писал он в своем дневнике.

Согласно Л. Иезуитовой, произведения Л. Андреева 1905–1911 годов делятся на три цикла,[15] два из которых («реакционный», ставший следствием революции, и «срывания масок») так или иначе связаны с Финляндией. На новой даче были написаны многие произведения, среди которых «Черные маски» (1908), «Дни нашей жизни» (1908), «Анатэма» (1909), «Океан» (1911), «Король, закон и свобода» (1914), «Тот, кто получает пощечины» (1915), «Иго войны» (1916), «Дневник Сатаны» (1919). Их связь с финским ландшафтом не очевидна, но немаловажна.

---

[13] *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. Издательско-полиграфическая компания «Коста». 2010. С. 188.

[14] В очерке «Держава Рериха», написанном в 1919 году к выставке художника в Гельсингфорсе, Л. Андреев являет и свое отношение к финской природе: «...Рерих – единственный поэт Севера, единственный певец и толкователь его мистической таинственной души, глубокой и мудрой, как его черные скалы, созерцательной и нежной, как бледная зелень северной весны, бессонной и светлой, как его белые и мерцающие ночи» (см.: *Андреев Л.* Держава Рериха // *Андреев Л.* Собрание сочинений в VI т. Т. 6. М. Книжный клуб Книговек. 2012. С 655.).

[15] См. *Иезуитова Л.* Леонид Андреев и литература Серебряного века. Избранные труды. СПб. Петрополис. 2010, С. 181, 182.

Дом «режиссера и актера»

Краевед Н. Григорьева считает, что Черная речка для русской литературы стала сродни Ясной поляне или Михайловскому, настолько тесно связан с этой землей Андреев – и творчески, и духовно, и просто перипетиями своей сложной жизни.[16] Писатель Б. Зайцев, несколько раз посещавший «Виллу Аванс» и хорошо знавший Л. Андреева еще по московской жизни, трактовал эту связь по-своему: «Хорошо было удалиться из столицы, но это не было удалением в Ясную Поляну, столица перекочевала к нему в самом суетном и жалком облике; взвинчивала, гнала к успеху, славе, шуму и обманывала».[17]

Значимость Черной речки не стоит преувеличивать: в 17 верстах от дома Андреева находилось сакральное место русской культуры – репинские «Пенаты», которые оказывали влияние на Петроград и Ленинград даже из-за установившейся в 1918 году советско-финской границы. Илья Ефимович, тесно друживший и с обеими семьями Л. Андреева, отмечал художественные способности как самого писателя, так и его сына Саввы. Также талант к живописи отмечали в хозяине часто гостивший В. Серов и посещавший Ваммельсуу Н. Рерих.

Важной деталью «Виллы Аванс» являлись полутоновые изображения Л. Андреева, которые украшали интерьеры усадьбы. Вера Андреева, дочь писателя, вспоминает: «Над громадным камином – картина, нарисованная углем на сером картоне. Это копия картины Гойи. Она занимает почти полстены. <...> С другой стороны камина на таком же сером картоне, как и черти Гойи, нарисован еще один черт. Или это уже не просто черт, а сам сатана или, может быть, рок? Он сидит на земном шаре и держит на коленях большую раскрытую книгу. <...> В самом темном углу кабинета – большой портрет Толстого на смертном одре...».[18]

Портрет Л. Толстого, почитаемого Андреевым (единственный раз он посетил усадьбу за полгода до смерти «яснополянского старца»), иллюстрирует попытку неосознанной связи дома на Черной речке со знаменитой усадьбой Тульской губернии. Но разительное отличие атмосферы и излучаемых культурных импульсов очевидно. Л. Андреев, на пике славы полагая себя вторым после Льва Николаевича русским писателем, возможно, связывал свой уход в Ваммельсуу со знаменитым его отшельничеством. Но в отличие от усадьбы в Ясной Поляне, «Вилла Аванс» изначально не имела под собой твердой русской «почвы» в «невзрачных финских болотах», став, по сути, «воздушным замком». Полумифическим и трагическим.

Бревенчатый дом из толстых сосновых бревен, выкрашенный бесцветной краской и прозванный местными жителями «замком дьявола» (Pirulinna) за свой слишком смелый вид, выделялся среди небольших дачных построек и служил местной достопримечательностью. И стал не меньшей сенсацией для современников, чем, например, пьеса «Жизнь человека». Задуманный как крепость, дабы оградить Л. Андреева от внешнего мира, он довлел и над самим хозяином, не сумевшим найти баланс между вековой финской природой и своей мечущейся натурой. «Архитектура дома стала воплощением фантазии изломанной души писателя», – справедливо замечает Н. Григорьева.[19]

Громадина с четырехугольной башней – слишком высокой для минималистичной финской самодостаточности – оказалась очень хрупкой и начала разваливаться еще

---

[16] *Григорьева Н.* Путешествие в русскую Финляндию: очерк истории и культуры. СПб. Норма. 2002. С. 52.

[17] *Зайцев Б.* Леонид Андреев // Улица святого Николая. Повести и рассказы. М. Художественная литература. 1989. С. 260.

[18] *Андреева В.* Дом на Черной речке // Леонид Андреев. Далекие. Близкие. Сборник под ред. И.Г. Андреевой. М. Минувшее. 2011. С. 263, 264.

[19] *Григорьева Н.* Судьбы Карельский перекресток. СПб. Любавич. 2017. С. 68.

в процессе строительства. Будто указывала на тщетность попыток Л. Андреева, в отличие от уже упомянутого И. Репина, «поместиться» в этот маленький пейзаж, обрести здесь гармонию. Б. Зайцев отмечает: «Эта дача очень выражала новый его курс; и шла и не шла к нему. Когда впервые подъезжал я к ней летом, вечером, она напомнила мне фабрику: трубы, крыши огромные, несуразная громоздкость <...> жилище его говорило о нецельности...».[20]

Суетливый образ жизни его обитателей не способствовал восприятию немногословного финского ландшафта, окружавшего дом. Возможно, поэтому отчетливее всего Б. Зайцеву запомнилась русская песня маляра, трудившегося под его окном ранним летним утром: «Вот в ней – земля Москвы, березки Бутова, поля Орла. И нет Финляндии. <...> Нет и "Жизни человека"».[21]

Двойственность Л. Андреева отмечалась многими гостями: он азартно и охотно играл в жизнь (плотника, художника, фотографа, моряка, наконец, радушного хозяина), но часто впадал в болезненную меланхолию[22] и, запираясь в своем кабинете с замершим посередине огромным письменным столом, мерял шагами версты, говорил о смерти. Об этом, например, пишет в «Книге о Леониде Андрееве» Г. Чулков: «Так жил Андреев двойной жизнью. С одной стороны, большая семья, много знакомых, издатели, критики, репортеры, актеры и какие-то бесконечные случайные посетители: тут было много забот и суеты. С другой стороны, та внутренняя мучительная тревога, слепая и угрюмая, которая его терзала: тут одиноко сгорала его душа».

К. Чуковский в «Книге о Леониде Андрееве» видел двойственность в иной плоскости: «Во всем, что окружало и отражало Андреева, было что-то декоративное, театральное. Вся обстановка в его доме казалась иногда бутафорской; и самый дом – в норвежском стиле, с башней – казался вымыслом талантливого режиссера».[23] Неудивительно, что «режиссер и актер» Л. Андреев, накрепко связанный со своими героями, зачастую узнаваем в них: герцог Лоренцо, студент Глуховцев, профессор Сторицын, клоун Тот, директор театра из «Реквиема»...

Именно «вторая действительность» (по Б. Зайцеву) диктовала произведения, которые Л. Андреев являл быстро и набело, но постепенно отдаляла от большинства современников (самый яркий пример – М. Горький), не принимавших (или не понимавших) произведения автора, написанные после «вершины 1906–1907 годов».[24] В контексте «режиссера и актера» и «второй действительности» можно поднять вопрос о бахтинской «вненаходимости» автора по отношению к основным персонажам, которая понимается как состояние неполного присутствия и как невозможность четкой пространственной фиксации.[25]

«Рассказ о семи повешенных», написанный накануне окончательного переезда в Ваммельсуу и первый раз прочитанный на публике в апреле 1908 года, является иллюстрацией данного тезиса. Многоакцентное восприятие последних дней жизни семи заключенных, приговоренных к смертной казни и связанных темой преступления, совершенного или задуманного (можно вспомнить заключение автора в Таганской тюрьме и скрытое участие в восстании русского гарнизона в Гельсингфорсе);

---

[20] *Зайцев Б.* Леонид Андреев // Улица святого Николая. Повести и рассказы. М. Художественная литература. 1989. С. 259, 260.

[21] Там же. С. 29.

[22] О возможной психической болезни Л. Андреева см.: *Уайт Ф.* Леонид Андреев: лицедейство и обман // НЛО. 2004. № 69.

[23] *Чуковский К.* Леонид Андреев // *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 6. М. Художественная литература. 1969. С. 27.

[24] По выражению самого Л. Андреева. См.: *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. Издательско-полиграфическая компания «Коста». 2010. С. 320.

[25] *Ушакин С.* Вне находимости: Бахтин как чужое свое // НЛО. 2006. № 79. С. 76.

абсолютно равноценные кругозоры героев, эволюция внешняя и внутренняя каждого из них, – все это в итоге складывается в единство полифонического рассказа.

Основной рефрен «меня не надо вешать», принадлежащий бесцветному (аллюзия, указывающая на интерьер андреевского дома?) Янсону, добавляет персонажу глубину и значительную резкость. Глупость (или, если угодно, убогость) его преступления отходит на дальний план, выхватывая диалог между двумя, очень условными, полюсами: эстонцем и Вернером. Именно эта интонация, подчеркнутая строчкой из типичной андреевской песни «мою любовь, широкую как море, вместить не могут жизни берега», являет пример диалогического многоголосия, двойственности – внешнего и внутреннего.

Интересна этимология фразы эстонца Янсона: Л. Андреев услышал без интонационное «мне не надо рубль» от финского извозчика, везшего писателя от железнодорожной станции на дачу. Добавив еще полтинник, Л. Андреев отпечатал в памяти читателя эти незначительно измененные слова. Указанная деталь немаловажна и в контексте пространственной локализации автора, мыслями уже находившегося в новом доме, в ином культурном ландшафте.

В рассматриваемом рассказе есть еще несколько деталей, тесно связанных с Финляндией. Это железная дорога, которая раньше вела Сергея Головина на дачу, а теперь – на виселицу (можно ли это трактовать как предчувствие смерти писателя в изоляции, учитывая множество примеров «предугадывания» событий в его произведениях?). И, главное, запах моря, точно указывающий на местоположение героев. Свобода и Финляндия в понимании поколения Л. Андреева во многом синонимичны (до событий 1917 года), и смерть неудавшихся революционеров именно на границе (!) с Великим Княжеством представляется неслучайной.

«Клочок земли» и море

Влияние финского ландшафта, окружающего чернореченский дом, проявляется как в воспоминаниях самого писателя, так и его гостей. «Сама природа, – все эти моря, облака и запахи я должен приспособить для приема внутрь...» – пишет Л. Андреев в одном из писем после окончательного переезда в новый дом.[26] И он действительно пытается изменить ландшафт под себя, сажая вокруг дома деревья и кусты, прокладывая новые дорожки, проводя водопровод. Но большинство деревьев, не выдержав глинистой почвы, умирали, заброшенные дорожки зарастали, водопровод ломался, крыша протекала, башня с каждым годом все больше кренилась; многие из 15-ти комнат, снабженных печами и каминами, зимой были холодными и мрачными. Жизнь, напротив, не угасала: пикники и городки летом, лыжи и финские сани зимой составляли досуг гостей, как и постоянное, «истинно московское», чаепитие за вечно шумящим самоваром.

Драматург Ф. Фальковский, бывший соседом Андреевых, в своих воспоминаниях отмечает: «Клочок земли на финской скале стал миром Леонида Андреева, его родиной, его очагом...».[27] Однако неизбежный диалог «своего» и «чужого» в случае Л. Андреева тяготел к русской культурной составляющей: в период «полуэмиграции» 1908–1917 годов он часто посещал Петербург, ездил в Москву, активно принимал гостей из столицы. Контакты с финнами были минимальными – на бытовом уровне,

[26] *Зайцев Б.* Леонид Андреев // Улица святого Николая. Повести и рассказы. М. Художественная литература. 1989. С. 260, 261.

[27] *Богданов А.* Между стеной и бездной // *Андреев Л.* Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М. Художественная литература. 1990. С. 30.

с переводчиками и репортерами, – поэтому их влияния не могли значительно повлиять на мировоззрение писателя.[28]

Тем не менее природный фактор – особая эпическая (вспоминая «Калевалу») атмосфера Карельского перешейка – несомненно влиял на писателя, постепенно удаляя его от родного ландшафта. Л. Андреев писал в одном из писем Ф. Сологубу после путешествия по Оке и Волге в 1915 году: «Отвык сильно от российского, кое-где волновался, умилялся пейзажем и людьми, но больше недоумевал перед чем-то».[29] Столкновение (или слияние?) ландшафтов – «своего» и «чужого» – показательно: писатель уже не может разделить их, а сама атмосфера Карельского перешейка неминуемо дополняла его произведения финского периода.

В рассказе «Жизнь Василия Фивейского» автором в полной мере применяется символическое обрамление пейзажа, который связан, пожалуй, с родной орловщиной. Подобный принцип использовался в пьесе «Океан» (1911), в котором тревожная и яростная водная стихия стала одним из главных героев и трансформирующимся образом пути: она кормит и хоронит аббата, манит и обманывает Мариет, является жизнью Хаггарта. Постоянно вступая в диалог с другими героями, океан испытывает их, чтобы в итоге унести прóклятый пиратский корабль в неизвестность. В силуэте полуразрушенного замка на горе угадывается «замок дьявола» на холме в Ваммельсуу, а водная стихия, с которой у автора были особые отношения, намекает на Финляндию.

Однако Л. Андреев описывал в произведениях этого периода не только свой дом. В рассказе «Он. Рассказ неизвестного» (1913) писатель помещает действие в дачу своего соседа Михаила Воронина – дома, со всех четырех сторон имевшего разные формы. Рядом с ним – неизменное море. «Дом и сад находились на самом берегу моря, и двухэтажный дом был велик, поместителен, даже роскошен. <...> Был великолепен и сад. <...> Но было что-то в расположении деревьев — слишком одиноких, слишком открыто росших среди ровного газона, вечно чужих и вечно одиноких, — что уже вскоре начинало томить чувством холодной неудовлетворенности, смутным сознанием какой-то глубокой и печальной неправды, горькой ошибки, потерянного счастья».[30]

Символическое обрамление пейзажа применяется также в небольшом рассказе «Герман и Марта» (1914), в котором все действующие лица финны (исключение для писателя). Убогий и неприветливый ландшафт с редкими вкраплениями пятен света, неспешная замкнутость жизни – неподвижной, как оледенелая река, в которой в конце рассказа утопилась Марта, – пробираются и во взаимоотношения двух овдовевших главных героев, чью любовь «хоронят» собственные дети, отказавшие им в разрешении на свадьбу. Соседняя Мецикюля (дословно «лесная деревня», Метсякюля – сейчас Молодежное, расположенное близ Серово) становится для автора символом суровой финской жизни: ее жители навечно «проросли» в деревне, а единственный далекий город Выборг несет в себе лишь черты разрушения («в Выборге ничего хорошего не сказали Герману, а спирту он напился, а деньги пропил и потерял, и назад вернулся только через пять дней пешком»).[31]

Исходя из многих бытовых неурядиц, сложных отношений со второй женой, серьезной критики произведений, неустойчивого успеха театральных постановок,

---

[28] Возникает невольное сравнение с И. Репиным, который контактировал с представителями финской культуры, и в его честь был организован прием у президента независимой Финляндии. Однако Илья Ефимович, укоренившись на финском Карельском перешейке, все равно оставался русским художником, а его окружение составляли русские эмигранты.

[29] *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. Издательско-полиграфическая компания «Коста». 2010. С. 281.

[30] *Андреев Л.* Собрание сочинений в 6 т. Т. VI. М. Книжный клуб Книговек. 2012. С. 156.

[31] *Андреев Л.* Герман и Марта // *Андреев Л.* Иуда Искариот. М. Эксмо. 2013. С. 598.

можно сказать, что море, «единая его любовь сверхжитейская и покой»,[32] больше всего оправдало ожидания Л. Андреева от Финляндии. «В те дни, когда мы уезжали в море, молчание отца было менее утомительным и хмурым. От шума ли маленького моторчика, мешавшего нашему разговору, или от летучих солнечных бликов, игравших на его лице, но мне казалось, что он видит и слышит окружающий его мир», – писал сын Вадим в книге «Детство».[33]

В. Беклемишева, жена главного редактора издательства «Шиповник» С. Копельмана, отмечает, что именно «страсть к водному простору толкнула Андреева в Финляндию. <...> Свобода, ширь, стихия – вот, что ему было необходимо...».[34] Запись из дневника Ф. Фидлера от 9 августа 1910 года также подтверждает это: «Я очень люблю море, и его ярость меня не трогает. И вот мне хотелось бы иметь большую яхту, куда я мог бы перенести всю свою семейную обстановку. В этом плавучем доме, окруженный моей семьей, я путешествовал бы вдоль всей Европы...» – говорил Л. Андреев о своих планах.[35]

Но они воплотились лишь частично: на большой яхте «Далекий», приобретенной в 1912 году, писатель совершал путешествия только вдоль финского берега – по словам В. Андреева, его отец особенно любил шхерный маршрут от Териоки до Гельсингфорса.[36] Название яхты осталось лишь мечтой о больших путешествиях. Или же Л. Андреев воплотил ее здесь, в Финском заливе? Такую возможность подтверждают незаконченный очерк «Шхеры» и дневниковая запись младшего брата Андрея в день начала мировой войны, гостившего в Ваммельсуу: «Безмолвная красота, божественное сияние финляндских шхер...».[37]

Эти же слова еще больше подчеркивают несоответствие между внешней обстановкой и внутренним миром старшего, Леонида, в период с 1914 по 1919 годы. Вскоре знаменитому писателю, выбравшему свободную Финляндию и имевшему небольшую флотилию из двух яхт и нескольких лодок, пришлось подчиниться приказу о запрете выхода в море в связи с началом войны, что очень его угнетало.

Отражение этой щемящей морской несвободы можно найти в объяснении Таисии с матерью Еленой Дмитриевной на пляже Финского залива неподалеку от финского проселка Оллила в рассказе «Жертва» (1916). «В тот день на Финском заливе была буря <...> и сильный ветер забирался в рот и уши, мешая говорить; негромко плескался прибой, но вдалеке что-то сильно и угрожающе ревело одинаковым голосом: точно с самим собою разговаривал кто-то угрюмый, впавший в отчаяние. И там вспыхивал и погасал маяк».[38] Вскоре мать погибнет под колесами поезда, следовавшего из Петербурга обратно в сторону Финляндии...

Морская стихия писателя иллюстрирует тезисы о «самодовлеющей власти местности над судьбой и сознанием человека» и «власти города (в нашем случае, местности) над сознанием и поступками персонажей», отсылающих к локально-

---

[32] *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. Издательско-полиграфическая компания «Коста». 2010. С. 265.

[33] *Андреев В.* Детство. М. Советский писатель. 1966. С. 61.

[34] *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. Издательско-полиграфическая компания «Коста». 2010. С. 210.

[35] *Фидлер Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. М. Новое литературное обозрение. 2008. С. 538.

[36] *Андреев В.* Детство. М. Советский писатель. 1966. С. 59.

[37] *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. Издательско-полиграфическая компания «Коста». 2010. С. 276.

[38] См. *Андреев Л.* Собрание сочинений в 6 т. Т. VI. М. Книжный клуб Книговек. 2012. С. 121.

историческому методу Н.П. Анциферова.[39] Однако в случае Л. Андреева нужно выделять несколько уровней «ландшафтного взаимодействия»: финский ландшафт, коррелируясь с культурным пространством дачного Карельского перешейка, тем не менее, оставался самодостаточным, а неразрывность связи последнего с Петербургом подчеркивала сильное этнокультурное и социальное воздействие города. Именно в указанном взаимодействии следует рассматривать преломление андреевского диалога «своего» и «чужого», где основным фоном являлись отношения писателя и Петербурга.

Одним из показательных произведений в этом контексте служит повесть «Иго войны» (1916 год), события которой происходят в военном Петербурге-Петрограде и показаны через призму маленького человека. Это, наверное, единственное произведение Л. Андреева, являющее его теплое отношение к городу на Неве. Упоминание Финляндского вокзала в связи с возвращением группы военных инвалидов из немецкого плена не привносит в сюжет «чуждого» финского начала – согласно Б. Хелльману, автор противопоставляет два разных типа организации: «немецкий» и «русский».[40]

Значительным в указанном контексте стало посвящение повести И. Репину, на которое писатель просил разрешение у художника, жившего вне столицы с рубежа XIX и XX веков. Посвящение еще больше проиллюстрировало глубинную связь хозяина «Пенат» с событиями в России, а хозяина «Виллы Аванс» – с Петербургом, внешне отрицаемого им. После переезда в Ваммельсуу связующим звеном с Петербургом и Россией, кроме Финляндской железной дороги, стал Кронштадт, видимый в ясную погоду «невооруженным глазом», а гул самого большого колокола Исаакиевского собора изредка долетал до финского берега в ранней утренней тиши. Мнимость этой связи стала очевидна после указанного выше запрета и закрытия летом 1918 года советско-финляндской границы. Лишь тягостное наблюдение за островом через морской бинокль с опасно покосившейся башни соединяло писателя с Родиной.

Началась настоящая, не «половинчатая», эмиграция: Л. Андреев, покинувший Петроград сразу после Октябрьской революции, потерял не только привычную ему Россию, устоявшийся круг общения, наконец, средства к существованию, но и Андрея, уехавшего сражаться за белых и затерявшегося где-то в Сибири. Близость границы не помогала, а, скорее, мешала – зарево Кронштадта, немецкие и финские солдаты под окнами дома, налеты советских аэропланов, наконец, взрыв форта «Ино», находившегося рядом, – все это морально подавляло писателя, отталкивало его от художественной работы в сторону публицистической.

Появившейся незадолго до смерти Л. Андрееева мираж Петрограда, о котором в своих воспоминаниях «Дом на Черной речке» говорит Вера Андреева, стал символичным: «Приподнявшись над чертой горизонта, прямо в воздухе <...> предстал перед нами Петроград! Вот дома, улицы, вот величественная громада Исаакия... Взрослые суетились, щелкали фотоаппаратами, говорили, что это редкость, такой мираж. <...> А оно начало бледнеть, все прозрачней становились здания, колонны как-то заколебались, все заструилось, задрожало... и вот уже нет ничего...».[41]

---

[39] *Анциферов Н.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / сост., подгот. текста, послесл. Д. С. Московской. М. ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. 2009. С. 12, 492.

[40] *Хелльман Б.* Маленький человек и великая война. Повесть Л. Н. Андреева «Иго войны» // Встречи и столкновения. Статьи по русской литературе. Slavica Helsingiensia № 36. Хельсинки. Helsinki university press, 2009. С. 98.

[41] *Андреева В.* Дом на Черной речке // Леонид Андреев. Далекие. Близкие. Сборник под ред. И.Г. Андреевой. М. Минувшее. 2011. С. 315.

Вынужденный разрыв последней связи с Россией писатель переживал острее всего. За неделю до смерти Л. Андреев писал Н. Рериху: «Все мои несчастья сводятся к одному: нет дома. Был прежде маленький дом, дача в Финляндии и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный дом – искусство-творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома – холодная, промерзлая, оборванная дача с выбитыми стеклами, а кругом – чужая и враждебная Финляндия. Нет России...».[42]

В непрерывном взаимодействии пограничного «своего» и «чужого» фокус сместился в сторону чуждого ему финского влияния: ввиду активного процесса становления финляндской национальной идеи и вследствие так называемых «периодов угнетения»[43] общество относилось ко всему русскому резко отрицательно. Короткая финская Гражданская война 1918 года, события которой прошли в основном в стороне от дома Л. Андреева, обернулась изоляцией – не только от России, но и от финского общества. Русская Финляндия, кроме некоторых близких по духу людей, оставалась далекой и, как казалось ему, недееспособной: он отказался от руководящего поста по делам печати в Политическом совещании при генерале Юдениче из-за «узости, мелкоты, личного».[44]

Публицистика Л. Андреева того периода полна сильных образов и мрачных пророчеств об опасности большевизма (см.: «Veni Creator», «S.O.S.», «Европа в опасности»), однако практически это был «крик в пустоту»: редкие статьи печатались в том объеме, который предполагал автор. И, главное, не вызывали существенных откликов. Последнее произведение, роман «Дневник Сатаны», являет эту пустоту – пропасть между человеком и его поступками – в несколько ином свойстве. Пришествие Сатаны, которое Л. Андреев предрекал в концовке статьи «Veni Creator», состоялось, но он постепенно «вочеловечивается» – деяния его подчиняются страстной и обманутой любви к Марине. Напротив, поступки ее отца Магнуса автор показывает сверхсатанинскими – продуманными и бесчеловечными. Символично, что действие романа происходит накануне Мировой войны в Риме[45] как символе «вечного» города и эпохи Возрождения – но надежды на возрождение человека у автора нет...

Война, революции, тревога о завтрашнем дне, беспомощное состояние и положение семьи в Финляндии, предложения об эмиграции в Америку или в Европу – все это подсказывало Л. Андрееву место действия и сюжет романа. Влияние финского ландшафта в этих условиях уже практически невозможно: писатель разочаровался в Финляндии (лишь поначалу Марина являет образ любимого водного простора) и в своем детище – «дом оказался неудачным и обманул его».[46] В похожей тональности он писал Н. Рериху: «Ведь я живу за границей не только в смысле территориально-политическом, но и в отношении душевном, а Вы для меня – свой».[47]

---

[42] *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. Издательско-полиграфическая компания «Коста». 2010. С. 345.

[43] Финская историография рассматривает два «периода угнетения» (1899–1905, 1908–1914), связанные с унификацией законов Российской империи с законодательством автономного Великого Княжества Финляндского, а также с попыткой внедрить русский язык в делопроизводство и образование.

[44] *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. Издательско-полиграфическая компания «Коста». 2010. С. 352.

[45] Писатель, его жена и сын Савва посетили город во время самой последней поездки за границу с января по май 1914 года.

[46] *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. Издательско-полиграфическая компания «Коста». 2010. С. 322.

[47] Там же. С. 341.

Признанием частности своего положения стали прощальные слова к репортеру газеты «Uusi Suomi» («Новая Финляндия»), прозвучавшие за месяц до смерти: «Так приятно встретить понимание в чужой стране».[48]

Скитания по чужим дачам, начавшиеся с осени 1918 года, отъезд Н. Рериха в Европу, разочарование в возможности участия в политической жизни русского зарубежья поместили писателя в вакуум: «свое» (русское) уходило в прошлое, «чужое» (финское и советское) стремилось в будущее. Оказавшись на границе чуждых для себя культур, Л. Андреев не смог сделать шаг ни в сторону советской, ни в сторону финской – привычная ему русская культура вела в эмиграцию, где через некоторое время должна была измениться или исчезнуть.

Эта пограничность во многом показательна при ответе на вопрос, сделала ли страсть к морю и своеобразная влюбленность в финский ландшафт дом в Ваммельсуу второй родиной Л. Андреева. Когда писатель выбирал декорации и строил свой «замок», он не знал, какой «сюжет» в нем играть. Не определился он и позднее, а красивый жест обернулся в итоге трагедией. Мысленно отмечая десятилетия своего дома, писатель вновь сформулировал цель своего «ухода в Ваммельсуу»: «*Но была и смутная мысль, сесть в какой-то границе, в нейтральной, интернациональной и безбытной зоне. Сделать красивую жизнь. Сурово замкнуться для трагедии*» (выделено мной. – *Авт.*).[49]

В естественных науках пограничные явления (или граничный эффект) – самые непредсказуемые, а неустойчивость границ (территориальных, этнолингвистических и культурных) ведет к симбиозу или к поглощению одной из сред противоположной. В данном контексте не удивительны метания писателя в поисках привычной почвы в условиях активного взаимодействия сред – от радости обретения нового дома до его отрицания, от неприятия войны до объяснения ее значимости, от полного принятия Февральской до полного неприятия Октябрьской революций. Трактуя это явление математическим языком, можно сказать, что множество гармоник, накладываясь друг на друга, стремится либо к резонансу, либо к угасанию.

Оставаясь в статичном пространстве в условиях стремительных изменений других национальных культур, писатель обрекал себя на условную «вненаходимость»: частичного присутствия в советской культуре и непонимания, как отождествлять себя с новой Финляндией. Отвлеченный от границ, культурный акт теряет почву, становится пустым, вырождается и умирает[50] – это и стало трагедией последних лет жизни Л. Андреева. «Чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества...»[51] – кульминация письма к Н. Рериху иллюстрирует указанный тезис.

Можно поднять вопрос и в иной плоскости: стало ли угасание творческого импульса Л. Андреева после «вершины 1906–1907 годов» следствием переезда в Финляндию? Но здесь однозначного ответа быть не может: слишком много факторов (семейный, общественный, военно-революционный, финансовый, наконец, географический) вмешались в процесс рождения новых произведений. Однако тезис М. Бахтина, созвучный идеям Н. Анциферова,[52] частично отвечает на

---

[48] *Хеллман Б.* Рецепция творчества Л.Н. Андреева в Финляндии // Леонид Андреев: материалы и исследования. Вып. 2. М.. ИМЛИ РАН. 2012. С. 296.

[49] *Андреев Л.* S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919). / Вступ. ст., сост. и прим. Р. Дэвиса, Б. Хэллмана. М.; СПб. Atheneum; Феникс, 1994. С. 37.

[50] *Бахтин М.* Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // Бахтин М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М. Русские словари. 2003. С. 282.

[51] *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. Издательско-полиграфическая компания «Коста». 2010. С. 345.

[52] В частности, в том, что литературный акт запечатлевает глубокие исторические процессы.

поставленный выше вопрос: «Современность, взятая вне своего отношения к прошлому и будущему, утрачивает свое единство, рассыпается на единичные явления и вещи, становится абстрактным конгломератом их».[53]

Поэтому признание собственной неудачи в попытке обрести иную, свободную от московских и петербургских устоев, жизнь, нельзя списать только на внешние факторы. «Новых друзей не приобрел, а от старых отдалился, находясь в Финляндии», – подчеркивает его московский друг Б. Зайцев.[54] Писатель проиграл, в отличие от И. Репина, в противостоянии (не взаимовлиянии!) «своего» и «чужого»: чувствуя себя русским писателем, он не смог встроиться в финский ландшафт и был обречен на изоляцию. События Октября 1917 года лишь подтолкнули окружавшую Л. Андреева действительность к необратимым переменам.

Не принимая возможности пересечения культурных границ и, главное, не осознавая динамики их изменений, он неминуемо пришел к диссонансу в диалоге «своего» и «чужого», в котором влияние собственного мировоззрения перевешивало необходимость учитывать окружающую финскую идентичность (к чему в итоге пришел И. Репин). Сглаженный «эффектом русских дачников», процесс становления финского государственного самосознания стремительно разрушал русское влияние, зачастую не желая идти на компромисс. Также не был готов к изменениям культурных границ и бескомпромиссный писатель, всем своим творчеством не привыкший ориентироваться на окружающее его общество...

Л. Андреев умер в тот день, когда Г. Бернштейн телеграфировал писателю, что закончены приготовления для поездки в Америку.[55] Он так и не смог покинуть Финляндию – настоящая эмиграция, в отличие от той «бутафорской» или «полуэмиграции», которую он выбрал после революции 1905 года, была для него неприемлема.

P.S.

Рассматривая «полуэмиграцию» Л. Андреева, вылившуюся в итоге в короткую полноценную эмиграцию, нельзя обойти вниманием ситуацию его детей от первого брака, оставивших след в русской литературе.

Старший Вадим (1902–1976), живший с новой семьей отца в Ваммельсуу, оказался за границей: Берлин, Париж, Нью-Йорк, Женева... И, что являлось очень редким случаем, получил советское гражданство: несколько раз посещал Советский Союз, вывез на запад бóльшую часть архива А. Солженицына и рукопись «В круге первом» (своеобразная «полуэмиграция»).

Младший Даниил (1906–1959), живший в момент революции в семье сестры своей матери в Москве, оказался в эмиграции «внутренней». Отсидев около десяти лет за уничтоженный роман «Странники в ночи», он за 23 месяца успел написать свой главный труд – «Розу мира».

---

[53] *Бахтин М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. Собр. соч. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М. Языки славянских культур. 2012. С. 400.

[54] *Зайцев Б.* Леонид Андреев // *Зайцев Б.* Собрание сочинений в 5 т. Т. VI (доп.). Мои современники. М. Русская книга. 1999. С. 262.

[55] *Ришина Р.* «Вечные дебри отчаяния»: Леонид Андреев и американский оптимизм // Леонид Андреев: материалы и исследования. Вып. 2. М. ИМЛИ РАН. 2012С. 186, 187.

Литература

Андреев В. Детство. М. Советский писатель. 1966.

Андреев Л. Герман и Марта // *Андреев Л.* Иуда Искариот. М. Эксмо. 2013.

Андреев Л. Держава Рериха // *Андреев Л.* Собрание сочинений в VI т. Т. 6. М. Книжный клуб Книговек. 2012.

Андреев Л. Жертва // *Андреев Л.* Собрание сочинений в 6 т. Т. VI. М. Книжный клуб «Книговек». 2012.

Андреев Л. S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / Вступ. ст., сост. и прим. Р. Дэвиса, Б. Хэллмана. М.; СПб. Atheneum; Феникс. 1994.

Андреева В. Дом на Черной речке // Леонид Андреев. Далекие. Близкие. Сборник под ред. И.Г. Андреевой. М. Минувшее. 2011.

Анциферов Н. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / сост., подгот. текста, послесл. Д. С. Московской. – М. ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. 2009.

Бахтин М. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // *Бахтин М.* Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М. Русские словари. 2003.

Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе // *Бахтин М.* Собр. соч. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М. Языки славянских культур. 2012.

Богданов А. Между стеной и бездной // *Андреев Л.* Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М. Художественная литература. 1990.

Григорьева Н. Путешествие в русскую Финляндию: Очерк истории и культуры. СПб. Норма. 2002.

Григорьева Н. Судьбы Карельский перекресток. СПб. Любавич. 2017.

Зайцев Б. Леонид Андреев // Улица святого Николая. Повести и рассказы. М. Художественная литература. 1989.

Зайцев Б. Леонид Андреев // *Зайцев Б.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 6 (доп.). Мои современники. М. Русская книга. 1999.

Иезуитова Л. Леонид Андреев и литература Серебряного века. Избранные труды. СПб. Петрополис. 2010.

Кен Л., Рогов Л. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. Издательско-полиграфическая компания «Коста». 2010.

Лихачев Д. Воспоминания. М. АСТ. 2016.

Мусаев В. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX века – 1930-е гг.). СПб. Издательство Политехнического университета. 2007.

Ришина Р. «Вечные дебри отчаяния»: Леонид Андреев и американский оптимизм // Леонид Андреев: материалы и исследования. Вып. 2. М. ИМЛИ РАН. 2012.

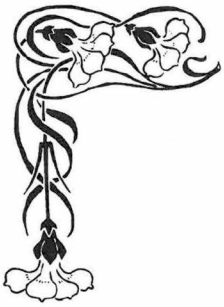
Ушакин С. Вне находимости: Бахтин как чужое свое // НЛО. 2006. № 79.

Фидлер Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. М. Новое литературное обозрение. 2008.

Хеллман Б. Маленький человек и великая война. Повесть Л.Н. Андреева «Иго войны» // Встречи и столкновения. Статьи по русской литературе. Slavica Helsingiensia № 36. Хельсинки. Helsinki university press. 2009.

Хеллман Б. Рецепция творчества Л.Н. Андреева в Финляндии // Леонид Андреев: материалы и исследования. Вып. 2. М. ИМЛИ РАН. 2012.

Чуковский К. Леонид Андреев // *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 6. М. Художественная литература. 1969.



Б.К. Зайцев

ФИНЛЯНДИЯ. К РОДНЫМ КРАЯМ

Летом 1935 года известный русский писатель Борис Константинович Зайцев (1881–1972) с женой Верой Алексеевной (1878–1965) приехал на Карельский перешеек. Их пригласила Антонина Геннадиевна Кауше, родственница В.А. Зайцевой, проживавшая в Келломяках на своей вилле. Зайцевы поселились в пансионе, принадлежавшем П.С. Захарову и его супруге В.А. Поммер. Пансион находился в конце Морской улицы, недалеко от Приморского шоссе. Зайцев был в добрых отношениях с Л.Н. Андреевым, и одной из причин, побудивших Зайцевых приехать в Финляндию из Франции, было желание посетить могилу Андреева на Марьиной горе.

Публикуется по изданию: Отблески вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудров. СПб. ООО «Издательство "РОСТОК"». 2018.

Мы живем в большом, немолодом доме с крытою стеклянной террасою, с маленьким, тоже крытым, собственным балконом в цветущих настурциях. Большая лужайка перед домом, а за нею сосны и дорога. Сквозь них видно море.

Некогда это было известное дачное место. Русская столица наполняла его собою. Нет ее, все и затихло. Сколько пустых дач! Сколько разрушающихся, с выбитыми стеклами, а то совсем сгинувших, вот подлинно уж «порастет травой забвенья!» Но кайма чудесного соснового леса у моря осталась. Остался песчаный «брег», кое-где утлый финский «челн», бедные сети, бедные камни, сиротливо из мелких вод глядящие. Вечером, после заката, при кисейном тумане, огромной луне, выбирающейся над сиреневым горизонтом, по сиреневым водам ведущей золотую дорогу, пустынный берег этот, с заколоченною избенкой под соснами — не то из «Медного Всадника», не то из «Кащея» – до Бабы-Яги и совсем недалеко.

В часы более ранние, когда солнце ярко, на пляже кое-какие фигуры: дети купающаяся, дамы. И... некто с биноклем.

Если с биноклем, значит русский. Финну неинтересно глядеть вдаль. Русский же видит ни больше ни меньше – родину. В крайнем левом углу Сестрорецк – здание курзала, дома, леса. Прямо же перед глазами подымается из моря на далеком горизонте собор. Это Кронштадт. А бинокль наведя, различаешь и здания, трубы, колокольню той церкви, где служил о[тец] Иоанн Кронштадтский. Все это будто совсем «на воде», как Венеция, в голубовато-лиловом, светлом мрении. Не пришлось видеть Кронштадта, когда можно было сесть на пароход и съездить туда, и не без странного, волнующего чувства смотришь на него теперь. (Надводный призрак, восстающий в бледности лиловой, в легеньком тумане и неясности...)

– Голгофа России, – сказала дама, взяв бинокль.

В.А. и Б.К. Зайцевы у пансиона П.С. Захарова. Келломяки. 1935 год. Предоставлено сайтом terijoki.spb.ru

А во всяком случае: место явления о[тца] Иоанна, одной из духовнейших фигур России до-голгофской. Появился он как раз на мрачнейшем, наполненном ядами (во многом наследие прошлого!) и взрывчатыми веществами островке. Островок скоро прославился первою местью, первой пролитой братской кровью – и первым знаменем революции. А потом... – здешние жители помнят, как на финский берег спасались по льду те же самые бунтовщики, ныне от своих же, шедших из Петрограда, спасавшиеся. О[тец] Иоанн являл царство Духа. Нечто и иное явлено было в этом Кронштадте.

Разрушенный пансионат на Морской улице, где жили в 1935 году Зайцевы. 2020 год. Недавно эти остатки были окончательно разобраны. Фото Л.И. Амирханова.

Левее его, много к нам ближе, ясно вижу островок-форт Тотлебен. Видны белые грибки по острову — прикрытия орудий? Взволнованному глазу кажется, что различает он и темные дула.[1]

* * *

Да, Россию чувствуешь здесь не так, как на Западе. Совсем рядом она, видна, слышна — днем орудия палят в Кронштадте, на вечерней заре слышишь иной раз дальний рев гудка в направлении Петрограда: вероятно, пароход.

Россия, Россия, Россия,
Мессия грядущего дня![2]

Что за Мессия, и какого дня, и когда он настанет? (Неужели все страдания напрасны?). А пока что сумрачные дуновения идут оттуда. Совсем недавно, в марте месяце, множество старых людей, из бывшей буржуазии и интеллигенции, выселены были из соседнего этого Петрограда в пятидневный срок.[3] Нищих стариков и старух отправляли в Оренбург, Вятку. По приезде некоторые жили в палатках, на станции. Неудивительно, что в трех, лично мне известных случаях, двое из высланных умерли в первый же месяц.

Портрет Б.К. Зайцева работы Н.П. Ульянова. Золотое Руно. 1909. № 1

Неудивительно, что и русские здесь (у кого мать там осталась, у кого отец, у кого брат) с такой остротой ощущают все тамошнее. В пансионе нашем приезжие из Гельсингфорса, Стокгольма, отдыхающие у моря после трудовой зимы – все испытывают тягу к этой черте, отделяющей два мира.

Барышни после завтрака уезжают на велосипедах.

– Куда вы?

– В Райаиоки (так в тексте. – *Ред.*), на границу. Посмотреть Россию.

И возвращаются задумчивые, привозят цветы, открытки: железнодорожный мост через Сестру-реку, эта половина моста белая, та красная, и за рекой арка с пятиконечной звездой. Там русский пограничник, здесь финский солдат.

На пляже у бревна полулежит хозяин пансиона, оперев локти на бревно, наводит огромный морской бинокль.

– Ну как, рассматриваете?

– Нынче хорошо виден Тотлебен. Не угодно ли? Только чтобы бинокль у Вас не дрожал.

В нагруженном дамами, детьми автомобиле выезжаем и мы к границе, но в другое место.

---

[1] Казенные части орудий закрывали брезентом, который на солнце активно выгорал, приобретая белый цвет.

[2] Заключительные строки стихотворения А. Белого «Родине» (1917 год).

[3] После убийства С.М. Кирова НКВД провело операцию по «выселению контрреволюционного элемента из Ленинграда и пригородных районов в отдаленные районы страны». Всего в 1935 году из Ленинграда и Ленинградской области было выселено около 40 000 так называемых «бывших людей».

За Куоккалой сворачиваем. Песчаный проселок, сосенки, заброшенное кладбище. Машину потряхивает. Наконец, у крайней избы селения останавливаемся. Автомобиль – в ельник, идем дальше пешком, дорогою меж огородов. Опять бинокли.

– Видите большой дом с красным флагом? Это уже они, за речкой, – говорит бывший белый офицер, привезший нас сюда. – Мы пройдем направо, вон к той горке, оттуда лучше видно.

Меж посевов тощих огородов, мы идем. Полдень теплого, но в тучах, дня. Ни души. Пролезаем под колючей проволокой, выходим па холмик. Внизу речка, лужок, густые ольхи на той стороне, и на взгорье «блокгауз». Антенна радио, красный флаг. Баба в белом гуляет с девочкой. Два пограничника на скамейке. За ними избы, а дальше леса, и над ними хмурые тучи.

Горка эта была раньше русской дачей. Теперь тут пни, елочки, остатки фундамента. Вся наша пестрая ватага смолкает. Все туда смотрят, кто в бинокль, кто простым глазом.

– Видите, вдалеке налево, это их наблюдательная вышка. Большие дома – это их колхоз.

Дамы, дети порываются вниз, к речке. Никаких заграждений, нет людей! Кажется, взял и перешел – постоял минуту на русской земле.

Офицер хмурится.

– Нет уж, пожалуйста... Туда не ходить. Мало ли что. Вы уверены, что там никого нет, в ольхах?

Странное, острое, смутное чувство – не из легких. Вот она и страна, наша родина, и на самой ее окраине чуем мы уже наших врагов. Точно на войне! Русские мужики, там покуривающие, белая баба, вечером будет доить корову – это враги? Будто бы и смешно... – а вот лучше все-таки к речке не подходить. Да и сама горка, сами мы здесь – в полной беззащитности. Достаточно двоим из них, вооруженным, выскочить из кустов – и любого из нас, как будто, можно увести.

Возвращаемся не торопясь. У машины нашей стоит финский мальчик, лет пятнадцати. Спутник мой заговаривает с ним – на тихом языке с шестнадцатью падежами.

– Что же он Вам рассказал?

– Говорит, что всю ту сторону выселили. Там жили карелы, их отправили в Сибирь, а сюда посадили своих, коммунистов, красноармейцев.

Леса очень хмуро синеют. Тучи клубятся. Почти жарко, тихо. За синими лесами – дальние края России. Левее, севернее – Ладожское озеро, Валаам, а там – безмерные пространства... — заселенные теми, кто обречен в лагерях концентрационных, кто рубит лес, роет каналы, удивляющее иностранцев.

Укажи мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал.

Перевернулся бы в гробу старомодный Некрасов, вычитав у Со лоневича, сколько тысяч русских мужиков стонет в этом краю каторги.

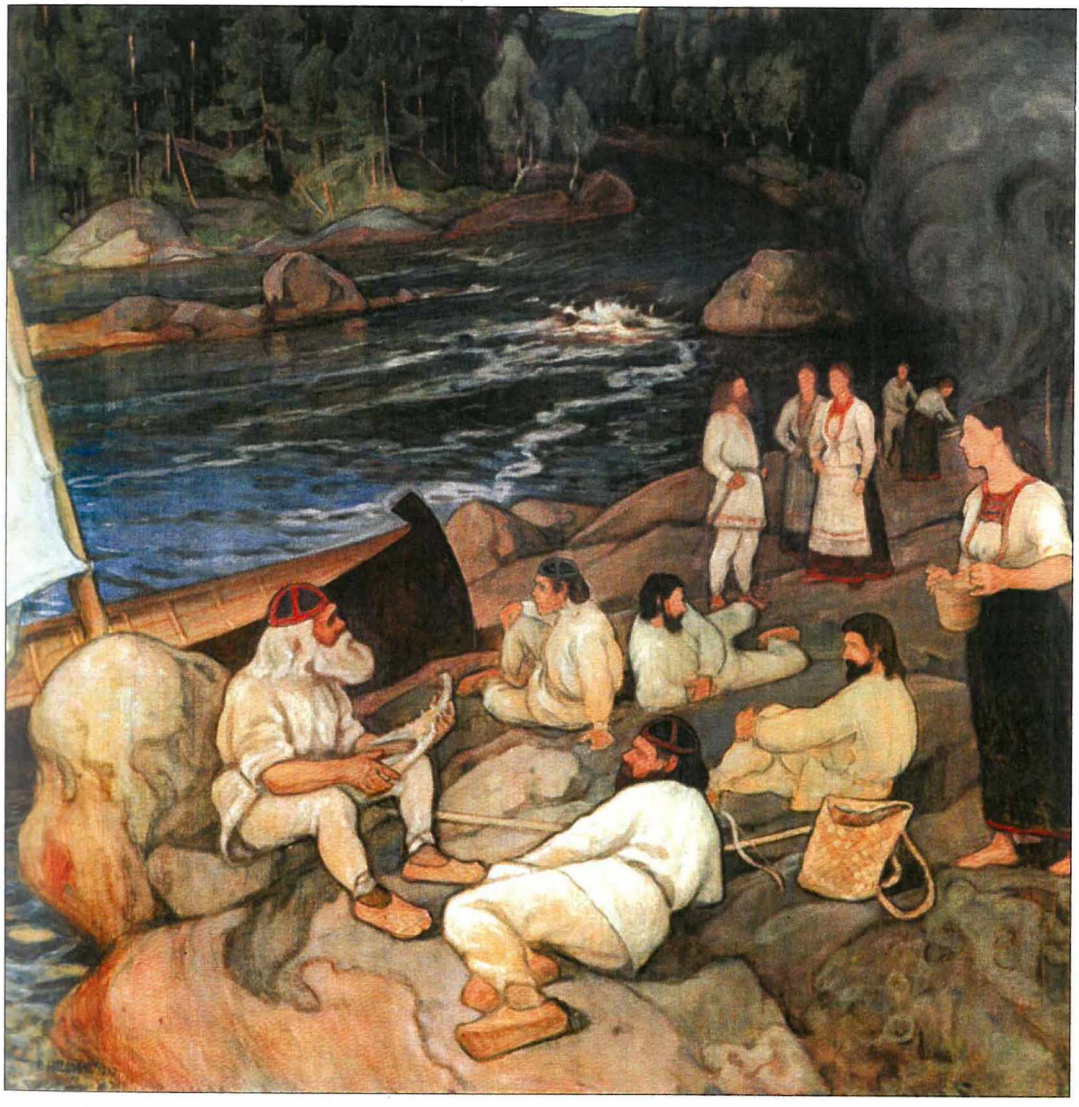
* * *

Автомобиль опять тронулся. Потряхивает на колесах проселка. Тепло, тихо. Вновь спокойная и мирная страна. На большой дороге встретим девочку с ягодами, солидного человека в таратайке — лошадка его не торопится, сам он покуривает трубочку уверенно: гражданин небольшого, но крепкого государства. Вновь началась Финляндия.

<...>

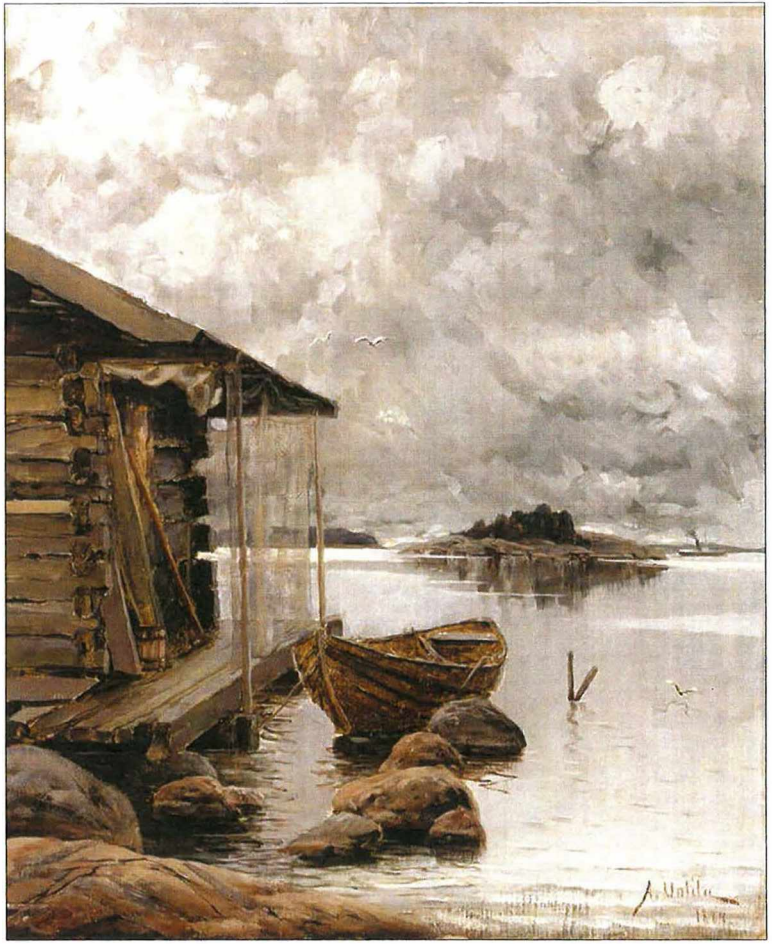
К статье А.В. Вострова «Леонид Андреев и Финляндия. Диалог “своего” и “чужого”»

Картины финских художников

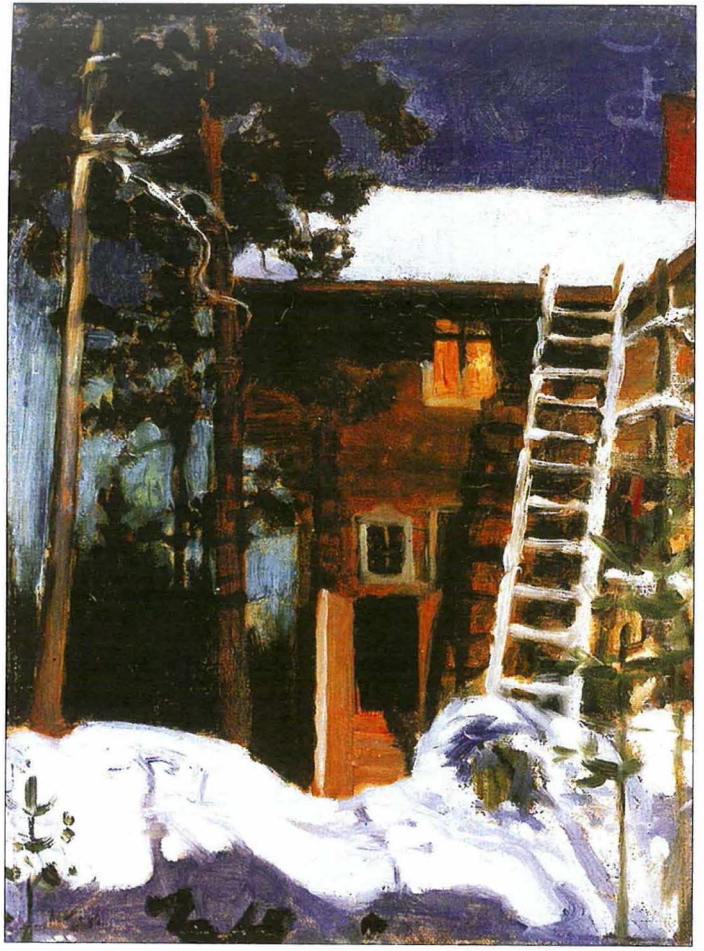


Игра Вяйнямёйнена. Художник Пека Халонен. 1897 года.
Эта и остальные иллюстрации к статье А.В. Вострова – из книги «О Суоми с любовью» (СПб. 2017)

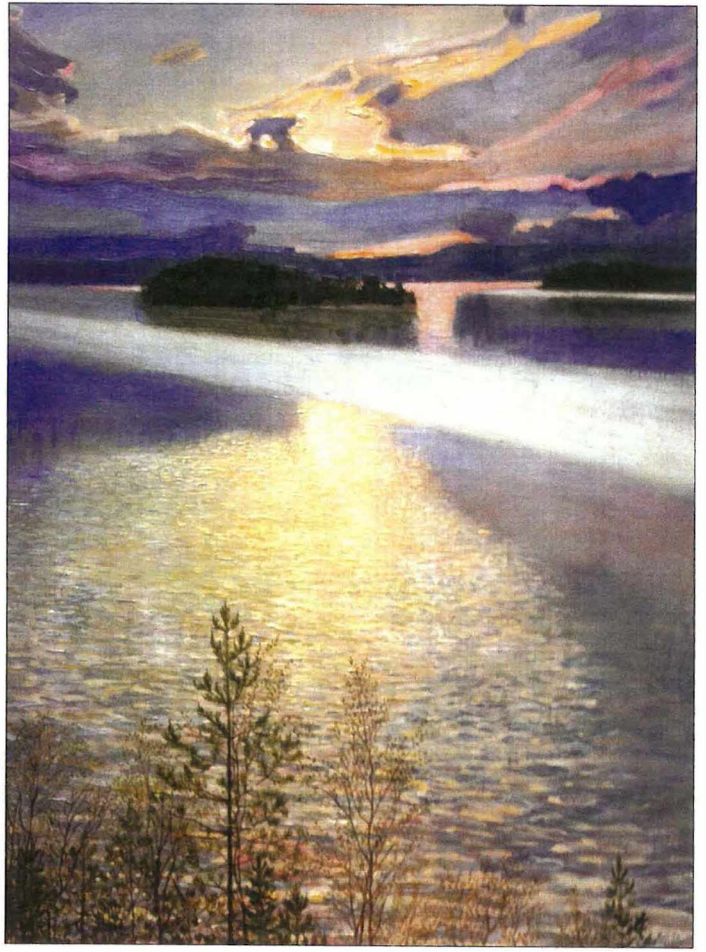
Женщина в лодке. Художник Пека Халонен. 1924 год



Хата для невода. Художник Аукусти. Уотила. 1884 год



Зимой. Художник Аксели Галлен-Каллела. 1896 год



Вид на озеро. Художник Аксели Галлен-Каллела. 1901 год

По дороге домой. Художник Ээро Ярнефельт. 1898 год

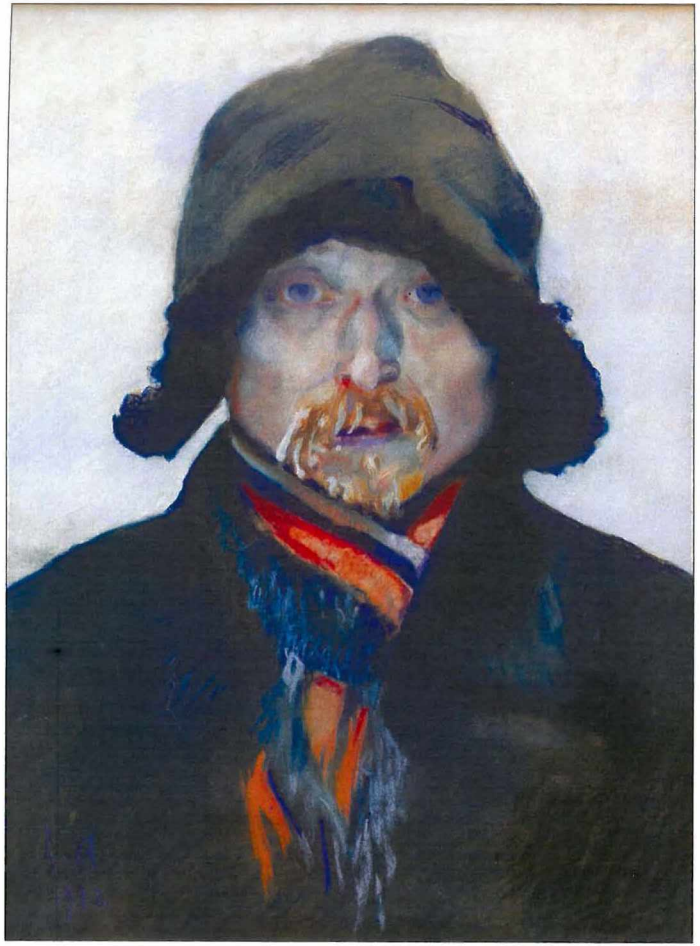
Пейзаж с кирхой. Художник Хуго Симберг. 1892 год

К статье А.И. Старкова «Леонид Андреев – художник-живописец»

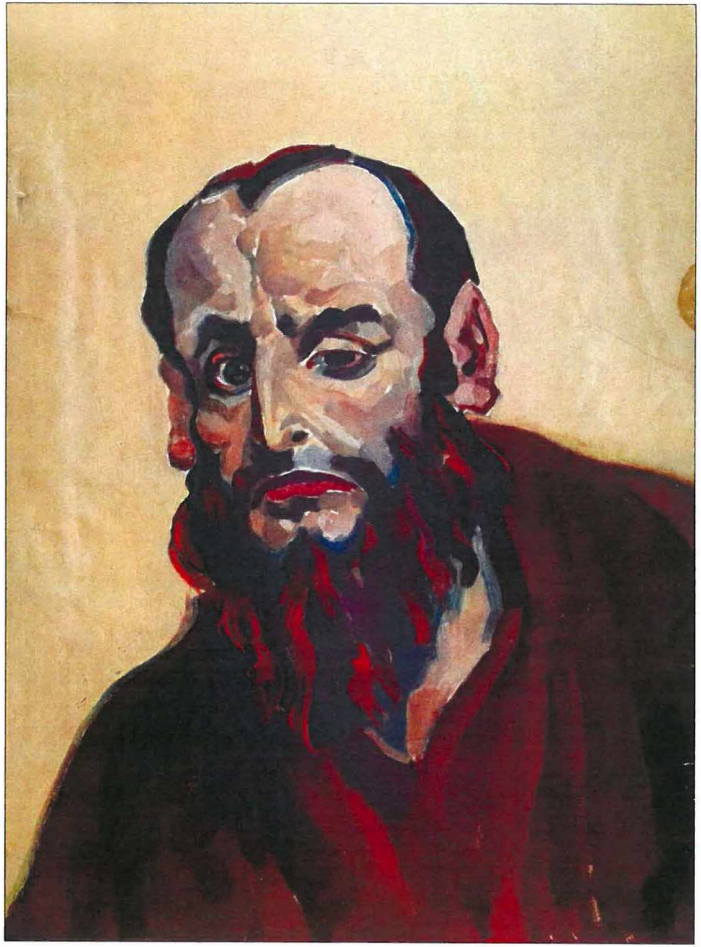
Л.Н. Андреев. Дача в Вамельсуу. 1910-е годы

Л.Н. Андреев. Портрет дочери Веры. 1910-е годы

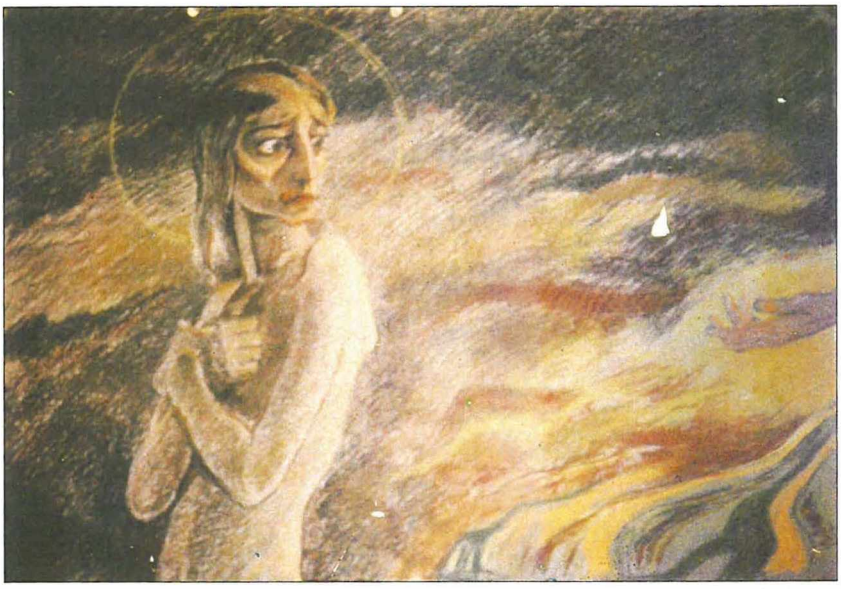
Л.Н. Андреев. Портрет сына Саввы



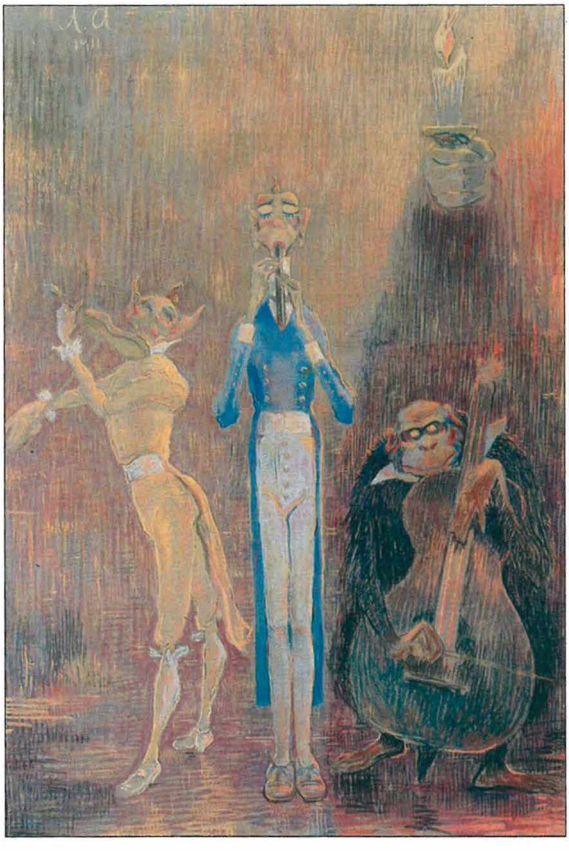
Л.Н. Андреев. Портрет финна



Л.Н. Андреев. Иуда Искариот



Л.Н. Андреев. Падший ангел



Л.Н. Андреев. Музыканты

Финский край. В лесах

...От станции к нам надо спускаться по широкой дороге-просеке. Она прямо сходит вниз, в конце ее море, а над ним, в дальнем тумане, русский берег залива. Какие-нибудь Ораниенбаумы, Петергофы... Россия!

Дом пансиона деревянный, довольно старый, обжитой, с огромною стеклянною террасой. Мы наверху. От меня видна лужайка, дорожка в цветах, узкая полоска леса вдоль шоссе и море. Из спальни — дворик, огромная плакучая береза, ель, опять лужайка и за нею лес. Какой воздух! Можно сидеть на сквозняке и нюхать его, как духи.

Жизнь равномерна. Утром остаюсь один за письменным столом. На комоде розы в майоликовом кувшинчике – из сада наших друзей. Они бледно-палевые, тугие, нежной шелковистости, но и матовость их тронула. Встанешь, понюхаешь, погладишь, и опять за дело. Или выйдешь на балкон, сядешь в кресло среди цветущих настурций. Солнце бледно греет. Финн складывает копенки – второй покос, атаву[4] убирают. Пахнет сеном. Тихо, мирно на душе.

Около полудня надеваешь шляпу, берешь палку, ножик и корзинку, идешь по грибы. Можно ли думать о таком занятии в Париже? Но вот тут оживает давнее – не детское ли? Таинственная связь с природой, глохнущая в городах!

Грибы – странные существа, подземные. В них нет «прямой» красоты, как в розах на моем комоде. Но влажная и духовитая мощь земли выражена. И как они уединенны! Всегда будто бы прячутся, даже не любят шума, он не идет им, а нужна сырая почва, перетлевшие листики — из под них вдруг с загадочною силою, из какой-то споры пробьется тугой, крепкий, пахучий боровик в коричневом шлеме, на нежно-златистой подкладке. Или красноголовый подосиновик. (В подберезовиках что-то рябенькое, более будничное, да и силы меньше. Но хороши и они, именно своей русскою скромностью.)

Грибы любят или не любят место. Что особенного в этом уголке нашего сада, вдоль шоссе? Ели, сосны, канавка с водой, длинная, мятая трава у ней... – а это грибное место. С него и начинаешь. Оно не обманет. А потом калитка, дорога, и идешь к другой верной полянке.

Выдавались тихие, серенькие дни, с сиреневым морем справа. Камни у берега, мели, сети рыбацкие. Прокатит на велосипеде финночка, худенькая, белокурая, на другой машине юноша, долетят какие-то слова на непонятном языке, улыбки, и опять тишина. Кое-где слева пустые дачи.

Подхожу к одной из них – двухэтажной. Когда-то здесь отдыхали. Может быть, танцевала молодежь, хохотали. Сейчас стекла выбиты, окна полузабиты досками. Заколочена и входная дверь на крыльце.

С крыльца этого в боковое окошко видна лестница во второй этаж – пыль, паутина, безмолвие. Печальное место! Раз застал тут меня дождь, я пережидал его на крыльце, среди осколков стекол. С крыши капало. Жалобно, но и зеркально-пронзительно барабанили капли по стеклышку на земле – оно как бы пело под ними. А когда сумерки сойдут, сосны зашумят, не вспомнится ли тень Гапона: где-то в этих местах, на пустой даче его и повесили.[5]

Одна жизнь отсюда ушла, а другая явилась, подземная, Прозерпина: пред развалиною полянка всегда полна грибов.

И трудно не сказать слова о лесе, что тут же и начинается – глухой, дикий лес, с елями, темнотою, с мертвой сухой хвоей внизу или зеленым бархатом мхов, с пнями, болотцами, с тем молчанием и величием, какие присущи настоящему лесу. Тут какая-то грусть и радость детских лет, красота, важность русского леса. Да, может быть

[4] Атава (отава) – трава, в тот же год выросшая на месте скошенной.

[5] Г. Гапон был убит 26 марта 1906 года в дачном поселке Озерки.

В.А. и Б.К. Зайцевы на вилле Н.Г. Кауше. Предоставлено сайтом terijoki.spb.ru

нечто и гамсуновское, из «Пана» – «первая железная ночь», «вторая железная ночь» – любовь, тоска, скитания лейтенанта Глана в лесах Норвегии...[6]

Можно стоять или сидеть на пеньке, вот так, одному, в этом лесу, с корзиночкой грибов у ног, в сумраке и благоухании.

* * *

Под вечер подымаемся от своего дома к станции, заходим спросить почту, и по платформе, где как в чеховские времена гуляют барышни, поджидая поезд, идем вдоль рельс к друзьям на виллу К[ауше].

Одноэтажный дом, затейливой постройки, увит диким виноградом, вокруг сад с бассейном перед окнами, розы, голубоватая сосна, кусты стриженых хвойных пород и за забором линия железнодорожная. Там и закат. А вокруг лес – мелкий сосенник по песчаной почве.

Этих вечеров на вилле К[ауше] не позабудешь, как не позабудешь и привета, дружеского внимания хозяев, людей русских, давно тут осевших, в тихом и основательном убежище. Все здесь довоенное, солидное и как бы навсегда уставленное, в однообразном, правильном обороте дней. Огонек лампадки под образом, кресло у портрета Владимира Соловьева, цветы на столе, осенняя пестрота деревьев в зеркальных стеклах окон. Краснеющий закат.

[6] «Железными ночами» в Норвегии называют августовские ночи, когда наступают первые морозы.

Сами хозяева – уже часть истории этой местности. В доме их служат финские девушки, с детства ими взращенные – отсюда и замуж выйдут. Многих молодых русских в окрестности знали они тоже детьми, и кто вокруг в трудную минуту ни находил помощи, внимания, участия. Разумеется, были жизни, связанные с этим домом.

– На кресле, где Вы сейчас сидите, – говорит хозяйка, – часто сидел барон.[7] Приходил ровно в четыре, уходил ровно в шесть. Барон!

Особенный был человек. Джентльмен. Со старыми замашками, по Петербургу. Здесь он жил бедно, но смотрите, как с достоинством нес эту жизнь. Все-таки при нем был человек. И хотя готовил барон сам, но когда садился за завтрак, говорил: «Степан, подавай!» Ах, он был и чудак, конечно!

Она засмеялась, все лицо ее наполнилось светом и улыбкою, сквозь которую скользнула грусть. Она быстро встала, легкою, как бы летящею походкой вышла и вернулась с тростью. Небольшая трость, с позолоченной, в резьбе, головкою времен начала века, как носили герои Анри де Ренье, маркизы и виконты.

– Я вчера по рассеянности чуть было вам ее не отдала, когда вы вечером в темноте уходили. Нет, эту не дам... это память. Он с нею к нам зимой, и летом, и осенью в грязь являлся – всегда чистый, аккуратный. И читал том за томом Соловьева. Барон...

А в другой раз, показывая дом, все сложные его закоулки вверху и внизу, когда мы забрели в нижний, полуподвальный этаж и вошли в уютную комнату с окном, затянутым кисеею, сказала:

– Тут жил мой брат Филадельф.[8] Тут и умер.

Филадельф – это тоже Россия, но не барон, род московский, купеческий, некогда тоже богатейший человек, закончивший дни на земле финской, у сестры.

– Он все про дачу нашу говорил: тесный у тебя домик, Нина! Что это за дом! Он тоже к широкой жизни привык... и много последние годы приходилось смиряться. Не так ему было легко... Ну, а вот Бог и привел здесь свое убежище найти.

Я уже слышал об этом Филадельфе, человеке горячем, по-видимому, и мечтателе, строившем планы один другого грандиознее.

– Да, так, так, – сказала она вдруг быстро, быть может, с той же возбужденностью, какая была и у Филадельфа, — я давно хотела сказать, надо нам к Щучьему озеру сходить, в той стороне и кладбище, барона и Филадельфа я вам покажу.

Мы и пошли, через несколько дней, в ясное солнечное утро. Опять с нами корзиночка — первые числа сентября, грибное время! Хозяйка вела нас, быстрой, легкой своей походкой.

– В этой даче зимой иногда собираются, по вечерам, читают вслух русских писателей. Да, да, это наш лесок, а там выходим на дорогу.

Мы углублялись в глушь, за дачи, а потом торной, но пустынной дорожкой, кое-где с песком в колеях, зашагали среди мелколесья Финляндии, сразу отдалившись от жилья. Вот идем втроем, слева железная дорога, справа леса без конца, чуть не на тысячу верст к Ледовитому океану, и все, вероятно, такие же вырубки, болотца, остатки крупного леса, все под таким же бледным, негреющим солнцем.

Хозяйка радовалась каждому ветерку, облачку, каждому грибу, мною найденному по дороге. Ее белая накидка легко и радостно нас вела все дальше.

---

[7] Барон Николай Иосифович Корф (?–18.12.1925) – гофмейстер Высочайшего двора, член совета при министре финансов Российской империи. Скончался и похоронен в Келломяках, могила не сохранилась.

[8] Бажанов Филадельф Геннадьевич (1865–1931) – брат Антонины Геннадьевны, купец 1-й гильдии, директор-распорядитель товарищества «Ф.Г. Бажанов и А.П. Чувалдина», член Совета правления Санкт-Петербургского общества взаимного кредита и совета торговой школы им. Императора Николая II. Могила на кладбище в Келломяках не сохранилась.

– Там домик в лесу, мать с дочерью живут, тоже наши, русские. Как трудно на работу на лесопилку отсюда ходить зимой! Ведь заносит все, вы бы видели... Да, а это начинается кладбище... но мы на обратном пути зайдем. Нет, нет, с этой канавки грибов не берите, это кладбищенская земля, с нее нельзя брать.

Мы прошли мимо скромного кладбища за изгородью – русские лежат, под финскими соснами, обитатели дач, домиков нехитрой местности. Тут и барон, и Филадельф.

Начался крупный лес, чудный, весь пронизанный солнечными потоками, с темнотою внизу, прелью, влагой, местами зелеными лужайками мхов, а то черно-сказочной глубью.

– Белый гриб? Хорошо! Ах, как хорошо!

И слегка щурясь, стараясь разглядеть и посодействовать, она указывала рукой:

– А там что? Тоже, кажется, боровик?

В этих лесах было уже большое молчание и серьезность. Лишь мы оглашали их нашими дружескими разговорами, быть может, и оживляли.

Пустынно оказалось на озере — столь северном, столь финском! Все оно как-то тонуло в лесах, одиночестве, безмолвии. Мелко переливало на средине серебром под солнцем, точно говорило беззвучно. Ни ястреба, ни чайки. Кой-где рыбка плеснет.

* * *

И мы побывали на кладбище. Видали могилки барона и Филадельфа. Близко они лежат друг к другу...

Хозяйка была взволнована.

– Да, вот им цветочков... таких, простеньких, да. И сама тут же лягу, тут уж все приготовлено. Они такие были разные. А обоим Господь легкую смерть послал: прямо к Себе взял, без страданий. Ну вот, ну и хорошо, поклонились, и пошли,

и пошли домой.

Мы и на самом деле пошли, все так же оживленно разговаривая, тем же мелколесием финским. Мертвые тихо лежат. Мы еще живы, заняты малыми нашими делами: не опоздать к завтраку в пансион, успеть вечером съездить в Териоки, написать письма, мало ли что. Наша жизнь идет еще равномерной своей колеей, с тою же будничной таинственностью, которая мало чем понятнее тайны смерти. Мигнет этот светлый, неповторимый день, утром буду сидеть за своим столом уже немного другой, буду нюхать розы и пойду собирать грибы. Жена уйдет на виллу К[ауше], и в каждой соседней вилле, в нашем доме, во всем этом крае русские жизни, разбросанные тут, незримо будут сплетать свои узоры.

– Вы ведь знаете, Филадельф был очень, очень верующий человек. Мы когда с ним по Италии путешествовали, то нарочно, по желанию его, заезжали в Сицилию, там разыскали местечко Лентини, где когда-то замучен был Св. Филадельф.[9] Поклонились его мощам.

Да, вот и это. И это вошло в мою жизнь, и завтра, идя за грибами, я буду уж я, плюс Филадельф, плюс барон, плюс Лентини.

Финский край. На Черной речке

В большой белой териокской церкви кончалась литургия. Мы стояли несколько впереди, сзади друг наш Нина К[ауше]. Обернувшись, я увидел ее взволнованное, с блестящими влажными глазами лицо. К кресту подходили вместе.

---

[9] Св. мученик Филадельф (память 23 мая по н. ст.) вместе с братьями Алфием и Киприаном был замучен в городе Лентини на Сицилии в 251 году. Их мощи обретены в 1517 году.

– Ну вот, ну вот и хорошо, – говорила она уже на паперти, под бледным солнцем сентябрьским. – Очень хорошо, что вы едете на его могилу. Это был близкий вам человек, тоже писатель... и умер здесь, в изгнании. Отлично. Вот и машина ждет, шофер этот – верный человек, давно его знаем.

Мы сели. На коленях жены лежал букет красных роз.

– Значит, помните, в два часа поезд. Не опаздывайте.

Машина тронулась. Нина махнула платочком, высокая и быстрая, в белой своей накидке зашагала вверх по улице Териок.

Наш же шофер взял влево, вниз. Сделав несколько поворотов, вынеслись мы, в мягком и почти беззвучном лёте, на приморское шоссе. Сосны, дачи, слева всё виднее сиреневое море. Чуть туманится воздух и приятны в него нисходящие, как в подводное царство, лучи небогатого солнца.

Некогда мы гостили тут, ночевали. Знаю, что в Териоках, в этой их стороне. Но где именно? В какой даче? Да и вообще, было или не было? Машина мягко катит. Сосны то чаще, то реже, дачи то обитаемые, то заколоченные, то просто остатки фундаментов.

Несомненно, здесь жил и писатель Чулков, и издатели Гржебин, Копельман – из «Шиповника»... Но найдешь ли вот след минутных этих кочевий?

Быстро кончились Териоки. Остался один лес да море, да песчаный его брег, вместе с нами летевший, желтоватой каймой отделявший от моря.

Наконец, и его нет. Море ушло, мы повернули, выемкой вылетели на открытое место. Это и есть «Черная речка», где жил Леонид Андреев.

* * *

Нина К[ауше] верно сказала, что Андреев был близкий нам человек. С ранней юности я его знал, многим на первых писательских шагах был ему и обязан. В памяти моей он остался другом и доброжелателем.

Летом 1908 года мы из тульской деревни собрались в Петербург и Финляндию. Леонид был в разгаре славы – шумной, непрочной, опьяняющей. Только что сыграли «Жизнь человека» в Художественном и в Петербурге у Мейерхольда. Деньги шли самотеком, но и не задерживались. Дачу на Черной речке, наскоро выстроенную, не напрасно назвал он «Аванс».

Дача была огромная, в стиле модерн, с башнею и балконами, сумрачная, нескладная. Население в ней немалое. Леонид только что женился, вторым браком, на Анне Ильинишне Денисевич. С ними жила его мать, старушка Настасья Николаевна,[10] сын Леонида от первого брака,[11] дочь Анны Ильиничны от ее первого мужа,[12] еще какие-то родственники. Но всем места довольно. Спальни, белые детские, Леонидов огромный кабинет с горизонтальными окнами, все это в разных этажах, и везде своя жизнь, просторная, привольная и безалаберная, как в довоенные времена России полагалось. А сколь русак, коренной, орловский, был и сам хозяин, несмотря на весь свой международный уклон!

По вилле северного модерна расхаживала Настасья Николаевна, охала, вздыхала, просто потому, что старушкам русским полагалось вздыхать.

Есть любили по-русски – в доме часто пахло щами. Без конца ставились самовары, толклись гости, приезжали, уезжали. Леонид курил, пил крепкий чай – подавали

[10] Андреева (урожд. Пацковская) Анастасия Николаевна (1851–1920).

[11] Зайцев не уточняет, кого именно из сыновей имеет в виду – Вадима (1902–1976) или Даниила (1906–1959). Скорее всего – Вадима, так как Даниил бывал на Черной речке очень редко.

[12] Карницкая Нина Константиновна (1906–1987).

ему и ночью. Поздно ложились, поздно вставали. Обсуждали, конечно, все мировые и неразрешимые вопросы.

Два – три дня, проведенные на этой даче, в дружественном воздухе, остались пестрой, но приятной памятью приветливости, суеты, русско-деревенской бестолочи. Лазили на башню смотреть море, гуляли, катались в лодке по самой этой Черной речке – действительно темна ее лесная вода, с омутами и корягами. Ярко светило солнце, зеленели ольхи, белело легкое платье Анны Ильиничны. Леонид, бритый, несколько пополневший, в морском картузике, но с теми же прекрасными, горячими глазами, возил нас на моторе и на взморье. За рулем нравилось ему иметь вид капитана, застарелого морского волка. Он был в расцвете сил, любви к красавице жене и опьянении успехами писанья. Все-таки прочности в нем не чувствовалось. Он только что написал «Жизнь человека»...

Нам отвели угловую комнату. Помню, проснулся ранним утром. Из-под темных занавесей било солнце за окном, на зыбком сооружении сидел маляр, что-то докрашивал, и напевал. Великорусский, скромный напев! Меланхоличный и однообразный, но что-то выражавший, не модное, а коренное, взросшее на полях Орла и Тулы, столь далекое от «Царя Голода» или «Океана».

Маляр пел негромко. Грустное и роковое было в его напевании.

* * *

Машина замедлила ход. Шофер озирался. И мы глядели... – пустынное место, справа крутой спуск, там и течет, видимо, эта Черная речка, по которой катал нас Леонид. За ней деревня и дальние леса. Что-то знакомое, как бы сквозь сон, в пейзаже. Да, будто мы тут были. А вилла? Ничего не видать. Впереди, налево, из-за мелколесья – купол церкви. Это и есть кладбище, так нам говорили в Келломяках (но тогда ничего этого не было).

Шофер взял с шоссе влево, узкою дорожкой средь посевов. У околицы остановились.

– Я вас тут подожду, идите тропкой, там увидите церковную ограду и кладбище.

Мы тронулись. Жена несла свой букет. Мы знали, что это уединенное кладбище, запертое, но есть и сторож, его отпирающий. Где он?

Тропинка шла мимо фермы. Девушка развешивала белье в огороде. Мы спросили ее о стороже, о могиле Андреева.

Она обернулась, неохотно отрываясь от дела.

– Сторож внизу. С моря ближе бы было.

– А отсюда далеко?

– Поболее километра. Сейчас вряд ли он дома.

– Тут ведь Андреев похоронен?

Она не сразу ответила. Потом сообразила.

– Да, целая семья. Они все тут.

– Как семья?

– Ну так, — сказала она почти недовольно. — Они и на постройку церкви дали, и на кладбище. Купцы были богатые, Андреевы...

– А писатель Андреев?

О нем она не знала. И с усердием занялась своим делом.

Мы же через несколько минут подошли к ограде. Видимо, строили люди солидные. Ворота заперты, сквозь решетку их видны кресты да прекрасная небольшая церковь, строгая, в стиле древних храмов новгородских, с одним лишь позлащенным куполом.

Идем вдоль стены вправо, потом поворот, дорога слегка спускается — и вдруг открытое место, у третьей стороны кладбища, глядящего здесь на далеко вниз идущие леса. Как хорошо! Совсем пустынно, вниз пологим скатом ельники, сосенники,

Звонница церкви Всех Скорбящих Радость и кладбище в Метсякюля, где находилась могила Л.Н. Андреева. Из книги: Зайцев Б.К. Отблески вечного. СПб. Росток. 2018

за ними в перламутровой туманности беловатое море финское, легкий душистый ветерок. За оградою, с этой стороны, более низкой, сразу узнали мы могилу Андреева – Леонида, настоящего.

Но как раздобыть сторожа? Неужели вниз идти, искать его, да застанешь ли еще дома... – мы решили сделать проще: подойдя к ограде, выбрал я место пониже, вспрыгнул на стенку. Помог и жене. Розы она перебросила.

Церковь Всех Скорбящих Радость в Метсякюля. На переднем плане виден крест на могиле Л.Н. Андреева. 1920-е гг. Из книги: Леонид Андреев. S.O.S. Под редакцией и со вступительной статьей Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана. ATHENEUM-ФЕНИКС. М. СПб. 1994

Памятник Л.Н. Андрееву в Метсякюля. 1930-е. Из книги: Леонид Андреев. S.O.S. Под редакцией и со вступительной статьей Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана. М.; СПб. 1994

И вот мы у могилы, и мы поклонились ей. Она проста и благородна, но печальна: нет любящей руки, о ней заботящейся. Деревянный черный крест, без надписи. Никакой плиты, вокруг кайма густого, невысокого шиповника. «Шиповник» – название модного тогда издательства, это молодость наша, шумные успехи Леонида. «Шиповники» были Гржебин и Копельман, издатели Андреева, да и других. Правильно не забыт скромный шиповник, и у места Леонидова упокоения.

Жена раскладывала свои розы по земле могилы. Украсила ими и крест, вставляя стебли в трещины его. Крест хорошо расцветился темно-красным.

И пока потихоньку мы копошились около могилы, набирая здешних цветиков, подбрасывая их Леониду, или просто сидя близ ограды и любуясь красотою, тишиною места, из тугих роз Нины К[ауше] потекли по кресту капли росы: мы с собой привезли эту кристальную влагу, в глубине венчиков.

– Смотри, – сказала жена, – точно слезы. Ну, пусть это и будут слезы по тебе, Леонид.

Да, подумать только – через столько лет, из-за дальних морей оказались и мы у его могилы.

Время, когда мы гостили на Черной речке, было едва ли не последним благополучным в жизни Андреева – далее шли неудачи, охлаждение публики, а там война, революция.

Я в последний раз видел Леонида в Москве, думаю, в 1913 году. Шла его пьеса «Тот, кто получает пощечины». Мы были на премьере вместе. Леонид очень изменился со времен молодости, или даже с Черной речки. Много накопилось ядов, горечи. Да и здоровье расшаталось (сердце у него всегда было плохое). Спектакль оказался полу-успех, полу-провал, но в пьесе при всех явных недостатках – нечто пронзительно-андреевское. Постановка доставила ему много страданий.

Было же это лишь вступлением к горестям войны и революции. Он их мучительно переживал: чего-чего, а возбудимости, фантазии и нервности Андрееву не занимать стать. Только теперь, в Финляндии, попались мне его записки этих лет, вплоть до кончины. Сколько в них тоски! И надо же было судьбе до последнего дня преследовать этого выдающегося человека. Осенью 1919 года, когда совсем был он разбит сердечною болезнью, его мучили аэропланы, пролетавшие здесь, бросая бомбы. Со своей дачи он уехал. Жил то в Райволе, то в Мустамяках, задыхаясь от припадков сердца. И в один день сентября не выдержал – совсем ушел, навсегда.[13]

* * *

Мы довольно долго побыли у его могилы, побродили и по кладбищу. День прояснился, было тепло, мягко-солнечно, может быть, как и в тот сентябрьский, последний его день.

Золотой купол церкви сиял. Облака проходили в нем. Средь могильных плит без труда мы нашли многих Андреевых, именно тех, кого знала девушка. Они так же лежат в вечности, как и Леонид, и не виновны, что их слава в местности этой больше, чем Андреева Леонида.

Шофер дремал, когда мы подошли. И снова оказались в пейзаже сновиденья – младости ушедшей, – а когда машина тронулась, я указал жене направо, неожиданно для меня выплывший, на изволоке недалеко от кладбища четырехугольник елочек. В нем остатки фундаментов, построек – все, что осталось от виллы, где маляр напевал свою песенку.

[13] Л.Н. Андреев скончался 12 сентября 1919 года от порока сердца в деревне Нейвола (ныне Горьковское), на даче своего друга, врача и литератора Ф.Н. Фальковского.

А.И. Старков

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ – ХУДОЖНИК-ЖИВОПИСЕЦ

Моей маме Старковой Марии Ивановне посвящается

Писатель и драматург Леонид Николаевич Андреев, 150-летний юбилей со дня рождения которого будет отмечаться в августе этого года, бесспорно, был талантлив не только как литератор. Без тени преувеличения можно сказать, что он был одним из самых загадочных и читаемых писателей начала XX века, его произведения всегда порождали бурные споры и обсуждения, у одних они вызывали восторг, у других – жесткую критику, его пьесы с успехом ставились в лучших театрах России и с не меньшим успехом запрещались цензурой, его рассказы могли вызвать улыбку и создать легкое праздничное настроение, а могли погрузить в тяжелые и мрачные размышления. Его перу был подвластен любой литературный жанр, он с одинаковой легкостью писал статьи и фельетоны, очерки и рассказы, повести, драмы и романы. Он был популярен, известен и востребован как писатель, но далеко не вся читающая публика того времени предполагала, что Леонид Андреев был художником не только литературного слова, но и удивительным художником-живописцем. Надеюсь, это будет интересно узнать и современным читателям.

Тяга к рисованию проявилась у Леонида Андреева еще в детстве. Находясь уже на вершине славы, в 1911 году, отвечая на вопросы анкеты для Ф.Ф. Фидлера, Андреев напишет:

«.... Чуть ли не с самого младенчества чувствовал страстное влечение к живописи. Рисовал много (первой учительницей была мать, которая держала карандаш в моих руках); но так как в Орле ни школ, ни настоящих учителей не было, то все дело ограничивалось бесплодным дилетантизмом. Бывали удачные рисунки и портреты, за которые меня хвалили, а учителя гимназии советовали немедленно ехать в академию <...>, но еще чаще бывали неудачи, и во всем, что я рисовал, чувствовалось отсутствие школы, иногда простая неграмотность. Натуры я не любил и всегда рисовал из головы, впадая временами в комические ошибки: до сих пор вспоминаю лошадь, у которой по какой-то нелепой случайности оказалось всего три ноги. Все уже кончил, "оттушевал" бока, похожие на колбасу, а четвертую ногу позабыл. И только посторонний, критический взгляд открыл мне мою позорную забывчивость. И до чего было обидно, прекрасно оттушеванной колбасы никто не заметил, а над ногою все смеялись. Фантазировал я бесконечно: был у меня огромный альбом "рож", штук триста, и года два или три я провел в мучительных поисках "Демона"».[1]

[1] *Фидлер Ф.Ф.* Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских Писателей. М. 1911. С. 29, 30.

Забавный случай из детства Андреева вспомнил в 1922 году орловский старожил А.Г. Шиллер, знавший семью Андреевых:

«Леонид Андреевич, по словам отца, отличался в детстве необычайной бойкостью и способностями, особенно к рисованию. Один раз он разноцветными карандашами нарисовал одну сторону бумажного рубля и настолько удачно, что в сумерках отец охотно разменял этот рубль на мелкие серебряные монеты, но когда при лампе увидел не зарисованную обратную сторону, то Леониду хорошо "всыпали", т. к. отец увидал в этом факте государственное преступление – подделку денег».[2]

«Эту черту моей любви к живописи я бы хотел выделить в своей биографии. – напишет Андреев для популярного журнала "Журнал для всех". – Посейчас, иногда я задаю себе вопрос: какое мое подлинное призвание, – художническое или писательское? Писать, во всяком случае, я начал в юношеские годы; в раннем же детстве я не помню себя иначе, как с карандашом рисовальщика в руке. Если живописец во мне совершенно погиб, даже не появившись, этим я обязан только тому, что родился в провинциальном русском городе, где не было ни одного учителя рисования, где решительно никто не мог мне просто посоветовать, как держать карандаш. Единственным человеком, глядя на которого я все-таки мог знать, что люди рисуют, был мой дядя, впрочем, умевший рисовать только лошадок...».[3]

Во время учебы в Московском университете Андреев сильно нуждался, безуспешно пытаясь попасть в печать, брался за любую работу. Как он вспоминал позднее: «давал уроки, служил и зарабатывал деньги иными возможностями, но с бóльшим удовольствием и успехом отдавался живописи, а именно, рисовал на заказ портреты по 3 и по 5 р. штука. Усовершенствовавшись, я стал получать за портрет по 10 и даже 12 руб.».[4]

Возможно, «усовершенствование» произошло благодаря брату Павлу, который в это время учился в Московском Строгановском центральном училище технического рисования:

«Когда позднее, в бытность мою студентом, я увидел у брата приборы для рисования и узнал, что существует так называемая "растушка", что можно писать не карандашом, а так называемым "соусом",[5] я с горечью вспомнил детство».[6]

После окончания университета, уже работая в качестве судебного репортера в газете «Курьер» и освещая процесс по делу братьев Скитских, Леонид Андреев в своем очерке сопровождает текст оригинальными рисунками с портретами братьев в зале суда, скрываясь под псевдонимом «Л.-ев».

Постепенно в «Курьере», кроме судебных репортажей, стали появляться и другие материалы Андреева: вначале маленькие фельетоны, потом большие, потом пасхально-праздничная беллетристика... Так постепенно Леонид Андреев начал

---

[2] *Фатов Н.Н.* Молодые годы Леонида Андреева. Москва. 1924. С. 249, 250.

[3] «Журнал для всех». Ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный. Под ред. Миролюбова. 1903. № 1. С. 2.

[4] *Измайлов А.* Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы. М. 1911. С. 242.

[5] «Соус» – графический материал для рисования в виде мелка. Леонид Андреев в основном рисовал пастелью, а она в свою очередь имеет много разновидностей. Упрощенно говоря: пастель – это цветные мелки с богатой цветовой гаммой, различающиеся связующим веществом. К «монохромным», то есть однотонным, разновидностям пастели, относятся: сангина – имеет красновато-коричневый тон, сепия – коричневый, мел – белый, соус – от серовато-серебристого до черного. Все эти материалы хорошо поддаются растушевке и могут сочетаться друг с другом. Существуют разновидности этих материалов, которые хорошо растворяются в воде и позволяют работать с ними кисточкой.

[6] *Измайлов А.* Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы. М. 1911. С. 245

Петръ Скитскій.
(Оригинальный рисунокъ Л.—ева).

Степанъ Скитскій.
(Оригинальный рисунокъ Л.—ева).

Петр Скитский и Степан Скитский. Рисунки Л. Андреева. Газета «Курьер» 27 мая 1900 года

завоевывать интерес читающей публики. Дальнейшая карьера писателя хорошо известна: через несколько лет имя Леонида Андреева будет на устах у всей читающей публики, придет известность, с ней придет обеспеченность и появится тот самый дом на Черной речке в деревне Ваммельсуу, где пройдет вся оставшаяся жизнь писателя.

Про дом, который построил в 1908 году по рисункам Леонида Андреева «домашний» архитектор А.А. Оль (осенью он станет мужем сестры Андреева Риммы) ходило много легенд. Действительно, дом был необычный. И не только внешне. Громадный двухэтажный бревенчатый дом с высокой квадратной башней стоял на возвышенности на берегу Черной речки, сверкая зеркальными окнами и выделяясь ярким пятном на фоне природы красной черепичной крышей. Дом был построен с учетом всех прогрессивных достижений того времени: оснащен электричеством, водопроводом, канализацией, телефоном, 15 комнат согревали 20 изразцовых печей и каминов, мебель заказывалась по каталогам или была выполнена на заказ.

Но главным украшением дома были картины.

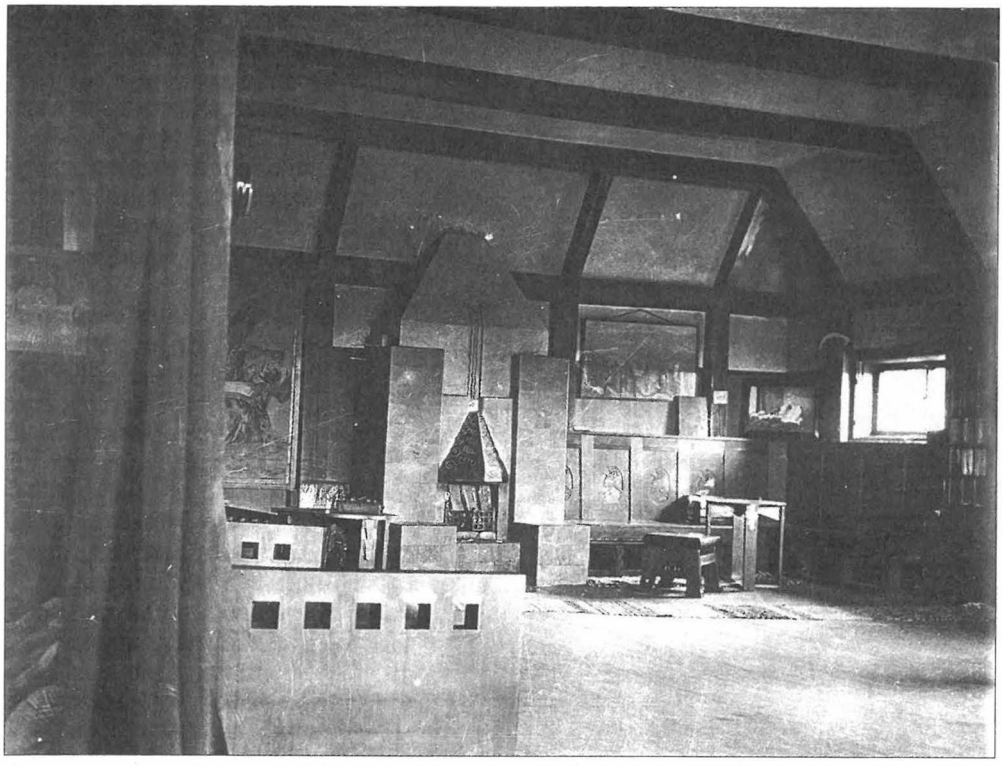
Сохранилось большое количество фотографий интерьеров дома, сделанных в разное время как самим Леонидом Андреевым[7] (многие из них цветные), так и известными профессиональными фотографами, среди которых Карл Булла, Михаил Никитин.

По этим фотографиям, сравнивая висящие на стенах картины, можно легко определить время съемки: они появлялись и сменяли друг друга с завидной частотой передвижной художественной галереи.

Одними из самых ранних работ Леонида Андреева, дающих представление о том, на сколько он смог «усовершенствоваться» в рисовании портретов, являются два автопортрета, относящиеся к 1897 году.

---

[7] Подробнее см.: *Старков А.И.* Леонид Андреев – фотограф // Карельский перешеек. Страницы истории. Книга вторая. СПб. 2018. С. 219–226.



Кабинет Л.А.Андреева. Из фондов ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН

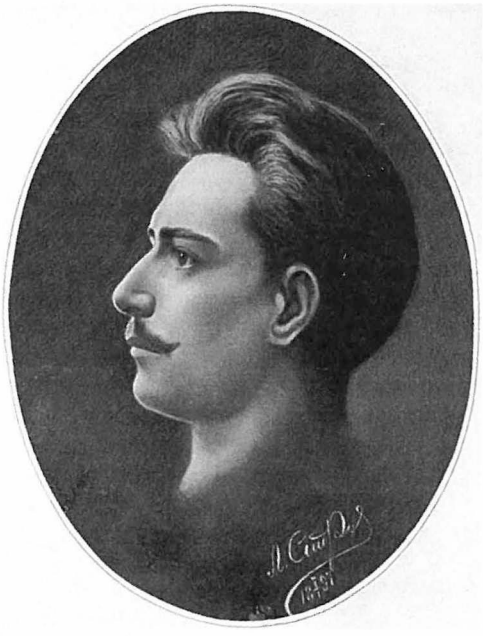
В настоящее время их можно увидеть в экспозиции дома-музея Леонида Андреева в Орле. Этот музей входит в Орловский объединенный государственный литературный музей им. И.С.Тургенева (ООГЛМТ).

Детский портрет всегда висел в комнате матери писателя, Анастасии Николаевны:

«На стене висел большой портрет папы. Очень серьезный маленький мальчик, чем-то похожий на Наполеона, важно сидел в плетеном креслице. Мне всегда как-то не верилось, что наш папа мог быть когда-то таким вот мальчиком вроде Саввки, которого, может быть, тоже шлепали и ставили в угол за шалости. Однако внимательный и печальный взгляд мальчика и суровая складочка между темными бровями убеждали, что это все ж таки папа», – вспоминала дочь писателя Вера.[8]

Детский автопортрет («соус», гуашь, тушь). 1897 год. ООГЛМТ

[8] *Андреева В.Н.* Дом на Черной речке. М. 1980. С. 51, 52.



Автопортрет («соус», гуашь). 1897 год. ООГЛМТ

Ко второму автопортрету с большой долей уверенности можно отнести воспоминания Скитальца, который видел его еще в московской квартире Леонида Андреева на Плющихе:

«На стене висел очень хорошо нарисованный тушью его собственный портрет, сильно идеализированный: на портрете Андреев был еще красивее, чем в натуре.

– Когда это ты был таким сверхкрасавцем? – спросил я его.

– Да никогда не был! – смеясь, ответил Андреев. – Это я сам себя рисовал. Я когда-то усиленно занимался живописью, в художники стремился, да бросил теперь... так, для себя иногда рисую!».[9]

Но вернемся к дому на Черной речке.

Насколько живопись поглощала отца, вспоминает Вадим Андреев:

«В своих увлечениях отец всегда бывал цельным: устройство сада исключало фотографию, живопись заставляла его забывать и о том, и другом. Целые дни он проводил перед мольбертом, по вечерам читал только книги, касавшиеся живописи, имена художников, школ, технические термины у него не сходили с языка. В тех случаях, когда он не писал пейзажи, моделями для портретов служили все — и Анна Ильинична и бабушка, и я, и даже неосторожно приехавший гость, не знавший, что он попадет к Андрееву-художнику, который совершенно забыл о том, как пишут книги».[10]

Пожалуй, самые необычные картины, создававшие особую атмосферу таинственности и мистики, находились в личном кабинете писателя, стены которого Андреев украсил копиями офортов испанского художника Франсиско Гойя.

«Кто-то из знакомых, – вспоминал Андреев – остановил мое внимание на том, что будто бы легко установить духовное родство между мной и Гойя. Будто бы есть сходство в выборе сюжетов и в трактовке их, есть сходство и в художественных переживаниях. Это меня заинтересовало, и во время путешествия за границей я присмотрелся к работам Гойя и полюбил этого изумительного художника. Это было в то время, когда я писал "Красный смех". У Ф. Гойи ведь тоже есть картина "Ужасы войны"».[11]

Особую гордость вызывала у Андреева оценка этих копий, данная его другом, художником Валентином Серовым: «Я <...> срисовывал в последнее время некоторые картины Гойя, и в общем настолько не худо, что художник Серов похвалил мою работу...».[12]

Эти два офорта были выбраны Андреевым из двух различных серий офортов – «Капричос» и «Бедствия войны», объединявших свыше 160 гравюр.

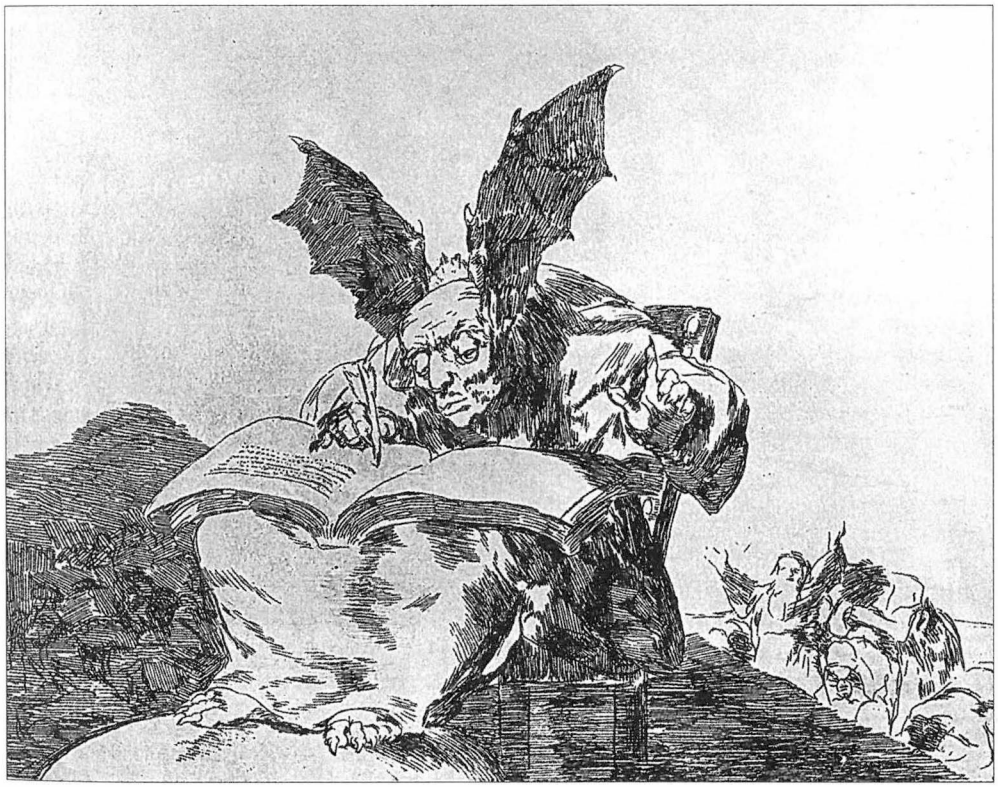
Детскими впечатлениями об этих картинах поделилась дочь Вера:

---

[9] *Скиталец (С.Г. Петров).* Повести и Рассказы. Воспоминания. М. 1960. С. 384.
[10] *Андреев В.Н.* Детство. М. 1966. С. 58.
[11] *Брусянин В.В.* Леонид Андреев. Жизнь и творчество. М. 1912. С. 80.
[12] Там же. С. 31.

Леонид Андреев у копии с офорта Ф.Гойи. Альбом «Литераторы в лицах. Фотографии русских писателей из собрания Государственного Литературного музея. 1850–1916». М. 2008. ГЛМ им В. Даля

Ф. Гойя. Офорт из цикла «Бедствия войны» (1810–1820). Лист 71. Против общественного блага (Contra el bien general). Крылатый демон сидит на скале и пишет в книгу, книгу судеб или книгу зла



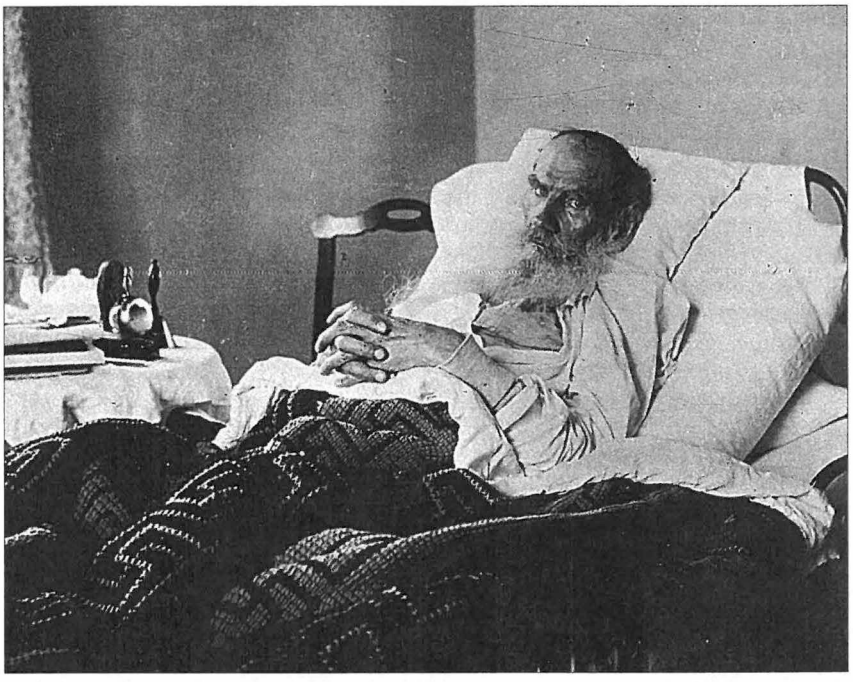
«Над громадным камином – картина, нарисованная углем на сером картоне. Это копия картины Гойи. Она занимает почти полстены – там изображены в человеческий рост два черта. Они, видимо, собираются на какой-то бал у себя в аду и тщательно занимаются туалетом <...> с другой стороны камина на таком же сером картоне, нарисован еще один черт <...>, он сидит на земном шаре и держит на коленях большую раскрытую книгу. В одной руке у него гусиное перо, другая рука своим длинным указательным пальцем с загнутым когтем на конце в знак внимания показывает вверх. Длинные мохнатые уши насторожены – от их слуха ничего не уйдет».[13]

Дополнительную мрачность в кабинет писателя вносил и портрет Льва Толстого, который висел в довольно темном месте у камина и закрывался шторками.

Портрет написан по фотографии 1902 года, сделанной во время болезни Л.Н. Толстого брюшным тифом в Гаспре (Крым). Сам выбор сюжета для портрета – лежащего в постели больного писателя – не совсем обычен, но характерен для Леонида Андреева. В этом портрете Андрееву удалось не только точно воспроизвести изображение с фотографии, но и передать силу духа больного писателя, сделав акцент на сильном пронзительном взгляде и узловатости пальцев рук.

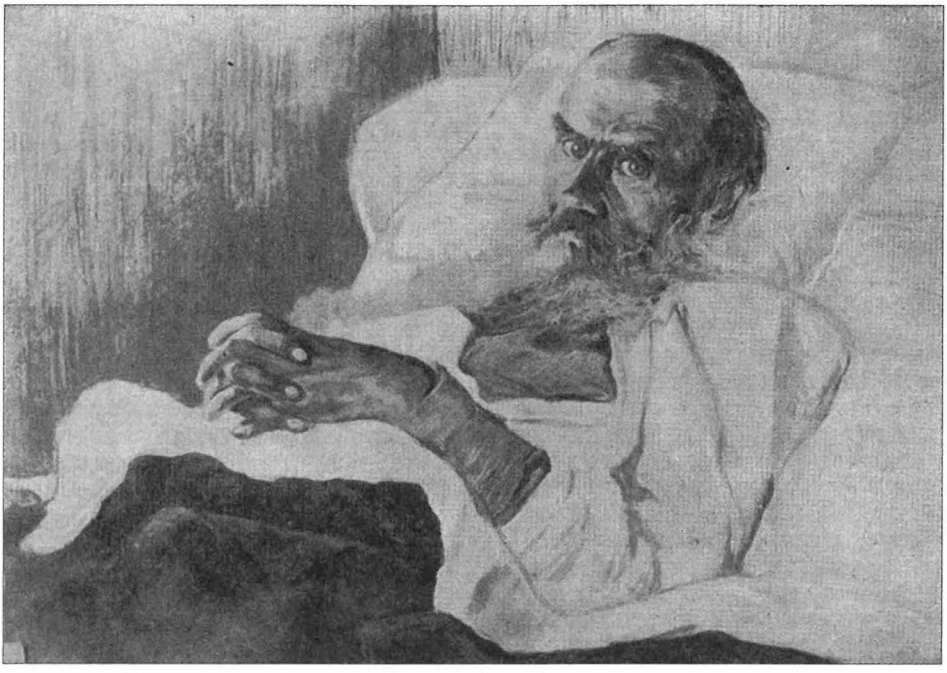
Андреев с благоговением относился к писательскому гению и личности Толстого: «Выше Толстого я никого не знаю, каждое его произведение считаю образцом искусства и мерилом художественности», – писал он.[14]

Единственная встреча Андреева с Толстым состоялась лишь в апреле 1910 года, за полгода до смерти Льва Николаевича. Откликом на это событие стали два портрета Толстого, написанные Андреевым по фотографиям, сделанным в разные годы С.А. Толстой. «Парадный» портрет Толстого с рукой за поясом, скопированный



Л.Н. Толстой во время болезни в Гаспре (Крым). Фото С.А. Толстой

[13] *Андреева В.Н.* Дом на Черной речке. М. 1980. С. 21, 22.
[14] *Андреев Л.Н.* Повести и рассказы в двух томах. Т. 2. М. 1971. С. 421.



Л.Н. Андреев. Портрет Л.Н. Толстого, представленный на выставке «Товарищества независимых». Журнал «Солнце России». 1913. № 53

с фотографии 1892 года, сейчас можно увидеть в Орле, а судьба второго портрета заслуживает особого внимания.

Этот портрет, вместе с еще двумя картинами Леонида Андреева, экспонировался в 1913 году на III выставке «Товарищества независимых». Вот некоторые отклики прессы:

«Выставка "Независимых" пополнилась произведениями Леонида Андреева. Среди работ, выставленных писателем, обращает на себя внимание большой карандашный портрет Толстого; затем портрет г-на Виллин интересен своеобразной техникой, свидетельствующей о том, что Л.Андреев и в живописи не чужд влияния нового направления; но самой удачной из работ Л.Андреева можно считать эскиз "Музыка", изображающий трех фантастических музыкантов».[15]

«На III выставке "Товарищества независимых" <...> обращает на себя внимание типичный портретный эскиз работы Леонида Андреева "Финн". Талантливый писатель, как оказывается, не чуждается и живописи, и его кисти свойственны и выразительность, и художественная правдивость. Типичные черты изображенного им финляндского простолюдина свидетельствуют об этом с достаточной убедительностью».[16]

Участие Леонида Андреева на выставках в качестве художника было не первое.

В 1910 году на углу Невского и Александровского сада по инициативе художников Д. Бурлюка (группа «Венок-Стефанос») и Н. Кульбина (группа «Треугольник») проводилась выставка «Рисунков русских писателей» и на ней были представлены работы Леонида Андреева, но выставка тогда не привлекла большого внимания у прессы.

Картины «Финн» и «Музыканты» (см. вклейку) сохранились и в настоящее время находятся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) в Санкт-Петербурге.

[15] Столичная молва. 11 марта 1913 года.
[16] Нива. 1913. № 39. С. 780.

Комната жены, Анны Ильиничны. На стене картины Л.Н. Андреева (слева направо): «Музыканты», «Автопротрет», «Финн». ЦГАКФФД СПб

Обе картины воспринимаются как авторские иллюстрации и видение своих произведений изнутри.

У картины «Финн» есть прототип – это дворник Андреевых Вилли. В традиционной финской шапке, которая называется «koivistolainen», с шарфом в цветах российского триколора, с обледенелым неподвижными лицом и мутно-голубыми, почти прозрачными, глазами портрет финна действительно является большой творческой удачей Андреева.

О картине «Музыканты», впрочем, как и других картинах-иллюстрациях к своим произведениям, рассуждает В.В. Брусянин:

«Интересно написан Андреевым пастелью и этюд к одной из сцен из «Жизни Человека». Зарисованы те самые музыканты, которые назойливо играют на балу у Человека. Избитый мотив пошлой музыки претворен писателем красочными карандашами и слит с «пышной и богатой» обстановкой на балу Человека. Сделал писатель и этюд своего «Некоего в сером». Режиссерам следовало бы посмотреть на эту работу. «Некто в сером» в толковании Андреева карандашом не так похож на то, что дали нам режиссеры московского театра и театра покойной Комиссаржевской. Может быть, художники из сравнения двух изображений на сцене и на картоне как раз и вскрыли бы ту тайну, которую устанавливает Андреев в своем взаимоотношении увлечения живописью и литературной работой. В коллекции художественных работ Андреева имеются еще этюды на тему искушения Христа в пустыне».[17]

[17] *Брусянин В.В.* Леонид Андреев. Жизнь и творчество. М. 1912. С. 71, 72.

Картина «Некто в сером» для Андреева имела особое значение. В первую очередь это память о первой жене – Александре Михайловне Велигорской. Пьеса «Жизнь человека» была последним произведением, детали которого они обсуждали вместе. Андреев всегда прислушивался к мнению жены и готов был по нескольку раз переделывать уже готовый текст. Эта пьеса посвящена ее памяти. Картина, выполненная пастелью, висела на стене широкой лестницы, ведущей на второй этаж в кабинет писателя, и каждый день, как бы неслышно, напоминала каждому проходящему мимо нее фразу из пролога пьесы: «...Вот пройдет перед вами вся жизнь Человека, с ее темным началом и темным концом...».

Л.Н. Андреев. «Некто в сером». Пастель. Русский архив в Лидсе. Лидсский университет, Великобритания

О своем восприятии картины и о ее значимости для отца вспоминал старший сын писателя – Вадим:

«Вскоре после прихода белых отец попросил меня принести большую садовую лестницу и поставить ее на площадке, в приемной. Здесь в высоком пролете висел его рисунок, занимавший всю стену: серая, огромная, тяжелая как камень фигура "Некто в сером", со свечою в руке, озарявшей четырехугольный, твердый подбородок. К этому рисунку отца я долгое время не мог привыкнуть – была в нем тяжелая тревога, безысходность, как только я взглядывал на него, мне казалось, что он сейчас раскроет свои твердые, каменные губы и заговорит холодным голосом, лишенным волнения и страсти, "как наемный чтец, с суровым безразличием читающий книгу Судеб".

С ящиком пастельных мелков под мышкой отец влез на самый верх лестницы и, с трудом сохраняя равновесие, сначала стер, а потом наново нарисовал свечу – и стала "свеча в Его руке не больше как толстый огарок, горящий красноватым, колеблющимся огнем. И так же красны блики на каменном лице Его".

Я не выдержал и спросил отца:

– Зачем ты это делаешь? Не рано ли?

Стряхивая пастельную пурпуровую пыль с рукава бархатной куртки, он ответил, отводя глаза в сторону:

– Пора. Уже давно пора».[18]

[18] *Андреев В.Н.* Детство. М. 1966. С. 208.

В 1913 году, во время переговоров с «Товариществом А.Ф. Маркс» о выпуске «Полного собрания сочинений» в качестве приложения к иллюстрированному еженедельнику «Нива», у Андреева возник план проиллюстрировать произведения собственными рисунками. Но издательство по техническим причинам не смогло выполнить его непременное условие – репродукции должны были быть цветными. «Относительно рисунков дело не выходит, – с сожалением заметил Андреев в одном из писем. – Важен колорит, а черные и "Ниве" мало доставят удовольствия, и мне».[19]

«Остается только сожалеть о несвершившихся планах, возможно, это пополнило бы коллекцию картин Леонида Андреева к своим произведениям и позволило бы дополнительно раскрыть их авторское видение. Ведь не сразу можно узнать, например, в картине "Один оглянулся" "Черных масок", шествующих толпою в замок Герцога Лоренца на призывные огни».[20]

Справедливости ради нужно отметить, что журнал «Солнце России» в это время уже широко использовал цветную печать и в январском номере 1912 года разместил цветную репродукцию картины Андреева «Иуда» (см. вклейку), и дал высокую оценку совпадению литературного и живописного портретов персонажа рассказа «Иуда Искариот»:

«Большинство читателей Леонида Андреева вероятно и не подозревают, что знаменитый писатель запечатлевает создаваемые им образы не только пером, но иногда и кистью. Леонид Николаевич с любовью посвящяет свои досуги занятиям живописью. Им написаны несколько картин, обращающих на себя серьезное внимание знатоков живописи, которым довелось познакомиться с картинами Л.Н. в доме писателя. <...>».

Чрезвычайно интересно видеть параллелизм двух видов творчества у одного и того же автора. Заимствуем с этой целью из «Иуды Искариота» строки, посвященные описанию наружности Иуды:

«<...> Короткие рыжие волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черепа: точно разрубленный с затылка двойным ударом меча и вновь составленный, он явственно делился на четыре части и внушал недоверие, даже тревогу: за таким черепом не может быть тишины и согласия, за таким черепом всегда слышится шум кровавых и беспощадных битв. Двоилось также и лицо Иуды: одна сторона его, с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, охотно собиравшаяся в многочисленные кривые морщинки. На другой же не было морщин, и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая, и хотя по величине она равнялась первой, но казалась огромною от широко открытого слепого глаза. Покрытый белесой мутью, не смыкающийся ни ночью, ни днем, он одинаково встречал и свет и тьму, но оттого ли, что рядом с ним был живой и хитрый товарищ, не верилось в его полную слепоту. Когда в припадке робости или волнения Иуда закрывал свой живой глаз и качал головой, этот качался вместе с движениями головы и молчаливо смотрел. Даже люди, совсем лишенные проницательности, ясно понимали, глядя на Искариота, что такой человек не может принести добра».[21]

Такое детальное совпадение образов Андреев объяснял очень просто: «Эту черту [любовь к живописи] я отмечаю потому, что, может быть, она может кое-что объяснить и в моей беллетристической манере. Может быть, потому у меня всегда прежде слагается внешний физический облик описываемого лица и потом окончательно определяется духовный образ».[22]

---

[19] *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. 2010. С. 264.

[20] *Львов-Рогачевский В.* Две правды. Книга о Леониде Андрееве. СПб. 1914. С. 34.

[21] Иллюстрированный еженедельный журнал «Солнце России». 1912. № 1. С. 6, 7.

[22] *Измайлов А.* Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы. М. 1911. С. 245.

И еще: «Я не могу ошибиться в описании деталей: изображаемое лицо я вижу в мелочах».[23]

Несколько слов о других портретах, занимающих особое место в живописи Леонида Андреева. До настоящего времени их сохранилось совсем немного. Это портрет матери, который был подарен в 1913 году брату Павлу. Сейчас он находится в Литературном музее в Москве, но его копию можно увидеть в доме-музее Андреева в Орле. Это два удивительных по красоте портрета детей – Веры и Саввы (см. вклейку), хранящиеся в Пушкинском доме. В Русском архиве Лидсского университета находится портрет жены, Анны Ильиничны. К сожалению, многие работы Леонида Андреева утрачены, но, к счастью, некоторые из них можно разглядеть на фотографиях и автохромах писателя. К таким удачам можно отнести автопортрет 1915 года, портрет сына Вадима, сидящего у входа в кабинет отца, написанный с известного автохрома, портрет Анны Ильиничны, кормящей Савву, портрет Белоусова...

Для художника Леонида Андреева увлечение фотографией создавало дополнительные возможности – многие из его фотографий послужили основой для написания картин. Такой прием широко использовали многие художники, например, И.Е. Репин при создании картины «Торжественное заседание Государственного совета». Именно фотографии лежат в основе картин Андреева «Итальянский пейзаж. Аттиева дорога», «Итальянский пейзаж. Руины», «Дом в Ваммелсуу».

Андреев не был, мягко говоря, верующим человеком, но религиозная тематика в живописных работах подчас неожиданна и интересна. Его рисунки «Цари Иудейские» и «Иисус Христос» могут вызывать определенное несогласие с религиозной трактовкой образов, но нельзя не признать их художественную красоту.

В Государственном литературном музее в Москве хранится шуточная икона «Св. Исайя», которую подарила Римма Николаевна Андреева. Эту икону Леонид Андреев написал специально к ее венчанию в 1913 году с Андреем Олем, хотя их брак состоялся еще осенью 1908 года. Св. Исайя – пророк, живший за 700 лет до рождества Христова и предсказавший рождение Мессии, а песнопение «Исаие Ликуй» исполняется при проведении православного обряда венчания. Именно к этому событию Леонид Андреев и предложил свой шуточный вариант иконы для благословения.

«Вся фигура “святого”, мастерски изображенная Леонидом Андреевым, – была сплошным кощунством...

Глаза “святого” были – глаза перворазрядного жулика... Нос – “горчайшего пьяницы”...

Лицо – отъявленного развратника... И к довершению всей “святости” – рога.

И вот, этой самой “иконой”, этим самым “святым” – Леонид Андреев торжественно благословил на брак свою сестру, Римму Николаевну, давая тут же ей совет – «убрать эту икону подальше, дабы святой не развращал своим видом молодоженов».[24]

Эскизный набросок иконы «Св. Исайя» хранится в Русском архиве Лидсского университета (Великобритания).

После смерти в 1919 году Леонида Андреева буквально через несколько лет не стало и дома на Черной речке – хранилища бесценных материалов, связанных с жизнью и творчеством писателя. Покидая Финляндию, жена Анна Ильинична смогла забрать из разрушающегося дома только часть личных вещей писателя. Сам дом был продан на дрова, а черепицу использовали при строительстве новой финской народной школы... Можно назвать чудом, что незадолго до этого, зимой 1923 года, в Финляндию смогла приехать Римма Николаевна. Оценить словами совершенное сестрой писателя невозможно. Приведу только два факта. После завершения

[23] *Брусянин В.В.* Леонид Андреев. Жизнь и творчество. М. 1912. С. 84.

[24] *Гарина Нина.* Воспоминания о Леониде Андрееве. Публикация Л.Н. Ивановой.

выставки, организованной при ее содействии в 1924 году в Пушкинском доме в пятую годовщину со дня смерти Леонида Андреева, бóльшая часть мемориальных вещей, картин, фотографий, книг и рукописей была оставлена в нем на постоянное хранение. В 1935 году она передала в дар Литературному музею в Москве шуточную икону «Св. Исайя» и другие материалы.

В настоящее время картины и рисунки Леонида Андреева «разбросаны» по разным литературным музеям и архивам. Возможно, я плохо искал, но мне не удалось найти какой-либо каталог или систематизированное описание живописного наследия писателя, поэтому остается только надеяться, что найдутся специалисты-энтузиасты, которые соберут воедино эту информацию из различных источников, объединив для начала информацию из литературных музеев – ГЛМ им. Даля, ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), ООГЛМТ им. Тургенева, Русского архива Лидсского университета (Великобритания), Национального музея Финляндии (Хельсинки).

А закончить свой рассказ хотелось бы словами Скитальца:

«Я не знаток в живописи, но мне кажется, что Андреев был хотя и далеко технически незаконченным, но незаурядным портретистом-художником. Посвяти он себя живописи, – он и в ней, вероятно, проявился бы не менее крупно, чем в литературе».[25]

---

[25] *Скиталец (С.Г. Петров).* Повести и Рассказы. Воспоминания. М. 1960. С. 384.

Автор выражает свою искреннюю благодарность Орловскому объединенному государственному литературному музею им. И. С. Тургенева в лице Веры Витальевны Ефремовой, ЦГАКФФД за предоставленную возможность использования хранящихся у них материалов, Русскому архиву в Лидсе (РАЛ) (Лидсский университет, Великобритания) в лице Ричарда Дэвиса за поддержку документами и ценными советами, сделанными в ходе написания статьи, а замечательному коллективу Литературного музея Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) в лице Юлии Вячеславовны Веретновой еще и за огромную помощь при работе с архивами в сложное время пандемии. Отдельно хочу поблагодарить Людмилу Николаевну Кен – ее мнение и рекомендации были для меня очень важными.

Якоб Аренберг

СЕЛО КЮЮРЁЛЯ

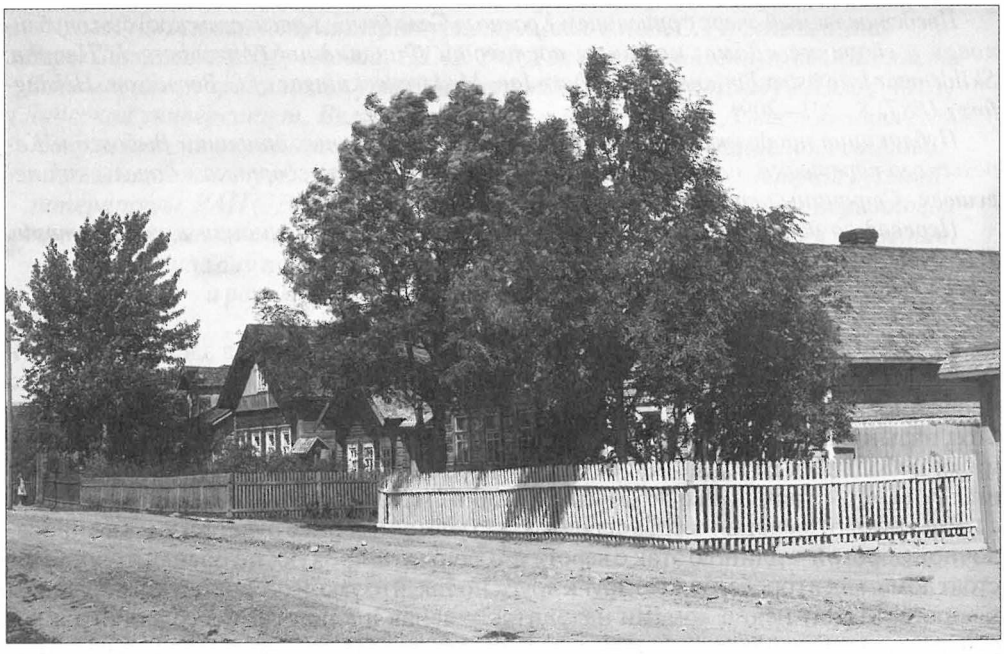
Русским читателям, интересующимся историей Карельского перешейка, Якоб Аренберг (1847–1914) известен прежде всего как архитектор, построивший ряд замечательных зданий в Выборге, Кексгольме и Сортавале. Но Аренберг вел также и активную литературную деятельность, став автором 24-х книг, в числе которых были романы, сборники рассказов и очерков, исследования в области истории искусства и этнографии, мемуары. К сожалению, эта сторона творчества Аренберга в России практически неизвестна.

Представляемый очерк с описанием Красного Села (ныне Красносельское) был опубликован в сборнике «Дóма: картины восточной Финляндии» (Ahrenberg J. Hemma: Skildringar från östra Finland / Ahrenberg Jac. Med tre teckningar af G.Berndtson. Helsingfors, 1887. S. 201–209).

Публикация продолжает серию переводов шведоязычных описаний Выборга и Карельского перешейка, напечатанных в предыдущих книгах сборника «Карельский перешеек. Страницы истории».

Перевод со шведского Г.Е. Зубцовой. Подготовка к публикации и комментарии Г.Е. Зубцовой и И.С. Лапина.

Красное Село (не царская летняя резиденция, а деревня в здешней волости Муолаа, известная также под именем Кююрёля) – поселение настолько необычное, что небольшие заметки о нем могут быть небезынтересны. Поселок этот, называемый его уроженцами гордым именем Красное Село, будет покрупнее иных небольших городов. Вдобавок, его выгодно отличает красочность, живописность, присущая далеко не многим из наших малых городков и селений. Читатель с готовностью представил себе деревенскую улицу – вернее будет назвать ее проселочной дорогой – длиною этак с версту и довольно широкую; по обеим сторонам ее стоят дома, как в городе, близко друг к другу, но так, что узкой стороной они обращены к дороге. Между нею и домами находится зеленая площадка, место для игр и хороводов деревенской детворы и так далее. Перед каждым третьим-четвертым домом стоит колодец с монументальным шестом, косой чертой темнеющим на фоне небесной синевы. То рябина, то береза со следами ножа и топора, принесшие в жертву нижние свои ветки для повседневных людских нужд, нарушают однообразный ряд фасадов и сообщают перспективе приятный ритм. Дома, в большей или меньшей степени обветшалые, стоят прямо на земле и сложены из круглых бревен; кровли их крыты соломой, досками или дранкой. Конек крыши, причелины и наличники фасадных окон украшены затейливыми орнаментами и резьбой. На окнах вдобавок ставни, сверкающие яркими красками.



Деревня Кююрёля. 1930-е годы. Museovirasto

Из сказанного явствует, что Кююрёля – Красное Село – никоим образом не финская деревня, Кююрёля – чисто русское поселение, и таким оно стало уже давно. Еще до того как Петр Первый заключил Ништадтский мир и получил безусловные права на Выборгский лен, он совершил 28 донаций, пожаловав не менее 2748 дворов с землями «в вечное владение, с правом передачи по наследству, с крестьянами и скотом», как гласили дарственные документы. Овладев Выборгом, царь Петр

даровал 21 июля 1710 года первому русскому коменданту города Григорию Петровичу Чернышеву[1] 92 крестьянских двора в приходе Муолаа. Среди дарованных деревень было несметное число заброшенных, опустевших за годы «Великого лихолетья»,[2] во время царствования Карла XII. Такой была и Кюрёля, которую комендант Чернышев заселил крестьянами из Малороссии – согласно утверждению некоего русского газетчика, который будто бы распознал малороссийский говор по кюрёльско-русским мягким окончаниям глаголов множественного числа.[3] Итак, нам предстоит познакомиться с чисто русской деревней, перенесенной на финскую землю. Хоть в целом она и несет отпечаток унылой бедности, надо признать, что Кюрёля, в сравнении с окрестными финскими деревнями, может по праву называться Красным Селом, ибо здесь видно явное желание украсить, добавить привлекательное сверх необходимого. Пусть сработано небрежно и с ошибками; однако, во всех несуразностях вкуса и нелепостях есть нечто, говорящее о стремлении принести жертву красоте. Чуть ли не посреди села стоит бывшая барская усадьба, колоссальный деревянный дворец, в окружении колонн пестумского типа, сделанных на старый выборгский манер: бревна, обернутые несколькими слоями мешковины, грунтовали смесью мела и животного клея и художественно расписывали под восковожелтый наксосский мрамор либо джалло антико с тонкими прожилками; писано, конечно, клеевыми красками. Дощатый руст, окна высокие, сводчатые, в грубом деревянном обрамлении. Здание венчает деревянная башенка с куполом из тонких гнутых досок. Изнутри купол расписан кассетами, украшен розетками, гирляндами, канделябрами и проч., и проч. Это помпезное сооружение с претенциозными и фальшивыми формами превосходно отражает дух эпохи, его породившей.

Прежний огромный парк с живыми изгородями, шпалерами, прудами и мостиками превратился в луг, где лишь бобовник, одинокие кусты одичавших роз да пара полусгнивших деревянных фундаментов говорят о былом великолепии.

После того, как в этом здании размещались лакокрасочная фабрика, аптека и почтовая контора, в нем расквартировали старший и младший командный составы 32-й резервной роты.[4] Можно сказать с уверенностью: так, как командир 32-й роты, из наших офицеров запаса не живет никто.

Рядом с барской усадьбой находится русская церковь, пестро раскрашенное здание, сияющее всеми цветами радуги.[5] Чуть поодаль – бывший «этап», где на пути из Финляндии в Сибирь останавливались передохнуть заключенные – теперь это огромный развалившийся сарай. Как видим, село Кюрёля выросло до гораздо бóльших масштабов, чем нынешняя его жизнедеятельность в состоянии наполнить.

Но погожим летним днем, особенно в субботу или в воскресенье пополудни на широкой сельской улице можно заметить оживление, которое вызывает в памяти время, когда сам владелец дарованных земель жил тут в подобающей ему роскоши, охотился, устраивал винные застолья и приглашал высоких гостей из императорской столицы на fêtes champétres.[6] И вот, все жители села высыпали на улицу, сидят кто

---

[1] Аренберг неверно пишет фамилию Г.П. Чернышева: Tschenischeff.

[2] То есть Северной войны.

[3] На самом деле Красное Село было заселено выходцами из центральной России.

[4] Резервные роты существовали в Финляндии в 1883–1901 годах. В этих ротах рядовые, годные к военной службе, но не состоящие на действительной службе, проходили военную тренировку в течение трех летних сезонов, в общей сложности 90 дней. Каждая резервная рота имела собственную территорию призыва, в центре которой находились казарма и склад роты.

[5] Аренберг описывает вторую церковь в истории Сретенского Красносельского православного прихода. Этот храм был построен в 1803 году и сгорел в 1894-м.

[6] Праздник на лоне природы, пикник; сельский праздник. Развлечение, популярное среди знати в XVIII веке, особенно во Франции, в Версале.

возле своего колодца, кто на крылечке. Мальчишки играют в бабки[7] гладкими, будто отполированными свиными косточками, девочки непринужденно танцуют и поют, а взрослые под звуки гармоники обсуждают события дня.

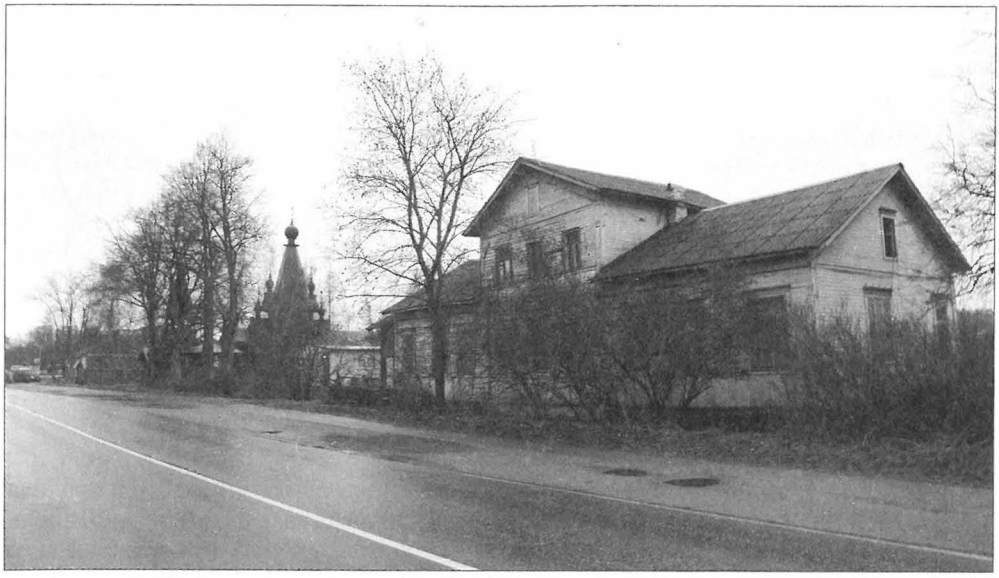
Неимоверно огромные сорочьи собрания, рассевшись по изгородям, стрекочут арии из «Сороки-воровки». Куда пестрее, чем сорочье оперение, женские наряды – юбки из цветастого ситца; они цельнокроены с лифом, что чрезвычайно некрасиво. Талия поднята почти до подмышек; помимо того, что такой фасон уродует грудь, он придает женскому телу весьма забавные пропорции: голова и торакс выглядят до смешного маленькими по сравнению с колоссальным абдоменом,[8] если говорить языком энтомологов. Лица мужского пола встречаются лишь изредка. Одеты все традиционно по-мужицки. Причина значительной диспропорции между числом мужчин и женщин в том, что земледелие и кустарное ремесло в этих краях совершенно поменялись местами. Мужчина прежде всего – кустарь, мастер гончарного дела, маляр, обойщик, а уж потом землепашец. Он проводит бóльшую часть времени в близлежащих городах – Выборге и Петербурге, занимаясь ремесленничеством; на Пасху обычно возвращается домой, но с наступлением весны его охватывает желание снова увидеть мир. То, что земледелие в сложившихся обстоятельствах находится на весьма примитивном уровне, неудивительно, тем более что земля общая, и крестьяне обрабатывают ее, чередуясь, если нам верно сказали, каждые пять лет. Даже своя лошадь есть далеко не у каждого; в посевную и во время сбора урожая крестьяне одалживают тягловую силу у кого-нибудь из более удачливых соседей.

Язык здесь, как отмечалось, русский; но практически все мужчины разговаривают еще и по-фински. В последнее время наблюдается заметное переселение сюда

Крест на месте бывшего православного кладбища прихода Кююрёля. 2017 год. Фото И.С. Лапина

[7] В оригинале «bafka».

[8] Торакс, или грудь (лат. thorax) – отдел тела многих беспозвоночных животных (в частности, насекомых), который размещается между головой и брюшком; абдомен (лат. abdomen) – брюшко, отдел тела взрослых насекомых позади груди.



Улица в Красном Селе. 2017 год. Фото И.С. Лапина

финнов. Уже далеко не единственный дом обращен к улице длинной стороной, что почти всегда означает: дом построен моим земляком.

Село может похвастаться тщательно выкрашенным зданием народной школы,[9] которая получает субсидию от финского государства, а также от русского министерства. Учитель – коренной русский, не понимающий ни слова по-фински. Прискорбно, что дети, во всяком случае, финские, подданные Финляндии, не имеют возможности получить знания об истории и географии своей родины. Школьный инспектор, энергичный финский пастор, ничем не смог здесь помочь, ввиду полного отсутствия учебников для русскоговорящих финнов. Можно легко представить, как господин наставник изобразит для своих учеников Финляндию и финскую историю. Во всяком случае, и грустно, и смешно было слышать, как учитель преподносит им «историю Отечества». Запорожцы, татарское Крымское ханство, Иван Грозный и другие азиатские сатрапы – все принадлежит «отечественной истории». На уроках географии, где Финляндия не столь бесправна, как на истории, никак нельзя было обойти вниманием «чухонские приграничные земли», и учитель с помощью старой русской карты Выборгской губернии вдалбливал ученикам названия некоторых городов, рек и всех железнодорожных станций между Выборгом и Петербургом. И это для финских подданных, в финской школе, существующей на деньги финского государства! Чем больше народных школ будет в русско-финских деревнях, тем важнее следить, чтобы учебники, принятые в наших народных школах, были переведены на русский язык, чтобы далеко не малочисленный контингент русских финнов не воспитывался в духе игнорирования и неуважения своей родины.

---

[9] Школа в Красном Селе была основана в начале XIX века помещиком И.И. Богаевским и первоначально носила характер церковно-приходской. В 1874 году для нее было построено новое здание и с тех пор она получала финансирование от финляндского и российского правительств. Такая двойная «подведомственность» привела в итоге в 1899 году к конфликту между финским учителем и дирекцией, в результате чего субсидирование школы финляндским правительством было прекращено. Подробнее об истории красносельской школы см.: *Лапин И.С.* К истории русской школы Красного Села (Кюрёля) // Карельский перешеек. Страницы истории. Книга вторая. СПб. Остров. 2018. С. 238–255.

С.В. Ренни

ЛИПОЛА. ИЗ ИСТОРИИ ПОЧТОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

История деревни Липола – одного из населенных пунктов волости и прихода Кивеннапа – уходит вглубь веков. Не раз, подвергаясь огню и мечу, Липола в полной мере разделила участь многих пограничных селений Карельского перешейка. После вхождение Выборгской губернии в состав Великого Княжества Финляндского (1812 год) в деревне имелось около трех десятков домов. Карта 1855 года «число дымов» Липола определяет в 31. Из поколения в поколение жители вели традиционное крестьянское хозяйство, с великим трудом увеличивая площадь обрабатываемой земли. При низком уровне развития сельского хозяйства и животноводства выручали отхожий промысел, мелкая торговля и кустарное производство.

Еще в 1860 году на окраине Липола у дороги, ведущей в селение Кирьясало (Кириясалы) Петербургского уезда, была устроена таможенная застава для досмотра и «очистки таможенной пошлиной» ввозимых на территорию Финляндии товаров. Первым начальником заставы стал Конрад Линдстрем. На 1885 год штат заставы насчитывал пять сотрудников. Таможенное ведомство арендовало место под строения заставы за 28 марок в год, с правом пастьбы скота для нужд охранников.

В сентябре 1865 года у почтовой станции[1] в селении Красное Село (фин. Кююрёля, ныне Красносельское) на Выборгском тракте открыла действие одна из первых на перешейке почтовая экспедиция Мола (Mohla) «с приемом и выдачей всякого рода корреспонденции». Отсюда немногочисленную почту развозили в центры ближайших приходов. С открытием железнодорожного движения между Петербургом и Хельсинки почта в волость Кивеннапа стала поступать через учрежденную 1 октября 1873 года почтовую экспедицию 1-го разряда при станции Райвола (ныне Рощино). В рамках проводимых Почтовым ведомством Финляндии преобразований постепенно упразднялась так называемая «уездная почта», содержащаяся сельскими общинами. За счет казны повсеместно устраивались оседлые почтовые учреждения

[1] К началу XIX веков на тракте между Санкт-Петербургом и Выборгом насчитывалось шесть почтовых станций (постоялых дворов) для отдыха, ночлега путников и перемены лошадей. На территории Финляндии они назывались гастгеберствами, или по-фински кестикиевари. Почтовые станции в селениях Красное Село и Кивинебб (Кивеннапа) появились на рубеже 1810–1820-х годов. По тракту осуществлялся регулярный обмен почт между столичным почтамтом и почтовой конторой в Выборге. Но операции с почтовой корреспонденцией содержателями станций не велись. На карте 1871 года обозначена почтовая станция и в деревне Липола.

В 1880–1940-х годах термин «почтовая станция» в Финляндии применялся к казенному учреждению Почтового ведомства низшего разряда в сельской местности, аналогу почтового отделения в России.

«с необходимым почтовым движением». За последнее десятилетие XIX века их число увеличилось более чем в два раза, достигнув 974. 1 июня 1890 года начала работу «почтовая станция» и в церковной деревне Кивеннапа (ныне Первомайское). Вследствие большого объема работы с 1 января 1891 года станцию преобразовали в почтовую экспедицию 1-го разряда. Много лет она располагалась в доме кантора Антти Янтунена. Здесь проходила обработку вся поступающая и отправляемая из местности корреспонденция.

Почтовая карточка из Гельсингфорса в деревню Липола (Lipola by), адресная сторона. Адресат – доктор Эдвард Бусс. Штемпель транзитный Райвола (10.10.1893). Штемпель получения (на обороте) Кивеннапа (12.10.1893). Здесь и далее иллюстрации из собрания автора

Кивеннапа. Дом А. Янтунена, где находилась почта. Открытка издания Я.С. Мантейфеля (Териоки). Около 1908 года

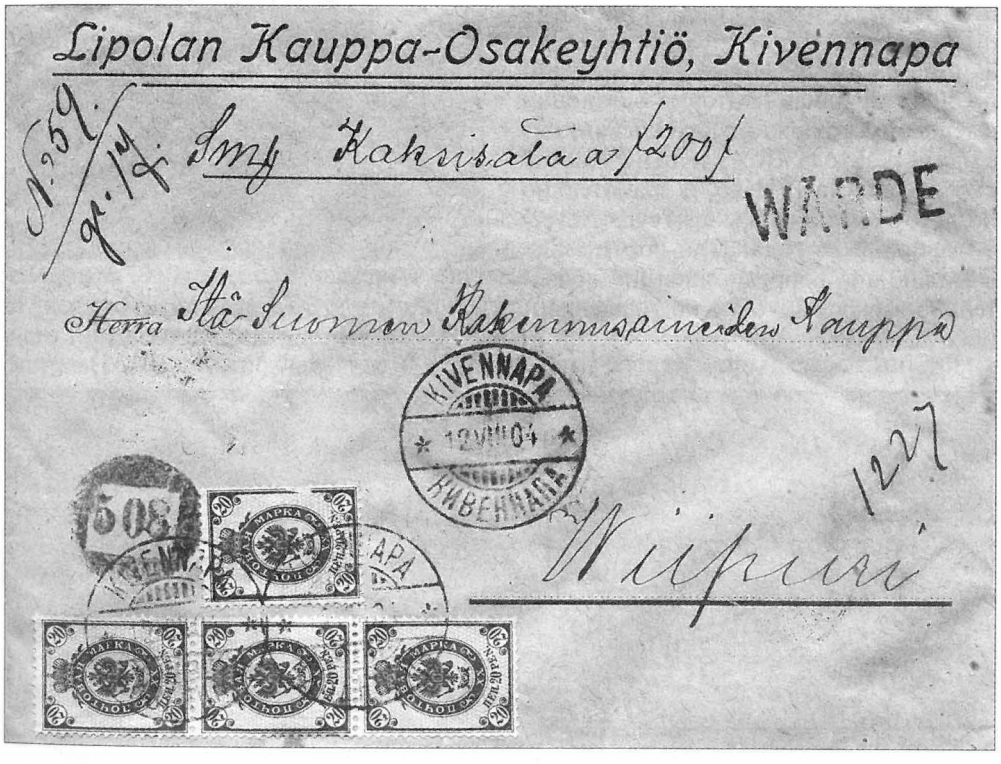
Вид деревни Липола. Открытка издания Кнакстедт и Нэтер (Гамбург). Серия 542, № 1. Около 1907 года

Народная школа в Липола. Открытка издания Кнакстедт и Нэтер (Гамбург). Серия 542, № 3. Около 1907 года.

Ожидание выгоды от совместного использования нового сельскохозяйственного оборудования и реализации продукции способствовало кооперации крестьян. Одним из первых Акционерных Обществ в волости стал Кооперативный магазин Липола (1898 год) с уставным капиталом 4000 финских марок. В состав Правления Общества вошли как местные торговцы, так и один из старейших на тот момент чиновников таможни Франс Виктор Хэггстрем. Успешность коммерческих операций напрямую

зависела от почтовой коммуникации. Регулярный обмен почтой тогда осуществлялся по так называемым сельским почтовым линиям. В феврале 1900 года началась перевозка на линии № 508 между Липола и церковной деревней. Проходящая по маршруту корреспонденция предварительно помечалась специальным штампом диаметром 20 мм с указанием номера линии, но окончательно оформлялась на почте в Кивеннапа. В 1901 году в Липола открылась народная школа, получившая в 1903 году собственное здание. Активизация общественной и коммерческой деятельности привела к устройству в Липола с 1 июня 1902 года почтового остановочного пункта (почтовой остановки) – самого низшего в финской классификации почтового

Фрагмент фирменного конверта кооперативного магазина Липола. Штамп почтовой линии № 508. Штемпель отправления Кивеннапа (08.05.1903).



Фирменный конверт кооперативного магазина Липола. Адресат – Вост.-Финляндская торговля строительными материалами (Выборг). Денежное вложение 200 марок. Штамп почтовой линии № 508. Штамп «WÄRDE» (швед. – ценность). Штемпель отправления Кивеннапа (12.08.1904)

Сургучная печать почтовой экспедиции Кивеннапа

учреждения. Помещение для пункта арендовалось в доме одного из жителей деревни; чаще всего он и выполнял обязанности по сбору и отправке корреспонденции в Кивеннапа, при этом марки погашались штемпелем с названием почтового пункта. В 1902–1909 годах применялся линейный штемпель «Lipola.» длиной 17 мм. В дальнейшем на линии № 508 открылись почтовые остановки в деревнях Ахъярви (ныне Ольшаники) 1 марта 1905 года, Вуоттаа (ныне Кировское) 1 августа 1911-го, и значительно позднее в Кауксамо (ныне не существует) 1 ноября 1936 года. При сортировке в Кивеннапа корреспонденция обязательно заверялась оттиском календарного штемпеля.

Финляндский сельский письмоносец. Иллюстрация начала 1900-х годов

Фрагмент конверта со штемпелем почтовой остановки Липола и календарным штемпелем Кивеннапа (16.07.1906)

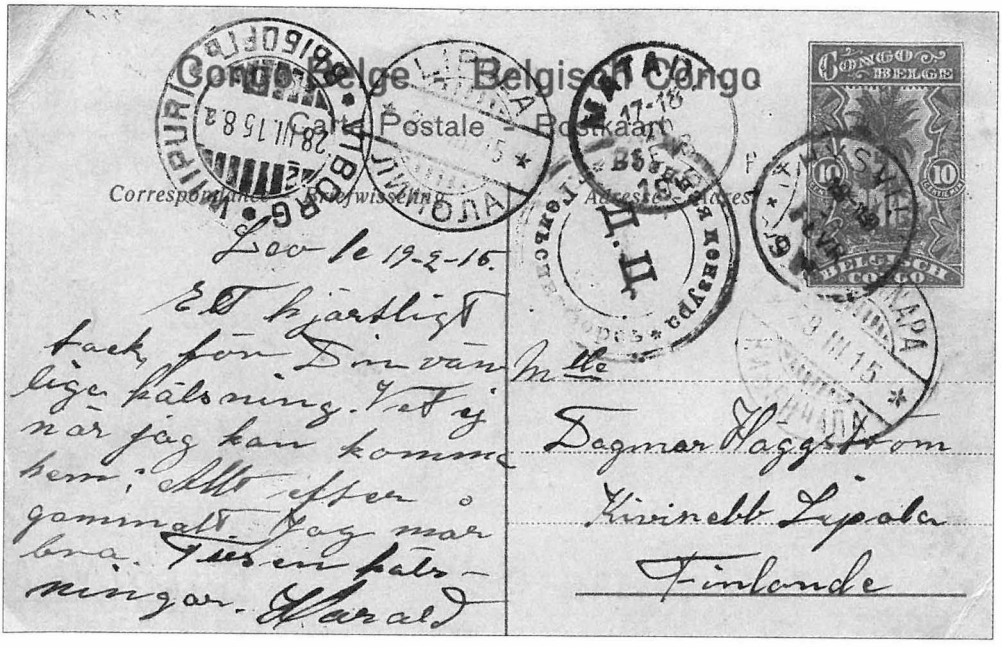
Конверт письма из Липола в Выборг, Карлу Фельдгейму. Гашение марок штемпелем почтовой остановки Липола. Штемпель транзитный Кивеннапа (10.06.1907)

Подъем во всех сферах жизни местного населения требовал постоянного улучшения и оптимизации работы почтовых учреждений. Почтовая остановка в Липола с 1 января 1910 года получила статус «почтовой станции» с расширением полномочий и увеличением штата. Теперь вся корреспонденция обрабатывалась на месте, для чего применялся двуязычный календарный штемпель «LIPOLA-ЛИПОЛА» диаметром 26 мм. Можно было приобрести почтовые бланки, марки, сделать почтовый перевод, отправить простую, заказную и ценную корреспонденцию, бандероль. На заказных письмах наклеивались ярлыки 37 × 16 мм красного цвета с названием учреждения. Причем, если адресат находился в пределах Финляндии или за границей, оплата почтового тарифа производилась в местной валюте и использовался ярлык «R/Lipola» (R – Recommande). Если письмо шло в «империю», наклеивались марки с номиналом в копейках и рублях и применялся ярлык «З/Липола» (З – Заказное). Конверты с денежным вложением принимались, но пломбировались сургучной печатью только в экспедиции церковной деревни. На печати имелось изображение имперского орла с двумя почтовыми рожками и название учреждения.

В штате станции состоял почтальон (из местных), выполняющий подчас и обязанности сторожа. Представляют интерес оклады почтовых служащих тех лет. Например, заведующий почтовой станцией получал, в зависимости от выслуги лет, от 300 до 500 финских марок в год. Почтальон – от 300 марок; кроме того ему выплачивались квартирные деньги, в зависимости от «местных условий», и пособие в 150 марок на обмундирование. Наем помещения и обеспечение дровами являлось заботой Почтового ведомства.

Конверт письма из Липола в Тали (близ Выборга), Карлу Фельдгейму. Штемпель отправления Липола (15.06.1911). Штемпель транзитный Кивеннапа (15.06.1911)

Конверт заказного письма из Липола в Петроград К.В. Фельдгейму. Адресант: Ф.В. Хэггстрем. Ярлык заказной корреспонденции с № 23. Штемпель отправления Липола (31.12.1914)



Открытка из Бельгийского Конго (ныне Демократическая республика Конго) в Липола, адресная сторона. Адресат: Дагмар Хэггстрем. Штемпеля: Тисвиль (19.02.1915), Матади (20.02.1915), Гельсингфорс (военная цензура), Выборг (28.03.1915), Кивеннапа (29.03.1915), Липола (29.03.1915).

Бесперебойная работа почтовой станции в Липола прослеживается до начала Гражданской войны в Финляндии, в ходе которой территорию волости контролировали отряды Красной гвардии. Здесь, скорее всего, обошлось без саботажа, как и в экспедиции Кивеннапа, где и при «красных» и при «белых» бессменно работали Ада Пурсиайнен и Аили Ефверберг. Точно известно, что к осени 1918 года почта в Липола действовала. Прежний календарный штемпель, как и в других почтовых учреждениях Финляндии, претерпел изменения – литеры русского шрифта были срезаны; осталось название только на финском языке – «LIPOLA».

В 1919–1920 годах деревня оказалась в непосредственной близости от событий в Северной Ингрии – самопровозглашенной «республики», поддержанной правительством Финляндии. В Кирьясало шла помощь в виде продовольствия и вооружения. В ноябре 1920 года из «кирьясальского выступа» по мосту через Саянйоки (ныне река Волчья) в Липола потянулись беженцы, а 5 декабря здесь перешел на финскую территорию, предварительно спустив флаг автономии, Северо-Ингерманландский отдельный батальон.

В 1920–1930-х годах почтовое учреждение в Липола продолжало работу в прежнем статусе, при увеличивающемся объеме корреспонденции. 1930-е годы характеризуются значительным ростом объемов сельского хозяйства и торговли. Постройки деревни раскинулись на восьми холмах между возделываемыми полями. В Липола открываются магазины Пекки Кяяпя, братьев Антти и Туокаса Лево, Йоханнеса Саволайнена, Кооперативной торговли Перешейка. От Липола избираются представители в Советы и комиссии общественных организаций общины Кивеннапа. К 1938 году Липола имеет прямое автобусное сообщение и с Райвола, и с Выборгом. Начинает действие местная почтовая линия № 3445 между Липола и соседней деревней Вайттила. Почта в эти годы находилась в центре деревни в доме Юхо Ракколайнена по прозвищу «Юси-почта». Почту между Липола и церковной деревней перевозили на лошадях в повозке местные жители Микко и Туомас Укконены.

LIPOLA 22.VII.31

Postimerkkiä ei tarvitse panna.

Meteorologinen Keskuslaitos.

Ukkosilmoitus.

Vapaakirje N:o 6.

Läh. O. Rautio

HELSINKI.

N:o 6 heinä kuun 19 p:nä 1931.

Havaintopaikka: Rivinmaan pitäjä kaupunki

Lipolan kylä Tulli talo

	Aika milloin ilmiö		Millä ilmansuunnalla ilmiö	
	alkoi	loppui	alkoi	loppui
Kalevantulia				
Kaukaista jyrinää				
Salamoita				
Jyrinää	16.10	16.45	S E.	N E
Sadetta	"	"		
Rakeita (jään laatuista)				

Ukkospilven kulkusuunta. Pilven mennessä yli kirjoitetaan toiseen sarekkeeseen Z.	Nousi	meni ohi	katosi
	Ennen	ajalla	jälkeen
Tuulen suunta	S E	S E	S E
Tuulen voima	4	5	3

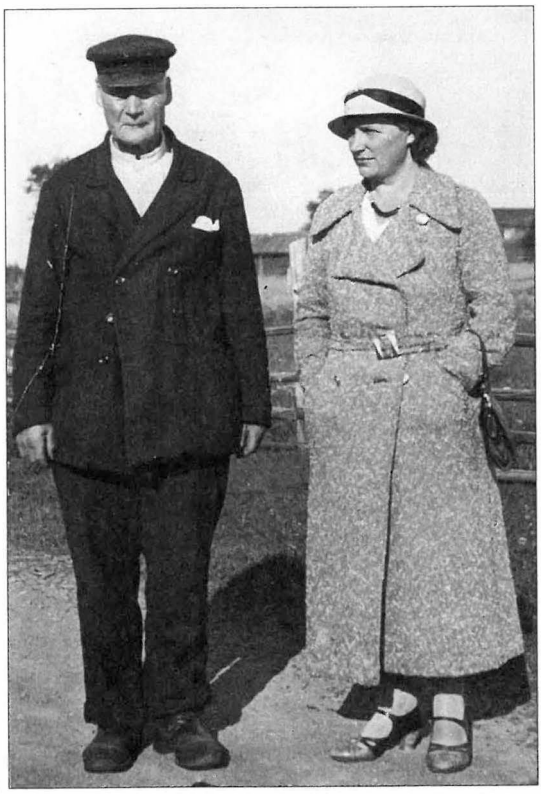
Muistutuksia.

Huom.! Kellonlyönnit ovat ilmoitetut ..... ajassa

Havainnontekijän nimi O. Rautio

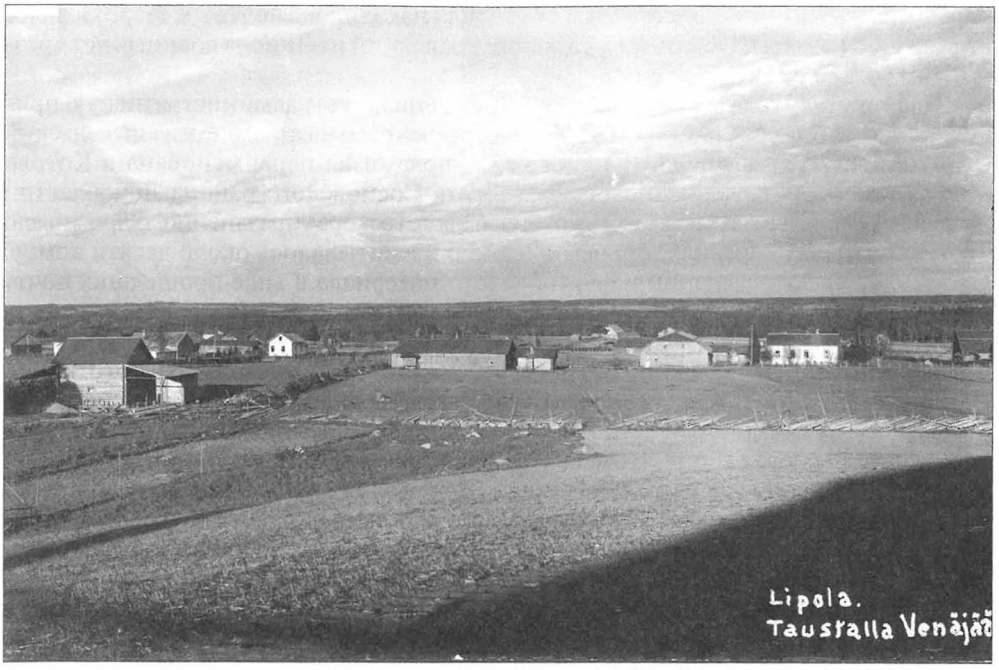
Бланк «уведомления о грозе» Центрального учреждения метеорологии (адресная и текстовая стороны). Штемпель отправления Липола (22.07.1931). Подпись: О. Раутио. Информация о грозе, имевшей место с 16-30 до 16-45 19.07.1931 года, с указанием направления и силы ветра

Реклама магазинов Пекки Кяяпя и Антти Лево в Липола на спичечных этикетках 1930-х годов



Двое неизвестных. Фотография ателье «Гелиос» (Выборг). Надпись на обороте: «в Липола, 24.06.1935»

Фрагмент почтовой карточки с оттиском почтового штемпеля Липола (27.05.1937)



Вид деревни Липола с холма Левонмяки в сторону границы. Фотооткрытка неизвестного издателя. Отправлена 28 июля 1939 года из Валкярви (Мичуринское) в Хельсинки

Примечательны специальные почтовые карточки (бланки) Центрального учреждения метеорологии в Хельсинки, отправленные из Липола в адрес учреждения в начале 1930-х годов. Как и везде, в Липола находились энтузиасты, следившие за прохождением грозовых фронтов. Традиция вела начало с 1880-х годов – «уведомления о грозе» пересылались по почте бесплатно. В Липола наблюдения вели Урхо Пекканен и Отто Адольф Раутио. Отто Раутио – бывший учитель, являлся начальником таможни с 15 августа 1912 года, с 1921-го командовал подразделением пограничной стражи до его расформирования в 1936 году, а также руководил отделением местного щюцкора. В качестве места наблюдений Раутио обозначал «tulli» (таможня). В коллекции автора есть и почтовая карточка с оплаченным ответом, в которой юридическая контора Б. Таушера в Хельсинки просит выслать в свой адрес четкий оттиск штемпеля почтовой станции. Ответ из Липола направили 27 мая 1937 года. К концу 1930-х годов селение насчитывало около 80 только жилых построек и 300 жителей.

Летом 1939 года на окраине Липола силами добровольцев возводились полевые оборонительные сооружения. Местная почта была закрыта в первой половине ноября 1939 года в ходе эвакуации гражданского населения. Утром 30 ноября в Липола начали рваться снаряды...

С августа 1940 по август 1941 года Липола входила в состав Суземякского сельского Совета Раутовского района Ленинградской области. Доставка почты в деревню для переселенцев не велась. Письмо «до востребования» можно было получить в ближайшем почтовом отделении на станции Раута (Сосново).

Кратковременное возобновление деятельности гражданской почты относится к периоду позиционной войны (1942–1944), когда в Липола вернулась часть прежнего населения. В Липола почтовая станция II разряда функционировала с 1 мая 1943 года до середины июня 1944-го. Применялся календарный штемпель диаметром 24 мм с изображением почтового рожка и названием «LIPOLA». Корреспонденцию

перевозили в Кивеннапа, где с марта 1942 года находилось почтовое бюро, и далее на станцию Райвола. Образцы почтовых отправлений из Липола военных лет чрезвычайно редки.

С августа 1944 года деревня несколько раз меняла свою административную принадлежность. В апреле 1945-го даже планировалось образовать Липольский сельский Совет с центром в Липола. В 1948 году Липола была переименована в Котово и вошла в состав Краснодонского сельсовета Сосновского района Ленобласти.[2] К началу 1950-х годов в Краснодонском сельсовете (вскоре упраздненном) проживало 463 человека в 11 деревнях, причем в Котово насчитывалось около десяти домов. Отсутствие четких сведений и фактического материала в виде прошедших почту писем не дает возможность составить полную картину периодичности и маршрута доставки почты в тот период. Своего отделения связи в Котово не было. Доставка могла осуществляться с оказией из Мичуринского почтового отделения (открыто не позднее 1947 года), куда корреспонденцию привозили со станции Сосново.

К 1960 году населенный пункт Котово числился в составе Мичуринского сельсовета Сосновского района, затем кратковременно «переехал» в Рощинский район, а с упразднением последнего (1963 год) на 1 августа 1965 года оказался в числе деревень Борисовского сельсовета Приозерского района. Проблема почтового обслуживания жителей к тому времени уже не стояла – неперспективная деревня прекратила свое существование по причине расселения. Проведение масштабных мелиоративных работ окончательно стерло ее следы. Числившийся лишь на бумаге «населенный пункт» Котово 7 июня 1976 года был снят с учета решением № 231 Исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся.

Постройка памятника в урочище Котово, август 1993 года. Слева направо: Евгений Балашов, Дмитрий Шитов, Сергей Ренни

[2] К сожалению, выяснить, в чью честь произошло это переименование, пока не удалось. *Прим. ред.*

Удивительная и неистребимая страсть у некоторой части населения России – ломать, жечь... Памятник деревне Липола, расстрелянный охотниками. 2018 год. Фото М.М. Браудзе

В августе 1993 года у развилки дорог в урочище Котово на сохранившихся ступенях дома Микко и Хелены Укконен краеведы ИКО «Карелия» установили памятник «канувшей в Лету» деревне Липола. 28 мая 1994 года состоялось его открытие в присутствии бывших жителей Кивеннапа и их потомков.

Литература

Балашов Е.А. Советское освоение Карельского перешейка. Этап второй: 1944–1951 годы. СПб. 2017.

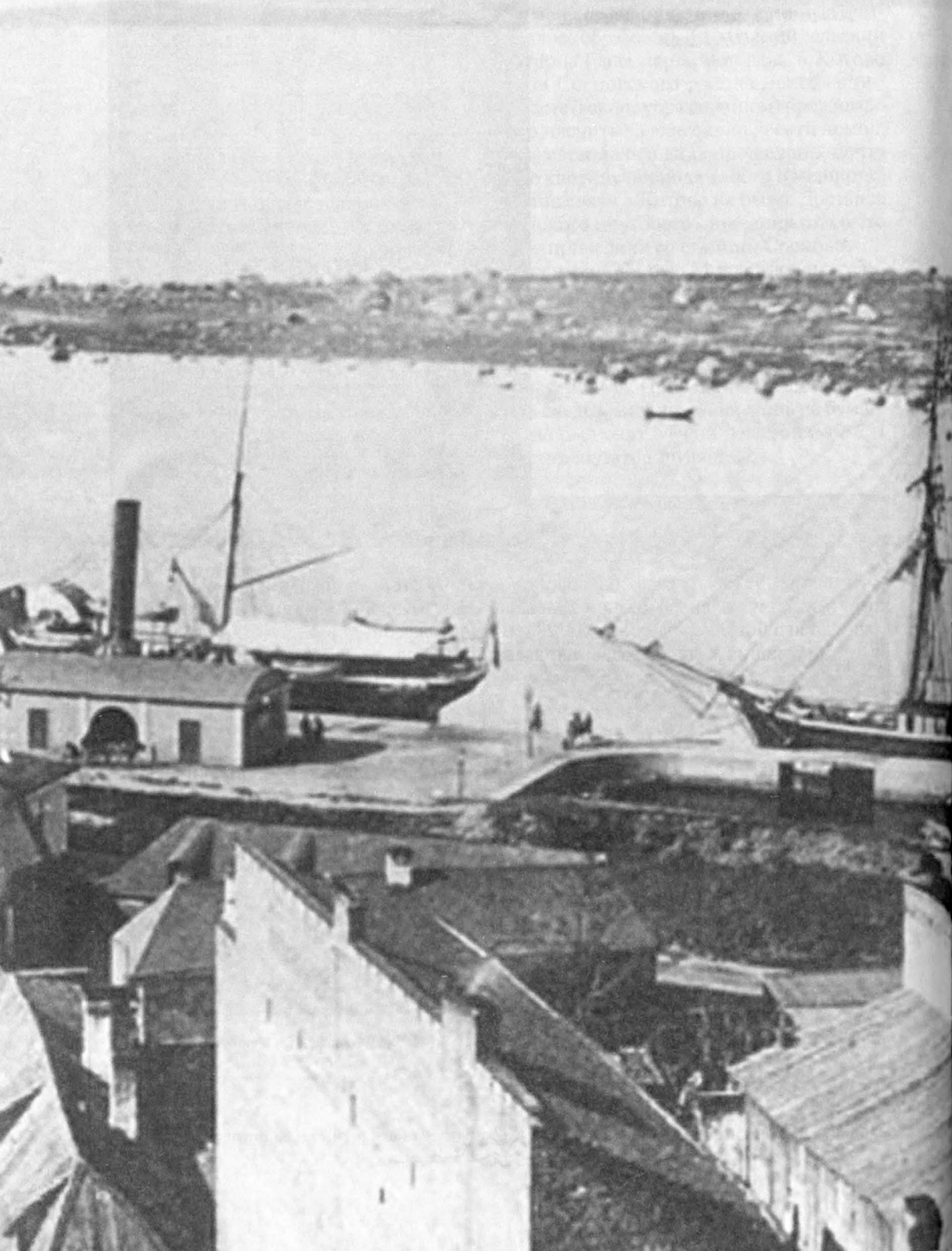
Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. № 14. 1885.

Справочник по истории административно-территориального деления районов Ленинградской области, расположенных на Карельском перешейке (1940–1941, 1944–1991 годы). Выборг. СПб. 2012.

Kiuru Paavo. Kivennapa. Pieksämäki. 1952.

Kivennapa kylästä kylään. Hämeenlinna. 1989.

ПРИМОРСК – ВЫБОРГ



А.Ю. Мельникова, Ю.А. Мельников

ОСТРОВ КИРКОСААРИ – БАЗА ВОДОЛАЗНОЙ ПАРТИИ КРОНШТАДТСКОГО ПОРТА

Первая в России государственная водолазная школа была учреждена 23 апреля 1882 года[1] в Кронштадте. Она относилась к Морскому ведомству и в первые годы своего существования подчинялась заведующему Минной частью флота, а затем была переподчинена начальнику штаба Кронштадтского порта.

Непосредственным инициатором создания Водолазной партии, из которой впоследствии и образовалась Кронштадтская водолазная школа (КВШ), стал помощник заведующего Минной частью капитан 1 ранга В.П. Верховской.[2] До формирования Водолазной партии обучение водолазов для нужд флота проходило в Кронштадтском порту при такелажной мастерской, где имелся штат портовых водолазов. Однако к началу 1880-х годов их квалификация не вполне соответствовала современному уровню развития военно-морской техники и минного дела в частности.

В своем рапорте главному командиру Кронштадтского порта В.П. Верховской называл основной причиной неудовлетворительного обучения портовых водолазов невозможность тренировать водолазные спуски на глубины, превышающие 5 сажень (10,68 м) – кронштадтские гавани и рейды были для этого слишком мелководны. Именно поэтому предлагалось послать вновь сформированную Водолазную партию в одну из закрытых бухт в финляндских шхерах.[3]

Таким образом, местом базирования первой Водолазной партии была выбрана бухта Перно, находившаяся «близ острова Вотшхера, лежащего между Ловизой и Борго».[4] Офицеры и команда партии были «помещены на прекрасной железной барже, приспособленной для жилья и прежде служившей походной баней Транзундской эскадры». Там же были размещены «водолазные снаряды, провизия и все необходимые припасы».[5]

---

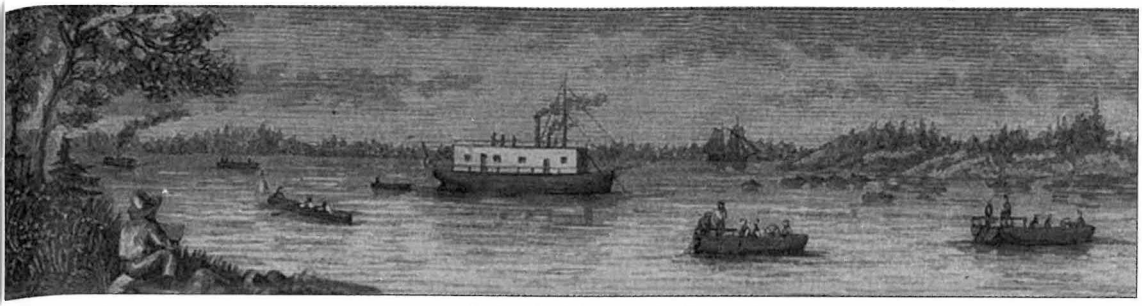
[1] Здесь и далее даты до 1 февраля 1918 года приведены по старому стилю, более поздние – по новому.

[2] Верховской (Верховский) Владимир Павлович (28.04.1837, Смоленская губ.– 23.06.1917, Петроград), адмирал (1904). Участник Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой войн (1877–1878). Заведующий Минным офицерским классом (1877–1885). Помощник начальника Главного морского штаба (1889–1890). Главный командир Санкт-Петербургского порта (с 1890). Начальник Главного управления кораблестроения и снабжений флота (с 1896). Член Адмиралтейств-совета (с 1902).

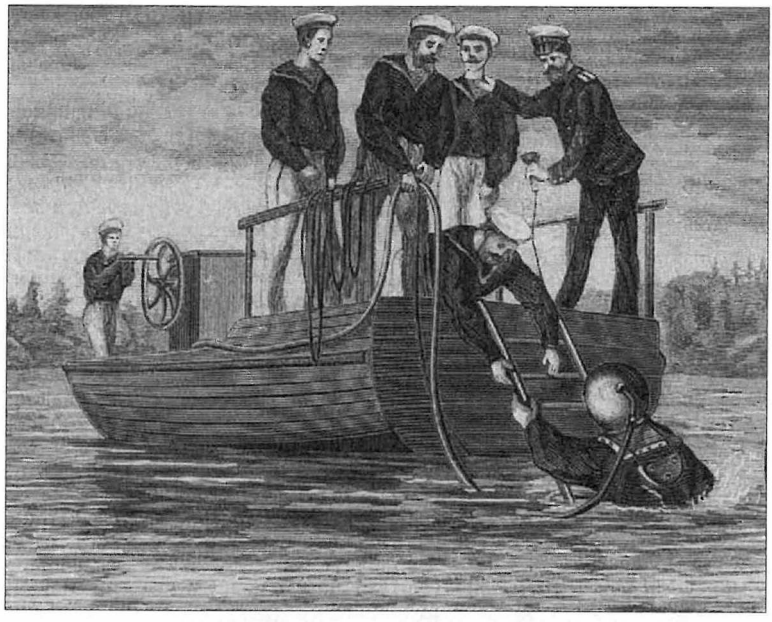
[3] РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1495. Л. 1–3.

[4] Кронштадтский вестник. 1882. 18 (30) июня. № 70 (3125). С. 1.

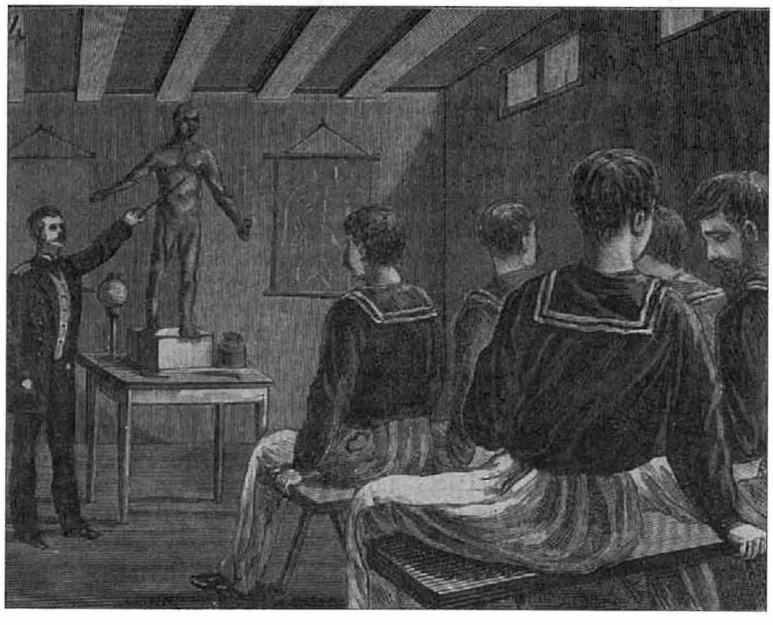
[5] Там же. 16 (28) июля. № 82 (3137). С. 2.



Учебное судно Водолазной партии в финляндских шхерах, 1884 год. Рис. В. Игнациуса. «Всемирная иллюстрация»



Спуск водолаза. Водолазная партия, 1884 год. Рис. В. Игнациуса. «Всемирная иллюстрация»

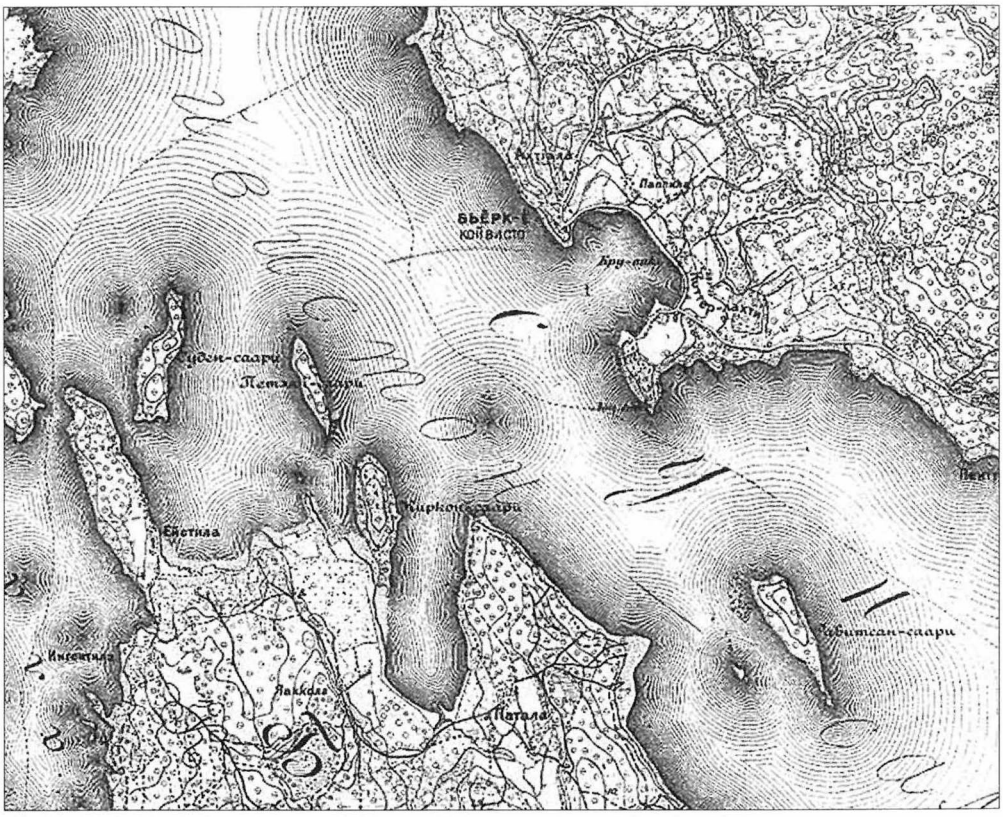


Занятия учеников – нижних чинов – на учебном судне Водолазной партии, 1884 год. Рис. В. Игнациуса. «Всемирная иллюстрация»

Первоначально в состав Водолазной партии вошли десять учеников-офицеров, а возглавил ее капитан-лейтенант П.К. Леонтьев.[6]

Задачи, поставленные перед Водолазной партией в первую для нее летнюю кампанию, впрочем, как и в последующие несколько лет, носили исключительно учебный характер.

Порядок работы нового подразделения сформировался уже в первые годы деятельности, и был закреплен «Положением о водолазной школе и партии», высочайше утвержденным 27 марта 1888 года. Впоследствии «Положение» пересматривалось с точки зрения усовершенствования теоретического и практического курсов обучения, но основы учебной работы КВШ, заложенные при ее создании, оставались неизменными вплоть до Первой мировой войны. В школу принимались как нижние чины, так и офицеры. Набор учеников проходил осенью. Обучение длилось год. С октября по апрель[7] проводились теоретические занятия в помещении школы



Топографическая карта уезда Бьёркэ (Койвисто) Выборгской губернии и прилегающих островов. 1886 год. Из фондов РГАВМФ

[6] Леонтьев Пётр Константинович (19.11.1844 – ?), капитан 2 ранга (1884). Участник Кавказских войн (1863–1866), Русско-турецкой войны (1877–1878), ранен. На службе в Болгарском княжестве (1879–1880). Начальник Водолазной партии (1882–1884). Уволен от службы по болезни в1884 году.

[7] Сроки могли незначительно меняться вследствие различных обстоятельств. Например, в 1899/1900 учебном году полноценные теоретические занятия начались только в январе 1900 года, что было связано с участием офицеров КВШ в работах по спасению броненосца береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин», севшего на мель близ острова Гогланд.

в Кронштадте. Там же в специальном бассейне (баке) проводились и водолазные спуски. Проверка теоретических навыков будущих водолазов проводилась в конце весны перед началом летней кампании. Те, кто успешно прошел «поверочные испытания», назначались в «практическое плавание водолазной партии». Оно длилось, как правило, три летних месяца. Однако в 1910-е годы оно могло продолжаться до глубокой осени, поскольку все чаще специалисты КВШ привлекались к сложным работам по снятию с мели и подъему затонувших судов. Итогом «практического плавания» были испытания независимой комиссией практических навыков учеников-водолазов. Только после их успешного прохождения ученики считались окончившими курс, и им присваивалось звание водолаза (для офицеров и медицинских чинов – звание водолазного офицера).

Начиная с середины 1880-х годов, Водолазная партия – так продолжала именоваться Кронштадтская водолазная школа во время летней кампании – базировалась на острове Киркосаари неподалеку от Бьёркэ.[8] По сути, остров этот представляет собой северную оконечность Большого Березового острова, отделенную от него болотистым протоком и расположенную напротив лютеранской кирхи в Бьёркэ. Моряки учебных отрядов называли Киркосаари «Плешивым» из-за отсутствия на нем растительности. Однако по мере того как остров «обживался» водолазами, даже в официальных документах его стали именовать Водолазным.

Нижние чины Водолазной партии по примеру других учебных отрядов, базировавшихся на рейде Бьёркэ, размещались на лето в походных палатках. Офицеры могли жить в городе: многие снимали здесь дачи, приезжали со своими семьями и даже обзаводились собственным жильем, как это сделал в предреволюционные годы помощник начальника КВШ лейтенант Г.А. Зилов[9] (формально дача принадлежала его жене).[10]

Вероятно, до начала 1900-х годов капитального строительства на острове Киркосаари не велось. Во всяком случае, Н.А. Есипов[11] – доктор КВШ – в своей книге, посвященной 25-летию школы, писал, что строительные работы, направленные на улучшение бытовых условий Водолазной партии, развернулись на Киркосаари только в 1904 году. Тогда с кронштадтского «пароходного завода достали старый котел, донку, цистерны для холодной и горячей воды, и вышла прекрасная, удобная чистая и просторная баня, в которой с удовольствием моются и все офицеры».[12] В этой бане, рассчитанной на 40 человек, мылись и команды судов, приходящих в Бьёркэ.[13]

---

[8] Бьёркэ (швед. Björkö), а также Биоркэ, Биорке, Бьёрке, Бъёрке, Бъёркэ. Финское название – Койвисто, ныне город Приморск Ленинградской области.

[9] Зилов Георгий Александрович (13.10.1884, Тверская губ. – май 1943, Ленинград), старший лейтенант (1917), военный инженер 3 ранга (1937). Окончил КВШ (1910). И. д. помощника начальника КВШ (1915–1917). И. д. начальника КВШ (1917). Начальник Водолазной школы и партии (1918–1925). Участник боев с бандами Попова в Вольске. Уволен от службы (1925). Снят с воинского учета как неблагонадежный (1938).

[10] РГАВМФ. Ф. р-2192. Оп. 2. Д. 408.

[11] Есипов Николай Анемподистович (1855, Симбирск – 08.06.1909, Ораниенбаум). Доктор медицины (1892). Врач КВШ (1896–1909). Окончил КВШ (1898). Автор научных публикаций по физиологии и гигиене водолазного дела, в том числе одного из первых переводов труда П. Бэра «Барометрическое давление». Общественный деятель, сподвижник отца И.И. Сергиева (Св. прав. Иоанна Кронштадтского). Инициатор создания народной библиотеки при «Доме трудолюбия» в Кронштадте.

[12] *Есипов Н.А.* Материалы к историческому очерку 25-летия Водолазной школы 1882–1907 гг. Кронштадт. Тип. «Кронштадтского вестника». 1907. С. 403.

[13] Котлин. 1907. 25 октября. № 241 (3487). С. 1, 2.

Руины, оставшиеся от построек начала XX века на острове Киркосаари, современный вид. Из архива Е.В. Лихачёвой, сотрудницы МБУК «Приморский краеведческий музей»

В последующие годы строительство продолжилось. Так, в 1905 году был «выстроен деревянный, очень хорошенький лазарет с печью, на 6 коек»,[14] а также очень удобный домик[15] с темной комнатой для фотографических работ. Летом следующего 1906 года было построено самое большое здание на острове – склад «для хранения мин и всяких минных принадлежностей».[16]

Тогда же продолжили обустраивать хозяйственные постройки: выстроили «ледник из финляндского гранита и прекрасный огромный курятник, состоящий из домика и двора, огороженного проволочными сетками».[17]

В сентябре 1906 года с разрешения морского министра вице-адмирала А.А. Бирилёва[18] участок земли, занятый Водолазной партией на острове Киркосаари, был приобретен в собственность. В подтверждение тому была подписана купчая крепость между прежним владельцем финским крестьянином Выборгской губернии прихода Бьёркэ Давидом Адамовым Агге и начальником Кронштадтской водолазной школы и партии капитаном 2 ранга М. К. фон Шульцем.[19] Согласно подписанному документу, весь принадлежавший Агге участок земли, оцененный в 800 рублей, передавался в «полное, постоянное владение Водолазной школы и партии».[20]

---

[14] *Есипов Н.А.* Материалы к историческому очерку 25-летия Водолазной школы 1882–1907 гг. Кронштадт. Тип. «Кронштадтского вестника». 1907. С. 403.

[15] Домик был построен коллежским советником А.Е. Лораном для опытов по подводному фотографированию, которые он проводил в Водолазной партии.

[16] *Есипов Н.А.* Материалы к историческому очерку. 25-летия Водолазной школы 1882–1907 гг. Кронштадт. Тип. «Кронштадтского вестника». 1907. С. 404.

[17] Там же.

[18] Бирилёв Алексей Алексеевич (16.03.1844 – 1915), адмирал (1907). Главный командир флота и портов, начальник морской обороны Балтийского моря и военный губернатор Кронштадта (1904–1905). Командующий флотом Тихого океана (1905). Морской министр (1905–1907). Член Государственного совета (1905–1915).

[19] Шульц Макс Константинович, фон (03.08.1870, Казанская губ. – 17.01.1917, Кронштадт), капитан 1 ранга (1911). Окончил КВШ (1891). И. д. начальника КВШ (1902, 1904–1905, 1905–1906), начальник КВШ (1906–1917). Общественный деятель, изобретатель в области водолазного дела. Владелец «Опытной электротехнической и водолазной мастерской» (1897–1917 годы) в Кронштадте.

[20] РГАВМФ. Ф. 930. Оп. 8. Д. 614. Л. 1.

В 1907 году на острове, который к тому времени стали называть Водолазным, были построены кузница из рваного камня, кирпичная резиновая мастерская (до того размещавшаяся в нескольких палатках), обложен дерном ледник, а также устроен «специальный стапель с роульсами для вытаскивания водолазных ботов».[21] Одновременно с этим была начата постройка гранитной набережной (около 10 саженей – 21,3 м) и пристани на ряжах.[22]

Наконец, на противоположном конце острова у мыса Кохинеми началось строительство пристани для подводных лодок.[23] При этом работы выполнялись местными частными компаниями.

Остатки гранитной набережной на острове Киркосаари, современный вид. Из архива Е.В. Лихачёвой, сотрудницы МБУК «Приморский краеведческий музей»

Любопытно, что строительство пристани было использовано руководством Водолазной партии для решения специфических учебных задач. Опыт Русско-японской войны, в частности работы по заделке подводных пробоин на судах эскадры в Порт-Артуре, показали, что судовые водолазы, подготовленные в Кронштадте, где имелись отличные ремонтные доки, «совершенно не умели правильно замерять подводные пробоины, а также их заделывать»[24] с помощью кессонов.[25]

«Находя нарекание на военных водолазов столь же естественным в прошлом, сколь недопустимым в будущем», начальник Кронштадтской водолазной школы и партии капитан 2 ранга М.К. фон Шульц предложил устроить между деревянными ряжами строящейся пристани специальные щиты, на которых были нарисованы

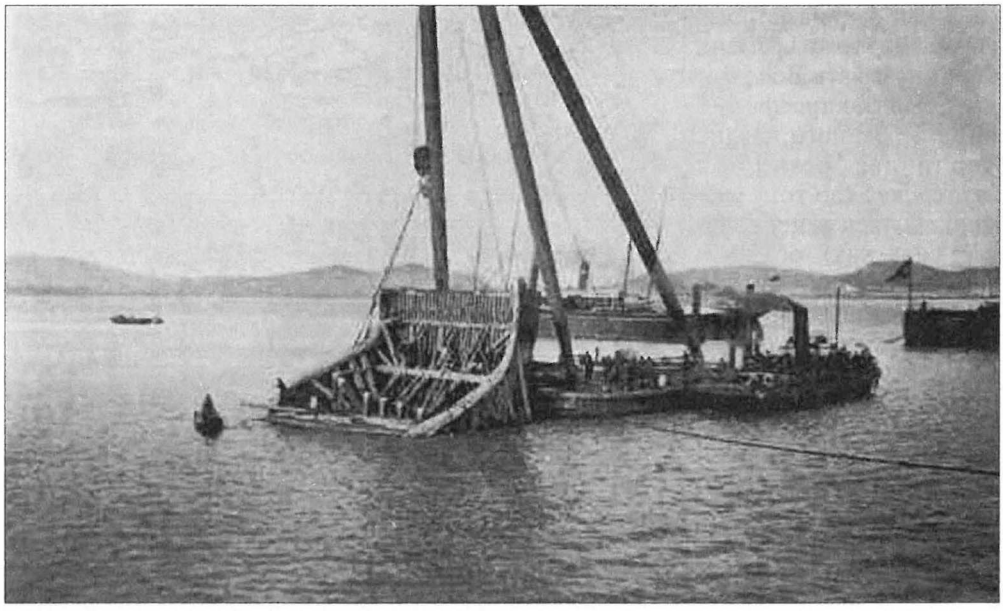
[21] *Есипов Н.А.* Материалы к историческому очерку 25-летия Водолазной школы 1882–1907 гг. Кронштадт. Тип. «Кронштадтского вестника». 1907. С. 404.

[22] Водолазная школа и партия. 1882–1907. Кронштадт – Биоркэ-зунд. Кронштадт: Тип. газеты «Котлин». 1907.

[23] *Есипов Н.А.* Материалы к историческому очерку 25-летия Водолазной школы 1882–1907 гг. Кронштадт. Тип. «Кронштадтского вестника». 1907. С. 404.

[24] Там же. С. 388.

[25] Кессон – водонепроницаемая камера, применяющаяся для производства подводных работ (строительных, ремонтных и тому подобных). В КВШ их называли «бортовыми ящиками».



Буксировка кессона к эскадренному броненосцу «Цесаревич». Порт-Артур. 1904 год. Из собрания Л.И. Матвеева

контуры пробоин. Также было дано поручение составить проект кессона, который можно было бы применять к борту учебного судна «Опричник».[26]

Таким образом, всего за несколько лет уже давно принадлежавший Водолазной партии «остров Плешивый окончательно преобразовался», став ее стационарной базой с современной и развитой инфраструктурой. «Из заброшенного, необитаемого в этом месте острова образовалась настоящая водолазная колония, издали – целый поселок, тут и качели, и гигантские шаги, и свой колодец, и огороды, и цветники», – писал Н.А. Есипов.[27] И главная заслуга в этом преображении принадлежала капитану 2 ранга М.К. фон Шульцу – заботливому и рачительному хозяину.

Еще летом 1898 года, будучи вновь назначенным в Водолазную школу и партию,[28] лейтенант М.К. фон Шульц выстроил на Киркосаари «домик для выделки разных приборов, необходимых при его опытах по телеграфированию и телефонированию без проводов, конструирования станций подводного освещения, телефонов и проч.». И уже тогда, по свидетельству Н.А. Есипова, он устроил около своего домика маленький огород и цветник.[29]

В 1906 году, став официальным начальником КВШ[30], капитан 2 ранга М. К. фон Шульц стремился сделать ее пребывание на Киркосаари как можно более удобным

---

[26] *Есипов Н.А.* Материалы к историческому очерку 25-летия Водолазной школы 1882–1907 гг. Кронштадт. Тип. «Кронштадтского вестника». 1907. С. 388.

[27] Там же. С. 404.

[28] Мичман М.К. фон Шульц был назначен учеником КВШ в 1890/91 учебном году, затем оставался в ее постоянном составе в 1891–1893 годах. Вновь назначен помощником начальника КВШ, преподавателем офицеров и вахтенным начальником учебного судна «Опричник» в 1898 году. Служил в КВШ до своей смерти в 1917 году.

[29] *Есипов Н. А.* Материалы к историческому очерку. 25-летия Водолазной школы 1882–1907 гг. Кронштадт. Тип. «Кронштадтского вестника». 1907. С. 403.

[30] Лейтенант М.К. фон Шульц исполнял обязанности начальника Водолазной школы и партии в летнюю кампанию 1902 года, а также с ноября 1904 по 10 июля 1905 года и с 21 июля 1905 по 2 апреля 1906 года.

Атлетический кружок на учебном судне «Африка», организованный мичманом И.П. Шабельским (в центре). Спортивный журнал «Геркулес», 1913 год

не только для офицеров, но и для нижних чинов. Помимо качелей и «гигантских шагов», на Водолазном острове была построена специальная гимнастическая площадка, закуплены гимнастические снаряды, а занятия гимнастикой и борьбой всячески поощрялись. В теплые дни команде разрешалось купаться. По воскресным и праздничным дням нижние чины могли сходить на берег. Иногда их увольняли специально для игры в футбол, посещения кинематографа или Народного дома общества трезвости в Койвисто.

Среди офицеров учебных отрядов, базировавшихся вблизи Бьёркэ, Водолазная партия пользовалась необычайной популярностью – там всегда можно было получить помощь в затруднительной ситуации. В этом тоже сказывался неравнодушный характер ее начальника.

Летом 1906 года в одном из рапортов с просьбой увеличить денежные средства, отпускаемые Водолазной партии, капитан 2 ранга М.К. фон Шульц писал: «Почти ежедневно командиры судов, останавливающихся в Бьёркэ, обращаются к начальнику водолазной партии с просьбами об оказании им всяческого рода содействия (например, в этом году: отыскать и поднять мину, шлюпку, сервиз, бинокль, выточить и нарезать разные винты, отковать некоторые части, выправить помятое зарядное отделение мины, прислать шлюпку для доставки пресной воды, отпустить старый водолазный шланг для устройства бани, масла, подать медицинскую помощь, принять на хранение разные материалы, принять команду для довольствия, отвезти место для разборки мин, для лазарета, разрешить воспользоваться баней и т. п....».[31] Очевидно, что среди всех этих разнообразных просьб бóльшая часть не касалась работ, которые способны выполнить исключительно водолазы. Многие просьбы хозяйственного характера требовали не только времени и сил, но и материальных затрат. Однако все они, по словам Макса Константиновича, по возможности выполнялись.

[31] *Есипов Н. А.* Материалы к историческому очерку. 25-летия Водолазной школы 1882–1907 гг. Кронштадт. Тип. «Кронштадтского вестника». 1907.С. 389.

То обстоятельство, что водолазная партия в течение многих лет постоянно базировалась в Бьёркэ, стало причиной ежедневных многочисленных обращений местного населения к врачам партии. Больные не только приходили сами, но их привозили и из Койвисто, и из близлежащих селений. Они были «настолько уверены в невозможности отказа, – писал доктор Н.А. Есипов, – что решили даже не иметь своего платного врача».[32]

Так что Водолазная партия и ее Водолазный остров были хорошо известны морякам практических отрядов. Вот что вспоминал о них в книге «Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906–1914 гг.» Г.К. Граф:[33] «У другого островка Биоркезунда постоянную стоянку имел водолазный отряд под командой капитана 2-го ранга Макса Шульца. Надо заметить, что водолазное дело у нас на флоте было очень хорошо поставлено. Отряд ежегодно выпускал кадры прекрасно тренированных офицеров и матросов-водолазов».[34]

«Водолазная колония» на Киркосаари не раз привлекала внимание морского начальства. Летом 1910 года Водолазный остров посетил морской министр вице-адмирал С.А. Воеводский.[35] В августе следующего года при учебных работах учеников Водолазной партии лично присутствовал морской министр адмирал И.К. Григорович.[36] При этом «водолазы продемонстрировали шикарную программу с подводными спусками и взрывами».[37] Затем министр посетил Водолазный остров и, как свидетельствует вахтенный журнал учебного судна «Африка», «изъявил свое удовольствие» Водолазной партии.[38]

Очевидно, наблюдая ревностное отношение к службе и ведению хозяйства на Киркосаари, летом 1912 года Морское министерство передало Водолазной партии часть острова Суденсаари,[39] ранее принадлежавшего Морскому инженерному училищу им. Николая I. Однако спустя несколько лет, не будучи нужным, этот участок был отдан в пользование начальнику Партии траления.[40]

Что же касается характера работ, выполняемых Водолазной партией Кронштадтского порта при ее базировании на рейде Бьёркэ, то он менялся в зависимости от

---

[32] *Есипов Н. А.* Материалы к историческому очерку 25-летия Водолазной школы 1882–1907 гг. Кронштадт. Тип. «Кронштадтского вестника». 1907. С. 255.

[33] Граф Гарольд Карлович (17.12.1885 – 25.03.1966, Питтсбург), капитан 2 ранга (1917). Участник Русско-японской войны (1904–1905), оказания помощи жителям города Мессины (Италия), пострадавшим от землетрясения (1908), Первой мировой войны. В эмиграции в Финляндии, Германии, Франции и США. Начальник канцелярии великого князя Кирилла Владимировича. Автор четырех книг мемуаров.

[34] *Граф Г.К.* Императорский Балтийский флот между двумя войнами (1906–1914). Сер. Морская летопись. М. Вече. 2013. С. 22.

[35] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 44602. Воеводский Степан Аркадьевич (22.03.1859 – 18.08.1937, Франция), адмирал (1913). Начальник Николаевской морской академии, директор Морского корпуса (1906–1908). Товарищ морского министра (1908–1909), морской министр (1909–1911). Член Государственного совета (с 1911). В эмиграции во Франции.

[36] Григорович Иван Константинович (26.01.1863 – 03.03.1930, Ментон, Франция), адмирал (1911). Участник Русско-японской войны (1904–1905), командир порта Артур (1904). Главный командир флота и портов и начальник морской обороны Балтийского моря, военный губернатор Кронштадта (1908–1909). Товарищ морского министра (1909–1911), морской министр (1911–1917). Член Государственного совета с 1914 года. В эмиграции во Франции.

[37] *Наймушин И.Н.* Морское инженерное училище Императора Николая I. 1898–1919. СПб. 2017. С. 381.

[38] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 47237.

[39] Один из небольших островов вблизи Бьёркэ, входящий в архипелаг Берёзовых островов.

[40] РГАВМФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 990. Л. 107–117.

того, как совершенствовалось водолазное снаряжение, росли научные знания в области водолазного дела и опыт кронштадтских водолазных специалистов.

По-видимому, в первые годы пребывания в финляндских шхерах Водолазная партия решала только учебные задачи – тренировала спуски учеников на глубины, не превышающие, впрочем, 12 саженей (25,6 м). Среди привычных, повторяющихся из года в год, работ были очистка винтов и кингстонов судов, стоявших в Бьёркэ, поиск и подъем потерянных в ходе учебных стрельб мин Уайтхеда, а также самых разных предметов: от боцманских дудок и посуды до якорей, флагштоков, шлюпок и утопленников.

Работы, связанные с подъемом затонувших судов, были скорее редким исключением из обычной практики и не отличались сложностью. Так, доктор Н.А. Есипов в своей книге упоминает о подъеме миноноски «Пескарь» в 1883 году.[41] Тогда же «Кронштадтский вестник» рассказывал читателям о подъеме при участии Водолазной партии двух миноносок – «Горлицы» и «Корюшки», которые, будучи на бакштове, оторвались в шторм от колесного парохода «Владимир» и затонули в Бьёркэзунде[42] на глубине семи саженей (14,94 м).[43]

Только с приходом в КВШ капитана 2 ранга А.А. Кононова[44] – он возглавил школу в 1896 году – и с назначением в качестве учебного судна школы бывшего клипера «Опричник»[45] характер работ Водолазной партии изменился. Она стала все чаще привлекаться к работам, связанным с судоподъемом. По словам доктора Н.А. Есипова, они составляли «всегда находку для партии», были для нее «очень поучительны и желательны».[46] Таких работ было много и на рейде Бьёркэ, и на Транзундском рейде.[47] Они позволяли тренировать спуски внутрь затонувшего судна, учить водолазов измерять, описывать, зарисовывать и заделывать полученные судами повреждения, не прерывая учебный процесс.

В конце 1900 – начале 1910-х годов Водолазная партия стала все чаще привлекаться к работам вдали от своей летней базы. Среди таких работ – спуски на эскадренный броненосец «Гангут»[48] (особенно удачные летом 1901 года), подъем

---

[41] *Есипов Н.А.* Материалы к историческому очерку 25-летия Водолазной школы 1882–1907 гг. Кронштадт. Тип. «Кронштадтского вестника». 1907. С. 43. Вероятно, это были первые работы Водолазной партии, связанные с судоподъемом.

[42] Бьёркэзунд – пролив в Финском заливе Балтийского моря, расположенный между материком с полуостровом Киперорт и Берёзовыми островами.

[43] Кронштадтский вестник. 1883. 14 (26) сентября. № 109 (2390). С. 1.

[44] Кононов Анатолий Алексеевич (26.01.1856, Варшава – 08.07.1944, Курвиль-сюр-Эр, Франция), контр-адмирал (1911). Окончил КВШ (1885). Автор «Учебника по водолазному делу» (1902) и проектов, связанных с усовершенствованием водолазного снаряжения: глубоководного насоса с электродвигателем и специальных водолазных ботов. Начальник КВШ (1896–1906). Командующий Амурской флотилией (1906–1911). Участник Белого движения на юге России. В эмиграции во Франции.

[45] Учебные суда Водолазной партии: несамоходная баржа (с 1882 года), блокшив «Гиляк» (1885–1896), блокшив «Самоед» (1897), бывший клипер «Опричник» (1898–1906), бывшие крейсера II ранга «Крейсер» (1907) и «Африка» (1908–1918).

[46] *Есипов Н.А.* Материалы к историческому очерку 25-летия Водолазной школы 1882–1907 гг. Кронштадт. Тип. «Кронштадтского вестника». 1907. С. 268.

[47] В рамках данного материала не имеет смысла перечислять все подобные работы. Среди наиболее трудоемких можно назвать подъем: лайбы «Мария» (1899), миноносок № 77 (1900) и № 29 (1906), миноносца № 120 (1910), финской лайбы «Hulta» (1911); снятие с мели: двух минных катеров в Бьёркэзунде (1904), миноносца № 215 (1905), шхуны «Моряк» в Бьёркэ (1906); работы на минном крейсере «Казанец» (1907).

[48] Эскадренный броненосец «Гангут» затонул в 1897 году в Выборгском заливе. В сборнике «Карельский перешеек. Страницы история. Книга шестая» предполагается публикация, рассказывающая об этом катастрофе. *Прим. ред.*

Офицеры и команда водолазной партии с вещами, поднятыми с броненосца «Гангут» летом 1901 года. Офицеры и медицинские чины (слева направо): младший врач С.И. Родионов, лейтенант М.К. фон Шульц, мичман А.А. Шефнер, младший врач К.Н. Зиновьев, лейтенант В.К. Небольсин, младший инженер-механик В.Л. Михайлов, младший инженер-механик П.П. Карнеев. Из фондов РГАВМФ

плавучего маяка «Сарычев» на Свеаборгском рейде в 1906-м, работы по спасению крейсера «Олег» осенью 1908 года у мыса Стейнорт[49] и эскадренного миноносца «Финн» в Ганге двумя годами позже.[50]

Одними из основных задач Водолазной партии в 1912–1914 годах стали расчистка и углубление дна на рейде императорской яхты «Штандарт» близ острова Питкопас.[51]

В конце 1890 – начале 1900-х годов в работы КВШ вошли испытания нового, в том числе разработанного ее специалистами, водолазного снаряжения (систем подводного освещения, телефонных станций и железоискателя), а с начала 1910-х годов – рекомпрессионных камер, кессонов и пневматических инструментов для подводных работ. На базе Водолазной партии проводились и «испытания радиотелеграфных приборов», для чего 2 сентября 1911 года на учебное судно «Африка», стоявшее тогда в Бьёркэ, прибыл надворный советник П.Н. Рыбкин[52] – преподаватель Минного офицерского класса.[53]

---

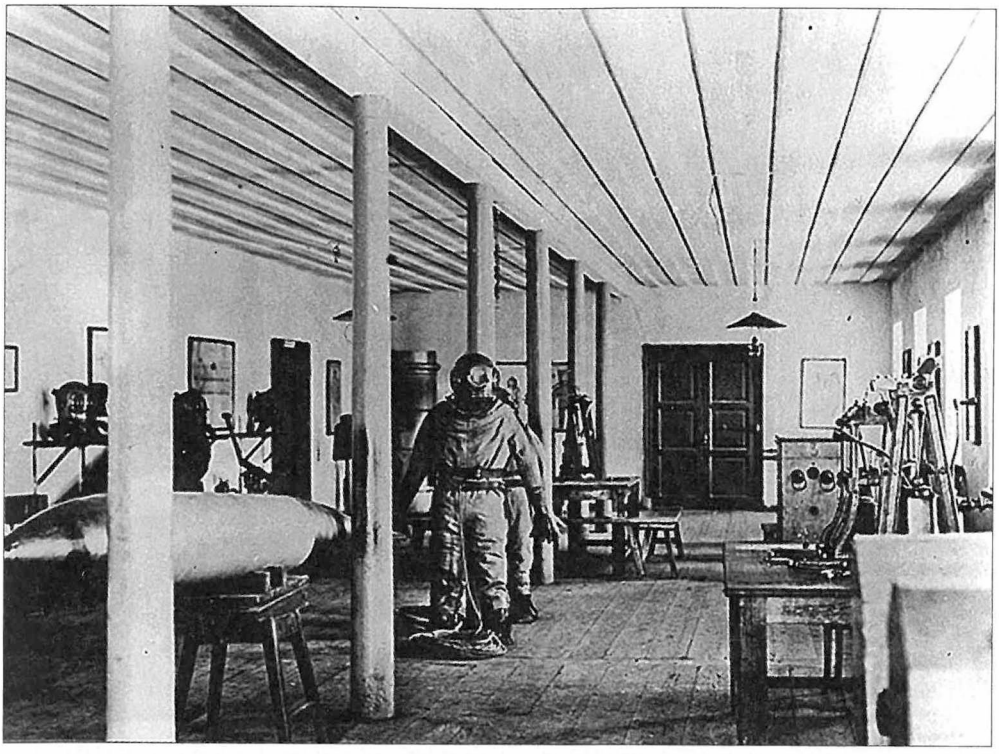
[49] Ныне мыс Акменьрагс, расположенный на побережье Латвии между городами Вентспилсом и Лиепаей.

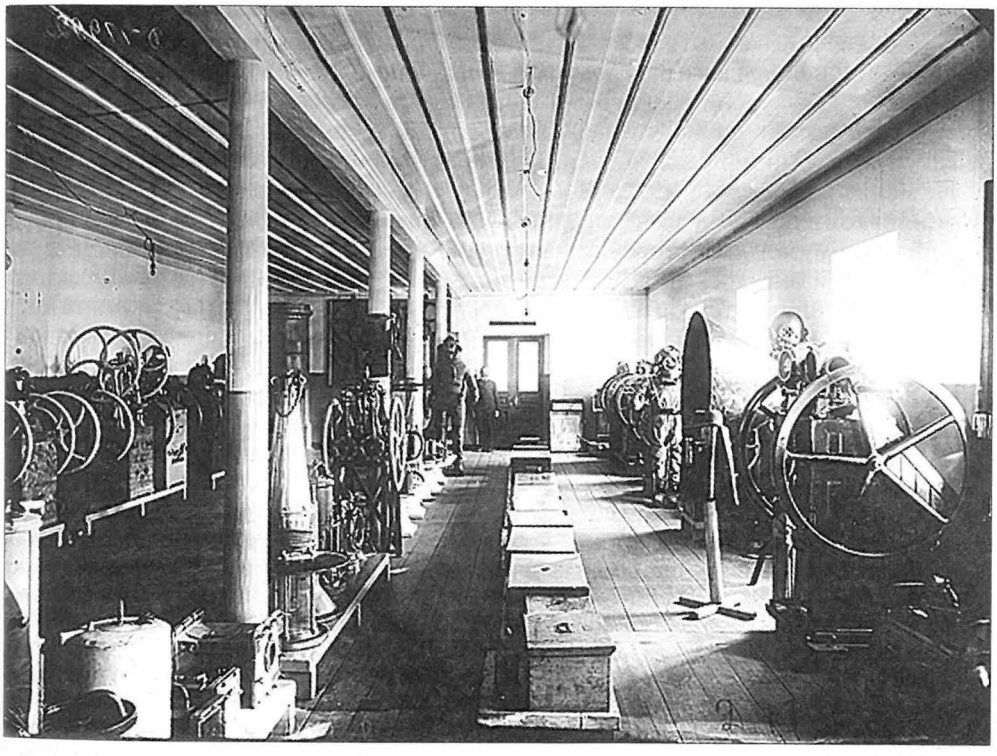
[50] РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 249. Л. 257–258.

[51] Питкопас (финск. Pitkäpaasi или Kotisaari) – остров Долгий камень в северо-восточной части Финского залива, административно подчиненный Выборгскому району Ленинградской области.

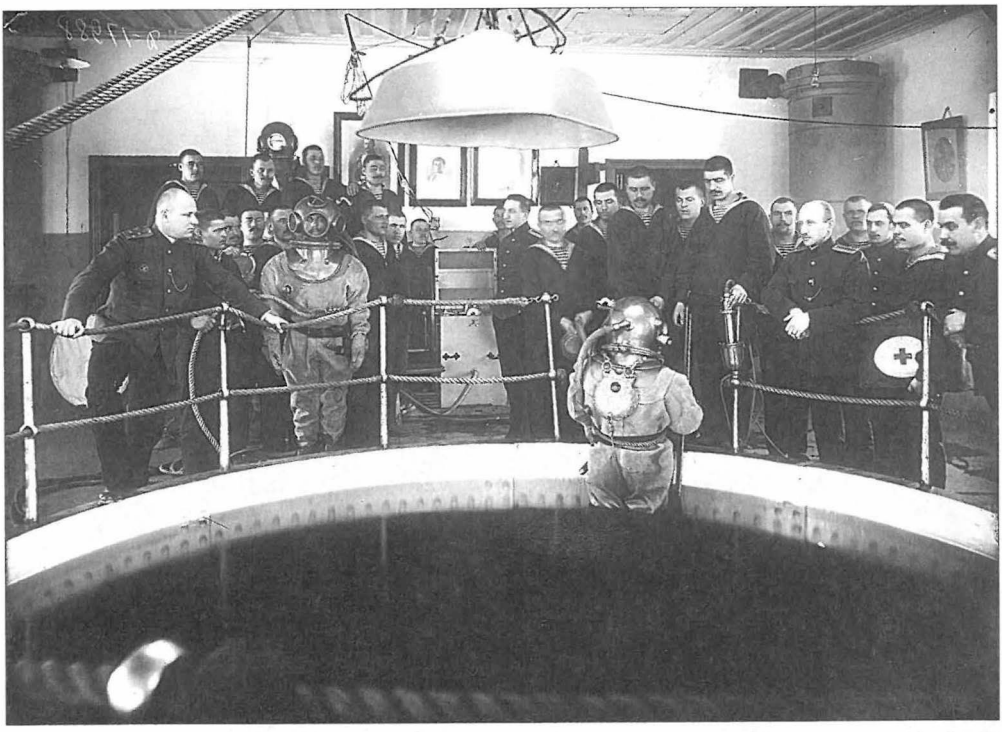
[52] Рыбкин Пётр Николаевич (1864, Санкт-Петербург – 10.01.1948, Кронштадт). Окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета (1892). Лаборант и ассистент А.С. Попова, преподаватель МОК (в советское время – Школа связи им. А.С. Попова) – (1894–1948).

[53] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 47239.





Склад Водолазной партии на острове Киркосаари. Из собрания Л.И. Матвеева



Спуск водолаза в школьный бассейн, Кронштадт, 1913 год. Фото К.К. Буллы. Из фондов ЦГАКФФД СПб

Опасная работа водолазов вызывала в обществе неподдельный интерес, который, по-видимому, поощрялся и руководством КВШ. В начале 1910-х годов неоднократно устраивались экскурсии реалистов и гимназистов в Кронштадтскую водолазную школу, где посетители могли наблюдать спуски в «школьный бак» и действие телефонных станций, предназначенных для связи с водолазом под водой.[54]

Не меньший интерес вызывали и работы водолазов в Бьёркэ. В июне 1913 года с ними знакомились экскурсанты, прибывшие на шхуне «Утро»,[55] принадлежавшей Петербургскому комитету морских экскурсий, учрежденному при Лиге обновления флота.[56] Среди экскурсантов был сын вице-адмирала Р.Н. Вирена[57] – главного командира Кронштадтского порта.[58]

---

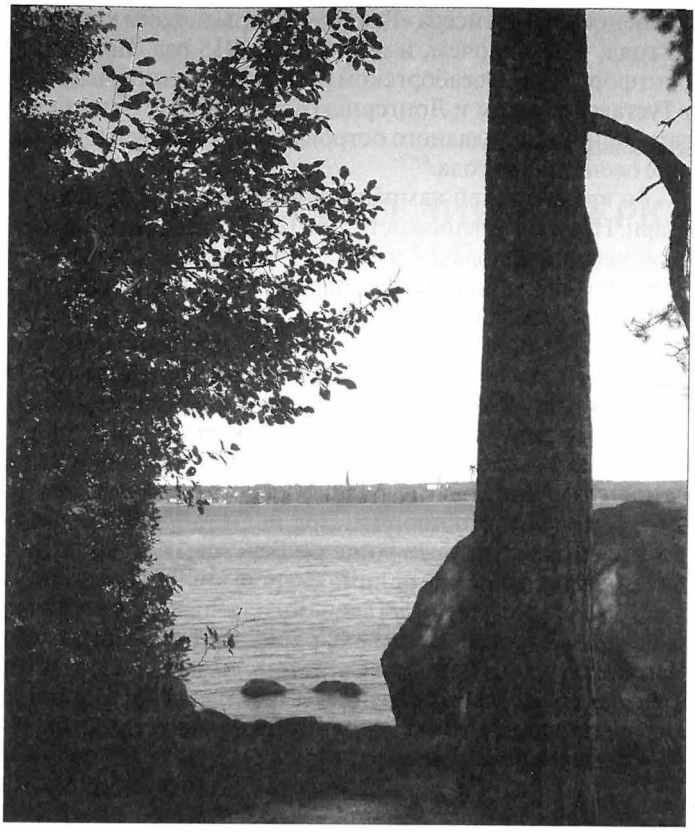
[54] *Следков А.Ю.* Очерки истории водолазного дела. Кн. 3. Т. 1. С. 22; Кронштадтский вестник. 1912. 6 июня. № 128 (8039). С. 3, 4.

[55] Кронштадтский вестник. 1913. 8 июля. № 149 (8858). С. 3.

[56] Создана в 1909 году с целью привлечения молодежи на морскую службу. Первая морская экскурсия была организована Морским ведомством в 1908 году на бывшем крейсере II ранга «Крейсер». В дальнейшем Лига обновления флота приобрела в собственность трехмачтовую финскую шхуну «UPRO», переименованную в «Утро». В 1912 году она ходила в Стокгольм, где экскурсанты посетили Олимпийские игры.

[57] Вирен Роберт Николаевич (06.01.1857 – 01.03.1917, Кронштадт), адмирал (1915). Преподавал минное дело великому князю Георгию Александровичу (1891–1894). Участник обороны Порт-Артура (1904), попал в плен. Главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор города (1909–1917). Член Адмиралтейств-совета (1908–1909). Убит революционными матросами.

[58] Вероятно, младший из трех сыновей – Алексей (1897 – 26.08.1975).



Современный вид на город Приморск с острова Киркосаари. Из архива Е.В. Лихачёвой, сотрудника МБУК «Приморский краеведческий музей»

Месяц спустя, 14 июля 1913 года, на рейде Бьёркэ с учебного судна «Африка», как о том свидетельствует его вахтенный журнал, «был спущен унтер-офицер Костромин[59] на глубину 3 сажени» и «пребывал на грунте 10 минут для демонстрации перед кинематографом».[60] Возможно, именно эти съемки послужили основой для фильма «Водолазный отряд», выпущенного АО «А. Ханжонков и К°» в Москве в том же 1913 году. Фильм этот сохранился. В течение трех минут современный зритель может наблюдать «водолазную тревогу» и погружение водолаза в тяжелом снаряжении. В кадре присутствуют и учебное судно Водолазной партии, и один из водолазных офицеров,[61] и доктор,[62] и команда, обеспечивающая спуск.

Дальнейшему обустройству острова Киркосаари для нужд КВШ помешала Первая мировая война. В летнюю кампанию 1914 года Водолазная партия только изредка наведывалась в Бьёркэ. Причиной тому были водолазные работы на рейде Штандарт, а также спуски специалистов КВШ у линейного корабля «Андрей Первозванный».[63]

---

[59] Костромин Иван Зотикович, водолазный унтер-офицер.

[60] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 53475.

[61] В кампанию 1913 года в постоянном штате Водолазной партии числились, кроме капитана 1 ранга М.К. фон Шульца, четыре офицера: помощник начальника КВШ лейтенант Г.А. Вильсон, лейтенанты П.В. Симонов, Н.Н. Ивков и А.А. Скрыгин.

[62] В штате Водолазной партии в кампанию 1913 года числились два врача: врач КВШ В.П. Аннин и судовой врач учебного судна «Африка» Н.П. Глинюк.

[63] В июне 1914 года, вследствие навигационной ошибки, сел на мель у острова Оденсхольм (ныне Осмуссаари – один из островов Моонзундского архипелага, Эстония), получил серьезные повреждения.

броненосного крейсера «Рюрик»[64] и германского крейсера «Magdeburg».[65] Зиму 1914/15 года, как, впрочем, и почти весь 1915 год, Водолазная партия провела в Гельсингфорсе и на Свеаборгском рейде, где занималась дноуглубительными работами в Густавсвертском и Лонгернском проливах.[66] Эти обстоятельства способствовали запустению Водолазного острова – первые случаи воровства были замечены здесь еще осенью 1914 года.[67]

Во время летней кампании 1916 года Водолазная партия вернулась на Киркосаари. При этом специалисты КВШ решали преимущественно учебные задачи. Флоту требовались водолазы, и число учеников – нижних чинов – сильно возросло.[68] С конца июня Водолазная партия приняла участие в работах по строительству пристани для нужд Военного ведомства на острове Торсаари.[69] Водолазам была поручена установка ряжей и выравнивание грунта. Несмотря на относительную простоту, работы с небольшими перерывами продлились почти до середины августа.[70]

В 1917 году Водолазная партия прибыла на остров Киркосаари в конце мая и с небольшими перерывами пробыла на рейде Бьёркэ, по крайней мере, до середины сентября. В октябре же 1917 года матросы учебного судна КВШ «Африка» приняли самое активное участие в событиях, развернувшихся в Петрограде, в том числе в штурме Зимнего дворца. После Октябрьского переворота и начала распада Российской империи, архипелаг Берёзовых островов, а с ним и маленький остров Киркосаари, вошел в состав независимой Финляндии.

В 1918 году Кронштадтская Водолазная школа была переведена из Кронштадта сначала в Петроград, затем в Саратов, Казань, Вольск, снова в Петроград, а потом на Черное море: в 1924 году в Севастополь, через год в Балаклаву.[71] И, несмотря на то, что после Советско-финляндской войны в 1940 году архипелаг Берёзовых островов был возвращен России, водолазы на него не вернулись. Сейчас остров Киркосаари пребывает в запустении.

[64] 27 июля 1914 года попал на неотмеченную на картах острую скалу близ острова Нарген (ныне Найссаар в 8,5 км к северо-западу от Таллина, Эстония).

[65] В ночь на 13 августа 1914 года в условиях сильного тумана сел на камни близ острова Оденсхольм.

[66] Стратегически важные проливы, ведущие на рейд Гельсингфорса.

[67] РГАВМФ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 67. Л. 9 об.

[68] Если на протяжении 1882–1913 годов число учеников нижних чинов в среднем составляло 100 человек, то перед началом Первой мировой оно приблизилось к 150. В 1917 году их было уже более 340. При этом подготовка водолазных офицеров не велась.

[69] Остров Торсаари (Тиуринсаари), ныне Западный Берёзовый, один из крупных островов, входящих в архипелаг Берёзовых островов.

[70] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 60948.

[71] *Следков А.Ю.* Очерки истории водолазного дела. Кн. 3. Т. 1. С. 37.

П.Н. Ермолаев

ЗАБЫТАЯ ТРЕГЕДИЯ В БЬЁРКЭ
(смерть капитана 1 ранга И.Г. Энгельмана)

Ранним утром 23 августа 1915 года жители тихого финского городка Бьёркэ (Койвисто),[1] были взбудоражены чрезвычайным происшествием. На своей квартире пятью пулями из револьвера был убит русский морской офицер – капитан 1 ранга И.Г. Энгельман. Несмотря на явный бытовой характер преступления, событие это привлекло внимание высших военных и гражданских чинов Российской империи и удостоилось доклада самому императору. Дело в том, что, во-первых, капитан 1 ранга Энгельман занимал довольно высокий пост – он был начальником Охраны водного района Бьёркэ и командиром одноименного отряда. Но главное то, что следствие, произведенное по факту его убийства, отразило целый ряд противоречий между Российскими правовыми нормами и Уголовным правом, действующим на территории Великого княжества Финляндского, возникших после начала Первой Мировой войны.

Игорь Георгиевич Энгельман происходил из старинного рода прибалтийских (остзейских) немцев и родился в 1872 году в Одессе. Его отец – Георгий Иванович Энгельман (1831–1898). В 1855 году – кондуктор, затем офицер Корпуса флотских штурманов. Состоял в Севастопольском гарнизоне, участник обороны Севастополя, награжден чином прапорщика, орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й степени с мечами. В 1861 году уволен от службы подпоручиком.[2] Все четверо его сыновей – Игорь, Владимир, Вячеслав и Борис – пошли по стопам отца и тоже стали морскими офицерами. При этом Владимир служил на Балтийском флоте одновременно с Игорем Георгиевичем, поэтому их часто путают.

Георгий Иванович Энгельман. отец Игоря Георгиевича Энгельмана. Из собрания автора

Игорь Энгельман в 1891 году окончил Морской кадетский корпус в Петербурге и начал службу мичманом на Черноморском флоте. В июле 1893 года

[1] Имелось много вариантов написания, ныне Приморск. Формально Койвисто в 1915 году еще не имел статуса города.

[2] https://flot.com/blog/historyofNVMU/2759.php

переведен в Каспийскую флотилию в Баку, где служил штурманским офицером на пароходах «Баку», «Красноводск», «Геог-Тепе».[3]

В 1895 году Игорь Энгельман выдерживает экзамен и поступает в Минные офицерские классы, располагавшиеся в Кронштадте, а в следующем году приказом по Морскому ведомству его переводят на Балтийский флот. По окончании Минных офицерских классов в 1896 году его производят в лейтенанты и назначают на должность командира 4-й роты на эскадренный броненосец «Гангут», а в 1897-м – минным офицером на броненосец «Полтава» и одновременно преподавателем Минной школы для нижних чинов флота.

В 1899 году И. Энгельмана назначают минным офицером на крейсер I ранга «Россия» Эскадры Тихого океана, в составе которой он участвует в Китайском походе 1890–1901 годов.[4]

Энгельман возвращается в Кронштадт в 1903 году и получает назначение в плаванье на Отдельный отряд судов, идущих в Тихий океан, старшим флаг-офицером штаба отряда на эскадренный броненосец «Цесаревич». В сентябре 1903 года его переводят на броненосец «Ослябя», а позже – на крейсер I ранга «Аврора». Вероятно, что такая череда перемещений была связана с его участием в организации радиотелеграфного дела на кораблях 2-й эскадры Флота Тихого океана.

В специальной литературе упоминается деятельность И.Г. Энгельмана как одного из создателей отечественного радиотелеграфа и энтузиаста его внедрения на Русском военном флоте.

Вскоре после начала Русско-японской войны, в апреле 1904 года командование решает использовать И.Г. Энгельмана в качестве преподавателя. Его возвращают в Кронштадт и назначают старшим минным офицером на учебное судно «Двина» Учебно-минного отряда Балтийского флота.[5] В декабре 1904 года Энгельман получает чин капитан-лейтенанта и назначается на должность заведующего обучением нижних чинов Учебно-минного отряда, где он становится ассистентом и одним из ближайших помощников профессора А.С. Попова. Один из основоположников советской радиолокации академик А.И. Берг впоследствии назвал И.Г. Энгельмана одним из лучших учеников А.С. Попова.[6]

В 1905 году Энгельман публикует свое «Руководство, принятое для Класса Телеграфистов При Минной Школе Балтийского Флота» под названием «Беспроволочный телеграф», разработанное им при содействии профессора А.С. Попова и его сотрудников.[7]

Капитан-лейтенант Энгельман летом 1905 года обратился в Морское министерство за помощью в деле модернизации связи и обучения радиотелеграфистов. Бюрократы Морского ведомства ему отказывают в этом под предлогом, что «в настоящее время нет необходимости заботиться о подготовке кадров по беспроволочному телеграфу, так как их без того много и в связи с ожидаемым возвращением

---

[3] Здесь и ниже приводятся сведения из послужного списка И.Г. Энгельмана. РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 4895Э.

[4] За этот поход И.Г. Энгельман был награжден серебряной медалью «В память подвигов, оказанных нашими войсками в походах в пределах Китая в 1900–1901 гг.». Российский флот участвовал в подавлении так называемого Боксерского восстания, которое в некоторых источниках называется Русско-китайской войной.

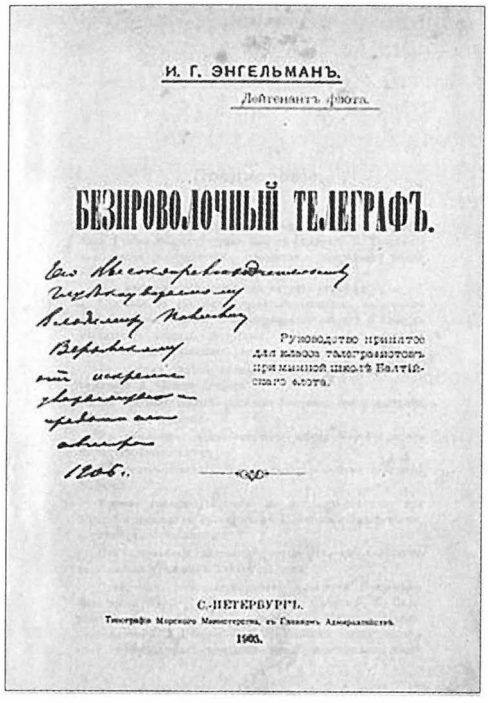
[5] Летом 1904 года во время практического плавания учебных судов он поочередно занимает должность старшего минного офицера на крейсерах II ранга «Африка», «Европа» и эскадренном броненосце «Император Николай I».

[6] URL: https://radi0.ru/ob-izobretatelyah/vospominaniya-ob-a-s-popove/a-s-popov-izobretatel-radio/

[7] *Энгельман И.Г.* Безпроволочный телеграф: руководство принятое для класса телеграфистов при минной школе Балтийского флота. СПб, Тип.Морского министерства. 1905.

военнопленных из Японии, а также малочисленностью оставшегося флота потребность в новых кадрах становится еще меньше». В ответ на эту примечательную резолюцию Энгельман пишет из Гельсингфорса 16 июля 1905 года: «Я совершенно не знаю, что думать, как люди, ничего не понимающие, решаются утверждать, что флот имеет знающих телеграфистов. На второй эскадре все приборы переломаны от невежества офицеров и матросов. И вот решают, что все обстоит благополучно и ничего не надо. После всего ужаса и позора, который пережила Россия за флот, во флоте находятся люди, которые утверждают, что учиться как раз не надо».[8]

Безвременная смерть А.С. Попова от инсульта 31 декабря 1905 года произвела тяжелое впечатление на Энгельмана. «Я никогда не забуду тех проявлений душевной скорби, — отмечает он в начале 1906 года в газете «Котлин», — которые видел на похоронах покойного, а затем 24 января на заседании в Физическом институте, как люди науки со слезами вспоминали покойного, и их волнение лучше слов показывало, что русская наука и мы, русские, осиротели и потеряли много, много в покойном».[9]


И. Г. ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Лейтенантъ флота.

БЕЗПРОВОЛОЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Руководство принятое для класса телеграфистовъ при минной школѣ Балтійскаго флота.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

Титульный лист книги И.Г. Энгельмана «Беспроволочный телеграф: Руководство, принятое для класса телеграфистов при минной школе Балтийского флота», с дарственной надписью автора адмиралу В.П. Верховскому

По распоряжению морского министра в 1906 году И.Г. Энгельман был командирован на три месяца во Францию и Италию «для ознакомления с постановкой воспитания нижних чинов флота».

Уже в чине капитана 2 ранга[10] И.Г. Энгельман в 1908 году продолжает заведовать обучением нижних чинов в Минной школе Учебно-минного отряда Балтийского флота, при этом занимаясь научной работой и публикуя свои статьи в «Морском сборнике».[11] Свой богатый опыт в преподавании и подготовке квалифицированных специалистов флота Энгельман попытался отразить в книге «Воспитание современного солдата и матроса», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1908 году. [12]

Из предисловия к книге мы видим, насколько его волновала эта тема:

«С каждым годом учения антимилитаристов, интернационалистов, социалистов всевозможных оттенков, анархистов и представителей прочих утопических учений

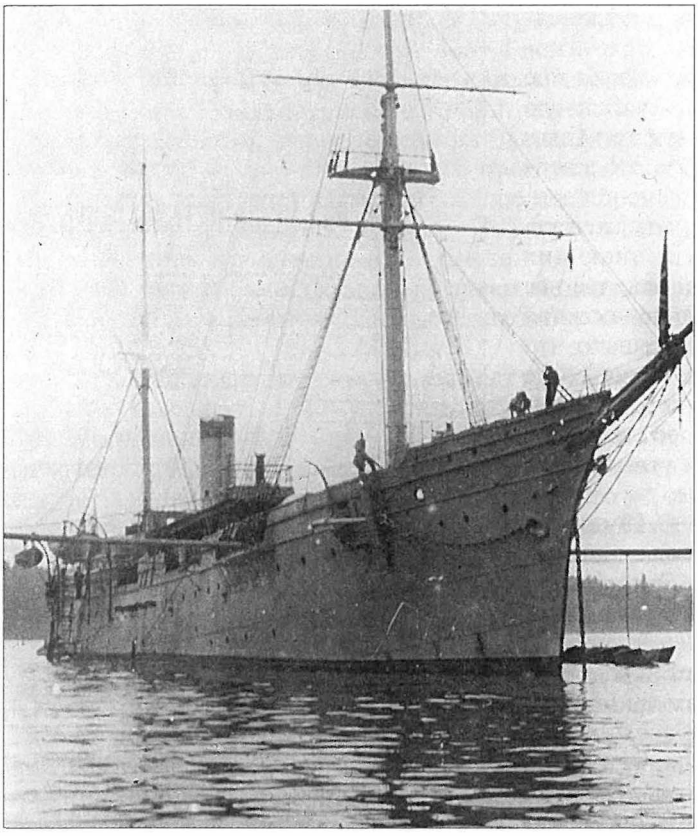
[8] URL: https://radi0.ru/ob-izobretatelyah/vospominaniya-ob-a-s-popove/a-s-popov-izobretatel-radio/

[9] Там же

[10] С декабря 1906 года.

[11] Краткий очерк истории Минного офицерского класса и Минной школы Балтийского флота в Кронштадте. 1874–1908 г.г. Лейтенант Житков. Сборник кратких сведений по Морскому ведомству, выпуск 2. XI-й Международный Судоходный Конгресс. С.-Петербург. 1908 г. СПб. 1908.

[12] *Энгельман И.Г.* Воспитание современного солдата и матроса. СПб. Экон. типо-лит., 1908.



Крейсер «Азия». Пролив Бьёркэзунд (?), 1915 год. С началом Первой мировой войны 11 сентября 1914 года зачислен в качестве транспорта в состав Охраны водного района Бьёркэ. Из собрания Л.И. Матвеева

делают в среде темных масс народа заметные успехи. Таким образом, в тылу современных армий вырос враг внутренний, борьба с которым должна вестись все время, безостановочно и которая заключается главным образом в нравственном оздоровлении армии и флота, этих важнейших органов государственного организма. Поэтому те народы, которые хотят сохранить свою национальность, сохранить всё, что добыто дорогой ценой крови предков, сохранить свою Родину а, следовательно, свою армию и флот, должны не только осознать надвигающуюся на них опасность, но и предпринять надежные меры для борьбы со всем, что грозит их уничтожению».[13]

В феврале 1910 года Энгельман получил назначение командиром эскадренного миноносца «Расторопный», а некоторое время спустя – командиром заградителя «Онега» (бывший «Герцог Эдинбургский»). А в декабре 1913 года И.Г. Энгельману присваивается очередной чин – капитан 1 ранга. С началом Первой мировой войны его назначают на должность начальника Охраны водного района Бьёркэ.

Проект создания минно-артиллерийской позиции, контролирующей подходы к проливу Бьёркэзунд, был разработан еще в 1913 году. В первую очередь приступили к строительству трех береговых батарей: у южного входа в пролив Бьёркэзунд (батарея «Хумалйоки»),[14] на полуострове Киперорт (батарея «Харкеля») и батареи на острове Тупурунсаари, контролирующей северный вход в пролив и Выборгский залив.

Военное значение Бьёркэзунда было обусловлено целым рядом обстоятельств. В первую очередь – его близостью как к Кронштадту, так и к Выборгу. Кроме того,

[13] Воспитание современного солдата и матроса / И.Г. Энгельман, кап. 2 ранга. СПб. Экон. типо-лит. 1908.

[14] В районе современного поселка Ермилово.

Бьёркэзунд представлял собою естественную и удобную базу для флота, блокирующего Невскую губу либо Выборгский залив с Транзундским рейдом. Принималась во внимание и возможность использования его побережья и островов в качестве плацдарма при высадке вражеского десанта для овладения Санкт-Петербургом.

После объявления мобилизации началось формирование отряда Охраны водного района Бьёркэ, приравненного по штату к дивизиону эскадренных миноносцев. В его состав вошли минный заградитель «Волга», транспортное судно «Азия», посыльные суда «Славный», «Кронштадт» и «Нептун», несколько паровых катеров, моторных баркасов и блокшивов.

В рапорте от 7 сентября 1914 года адмиралу В.А. Канину – начальнику Отряда заградителей Балтийского моря – И.Г. Энгельман докладывает план организации службы своего отряда:

«1. Транспорт "Азия" – служит базой для отряда, на нем живут все офицеры и нижние чины, он стоит на рейде Койвисто и несет службу внутренней брандвахты, по требованию, когда начнется заграждение минами, он берет на буксир блокшив № 4 и уходит в Кронштадт, взяв лишние плавучие средства и людей.

2. Заградитель "Волга" – находится все время в готовности поставить минное заграждение, обычно ведет занятия и учения, по приказанию ставить минное заграждение в две линии: 1. От банки Харелода до о-ва Пей-сари; 2. От мыса Ренам-неми к Веркалоде; 3. От Папиматала до остового берега (вход в Хмелевский залив),[15] начинает постановку на севере и по окончании постановки уходит в Кронштадт.

3. Минные моторные баркасы № 1 и № 5 по приказанию ставят заграждение между островами Тупоран-сари[16] и Тейка-сари,[17] после чего уходят в Кронштадт. В настоящее время с них производятся учебные постановки, так как минные специалисты запаса требуют повторения. <...>

4. Посыльные суда "Славный", "Кронштадт" и "Нептун" в настоящее время служат для обслуживания наблюдательных пунктов, сообщения с Выборгом, для дежурства по очереди на брандвахте. По приказанию поставить мины заграждения посыльное судно "Кронштадт" снимет, если будет приказано, вехи от Веркоматалы к югу по дороге в Кронштадт и остается в Кронштадте.

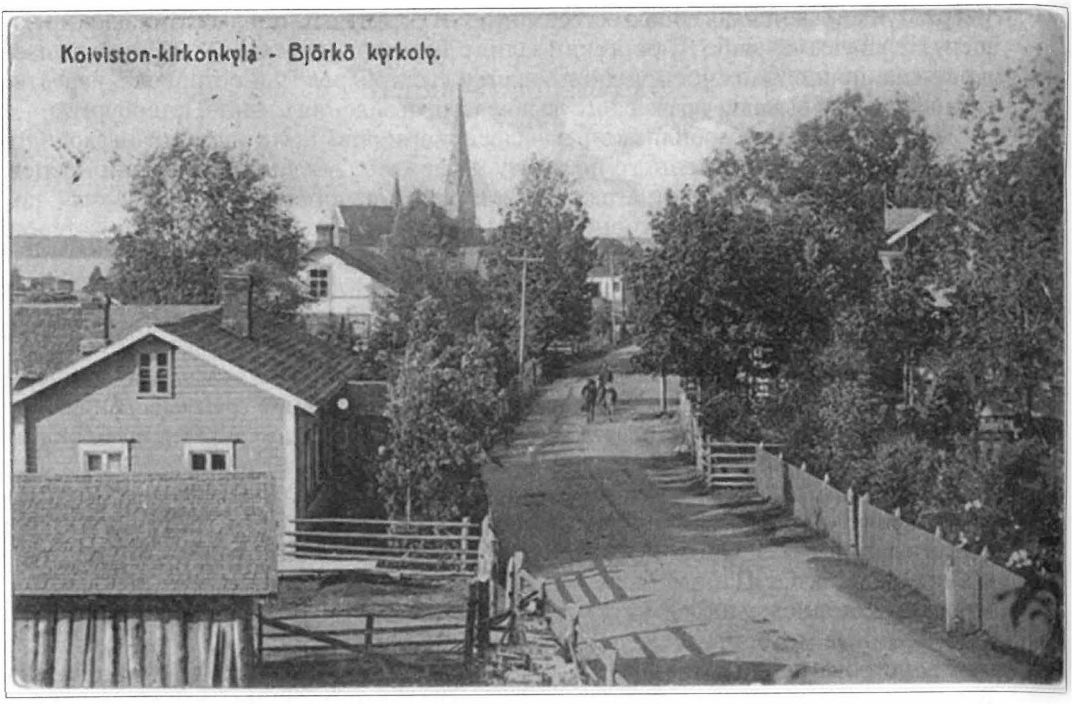
5. Посыльное судно "Славный" берет на буксир плавучий маяк Веркоматала[18] и уводит его на Трандзундский рейд, снимает вехи, если будет приказано, на плесе к северу от о-ва Пей-сари,[19] затем уводит маяк Веркоматала в Выборг и возвращается в Макс-лахту, где служит для внутреннего сообщения отряда с Выборгом.

6. Посыльное судно "Нептун" с подрывной партией топит баржи и лайбы в указанных местах, начиная с севера, возвращается в Биорк-э, где служит для внутреннего сообщения по проливам, наблюдает за заграждениями и снабжает наблюдательные пункты.

7. Четыре мотора в обыкновенное время служат при внутренней брандвахте, а после постановки распределяются в распоряжение батарей, где находятся наблюдательные пункты, в первое время после постановки не допускают суда подходить к линиям заграждения.

8. Наблюдательные пункты: № 1 – база, № 2 – батарея Тупурансари, № 3 – батарея Херкала, № 4 – остров Тор-сари,[20] № 5 – мыс Питко-неми,[21] № 6 – батарея Хумалйоки

[15] Бухта Хумалйоки, ныне Ермиловская.
[16] Ныне остров Вихревой.
[17] Остров Тейкасаари, ныне остров Игривый.
[18] Плавучий маяк у южного входа в пролив Бьёркэзунд.
[19] Ныне остров Северный Березовый.
[20] Ныне остров Западный Березовый.
[21] Мыс Питкониеми – южная оконечность острова Большой Березовый.



Койвисто (Бьёркэ), открытка начала XX века. Из собрания Л.И. Матвеева

служат для наблюдения за всем прилегающим водным пространством, сообщают о движении судов, они связаны с домом начальника телефонами и оптической сигнализацией между собою. После постановки заграждения все пункты остаются и держатся на местах насколько это возможно, а в случае отступления сухопутных войск от берега и оставления батарей присоединяются к ним. После постановки заграждения три вахтенных Начальника с "Азии" идут на вышеупомянутые батареи, на которых и остаются.

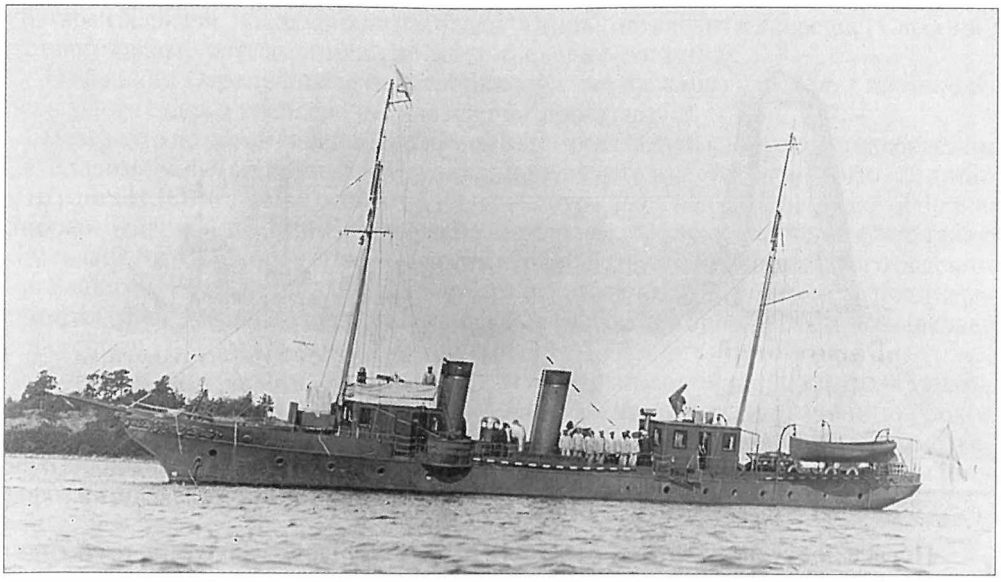
Я с чинами моего Штаба остаюсь на все время на центральном пункте в доме, занятом мною у пристаней в южной части бухты Койвисто, где были раньше угольные склады, и нахожусь в распоряжении сухопутного начальника Биоркского отряда. Со всеми наблюдательными пунктами и батареями, а также и с сухопутным начальником Биоркского отряда и комендантом Выборгской крепости я связан телефонами, для чего имею в своем распоряжении центральную станцию....

К постановке минного заграждения я был готов с 27 июля, дня, когда пришел в Биорк-э согласно полученного приказания, так как заградитель "Волга" с блокшивом № 4 тогда ко мне уже присоединились.

Капитан 1-го ранга Энгельман».[22]

Следует отметить, что в течение первой половины 1915 года состав кораблей отряда несколько видоизменялся. Так, вместо заградителя «Волга» в июне 1915-го в состав отряда был включен заградитель «Свирь» и «Теплоход № 5». Флагманом отряда стало прикомандированное посыльное судно (бывший крейсер Корпуса пограничной стражи) «Роксана». Соответственно были внесены изменения и в боевое расписание. Так, после получения приказа о постановке минного заграждения:

[22] РГАВМФ. Ф. 966. Оп. 1. Д. 1.

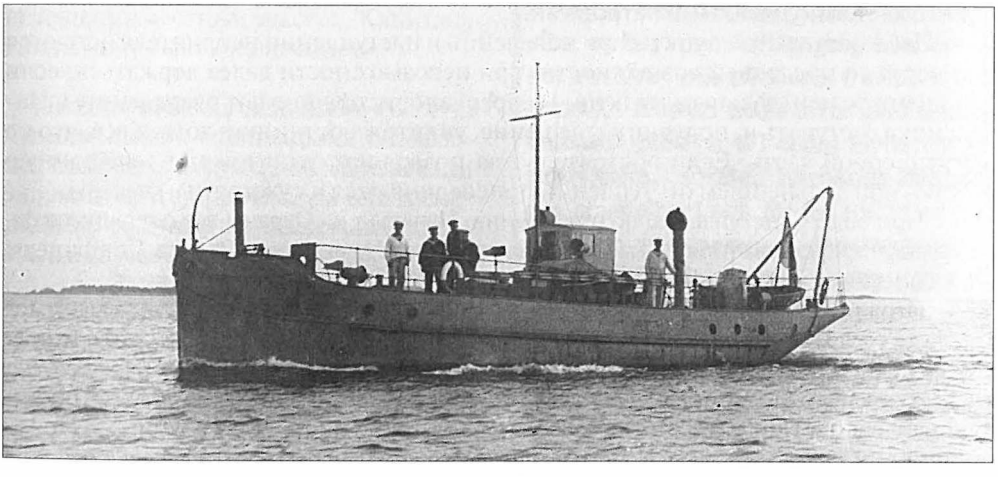


«Роксана» – флагманский корабль Отряда охраны водного района Бьёркэ. Из собрания М.А. Богданова

« – Начальник Охраны Водного района Бьерк-э на крейсере "Роксана" идет на Транзундский рейд, где принимает от Учебно-Минного Отряда заградитель "Свирь", Теплоход № 5 и два плота и ждет ухода всех судов с Транзундского рейда и провода маяка Веркоматала на Транзундский рейд.

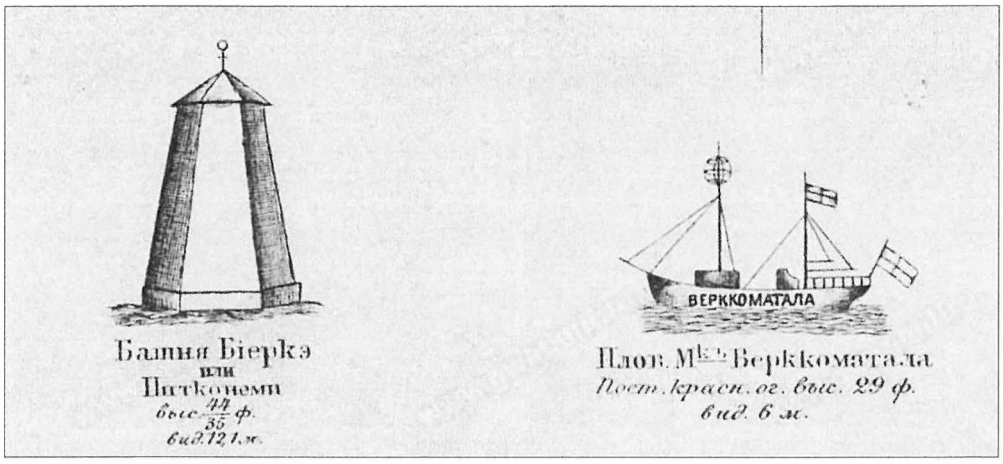
– Посыльное судно "Славный" идет к плавучему маяку Веркоматала, берет его на буксир и отводит на Транзундский рейд, где остается для внутреннего сообщения острова Тупоран-сари, бухты Мацлахта[23] с Выборгом...

– Посыльное судно "Кронштадт" идет также на Транзундский рейд, где остается при батареях Тупоран-сари, для охраны минного заграждения между Тупоран-сари и Тейкер-сари.



Теплоход № 5. Из собрания М.А. Богданова

[23] Бухта Макслахти, ныне Ключевская.



Фрагмент морской карты Финского залива 1915 года

– Посыльное судно "Нептун" остается в Бьерк-э-Зунде для внутреннего сообщения между островами и базой и, если будет приказано, топит лайбы между островами Бьерк-э, Тор-сари и Пей-сари. При нем остается подрывная партия.

– Моторная бота "Ладога", катер "Суворовский" и две непотопляемые шлюпки остаются для обслуживания батарейной площади участка (Хумалйоки) наблюдательных пунктов № 5 и № 6 и для наблюдения за южными заграждениями.

– Моторный бот «Липово» и две непотопляемые шлюпки остаются для обслуживания батареи Херкала, наблюдательного пункта № 3 и для наблюдения за заграждением.

– Две непотопляемые шлюпки остаются у острова Тупоран-сари для обслуживания батареи, наблюдательного пункта № 2 и для наблюдения за заграждением.

– Два паровых катера остаются при центральном пункте.

– Транспорт "Азия", как база, остается в Бьерк-э-Зунде, причем отводится на глубину 6 сажен с тем, чтобы служить для жизни людей и снабжения остающихся судов и, в случае неминуемого занятия неприятелем данного района, затопляется на указанной глубине открытием кингстонов, после чего все оставшееся над водой уничтожается подрывными патронами.

– Наблюдательные пункты при появлении и наступлении неприятеля остаются на местах до последней возможности, при невозможности далее держаться, если сообщение с центральным пунктом не прервано, испрашивают разрешение у Начальника отступать и, получив разрешение, уничтожают вышки, дома и все, что не могут с собой взять. Если обстоятельства позволяют, уничтожают телефонную линию, при дальнейшем отступлении присоединяются к сухопутным частям.

– При общем отступлении по приказанию Начальника Охраны все оставшиеся суда и плавучие средства топятся на местах по указанию Начальника Отряда. Г.г. офицеры и нижние чины тр. "Азия" и судов присоединяются к сухопутным частям. <...>

– Заградитель "Свирь", по готовности, снимается с якоря и идет к Альвати-неми,[24] где ожидает распоряжения Начальника Охраны, продолжая готовить мины. После ухода всех судов с Транзундского рейда и прохода плавучего маяка Веркоматала Начальник Отряда приказывает ставить минное заграждение между островом Тупоран-сари и Пей-сари, после чего Теплоход № 5 и плоты идут в Бьорк-э. После постановки вышеуказанного заграждения, Начальник Охраны идет на крейсере Роксана к Альвати-неми и приказывает заградителю "Свирь" ставить заграждение

[24] Северная оконечность острова Северный Березовый.

у батареи Херкаля, после чего заградитель "Свирь" переходит к д.[еревне] Саренпя[25] и ставит южные заграждения,... после чего идет в Кронштадт.

Начальник Охраны после постановки всех заграждений переходит на одно из посыльных судов и крейсер Роксана идет в Кронштадт».[26]

Незадолго до своей гибели Энгельман был представлен к награждению орденом Св. Владимира 4-й степени. В наградном листе на него имеется запись, что «капитан 1-го ранга И.Г. Энгельман особенно усердно потрудился над организацией обороны Биоркэ-Зундской позиции и прекрасно наладил дело, о чем свидетельствует также комендант Выборгской крепости, а потому ходатайствую о награждении его орденом Св. Владимира 4 ст. Вице-адмирал Кербер» (с резолюцией "Согласен" за подписью адмирала фон Эссена). Ранее Энгельман был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени (1907) и Св.Анны 2-й степени (1913).[27]

Конечно, теперь, спустя столько лет, мы вряд ли доподлинно сможем узнать, что произошло в ту злополучную ночь 23 августа и что послужило причиной роковых выстрелов. Некоторые подробности были раскрыты в короткой заметке, опубликованной 7 сентября 1915 года газетой «Dagens Press», выходящей в Гельсингфорсе на шведском языке.

«Драма с револьвером в Бьёрке.
Мотив – ревность.

Вечером в прошедшую субботу в Бьёрке капитан первого ранга И. Энгельман пригласил гостей. К 4 часам утра большинство гостей разошлось. Среди оставшихся была г-жа Хильда Мария Рантанен из Выборга. По какой-то причине у нее завязалась ссора с капитаном Энгельманом и после словесной перепалки она схватила револьвер и произвела 5 выстрелов в него. Капитан Энгельман скончался на месте. Г-жа Рантанен была немедленно арестована и переведена в Выборг, где она была помещена в местный участок. Капитану Энгельману было около 40 лет».[28]

Позднее в выборгской газете «Wiborgs Nyheter» вышло официальное объявление, касающееся служебной деятельности Энгельмана, что, впрочем, для того времени, было обычной и обязательной практикой в случае смерти должностного лица.

«Извещение.

Настоящим просим немедленно представить по адресу: "Кронштадт, учебный корабль «Верный», получатель

Revolverdrama i Björkö.

— Motivet svartsjuka.

(K. C.) Senaste lördag kväll hade i Björkö kaptenen af första rangen E. Engelman inviterat gäster till sig. De flesta af gästerna aflägsnade sig vid 4-tiden på morgonen. Bland de kvarstannande befann sig fröken Hilda Maria Rantanen från Viborg. Af någon orsak råkade hon i dispyt med kapten Engelman, och efter en kort ordväxling grep hon dennes revolver och aflossade 6 skott mot honom. Kapten Engelman afled omedelbart. Motivet till dådet torde varit svartsjuka. Fröken Rantanen häktades omedelbart och fördes till Viborg, där hon internerats å länsfängelset. Kapten Engelman var cirka 40 år gammal.

Заметка из газеты «Dagens Press» от 7 сентября 1915 года сообщавшая об убийстве И.Г.Энгельмана

[25] Ныне поселок Красный Остров на острове Большой Березовый.
[26] РГАВМФ. Ф. 966. Оп. 1. Д. 227.
[27] РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 98. Л. 222, 223.
[28] URL: http://kortic.borda.ru/?1-4-0-00000031-000-60-0

Kungörelse.

Härmed anmodas att nu genast insända, under adress »Kronstad, skolskeppet »Вѣрный» (Кронштадтъ учебное судно »Вѣрный») Kaptenen af 2:dra rangen Basoff» alla fordringar, för kronoleveranser, gjorda af Kaptenen af 1:sta rangen Engelmann för tiden af hans vistelse i Björkö. 3 månader efter det denna kungörelse blifvit kungjord komma sådana fordringar att likvideras endast i rättslig ordning.

Ordförande i kommissionen, Kaptenen af andra rangen

Basoff.

Kommissionens sekreterare, Midschipsman.

A. Sapsai.

Объявление из газеты WIBORGS NYHETER, № 122 от 29 мая 1916 года

капитан 2-го ранга Басов", все возможные претензии, касающиеся казенных поставок, которые сделал капитан 1-го ранга Энгельман, в период его пребывания в Бьёрке. Уведомляем, что через 3 месяца после этого извещения подобная дебиторская задолженность может быть ликвидирована только в судебном порядке.

Председатель Комиссии, капитан второго ранга Басов.

Секретарь Комиссии, мичман А. Сапсай».[29]

Расследование смерти, проведенное коронным ленсманом[30] прихода Койвисто, было крайне поверхностным и, практически, закончилось, не успев начаться, поскольку госпожа Хильда Рантанен сама сразу призналась в убийстве.

Однако, проведенные следственные действия, мягко говоря, не удовлетворили русское военное командование. Более того, поведение коронного ленсмана было признано преступным. В своем рапорте Выборгскому губернатору от 5 сентября 1915 года комендант Выборгской крепости доносил:

«23-го августа ст. стиля сего года я получил донесение, что в селении Биоркэ убит Начальник водного района Биоркэ – капитан 1-го ранга Энгельман, убийцей была его сожительница – Хильда Рантала.[31]

Из представленных затем мне дознаний, произведенных военными чинами, и из полицейского дознания, составленного исправляющим должность коронного ленсмана по приходам Койвисто и Иоганнес,[32] препровожденного при сношении Вашего Превосходительства от 28/10 сентября с.г. за № 34062, я усматриваю:

1. Полицейское дознание произведено крайне поверхностно.

2. Убийца самолично ночью же явилась к ленсману и заявила о своем преступлении и вместе с ленсманом отправилась в квартиру, где лежало тело убитого, причем ленсман, после осмотра тела, не приступил немедленно к производству дознания, а отложил его до 8 часов утра.

3. Рантала не была немедленно ленсманом арестована, а оставлена в своей же квартире, где было совершено убийство, под наблюдением двух сторожей.

---

[29] «Wiborgs Nyheter», № 122 от 29 мая 1916 года.

[30] Коронный ленсман — исполнительный полицейский чин в сельских местностях Финляндии, начальник полиции прихода (общины), аналогичный по положению становому приставу в дореволюционной России.

[31] С 1908 года И.Г. Энгельман был вдовцом.

[32] Ныне поселок Советский.

4. Квартира после убийства и выноса тела не была опечатана и на другой день не было даже составлено описи находившегося в квартире имущества.

5. Ленсман не принял никаких мер к охране места преступления и имущества в том виде, в каком оно было в момент преступления.

6. Придя на место убийства в 8 часов утра, он отправился в соседние комнаты один и что там делал – неизвестно.

7. Уходя из квартиры, он разрешил убийце уложить все свои вещи и отправить их в Выборг, или куда она хочет и даже разрешил ей произвести продажу дров и кур.

8. Не обыскал лично убийцу.

9. Убийство было совершено около 3 часов утра 23-го августа ст. стиля, по распоряжению ленсмана убийца оставалась в своей квартире до утра 24-го числа, когда его же распоряжением под наблюдением крестьянина Пелтонена убийца на пароходе была препровождена в Выборг в тюрьму. Убийца ехала в 1-м классе, а сторож – в 3-м. С убийцей ехала и ее женская прислуга. По прибытии в Выборг, убийца послала свою прислугу заложить свой велосипед, а сама с вещами и со сторожем отправилась на извозчиках на вокзал, где отправляла свои вещи в Гельсингфорс, писала письма, говорила по телефону, вызвала на вокзал одну из своих знакомых, затем со сторожем отправилась в тюрьму, зайдя по дороге в прачечную, одним словом, поступала не как обвиняемая в тяжком преступлении, а как совершенно свободный человек, отсюда ясно, что ленсманом не было дано никаких инструкций сопровождавшему сторожу.

10. Когда особая войсковая комиссия с понятыми прибыла в квартиру, где было совершено убийство, то она оказалась совершенно пустой, все комнаты были убраны, кровь в комнате, где было убийство, смыта. В печах был обнаружен свежий пепел от сожженной бумаги.

Таким образом, благодаря преступному попустительству исполняющего должность коронного ленсмана, следы преступления и мотивы такового были скрыты, а все материалы, могущие дать необходимые указания, были увезены.

Ввиду такого отношения к своим прямым обязанностям со стороны исправляющего должность ленсмана приходов Койвисто и Иоганнес – Ефрема Кемпайнена, я, на основании п. 19. ст. 19-й Приложения к Положению о Полевом управлении войск в военное время, прошу распоряжения Вашего Превосходительства немедленно устранить его от занимаемой должности, приказать ему явиться в Выборг, где и обязать его проживать, отобрав от него подписку о невыезде, и иметь за ним строгое наблюдение.

Одновременно с сим мною сделано распоряжение Начальнику крепостной жандармской команды совместно с чинами сыскной полиции немедленно произвести обыск в квартире Ефрема Кемпайнена.

Подписал: Генерал-лейтенант Петров».[33]

Крайняя озабоченность ходом расследования была выражена со стороны командования 6-й армии и штабом Северного фронта. Так, в докладе заведующего Военно-судной частью штаба главнокомандующего армиями Северного фронта от 1 октября 1915 года было отмечено, что: «...дальнейшее направление дела об убийстве капитана 1-го ранга Энгельмана не может быть предоставлено гражданским властям, так как в случае производства дознания через местную Финляндскую полицию, руководствующуюся лишь местными законами, таковое будет находиться в исключительно неблагоприятных условиях, не гарантирующих надлежащей полноты расследования...».[34] В связи с этим было предложено передать дело на расследование военному следователю Петроградского военного округа.[35]

---

[33] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 614.

[34] Там же.

[35] Не стоит забывать, что с началом войны Выборгский крепостной район, куда входил и Койвисто, находился на военном положении и на него распространялись весьма строгие

Сохранился рапорт Николаю II от генерала Н.В. Рузского об этом событии:

«Его Императорскому Величеству от Главнокомандующего армиями Северного фронта. Рапорт.

Вашему Императорскому Величеству всеподданейше доношу, что, соглашаясь с представлением Коменданта Выборгской крепости и Командующего 6-й армией о необходимости передачи дела об убийстве в селении Биоркэ капитана 1-го ранга Энгельмана для производства предварительного следствия Военному Следователю Петроградского военного округа по Финляндии, ввиду неправильных и незакономерных действий местной полиции при первоначальном расследовании сего дела, я сделал распоряжение о принятии означенной меры в порядке ст. 12 Правил о местностях объявляемых состоящими на военном положении.

Генерал-Адъютант Рузский. 6 октября 1915 г.».[36]

Автору пока не удалось обнаружить сведений об окончательном результате расследования и о приговоре, вынесенном в отношении Хильды Рантала.

В конце 1915 – начале 1916 года военная обстановка на Финском заливе претерпела изменения, в связи с чем отряд Охраны водного района Бьёркэ был расформирован. На островах Большой Березовый и Западный Березовый развернулось строительство новых береговых батарей – «Сааренпя» и «Торсаари». Соответственно изменилась и схема минирования Бьёркэзунда и шхерного пространства. Однако наработки И.Г. Энгльмана не пропали даром: они были использованы при разработке схемы новой минно-артиллерийской позиции Бьёркэ – Кронштадт, представлявшей собой последнюю линию обороны Финского залива и морских подступов к Петрограду.

Система заграждений и береговых батарей в районе Бьёркэ – Кронштадта имела целью «создать последнюю позицию остаткам нашего флота на путях наступления противника после прорыва им Центральной и Тыловой позиций».[37]

К сожалению, до настоящего времени остается неизвестно место захоронения И.Г. Энгельмана. Не удалось даже разыскать его портрет. Автор будет благодарен за любую помощь в поиске его фотографий и дополнительных сведений о нем.

меры по борьбе с вражеским шпионажем. Так, например, гражданскому населению в случае нахождения на берегу было запрещено пользоваться биноклями и зрительными трубами. В районе Бьёркэ был запрещен выход в море с наступлением темноты, целый ряд мер ограничивал перемещение населения.

[36] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 614.

[37] РГАВМФ. Ф. 966. Оп. 1. Д. 227.

Источники и литература

РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 4895Э; Ф. 716. Оп. 2. Д. 98; Ф. 966. Оп. 1. Д. 1, 227.

РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 614.

Краткий очерк истории Минного офицерского класса и Минной школы Балтийского флота в Кронштадте. 1874–1908 гг. Лейтенант Житков. Сборник кратких сведений по Морскому ведомству, выпуск 2. XI Международный Судоходный Конгресс. С.-Петербург. 1908 г. СПб. 1908.

Энгельман И.Г. Беспроволочный телеграф. Руководство принятое для класса телеграфистов при минной школе Балтийского флота. СПб. Тип. Морского министерства. 1905.

Энгельман И.Г. Воспитание современного солдата и матроса. Санкт-Петербург. Экон. типо-лит. 1908.

Материалы сайтов: www.radi0.ru, www.kortic.borda.ru, www.fleetphoto.ru

В.В. Дмитриев

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПЛАН ВЫБОРГА (1706 год). АТРИБУЦИЯ И ВОПРОС АВТОРСТВА

Великая Северная война. Первая осада Выборга (1706 год)

Первая осада Выборга завершает кампанию 1706 года, пожалуй, самую неудачную для царя Петра в ходе Великой Северной войны после военных успехов в Ингерманландии, завершившихся взятием Нарвы и Дерпта (1704), и в Курляндии (1705). Ранее, осенью 1705 года, оказались безуспешными попытки привлечь посредников для заключения мира на условиях сохранения за Россией ранее отвоеванных у шведов наследственных земель «отчич и дедич» с выходом к Балтике и основанным здесь Санкт-Петербургом. В начале кампании главная русская армия, действовавшая в восточных областях Речи Посполитой, чудом выскользнула из заблокированного Карлом XII Гродно, бросив всю артиллерию. Перед этим, в начале февраля, был разгромлен шедший ей на выручку русско-саксонский корпус. Однако ожидавшийся поход Карла XII в Россию на этот раз не состоялся, король двинул свою армию на запад против союзника царя Петра, саксонского курфюрста и польского короля Августа II.

Это позволило царю переключиться на балтийский театр военных действий. Здесь, на Карельском перешейке, в руках шведов еще оставался «наследственный» Карельский уезд с крепостью Кексгольм (Корела), возвращение которого входило в первоначально объявленные цели войны. Первая попытка овладения Кексгольмом была предпринята в 1704 году, но вышедший в поход осадный корпус по причине обострения ситуации на западном направлении срочно был развернут в эту сторону – на Нарву. Однако с упрочением позиции на западных подступах к устью Невы, недавно возвращенные земли Ингрии продолжали оставаться под угрозой с севера, со стороны Карельского перешейка. Здесь противник не располагал большими силами, но ежегодными морскими и сухопутными набегами создавал постоянную угрозу Петербургу и блокировал выход в Балтику.

Теперь, казалось бы, возникли предпосылки для перехода от обороны к решительным наступательным действиям на финляндском фронте сцелью полностью вытеснить шведов с Карельского перешейка. На сей раз целью похода стал Выборг– опорный пункт Финляндского корпуса шведов и база Морского военного флота, действовавшего в Финском заливе.

Едва ли у царя в начальный (дополтавский) период Северной войны имелись завоевательные планы относительно Выборга.[1] Скорее, овладение этой шведской

[1] Выборг находился на землях шведской метрополии, принадлежавших шведской короне со времен Ореховецкого мирного договора 1323 года с Новгородом. Выборгско-Нейшлотский

крепостью должно было компенсировать военные неудачи в Польше, обезопасить на время войны Петербург и заложенную здесь верфь Балтийского флота. Военное превосходство Швеции казалось бесспорным, и мирные инициативы царя в эти годы ограничивались условием сохранения за ним одной лишь Ингерманландии (Ингрии) с Петербургом.

Подготовка к выборгскому походу началась в июле во время очередного рейда на Петербург выборгской группировки шведов под командою генерала Г.И. Майделя.[2] Сам царь находился тогда при главной армии в Киеве, откуда дал указания санкт-петербургскому обер-коменданту Р.В. Брюсу комплектовать к началу сентября полки, артиллерию и необходимые припасы.[3] 21 августа,[4] при отъезде в Петербург, Петр вызвал из Москвы для участия в походе Ф.М. Апраксина.[5]

Выборгская крепость к началу Северной войны включала древний замок на небольшом острове в нешироком проливе и собственно городские укрепления на материке. В свою очередь, последние объединяли в себе два разновременных компонента. Более ранний из них – каменная городская стена XV века с башнями, опоясывавшая средневековую часть города. С трех сторона она была окружена водой, с четвертой, материковой, к ней примыкал каменно-земляной горнверк,[6] возведенный во второй половине XVI века. Это был самый сильный участок крепостной ограды. Однако он уже не отвечал нормам фортификации, выработанным за прошлое столетие – имел слишком длинные куртины, совершенно отсутствовали ров и внешние вспомогательные укрепления.

С потерей невских крепостей и Нарвы Комиссия по обороне в Стокгольме признала необходимость срочной модернизации крепостных верков Выборга. Проектом 1703 года намечалось, в частности, усиление горнверка: расширение бастиона Панцерлакс, устройство рва и вспомогательных укреплений с напольной стороны (илл. 1). Но к началу Выборгского похода эти меры были реализованы лишь в малой степени.

Осадный сухопутный корпус под командой генерал-майора Р. Брюса подступил к Выборгу 11 октября. Прибывший с войском царь вскоре обнаружил, что шансов на успех практически нет. Окружавший крепость залив ограничил возможности ее блокады сухопутным южным направлением. Здесь позиции осаждающих расположились перед наиболее сильным участком — бастионным горнверком. С севера сохранялись сообщения с внутренней Финляндией, а с запада – со шведской эскадрой, стоявшей у входа в Выборгский залив. Российский флот в осаде не участвовал. Осадная артиллерия застряла на полпути из-за дождей и плохих дорог.

В письме от 19 октября А.Д. Меншикову из лагеря под Выборгом царь, описывая сложившуюся ситуацию, явно имел в виду Брюса, когда намекал на плохо поставленную разведку: «Мне зело досадно на тех, которые в соседях живут без отлучки,

---

лен, административным центром которого был Выборг, обладал всем объемом прав, свойственных метрополии, в том числе правом иметь своих представителей в Риксдаге – сословном парламенте Швеции. Этих прав были лишены лены Кексгольмский и Ингерманландия, имевшие статус «завоеванных провинций».

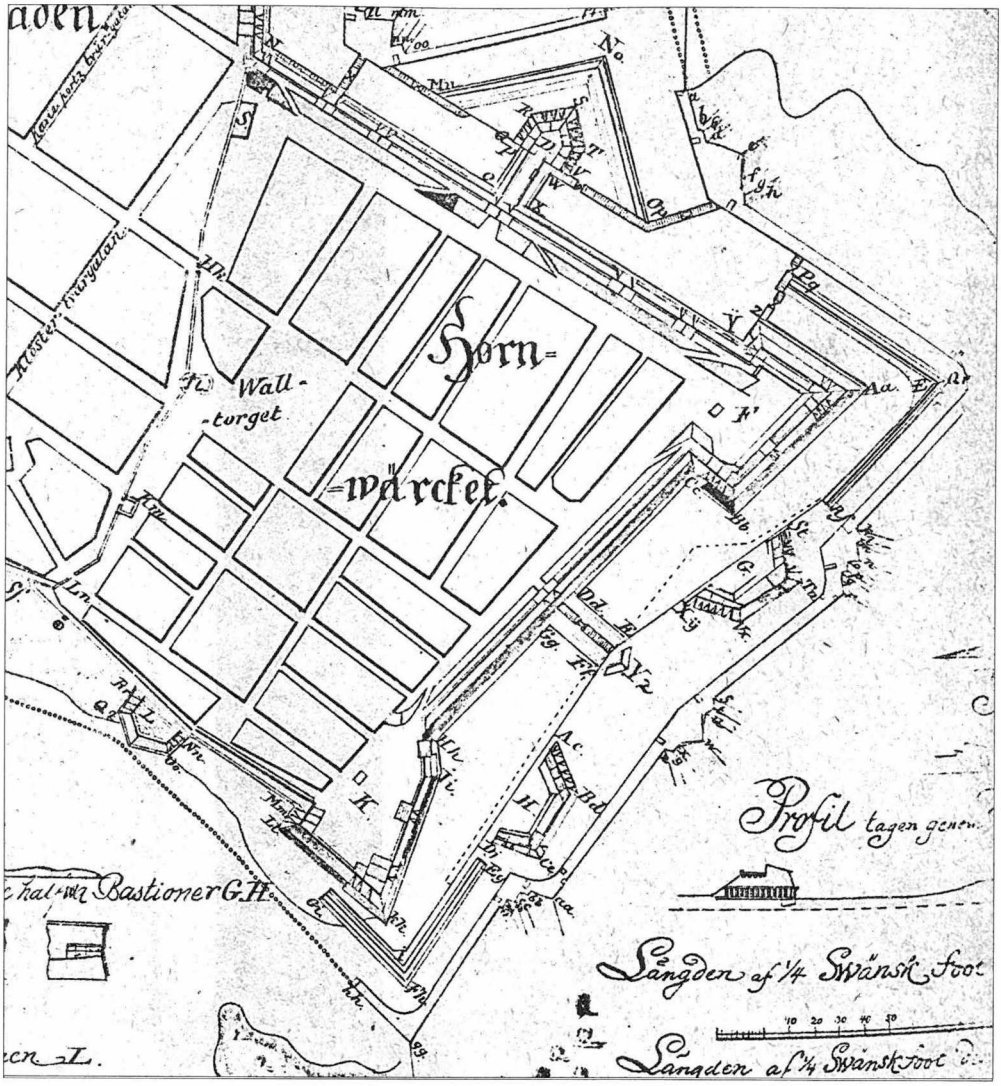
[2] Любопытно, что представитель прибалтийского германского рода генерал-адъютант барон Е.И. (G.B.) Майдель (1817–1881) был с 1876 до 1881 год комендантом Петропавловской крепости, где и похоронен.

[3] Письма и бумаги императора Петра Великого (ПиБПВ). Т. 4. № 1283. СПб. 1900. С. 302.

[4] Все даты даны по старому стилю.

[5] ПиБПВ. Т. 4. № 1341. СПб. 1900. С. 362. В эти годы Ф.М. Апраксин возглавлял Адмиралтейский приказ в Москве, ведавший кораблестроением, вооружением и снабжением военного флота, главным образом, на юге России, управлял строительством и обороной верфей в Воронежском крае.

[6] Горнверк (Hornwerk, нем. Рогатая крепость) – укрепление из одного фронта с двумя боковыми фасами, или крыльями.



Илл.1. План Выборгской крепости. Проект 1703 года. Фрагмент (горнверк)

а того не ведали».[7] Вскоре после этого Петр и Апраксин покинули осадный корпус. Осада завершилась четырехдневной бомбардировкой города, после чего войска возвратились в Петербург, оставив большое количество осадного инвентаря и множество павших лошадей.[8]

По оценке военного историка Ф. Ласковского, действия под Выборгом «едва ли можно назвать осадою», так как они ограничились подготовительными действиями,

[7] ПиБПВ. Т. 4. № 1391. С. 401.

[8] Описание выборгского похода и осады города см: *Бутурлин Д.П.* Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 1. Т. 2. СПб. 1820. С. 96–100; *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч.2. СПб. 1858. С. 298–300; *Ефимов С.В.* Выборгская авантюра 1706 г. // Victoria. Gloria. Fama. Материалы Международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб. 2003. С. 84–91.

обычно предшествующими собственно атаке. Такое неудачное завершение кампании 1706 года ни в коей мере не повлияло на планы царя по овладению Выборгом. Новый поход был назначен на весну 1707 года

Однако во время выборгского похода царь лишился своего союзника. 13 октября Саксония и Швеция заключили Альтранштадтский мир, и Петр оказался практически один на один с грозным противником. Узнав об этом, царь немедленно направился к главной армии на Украину, куда на ближайшие два с половиной года переместился эпицентр борьбы.

С переходом к вынужденной обороне на финляндском фронте царь стремился исправить ошибки неудачных наступательных действий. Прежде всего, в феврале 1707 года последовала смена командования. Оборона Санкт-Петербурга (Ингрии) была поручена Ф.М. Апраксину, произведенному в адмиралы и получившему верховное командование морскими (контр-адмирал К. Крюйс) и сухопутными (генерал-майор Р. Брюс) силами в Ингерманландии. С подчинением ему же всего Морского ведомства продолжалось строительство Балтийского флота, корабельного и галерного, который позже сыграл большую роль в операциях в шхерах финляндского побережья.

В конце этого года вновь предполагался поход на Выборг. «Хощет его царское величество с войском, в 20 000 человек состоящем, будущей весны против княжества Финляндии воевать, крепость Выборг осадить и чрез сие неприятелю хлебной магазин отнять, також войску своему путь в Штокголм очистить, такожде и королю Дацкому силнейшую свободу учинить против неприятеля в его государстве наступательно действовать»,[9] – сообщал А.Д. Меншиков в своей инструкции генерал-майору барону Ф.-Г. Ностицу от 6 ноября 1707 года по вопросу возобновления союза с Данией. В самый напряженный период войны, в ожидании вторжения шведской армии в Россию с запада, Петр I наряду с очередными мирными инициативами вынашивал планы возрождения Северного союза[10] и наступательных действий в восточной Прибалтике. В этих планах Выборг становился ключом для овладения всей Финляндией. Однако, как известно, эти идеи получили воплощение уже после Полтавской победы.

В 1710 году успешная осада Выборга открыла серию российских побед на балтийском театре военных действий послеполтавского периода Северной войны. Успеху операции, несомненно, способствовало хорошее личное знакомство царя Петра и командующего осадным корпусом Ф.М. Апраксина с условиями местности по опыту осады 1706 года. На сей раз поход начался ранней весной. Крепость была полностью блокирована и с суши, и с моря. Флотилия из больших и малых судов доставили подкрепления, осадную артиллерию, боеприпасы и провиант. Направлением главной атаки был избран самый слабый участок крепостной ограды. После почти трехмесячной осады и бомбардировки крепость сдалась, не дожидаясь штурма.

Дальнейшая судьба Выборга была решена после долгих упорных переговоров дипломатов на завершающей фазе Великой Северной войны. В итоге, «дистрикт Выборгского лена»[11] с городом-крепостью Выборг оказался единственной частью шведской метрополии, уступленной России по условиям Ништадтского мира (1721 год).

---

[9] ПиБПВ. Т. 6. СПб. 1912. С. 432.

[10] Северный союз – военный наступательный союз против Швеции, в который вошли Россия, Саксония и Дания, был заключен в конце 1699 года. Дания уже в августе 1700 года капитулировала перед Швецией. Северный союз в прежнем составе был возобновлен лишь после Полтавской победы.

[11] Территориальный округ, ранее уже включенный в качестве одного из уездов – Выборгского и Кексгольмского – в состав Выборгской провинции, причисленной к Санкт-Петербургской губернии в ходе областной реформы 1719 года.

Иконография осады Выборга 1706 года

Обе осады были отражены в петровских хрониках и описаниях современников.[12] В последующем в российской и советской историографии Северной войны осада 1710 года рассматривается как выдающийся успех послеполтавского периода, первая масштабная операция Балтийского флота, образец взаимодействия армии и флота. Сохранились рукописные шведские и русские планы осады, хорошо известны гравюры с ее изображением и памятная медаль. В современном городском ландшафте Выборга память о ней сохраняют памятник Петру Великому, поставленный на месте русских осадных позиций,[13] и памятник Ф.М. Апраксину, открытый в 2010 году на Петровской площади (илл. 2).

Известная иконография осады 1706 года до наших дней ограничивается лишь шведским планом того же года, на котором представлены крепость и ее юго-восточная окрестность – извилистая береговая линия, дороги, холмистый рельеф (илл. 3). Здесь же, по сторонам дороги, ведущей с Карельского перешейка,[14] зафиксированы осадные позиции русских войск. План крепостных укреплений отражает итоги их усиления на основе проекта 1703 года. Внешние вспомогательные постройки горнверка не завершены. Перед его северо-западным фронтом возведен равелин[15] и устроен ров. Перед юго-восточной куртиной лишь намечен земляной откос на месте двух демилюнов,[16] планировавшихся проектом.

Илл. 2. Памятник Ф.М. Апраксину в Выборге. Фото М.М. Браудзе

Этот план, выполненный капитаном от фортификации Л.Х. Стобеусом, хранится в Военном архиве Швеции и неоднократно публиковался.[17] Добавим,

[12] См., например: Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М. 2004. Вып.1. С. 269, 270, 332–338; Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 год // Сборник Императорского Русского исторического общества» (СИРИО). Т. 39. СПб. 1894. С. 320–339.

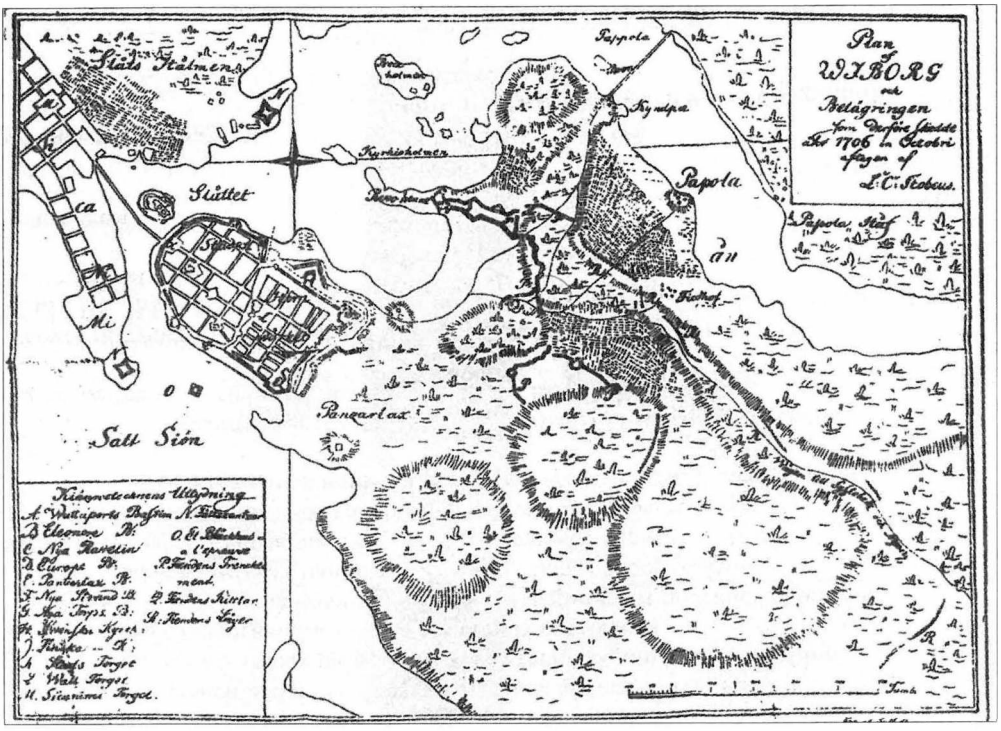
[13] Памятник был установлен в 1910 году, в честь 200-летия осады и взятия Выборга.

[14] Надпись на плане: «Wagen till Syste(r)beck och Nyen» («Дорога на Систербек и Ниен» – шв.) – современная улица Ленинградское шоссе в Выборге.

[15] В экспликации и к плану он обозначен как «Новый равелин» («Nya Ravelin»), позже получил название «равелин Каролус».

[16] Демилюн (полумесяц – фр.) – полукруглое или подковообразное в плане оборонительное сооружение, возведенное перед бастионом или куртиной для защиты ходов сообщения между крепостью и окружающей местностью. Позже, по проекту 1706 года, вместо демилюнов был возведен равелин Крон и два капонира.

[17] *Ruuth J.W.* Viborgs stads historia, Vol. I. Helsingfors, 1903. P. 468; Munthe L.W. Kongliga fortifikationens historia. B III: B. Stockholm, 1909. Pl. 137 (литографированная копия); Viipurin kaupungin historia (VKH), O.2. Lappeenranta, 1974. S. 408.



Илл. 3. План осады Выборга 1706 года. Копия. Из фондов ЛОГАВ

что отличный рукописный, окрашенный акварелью, экземпляр этого чертежа (подлинник?) имеется в собрании картографического отдела библиотеки Российской академии наук.[18] Черно-белая копия плана имеется также в коллекции Ленинградского Областного архива (ЛОГАВ) в Выборге.[19]

С российской стороны дошло только упоминание о подобном документе. В упомянутом письме А.Д. Меншикову царь Петр сообщает: «...сей город стоит на морской протоке и чрез оную имеет мост, а оная протянулась даже до Корелы (чему присылаю чертеж при сем)...».[20] Судя по приложенному описанию чертежа, на нем имелись литерные обозначения объектов:

«А. Город Выборг, В. Шлосс на особом острову, С. Зело высокая башня, которая по всем горам очищает, D. Из великого моря залив, Е. которой, окружив город, даже до Корелы протегается залив, F. Посад на острову особом, Н. Дорога от Санкт-питербурха, I. Мост от города в посад и в замок, К. в Финляндию, L. Мост в Корелу, N. Ворота в город, О. Наши кетели».[21]

---

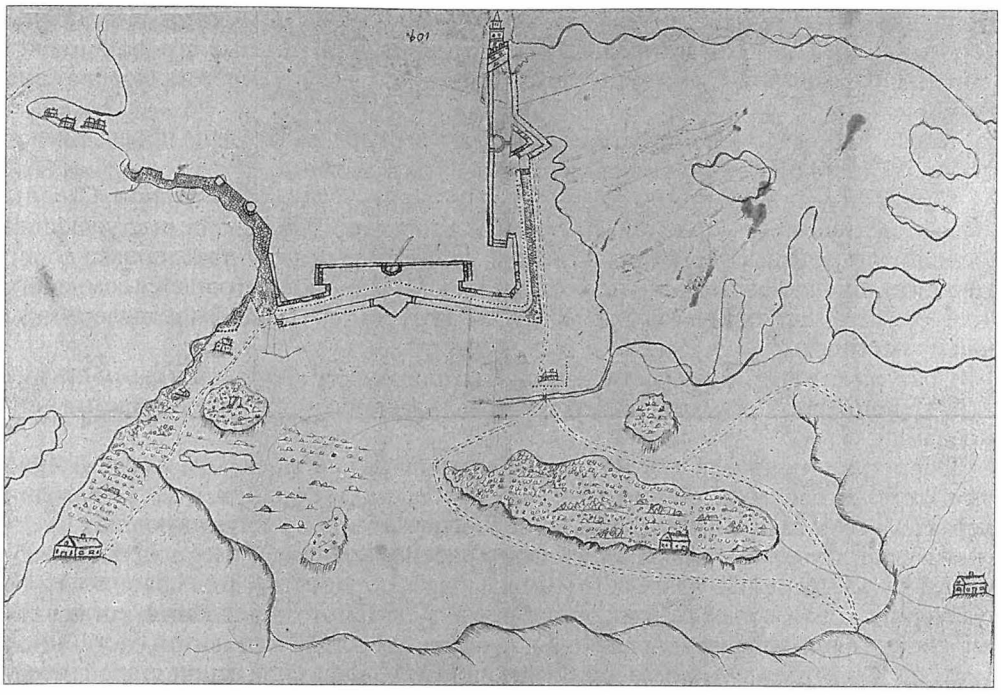
[17] *Ruuth J.W.* Viborgs stads historia, Vol. I. Helsingfors, 1903. P. 468; *Munthe L.W.* Kongliga fortifikationens historia. B III: B. Stockholm, 1909. Pl. 137 (литографированная копия); Viipurin kaupungin historia (VKH), O.2. Lappeenranta. 1974. S. 408.

[18] Библиотека Российской академии наук (БРАН), Санкт-Петербург, Картографический отдел. Альбом VPt/126 «Собрание карт главнейших Шведских баталий...», лист VPt/126-23. Этот план входит в серию подлинных (!) шведских карт и планов XVII–XVIII веков из архивов Стокгольма, вывезенных в 1841 году полковником Бодиско. См.: *Семенцов С.В.* Историография Приневья и Санкт-Петербурга / Скандинавские чтения 2002. СПб. 2002. С. 157.

[19] Ленинградский областной государственный архив в Выборге (ЛОГАВ). Ф.531. Оп.1. Д. 81. Л. 1.

[20] ПиБПВ. Т. 4. № 1391. СПб.1900. С. 401.

[21] Там же. С 405.



Илл. 4. Выборгская крепость. План горнверка с прилегающей местностью. 1706 год. Д.Г. Гольцман (?, автор чертежа). Из коллекции НИОР БРАН. Публикуется впервые

Подлинник письма утрачен, сохранились лишь копии.[22] Судьба упомянутого царем плана неизвестна.

В свете изложенного особый интерес представляет рукописный план, хранящийся в библиотеке Российской академии наук в составе Собрания Петра I.[23] (илл. 4). В каталоге собрания он имеет название «Рукописный план береговой местности с укреплениями нерегулярной крепости».[24] Внимательное изучение чертежа и сравнение его с шведским планом осады Выборга 1706 года приводит к выводу, что перед нами еще один план Выборга, по всей вероятности выполненный в том же году. Ряд признаков объединяет его с шведским чертежом.

Содержание чертежа и его датировка

Чертеж выполнен на плотной белой бумаге размером 57,1 × 37,2 см. Изображение имеет широкие поля по периметру, рамка отсутствует, габариты рисунка 45,1 × 28,0 см. Он выполнен коричневой тушью, отдельные мелкие детали нанесены или исправлены слабым серым карандашом.

В верхнем левом углу изображена часть крепостной ограды, состоящая из трех фронтов. Два из них, боковые, обращены к прилегающим водным пространствам, с разным отступом от берега. Средний (нижний) фронт обращен к материку.

---

[22] ПиБПВ. Т. 4. № 1391. СПб. 1900. С. 1129. Примечание к № 1391.

[23] БРАН. Научно-исследовательский отдел рукописей. Ф. 28. Fo 266. Т. 2. Л. 88 (чертеж 104).

[24] *Мурзанова М.Н., Покровская В.Ф., Боброва Е.И.* Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки академии наук (доп. выпуск). Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры Собрания Петра I. М.; Л. 1961. С. 130.

Основная часть плана представляет прилегающую местность, на которой показаны дороги, возвышенности и отдельные однотипные одноэтажные строения с двускатными крышами. Слева на одном из холмов, рядом с берегом, изображена виселица.

Какие-либо надписи отсутствуют. Цифры в верхней части плана просвечивают с оборота листа. Чертеж не имеет масштаба, даты и подписи.

Общая ситуация во многом совпадает с упомянутым шведским планом. Сходны абрисы бастионных укреплений и характерные признаки ландшафта: выступающий в пролив острый мыс[25] и группа островов, холмистый рельеф, трассировка дорог. Несмотря на искаженные контуры берега и очертания холмов, не остается сомнений, что на чертеже представлена часть Выборгской крепости – горнверк – и прилегающая к нему местность.

Сразу же отметим – это не тот чертеж, о котором упоминает царь в своем письме А.Д. Меншикову; на нем отсутствуют литеры и часть объектов, перечисленные в его описании.

Очертание горнверка почти полностью совпадает со шведским планом. Явно читаются два бастиона: Панцерлакс (слева у берега) и Эуряпяя, а также равелин перед правым крылом. Вместе с тем, чертеж включает детали, отсутствующие в шведской версии. Отчетливо показаны орильоны[26] обоих бастионов, более подробно изображено левое (береговое) крыло горнверка. Здесь сохраняется его первоначальное состояние, отражающее ранний этап строительства этого укрепления, когда в европейской фортификации происходил переход от бастей[27] к развитой бастионной системе. В центре левого крыла, примыкающего к Монашеской башне старой городской стены, зафиксирована такая бастея.[28] Далее следует часть средневековой стены с двумя выступами – пристроенными к ней небольшими бастионами. Левее, на самом краю, виден мыс с группой домов. Это оконечность мыса Терваниеми. Здесь он показан как продолжение берега, так как пролив, отделяющий мыс от города, с точки обзора наблюдателя, автора чертежа, не просматривался (илл. 5)

В центре вала правой куртины показан небольшой разрыв. Вероятно, на время создания чертежа вал здесь был разобран для устройства сквозного прохода для сообщения с равелином.[29] Такой же проход, видимо, намечался и в центре нижней куртины, где для его защиты на период строительства пристроен небольшой люнет.

Изображения обоих бастионов практически аналогичны их облику на шведском плане. Не совсем понятен скошенный шпиц бастиона Эуряпяя. Бастион Панцерлакс по-прежнему не расширен, неверный контур его правой, береговой, половины (на чертеже – слева) объясняется сложным ракурсом для наблюдателя.

Внешние вспомогательные укрепления на чертеже включают, кроме равелина, намеченный разработкой ров и, по-видимому, два ряда палисадов.[30]

Самой, пожалуй, интересной деталью чертежа является фронтальное изображение высокого строения, помещенное в самом его верху. Над зубчатой стеной возвышается башня с двумя ярусами проемов и надстройкой, увенчанной

---

[25] Ревонхянтя (Лисий хвост, – финн.) – мыс в проливе к востоку от Выборгского замка, в наши дни по нему проходит железнодорожная магистраль Санкт-Петербург-Хельсинки.

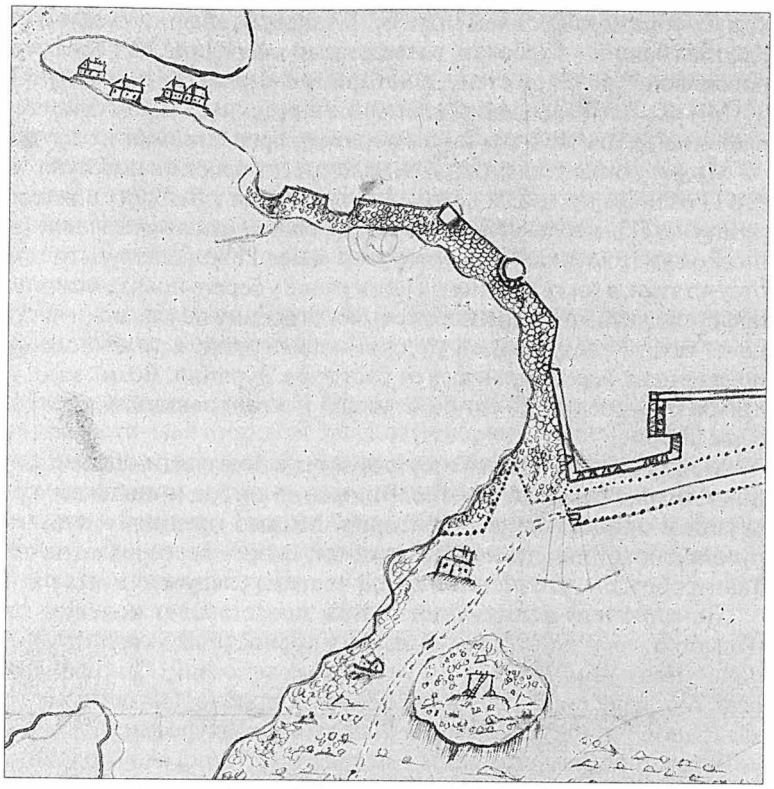
[26] Орильон (ушки – фр.) – выступающая часть фаса бастиона, прикрывающая амбразуры фланка.

[27] Бастея – полукруглая каменная крепостная постройка XVI века, заменившая крепостные башни, прототип позднейшего бастиона.

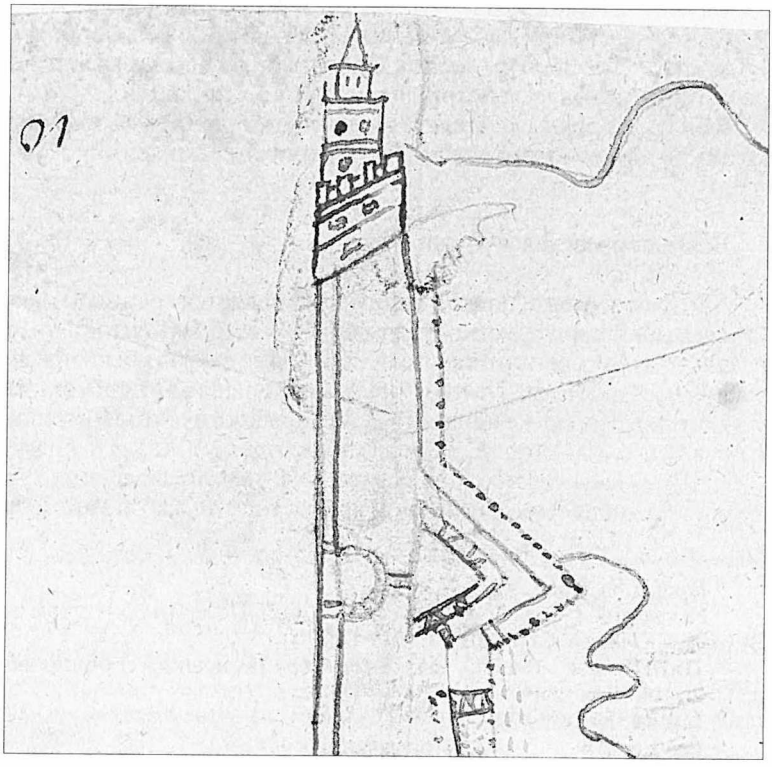
[28] Бастион, намеченный на ее месте проектом 1703 года, еще отсутствует.

[29] В русский период, до середины XIX века, этот проход служил главными городскими воротами, получившими название Петербургских.

[30] Палисад – сплошной частокол из заостренных кверху бревен, врытых в землю и сплоченных поперечными брусьями.



Илл. 5. Выборгская крепость. План горнверка с окружающей местностью. 1706 год. Фрагмент



Илл. 6. Выборгская крепость. План горнверка с окружающей местностью. 1706 год. Фрагмент

конусообразной кровлей (илл. 6). В таком необычном виде изображена известная Круглая башня – барбакан, возведенный в середине XVI века перед воротами в средневековой городской стене, к которому с юга позже примкнула куртина горнверка.

Множество совпадений в деталях с шведским планом свидетельствует, что чертеж выполнен в том же году. Таким образом, предлагаемая его датировка – 1706 год.

Может показаться странным наличие построек на подступах крепости. Известно, что 11 октября при подходе русской кавалерии к Выборгу шведами были подожжены пригород Панцерлакс, дома на мысе Ревонхянтя и «ремесленная изба» возле Монашеского источника.[31] Постройки на мысе Ревонхянтя, действительно, на чертеже отсутствуют, а ниже бастиона Панцерлакс у берега показана лишь пара домов. Можно предположить, что попытка сжечь все строения не удалась и часть из них была спасена от огня подступившей русской кавалерией, в том числе «ремесленная изба», показанная, вероятно, к югу от бастиона Эуряпяя. Возможно, уничтожение оставшихся построек было одной из целей последовавшей вскоре, 14 октября, вылазки осажденных.

Между тем, на чертеже отсутствуют русские осадные позиции, которые подробно показаны на шведском плане. Внимание автора привлекает крепостная ограда, ее детали и прилегающая территория. Можно предположить, что к этому времени русские позиции еще не были готовы, скорее всего, даже не определено их место. Таким образом, уточненной датой чертежа следует считать октябрь 1706 года.

По характеру исполнения чертеж представляет полевую глазомерную съемку, целью которой явно была фиксация крепостных укреплений Выборга и ближних подступов к ним перед началом осадных действий. По сравнению с шведским планом, горнверк представлен даже более подробно. Неточности рисунка обусловлены удаленной точкой наблюдения и сложными ракурсами участков крепостной ограды.

В истории Северной войны этот чертеж стоит в ряду подобных изображений, выполнявшихся обеими сторонами в ходе боевых действий. Сегодня хорошо известны карты и планы Санкт-Петербурга и его окрестностей, составленные шведскими офицерами во время походов Финляндской армии из Выборга к Петербургу в 1704–1708 годах.[32] Подобно им, чертеж Выборга 1706 года оказывается ценным источником по истории военных действий периода Северной войны.

В более широком контексте он открывает обширную иконографию Выборгской крепости двухвекового российского периода ее истории.

Вопрос авторства чертежа

Автором чертежа, по всей видимости, является военный инженер, один из участников Выборгского похода. Из сохранившихся документов следует, что специалистов осадного дела в поход отбирал сам царь. Одним из них был инженер Давид Гольцман, вызванный из Дерпта Петром I на пути из Киева в Петербург письмом от 6 сентября к дерптскому обер-коменданту К.А.Нарышкину.[33] Гольцман приехал в Петербург к началу похода. Второй, минер («подкопщик») Жерар Тирион, также был вызван царским указом «из обозу от Киева» от 8 августа азовскому губернатору И.А.Толстому[34] и отправлен из Троицкой крепости (с мыса Таганий Рог) 14 сентября.[35] Он

---

[31] *Ruuth J.W.* P. 465; VKH. S. 405.

[32] *Базарова Т.А.* Создание «Парадиза». Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб. 2016. С. 219–238.

[33] ПиБПВ. Т. 4. 1345. С. 365. 13 сентября Нарышкин сообщил об отправке Гольцмана из Пскова в Петербург.

[34] Там же. № 1315. С. 333.

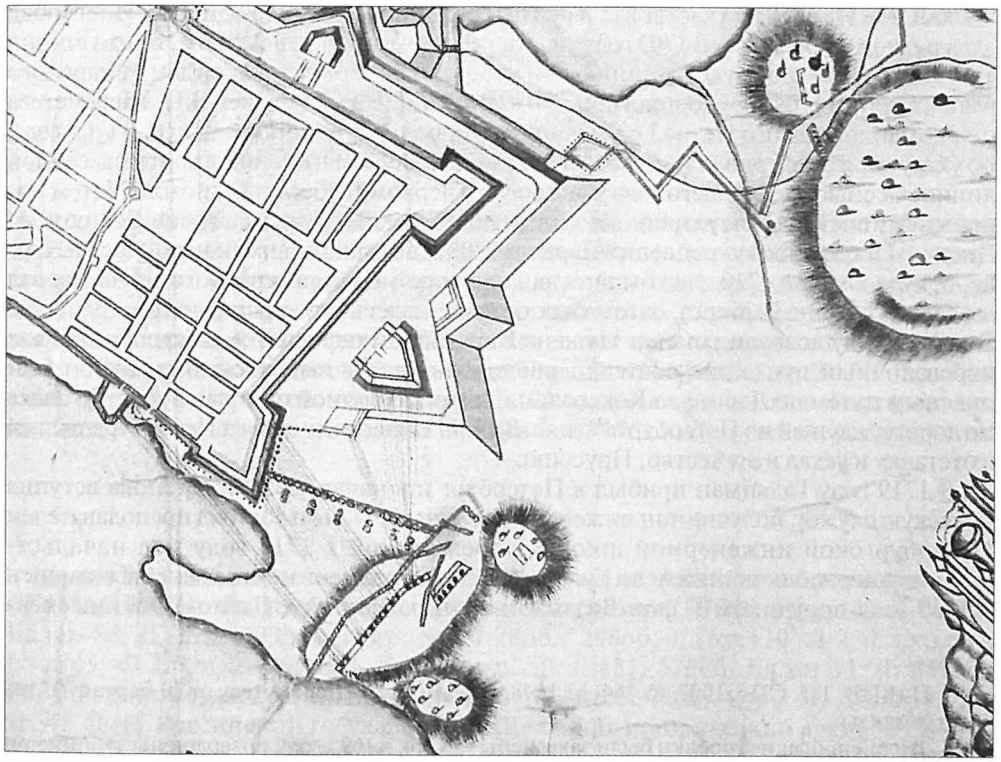
[35] Там же. Т. 4-2. С. 1002. Примечание к № 1315.

прибыл в Петербург уже после начала похода и был отправлен с учеником к Выборгу лишь 16 октября.[36]

Оба этих специалиста были хорошо известны Петру I и, по-видимому, пользовались его особым доверием как надежные и опытные мастера своего дела. Оба прибыли в Россию в числе первых иноземных инженеров, минеров и артиллеристов, вызванных царем из-за рубежа после неудачной первой осады Азова (1695). Пóздднее прибытие в осадный корпус под Выборгом снимает с них ответственность за неудачу осады 1706 года. Упомянутое письмо царя Меншикову, в частности, косвенным образом свидетельствует, что рассматриваемый план едва ли мог быть выполнен до начала осады.

В начале марта 1710 года оба они, Гольцман и Тирион, были снова вызваны в Петербург – первый из Нарвы, второй из Быхова – и включены в состав осадного корпуса.

Оба состояли в дивизии генерал-майора В. Беркхольца, которая осаждала Выборг с материка, с той же юго-восточной стороны. Здесь одна из мортирных батарей была устроена на мысе Ревонхянтя, где такая же батарея находилась в осаду 1706 года. Инженер-капитан Гольцман «вел шанцы», а «подкопного дела капитан» Тирион с 46 учениками вел подкоп к бастиону Панцерлакс для установки «адской машины» («машины инферналис») – взрывного устройства, которое должно было обрушить стену бастиона при начале штурма (илл. 7).



Илл. 7. План осады Выборга. 1710 год. Фрагмент (план атаки на юго-восточный фронт горнверка); внизу – бастион Панцерлакс. Из фондов Государственного Эрмитажа

[36] Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 274. Оп. 1. Ед.хр. 43. Л. 575; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Оп. 3. Ед.хр. 5. Л. 123–127.

В одном из своих писем 1707 года Петр I упоминает еще одного специалиста – «инженера Поляка, который был прошлой осени за мною под Вы(бо)рхом».[37] Сведения, позволяющие идентифицировать упомянутого инженера, не выявлены.

Выше отмечено, что по ряду признаков чертеж был выполнен в впервые дни осады Выборга. С учетом этого обстоятельства наиболее вероятным автором является Давид Гольцман, как военный инженер, прибывший к Выборгу в составе осадного корпуса к началу осады.

Ниже следуют биографические сведения по обоим этим участникам Выборгского похода.

Биографические справки

Гольцман Давид Генрих (Holtzmann David Heinrich; 1674, город Алленштайн, Пруссия (совр. Ольштын, Польша) – после 1748), немец, военный инженер.

Сведений об образовании нет. С 1695 года состоял в службе курфюрста Бранденбургского Фридриха III. В следующем году прибыл в Россию в числе специалистов по взятию крепостей, затребованных царем Петром после «невзятия Азова» (1695). Участвовал во второй осаде и взятии Азова (1696). В 1696–1698 годах он с инженером Я. Адлером выполнял крепостные работы в городах Тавани, Кезикермене и Осламе в низовье Днепра.[38] С началом Великой Северной войны Гольцман был послан под Нарву, где участвовал в осадных работах, затем находился в Новгороде «для ратного строения». В 1703 году участвовал во взятии крепости Ям, потом строил здесь новую бастионную фортецию Ямбург «против чертежа, каков дан от царского величества». В 1704 году состоял при атаке и взятии Дерпта[39] армией Б.П. Шереметева под командой самого Петра I и был оставлен там «для починки». Далее, в 1705 году, по указу царя осматривал земли от Пскова до Смоленска и составил чертеж засечной линии. Осенью следующего года участвовал в первом Выборгском походе, затем попрежнему состоял при устройстве линии по польской границе от реки Великой до Днепра. После сноса укреплений Дерпта (1708) капитан Гольцман находился в Нарве, откуда в марте 1710 года был послан во второй Выборгский поход. Участвовал в осаде и взятии Выборга, затем был оставлен здесь для исправления крепости. В том же году возводил шанец Мула на Карельском перешейке, построенный как перевалочный пункт для доставки продовольствия в выборгский гарнизон безопасным путем по Ладоге до Кексгольма, затем по водной системе Вуоксы и далее по дороге, идущей из Петербурга[40] (илл. 8). В 1711 году вернулся а Петербург, вышел в отставку и уехал в отечество, Пруссию.

В 1719 году Гольцман прибыл в Петербург и в начале 1720 года снова вступил в русскую службу, получив чин инженер-капитана. С 1720 он состоял преподавателем Петербургской инженерной школы, учрежденной в 1719 году под начальством инженер-полковника А. де Кулона.[41] В этой должности Гольцман был заменен в 1730 году поручиком Г. фон Виттихом и отправлен на юг, в помощь инженер-

---

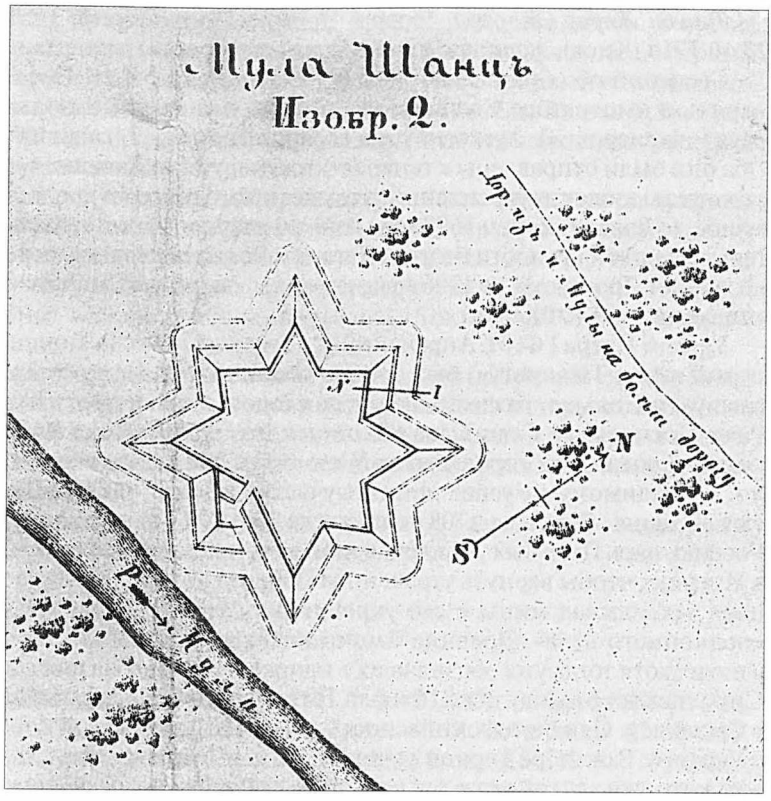
[37] ПиБПВ. Т. 5. СПб. 1907. С. 164. № 1648. Письмо Б.П. Шереметеву от 30 марта 1707 года из Жолквы.

[38] Эти днепровские городки были захвачены у турок в 1695 году, возвращены Турции при заключении мира в 1700 году.

[39] Совр. город Тарту, Эстония.

[40] Уже весной 1712 года под руководством царя была осуществлена первая операция по снабжению продовольствием Выборга и Финляндского корпуса по Финскому заливу транспортными судами под охраной корабельного флота.

[41] С 1721 года – генерал-майор от фортификации, с 1722 года – генерал-директор над всеми крепостями и начальник всех инженеров.



План шанца Мула. Ласковский Ф. Ч. 5. СПб. 1865

полковнику А. Клапье де Колонгу при строительстве крепости Святой Анны – новой пограничной крепости в низовьях Дона. По аттестату офицеров инженерного корпуса за 1732 год он «в деле своем неотправлен и особливо непорядочного состояния» и в 1735 году был уволен «за старостию и слабостию». В январе 1740 года подал прошение о временном определении по-прежнему преподавателем в инженерную школу, после чего определить к починкам украинских крепостей. В 1742 году был командирован в Черниговскую крепость. В 1748 году снова выключен «за старостию» из комплекта полевых инженерных офицеров и в 1751 году упоминается умершим.

Источники

Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Ф. Штаб генерал-фельдцейхмейстера (ШГФ). Ед.хр. 42. Л. 542об; Ед.хр. 80. Л. 323, 423об; Ед.хр. 84. Л.28об., 298об; Ед.хр.110. Л.2; Ед.хр.543. № 8743; Ф.2. Оп.1. Ед.хр.10. Л.2; Ед.хр. 50. Л.181, 576об; Ед.хр. 54. Л. 542об.; Российский государственный архив древних актов. Ф. 26. Оп. 1 Ч. 2. 1710 г. Ед. хр. 43. Л. 1; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф. 826. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 7-7об..

Бранденбург Н.Е. Материалы для истории Артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701–1720). СПб. 1875. С. 467; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Т. XI (1740) / СИРИО. Т. 138. Юрьев. 1912. С. 50; *Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л. 1984. С. 190, 191; ПиБПВ. Т. 4. С. 29, 365, 661, 1004; *Фабрициус И.* Военно-инженерное ведомство в царствование императора Александра I. Очерк первый. СПб. 1903. С. VII.

Тирион Жерар (Жерард, Герард, Эргарт; Tirion Gerard; 16??, Люксембург(?) – 27.10.1718, Киев), француз, инженер, «подкопщик» (минер).

Сведений об образовании нет. В 1697 году дьяк К.Н. Нефимонов, посланник царя при императоре Священной Римской империи Леопольде I, вывез из Вены двух инженеров: «1. лусксенбурца Герарда Тириона 2. савоянина Генезиуса Руса». Оба они были отправлены к генерал-инженеру А. де Лавалю, в то время – главному строителю азовских укреплений, а также нового города и крепости Таганрога. После ареста де Лаваля (конец 1698 года) он, по-видимому, оставался при Азове и строительстве новой крепости на мысе Таганий Рог на восточном берегу Азовского моря, названной Троицкой, до 1706 года, когда был вызван в Выборгский поход в качестве «подкопщика» (минера).

Указом Петра I Ф.М. Апраксину от 11 июня 1707 года Тирион («подкопщик, который взят с Таганрогу») был срочно отправлен из Петербурга в армию, действовавшую в Польше, разделившейся на сторонников и противников нового короля Речи Посполитой Станислава Лещинского, ставленника Карла XII. Тирион был командирован под город Быхов,[42] где были осаждены сторонники Лещинского, но, по-видимому, не успел принять участия в осаде, так как Быхов капитулировал уже 17 июня. В начале 1708 года, когда Карл XII двинул свою армию в поход на Россию, царь Петр был убежден, что король пойдет на Полоцк и далее, через Псков, в Ингрию, чтобы вернуть утраченное. Тирион находился тогда в Дерпте и по указу царя закладывал мины в его укрепления. Здесь же при нем состояли ученики «подкопного дела». Древние башни и новые больверки Дерпта были взорваны в июле, хотя тогда уже обозначалось направление похода шведов – на восток, через Смоленск на Москву. Уже 15 июля Петр I требовал отправить Тириона из Дерпта в Смоленск. Однако здесь опасность миновала – шведский король повернул на юг, в Украину. В октябре Тирион с учениками был отправлен из Смоленска снова в Быхов, который теперь оказался в тылу удалявшейся на юг шведской армии. Тириону было поручено заложить мины в Быховскую фортецию на случай сдачи крепости польским сторонникам Лещинского. В этом же году он был произведен в капитаны с жалованьем 18 рублей в месяц.

В июне 1709 года Тирион с 48-ю учениками был командирован из Быхова в армию фельдмаршала Б.П. Шереметева и состоял при полевой артиллерии под командой генерал-майора И.Я. Гинтера. В конце октября в составе этой армии он принял участие в начавшейся осаде Риги. В начале марта 1710 года капитан Тирион «со всеми подручными» был вызван царем из-под Риги в Петербург и в середине мая прибыл под Выборг с 48 учениками «подкопного дела». 5 июня, сообщая царю о ходе осады, командующий осадным корпусом Ф.М. Апраксин писал: «От другого бастиона, что с моря (бастион Панцерлакс. – *Авт.*), делаем брешь, только зело крепок, гораздо мало земли осыпаетца, и для того намерились к оному бастиону машину приставить, ...». До сдачи крепости Тирион, по его словам, успел сделать «под бастион две камеры». Его труды в осадных работах были отмечены прибавкой жалованья в 5 рублей. После взятия Выборга здесь были оставлены пять учеников, а Тирион был отправлен под Ревель, где в конце года вместе с учениками принял участие в осадных работах. Возможно, в апреле следующего года Тирион произвел подрыв укреплений крепости Аренсбург на острове Эзель, взятой ранее, в августе 1710 года.

Как видим, обучение мастерству «подкопного дела» производилось практическими действиями в полевых условиях. По сообщениям самого Тириона, под Выборгом один его ученик был убит, пять учеников умерли в октябре под Ревелем, возможно, вследствие чумы, вспыхнувшей в городе. Со временем ученики, по-видимому, переходили в разряд подкопных мастеров.

---

[42] Совр. город Быхов на Днепре, южнее Могилева, Беларусь.

В феврале 1712 года Петр I утвердил штат Артиллерийского полка, в состав которого были включены инженерные части, в том числе минерная рота. Ее первым командиром стал капитан Жерар Тирион. Состав роты был определен в 58 рядовых. По сути, это были те же ученики, с таким же жалованьем (1 рубль, 3 алтына, 2 деньги в месяц). По штату 1712 года при артиллерии полагалось десять подкопных мастеров с жалованьем по 10 рублей в месяц.

В 1715 году Тирион получил чин майора с сохранением прежнего жалованья. В том же году он со своей ротой был отправлен в Киевопечерскую крепость, строительство которой в те годы завершалось под руководством инженер-полковника И. Бреклина, хорошо знакомого ему по совместной работе в Троицкой крепости.[43]

В Киеве жизнь минер-майора Тириона оборвалась 16 октября 1718 года падением с лошади.

Жерар Тирион, француз, военный инженер, состоявший на русской службе 20 лет, по праву достоин занять заслуженное место в нашей военной истории как один из основателей российской школы искусства минной борьбы, один из первых воспитателей отечественных мастеров этого вида военного искусства, активный деятель Великой Северной войны.

Дети: Тирион Яков, «бывшего от минер майора сын», 1 января 1734 года произведен в кондукторы 3-го класса Инженерного корпуса.[44]

Источники

Архив ВИМАИВиВС. Ф. ШГФ. Ед.хр. 110. Л. 2; Ф.2. Оп. 1. Ед.хр. 30. Л. 244; Ед.хр. 39. Л. 207, 367-368, 618, 619, 636, 766; Ед.хр. 40. Л. 269; Ед.хр. 47. Л. 298, 391,392, 437; Ед.хр. 48. Л. 163, 1326; Ед.хр. 131. Л.131; Ед.хр. 181. Л. 18, 19; Ед.хр. 230. Л. 6об; Оп. 2. Ед.хр. 3. Л. 140; РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Кн. 5. Л. 123–127; Ф. 150. Оп. 1. 1697 г. Ед.хр. 43.

Бранденбург Н.Е. Приложение XIV; Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи. 1682–1727 / под ред. В.С. Ржеуцкого и Д.Ю. Гузевича. М. 2019. С. 589; ПиБПВ. Т. 4. С. 1002; Т. 5. С. 306; Т. 7(2). С. 811; Т. 8(1). С. 26, 455; Т. 8(2). С. 458, 850; Т. 10. С. 576, 603; Т. 11(1). С. 560; Т. 12(1). С. 67.

[43] Троицкая крепость была к тому времени снесена по условиям Прутского мирного договора с Турцией (1711 год).

[44] Кондуктор – чертежник из нижних чинов унтер-офицерского звания.

М.С. Иванова

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ ГРАНИТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ФИНЛЯНДИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века

Основным источником для написания данной статьи послужил ежемесячный журнал «Экономист Финляндии», издававшийся на русском языке редакциями журналов «Kauppalehti» и «Mercator» в период с января 1912 по ноябрь 1917 года. Для того, чтобы проанализировать развитие финского гранитного дела на этапе перехода от ремесла к промышленности, следует обратиться чуть к более широкому периоду – с конца XIX века до 1914 года. Данный хронологический интервал ограничен периодом, который удалось реконструировать в рамках освещения аспектов экономической ситуации в области гранитной промышленности Финляндии на основе материалов, представленных в подборке данного периодического издания.

Строительство Санкт-Петербурга стало отправной точкой для развития горнодобывающей промышленности Старой Финляндии. До тех пор богатейшие ресурсы камня «покоились непробудным сном под толстым слоем мха, под защитою своих еловых лесов».[1] Смелые замыслы лучших европейских и российских зодчих, приглашенных для работы, требовали исключительных строительных материалов для их воплощения. Петр I издает ряд указов, способствующих поиску новых месторождений внутри страны и поощряющих доставку и использование камней, пригодных к строительству. Эту политику продолжили его преемники.[2]

На рубеже XIX и XX веков разработки финского гранита имели определяющее значение и для формирования архитектурного облика Великого княжества Финляндского. Финский национальный романтизм сегодня является визитной карточкой не только Финляндии, но и Выборга, приграничного города Российской Федерации с богатой историей изменений государственной принадлежности.

Безусловно, гранит и раньше использовался в строительстве в этих местах. Крупнейшее тому доказательство, уцелевшее до наших дней, – это Выборгский замок и крепостные валы, сложенные из практически необработанного камня. Но никогда еще гранит не добывался здесь в промышленных масштабах.

Сегодня роль финского гранита в строительстве Петербурга общеизвестна, а понимание масштаба вклада этого строительного материала в создание молодой столицы рисует образ развитой и преуспевающей промышленности. Представляется,

[1] Развитие камнеломной промышленности в Финляндии // Экономист Финляндии. 1915. № 6, 7. С. 85. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1014590?page=9

[2] *Тутакова А.Я.* Граниты на Карельском перешейке и их использование в архитектуре Санкт-Петербурга // Окружающая среда. ред.: И. Серебрицкий. 2019. № 2. С. 7, 8.

что уже в начале XX века (в период пика спроса на финский гранит в Санкт-Петербурге), эта отрасль занимала одно из лидирующих мест в экономике Великого княжества Финляндского. Но так ли это было? И какую роль гранитная промышленность играла во внешней торговле Финляндии?

Промышленная революция коснулась Финляндии в 1830-е годы и последовательно набирала оборот на протяжении всего XIX века. В этот период население Финляндии, прежде ориентированное на ремесла, постепенно меняло свое отношение к жизни и труду – работа становилась круглогодичной и хорошо оплачиваемой, население перебиралось в города. Новый стиль жизни диктовал новые ориентиры в искусстве, где героями времени становились инженеры-железнодорожники, архитекторы и промышленные рабочие.[3]

Сфера лесозаготовки и сельского хозяйства, уже хорошо знакомая финнам, легко встала на рельсы промышленной революции, но сложнее дело обстояло с добычей и обработкой гранита. Первые фирмы и объединения, предлагавшие услуги по добыче, обработке и поставке гранита, возникли только в конце XIX века, а до того поставки камня в Петербург носили скорее частный характер. Основной движущей силой разработки гранитов Выборгской губернии в XVIII и XIX веках было русское купечество, заключавшее договоры на поставку строительного камня в Петербург. Договоры носили разовый характер и сводились к исполнению условий по поставке материала для того или иного объекта в определенном объеме. Периодическое издание «Suomen Teollisuuslehti»[4] описывает систему договоренностей, касающихся разработки и доставки гранита в Россию из Пютерлакса в конце XIX века так: «Добыча сырья обычно происходит таким образом, что подрядчик из России заключает договор на добычу необходимого количества с мастером, который в свою очередь получает необходимое количество материала от землевладельцев. Все без исключения камни везут без огранки туда, где они будут использоваться. Несомненно, эта деятельность могла бы уже давно развиться здесь в промышленные масштабы».[5]

Местное население в отдельных уездах и приходах Выборгской губернии также занималось поставками камня в Санкт-Петербург. Это касалось, в первую очередь, жителей прибрежных районов, удобно расположенных для погрузки и доставки камня водным путем. К примеру, жители прихода Койвисто начали вывозить камень на продажу в Санкт-Петербург в 1760-х годах, после введения ряда ограничений на вывоз леса. В 1846 году суда из приходов Койвисто и Йоханнес (ныне Советский) совершили в Петербург и Кронштадт 388 ходок с дровами и 199 с камнем.[6] Примечательно, что в районе Койвисто никогда не было выходов гранита. Все, чем располагали местные жители для продажи камня, – это обильно разбросанные по лесам и полям валуны ледникового происхождения. Они собирали валуны в огромные кучи – в 10–20 м шириной, до 60 м длиной и 11 м в высоту, раскалывали их и отправляли на продажу.[7] Таким образом, им удавалось зарабатывать на продаже камня и в то же время расчищать поля для сельскохозяйственной деятельности. Также встречаются сведения об отдельно взятых семьях, промышлявших продажей камня в Петербург. К примеру, есть сведения о семье Хови, с 1818 года проживавшей в Вилайоки (ныне Балтиец). Хови были влиятельны и имели собственную шхуну,

---

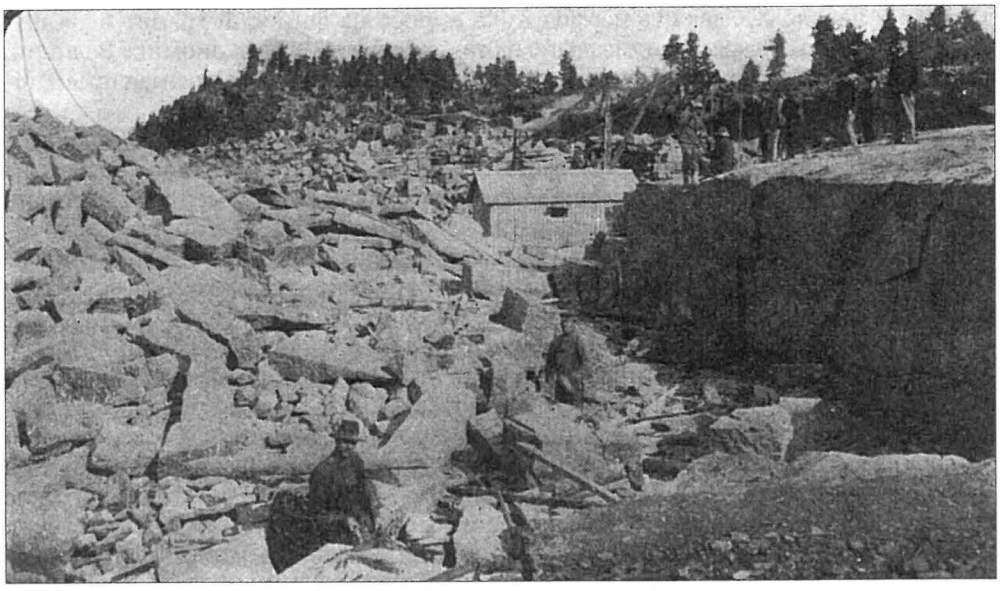
[3] *Клинге М.* Имперская Финляндия. Пер.: Мусаева В., Рупасова А. СПб. Коло. 2005. С. 286, 287.

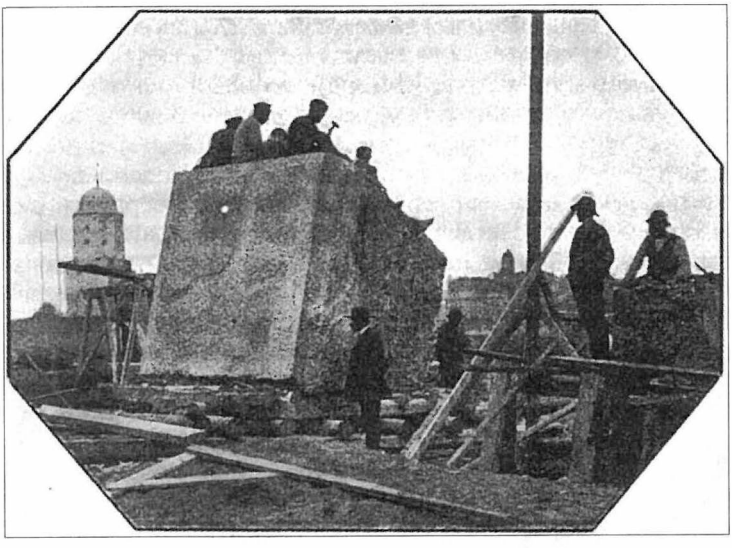
[4] «Suomen Teollisuuslehti» – финский промышленный журнал. Издавался в Хельсинки раз в месяц с 1882 по 1918 год.

[5] Suomen kivenhakkuuteollisuus// Suomen Teollisuuslehti. № 17. 1889. P. 258. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1119312?page=1

[6] *Энгман. М.* Финляндцы в Петербурге. 2005. СПб. Европейский дом. С. 209.

[7] *Балашов Е.А.* Карельский перешеек. Земля неизведанная. Часть 5. Западный сектор: Койвисто [Приморск]. СПб. 2002.





Каменоломня «Itä Suomen Graniitti» в Пютерлаксе. Из журнала «Mercator»

Каменоломня «Itä Suomen Graniitti». 43-тонный блок для пямятника Петру Великому в Выборге Из журнала «Mercator»

при помощи которой они занимались торговлей, поставками леса и камня в Санкт-Петербург и Кронштадт.[8]

Флагманом добычи гранита стали знаменитые Пютерлакские ломки, расположенные в Виролахти, недалеко от современной границы между Финляндией и Россией. Поставки строительного камня в Санкт-Петербург из этих мест велись с XVIII до начала XX века. Сегодня эти скальные массивы представляют собой горно-индустриальный музей под открытым небом. Пютерлакский гранит стал первым доказательством того, что граниты Финляндии тоже могут быть предметом сбыта, но, как уже упоминалось выше, начало горнодобывающей индустрии Финляндии было положено лишь в конце XIX века.

---

[8] *Никитин В.В.* Карельский перешеек. Земля неизведанная. Часть 11. Северо-Западный сектор: Сяккиярви [Кондратьево]. СПб. 2011.

Крупнейшими фирмами, осуществляющими работу по добыче и обработке строительного гранита в начале XX века были: Акционерное общество «Гранит» (Aktiebolaget Granit), Акционерное общество Финляндской каменной промышленности (Suomen Kiviteollisuus Osakeyhtio), Восточно-Финляндское Акционерное Гранитное Общество (Itä-Suomen Graniitti Osakeyhtio). Помимо гранита в Восточной Финляндии разрабатывались залежи талькохлорита, также известного как мыльный или горшечный камень (второе название – по области применения в строительстве). Талькохлорит широко использовался в строительстве для облицовки фасадов, а, благодаря высокой теплопроводности, его также

AKTIEBOLAGET

GRANIT

Guldmedalj å världsutställningen i Paris 1889
„ å Nischnij-Nowgorod 1896.

Granitarbeten af alla slag.

Utförda större arbeten:

Monument: Alexandersmonument i Moskva och Helsingfors, krigarmonumentet i Danzig, sappörmonumentet i S:t Petersburg, Russalka monumentet i Reval, Lönnroths och Pacius monument i Helsingfors m. m.

Fasader: Föreningsbanken i Helsingfors, Nordiska Aktiebanken i Viborg, Fabergés och Rossijas fasader i S:t Petersburg, nya katedralen i Warschaw, fästningskatedralen i Kowno m. m.

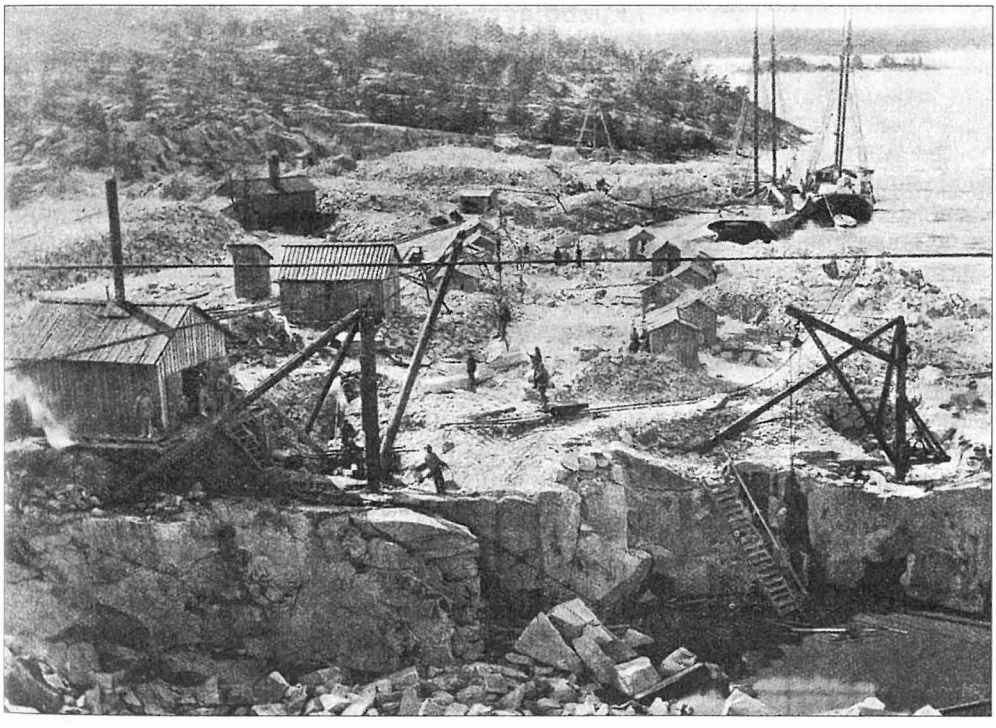
Grafvårdar öfver K. A. Tavaststjerna, J. Pippingskiöld, J. Forsman, R. Hertzberg m. m.

Ritningar och kostnadsförslag uppgöras.

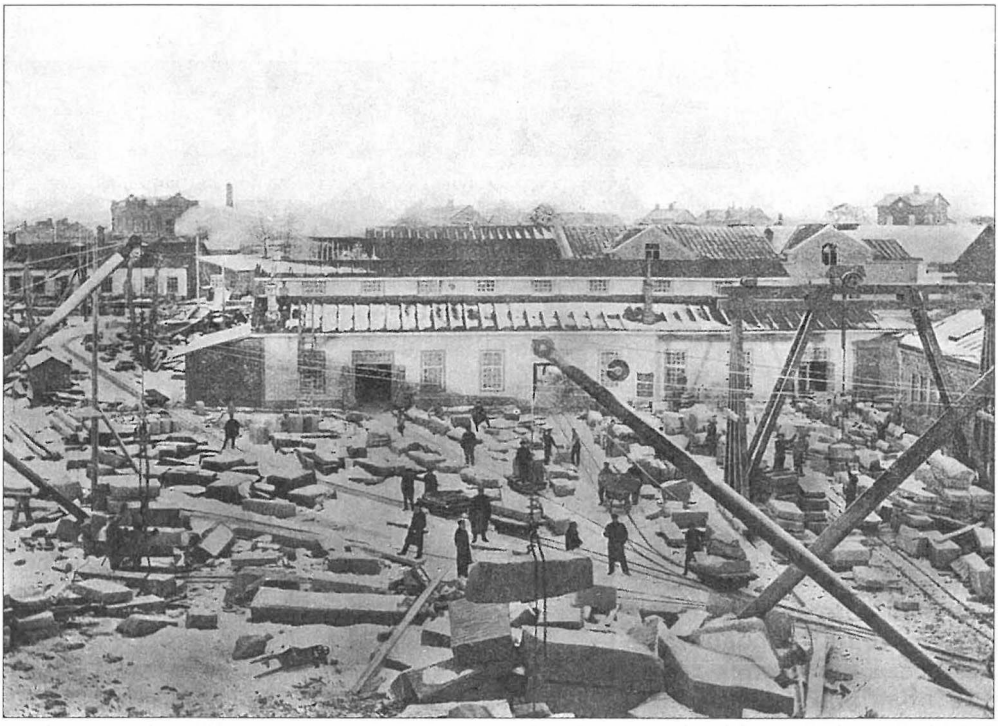
KONTOR: Helsingfors, Boulevardsgatan 15.
Telef. 87 och 728, samt HANGÖ.
Ledande arkitekt: E. G. Hedman, Hangö.

89

Реклама Акционерного Общества «Гранит» в журнале «Arkitekten»



Каменоломня Акционерного Общества «Гранит» в Ханко. Из журнала «Mercator»



Склад продукции Акционерного общества «Гранит» в Ханко. Из журнала «Mercator»

применяли для облицовки и кладки печей и каминов. Также из талькохлорита изготавливали посуду и надгробные памятники. Крупнейшей компанией, занимавшейся разработками и поставками талькохлорита, было Акционерное общество по обработке горшечного камня Вуолукиви (Suomen Vuolukivi O.Y.).

Первой крупной фирмой в отрасли было Акционерное общество «Гранит» (Aktiebolaget Granit), основанное в 1886 году.[9] Главная контора акционерного общества располагалась в Ганге (ныне Ханко). Позже открылись отделения в Гельсингфорсе, Санкт-Петербурге, Москве, Риге и Варшаве.[10] В первом десятилетии XX века акционерное общество «Гранит» имело в своем распоряжении уже не менее 20 каменоломен в разных частях страны, в том числе, в Ганге и Антреа (ныне Каменногорск). Основным материалом для добычи и обработки выступал красный и серый гранит. Среди наиболее известных работ, созданных при помощи общества «Гранит», – памятники Александру III в Москве, Иркутске и Санкт-Петербурге,[11] памятник русским воинам в Гданьске, а также фасад здания банка Северного акционерного общества в Выборге и здания вокзалов в Хельсинки и Выборге (здание вокзала в Выборге было взорвано в 1941 году при отступлении советских войск).[12]

Акционерное общество Финляндской каменной промышленности (Suomen Kiviteollisuus Osakeyhtio) было основано в 1900 году. Главный офис компании

---

[9] Развитие камнеломной промышленности в Финляндии // Экономист Финляндии. 1915. № 6-7. С. 86. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1014590?page=1

[10] Aktiebolaget Granit.//Mercator the trade journal of Finland .1911. № 10. P. 109–111. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/943940?page=1

[11] Первые два не сохранились, второй восстановлен в 2003 году.

[12] Акционерное общество Гранит в Ганге. 30-летний юбилей // Экономист Финляндии. 1916. № 4. С. 63, 64. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1014595?page=15

располагался в Гельсингфорсе. Компания занималась добычей серого и красного гранита для вывоза в Англию, Россию и булыжного камня для мостовых и гаваней Балтийского моря. Наиболее известными проектами с применением камня общества можно назвать фасад Финского национального театра, Национальный музей, здание Ипотечного и Телефонного общества в Хельсинки.[13]

Восточно-Финляндское Акционерное Гранитное Общество (Itä Suomen Graniitti Osakeyhtio) было основано в 1904 году. Главная контора акционерного общества располагалась в Выборге, отделение работало в Санкт-Петербурге. Компания поставляла камень для мостов, набережных, цоколей, фасадов и монументов. Наиболее известными проектами, реализованными при помощи материалов, поставляемых Восточно-Финляндским Акционерным Гранитным Обществом стали: торговый дом «Хакман и К°», подножие памятника Петру I в Выборге из целого камня весом в 32 т, Троицкий и Аничков мосты в Петербурге и многое другое. Однако уже в 1914–1915 годах общество было объявлено несостоятельным.[14]

Акционерное общество по обработке горшечного камня Вуолукиви («Suomen Vuolukivi O.Y.» – Финский мыльный камень) начало свою деятельность в 1898 году. В том же году камень был использован при облицовке здания АО «Фалькен» в Хельсинки. Карьер компании располагался в Нунналахти (Nunnalahti) на берегу озера Пиелсъяврви в волости Юука (Juuka) на севере Выборгской губернии (совр. Финляндия). Главный офис компании располагался в Хельсинки, а впоследствие, был перенесен в Выборг.[15]

Издание «Экономист Финляндии» публиковало статьи, подробно рассматривающие различные аспекты коммерческого рынка Финляндии и соседних стран. Отдельный цикл статей посвящен экономическим аспектам горнодобывающей промышленности. Он содержит подробные сведения о финансовых показателях торговли гранитом, а также об общем объеме вывозимой из Финляндии продукции за период с 1899 до 1912 год.

Отдельного внимания заслуживает статья директора Геологической Комиссии Финляндии Якоба Йоханесса Седергольма «Гранитная промышленность в Швеции и Финляндии. Сравнение».[16] Профессор проанализировал динамику развития гранитной промышленности в Швеции с 1887 по 1908 год с учетом показателей объема разрабатываемой продукции, видов сбываемой продукции, рынков сбыта и затрат на содержание производящих предприятий, приводя в сравнение аналогичные данные по Финляндии. Благодаря этому мы можем подвести итоги первого десятилетия развития производств по различным показателям – общее валовое значение гранитной промышленности в экономике Финляндии, динамику развития и значение экспорта гранитной промышленности.

Согласно данным «Экономиста Финляндии», на период с 1899 до 1912 год валовый объем производства гранита увеличился с 1,01 млн финских марок до 4,1 млн.[17] Доля экспорта гранитной продукции с 1899 до 1903 год составляла не более 50 %. В 1904 году наблюдался резкий скачок, и доля экспорта достигла 95 %

---

[13] Развитие камнеломной промышленности в Финляндии // Экономист Финляндии. 1915. № 6-7. С. 86, 87. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1014590?page=1

[14] Itä Suomen Graniitti Osakeyhtio // Mercator the trade journal of Finland. № 12. 1911. P. 184–187. URL:https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/943942?page=1

[15] Развитие камнеломной промышленности в Финляндии // Экономист Финляндии. 1915. № 6-7. С. 87. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1014590?page=1

[16] *Седергольм Я.* Гранитная промышленность в Швеции и Финляндии. Сравнение // Экономист Финляндии. 1912. № 3. С. 60–64.

[17] Развитие камнеломной промышленности в Финляндии // Экономист Финляндии. 1915. № 6-7. С. 87. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1014590?page=11

от общего объема производства, а с 1906 до 1912 года колебалась между 40 и 80 %.[18] К 1911 году обозреватель «Экономиста Финляндии» фиксировал рост спроса на гранит, железные изделия кожу и рыбу, отметив, что: «камня в Финляндии тоже достаточно, но пока камень вывозится в империю еще в незначительном сравнительно размере. По крайней мере, следовало бы подыскать новые рынки для сбыта в большем количестве в Швецию».[19]

Лидерами сбыта во внешней торговле Финляндии начала XX века были лес, продукция писчебумажной промышленности и продукты сельского хозяйства.[20] К 1911 году обозреватель «Экономиста Финляндии» отметил рост продаж в вышеозначенных категориях.[21] При этом важно отметить, что разница между объемом вывезенного строительного камня и прочими лидирующими группами товаров исчислялась в десятках раз.[22] На основе опубликованных в журнале предварительных расчетов объема внешней торговли, к примеру, объем вывезенного в бочках масла за 1910 и 1911 годы составил 28,2 млн марок против 33,1 млн марок; вывоз леса и деревянных изделий – 161,4 млн марок против 167,1 млн марок за 1911 год.[23] Объем вывезенных материалов категории «Минеральная промышленность» оценивался в 3,4 млн марок за 1910 год против 4,2 млн марок за 1911 год.[24] Помимо гранита в эту отрасль входили песок, известь и известковый камень.

В общей сумме объем внешней торговли Финляндии за 1910 и 1911 годы составлял 672,9 млн финских марок против 761,9 млн за 1911 год. Таким образом, вклад минерально-сырьевой промышленности в 1910 и 1911 годах составил не более 0,5 %.

Почему же, несмотря на все богатство сырьевых ресурсов, каменоломной промышленности Финляндии не удалось совершить рывок? Ответ на этот вопрос постарался дать директор Геологической Комиссии Финляндии, профессор Якоб Йоханнес Седергольм. Сравнивая динамику развития гранитной промышленности Швеции и Великого Княжества Финляндского, Седергольм обратил внимание, что при схожих показателях на первых этапах производства и вывоза гранита за границу, за два десятилетия Швеция сильно опередила княжество по экономическим и производственным показателям.

В 1887 году производительный объем импортированного гранита в Швеции составил 1 млн крон (или 1,4 млн финских марок). В 1908 году объем увеличился примерно до 20 млн крон (28 млн марок), что в 7,5 раз превышало показатели за 1908 год в Финляндии.[25]

Анализируя причины неуспеха отечественной гранитной промышленности, Седергольм подробно рассмотрел, как она устроена в Швеции. Швеция начала XX века также работала на сбыт продукции, но основным рынком сбыта шведского гранита были страны Европы. Бóльшая часть каменной продукции уходила в Германию, Англию и Данию. Промышленные предприятия Швеции занимались добычей и обработкой гранитной продукции и на шведском рынке существовало разделение по сферам производства работ. Они оснащали каменоломни необходимым оборудованием, таким как: паровые краны, рельсы, пароходы для транспортировки.

---

[18] См. таблицу 1.

[19] Там же.

[20] Главнейшие предметы ввоза и вывоза Финляндии за 1911 и 1910 годы // Экономист Финляндии. 1912. № 2. С. 42, 43. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1014536?page=1. См. таблицу 3.

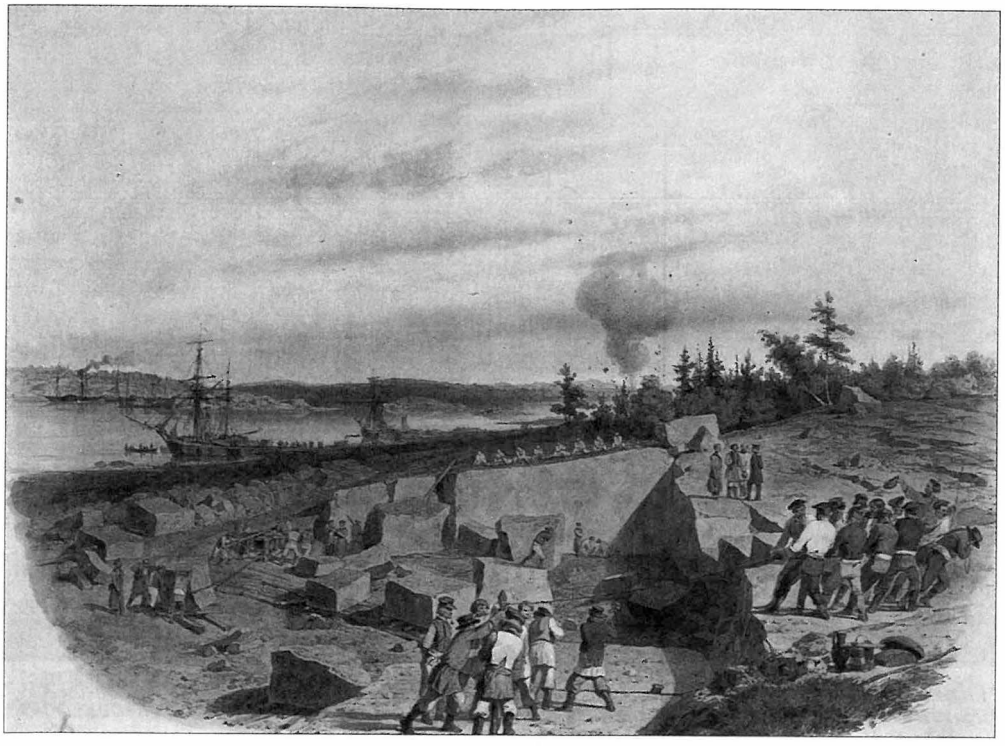
[21] Там же.

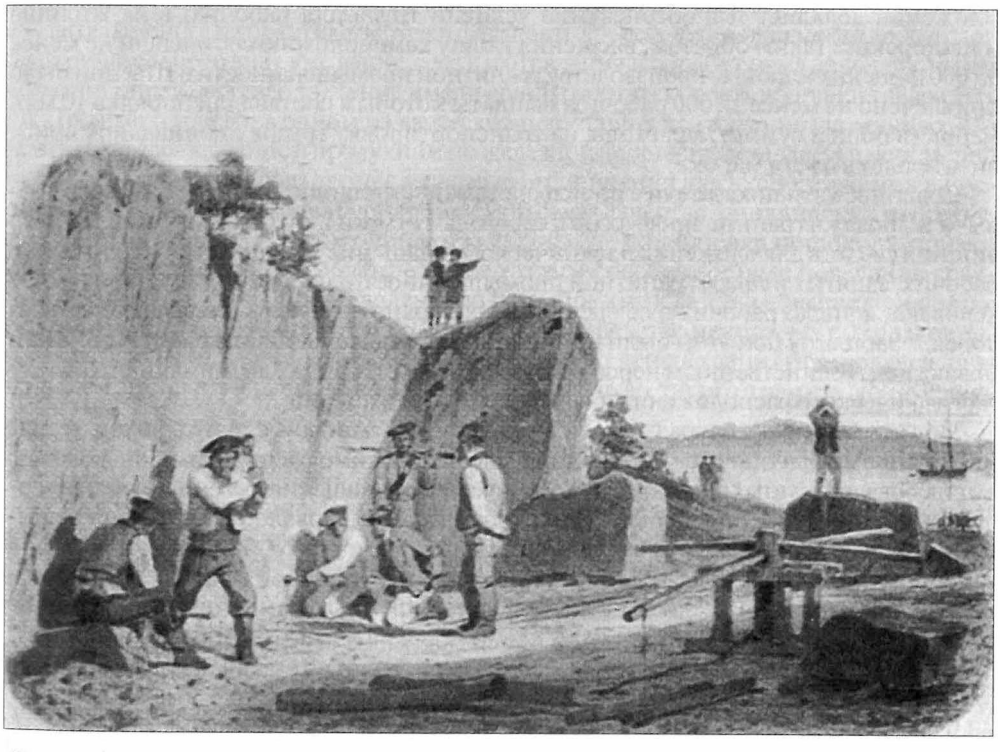
[22] См. таблицу 3.

[23] См. таблицу 4.

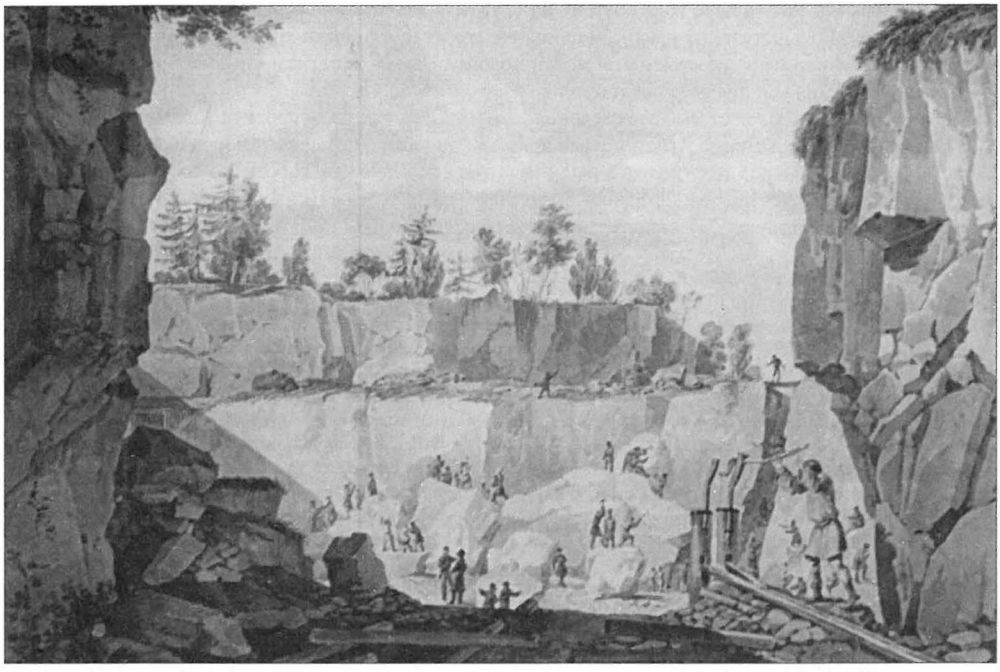
[24] См. таблицу 3.

[25] *Седергольм Я.* Гранитная промышленность в Швеции и Финляндии. Сравнение // Экономист Финляндии. 1912. № 3. С. 60–64.





Каменоломня в Пютерлаксе. Из книги: Скориков Ю.А., Раздолгин А.А. Крепость Кронштадт. Л. 1988



Каменоломня в Пютерлаксе. Художник А. Адамини. Из книги: Скориков Ю.А., Раздолгин А.А. Крепость Кронштадт. Л. 1988

Вложения делались и в обеспечение условий труда для рабочих: в их жилища и мастерские. Таким образом, вложения в одну каменоломню составляли не менее 35 000 финских марок. К производству гранитной промышленности в Швеции было привлечено не менее 12 000 рабочих, выплаты которым составляли порядка 10 млн марок (в общей сумме), а расходы на транспортировку грузов оценивались приблизительно в 6 млн марок.[26]

Сравнивая эти показатели с производствами Финляндии, занятыми в сфере добычи и продажи гранита, профессор Седергольм отметил, что в Финляндии не было лишних средств для вложения в техническое оснащение предприятий. Количество рабочих, занятых в сфере гранитной промышленности, на 1911 году составило 1492 человека, а число рабочих в сфере перевозки гранита едва ли превышало 700 человек.[27] Зарплаты при этом были не стабильны и зависели от вида работ и прибыли от заказов. А единственным перспективным рынком сбыта для Финляндии, в силу географического расположения, была Российская империя.

По мнению профессора Седергольма, для того, чтобы увеличить доход от гранитной промышленности, Финляндии было необходимо расширить производство, что требовало крупных вложений для технического оснащения каменоломен и совершенствования транспортировки. И в особенности следовало сосредоточить внимание на развитии обрабатывающей промышленности. Но, что еще важнее, для успешного развития дела требовалось разделение предприятий по различным сферам производства. Если бы существующие крупные компании распределили

---

[26] *Седергольм Я.* Гранитная промышленность в Швеции и Финляндии. Сравнение // Экономист Финляндии. 1912. № 3. С. 60–64.

[27] О камнеломной промышленности Финляндии // Экономист Финляндии. 1913. № 12. С. 183. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1014549?page=1

между собой нагрузку и специализировались бы на различных видах производства, это, в конечном счете, привело бы к увеличению производства в целом. Однако основным препятствием к подобному распределению сил была «разношерстность» рынка услуг. Профессор Седергольм отмечал высокую конкуренцию, существовавшую между предприятиями того времени. На фоне небольшого количества крупных фирм возникали все новые, мелкие, которые в борьбе за заказы вели политику понижения цен, что, в общем и целом, понижало стоимость рынка всей промышленности. В 1908 году на территории Великого княжества Финляндского было зарегистрировано 48 фирм, работающих в сфере каменной промышленности.[28] А по статистике за 1911 год, приводимой в ежемесячном журнале «Экономист Финляндии», в Финляндии насчитывалось 26 каменоломен, из которых 13 принадлежали акционерным обществам, две кооперативным обществам и 11 частным лицам.[29]

Отчасти это объясняет тот факт, что, исследуя историю строительства выборгских домов, зачастую невозможно найти сведений о поставщиках строительного камня. Также это объясняет, почему уже в начале второго десятилетия XX века немногочисленные крупные предприятия, занятые в сфере поставок гранита в Российскую Империю, оказались под угрозой банкротства.[30] Конкуренция между фирмами была высока и в тех сферах, где спрос превышал производительность. А именно – на рынке мостового и необработанного камня.[31] Обработка мостового камня – одна из немногих сфер, работа в которой могла вестись круглогодично. Но на рубеже первого и второго десятилетия XX века число рабочих в этом промысле не превышало в Финляндии 200 человек. Мостовой камень был востребован, но стоимость от его продажи была невелика. Поэтому для увеличения доходов от продажи мостового камня требовалось увеличение масштабов его сбыта. Спрос был высок и на обработанный камень: для памятников, фасадов и набережных, что требовало развития обрабатывающей промышленности. И, несмотря на то, что такие заказы удобнее принимать заблаговременно, на практике чертежи фасадов и деталей облицовки могли доводиться до окончательного вида уже в процессе изготовления и обработки материалов. Таким образом, определяющее значение имели сроки работ и скорость доставки товара.[32]

Помимо прочего, в одном из выпусков периодическое издание упомянуло, что плата за провоз каменной продукции по железной дороге представляется непомерно высокой, что также создает определенные ограничения для экспорта камня в Российскую Империю.[33] Отдельной проблемой было качество финляндских гранитов. Как выяснилось, не все они одинаково хорошо подходили для широкого применения.[34] В частности, наблюдение за некоторыми особенностями поведения красного гранита, широко представленного в прибрежных районах, выявило наличие определенного риска для употребления в строительстве некоторых его разновидностей. При всем изобилии цветовых вариаций, красный гранит пользовался наибольшей популярностью, а наибольшее количество такого гранита добывалось

---

[28] Развитие камнеломной промышленности в Финляндии // Экономист Финляндии. 1915. № 6-7. С. 86.

[29] О камнеломной промышленности Финляндии // Экономист Финляндии. 1913. № 12. С. 183.

[30] Там же.

[31] *Седергольм Я.* Гранитная промышленность в Швеции и Финляндии. Сравнение // Экономист Финляндии. 1912. № 3. С. 60–64.

[32] Там же.

[33] О камнеломной промышленности Финляндии // Экономист Финляндии. 1913. № 12. С. 185.

[34] Экономист Финляндии: 1915. № 6-7. С. 85.; 1913. № 12. С. 183.; Suomen Teollisuuslehti:1889. № 16. P. 242–243;1889. № 17. P. 257–258.

в Пютерлаксе и предместьях Выборга. Такой камень называли рапакиви («гниющий камень», фин.). От прочего финляндского гранита его отличали крупные зерна в строении породы.

На практике выяснилось, что этот камень с течением времени может давать трещины, которые, заполняясь влагой, приводят распаду породы в результате перепадов температур и уровня влажности.[35] Его продолжали использовать в строительстве, но, к примеру, он уже не мог употребляться на изготовление памятников и прочих работ, требующих высокого уровня исполнительного качества. Однако он оставался востребован для таких целей как облицовка, мощение, строительство и щебень. При этом в Великом Княжестве Финляндском имелись в большом количестве и месторождения прочного среднезернистого красного гранита, который получил признание в Англии, потеснив собой шведский.[36] Были и месторождения востребованного в Германии черного гранита, добыча и доставка которого, однако, была на тот момент слишком дорогостоящей для финляндской промышленности.[37]

Первые полтора десятилетия гранитной промышленности обнаружили ряд проблем, главным образом упирающихся в несогласованность действий участников отдельно взятого рынка услуг. Парадоксальным образом Великое Княжество Финляндское, богатейшее на ресурсы востребованного строительного материала, не имело на тот момент возможности реализовать свой потенциал во всей его мощности. И все же по оценкам современников этот рынок оставался наиболее перспективным из всех возможных видов промышленности Великого Княжества Финляндского. Как метко заметил в завершение своей статьи профессор Седергольм, это промышленность такого рода, что из сырья, не имеющего, собственно никакой ценности изначально, она производит довольно крупные приливы капитала. Ориентированность сбыта продукции на Российскую Империю была продиктована спросом и географическим положением. Необходимость технической модернизации предприятий добычи была очевидна так же, как и необходимость увеличения производственных сил и развития обрабатывающей промышленности.

Сегодня территория бывшего Великого Княжества Финляндского разделена государственной границей между Россией и Финляндией. И по обе стороны разработка гранитных карьеров продолжается по сей день, а многие крупные каменоломни, где работа была прекращена, превратились сегодня в уникальные техногенные ландшафтные памятники XIX–XX веков. Интерес исследователей к истории разработки гранитов Великого княжества Финляндского не угасает по сей день и, наоборот, только набирает обороты в последнее время. Сегодня ряд международных проектов занимается исследованиями исторических каменоломен. К работе в этих проектах привлечены российские и финские специалисты в области истории региона и геологии. Охват задач этих исследований крайне широк: рассматривается возможность возобновления разработки исторических каменоломен для применения камня в реставрации памятников архитектуры; рассматриваются проекты музеефикации памятников горно-индустриального наследия, разрабатываются тематические туристические маршруты. Освещение вопроса гранитной индустрии начала XX века в рамках экономики Великого Княжества Финляндского со страниц периодического издания открывает «новый взгляд» – с позиции современников, и, выраженный в цифрах, что говорит о том, что тема гранитов еще не раскрыта до конца, и требует дальнейшего изучения.

---

[35] Suomen kivenhakkuuteollisuus //Suomen Teollisuuslehti.1889. № 16. P. 242, 243.

[36] *Седергольм Я.* Гранитная промышленность в Швеции и Финляндии. Сравнение // Экономист Финляндии. 1912. № 3. С. 63.

[37] Там же.

Приложение

Таблица 1

Статистика производства, внутреннего рынка и сбыта гранитной продукции Великого Княжества Финляндского в 1899–1912 годах (млн финских марок)

Показатель	1899	1903	1904	1908	1910	1911	1912
Объем производства	1,01	1,91	2,13	3,66	?	3,40	4,10
Процент сбыта товаров каменного проиводства	57	52	95	43	?	46	80
Объем экспорта	0,58	1,02	2,02	1,58	1,58	1,58	3,40
Внутренний рынок	0,43	0,89	0,40	2,08	?	0,82	**0, ?**

Таблица 2

Статистика производства, внутреннего рынка и сбыта гранитной продукции Швеции в 1894– 1912 годах (млн финских марок)

Показатель	1894	1904	1908	1911	1912
Объем производства	4,5	18,6	28,0	27,3	27,6
Процент сбыта товаров каменного проиводства	77,0	67,2	75,0	69,2	69,9
Объем экспорта	3,5	12,5	21,0	1,98	19,3
Внутренний рынок	1,5	6,1	7,0	8,4	8,3

Таблица 3

Данные предварительных расчетов объема внешней торговли Великого Княжества Финляндского в 1910 и 1911 годах (млн финских марок)

Продукция	1910	1911
Масло	28,2	33,1
Лес	161,4	167,1
Минеральная промышленность	3,4	4,2

Таблица 4

Общий объем внешней торговли Великого Княжества Финляндского

1910	1911
672,9 млн финских марок	761,9 млн финских марок

Таблица 5

Распределение сбыта гранита из Швеции и Великого Княжества Финляндского в начале XX века

Швеция	Финляндия
Германия – 70 % Англия – 10 % Дания – 10 % Россия – 4 % Прочие страны – 6 %	Россия – 90 % Шотландия – 9 % Германия – 2 %

Литература

Балашов Е.А. Карельский перешеек – земля неизведанная. Западный сектор Койвисто – Приморск. СПб. 2002.

Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении // общ. ред.: П.П. Семенов. Том второй. Северо-западные Окраины России. Великое Княжество Финляндское. СПб. 1882.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб. Коло. 2005.

Кляровская Г.В. Гранитные ломки Карельского перешейка (XVIII–XIX вв.) // Страницы Выборгской истории. Краеведческие записки. Выборг. 2000.

Никитин В.В. Карельский перешеек – земля неизведанная. Часть II. Северо-Западный сектор: Сяккиярви [Кондратьево]. СПб. 2020.

Тутакова А.Я. Граниты на Карельском перешейке и их использование в архитектуре Санкт-Петербурга // Окружающая среда. ред. И. Серебрицкий. 2019. № 2. С. 7–11

Финляндия в Русской печати. Материалы для библиографии собранные М. Бородкиным. СПб. 1902.

Экспонаты Геологической Комиссии Финляндии на всероссийской Промышленной и Художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде.1896. Хельсинки.

Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб. Европейский дом. 2005.

Pertti Lahermo. Suomamainen kivi. Vanhan Pietarin rakennuksissa ja monumenteissa. Helsinki. Oy Nord Print Ab. 2017

Дигитальные ресурсы Национальной библиотеки Финляндии: [Электронный ресурс]: digi.kansalliskirjasto.fi/etusivu

«Mercator the trade journal of Finland». URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/titles/fk01455?display=THUMB&year=1911.

«Ekonomist Finlandii». URL:. https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/titles/fk20100877?display=THUMB&year=1917.

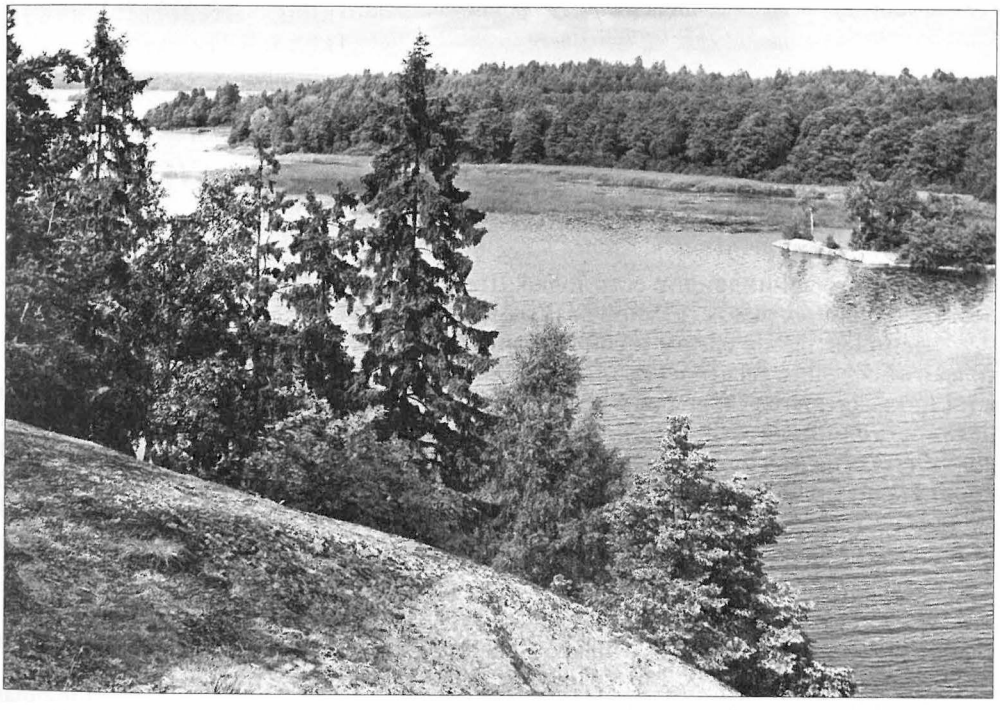
«Suomen Teollisuuslehti». URL:. https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/titles/1458-6711?year=1889.

В.А. Болгов

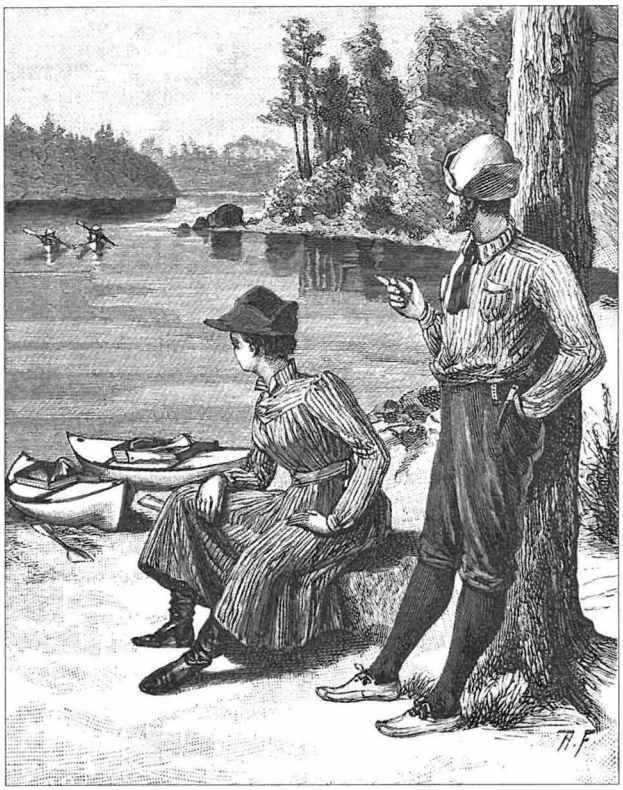
ОСТРОВ САММОНСАРИ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Остров Былинный у берегов Монрепо всегда манил к себе своими тайнами. Его старое название – Саммонсари (фин. Sammonsaari, остров Сампо) – встречается еще на шведских картах XVII века наряду с названием Старый Выборг. А на рубеже XIX и XX веков этот остров, как и усадьба Монрепо, был центром насыщенной яркими событиями жизни, о которой современному русскому читателю, увы, почти ничего не известно.

Имению Монрепо принадлежала только ближайшая часть Саммонсари, бывшая когда-то отдельным островком. Дальняя и бóльшая часть острова относилась к Хертуале, имению коллежского советника Иоганна Фридриха (Ивана Юрьевича) фон



Вид на Саммонсари из Монрепо. Фото Владимира Позднякова. 1980-е годы. Из фондов Музея-заповедника «Парк Монрепо».



А. Федерлей. Иллюстрация к книге А. Рамси «В летнее путешествие на каноэ» (Порво, 1890).

Лаубе (1745–1799), чиновника выборгского магистрата.[1] Его дочь Мария Элизабет, в замужестве Хакман, унаследовала Херттуалу после смерти родителей, а ее внучка Александрина Хакман (1838–1918) получила Саммонсари как часть Херттуалы в приданое, когда в 1858 году вышла замуж за инженер-капитана Карла Августа Экстрема (1823–1900). Капитан Экстрем был весьма незаурядной личностью. О любви и уважении к нему выборжцев достаточно сказать, что траурный поезд на его похоронах состоял из 106 экипажей.[2] Подробнее мы расскажем об этом человеке далее, а пока остановимся на истории его зятя – Августа Рамси (1859–1943).

Летом 1896 года на острове Саммонсари гостила английская писательница Алек Твиди (Этель Бриллиана Твиди; 1862–1940), предпринявшая путешествие по Финляндии, чтобы собрать материал для своей новой книги.[3] На Саммонсари ее пригласили, вероятно, из-за ее знакомства с племянницей хозяйки острова Лилли фон Дюринг, урожденной Хакман. В своей книге «Через Финляндию в повозках» Твиди немало страниц уделила острову Саммонсари и его обитателям. В дальнейшем мы еще прибегнем к этому источнику, а пока ограничимся следующей цитатой (пер. с англ. автора):

«У каждого в Финляндии есть лодка. Две или три парусные лодки и несколько десятков гребных лодок и каноэ разных размеров качались у пристани капитана <...> Каноэ является одним из популярных видов спорта в Финляндии, и все же только в последнее десятилетие этот спорт получил такое широкое распространение, хотя никакая другая страна не была лучше приспособлена для него: здесь имеется целая сеть длинных озер, соединенных красивыми реками. Отцом финского каноэ должен быть назван доктор Август Рамси, потому что именно его книга сделала этот спорт таким модным».[4]

В 1890 году в издательстве Вернера Седерстрёма в Порво была выпущена (одновременно на шведском и финском языках) книга Августа Рамси «В летнее

[1] *Ijäs Ulla*. Talo, kartano, puutarha. Kauppahuoneen omistaja Marie Hackman ja hänen kulutusvalintansa varhaismodernissa Viipurissa // Turun yliopisto. Turku. 2015. S. 45.

[2] Wiborgs nyheter. № 169. 1900. Måndagen den 23 Juli. P. 2.

[3] Wiborgsbladet. №148. 1896. 30 Juni. P. 2.

[4] *Tweedie E.B.* Through Finland in carts / By Mrs. Alec Tweedie. London, Edinburgh, Dublin and New York. Thomas Nelson & Sons, [1913]. P. 56.

путешествие на каноэ» – практическое руководство по водному туризму с описаниями маршрутов, советами и чертежами лодок. Август Рамси был одним из основателей Туристической ассоциации Финляндии, созданной в 1887 году. Туризм способствовал оживлению экономики. Не будем удивляться тому, что для Августа Рамси туризм был далеко не единственным полем деятельности: в Финляндии он известен как талантливый экономист.[5]

Портрет прадеда Августа Рамси, губернатора Андерса Йохана Рамси. Фото Д. Нюблина. Архив Национальной галереи Финляндии

Начинал Август Рамси с математики. Еще в старших классах он написал для младших школьников свой первый учебник. Ему не было и 18-ти лет, когда он сам стал преподавать математику в Шведском лицее в Выборге, являясь в то же время студентом Хельсинкского университета. Докторскую диссертацию по математике Рамси защитил в 1881 году в Берлине. В 1883-м в возрасте 24-х лет он был назначен ректором Нового шведского образовательного учреждения («Lärkan») в Хельсинки, ставшего при Рамси передовым в сфере модернизации образования в Финляндии. В том же году Август Рамси берет в жены дочь хозяев Саммонсари Юлию Марию Экстрем (1865–1919).

Юлия (Джулли) Рамси увлеклась историей финляндского дворянства и стала первой женщиной, принятой почетным членом в Генеалогическое общество Финляндии.[6] Начала она, разумеется, с изучения родословной своего мужа. Дело того стоило, потому что Август был потомком шотландцев из клана Рамсеев, перебравшихся в XVI веке в Швецию. При Александре I кто-то из финских Рамсеев предпочел уехать, а кто-то остался на службе в новой, российской Финляндии. В дореволюционной России эта фамилия известна как Рамзай. Генерал-лейтенант Эдуард Андреевич Рамзай (1799–1877), сражавшийся во время Крымской войны с англо-французскими десантами на финском побережье, был в 1856 году возведен в бароны Великого Княжества Финляндского. Это двоюродный дед Августа Рамси. Он был одним из сыновей Андерса Йохана Рамси (1744–1811), губернатора шведской провинции Саво и Карелия в 1791–1803 годах. Другим сыном Андерса Йохана, родным дедушкой Августа Рамси, был Карл Август Рамси (1791–1855), выборгский губернатор в 1827–1834 годах.

Из ближайших родственников Августа Рамси упомянем, ради краткости, только двоих. Дядя Августа Рамси Андерс Рамси (1832–1910) родился в Выборге. Получив свою долю наследства, Андерс пытался заниматься бизнесом и сельским хозяйством, но терпел неудачу за неудачей и совершенно обанкротился. Андерс не имел деловой хватки, но он был интересным рассказчиком и обладал завидным чувством юмора. По совету своего друга, знаменитого выборгского архитектора Юхана Якоба Аренберга, Андерс Рамси стал писать мемуары о жизни шведского дворянства в XIX веке. Его книга «От детских лет до седых волос» (на шведском это звучит в рифму) имела потрясающий успех и обеспечила автору безбедную старость.[7]

---

[5] *Landgrén L.-F.* August Rams ay (1859–1943) // Biografiskt lexikon för Finland / Svenska litteratursällskapet i Finland. 2. Ryska tiden (2009). URL: http://www.blf.fi

[6] *Autio V.-M.* Jully Ramsay (1865–1919) // Biografiskt lexikon för Finland/ Svenska litteratursällskapet i Finland. 2. Ryska tiden (2009). URL: http://www.blf.fi

[7] *Hirvonen M.* Anders Ramsay (1832–1910). // Biografiskt lexikon för Finland / Svenska litteratursällskapet i Finland. 2. Ryska tiden (2009). URL: http://www.blf.fi

Родной брат Августа Рамси Вильгельм Рамси (1865–1928) – в русской литературе Вильгельм Рамзай или Рамсэ – был известным геологом, изучавшим Русский Север. Его именем назван минерал (рамзаит) и перевал в Хибинах. К слову, именно Вильгельм Рамси впервые ввел в 1898 году физико-географическое понятие Фенноскандия, которым мы до сих пор пользуемся.[8]

Август Рамси сочетал в себе многие достоинства своих славных родственников: научный подход и литературный талант, человеколюбие и способность вершить дела государственного масштаба. Он занимался страхованием и банковским делом, муниципальной политикой и транспортом. Он выкупил потерянные когда-то родовые земли в Эспоо и восстановил там образцовое сельское хозяйство. Пожалуй, только в большой политике Август Рамси не преуспел. В 1901 году он возглавил товарно-промышленную экспедицию Императорского Финляндского сената, но вынужден был уйти из-за несогласия с военной реформой.

В Музее городской истории Хельсинки хранится интересный фотоснимок. На нем Август Рамси в компании самых значительных для Финляндии того времени персон, собравшихся в усадьбе Кютяя. Снимок сделан во время визита в Кютяя нового финляндского генерал-губернатора князя Ивана Михайловича Оболенского, чья политика обещала быть «умиротворительной». На фото справа от четы Оболенских хозяева усадьбы Кютяя Константин Линдер, статс-секретарь по делам Финляндии и его сын Хьялмар, а слева за князем стоит Август Рамси с очень лукавым выражением лица. В 1919 году Рамси получил портфель министра финансов в правительстве Кастрена, но это правительство продержалось лишь несколько месяцев.

Визит князя Оболенского в Кютяя. 1904 год. Из фондов Городского музея Хельсинки

[8] *Lehtinen M.* Wilhelm Ramsay (1865–1928) // Biografiskt lexikon för Finland/Svenska litteratursällskapet i Finland. 4. Republiken. 2011. URL: http://www.blf.fi

Ум и энергичность позволяли Августу Рамси добиваться успехов во многих областях деятельности. Для нас важным представляется его вклад в историческую науку (труд по истории Эспоо, вышедший в двух частях в 1924 и в 1936 годах), и в популяризацию туризма. Завершим рассказ об Августе Рамси цитатой из его путеводителя по Финляндии, изданного в 1895 году: «За гаванью Салаккалахти катер выходит под железнодорожным мостом на фарватер, который ведет к Сайменскому каналу. Мимо берегов, на которых виллы стоят одна за другой, через пролив Хусниеми катер выходит в залив Суоменведенпохья, где виллы и усадьбы с правой стороны едва видны за прибрежным лесом. Слева открывается вид на Монрепо. Дальше слева Саммонсари, прекрасный остров (принадл. капитану К. А. Экстрему) с тремя виллами, из которых только одна (принадл. доктору А. Рамси) виднеется между деревьями на берегу».[9]

Сын Августа Рамси, Хенрик Рамси (1886–1951), возглавлявший в 1920-е годы Финскую Судоходную компанию, в детстве проводил на Саммонсари каждые летние каникулы. Опытный яхтсмен, Хенрик Рамси в 1946 году написал в форме мемуаров книгу об истории парусного спорта в Финляндии («Лето и парус»), в которой много внимания уделил не только острову своего детства, но и Монрепо:

«В середине лета, когда солнце нежилось на тихих водах Суоменведенпохья, мы должны были оставить игры на берегу, чтобы прихорошиться, надеть чистые белые матросские блузки и отправиться к пристани, где был богатый выбор снаряженных лодок. Дедушка, полный достоинства, любезно взирал с кормы на толпу детей и внуков, а рядом с ним сидела жизнерадостная любимая бабушка. <...> [Лодка] уверенно скользила в сторону Монрепо вдоль прибрежных тростников, мимо высоких скал, где детские голоса всегда вызывали эхо. Младший, претендовавший на место у форштевня, на мгновение почувствовал себя торжественно, когда на лодку пала тень Людвигштайна, острова-гробницы, где находили последнее пристанище члены рода Николаи, но вскоре снова показалось солнце, играющее на водах хозяйской гавани.

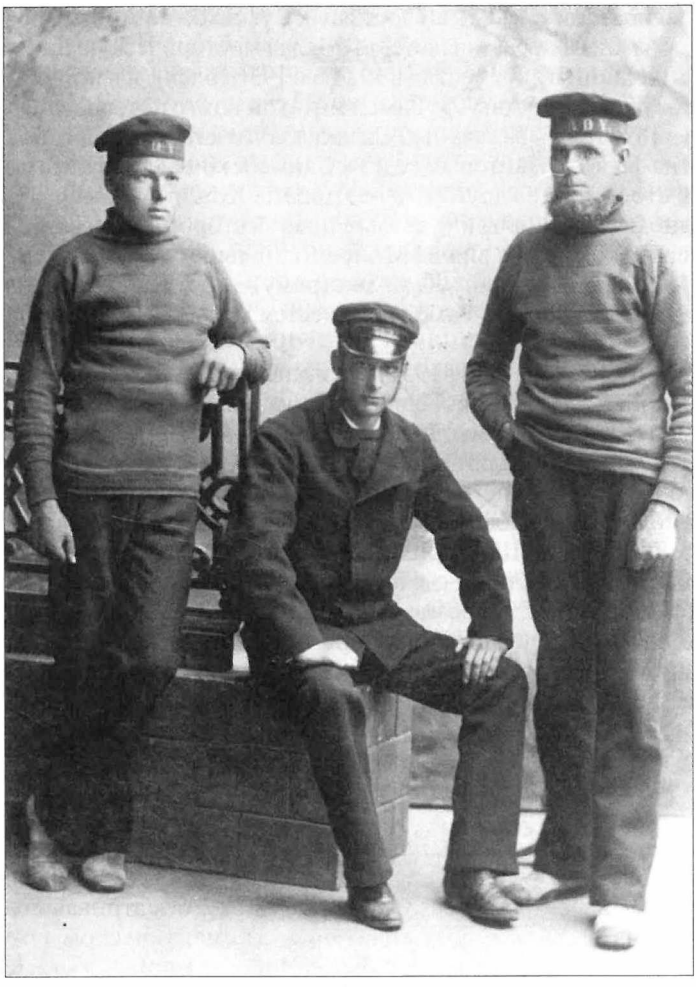
Дедушка и бабушка, возможно, кто-то еще, пошли к большому дому Монрепо, чтобы нанести традиционный летний визит соседям, старой баронессе Николаи, ее дочерям и сыну. Но самые молодые просто разбрелись по парку, осматривая его и восхищаясь многими примечательными вещами, которые в романтическом духе начала XIX века устроили в этом ландшафте финской озерной идиллии.

Но что это все было в глазах парней в сравнении со стоявшей в гавани [яхтой] «Леди», стройной и черной, с прямой мачтой и высокой стеньгой, опрятной и ухоженной. На ее фоне меркли исторические предания и курьезы, парковые перспективы и виды. «Леди» оставалась лучшим воспоминанием о наших визитах и всякий раз, когда мы плавали по Суоменведенпохья, мы старались узнать, была ли «Леди» в Монрепо. Владелец, барон Пауль Николаи, приветствовал меня, мальчишку, поклоном, и я помню его как стройного мужчину в синей морской фуражке без кокарды и с кротким взглядом».[10]

Пауль Эрнст Георг фон Николаи (1860–1919), приверженец неофициального религиозного движения, использовал свою яхту для распространения духовной литературы в финских шхерах. Каждое лето в 1890-е годы он был с двумя своими матросами в плавании по Финскому заливу, так что яхту «Леди» в Монрепо можно было увидеть нечасто. Когда обязанности Пауля Николаи в религиозном движении возросли, он принял трудное решение продать яхту. Хенрик Рамси считал важным

[9] *Ramsay A.* Vägvisare i Finland. Praktisk resehandbok / sammanställd af Dr. August Ramsay. Turistföreningen i Finland. Helsingfors, 1895. P. 250.

[10] *Ramsay C. H. W.* Sommar och segel. Minnen av Henrik Ramsay. Andra upplagan. Helsingfors: Holger Schildts förlag, 1947. P. 32.



Пауль Николаи и матросы яхты «Леди». Фото Д. Нюблина. 1880-е годы. Частное собрание

сохранить память о бароне Николаи не только как о человеке веры, но и как о моряке, поэтому посвятил ему в своей книге целую главу. Хенрик Рамси опирался на биографию Николаи, написанную в 1921 году Гретой Лангеншельд, и на рассказы своей матери Юлии Рамси, урожденной Экстрем.

Хотя жил маленький Хенрик Рамси на Саммонсари в родительском коттедже, остров был дедушкин, капитана Экстрема. Карл Август Экстрем был инженером, участником строительства Сайменского канала, вышедшим в отставку в звании штабс-капитана. Но в Выборге все звали его просто капитаном. Экстрем был ведущей фигурой в выборгской Ассоциации парусного спорта, а также капитаном и владельцем трехмачтового судна «Алина» собственной конструкции. Корабль был назван Экстремом в честь жены Александрины, урожденной Хакман. Они поженились в 1858 году и были очень счастливы, и детей у них было много, а внуков еще больше. Прекрасное описание виллы Экстрема и его большой семьи оставила гостившая на Саммонсари писательница Алек Твиди:

«Ах! Там был дом, намного больший, чем вилла, полностью из дерева, за исключением каменных фундаментов с подвалами. Массивные бревна, из которых он был построен, были выкрашены в белый цвет, так что все выглядело очень солнечно и весело. Деревянная лестница вела к входной двери и к многочисленным верандам, которыми, по финской моде, дом был почти полностью окружен.

Нас ожидал самый теплый прием, как если бы мы были старыми и дорогими друзьями, а не чужаками иностранцами. Наши хозяева, капитан и его Фру, к счастью для нас, отлично говорили по-немецки; действительно, все члены семьи свободно говорили на этом языке, а некоторые могли также говорить по-английски.

Остров [Саммонсари] – это место, где каждое лето собирается большая семья, ведь помимо большого дома, который является своего рода местом свидания для всех, женатые сыновья и замужние дочери имеют свои собственные летние резиденции неподалеку; дом родителей является общей столовой по воскресеньям, а иногда и в другие дни.

Можно ли представить более восхитительный домашний очаг? Умная и интересная во всех отношениях, с продвинутыми идеями и широкими интересами, их семья почти так же космополитична, как семьи в английской, французской и немецкой литературе: пожилые люди, готовые и желающие общаться на любую тему на нескольких языках; дети говорят по-фински со слугами, по-французски с гувернантками и по-шведски с родителями, – это была идеальная семейная жизнь во всех смыслах, и более чем очаровательная для чужестранцев, которым [Саммонсари] открыл свои двери и оказал такой радушный прием. <...>

Но вернемся к первым впечатлениям от нашего загородного дома. Веранды сделаны очень широкими, чтобы поместился обеденный стол, и так как кровля выступает на пару футов за перила, чтобы снег падал зимой на землю, это дает на верандах много тени; тень иногда увеличивается, когда вешают занавески из красно-белого полосатого холста, которые, будучи опущены, образуют что-то вроде маленьких комнат. Это были самые веселые и счастливые угощения, в этом островном доме! Все говорили по-немецки (язык, который мы все знали лучше всего), и разговоры, шутки и веселье никогда не прекращались, пока мы сидели лицом к лицу, с великолепным видом на сосновый лес и воду, в то время как сирень (всего на два месяца позже, чем в Англии) наполняла воздух ароматом, а боярышник предоставлял убежище для бесчисленных птиц, которые постоянно пели. Четырнадцать и даже двадцать человек часто обедали вместе – дочери, сыновья, мужья, жены и дети из других домов часто собирались вокруг отцовского стола».[11]

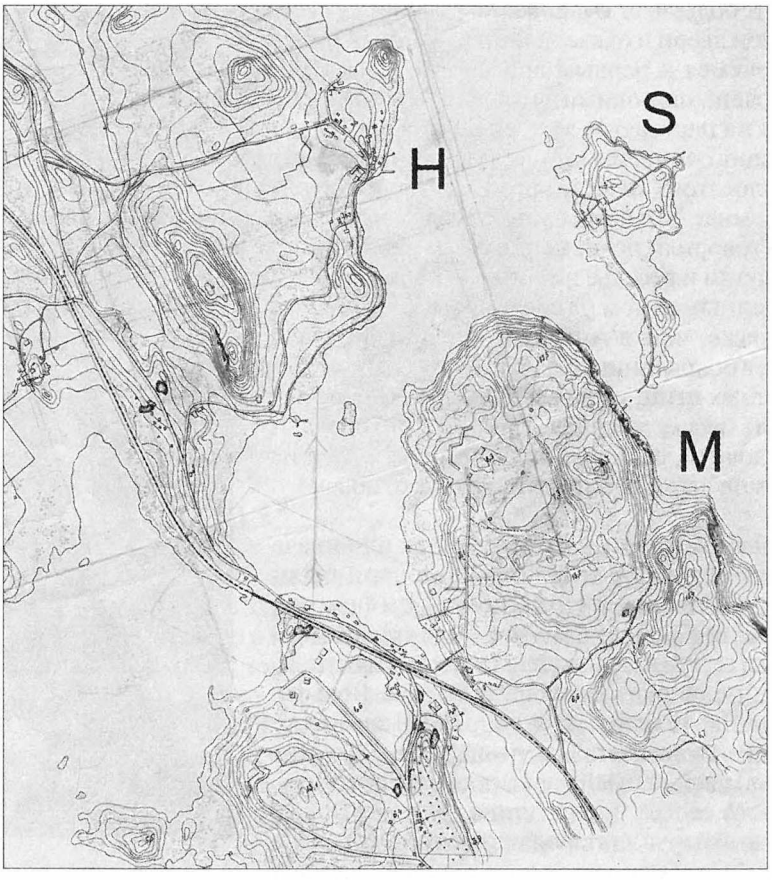
Сыновья Экстрема были связаны так или иначе с торговым домом «Хакман и К°»; дочери были замужем кто за военным, кто за советником финской счетной палаты. Юлию Рамси мы уже упоминали, а ее старшая сестра Адель вышла замуж за известного в Выборге политика и мецената Ойгена Вольфа. С их сыном Чарли маленький Хенрик Рамси вместе оснащали и осваивали в Защитной бухте (Суоменведенпохья) свой первый парусник «Буревестник», для которого сестра Чарли Алина Наталия Вольф сшила первый парус из старой простыни. Эта внучка капитана Экстрема вышла замуж за Вальдемара Бьеркстена, ставшего в 1912 году серебряным чемпионом летних олимпийских игр в Стокгольме на своей яхте «Нина».

Министр социального обеспечения Хенрик Рамси. Фото А. Пиетинена. 1941 год. Из фондов SA-Kuva

[11] *Tweedie E.B.* Through Finland in carts. / By Mrs. Alec Tweedie. London, Edinburgh, Dublin and New York. Thomas Nelson & Sons, [1913]. P. 45–56. Алек Твиди в своей книге называет остров Саммонсари иначе (Илкясари) и нигде не упоминает фимилию Экстрем.

Хенрик Рамси начинал карьеру химиком на Сумском сахарном заводе в Харьковской губернии, а во время Второй мировой войны был министром социального обеспечения и министром иностранных дел Финляндии.[12] В связи с последней должностью Рамси пришлось отбывать после войны тюремное заключение. В тюрьме он и написал свою книгу «Лето и парус», пронизанную не только солнечными воспоминаниями детства, но и горечью утрат:

«Я не хочу обременять ум дальнейшими размышлениями о бухте моего детства, поскольку она сейчас за пределами наших границ, дикая и пустынная, с лесами, опустошенными войной, и с руинами милых сердцу домов. Я хотел бы оставить в памяти Суоменведенпохья таким, каким был этот самый укромный финский залив 50 лет назад: далеким от мировых сражений, солнечным, нежным и сияющим, с камышами у берегов, на которые пароходы посылали свои волны, с баржами, скользящими в направлении канала, и с белыми парусами, мерцающими вокруг Саммонсари, в бухтах Херттуалы и вдали у пролива Пикрукки».[13]



Топографическая карта Линнансари, Сорвали и Хиеталы (фрагмент). Коллекция чертежей инженерного управления Выборгской крепости. Из фондов архива Миккели. H – Херттуала, S – Саммонсари, M – Монрепо

[12] *Meinander H.* Henrik Ramsay (1886–1951) // Biografiskt lexikon för Finland/Svenska litteratursällskapet i Finland. 4. Republiken. M–Ö (2011). URL: http://www.blf.fi

[13] *Ramsay C. H. W.* Sommar och segel. Minnen av Henrik Ramsay. Andra upplagan. Helsingfors. Holger Schildts förlag, 1947. P. 32. P. 27.

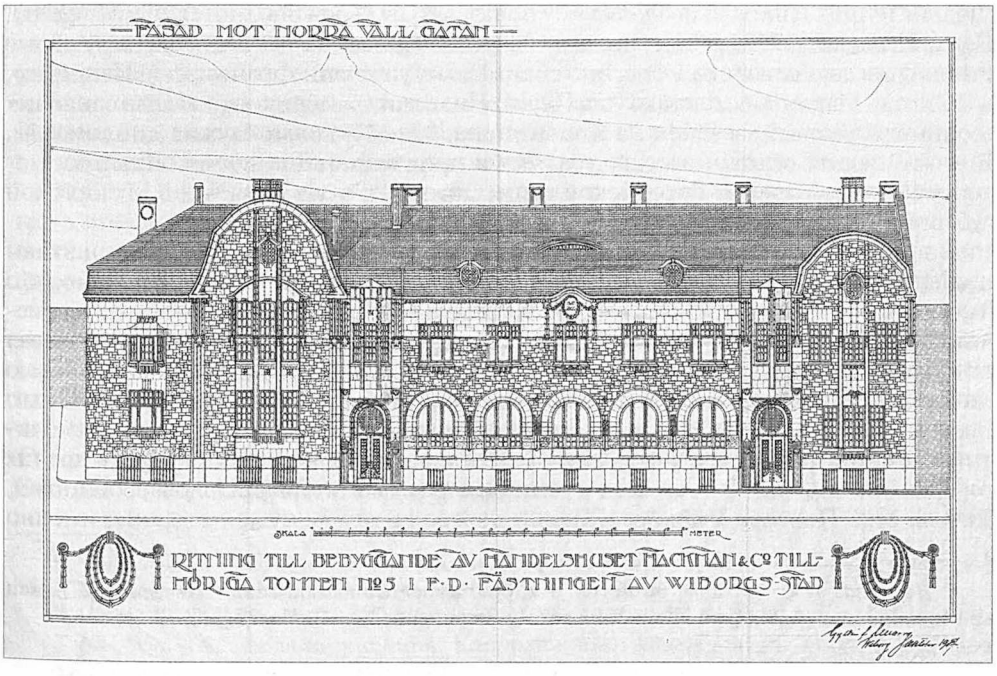
***

Рассказ о Саммонсари был бы неполным без сведений об усадьбах Херттуала и Монрепо, частью которых он изначально являлся. Эти две старинные усадьбы конца XVIII века часто упоминались вместе, а отношения между их хозяевами, семьями Хакманов и Николаи, были по-настоящему соседскими. Разделенные проливом Кивисиллансалми, усадьбы имели и сухопутную межу в несколько десятков шагов на острове Саммонсари. Впрочем, фактически, Хакманы и их наследники Экстремы пользовались всем островом, а дорога к парому на Саммонсари шла через земли Монрепо.

Херттуалой, а также торговым домом «Хакман и К°» в первой половине XIX века владела Мария Элизабет Хакман (1776–1865). Она родилась, как было упомянуто выше, в семье чиновника городской (позднее губернской) администрации Иогана Фридриха Лаубе и Хелены Христины Хавеманн, дочери выборгского купца. Мария была первым ребенком и ей довелось унаследовать семейный бизнес, так как сыновья Лаубе предпочли военную карьеру. В то время семья матери имела значение не меньшее, чем семья отца, поэтому женщины при замужестве зачастую не меняли фамилию. Мария, будучи уже супругой, а затем и вдовой, оставалась для выборжцев Марией фон Лаубе.

Людвиг Генрих фон Николаи (1737–1820) был знаком, прежде всего, с отцом Марии. Они оба были в начале знакомства в чине коллежского советника и были в России эмигрантами. Иоганн Фридрих фон Лаубе перебрался в Выборг из Лейпцига, в котором окончил университет. В то время для молодого образованного немца в России было куда больше шансов на успех, чем у себя на родине, и Лаубе свой шанс не упустил.

Для своей дочери Лаубе подобрал жениха по себе. Бременец Иоганн Фридрих Хакман тоже был в Выборге новичком, приехав сюда из Гамбурга, чтобы привести в порядок счета купца Дикандера. Хакман быстро освоился в Выборге, спустя 20 лет содержал городской клуб и был купцом 1-й гильдии, то есть имел право внешней



Фасад здания торгового дома «Хакман и К°». 1907 год. Из фондов архива Миккели

торговли. К тому же Хакман был арендатором у Лаубе, то есть жил в его доме. Весной 1799 года Мария Элизабет Лаубе и Иоганн Фридрих Хакман вступили в брак, а в декабре того же года болезнь унесла из жизни родителей Марии. Молодые наследуют и городской дом, и Херттуалу, множество лесопилок, канатную фабрику, фабрику цикория и прочая, и прочая.

Хакман погиб в 1807 году при неясных обстоятельствах по дороге в Херттуалу; тело его нашли в реке. По словам Уллы Ийэс, доцента университета Турку, Людвиг Генрих Николаи написал в память о Хакмане стихи.[14] Эти стихи мы пока не нашли, но приведем здесь другие – эпиграмму «Новый дворянин», приложенную среди прочих к берлинскому изданию 1810 года поэмы Л.Г. Николаи «Имение Монрепо в Финляндии. 1804»:

Mein Ahnherr wählte sich zum Wapen dieses Bild.
Du lügst, – zu seiner Bude Schild.

(Мой предок избрал этот рисунок для герба.
Вы заблуждаетесь, – для своей вывески.)

Нет оснований утверждать, что эпиграмма Николаи направлена на кого-то из семьи Хакман. Однако правда, что заветной целью торговцев того времени было получение дворянства. Мария Элизабет была дочерью коллежского советника, но родилась еще до получения отцом этого чина и связанного с ним потомственного дворянства. На ее карете был герб, и она пользовалась печатью своего отца с изображением печи для сушки цикория. Мария Хакман могла и не знать эпиграммы Николаи, но не могла быть незнакома с его позицией. Так или иначе, при очередном ремонте кареты госпожа Хакман велела убрать с нее герб, оставив лишь вензель. Только сын Марии Юхан Фредрик Хакман (1801–1879) получит заветное дворянство, и только в 1874 году, в день своей золотой свадьбы.

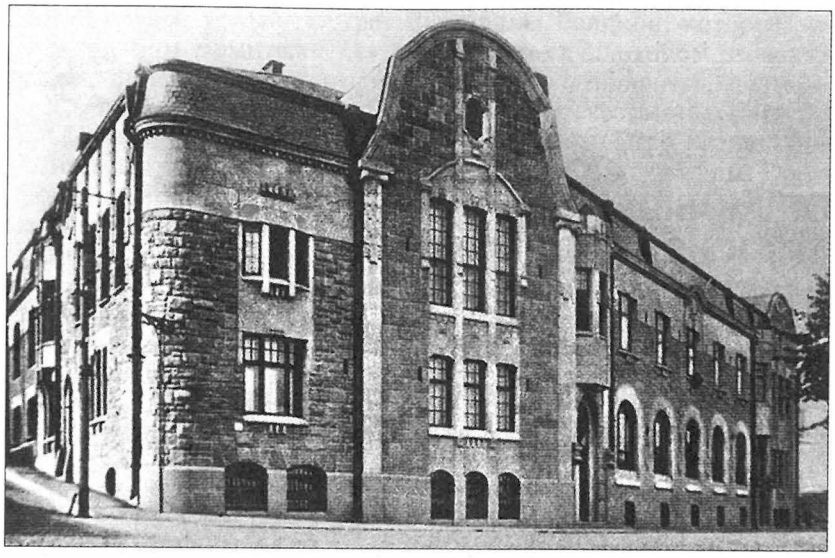
Когда юный Юхан Фредрик Хакман начал получать домашнее образование, Людвиг Генрих Николаи позволял ему пользоваться своей библиотекой в Монрепо. Пауль Николаи (1777–1866), ровесник Марии Элизабет, также поддерживал добрые отношения двух семейств. Особенно сближало их увлечение оранжереей. Например, в 1825 году Мария Хакман заказала Паулю Николаи два абрикосовых, два сливовых и один гранатовый саженец из Копенгагена,[15] где Николаи служил дипломатом. В это же время объединяло две усадьбы и производство цикория. «Военно-статистическое обозрение Российской империи» в 1859 году называет в Выборгской губернии только две фабрики цикория – в Херттуале и в Монрепо.[16]

Вполне вероятно, что производство цикория было совместным предприятием и сбытом продукции обеих фабрик занимались Хакманы. Примечательно, что именно через Выборг цикорий распространился в России. Ростовский купец и краевед Иван Иванович Хранилов, сам проводивший молодые годы в Выборге, писал в 1851 году: «Более половины крестьян Ростовского уезда занимаются обработкою цикория в разных видах. В России занимались ею первоначально в Выборге. Некто Гакман, немец, имел там распашку для цикория и приготовлял из него только молотый кофе, который, набивая в бумажные трубочки, продавал в Петербурге и прочих городах России. <...> В Ростовском уезде был крестьянин Графа Орлова, Золотахин, житель села Поречья Рыбнаго. Живши долгое время на чужой стороне, именно

[14] *Ijäs Ulla*. Talo, kartano, puutarha. Kauppahuoneen omistaja Marie Hackman ja hänen kulutusvalintansa varhaismodernissa Viipurissa // Turun yliopisto. Turku, 2015. P. 70.

[15] Ibid. P. 135.

[16] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 1. Ч. 6. Выборгская губерния. СПб. 1859. С. 32.



«Гранитный замок». Начало XX века. Из собрания А.С. Мысько

в Выборге, он сам сеял цикорий, сам его драл, мыл, рубил, сушил, обжигал, молол и набивал в трубочки у вышепомянутого немца Гакмана. Хорошо понявши ход дела, Золотахин после нашел выгоднее заниматься этим промыслом на своей родине. Проживши лето, по обыкновению отправился он в свое Поречье, захватил с собой фунтов пять семян немецкого цикория и стал обрабатывать его так же, как обделывал в Выборге у Гакмана».[17] Позднее семья Николаи, видимо, уступила фабрику в Монрепо соседям. По крайней мере, в материалах о создании в Монрепо добровольной пожарной команды в 1890-е годы эта фабрика упоминается уже только в связи с Хакманами.[18]

В Херттуале, как и в Монрепо, был пейзажный парк и даже своя вышка «Бельвю» на вершине скалистого холма. Дом Марии Хакман, как предполагали финские историки, был спроектирован жившим в Монрепо Джузеппе Антонио Мартинелли. Правда, этот старый дом сгорел вместе с оранжереей в 1819 году, а новый дом, известный нам по довоенной графике, проектировал, вероятно, Карл Людвиг Энгель.[19]

Усадьба Херттуала почти полностью утрачена, но о семье Хакманов в Выборге напоминает их знаменитый «Гранитный замок» на Подгорной улице, 14. Этот дом был построен по проекту Уно Ульберга и Акселя Гюльдена в 1907–1908 году, когда фирма «Хакман и К°» принадлежала внукам Марии – Вильгельму Хакману и Александрине Экстрем, хозяйке Саммонсари.[20] Внук Александрины Гуннар Экстрем (1897–1972) был шефом главной конторы фирмы «Хакман и К°» в Выборге, его кабинет располагался на первом этаже «Гранитного замка», справа от первой парадной. Внук Гуннара Робин Экстрем, посетивший Монрепо в 2018 году, побудил нас своими воспоминаниями уделить пристальное внимание истории острова Саммонсари и семейств Хакманов и Экстремов. Выражаем господину Робину Экстрему нашу искреннюю благодарность.

---

[17] *Хранилов И.И.* Огородничество в Ростовском уезде // Ярославские губернские ведомости. 1851. Часть неофициальная. № 50. С. 485, 486.

[18] *Mattila V., Tuovinen U., Sepp E.* Monrepoon VPK. 1896–1996. Hämeenlinna. 1996. S. 10, 11.

[19] *Ijäs Ulla.* Talo, kartano, puutarha. Kauppahuoneen omistaja Marie Hackman ja hänen kulutusvalintansa varhaismodernissa Viipurissa // Turun yliopisto. Turku, 2015. P. 128.

[20] Mercator: Zeitschrift för Handel und Gewerbe Finnlands. 1911. Dezember. S. 186–189.

Н.Н. Лисица

ЗАЛОГ ЛЮБВИ. ОБЕЛИСК БРАТЬЕВ БРОГЛИО В МОНРЕПО

Владелец имения Монрепо в Выборге барон Пауль Николаи 19 июля 1827 года писал в Стокгольм: «Дорогой господин Гёте! Я хочу, чтобы сегодняшняя шведская почта принесла Вам сообщение о том, что этим утром мы установили последний камень памятника, который вот уже несколько часов полностью предстает перед моими глазами. Думаю, Вы понимаете, как этим наслаждается моя душа. Я с готовностью открываюсь Вам в своих чувствах в знак того уважения и почитания, которые питаю к Вам за то внимание, с которым следили за выполнением этого сооружения. Скала, на которой он возвышается, вполне достойна этого сооружения, и весь ансамбль производит чудесное воздействие и превосходно украшает наше Монрепо».

В июле 1827 года на Левкадской скале в имении Монрепо был установлен обелиск, созданный по проекту лондонского знакомого Пауля Николаи Чарльза Хиткота Тэйтема (Charles Heathcote Tatham). Нет достоверных сведений, где и как познакомились Пауль Николаи и Тэйтем. Пауль служил в Лондоне, в русском посольстве, дважды посещал столицу Великобритании во время образовательных поездок с великими князьями – Николаем Павловичем и Михаилом Павловичем. Тэйтем создал для Монрепо еще один объект – капеллу Людвигсбург на острове Людвигштайн. Сам мастер назвал ее «Башня, ныне сооруженная на скале, в Монрепо, имении барона Николаи в России». Чертежи «Башни» он представил на выставке в Королевской Академии в Лондоне в 1826 году. Чертежи по обелиску были также представлены на выставке в Королевской Академии в Лондоне в 1829 году. В России и в Выборге Тэйтем не бывал никогда.

А осуществили проект Тэйтема в Стокгольме, в мастерской скульптора Эрика Гёте. По предложению президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина в 1823 году Гёте был принят в почетные вольные общники. Рассказывая об этом событии, конференц-секретарь Академии писал, что «г.[осподин] Гете почитается в числе лучших скульпторов в Европе. Академия, присоединив его к числу своих сочленов, приобрела в нем художника отличного».

Звание это присуждалось в XVIII и XIX веках за выдающиеся заслуги в области искусства художникам, скульпторам, архитекторам и граверам, историкам и теоретикам искусства, художественным критикам и коллекционерам, как российским, так и зарубежным. Среди почетных вольных общников были: Бартоломео Растрелли, Карл Росси, Этьен Фальконе, Василий Жуковский, Огюст Монферран.

Среди работ Эрика Гёте в России наиболее известна «Вакханка» 1827 года, которая находится в Новом Эрмитаже на парадной лестнице.

Известен скульптурный портрет Екатерины Великой, который находится в Государственном Эрмитаже. Он был создан скульптором по заказу Петра Васильевича Мятлева, известного петербургского коллекционера, сенатора, тайного советника. О получении этой скульптуры писал в «Отечественных записках» Павел Петрович Свиньин: «Известный любитель художеств Петр Васильевич Мятлев получил, наконец, из Стокгольма мраморную статую Императрицы Екатерины II, заказанную им г.[осподину] Гёте. Отдавая должную справедливость намерению Русского Вельможи дать занятие художнику, почитающемуся из первоклассных современных скульпторов, признаюсь, однако, что произведение его не сделало на меня впечатления, которого должно бы было ожидать по славе Гёте и по предмету изваяния. Царица спокойно сидит в креслах, в одной руке у нее земной глобус с миртовою ветвью, а в другой свиток законов; голова покрыта лавровым венком и обращена несколько влево. Думаю, что соблюдено большое сходство в лице, ибо за оным особенно наблюдал известный современник, пламенный чтитель Императрицы Генерал фон-Сухтелен,[1] который, говорят, ежедневно посещал мастерскую художника и не выходил из нее, не поцеловав руку великой Жены!».[2]

П.В. Мятлев в 1825 году получил из Стокгольма заказанную скульптуру, которая украсила дом Мятлевых на Исаакиевской площади, 9. Более ста лет статуя Екатерины находилась в доме Мятлевых. После революции, 10 декабря 1920 года, статуя была передана в Эрмитаж.

Из работ Гёте стоит вспомнить и скульптурный портрет Ивана Петровича Мартоса, прославленного российского скульптора. Статуя находилась в музее Академии художеств, а с 1925 года – в Русском музее.

Для Монрепо по заказу Пауля Николаи Гёте создал парный скульптурный портрет Пауля Николаи и Александрины-Симплиции (копия бюста Александрины выполнена в 2019 году в мастерской Государственного Эрмитажа для будущей экспозиции усадебного дома Монрепо, а судьба бюста Пауля Николаи неизвестна).

Обелиск, заказанный Паулем Николаи, сделан из шведского серо-зеленого мрамора, с которым Пауль Николаи познакомился в 1827 году во время своей поездки из Копенгагена через Швецию в Монрепо. Его еще называют мрамор Кольморден, это название связано с местом добычи в 100 км к юго-западу от Стокгольма у Кольмордена.[3]

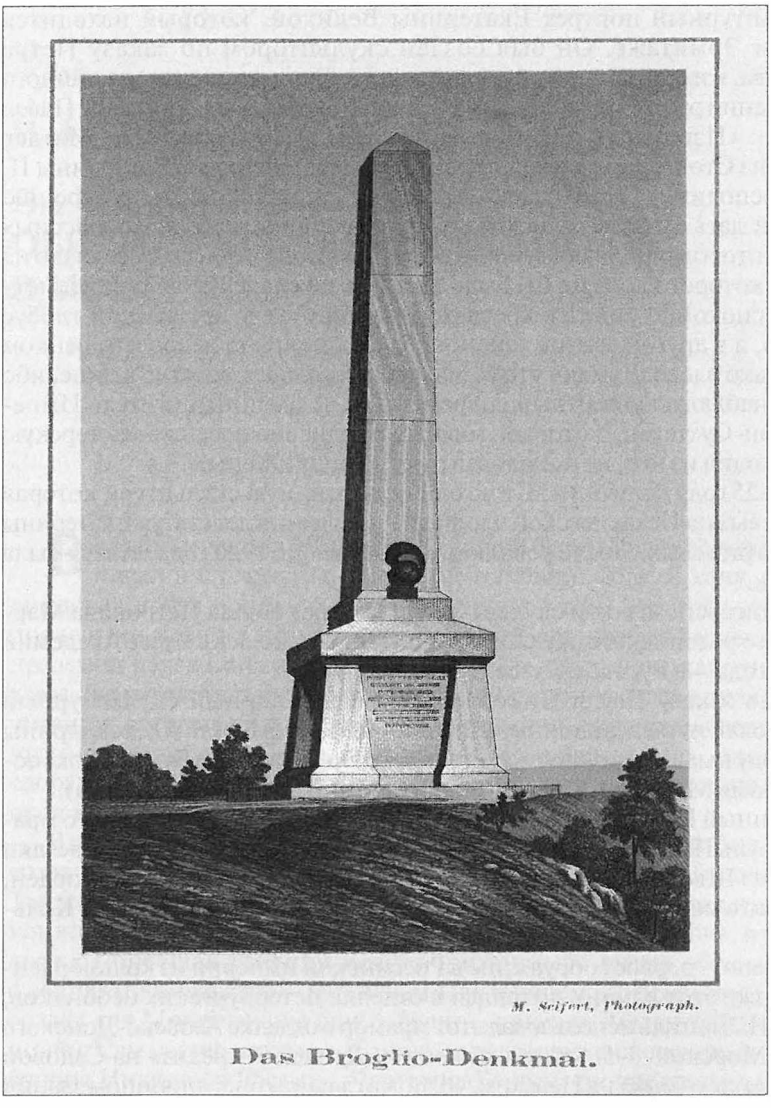
Обелиск в Монрепо – первое сооружение в Российской империи из кольморденского мрамора. Позже этот камень появился в отделке петербургских особняков, отелей и банков. Ф.И. Лидваль использовал этот мрамор в отделке Азовско-Донского банка на Большой Морской, 3-5; здания общества «Дешевый кредит» на Садовой улице; здания Сибирского банка на Невском, 44; пол в главном операционном здании и лестница с первого на второй этаж в гостинице «Европейская» – тоже из этого мрамора. С 2018 года Международный союз геологических наук включил мрамор Кольморден в список уникальных декоративно-поделочных и строительных пород.

Доставляли обелиск рабочие из мастерской скульптора Гёте морем в разобранном виде, они же монтировали Обелиск в Монрепо. Однако при установке он получил повреждения. Например, в том же письме от 19 июля 1827 года Пауль Николаи пишет: «У камня <...> был отколот один из углов в тот момент, когда его устанавливали, потому что при погрузке забыли проделать отверстие посередине, чтобы закрепить там кольцо. Конечно, это было большим упущением, результатом чего

[1] Петр Корнильевич Сухтелен (1751–1836) в тот период – русский посол в Стокгольме.

[2] Отечественные записки. 1825. Т. XXIV. С. 457.

[3] Кольморден – географическая местность в Швеции; так же называется длинный скалистый хребет, разделяющий шведские провинции Сёдерманланд и Эстергётланд; так же называется и месторождение мрамора.



М. Зейферт. Обелиск братьев Броглио. Фотолитография. Из фондов Музейного ведомства Финляндии

стало то, что один из углов отвалился, и пришлось его приклеивать составом, который я совсем не считаю чудодейственным, чтобы через несколько лет этот злосчастный кусок не отвалился вновь. Еще пришлось подкладывать под два угла третьего камня маленькие кусочки железа, чтобы таким образом укрепить и соединить их...».[4]

Обелиск посвящен памяти Огюста-Сезара и Шарля-Франсуа де Броглио. Кто они, братья Броглио, и какое отношение имеют к Монрепо, к семье Николаи?

Великая французская революция сделала изгнанниками многих французских аристократов. Благополучно успели покинуть Францию, избежав казни, принц Конде, брат короля граф д'Артуа и маршал короля Людовика XVI – герцог Виктор-Франсуа де Броглио. Он уезжал с сыном, невесткой и четырьмя внуками. Первые месяцы эмиграции прошли довольно спокойно. Но потом начались странствия: из Люксембурга семья уехала в Германию, кочевали то в Дюссельдорф, то в Швельм.

[4] Письмо Пауля Николаи Эриху Гёте. Из Архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо».

К 1792 году закончились деньги. Пришлось дешево продавать украшения, кружева, экипажи. В расчетной книге невестки герцога Броглио появляются записи: «1 июня 1793 года заложена пара сережек и подвеска за 3125 ливров; в августе 1795 года проданы бриллианты; цепочка с бриллиантом за 2000 ливров; часы за 1600 ливров. 1 апреля 1797 года проданы 2 золотые шкатулки с голубой эмалью, шкатулка для румян и табакерка. 20 июля Моисею Самюэлю де Логенбергу продана пуговица для воротника».[5] Пришлось отказаться от прислуги. Семье верно и преданно служила одна-единственная помощница – Виктория Нублак.

И вдруг – приглашение в Петербург. Павел I, став императором, приглашает семью маршала в Россию. В Петербурге ему была организована торжественная встреча: почти в день своего 79-летия – 26 октября 1797 года – он получил из рук Павла I погоны генерал-фельдмаршала российской армии. Маршал де Броглио возглавил так называемую «Армию братьев короля» из 15 тысяч человек. Маршал Франции, генерал-фельдмаршал России Виктор-Франсуа де Броглио, еще пылко надеялся на то, что Россия поможет восстановить монархию во Франции. Но Франция далеко, а Павел I, да и другие европейские монархи, не торопились восстанавливать династию Бурбонов на троне вооруженной рукой. Сам де Броглио постепенно терял авторитет в эмигрантских кругах. В армии он только числился, вооруженной поддержки у него не было. В 1799 году он попросил у российского императора отставки, перебрался поближе к французским границам, в Германию, в Мюнстер, где и умер в 1804 году в возрасте 86 лет. Его вдова попыталась получить от Российского двора фельдмаршальскую пенсию, но ей было отказано.

При покровительстве императора Павла I пятнадцатилетний Огюст-Сезар был зачислен в офицеры гвардии в сентябре 1798 года. По совету господина Бенкендорфа 13-летний Альфонс-Октав и девятилетний Шарль-Франсуа были определены учиться в Сухопутный шляхетский корпус, готовивший гвардейских офицеров. О князьях Броглио писал в своих воспоминаниях Фаддей Булгарин: «Я познакомился с кадетами, двумя князьями Броглио и с сыном Клингера, Александром. С меньшим Броглио и Сашей Клингером я был даже дружен. Первые два были эмигранты, юноши, получившие хорошее первоначальное домашнее образование, а Саша Клингер, сын нашего директора, был ангел душою и лицом. Сколько приятных минут провели мы вместе с Сашей Клингером и меньшим Броглио, мечтая о будущем! У Лантинга видывал я часто старшего брата Броглио, уже поручика в Преображенском полку, и барона Ивана Ивановича Дибича, также офицера в Семеновском полку. Оба они приходили в корпус чертить планы, под руководством нашего учителя, полковника Черкасова, и учиться русскому языку на дому у Лантинга. Старший князь Броглио убит под Аустерлицем, меньший Броглио и Саша Клингер (бывший также офицером Семеновского полка) убиты в русских рядах, в Отечественную войну. Среднего князя Броглио я видал в Варшаве при возвращении его в отечество, во Францию, в 1816 году. Все они были люди отличные, с умом, с душою, с дарованиями. Обхождение с этими отличными молодыми людьми имело на меня сильное влияние».[6]

Императрица Мария Федоровна, благоволившая к несчастным эмигрантам, определила юную Александрину-Симплицию в пансион благородных девиц, поближе к братьям, а матери ее выделила квартиру в том же доме, где жила дочь. При выпуске из пансиона Александрина получила шифр – вензель в виде инициала царствующей императрицы, который носили на белом банте с золотыми полосками, что было почетно для воспитанниц Смольного. А 14 февраля 1811 года

[5] Из Архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо».
[6] *Булгарин Ф.* Воспоминания. М. 2001. С. 135–136.

Портреты Огюста-Сезара де Броглио (слева) и Шарля-Франсуа де Броглио. Автор неизвестен. Музейное ведомство Финляндии

23-летняя Александрина Симплиция стала супругой 34-летнего дипломата барона Пауля Николаи.

Ее братья – Огюст-Сезар, Альфонс-Октав и Шарль-Франсуа – в чине поручиков были зачислены на службу в лейб-гвардии Семеновский и лейб-гвардии Преображенский полки. Братья Броглио, став офицерами этих легендарных российских полков, попали на войну с наполеоновской Францией. Это была для них не война против своей Родины, а война против узурпатора, который лишил их Родины.

2 декабря 1805 года, у деревни Аустерлиц, в одной из самых грандиозных битв во всемирной истории, погиб 22-летний поручик лейб-гвардии Преображенского полка Огюст-Сезар де Броглио. Людвиг Николаи писал в Лондон своему сыну Паулю в январе 1806 года: «Ты вряд ли можешь представить себе состояние принцессы Ревель. Она потеряла под Аустерлицем своего Августа, своего старшего сына. Ей все еще казалось, что он, как и многие, которых считали погибшими, вернется назад, и при подтверждении печальной вести ее горе стало таким же сильным, как в первый момент. Шарль, старавшийся утешить свою мать, сказал ей в частности: "Не лучше ли, что мы потеряли нашего Огюста, а не нашего императора, который подвергался такой же опасности?"»

Спустя восемь лет горе вновь пришло в семью Броглио-Николаи: в Богемии, близ местечка Кульм, в возрасте 24 лет погиб поручик Семеновского полка князь Шарль-Франсуа-Ладислас де Броглио. Шарль-Франсуа родился 18 октября 1788 года в Париже. Названный вначале Ладисласом, а позднее Шарлем, в память о брате, умершем в 1793 году, в возрасте десяти лет он поступает в кадетский корпус в Петербурге. Учебу закончил в 1808 году и определился в полк своего брата Октава.

О братьях Броглио писал Семену Романовичу Воронцову из Петербурга в мае 1810 года Пауль Николаи: «Старший, носивший уже звание гвардии лейтенанта Преображенского полка, смело сражался и принял достойную смерть при сражении под Аустерлицем. Второй (Альфонс-Октав) начал также славно свою карьеру, приняв участие в последней войне в Польше, но пострадал меньше, чем его бедный брат, получив ранение, от коего быстро оправился. Он только что был произведен в капитан-лейтенанты Семеновского полка, а его младший брат служит там подпоручиком. Оба смелые и чудные молодые люди, любимые и уважаемые своими собратьями».[7]

Пауль Николаи принимал участие в военной судьбе своего юного родственника. Вот что писал он из Стокгольма 2 марта 1812 года графу Воронцову: «Последние дни я был на грани обращения к Михаилу[8] с просьбой оказать важную услугу, от коей зависит будущее моего младшего деверя. Он лейтенант Семеновского гвардейского полка. Их полковник, барон Крюденер,[9] во многих отношениях прекрасный человек, позволяет себе частенько, не имея хорошего воспитания, пользоваться во время военной подготовки неудобоваримым языком. Мой деверь, коего мы по-настоящему любим, очень хороший, добрый мальчик, наделенный очаровательным характером, веселый, открытый, честный и правдивый; однако, сверх того в нем горит огонь, характерный для молодого человека 22-х лет. В прошлом году ему случилось уже получить резкий выговор от своего полковника в такой манере, что его еле-еле успокоили. Совсем недавно его старший брат сообщает мне, что состоялся новый выговор, и он боится, как бы наш славный Чарльз не возразил бы ему в неприемлемой для службы манере; что нет иного способа спасти нашего родного Чарльза, как только удалив его из полка; что наиболее полезным для него было бы назначить его адъютантом при генерале... Посему, милостивый господин граф, я тотчас написал моему старому другу и нижайше просил вызвать его к себе либо в качестве адъютанта, либо под любым другим предлогом».[10] Увы, передвижение по службе не состоялось по неизвестной причине. Князь Броглио участвовал в заграничных походах русской армии, бок о бок со старшим братом Октавом, и погиб 17 августа 1813 года.

О гибели Шарля при Кульме писал будущий декабрист Матвей Муравьев-Апостол: «Узнав о смерти брата, князь Броглио заперся у себя в палатке. 18 августа рано утром товарищи пришли навестить его и увидели князя в палатке спящего возле убитого брата. Ночью князь Броглио, терзаемый мыслью, что тело брата его брошено на съеденье зверей, отправился отыскивать убитого брата. Для него самого было непонятно, каким образом он мог его отыскать: ночи в последних числах августа темны, наши батальоны в продолженье Кульмского сражения ходили несколько раз в штыки...».[11]

А через полгода и Муравьев-Апостол, и князь де Броглио вместе вошли в столицу Франции – Париж.

---

[7] Письма барона Павла Андреевича Николаи к графу Семену Романовичу Воронцову. Из архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо». 2017. С. 146.

[8] Речь идет о графе Михаиле Семеновиче Воронцове, который в 1812 году командовал Сводной гренадерской дивизией в составе 2-й Западной армии под командованием П.И. Багратиона.

[9] Крюденер Карл Антонович – генерал-майор, командир лейб-гвардии Семёновского полка.

[10] Письма барона Павла Андреевича Николаи к графу Семену Романовичу Воронцову. Из архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо». 2017. С. 157.

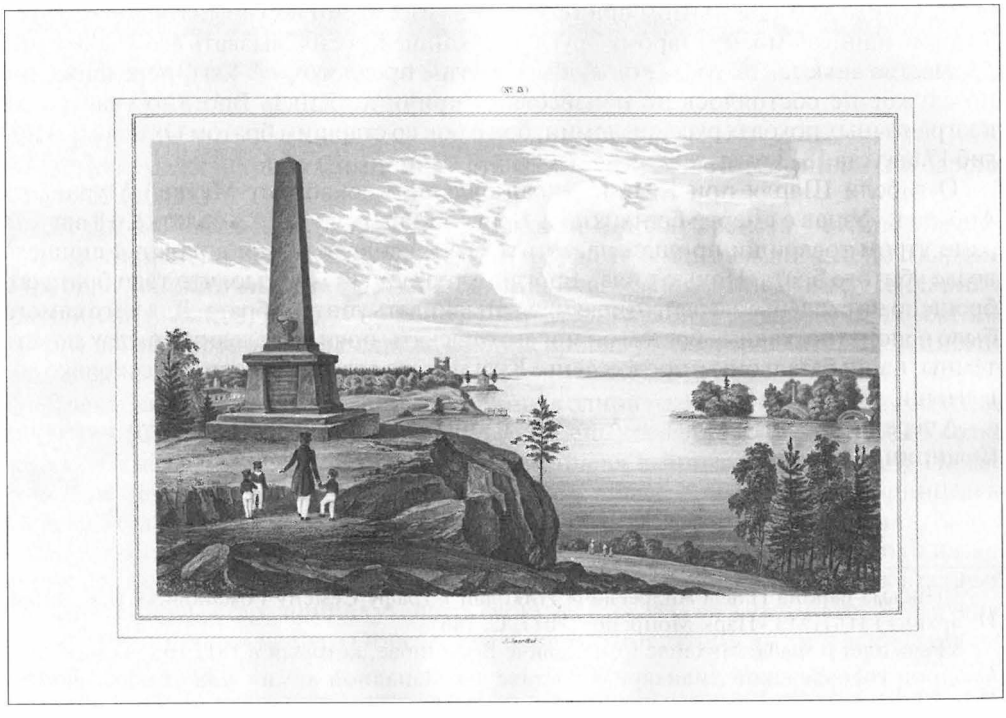
[11] *Муравьев-Апостол М.И.* Воспоминания и письма. Петроград, 1922. С. 414.

Младший князь Броглио был похоронен неподалеку от города Теплиц (Богемия). На его могиле товарищи написали: «От офицеров Семеновского полка в память о товарищах графе де Мортрее и лейтенанте князе де Брольи».

В Галерее воинской славы Храма Христа Спасителя 42-я стена посвящена сражениям при Теплице, Гисгюбели, Геллендорфе, Цегисте и Кульме 17–29 и 18–30 августа 1813 года. Читаешь список полков – участников великого сражения и вдруг – «УБИТЫ: Л.-Гв. Преображенского полка – Прапорщик Ушаков 2-й; Л.-Гв. Семеновского полка – Полковник Яфимович 1-й, Капитан Демотре, Поручики: Князь де-Броглио-Ревель и Чичерин...».

А в имении Монрепо уже 193 года напоминает о российском офицере Шарле-Франсуа-Ладисласе де Броглио обелиск, установленный бароном Паулем Николаи в июле 1827 года. В ниши постамента Обелиска вставлены мраморные плиты с надписями на латинском языке. Обелиск в Монрепо именно из-за своих высеченных текстов является исключительно интересным.

Что же написано на плитах Обелиска? Один из путешественников писал в своих заметках о посещении имения Монрепо: «В парке несколько памятников. Один из них свидетельствует о порядке приобретения Монрепо.[12] Другой памятник воздвигнут в честь зятьев владельца Монрепо, эмигрантов Брольи, павших в битве при Аустерлице, и гласит так: “Покинувшим Францию и изгнанным яростью бунтовщиков и принятых с отеческой любовью российским императором; сражавшимся против врага человечества и на глазах августейшего императора Александра I геройской смертью, заплатившим долг свой и родной земле, и усыновившему Отечеству и законному королю”».[13]



Л.-Ж. Жакотте. Обелиск братьев Броглио. Из книги «Das Handgut Monrepos in Finnland». 1804 год

[12] Речь идет о «Колонне двух императоров» в Монрепо.
[13] Из архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо».

Сохранилось еще одно письмо путешественника, посетившего Монрепо в июле 1870 года. «Дрогнуло бы твое сердце и смутился бы ты духом, если бы ты мог услышать, как я коверкал язык Цицерона, читая вслух надписи, вырезанные на пьедестале обелиска; ничего толком не понял я, и только благодаря русской смекалке догадался, что обелиск этот сооружен бароном Николаи в воспоминание Отечественной войны 12-го года вообще и братьев князей Броглио в особенности. Но думали ли когда-нибудь семеновцы и преображенцы, дравшиеся молодецки с двадесятью языками, что их полки назовут преторианскими когортами! А так оно выходит, потому что на мёртвом языке, несмотря на его богатство, не выразить многих современных понятий и представлений».[14]

На этом можно было бы и завершить рассказ о братьях Броглио об обелиске в парке Монрепо. Но был еще и третий брат Броглио. Он-то и продолжил военную династию – Альфонс-Габриэль-Октав. Ему было 13 лет, когда семья прибыла из Риги в Петербург. По окончании Сухопутного шляхетского корпуса стал поручиком лейб-гвардии Семеновского полка. С братом Огюстом-Сезаром сражался при Аустерлице. При Фридланде получил ранение в ногу, лечился от раны в госпитале в Митаве, где за ним ухаживала герцогиня Ангулемская (Мария Тереза Шарлотта – герцогиня Ангулемская – старшая дочь несчастного короля Людовика XVI и Марии Антуанетты. Она практически всю юность провела в заключении, в тюрьме Тампль. Вышла на свободу в возрасте 17 лет. И сразу же покинула Францию – таково было условие ее освобождения. Дочь короля уехала к своему дяде – графу Прованскому, брату короля Людовика XVI, будущему королю Людовику XVIII – проживавшему в Митаве. Там и вышла замуж за герцога Ангулемского, своего кузена).[15]

Альфонс-Габриэль-Октав, или Гавриил Евстафьевич, как его называли в России, в сражении при Бородино командовал ротой в чине штабс-капитана. Был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» и произведен в звание полковника. Храбрый офицер, он участвовал во всех значительных сражениях наполеоновских войн: Бородино и Малоярославец, Тарутино и Лейпциг. За битву при Кульме, где погиб младший брат Шарль-Франсуа, князь Альфонс-Октав де Броглио награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Имя его начертано на стене храма Христа Спасителя в Москве (стена 44-я «Сражения при Теплице, Гисгюбели, Геллендорфе, Цегисте и Кульме 17–29 и 18–30 августа 1813 г.»). Нижний коридор Храма Христа Спасителя, предназначенный для крестного хода, служит памятником героических событий наполеоновских войн. На белых мраморных досках помещены описания 71 сражения российской армии.

30 марта 1814 года полковник Альфонс-Октав де Броглио с русскими войсками вошел в Париж, где его встретила старая тетушка, сестра отца. Прежде чем вернуться в Петербург, Альфонс-Октав едет в Англию, где в то время проживает его сестра, Александрина, с супругом Паулем Николаи, который служит в дипломатической миссии в Лондоне. Он попадает на семейное торжество – 14 июня 1814 года в семье Николаи родилась дочь Александрина.

Завершил Октав свою карьеру в русской армии службой в корпусе Барклая-де-Толли. Очень непросто ему было расстаться и со своей второй Родиной, и с товарищами по оружию, и с императором, которому он достойно служил. Пауль Николаи писал графу Воронцову: «Император согласовал просьбу моего шурина о прекращении службы в такой манере, что расставание последнему показалось более тяжким, чем он себе это воображал. Его Величество император отдал должное тем

[14] Из архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо».

[15] Герцог Ангулемский – Людовик (Луи-Антуан) сын графа Шарля д'Артуа, будущего короля Карла X, и Марии-Терезы Савойской, племянник Людовика XVI. В 1830 году в течение нескольких минут номинально «царствовал» как «Людовик XIX» (фр. Louis XIX).

чувствам, кои связывали сего славного Октава с его персоной и с Россией, и в конце концов подчеркнул, что если с Францией произойдет какое-нибудь несчастье, мой шурин сможет точно найти здесь все, что он покидает».[16]

Альфонс-Октав с матушкой покинул Петербург на фрегате, который вез в Голландию приданое великой княжны Анны Павловны, дочери Павла I, которая была выдана замуж за Виллема, сына и наследника короля Нидерландов.

Король Людовик XVIII с радостью принял наследника славной фамилии де Броглио. Альфонсу-Октаву было присвоено звание маршала. В отставку он вышел с поста начальника военной школы Сен-Сир. Эта особая военная школа в пригороде Парижа готовит кадры для французской армии и жандармерии. Девиз школы – «Учатся, дабы побеждать». Среди выпускников Сен-Сира 11 маршалов Франции, шесть членов Французской академии, три главы государства (в том числе Анри-Филипп Петен и Шарль де Голль) и убийца Пушкина – Жорж Дантес.

Получив отставку, Октав уезжает в родовой замок Saint-Georges d'Aulnay в Нормандии. Но в России он еще побывал: со своим сыном Раймоном в 1853 году Альфонс-Октав посещает имение Монрепо в Выборге, где похоронена его сестра, Александрина-Симплиция. А на обратном пути остановился в Чехии, чтобы помолиться на могиле своего брата, погибшего в сражении при Кульме в 1813 году.

P.S.

На южной стороне Обелиска на мраморной плите сохранилась надпись на латыни Amoris pignus – залог любви. Этот памятник, действительно, стал залогом любви Пауля Николаи к людям, которых он любил, которых потерял, и память о которых хотел сохранить для потомков.

Литература

Булах А.Г., Ветрова М.Н., Зайцева Е.О. Изящество и красота – финский и шведский камень в архитектуре Санкт-Петербурга эпохи модерна // Модерн в России. Накануне перемен. Материалы XXIII Царскосельской научной конференции. СПб. 2017. С. 88–90.

Мошник Ю., Ефимов М. Монрепо от А до Я. Выборг: ГБУК ЛО ГИАПМЗ «Парк Монрепо». 2016. С. 148–151.

Письма барона Павла Андреевича Николаи к графу Семену Романовичу Воронцову. Архив ГИАПМЗ «Парк Монрепо».

Письма Л.Г.Николаи и И.М. Поггенполь к П.Николаи. Архив ГИАПМЗ «Парк Монрепо».

Millroth T. Eric Gustaf Göthe. Kungl. Statybidhuggareoch Professor. Stocholm. 1975. (*Милродт Томаш.* Эрик Густав Гёте – скульптор королевского двора. Перевод О. Прудниковой).

[16] Письма барона Павла Андреевича Николаи к графу Семену Романовичу Воронцову. 2017. С. 166. Из архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо».

А.С. Салманов

М. ЗЕЙФЕРТ И Я. ИНДУРСКИЙ – САМЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ ВЫБОРГСКИЕ ФОТОГРАФЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В о второй половине XIX века в Выборге плодотворно работали мастера фотографии Якоб Индурский и Михаил Зейферт, сумевшие сделать уникальные фотографии Выборга и усадьбы Монрепо.

Якоб Индурский (1839–1912), один из самых известных выборгских фотографов своего времени, был родом из Литвы. С 1860-х годов стал заниматься фотосъемкой и прошел путь от неопытного новичка до серьезного профессионала, сумевшего получить признание императорской семьи Романовых.

Для будущей успешной карьеры фотографа Индурскому помог опыт, полученный им в «берлинском фотоклубе» (Photographischer Verein zu Berlin) под председательством известного немецкого фотографа и ученого Германа Вильгельма Фогеля. Участники фотоклуба обменивались знаниями, проводили лекции и дискуссии, собирали библиотеку фотографических изданий и коллекцию фотоснимков, выпускали клубные журналы и организовывали фотовыставки.

Благодаря этому Индурский принимал участие в международной фотовыставке в Берлине в 1865 году, где его лучшие фоторабоы и его фотографический талант был отмечены и высоко оценены памятной медалью (знаком).

Переехав в Выборг в 1868 году, на первом этапе фотографической деятельности Индурский сотрудничал с полицейским управлением, его приглашали для фотосъемки преступных элементов.

В дальнейшем в его творчестве появятся интересные выборгские пейзажи и портреты студийного жанра, с декорациями и постановками. В поисках наиболее эффективного использования своих возможностей Индурский акцентирует внимание на тех или иных чертах характера, подчеркивая человеческую индивидуальность. В то время существовали особые клише при съемке портрета – правила и рекомендации, по которым строилось изображение. Например, портрет в профиль означал созерцательный, спокойный характер; изображение в анфас подразумевало достоинство и твердость, поворот на три четверти – грациозность и изящество. Портрет в полный рост в середине XIX века вызывал аналогию с живописным парадным портретом аристократии. В 1870-е годы портретная съемка была доступна далеко немногим, только человек с хорошим материальным достатком мог позволить себе заказать портрет в фотоателье, подчеркивая этим свой социальный статус.

При поддержке местных властей в 1870 году состоялось открытие фотосалона Индурского в центральной части города по адресу улица Железной дороги д. № 6, на тот период – самое масштабное и популярное фотоателье в Выборге, где предлагался перечень различных фотоуслуг: портретная, групповая, свадебная, а со временем и детская фотосъемка, а также ретушь, копирование и увеличение формата

Альбом Я. Индурского. 1873 год. Фотокопия из собрания ГИАПМЗ «Парк Монрепо»

фотокарточек. Индурский как многожанровый и разносторонний мастер наладил выпуск именных фотокарточек «паспарту» со своими инициалами, на которых отображались все его фотозаслуги и награды. Он стал издавать «визитные карточки» и «почтовые открытки», а также систематически публиковал объявления в выборгских газетах, рекламируя свое ателье и создавая базу своих клиентов.

В Санкт-Петербурге в 1873 году в качестве подарка императору Александру II в мастерской Иогана Людвига Вейдле был издан фотоальбом Индурского «Город Выборг и его окрестности», включающий 24 изображения. Более половины альбома составляют фоторепродукции акварелей и гравюр художников Кристенсена и Жакотте с видами Монрепо.[1] Важно подчеркнуть, что фоторепродуцирование – это изображение живописных и графических работ художников, воспроизведенное посредством печати. Что касается альбома, то в него были включены разнообразные и оригинальные фотокадры: канатная дорога над водопадом в Иматре, Сайменский канал и три уникальных зимних фотоснимка Выборга – «Городская панорама», «Вид на Выборгский форштадт» и первое здание Выборгского железнодорожного вокзала 1869 года постройки. Фотосъемка зимних видов производилась с колокольни Ильинской церкви, расположенной недалеко от его фотоателье.

Зимние пейзажи в то время были единичны из-за особенностей использования в фотосъемке «мокроколлодионного процесса», так как при отрицательной температуре воздуха происходили изменения свойств раствора, который наносился на светочувствительную пластину, в результате фотосъемку вне помещений можно было производить только при плюсовой температуре.

[1] *Шпетерман В.* Фотография в Монрепо. 1870–1930-е годы / Монрепо. Альманах. СПб. 2004.

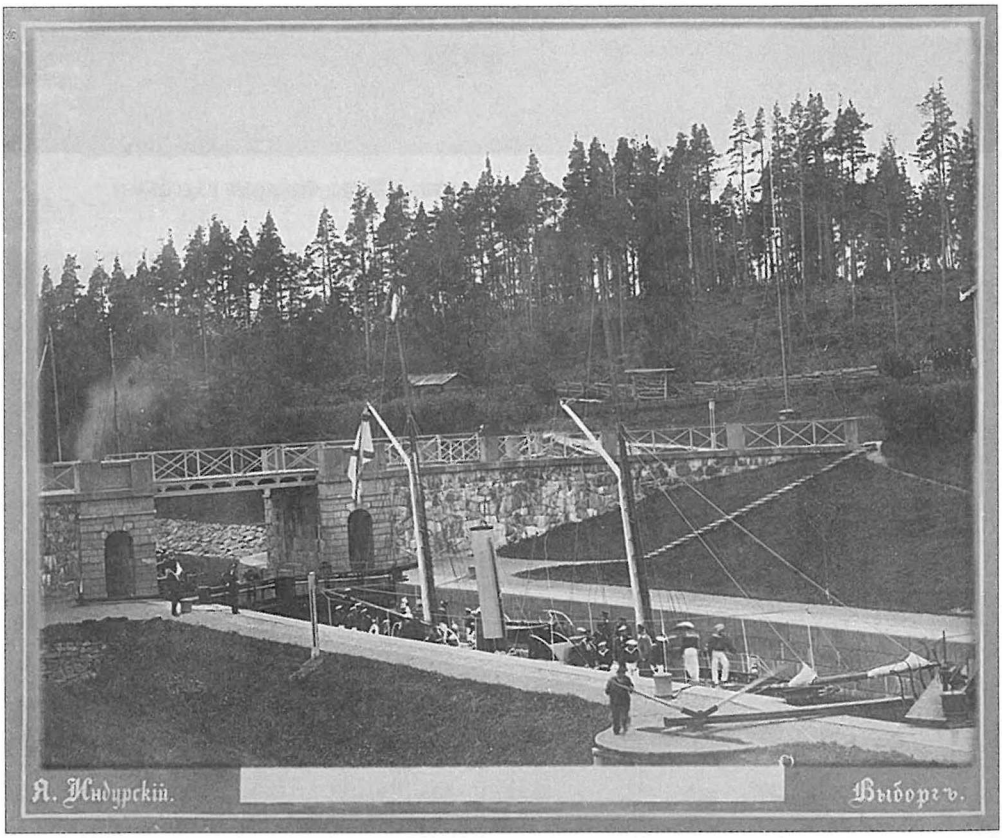
Я. Индурский. Один из элементов панорамы Выборга. 1872 год. Фотокопия из собрания ГИАПМЗ «Парк Монрепо»

Я. Индурский. Первое здание Выборгского железнодорожного вокзала. 1872 год. Фотокопия из собрания ГИАПМЗ «Парк Монрепо»

Многие фотографы в XIX веке ради удачных кадров поднимались на возвышенности, используя их как видовые точки для фотосъемки. Так, у Индурского появилась очередная панорама Выборга с видом на Соборную и Театральную площади, снятая со Спасо-Преображенского собора.

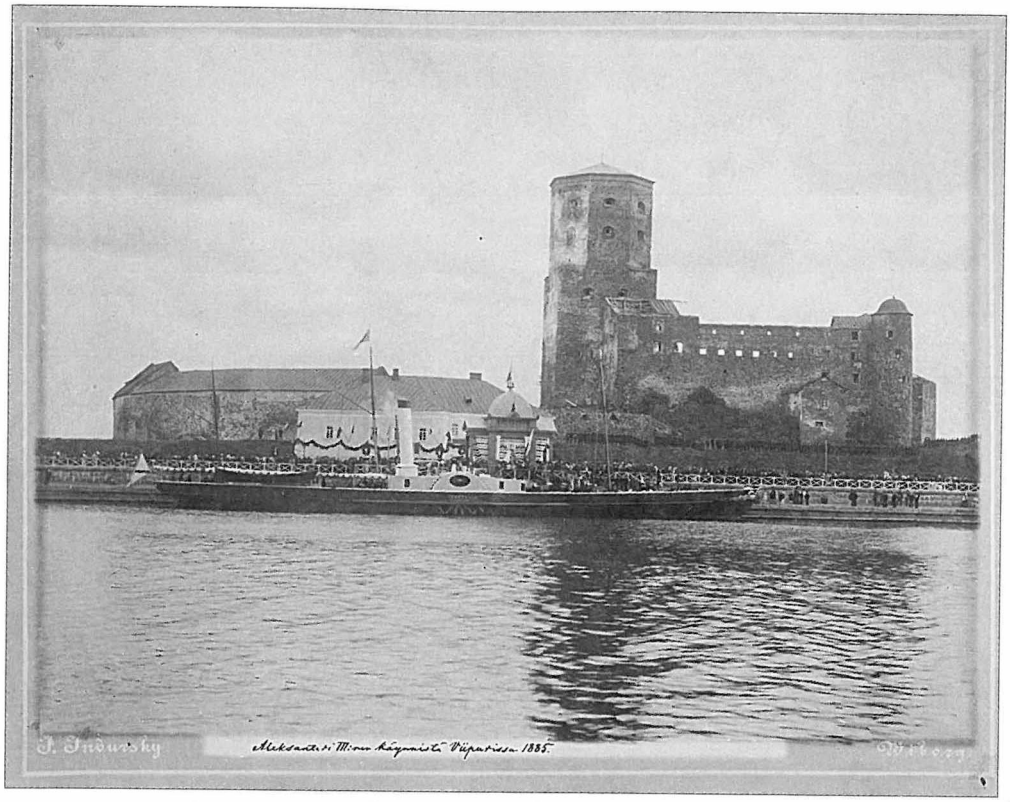
В начале августа 1885 года Индурскому было дано важное поручение – сопровождать императора Александра III во время его визита в восточную Финляндию с целью фотосъемки всех спланированных мероприятий. Первый день визита Александр III с семьей провел в Выборге, а на следующий день на специальном императорском поезде направился в Лаппеенранту, его сопровождали генерал-губернатор Финляндского княжества Федор Логгинович Гейден и выборгский губернатор Владимир фон Ден.[2]

В связи с этим событием Индурскому было поручено изготовить и оформить фотоальбом в память о визите Александра III в Финляндию. Фотоальбом включал 16 лучших фотографий исторических мест, в которых побывал император: виды Выборга, местечек Симолы и Юстилы (Сайменского канала), водопадов Иматры, а также «императорского дома» в Лаппеенранте, где во время визита останавливался государь, наблюдавший из окон живописные виды озера Сайма. Многие из фотографий затем продавались в студии Индурского по цене 3 марки за каждый снимок.[3]



Я. Индурский. Визит императора Александра III. Сайменский канал. 1885 год. Из собрания Музейного ведомства Финляндии

[2] Helsingfors Dagblad. № 222. 18 августа 1885.
[3] Östra Finland. № 187. 15 августа 1885.



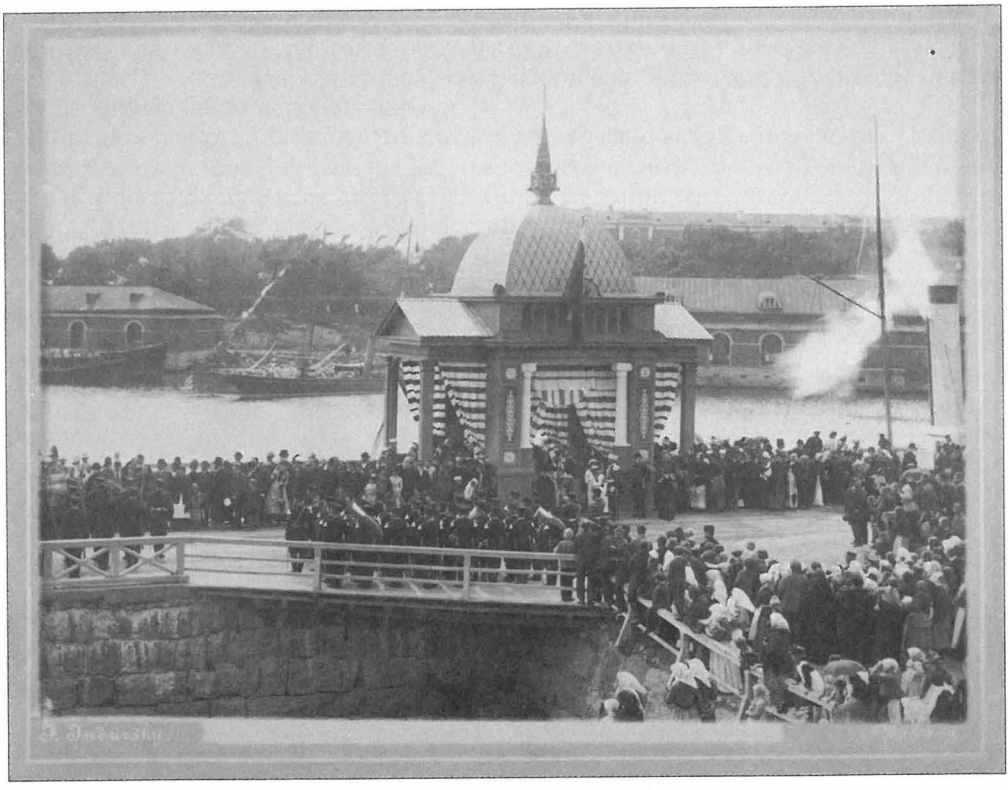
Я. Индурский. Пароход «Онега» с великим князем Владимиром Александровичем у Абовского моста. Выборг. 1886 год. Из собрания музейного ведомства Финляндии

Впоследствии Индурский заручился поддержкой самого императора, этим повысив свою репутацию и получив широкую известность. В доказательство благодарности и признательности императора Индурский в феврале 1887 года был удостоен высочайшего подарка: ему был пожалован драгоценный золотой перстень, инкрустированный бриллиантами и монограммой Александра III. [4]

Выборг – город с многовековой историей, множество раз удостаивался особого внимания со стороны императорской семьи Романовых, королевских особ Пруссии и Швеции. В июне 1886 года состоялась инспекционная поездка великого князя Владимира Александровича по Великому Княжеству Финляндскому. Индурскому удалось запечатлеть на свою фотокамеру праздничную встречу великого князя, прибывшего в Выборг на трехмачтовом пароходе «Онега», на Абовском (Крепостном) мосту.[5] На следующее утро Владимир Александрович вместе с семьей посетил Монрепо. Бароны Николаи в честь визита высоких гостей организовали торже ственный прием и чаепитие в Главном усадебном доме.[6]

Якоб Индурский в мае 1896 года был единственным фотографом из Великого Княжества Финляндского, получившим официальное приглашение в Москву для фотосъемки коронации императора Николая II.[7] Торжественная церемония

[4] Finland. № 41. 19 февраля 1887.
[5] Vasabladet. № 51. 26 июня 1886.
[6] Lappeenrannan Uutiset. № 49. 26 июня 1886.
[7] Östra Finland. № 110. 13 мая 1896.



Я. Идурский. Визит великого князя Владимира Александровича. Выборг. 1886 год. Из собрания Музейного ведомства Финляндии

состоялась во вторник 14 (26) мая 1896 года в Успенском соборе Московского Кремля. Он подошел к этому событию достаточно ответственно. В результате, через несколько недель посольство Австрии в Петербурге по поручению императора Австрии Франца-Иосифа I отдало распоряжение Индурскому передать фотографии с коронации Николая II. От Австрии на коронации присутствовала делегация во главе с эрцгерцогом Евгением Австрийским.[8]

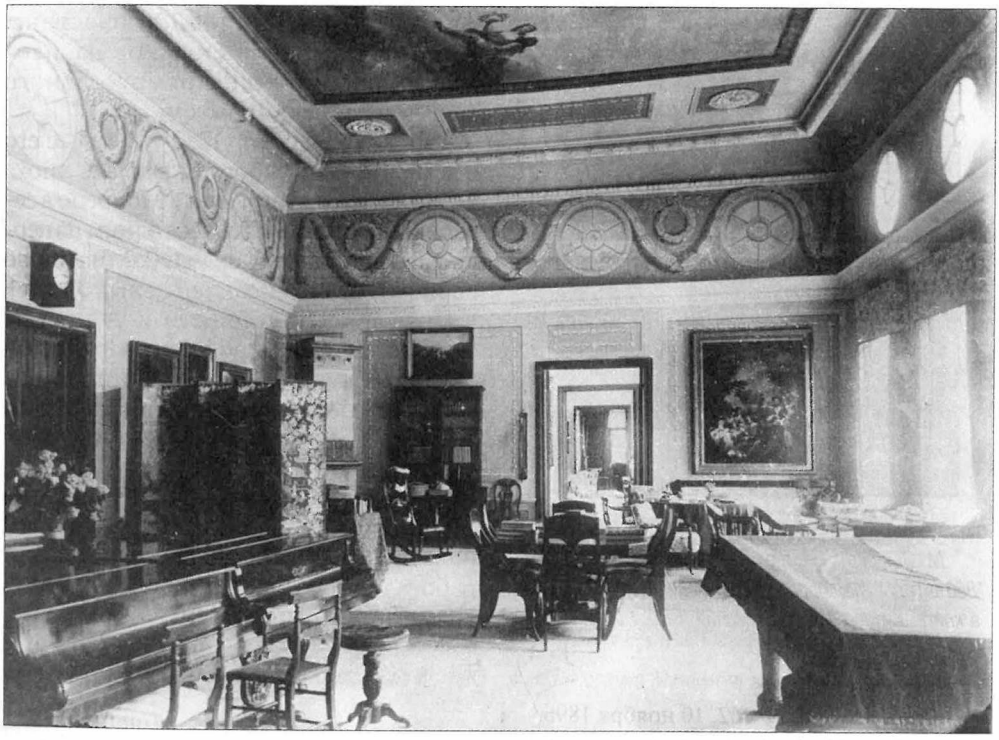
По приглашению семьи баронов Николаи Индурский в 1890-х годах систематически посещал имение Монрепо, чтобы запечатлеть жизнь усадьбы конца XIX века и показать, как в многочисленной семье Николаи проводили свое свободное время и принимали почетных гостей. Некоторые моменты из личной жизни семьи Николаи отражены в фотоснимках: чаепитие двоюродных сестер Софьи Николаевны фон дер Пален (Николаи) и Софьи Васильевны Чичериной, пение и чтение поэм и стихов под аккомпанемент рояля, на котором играла Софья Николаевна.

На фотографиях Индурского можем увидеть и Пауля Эрнста Георга Николаи – последнего барона рода Николаи по мужской линии, он был владельцем Монрепо до октября 1919 года. Пауль пользовался уважением и поддержкой среди местного населения, посвятил бóльшую часть своей жизни религии.

Принадлежат Индурскому и уникальные фотоснимки интерьеров: Главного усадебного дома конца XIX века, «Большого зала», на котором виден фрагмент потолочного плафона Меттенляйтера – «Встреча Венеры и Марса», а также кабинета

[8] Östra Finland. № 133. 11 июня 1896.

Я. Индурский. Пауль Эрнст Георг Николаи с сестрой Софией Николаевной фон дер Пален. Монрепо. 1890-е годы. Из собрания ГИАПМЗ «Парк Монрепо»



Я. Индурский. Главный усадебный дом в Монрепо. Интерьер Большого зала. Из собрания ГИАПМЗ «Парк Монрепо»

Софьи Николаевны и интерьер «Столовой». Индурский запечатлел и великолепные парковые виды: Берёзовую и Гостевую аллеи, «Китайский веерный мостик», скульптуру «Вяйнямёйнен, играющий на кантеле». В музейном собрании ГИАМПЗ «Парк Монрепо» хранятся фотокопии вышеперечисленных работ Индурского.

Как стало известно, не все так гладко было на творческом пути мастера: в октябре 1896 года у Индурского в одном из дворов Выборга неизвестные похитили его фотокамеру вместе со штативом и фотомастер на неопределенное время остался без работы и возможности заниматься любимым делом. Индурский по этому поводу опубликовал объявление в газете с просьбой вернуть фотокамеру за вознаграждение.[9]

Для расширения своих творческих возможностей в начале 1900-х годов Индурский переезжает в Гельсингфорс (Хельсинки) и некоторое время владеет там собственной фотостудией.[10] После возвращения в Выборг в марте 1909 года, Индурскому в творческом процессе начинает помогать его сын Юлиус, который в дальнейшим стал продолжателем фотографического дела своего отца.[11]

По роду деятельности Индурскому приходилось состоять в конкурентных отношениях с другим известным выборгским фотографом и признанным мастером Михаилом Зейфертом, который периодически снижал цены на свои фотоуслуги – до 5 марок за дюжину «визитных карточек», но со временем они пришли к взаимному соглашению о едином тарифе и расценках в своих фотостудиях – до 10 марок за дюжину. «Визитные карточки» были очень популярны в середине XIX века, благодаря парижскому фотографу Диздери, который в 1854 году изобрел четырехлинзовый фотоаппарат, позволяющий делать восемь небольших фотографий на одной стеклянной пластине. Готовые отпечатки снимков наклеивались на карточки прямоугольного формата размера 10 × 6 см.

М. Зейферт. Портрет неизвестной. Выборг. 1860-е годы. Из собрания В.В. Авдеева, опубликован в книге: Китаев А.А. Картомания. СПб. Росток. 2019

Михаил Зейферт (1832–1894) – с его появлением в Выборге началась эпоха черно-белой фотографии в Монрепо в середине XIX века – считался одним из первых фотохудожников-натуралистов во всей истории фотографии. Родился в Пруссии. Способности и увлечение фотоискусством проявились рано, он обладал хорошей зрительной памятью. С 1861 года началась его творческая фотографическая деятельность в Финляндии.

Выборг с 1862 года стал его постоянным местом жительства, посетив город однажды, он решил остаться в нем навсегда. До приезда в Выборг Зейферт работал фотографом в Вене, Гамбурге, Штутгарте и Копенгагене.[12]

[9] Östra Finland. № 262. 10 ноября 1896.
[10] Hufvudstadsbladet. № 64. 7 марта 1909.
[11] Työ. № 66. 20 марта 1909.
[12] URL: http://kukakuvasi.valokuvataiteenmuseo.fi/tietuekortti/valokuvaaja/344.

В период с 1860-х по 1880-е годы он был самым известным выборгским фотографом, профессионалом в своей области. В центре Выборга на Соборной площади, в здании, где располагалась Новая ратуша, находилось его фотоателье, зарабатывал он исключительно портретной фотосъемкой, предлагая посетителям услуги ретуши и растушевки (плавное растворение краев изображения в форме овале). Для этого Зейферту периодически приходилось публиковать объявления в газете, чтобы привлечь своих клиентов, указывая при этом более низкую стоимость, создавая конкуренцию другим фотографам.

«Почтеннейшей публике честь имею известить, что мною опять здесь открыта Фотография по улученной удобнейшей методе, чтобы данные мне заказы могли быть исполняемое со всею возможною точностию.

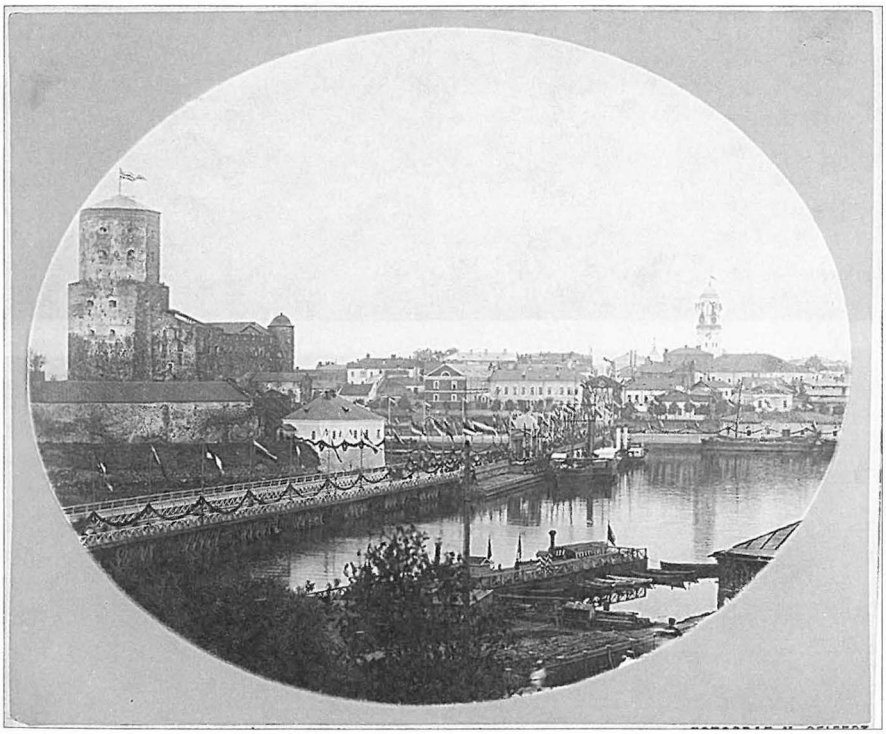
Цены же будут по прежнему: 1 Дюжина визитных карт по 5-ти Рублей, $^1/_2$ Дюж.[ины] по 3 Рублей. 1 Портрет 1 р. 50 коп. Портреты в большем размере с рамою от 3 до 6 и 10 Рублей; Групные, смотря по числу лиц и формату от 5-ти до 15 Рублей с екземпляра. Копии ставятся подешевле.

Почтеннейше рекомендуется.

ЗЕЙФЕРТ.

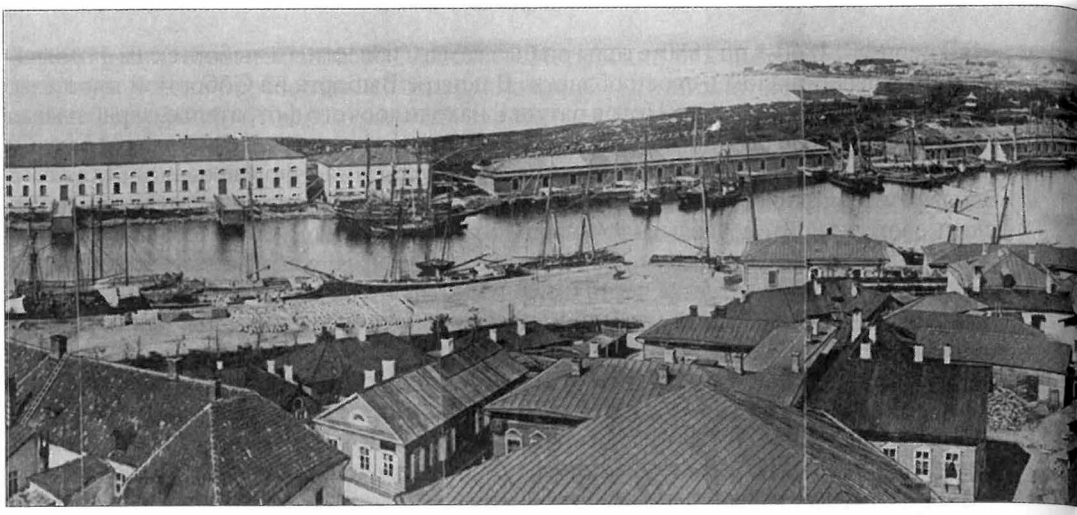
В доме Социетета в Выборге».[13]

Михаил Зейферт – автор уникальных фотоснимков, в июле 1865 года он произвел съемку панорамного вида Выборга, фотокадры были сделаны с верхней точки «Часовой башни» способом склейки из примерно 28 кадров. Размер панорамы 13 × 137 см, предназначалась она в качестве подарка выборгскому бургомистру Роберту



М. Зейферт. Визит императора Александра III. 1885 год. Из собрания Музейного ведомства Финляндии

[13] Wiborgs Tidning. № 018. Lördagen den 5 Mars 1864 (орфография и пунктуация частично сохранены).



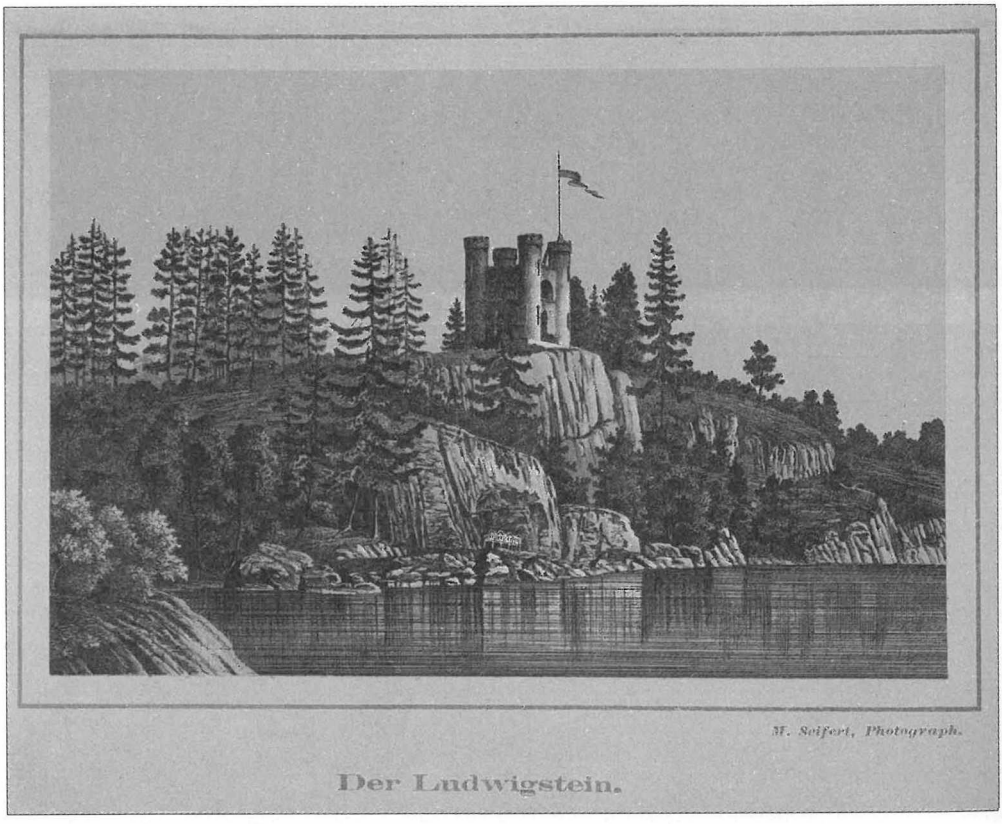
М. Зейферт. Панорама с Часовой Башни. 1865 год

Из собрания Музейного ведомства Финляндии

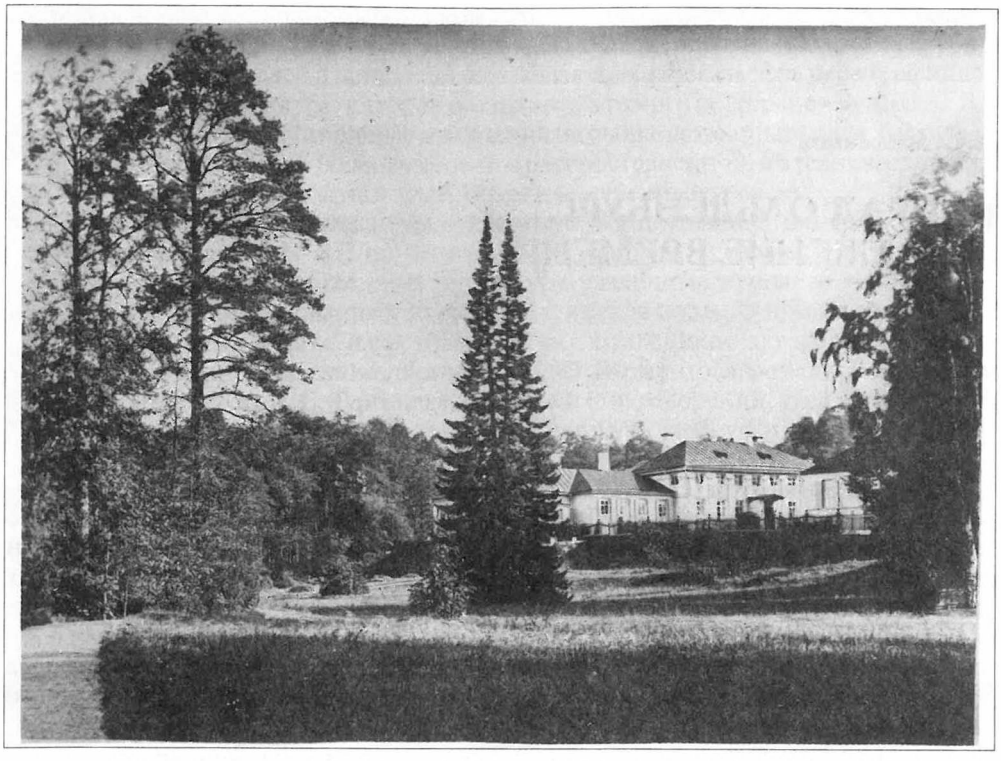
Исидору Эрну. В следующем году Зейферт принял участие в Стокгольмской промышленной выставке, там были представлены его фотоработы, а также известный панорамный вид Выборга. В 1870 году он участвовал в XIV Всероссийской мануфактурной выставке, состоявшейся в Петербурге, где был удостоен награды. Летом 1885 года Зейферт запечатлел визит императора Александра III, прибывшего в Выборг с семьей на императорской яхте «Александрия», торжественная встреча состоялась на Абовском (Крепостном) мосту. Фотоснимок выполнен в сепии (коричневом тоне).

Первые съемки на «натуре» выполнены Зейфертом в Монрепо в начале 1870-х годов. Вероятнее всего именно Михаилом Зейфертом зафиксированы первые натурные фотокадры, остальные же фотографы работали в основном в павильонах, на фоне рисованных художественных декораций. Съемка на «натуре» требовала от фотографа не только иного мышления, но и ставила перед ним принципиально иные технические задачи. Мотивацией послужило стремление найти что-то новое, совершенно отличающееся от предыдущих фоторабот. Фотосъемка производилась достаточно сложно и требовала при этом больших навыков и профессионализма. Зейферт смог найти способ экспозиции объектов, где самую важную роль играло освещение. Исторические фотокадры были успешно выполнены в монохроме, а в 1882 году Зейферт объявил о планах выпускать свои фотоснимки в цветном изображении.

Выборгский издатель и переводчик Э. Эльфстрём в 1875 году опубликовал 5-е издание поэмы Л.Г. Николаи «Имение Монрепо в Финляндии. 1804». Книга была иллюстрирована литографиями, напечатанными на качественном полиграфическом оборудовании немецким издательством «Ph. Frey & Co». (Франкфурт-на-Майне),



М. Зейферт. Остров Людвигштайн. Монрепо. Фотолитография. Начало 1870-х годов



М. Зейферт. Елисейские поля в Монрепо. Начало 1870-х годов. Из собрания ГИАПМЗ «Парк Монрепо»

по оригинальным фотографиям Зейферта с использованием метода фотолитографии, при котором на поверхность литографского камня, покрытого светочувствительным слоем, экспонируется негатив. Затем литографский камень заливается краской и проявляется в горячей воде. Далее изображение обрабатывают, как обычную литографию. Всего в поэме насчитывается семь фотолитографических изображений Зейферта, а именно: «Репродукция Л.Г. Николаи», «Паульштайн», «Источник Сильмии (Нарцисс)», «Скульптура "Вяйнямейнен, играющей на кантеле"», «Остров Людвигштайн», «Павильон Мариентурм», «Обелиск братьям Броглио».[14]

Якоб Индурский и Михаил Зейферт – признанные мастера фотоискусства и своим творческим самовыражением они оставили заметный положительный след в истории России, Выборга и Монрепо.

---

[14] *Nicolay L.H.* Das Landgut Monrepos in Finnland 1804. Elfström. Wiborg. 1875.

А.С. Салманов

КОНРАД ОЛЬДЕНБУРГ. «ОТРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ»

Конрад Ольденбург (1854–1927) – книготорговец, успешный бизнесмен и фотограф. На протяжении 20 лет он являлся владельцем широко известного книжного магазина в Выборге «Oldenburg pappershandel», в котором был представлен большой ассортимент печатных изданий, произведений искусства и канцелярских товаров. Кроме того, Ольденбург – автор первых почтовых фотооткрыток с видами Выборга и Монрепо на рубеже XIX–XX веков.

Конрад Ольденбург родился в 1854 году в западной части Финляндии в городе Пори, куда в 1841 году из Стокгольма переехал его отец, представитель старинного шведского купеческого рода, Хампус Юлиус Ольденбург (1819–1876), который впоследствии станет состоятельным и влиятельным бизнесменом в Финляндии, основателем одной из крупнейших спичечных фабрик в Европе.[1] Кстати, в 1992 году потомком Ольденбургов – известным мастером Класом Ольденбургом – была создана скульптура «Спички» в Барселоне.[2]

Конрад Ольденбург с юности стал интересоваться живописью и начал творческий путь в качестве художника-любителя и переплетчика книг.[3] Дальнейший этап жизни Ольденбурга тесно связан с Выборгом, куда он вместе с семьей переехал в 1873 году. Вначале он получает должность уполномоченного-агента в выборгском отделении крупнейшей шведской страховой компании «Svea», где состоял в должности генерального директора в представительстве компании на территории Финляндии его старший брат, Герман Юлиус Ольденбург (1842–1880), в то время еще и преуспевающий бизнесмен, владелец бутика и табачного магазина в Выборге.[4]

Компания «Svea» предоставляла услуги по страхованию жизни, имущества, недвижимости, складов и фабрик от пожаров.[5] Через страховое агентство заключались и выдавались договора на шведском и финском языках. Изначально офис компании находился в книжном магазине «Clouberg & Co», а в феврале 1890 года переехал на Екатерининскую (Крепостную) улицу, в утраченный к нашему времени дом № 9. В этом здании, только этажом выше, находилось также недавно открывшееся по новому адресу фотоателье Якоба Индурского.[6] Столь близкое соседство и общение

---

[1] *Николаи Л.Г.* Имение Монрепо в Финляндии. 1804. Поэма / пер. с нем. М.Н. Костоломов. СПб. Центр Сохранения Культурного Наследия. 2011. С. 22.

[2] *Милла Синиярви.* «Шведские спички. Мошенничество и искусство». URL: https://www.proza.ru/2017/04/18/26

[3] Svenska Pressen. № 239. 15 октября 1927. P. 6.

[4] Wiborgs Tidning. № 106. 11 сентября 1877. P. 3.

[5] Östra Finland. № 12. 28 января 1878. P. 4.

[6] Wiborgsbladet № 31. 7 февраля 1890. P. 4.

с признанным мастером выборгской фотографии заметно повлияло на Конрада Ольденбурга, он увлекся фотосъемкой, в мае 1892 года объявил о создании клуба для фотографов-любителей и пригласил всех желающих записаться на первое официальное заседание фотоклуба, которое состоялось 8 июня в ресторане «Эспиля».[7] В это время произошли значительные изменения на рынке фотоаппаратуры, в результате фотография становится более массовой и распространенной, а в техническом плане был осуществлен переход на новый, более качественный уровень.

В декабре 1890 года Ольденбург открыл новый книжный магазин на Екатерининской улице в доме № 37, где можно было оформить подписку на российскую и европейскую художественную литературу, различные журналы: «Нива» – еженедельный иллюстрированный журнал, «Парижская мода», художественный альбом с репродукциями десяти известных русских художников-акварелистов, а также приобрести полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова, романы Л.Н. Толстого, повести и рассказы И.С. Тургенева, сборники стихотворений, книги и журналы по кулинарии и шитью, французские романы, детскую, учебную и научную литературу и многие другие издания.[8]

Ольденбург регулярно рекламировал свой магазин и страховую компанию, для чего зарезервировал определенные колонки в выборгских шведоязычных газетах «Östra Finland» и «Wiborgsbladet». В магазине продавалось все, что имело непосредственное отношение к художественному творчеству: картины талантливых художников, масляные краски, акварели, кисти, холсты, рамки, мольберты, а также альбомы для марок и фотографий.[9]

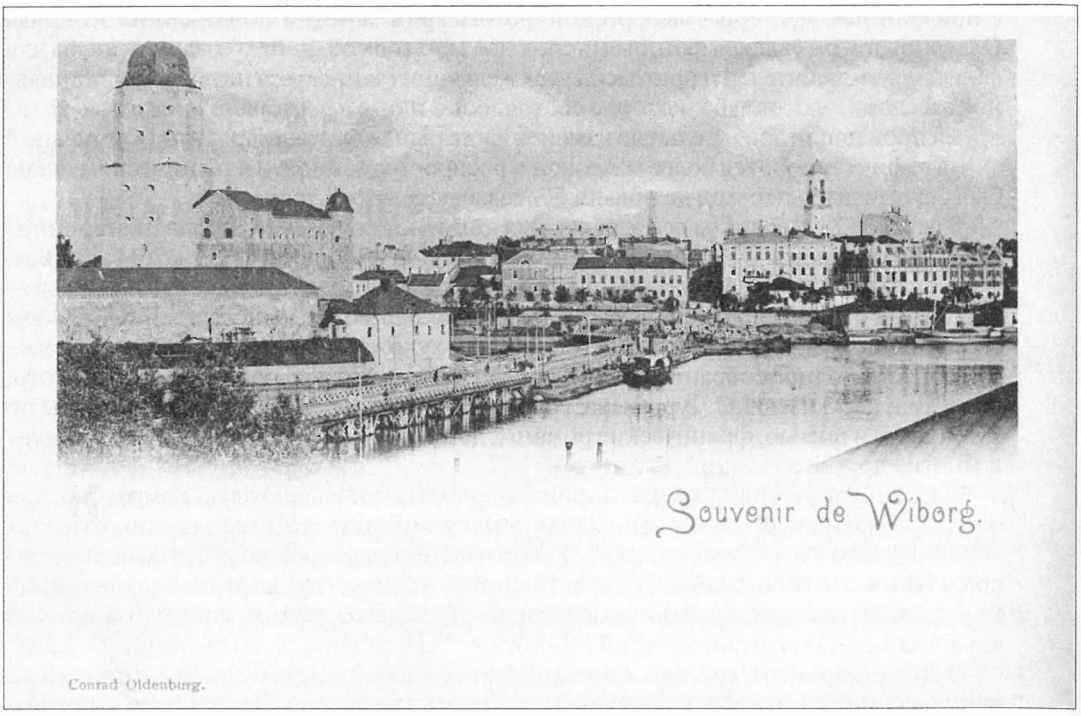
В скором времени состоялось открытие небольшого печатного издательства по изготовлению открыток, календарей, почтовых конвертов. Ольденбург выпускал альбомы с фоторепродукциями, настенные и настольные календари, рождественские и пасхальные открытки. Свою продукцию реализовывал через книжный магазин, устраивал праздничные распродажи, учитывая интересы покупателей на тот или иной ассортимент.

В то время хозяевами небольших типографий (фототипий) были владельцы писчебумажных, книжных и галантерейных магазинов, а также фотографы.[10] Издание полиграфической продукции приносило им дополнительный доход. Жесткая конкуренция заставляла издателей постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство. Печатное издательство требовало и определенных финансовых затрат, Ольденбург искал способы дополнительного дохода от других проектов, так, с июля 1894 года планировал открытие и набирал группы студентов на курсы по стенографии.

После открытия типографии Ольденбург продолжил осваивать фотографическое дело, отдавая предпочтение пейзажной фотосъемке, на основе этих видов издавались фотооткрытки с использованием способа фототипии. Изобретение в середине XIX века метода фототипии дало возможность издавать иллюстрации в виде открыток очень высокого качества. В наше время в частных коллекциях и в музейных собраниях встречаются открытки с великолепными панорамными видами Москвы и Петербурга, губернских и уездных городов Российской империи, выполненные А. Сувориным, фототипией «Шерер, Набгольц и К°», фирмой «Ришар», П. фон Гиргенсоном, М. Кампелем, С.М. Прокудиным-Горским, М.П. Дмитриевым и другими.

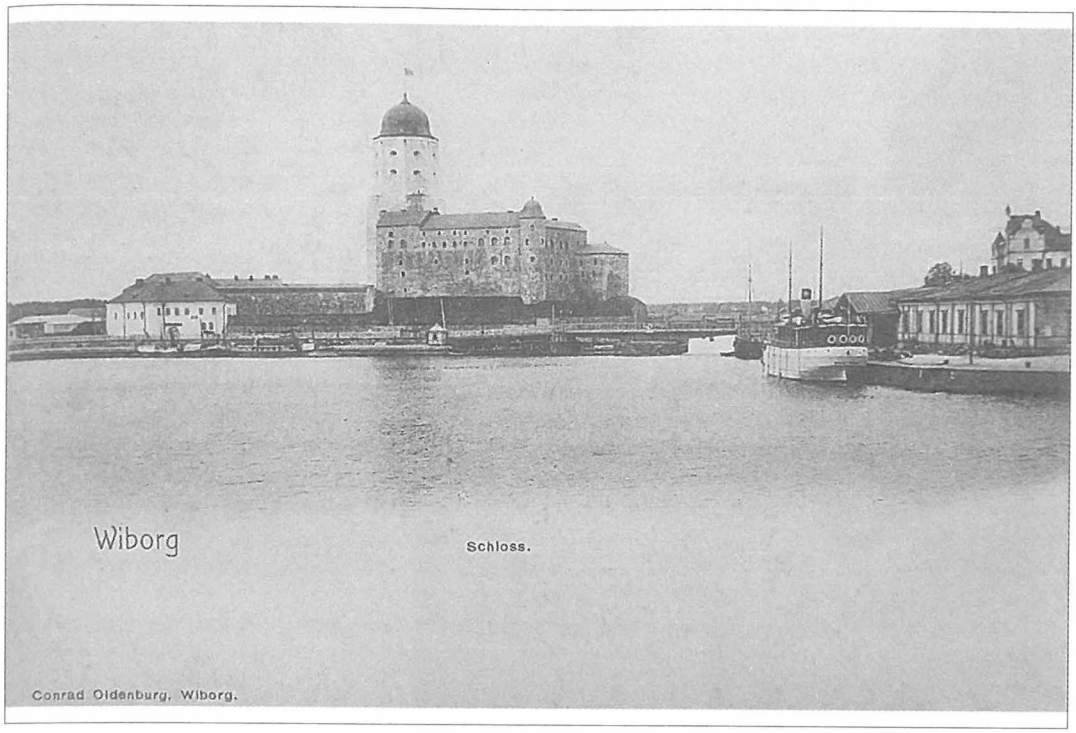
К концу 1898 года Ольденбургом отснял более 80 видов выборгской тематики, на которых запечатлены исторические виды Выборга и окрестностей, пейзажи Ка-Срельского перешейка и территорий современной Финляндии.[11] Особого внимания

[7] Wiborgsbladet. № 122. 28 мая 1892. P. 1, 3.
[8] Wiborgsbladet. № 283. 5 декабря 1890. P. 2.
[9] Wiborgsbladet. № 297A. 21 декабря 1890. P. 3.
[10] *Фомин А.* Русская фотооткрытка / Журнал: Фотография. № 5-6. Москва. 1992.
[11] Wiborgsbladet. № 269. 19 ноября 1898. P. 4.



К. Ольденбург. Виды Выборга. Фотооткрытки. Середина (вверху) и конец 1890-х годов[12]

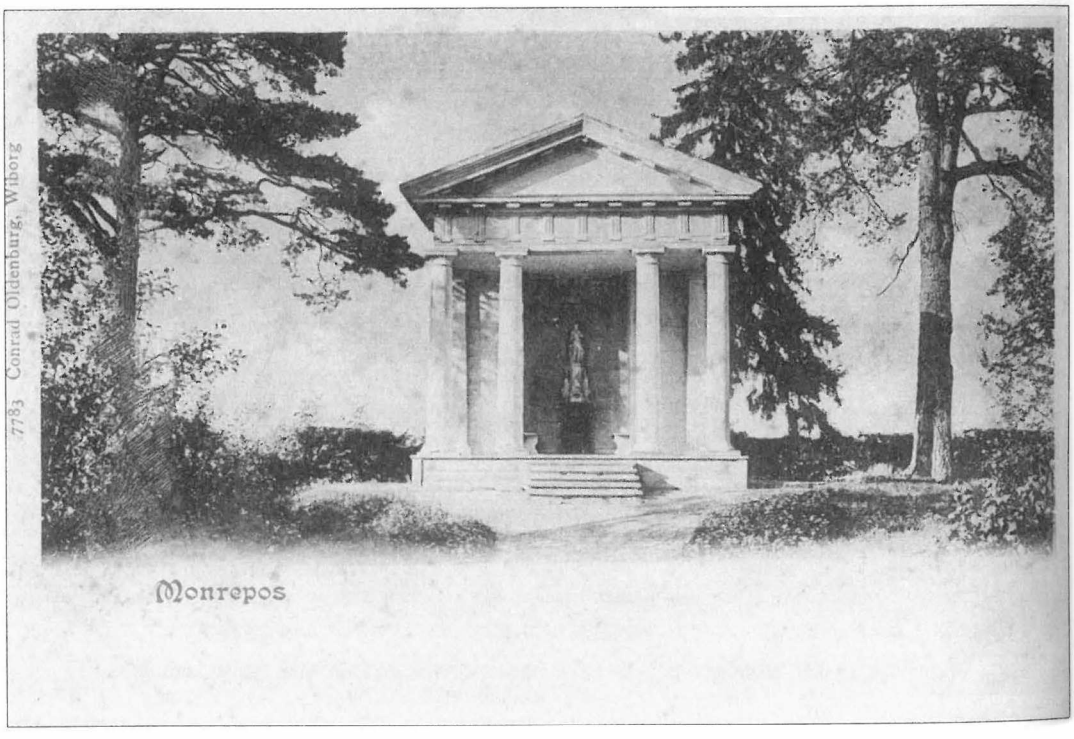
[12] Все иллюстрации в этой статье из собрания ГИАПМЗ «Парк Монрепо».



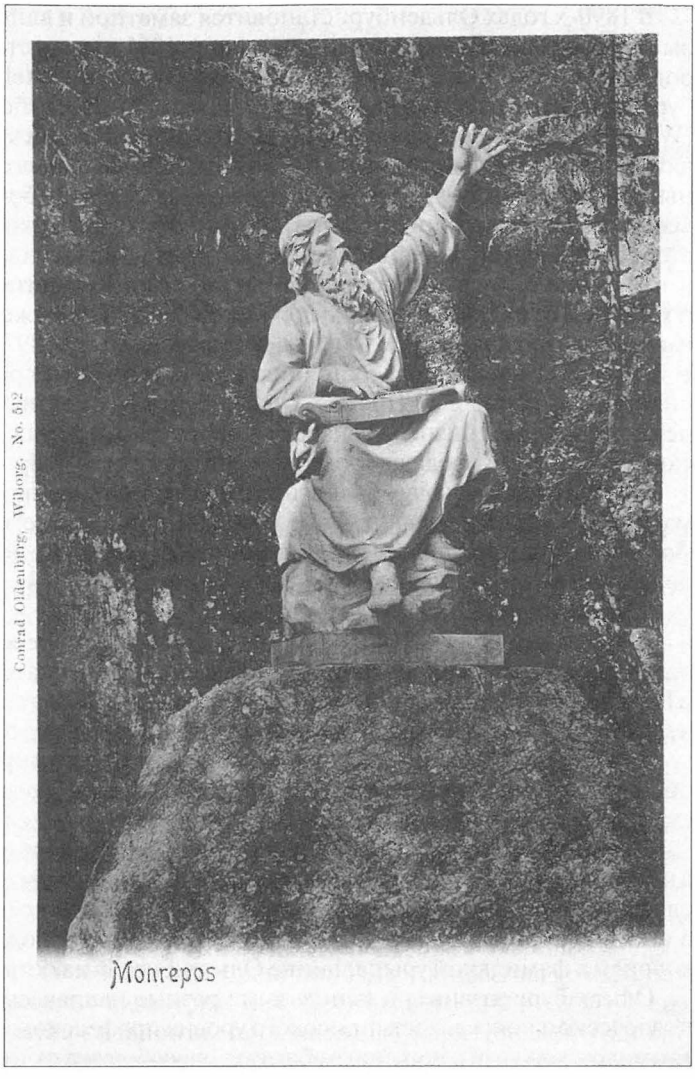
К. Ольденбург. Вид на Выборгский замок. Фотооткрытка. 1890-е годы

К. Ольденбург. Выборг. Вид на Круглую башню. Фотооткрытка. Конец 1890-х годов

К. Ольденбург. Главный усадебный дом в Монрепо. Фотооткрытка. Конец 1890-х годов



К. Ольденбург. Храм Нептуна в усадьбе Монрепо. Фотооткрытка. Конец 1890-х годов



К. Ольденбург. Скульптура Вяйнямейнена в усадьбе Монрепо. Фотооткрытка. Конец 1890-х годов

заслуживают изображения из жизни усадьбы Монрепо, выполненные Ольденбургом с неповторимым профессионализмом. В эти фотокадры имения вошли: «Главные усадебные ворота», выполненные из дерева в неоготическом стиле, «Ступишинская аллея», посаженная еще первым владельцем Монрепо П.А. Ступишиным и названная в его честь, Елисейские поля с видом на Усадебный комплекс, а также фотооткрытки, на которых изображены скульптура «Вяйнямейнен, играющий на кантеле», Капелла Людвигсбург с паромной переправой на остров Людвигштайн, белоснежный открытый павильон в античном стиле «Храм Нептуна» и второй «Китайский веерный мостик», впервые изображенный в фотоработе того периода.

Ассортимент магазина Ольденбурга постоянно пополнялся новыми открытками с видами Выборга, Монрепо, Иматры и фотографиями в «кабинетном формате» (размера 11 × 17 см) в монохроме. В 1897 году он выпустил альбом с видами Выборга в цветном изображении, а летом 1898 года запечатлел виды города в лунном свете.[13]

[13] Wiborgsbladet. 9 июля 1899. P. 3.

В 1890-х годах Ольденбург становится заметной и влиятельной фигурой в кругу выборгской бизнес-интеллигенции, с июня 1891 года он стал членом совета директоров «Выборгской телефонной компании» (Wiborgs nya telefonaktiebolag).[14] Ольденбург был одним из основоположников объединения «Выборгские Друзья искусства» (Wiborgs Konstvanner), где в течение длительного времени занимал должность председателя исполнительного совета и казначея.[15] Он заключал сделки, устраивал аукционы, благодаря этому удавалось реализовать в достаточно больших количествах произведения искусства финских и петербургских художников: пейзажи Ялмара Мунстерьелма и Эллен Фаворин, портреты Арвида Лильелунда, работы Альберта Бенуа, в том числе его известное произведение «Вид Кронштадта с пирса Петергофа», и многих других талантливых художников. Под патронажем ассоциации была основана школа рисования, где только в весенний семестр 1897 года училось 23 человека. В 1898 году Ольденбург по состоянию здоровья покидает руководящие посты в объединении. А начиная с 1910 года, Ольденбург по семейным обстоятельствам постепенно распродает бизнес, и сначала в марте продает книжный магазин. Вот, что писал Ольденбург о продаже своего магазина в газете «Wiipuri» за 19 марта 1910 года:

«Таким образом, хочу объявить о том, что я сегодня продал миссис Алме Гренман магазин, бывший здесь в течение 20 лет. И наиболее вежливо хочу поблагодарить моих достойных покупателей за оказанное мне большое доверие, пожалуйста, отнеситесь так же к моему почетному преемнику.

С уважением, Конрад Ольденбург».[16]

А в начале июня следующего года, Ольденбург передает права на страховое агентство своему компаньону Элин Таберман, в результате в 1911 году он переезжает в Гельсингфорс (Хельсинки), где некоторое время работает статистиком, затем в течение длительного периода проживает у родственников в Нью-Йорке и Берлине.

В феврале 1922 года по случаю тридцатилетия открытия школы рисования обществом «Выборгские Друзья искусства» Ольденбургу поступило предложение стать почетным членом объединения, которое он принял с удовольствием.[17]

Скончался господин Ольденбург на 74-м году жизни в Хельсинки. «Проститься с ним пришло большое количество его друзей и знакомых, выражавших ему теплые слова благодарности, посвященные любви и дружбе, которые Конрад Ольденбург в своей жизни распространил вокруг себя. Прах господина Ольденбурга был захоронен в фамильной усыпальнице Ольденбургов на острове Сорвали».[18]

Ольденбург развивал и использовал разные направления, постоянно находился в творческом поиске, достиг высокого уровня профессионализма во многих отраслях. Его успеху, хорошей репутации в обществе способствовали, с одной стороны, природные данные, желание и умение работать с людьми, находить компромиссные решения, а с другой стороны, имела значение среда, в которой он формировался как личность.

В основном деятельность Ольденбурга была рассчитана на ценителей искусства и коллекционеров, но благодаря его фотографическому таланту и мастерству у людей по всему миру появилась возможность ознакомиться и соприкоснуться с его творчеством, увидеть Выборг и Монрепо конца XIX века – ведь почтовые открытки, выпускавшиеся неограниченным тиражом, имели в то время огромную популярность как способ общения на расстоянии. Три фотооткрытки с видами усадьбы: «Главные Усадебные ворота», «Храм Нептуна» и «Второй китайский веерный мостик» находятся в музейном собрании парка Монрепо, но множество открыток хранится в частных коллекциях.

---

[14] Östra Finland. № 126. 4 июня 1891. P. 3.
[15] Östra Finland. № 50. 1 марта 1892. P. 2.
[16] Wiipuri. № 65. 19 марта 1910. P. 1.
[17] Karjalan Aamulehti. № 49A. 28 февраля 1922. P. 8.
[18] Wiborgs Nyheter. № 243. 21 октября 1927. P. 2.

П.Н. Ермолаев

ТРЕВОЖНОЕ ЛЕТО 1917 года В ВЫБОРГЕ

(переписка генерала В.А. Орановского со штабом Северного фронта)

Революционным событиям 1917 года в Выборге посвящено достаточно много публикаций как советского периода, так и сравнительно недавних.[1] Однако, практически все они основаны на документах партийных архивов, материалах большевистской прессы, воспоминаниях активных участников революционной борьбы и отражают, в первую очередь, деятельность советских и большевистских организаций – Выборгского Совета, Армейского комитета 42-го корпуса, Выборгской организации РСДРП (б) и так далее.

Между тем в фондах Российского Государственного Военно-Исторического архива (РГВИА) находится целый ряд документов, содержащих оценку текущей ситуации и позицию военного командования 42-го армейского корпуса в связи с ростом революционных и антиправительственных настроений среди подчиненных ему частей.[2] Основной массив подобных документов находится в фонде 2031 «Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта» в делах № 110 «Сношения со штабом 42-го армейского корпуса» и № 1610 «О происшествиях в г. Выборге. Телеграммы по вопросам о настроении в городе, об убийствах командиров и солдат...».

На взгляд автора, особый интерес представляют письма и донесения командующего 42-м корпусом генерала от кавалерии В.А. Орановского (1866–1917) и его переписка со штабом Северного фронта, посвященные нарастающей радикализации гарнизона Выборгской крепости и других воинских частей на территории Финляндии в течение лета 1917 года и применяемых в связи с этим мерах. Отдельные небольшие фрагменты из некоторых, приведенных ниже документов, использовались ранее, еще в работах советского периода, однако целиком они публикуются впервые.

Владимир Алоизиевич Орановский родился 1 июля 1866 года в генеральской семье. В 1884 году после окончания Пажеского корпуса выпущен корнетом в лейб-гвардии Драгунский полк. В 1891 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба. С 1895 года – штаб-офицер при управлении 2-й Восточно-Сибирской линейной бригады. В период Русско-японской войны генерал-майор В.А. Орановский служил генерал-квартирмейстером 1-й Манчжурской армии. Награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость» (1905), орденом Святого Георгия 4-й степени

[1] В качестве примера можно привести недавний цикл статей «Гарнизон Выборга. От февраля к октябрю» старшего научного сотрудника Государственного музея «Выборгский замок» З.А. Новоселовой, опубликованных в газете «Выборг» в 2017 году. URL: https://gazetavyborg.ru/news/garnizon-vyborga-ot-fevralya-k-oktyabryu-khronika-12543/

[2] Штаб 42-го армейского корпуса с декабря 1916 года размещался в Выборге.

Начальник штаба Варшавского округа генерал-лейтенант В.А. Орановский. Из книги: Летопись войны 1914 год № 2. СПб. 1914

(1907). С 1910 года – начальник 14-й кавалерийской дивизии. В 1913-м назначен начальником штаба Варшавского военного округа. С началом Первой мировой войны – начальник штаба армий Северо-Западного фронта. С января 1915 года – командир 1-го кавалерийского корпуса. После Февральской революции в связи с масштабными перестановками в высших эшелонах армии генерал от кавалерии В.А. Орановский был назначен на пост командующего 42-м армейским корпусом вместо генерал-лейтенанта А.А. Гулевича.[3]

Этот корпус был сформирован на территории Финляндии из запасных частей и ополченческих дружин летом 1915 года, включал в себя 106-ю и 107-ю дивизии, две финляндские пограничные бригады, разнообразные вспомогательные части, к осени 1917 года насчитывал более 40 тыс. человек.

Боевая задача 42-му армейскому корпусу была поставлена директивой главнокомандующего армиями Северного фронта от 10 декабря 1916 года: «Прикрывая подступы к Петрограду со стороны Ботнического и Финского заливов и сухопутной границы к северу от Ботнического залива и действуя с связи с флотом затруднить высадку противника... и дальнейшее продвижение вглубь Финляндии, прикрывая этим перевозку и сосредоточение наших войск».[4]

Практически сразу по прибытии к месту службы в Выборг Орановский окунулся в гущу революционных событий и немедленно оказался в непростой ситуации, связанной с двоевластием в войсках. Правда, благодаря дипломатичной уловке генерала, конфликта с представителями Советов в тот момент удалось избежать. Вот как он описывает события в письме начальнику штаба Северного фронта от 2 мая 1917 года.[5]

«Секретно.

В собственные руки. Несколько времени тому назад в Выборге был созван совершенно самовольный Финляндский областной съезд из представителей флота, частей войск 42-го корпуса и рабочих. Когда я прибыл 16 апреля к новому месту моей службы в Выборг, то съезд фактически заседал.

Съезд, между прочим, постановил организовать в Гельсингфорсе постоянный областной Финляндский Комитет. Председателем сего комитета состоит Свеаборгский рабочий, точный состав комитета мне неизвестен, но из состава 42-го корпуса туда избрано 4 члена, об освобождении которых от несения службы комитет возбудил ходатайство.

Так как комитет этот, как и всякий другой, без средств существовать не может, то он составил смету и вынес постановление, что дать средства для выполнения этой сметы должны Командующий флотом и Командир 42-го армейского корпуса.

Копию сметы препровождаю, из коей Вы усмотрите, [что] Адмирал Максимов[6] изыскал средства, чтобы выдать комитету 30 тысяч марок на издание газеты. На

---

[3] URL: https://www.ria1914.info/

[4] РГВИА. Ф.2031. Оп. 1. Д. 110.

[5] Все даты в статье приводятся по старому стилю.

[6] Адмирал А.С. Максимов был избран на пост командующего Балтийским флотом в день убийства прежнего командующего, адмирала А.И. Непенина, 4 марта 1917 года, и был известен революционной риторикой и заигрыванием с матросскими массами.

Вице-адмирал А.С. Максимов (1866–1951). Командующий Балтийским флотом с 4 марта по 2 июня 1917 года. Максимов пытался создавать образ «революционного адмирала», поэтому вскоре после Февраля он сфотографирован с красным бантом (фото справа). После отмены погон он заказал новую фотографию на том же месте в своем кабинете. Адмирал был запечатлен без каких-либо знаков различия, но с орденом и красным бантом. Впоследствии Максимов перешел на службу к большевикам, поэтому его фотопортрет появлялся в музейных экспозициях советского времени. Однако ретушеры «революционизировали» образ Максимова в соответствии с позднейшими представлениями о военных символах. Был использован первый снимок, но исчезли «старорежимные» погоны, орден и красный бант (фото слева). Такие метаморфозы были неприемлимы для генерала Орановского. Из фондов ЦВММ. Подробнее см.: Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб. 2000

мою долю по смете до 1 июня выпадает 25 тысяч марок. Вам отлично известно, что в моем распоряжении таких средств никогда не было, нет и, вероятно, не будет, и единственный источник, из которого я мог бы дать некоторые средства комитету – это экстраординарные суммы, размер которых не превышал в прежнее время 4000 рублей в месяц. Самое большое, что я мог бы уделить, это рублей 500 в месяц, и то, только в том случае, если отпуск экстраординарной суммы мне не будет прекращен или уменьшен.

Что это за областной комитет, каков его состав и его цели, Вы можете судить по тому, что в препровожденной копии сметы одной из статей расхода является покупка всем членам комитета браунингов.

На обращенную ко мне просьбу комитета об отпуске ему денег я дал ответ, что денег у меня на такую надобность нет, но что заявление комитета представил главнокомандующему фронта на его усмотрение и о получении ответа его уведомлю. Подобное ходатайство я и отправляю, но настоящим сношением я хотел Вам разъяснить суть дела».[7]

В приведенном письме речь идет о проходившем в Выборге 16–18 апреля Первом Общефинляндском съезде Советов. Заседания проводились в здании бывшей русской Учительской семинарии (ныне Светогорское шоссе, д. № 27). На съезд

[7] РГВИА. Ф.2031. Оп. 1. Д. 1464.

Улица Торкелинкату в марте 1917 года. Из фондов Дома-музея В.И. Ленина в Выборге

Митинг на Соборной площади Выборга. Апрель 1917 года. Из фондов Дома-музея В.И. Ленина в Выборге

прибыли 106 делегатов из разных гарнизонов и губерний Финляндии, представлявшие 32 местных Совета. Выборгский Совет был представлен большевиками А.Д. Макаровым и И.Н. Пололовым. Съездом был избран постоянный орган –

Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии с центром в Гельсингфорсе. С 18 июля армейский комитет 42-го корпуса стал выпускать свою газету «Финляндские известия».[8]

Генерал Орановский, попавший в тыловой Выборг непосредственно с Северного фронта, был неприятно поражен обстановкой, царившей в гарнизоне. В другом письме на имя начальника штаба Северного фронта генерала Ю.Н. Данилова, направленном 22 апреля, то есть спустя пять дней после прибытия, он делится своими впечатлениями:

«Милостивый государь Юрий Никифорович!

Считаю своей обязанностью сообщить Вам для доклада Главнокомандующему первые мои впечатления по приезду в Выборг и по вступлении в должность. К сожалению, должен констатировать, что Выборгский гарнизон находится в состоянии полного разложения. Один вид солдат, бродящих толпами, конечно, никому не отдающих чести, часовых, сидящих с поставленным рядом ружьем, производит тягостное впечатление, а дальнейшее знакомство с положением вещей только увеличивает безотрадность первого впечатления.

Положение таково, что никто из начальствующих лиц не решается сделать какого-нибудь распоряжения под опасением, или вернее сказать в уверенности, что оно не будет выполнено. Распоряжение это прежде всего будет обсуждаться во всевозможных комитетах, и только в том случае, если последует одобрение с их стороны, приступят к его выполнению, и то далеко не все.

Причинами такого печального положения вещей являются, по моему мнению, помимо близости Петрограда, Гельсингфорса и Кронштадта, еще и следующие обстоятельства: начальство, вместо того чтобы идти параллельно с движением, <...> отстранилось от него, а они остались в стороне. Связь с комитетами, работающими в Выборге, совершенно не была установлена, и значительная часть офицерства и начальствующих лиц жили слухами и сплетнями, порождавшими растерянность и паническое настроение.

Равным образом единения офицера с солдатом не существует, напротив того, существует непримиримая вражда, громко прорывающаяся во всех речах солдат и молчаливо затаенная со стороны офицеров.

При таких условиях боевая сила войск равна в полном смысле этого слова нулю. Достаточно искры, чтобы эта солдатская масса, руководимая заправилами в комитетах, которые все без исключения непримиримые большевики, превратилась в дикую необузданную толпу.

В первые дни Революции образовался в Выборге гарнизонный комитет, в состав которого вошли не только представители от войск, но и от рабочих. На основании сведений, сообщенных мне разными лицами, надо думать, что комитет этот был подготовлен еще до переворота и в него благодаря этому вошли самые крайние элементы. Ворочают им два прапорщика, типичные большевики, проповедующие мир во что бы это ни стоило, отмену постоянной армии и подобные же утопии, перемежая свои страстные речи злобой и ненавистью против всего стоящего выше толпы.

Нужно отдать, однако, справедливость комитету, что в первые дни революции он, несомненно, заслужил глубокую благодарность за то, что быстро сорганизовавшись, взял дело в свои руки и предотвратил кровопролитие в Выборге.

Теперь же его деятельность крайне вредна. Он обсуждает всякие дела, касающиеся быта войск, изменения штатов, обучения и т.д., и постановления его, облекаемые в форму приказов, являются обязательными. Могу привести, как пример, вопрос

[8] *Новоселова З.Н.* Выборг весной 1917 г. URL: https://gazetavyborg.ru/news/vyborg-vesnoy-1917-goda/

Матросы крейсера «Рюрик» срезают погоны. Кронштадт. 1917 год. Из фондов ЦВММ

о денщиках; приказа <...> о денщиках до сего времени нет. В Выборге же вопрос решен совершенно самостоятельно комитетом, и денщики в Выборге упразднены.

Другой боевой вопрос – вопрос погон; многие солдаты и даже офицеры совершенно самовольно сняли погоны и нет власти, которая могла бы этот беспорядок устранить. Приказ Военного Министра по этому поводу не имеет никакого значения, на него просто не обращают внимания. Целый 2-й пехотный крепостной Выборгский полк ходит без погон, заставив своего командира и своих офицеров также снять погоны. Я даже не убежден, что в один прекрасный день с меня не будут насильственным образом сняты погоны. Я лишен возможности поехать в Гельсингфорс для личного свидания с Генерал-Губернатором и Адмиралом Максимовым, потому что на вокзале установлено дежурство матросов, собственноручно снимающих со всех прибывающих офицеров погоны, а подвергнуться мне личным оскорблениям невозможно.[9]

Лично я прилагаю все старания к тому, чтобы войти в сношения с действующими здесь организациями. Я, посетив заседания Областного Финляндского Съезда и Выборгского гарнизонного комитета, приветствовал как одного, так и другого и, по крайней мере, установил с ними общение. Мне в этом отношении достаточно повезло, ибо, с одной стороны здешний комитет уже снесся по радиотелеграфу с соответствующим комитетом в армии и получил обо мне удовлетворяющие его сведения, с другой стороны в Областном Съезде совершенно случайно оказался бывший солдат Митавского гусарского полка, который был со мной в боевых действиях, он выскочил на кафедру и заявил, что знает меня давно, видел много раз в окопах под огнем вместе с солдатами и что я всегда о них заботился и что я человек гуманный. Все это послужило к тому, что меня приняли в общем сочувственно, с аплодисментами.

Вчера я посетил один из полков, именно 3-й Выборгский крепостной пехотный, и вынесенное мною впечатление крайне тягостно. Офицерство или безразлично к событиям, или являются типичными большевиками. Один из прапорщиков, который тоже снял погоны, в страстной речи проповедовал Ленинскую программу немедленного заключения мира, уравнения офицера с солдатом во всем вплоть до

[9] Вопрос о ношении погон в армии был одним из самых злободневных. Первыми погоны сняли матросы в Кронштадте и Гельсингфорсе. В период расправ над офицерами в марте 1917 года погоны были вынуждены снять и морские офицеры. Адмирал Максимов, выполняя требования Центробалта, утвердил отсутствие погон, а постановлением Временного правительства о введении новой формы одежды на Флоте оно было узаконено. Однако, в сухопутных частях флота и в армии ношение погон оставалось обязательным, что вызывало постоянные эксцессы.

содержания, братание с немцами, захватное право во всем[10] и т.д. Хорошо настроенные офицеры являются лишь единичными исключениями. В армии на фронте ничего подобного нет сравнительно с тем, что делается здесь. Такие войска ни для каких боевых операций не пригодны, они представляют лишь крайнюю опасность для собственной страны. Близость Кронштадта, Гельсингфорса и Петрограда будет всегда парализовывать все усилия к водворению в солдатской массе более здравых понятий и даже, пробыв здесь 5 дней, замечаю, что развал все разрастается.

Сегодня днем была демонстрация всего гарнизона по случаю тревожных дней в Петрограде. Все войсковые части вышли с флагами и плакатами, на которых было написано «Долой Временное правительство». Нет ни власти, ни силы, которые были бы достаточно авторитетны, чтобы остановить этот ужас, напротив, дело идет все хуже и хуже.

Дабы хоть немного водворить порядок в совершенно расстроенном мышлении солдатской массы, я просил Петроград прислать в Выборг двух делегатов Совета рабочих депутатов, но до сих пор их еще нет, а присутствие их было бы крайне необходимо. Не думайте, что я преувеличиваю или теряю спокойствие, напротив того, спокойствие я сохраняю полное, но действительность безотрадна.

О стратегических соображениях пока не пишу, так как все эти дни был занят вопросами политическими, но в ближайшие дни, конечно, представлю по этому вопросу мои соображения.

Если возможно, прошу это письмо не передавать в Штаб, дабы содержание его через писарей не сделалось достоянием и чинов Выборгского гарнизона, что повредило бы мне в моих здешних делах. Прошу принять уверения в глубоком моем уважении. В. Орановский».[11]

Следует заметить, что поначалу крайне эмоциональное письмо Орановского возымело действие. Данилов направил его начальнику штаба верховного главнокомандующего А.И. Деникину 24 апреля, сопроводив пояснительной запиской и рекомендовал для доклада М.В. Алексееву. Тот, в свою очередь, поддержал предложения Орановского о выводе ненадежных войск из Финляндии и отправки их на фронт. В своем письме военному министру А.И. Гучкову верховный главнокомандующий в качестве аргументации использовал не только факты, но и целые цитаты из донесения Орановского.[12] В конце письма предлагалось принять немедленные меры:

«...В интересах дела представляется настоятельно необходимым, чтобы войска, ныне находящиеся в Финляндии, были постепенно расформированы.

В первую очередь необходимо расформировать крепостные полки, как особенно разложившиеся.

Состав их, и прежде всего офицерский, представляется наиболее соответственным перевести в действующие полки, отдав под особый надзор начальников и послав на наиболее опасные предприятия.

Солдат постепенно следует отправлять на укомплектование действующих частей, разбрасывая, как развращенный элемент, по всем фронтам...».[13]

Однако этой инициативе не суждено было сбыться. 1 мая Гучков вышел из состава Временного правительства, а спустя несколько дней был смещен с поста верховного главнокомандующего и сам М.В. Алексеев.

Очередной причиной для тревоги стало решение о передислокации Кронштадтского учебного отряда в окрестности Выборга в мае 1917 года.

---

[10] Имеются ввиду лозунги «Земля – крестьянам», «Фабрики Ц рабочим» и прочие.

[11] РГВИА. Ф.2003. Оп. 1. Д. 1755.

[12] Письмо предположительно можно датировать 28 апреля 1917 года.

[13] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д. 1755.

Из телеграммы В.А. Орановского главнокомандующему Северным фронтом от 30 мая 1917 года:

«По газетным сведениям Временное правительство предписало Кронштадтскому учебному отряду выступить в Бъеркэ и Транзунд (ныне Высоцк. – *Авт.*), являющийся рейдом Выборга. В Выборге нормальная жизнь и отношения благодаря трудам и настойчивости начальников и местного комитета постепенно налаживается. Достаточно невольной искры, чтобы превратить начинающееся успокоение в анархию. Так как по слухам посылаемые из Кронштадта намерены развернуть свою деятельность в Выборге, убедительно прошу ходатайствовать о спешной отмене отданного распоряжения для предотвращения разнесения анархии через Выборг по всей Финляндии...»

Ответ главнокомандующего не заставил себя ждать:

«Вывод учебного отряда из Кронштадта вызван серьезнейшими политическими обстоятельствами и отменен быть не может. Того же мнения придерживается и Главковерх, находящийся в Двинске. Уверен, что обычными мерами Вы справитесь и с этим осложнением. Двинск. 30 мая. Драгомиров».[14]

Между тем, первоначальный состав Выборгского Совета и Армейского комитета 42-го корпуса носил преимущественно эсеровский и меньшевистский характер, настроение войск гарнизона было относительно спокойное, однако обстановка стала быстро ухудшаться после визита в Выборг делегации Кронштадтского Совета во главе с большевиком Федором Раскольниковым в июне 1917 года.

Здание гостиницы «Бельведер» в Выборге (ныне Ленинградский проспект д. № 16). Здесь в 1917 году располагался штаб 42-го армейского корпуса. Открытка из собрания Л.И. Матвеева

[14] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 110.

Опасения Орановского относительно активизации большевистской агитации в Выборге и других гарнизонах корпуса нашли отражение в рапорте начальника штаба 42-го армейского корпуса на имя начальника штаба главнокомандующего Северным фронтом от 23 июня 1917 года.

«Комендант Выборгской крепости и все войсковые начальники усиленно просят о периодическом приезде в части гарнизона членов Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, из наиболее известных и влиятельных, – для собеседований и лекций не на митингах, а в самих казармах.

Близость Петрограда, Кронштадта и Гельсингфорса растлевающим образом действует на войска, куда проникает исключительно только пропаганда большевистского направления, не встречая никакого противодействия со стороны других партий, а борьба своими силами, путем работы офицерского состава, достигает очень ничтожных результатов, вследствие явно предубежденного отношения к офицерству, усиленно поддерживаемому часто приезжающими из Петрограда ораторами.

Все попытки к культурно-просветительной работе, в виде классов грамотности, устройства чтений, собеседований на текущие темы, встречают полное равнодушие и отрицательное отношение. Из газет признается только «Правда», всякая остальная "буржуазная" пресса отвергается.

Войсковые комитеты во внутренней жизни частей и в порядке несения службы, к сожалению, не пользуются должным авторитетом. Увещевания делегатов встречают часто упреки "в приверженности к старому строю", в "плохом товариществе" и в "желании вернуть старую власть".

При отсутствии боевых действий на фронте, массы свободного времени у солдата и односторонней агитации извне о бесцельности продолжения войны, систематическое приглашение ораторов и лекторов здорового направления принесло бы существенную пользу делу настроения солдатских масс, а потому Командир корпуса просит оказать зависящее содействие к скорейшему приглашению в войска Выборгского гарнизона, а равно и части 106 пехотной дивизии, надлежащих ораторов для собеседования в казармах».[15]

Можно отметить, что сохранившиеся архивные документы свидетельствуют, что генерал Орановский не стеснялся высказывать личное мнение по военным вопросам, касающимся обороны Финляндии, отличное от позиции вышестоящего командования, а после назначения генерала Брусилова верховным главнокомандующим стал вызывать этим недовольство Ставки. В ряде публикаций о службе Орановского отмечено, что он был смещен с поста командира 42-го корпуса в конце июня 1917 года и направлен в распоряжение командующего Петроградским округом. Никаких приказов, подтверждающих этот факт, автором статьи не обнаружено, однако сохранилась переписка телеграфом по прямому проводу Орановского с командующим Северным фронтом генералом В.Н. Клембовским от 2 августа, свидетельствующая о планах верховного главнокомандующего по его замене:

Клембовский: «Здравствуйте, Владимир Алоизьевич! Вам, вероятно, известно, что генерал Брусилов предполагал назначить на Ваше место командиром 42 корпуса генерала Ванновского. Добиться выяснения причин такой замены я во время бытности в ставке не мог, так как не оказалось ни одной минуты свободной, чтобы переговорить с Брусиловым. Лукомский[16] же сказал в общих выражениях, что Вы признаетесь не вполне соответствующим для командования отдельным корпусом. По вступлении в должность генерала Корнилова я вновь получил телеграмму из Ставки с уведомлением, что Ванновский получает другое назначение и с просьбой

[15] РГВИА. Ф..2031. Оп. 1. Д. 1464.

[16] С 2 июня 1917 года генерал-лейтенант А.С. Лукомский – начальник штаба верховного главнокомандующего.

указать, кем я предполагаю заменить Вас. На это я ответил так же, как говорил лично Лукомскому в Ставке, то есть, что я признаю Вас совершенно соответствующим занимаемой должности и никакого другого подходящего кандидата указать не могу. В ответ на это вчера Лукомский телеграфировал мне, что Главковерх согласен на оставление Ваше, если Вы проявите настойчивость и энергию по приведению в порядок частей войск Вам подчиненных, причем прежде всего немедленно надлежит настоять, чтобы никто из чинов сухопутных войск не смел ходить без погон. Если Вы не можете настоять на немедленном проведении в жизнь требований Главковерха, то об этом Вам надлежит донести, и тогда Вы будете заменены другим комкором. Зная Вашу энергию и настойчивость, я убежден, что Вы сумеете справиться со всеми возложенными на Вас задачами и обязанностями и, скажу откровенно, не желал бы замены Вашей другим генералом. Прошу сказать мне откровенно, могу ли я ответить в таком духе Наштаверху. Клембовский».

Орановский: «Здравия желаю, Ваше Высокопревосходительство. Приношу Вам искреннюю благодарность за Ваши доброжелательные слова и Вашу веру в мою полную готовность нести службу, как мне повелевает долг. Надеюсь, что Вы не сомневаетесь в том, что я сделаю все зависящее от моих сил.

Вашему Высокопревосходительству отлично известно, в каком состоянии находились войска в Финляндии и насколько неблагоприятны условия их здешнего квартирования в смысле вредной агитации. Тем не менее улучшение, несомненно, идет, и я убежден, достигнет благоприятных результатов. Вопрос же погон, конечно, будет разрешен сравнительно легко. Я буду очень рад, когда вопрос о моем уходе отсюда или оставлении здесь получит разрешение, потому что неопределенность связывает мне руки. Вчера прибыл наконец корпусной Суд, который явится чрезвычайно важным фактором к водворению в войсках нормальной жизни. Еще раз приношу мою сердечную благодарность. Орановский».

Клембовский: «Я так и отвечу в Ставку и вопрос об оставлении Вами занимаемой должности можете считать окончательно решенным. Прошу только Вас не входить в непосредственное сношение с Военным Министерством за исключением, конечно, тех случаев, когда оно будет обращаться прямо к Вам. Но и тогда безотлагательно посылайте мне копии как их телеграмм, так и Ваших ответов. Во время бытности в Петрограде избегайте подымать непосредственно какие-либо вопросы, а делайте это через меня....».[17]

Разразившийся в Петрограде «июльский кризис» вызвал резкое обострение политической обстановки в Финляндии. Финский Сейм, ошибочно интерпретировав события в Петрограде как очередную смену власти, принял постановление об отделении Финляндии от Российской республики. В качестве ответной меры Временное Правительство 18 (31) июля выпустило манифест о роспуске Финляндского парламента. Опасаясь возможного вооруженного восстания в Финляндии, Ставкой и командованием Северного фронта было принято решение о существенном увеличении воинских частей на ее территории. В район Карельского перешейка, Выборга и Гельсингфорса была начата переброска подразделений 14-й кавалерийской и 5-й Кавказской казачьей дивизии.[18]

Последнее письмо В.А. Орановского было направлено главнокомандующему Армиями Северного фронта В.Н. Клембовскому 20 августа 1917 года:

«Милостивый государь Владислав Наполеонович!

За последнее время замечается вообще ухудшение в настроении войск Финляндии. Объясняется это тем, что все вредные элементы с большевистским направлением,

[17] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 110.

[18] Передислокация осуществлялась поэтапно в течение нескольких месяцев и завершилась только в конце сентября.

которые переполняют эти войска, усилили свою деятельность, опасаясь, чтобы приказы и распоряжения Военного Министра и прочих высших начальников, настойчиво требовавших восстановления дисциплины и нормального уклада жизни войска, не имели бы в действительности влияния на войска.

Каждое распоряжение о привлечении к законной ответственности явно виновных в преступных деяниях лиц вызывает целый ряд беззаконных постановлений комитетов различных наименований, видящих в них нарушение дарованных солдатам прав и служащих к распространению среди войск еще большей разрухи, а среди невежественной солдатской массы убеждения в незаконности требований начальства и в праве солдатских масс на полный произвол и самовольство.

Худшими из всех частей Финляндии являются в этом отношении части Выборгского гарнизона и 423-й пехотный Лужский полк. В этом последнем полку деятельность полкового комитета стала настолько преступной, что я был вынужден назначить над этой деятельностью судебное следствие. Я думаю, что эта мера поможет направить жизнь полка. Что же касается Выборгского гарнизона, главным образом трех Выборгских пехотных крепостных полков, то благодаря непрерывающейся агитации как разных гастролеров, так и матросов Балтийского флота, положение в них безнадежно. Состояние Выборгского гарнизона таково, что я не буду убежден в безопасности офицерского состава, если в составе гарнизона не будет постоянно находиться казачья или кавалерийская часть. Несколько дней тому назад по поводу собрания офицеров одного из крепостных пех.[отных] Выборгских полков для обсуждения вопроса об организации суда чести солдаты полка произвели недопустимое возмущение с дикими угрозами по отношению офицерского состава и только случай помог успокоить разбушевавшуюся толпу и предотвратить насилие и эксцессы. По этому случаю производится в настоящее время следствие военным следователем. Повторение таких случаев в Выборге каждую минуту возможно.

Все три Выборгские крепостные пехотные полки в отношении их оздоровления безнадежны, они, конечно, как боевая сила, беспомощны, а в обычное время опасны. С районом крепости они совершенно незнакомы и назначения своего, конечно, не оправдывают.

Все Петроградские события сейчас же отражаются на Выборгском гарнизоне и, подстрекаемые агитаторами и местным Советом солдатских и рабочих депутатов, имеющим определенно большевистское направление, Выборгские крепостные пехотные полки готовы каждую минуту на всевозможные преступные выступления.

Я считал бы крайне желательным вывести их из Финляндии или при помощи их расформирования и назначения на укомплектование других частей (т. к. полки крепостные и обоза по штату не имеют), или дав им какое-нибудь назначение, хотя бы по охране железной дороги вне Финляндии. Тогда в Выборгской крепости могла бы быть расквартирована бригада 45-й пех.[отной] дивизии, нравственное состояние которой до сего времени еще удовлетворительно. Такое решение вопроса повлияло бы очень благоприятно на все прочие войска, расположенные в Финляндии, уничтожило бы этот большевистский очаг, представляющий несомненную опасность в столь близком расстоянии от Петрограда и, кроме того, в значительной степени облегчило бы вопрос о расквартировании вообще в Финляндии войск на зиму.

Особенную опасность представляет Выборгский гарнизон в случае каких-нибудь политических осложнений в Петрограде.[19] В этом последнем случае наличие в Выборге прочной кавалерийской и казачьей части является, безусловно, необходимым, ибо в этом гарнизоне нет ни одной части, на которую можно было бы положиться и которая могла бы послужить для подавления беспорядков.

[19] Эти слова Орановского, без преувеличения, можно считать пророческими.

Поэтому я ходатайствую, чтобы ни при каких обстоятельствах не выводить из Выборга той кавалерийской (а лучше казачьей) части, которая мною в нем расквартирована.

Прошу принять уверения в совершенном почтении. Покорный слуга В. Орановский».[20]

Ответ на письмо Орановского, отправленный штабом Северного фронта 24 августа из Пскова, носил лаконичный характер и был, по сути, отпиской.

«Комкору 42. На Вашем письме от 20 августа <...> Главкосев наложил следующую резолюцию: "Сменить Выборгский гарнизон полевыми войсками, превращая их в крепостные, нельзя. А, следовательно, нельзя и выводить Выборгские крепостные полки. Надлежит принять меры для утверждения порядка"».[21]

Впрочем, Клембовский, при всем желании, видимо уже ничем не мог помочь Орановскому – обстановка в армии, Ставке и столице менялась исключительно быстро. В стране разгорался очередной политический кризис.

Ранним утром 28 августа командующему Северным фронтом генералу Клембовскому была направлена телеграмма следующего содержания: «Временным правительством Вы назначаетесь врид Верховного главнокомандующего, с оставлением Вас в Пскове и с сохранением должности Главкосева. Предлагаю Вам немедленно принять должность от генерала Корнилова и немедленно мне об этом донести. Министр-председатель Керенский».[22]

Приказ был передан через штаб верховного главнокомандующего. Ответ генерала Клембовского поступил через несколько часов:

«От Главковерха получил телеграмму, что я назначаюсь на его место. Готовый служить родине до последней капли крови, не могу во имя преданности и любви к ней принять эту должность, так как не чувствую в себе ни достаточно сил, ни достаточно уменья для столь ответственной работы в переживаемое тяжелое и трудное время. Считаю перемену Верховного командования крайне опасной, когда угроза внешнего врага целости и свободы родины повелительно требует скорейшего проведения мер для поднятия дисциплины и боеспособности армии. Клембовский. 28 августа».[23]

Позднее стало известно, что генерал Клембовский был одним из двух командующих фронтами (всего их было пять), которые выразили свою поддержку генералу Корнилову. Другим был командующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин.[24] Клембовский 29 августа был снят с поста главнокомандующего армиями Северного фронта и заменен генералом М.Д. Бонч-Бруевичем.

Последующие трагические события в Выборге относительно подробно описаны в ряде современных публикаций.[25] Наиболее полное описание произошедшего содержится в воспоминаниях полковника Д.Л. Казанцева, написанных в 1930-х годах в эмиграции и опубликованных недавно в России.[26] В начале 1917 года капитан Казанцев служил в военно-цензурном отделе в Гельсингфорсе и после мартовских событий был прикомандирован к контрразведывательному отделу при штабе 42-го

---

[20] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 110.

[21] Там же.

[22] *Керенский А.Ф.* Россия в эпоху великих потрясений. ТД АЛГОРИТМ. 2017.

[23] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 110.

[24] *Керенский А.Ф.* Россия в эпоху великих потрясений. ТД АЛГОРИТМ. 2017.

[25] Например, см: *Новоселова З.А.* Самосуды в Выборге // «Выборг. 24 сентября 2004 года. URL: https://pereklichka.livejournal.com/247878.html

[26] *Казанцев Д.Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917 / вступ. ст. и примеч. А.И. Рупасова. М. 2016.

армейского корпуса.[27] В РГВИА сохранились донесения из штаба 42-го армейского корпуса за эти дни.

Вечером 29 августа Штаб Северного фронта получил телеграмму из Выборга: «Постановлением Выборгского Совета солдатских и Рабочих депутатов и Армейского комитета 42 корпуса в присутствии комиссара Областного комитета сегодня были арестованы комкор 42 генерал Орановский, комендант крепости генерал Степанов,[28] обер-квартирмейстер 42 генерал Васильев и адъютант Цензурного отдела подполковник Кирениус и препровождены на гауптвахту, откуда толпа солдат извлекла их и тут же убила, бросив трупы в канал. Спустя несколько времени неизвестными солдатами в своей квартире убит и ограблен начальник инженеров крепости генерал Максимович, а на улице неизвестными же солдатами убит командир 1-го Выборгского полка полковник Дунин.[29] На дворе своими солдатами убит командир 3-го Выборгского полка полковник Карпович,[30] а на островах своими же солдатами убиты командир минной роты подполковник Бородин и его адъютант подпоручик Куксенко. Приняты возможные меры к прекращению дальнейших беспорядков. Согласно постановлению того же Совета и Комитета во временное командование войсками 42 корпуса вступил я, о чем доношу. 29 августа. Выборгского крепостного артиллерийского склада капитан Елизаров».[31]

Ответная телеграмма Бонч-Бруевича была отправлена утром 30 августа:

«Командующему 42 Армейским корпусом. Копия Комиссару Северного фронта. Ожидаю незамедлительного подробного донесения о событиях с точной характеристикой настроения гарнизона, с указанием причин, волнующих гарнизон. Передайте гарнизону мой призыв к порядку и спокойствию. Действуя совместно с Комиссаром, комитетом и Советом, примите самые решительные меры восстановления порядка и личной безопасности в частях корпуса. 30 августа. Бонч-Бруевич».[32]

Одновременно Бонч-Бруевич направил телеграмму комиссару Северного фронта: «Сообщая копию телеграммы командующего 42 корпусом и копию моей ему телеграммы прошу скорейшего содействия в ликвидации возникнувшего эксцесса и предупреждения возможности дальнейшего его развития».

Очередное донесение из Выборга пришло 31 августа:

«Сообщаю для доклада ВоенМину. С ночи на 31 августа до настоящего времени настроение города успокаивается. Порядок восстановлен и пока более не нарушался.

---

[27] По мнению Д.Л.Казанцева эти убийства офицеров были инспирированы германской агентурой и проводились по спискам.

[28] Генерал-майор Степанов Федор Васильевич (1871–1917), герой обороны Порт-Артура в Русско-японскую войну, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (ВП 27.01.1905)

[29] Полковник Иосиф Константинович Дунин-Слепец, герой Русско-японской войны, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за выдающийся подвиг храбрости и мужества, выказанный им 13 ноября 1904 г. в Порт-Артуре, при отбитии штурма на форт № 3». (ВП 13.03.1908, родной дед Патриарха Московского и всея Руси Алексия II).

[30] Полковник Карпович Николай Михайлович в 1917 году был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за то, что «состоя в рядах 83-го пехотного Самурского полка, в бою 14 мая 1915 г., при взятии г. Синявы, лично руководя действиями вверенного ему полка, под губительным огнем при сильном сопротивлении противника прорвал расположение его, взял сильно укрепленную позицию с фортами..., чем способствовал решительному успеху наших войск» (ВП от 07.02.1917).

[31] По свидетельству Казанцева, Михаил Михайлович Елизаров попал на должность председателя Выборгского Совдепа совершенно случайно. В марте 1917 года его рота первой вышла на площадь с красными флагами.

[32] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1610.

Революционные матросы линкора «Петропавловск». 1917 год. Из фондов ЦВММ

Город охраняется конными разъездами и пехотными патрулями. Производство полного расследования и установление зачинщиков в течение 24 часов не представляется возможным вследствие сложности дела и напряженного состояния гарнизона. Комиссар Соколов и следственная комиссия при участии членов Центрального Исполнительного комитета Элиава, Венгерова вполне согласна с необходимостью более длительного и тщательного расследования. Комкор 42 Елизаров».[33]

Из последующих докладов Елизарова стало известно, что 29 августа в Выборге были также убиты подпоручик 1-го Выборгского полка Хапцов, подполковник Глиндзич, подполковник 8-го Финляндского полка Богуславский.

Убийства не ограничились Выборгом и происходили в последующие дни. Так, 1 сентября на станции Тюрве[34] солдаты 34-й дружины убили командира 3-й роты поручика Семеречинского и младшего офицера прапорщика Вильдта. В Гельсингфорсе 31 августа за отказ подписать антикорниловское воззвание были расстреляны четыре морских офицера с линкора «Петропавловск». На Аландских островах 5 сентября был арестован и сразу же расстрелян военный летчик лейтенант Макаревич. В ночь на 2 сентября застрелился штаб-ротмистр стрелкового полка 14-й кавалерийской дивизии Безобразов. Бесчинства затронули также и гражданское население. Так, 31 августа вооруженной группой численностью около 20 человек была захвачена усадьба «Роккала»,[35] принадлежащая госпоже Л.Л. Сафронской и британскому гражданину А. Лингарду. Отряд солдат, прибывший из Выборга на паровом катере, высадился на причале имения, ворвался в дом, схватил прислугу и угрожая убийством, потребовал выдачи хозяев, которым удалось убежать. Два дня солдаты обыскивали имение и окружающий лес, после чего вернулись в Выборг. В ответ на жалобу, поданную А. Лингардом, Выборгский Совдеп заявил, что в имении искали офицеров.[36] Еще один случай произошел в ночь на 7 сентября в поселке Раппатила,[37] где солдаты, проникшие в дом с целью грабежа, ранили агронома Сонне и убили его сестру.

Из телеграммы начальнику штаба Северного фронта о настроении частей 42-го армейского корпуса за 1 сентября:

---

[33] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1610.

[34] В районе города Раумо (Финляндия).

[35] В настоящее время на территории поселка Советский Выборгского района.

[36] «Случай в Выборге». Письмо в редакцию. Газета «Речь» от 28 сентября 1917 года.

[37] На тот момент – предместье Выборга.

«Настроение во всех частях в связи с последними событиями ухудшилось значительно. Наиболее здоровыми частями являются казаки и 14-я кавалерийская дивизия. 2-й запасной полк отказался выступить по месту нового назначения в с.[ело] Медведь, мотивируя свой отказ незнанием, кто такой Зубов, подписавший телеграмму о перемещении полка. Командиру 2-го запасного полка послана телеграмма с разъяснением и приказанием исполнить требование переместиться. В настоящее смутное время комитеты являются авторитетной силой в глазах солдатских масс, хотя некоторые распоряжения комитетов вызывают неодобрение солдат <...>. Все партии напрягают усилия, дабы не допустить повторения имевших место в Выборге кошмарных событий. <...> Согласно распоряжения Главковерха А.Ф. Керенского[38] приказано расследовать дело для обнаружения зачинщиков, для чего образована комиссия, в которую вошли представители полковых организаций, а также представители от Центрального Исполнительного комитета из Петрограда. Комиссия не встречает сочувствия со стороны солдатских масс, и на этой почве не исключаются повторные эксцессы. Принимаются меры для возбуждения интереса к комиссии со стороны солдат с целью вызвать сочувственное отношение и содействие работе комиссии. Солдатами частей 106 дивизии в Таммерфорсе[39] был арестован по подозрению в контрреволюции начдив 106 генерал Станкевич,[40] освобожденный теперь за неимением улик. Постановлением президиума Дивизионного Комитета 106 дивизии комбриг 106 полковник Годунский устранен от исполнения его обязанностей и постановлением того же комитета командир 421 полка подполковник Пасынков назначен комбригом. Силы к неповинующимся не применялось. <...> Официальных донесений о дезертирах офицерах нет, но, по частным сведениям, от разных частей гарнизона Финляндии, скрылось много офицеров, боясь насилий со стороны солдат, что теперь выясняется.[41] ВРИД комкор капитан Елизаров, за комиссара Вр. Правительства Базылев».[42]

Нельзя сказать, что в публикациях советского периода тема расправ над офицерами Выборгского гарнизона в августе 1917 года замалчивалась, однако информация носила явно тенденциозный характер и упоминалась без подробностей. Формально осуждая самосуд, убийства офицеров косвенно оправдывались «революционной необходимостью» и трактовались как «казнь за измену». Практически везде основной причиной беспорядков называлась поддержка генералом Орановским и офицерами штаба 42-го корпуса Корниловского выступления, при этом довольно скоро стало известно, что как раз Орановский безоговорочно встал на сторону Временного Правительства. Представляется уместным привести подлинный текст телеграммы, направленной Орановским в Петроград:

«Телеграмма Военному Министру, копия Главкосеву. 28 августа 1917 года.

Войска 42 корпуса, расположенные в Финляндии, исполняя данную присягу Временному Правительству, будут подчиняться тому Верховному Главнокомандующему, который будет им назначен. Комкор 42 Орановский».[43]

---

[38] А.Ф.Керенский принял на себя должность верховного главнокомандующего 1 сентября.

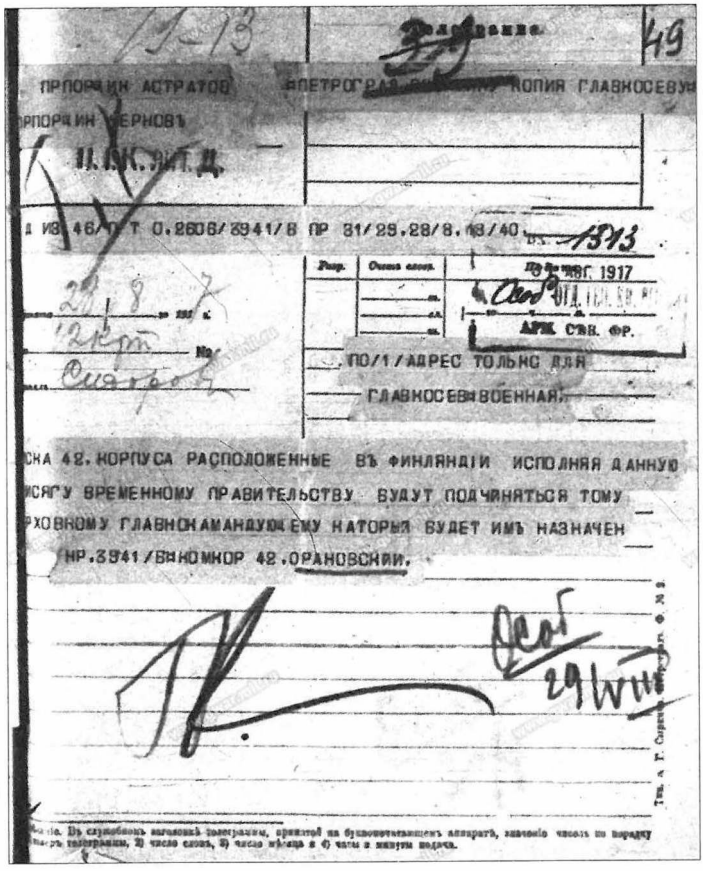
[39] Совр. город Тампере в Финляндии.

[40] Новым начальником 106-й дивизии был избран член РСДРП(б) (с мая 1917 года) полковник М.С. Свечников, зимой 1918 года фактически возглавивший Финскую Красную гвардию.

[41] По газетным сообщениям того периода пропало без вести около 60 офицеров Выборгского гарнизона. Часть из них впоследствии вернулась к местам службы. Командование 42-м армейским корпусом было фактически обезглавлено. Немедленно после этих событий, чудом оставшийся в живых начальник штаба корпуса генерал-майор Б.П. Баженов, сославшись на болезнь, подал рапорт о переводе его в резерв.

[42] РГВИА Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1464.

[43] Там же. Д. 31.



ПРПОРЩИК АСТРАТОВ
ПРПОРЩИК ЧЕРНОВЪ
КОПИЯ ГЛАВНОСЕВЗАП
ПО/1/АДРЕС ТОЛЬКО ДЛЯ
ГЛАВНОСЕВЗАПВОЕННАЯ.
СНА 42.КОРПУСА РАСПОЛОЖЕННЫЕ ВЪ ФИНЛЯНДІИ ИСПОЛНЯЯ ДАННУЮ
ИСЯГУ ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ БУДУТ ПОДЧИНЯТЬСЯ ТОМУ
РХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ КАТОРЫЙ БУДЕТ ИМЪ НАЗНАЧЕН
НР.3941/ВНКОМКОР 42.ОРАНОВСКІЙ.

Телеграмма В.А. Орановского военному министру от 28 августа 1917 года. Из фондов РГВИА

Нет окончательной ясности и с количеством жертв самосудов в Выборге. Вплоть до настоящего времени чаще всего называют 11 человек. Однако, по всей видимости, эта цифра отражает данные только первых донесений. В газетных статьях того периода и в воспоминаниях Казанцева говорится о 22 погибших офицерах.

Еще одной проблемой, с которой столкнулось руководство Северного фронта после «Выборгских событий», стало принятие командования 42-м корпусом капитаном Елизаровым, тем самым фактически получившим верховную военную власть на территории Финляндии. По согласованию со Ставкой Бонч-Бруевич предпринял несколько попыток назначить на пост командующего 42-м корпусом генерал-майора Н.В. Хенриксона, что вызвало упорное сопротивление со стороны корпусного армейского и гарнизонного комитетов, предупреждавших о возобновлении беспорядков в Выборге в случае отзыва Елизарова. Не удалась и предпринятая в качестве компромисса попытка назначения генерала Хенриксона на должность начальника штаба 42-го корпуса.[44]

Телеграмма Бонч-Бруевича начальнику штаба верховного главнокомандующего. 5 сентября 1917 года.

«Комиссия, образованная мною из представителей Искосева[45] для расследования причин убийств комкора 42 генерала Орановского и других одновременно с ним

---

[44] Попытка заменить Елизарова удалась только в середине октября. Командующим 42-м корпусом был назначен генерал-лейтенант Д.Н. Надежный, впоследствии один из командующих финской Красной Гвардией, советский военачальник.

[45] Исполнительный Комитет Северного фронта.

десяти офицеров, начала работу.[46] Формально установлено несоответствие компрометирующих данных действительности. Ничего не выяснено о действительном участии погибших в заговоре и сочувствии генералу Корнилову. В руку зверств сыграла темная агитация и личные счеты. В самом процессе арестов, результатом коих были зверства, был целый ряд самым необычным образом сложившихся роковых обстоятельств. Многое зависело от неправильной организации комитетов и их сбивчивой сферы деятельности. Неточное распределение функций Гельсингфорского революционного комитета и армейского комитета 42 корпуса привело к появлению самозванных комиссаров. В связи с создавшимся положением я в согласии с комиссарсев[47] 4 сентября предложил назначить и срочно командировать генерал-майора Хендриксона на должность Начальника штаба корпуса, как опытного боевого генерала, пользующегося доверием военно-общественных организаций и преданного делу революции с тем, чтобы он вступил в командование корпусом, так как этого требует боевая обстановка, указывающая возможность давления со стороны германцев. Капитану Елизарову поручил ориентировать генерала Хендриксона во всей обстановке и пересмотреть правильность организации военно-общественных учреждений <...>

Из последующих на это распоряжение донесений и моих с Выборгом переговоров выяснилось, что ради возможности окончательного восстановления и сохранения в будущем спокойствия и порядка в 42 корпусе и частности в Выборге желательно пока не назначать генерала Хендриксона к временному исполнению должности комкора 42, так как уход капитана Елизарова с должности вызовет взрыв эксцессов и будет роковым для порядка. Положение в войсках напряженное и капитану Елизарову удается приводить к спокойствию благодаря полному к нему доверию Выборгского гарнизона и его популярности и авторитету не только в Выборге, но и во многих других гарнизонах. Кроме того, выяснилось, что Главковерх приказал капитану Елизарову остаться в должности комкор 42, о чем он и был уведомлен телеграммой полковника Багратуни от 30 августа. Назначение извне новых лиц на высшие командные и штабные должности в корпусе капитан Елизаров считает опасным и потому нежелательным. Временно исполняющим должность Наштакор[48] назначен капитаном Елизаровым полковник Шнабель, пользующийся широким доверием. Капитан Елизаров докладывает, что он надеется справиться с оперативными делами... Ввиду сообщенного...капитан Елизаров будет продолжать командовать корпусом с полной ответственностью за его боевую работу. Начальником Штаба временно вступил полковник Шнабель, обер-квартирмейстером капитан Кавернинский».[49]

Тем самым генерал Бонч-Бруевич фактически утвердил переход Выборгского гарнизона и всего 42-го корпуса под полный контроль местных Советов, что сыграло существенную роль в событиях октября 1917 года в Петрограде, когда прибывшие из Финляндии войсковые части, наряду с матросами Гельсингфорса и Кронштадта, явились основной ударной силой вооруженного восстания.[50]

20 сентября Временное правительство отдало приказ главнокомандующему Северным фронтом приказ о немедленном выводе ненадежных частей из Выборга

[46] На тот момент уже было известно о гибели 13 офицеров.

[47] Комиссар Северного фронта.

[48] Начальник штаба корпуса.

[49] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1610.

[50] 8 октября 1917 года В.И.Ленин, накануне возвращения из Выборга в Петроград, описал в работе «Советы Постороннего» общий план восстания: « ... В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота...».

и других гарнизонов Финляндии и замене их казачьими частями, то есть именно о том, на чем настаивал генерал Орановский. Но было уже поздно. Против приказа о выводе войск выступили Областной комитет Финляндии, Гельсингфорсский Совет, Центробалт, Армейский комитет 42-го корпуса и Выборгский Совдеп.

Следственная комиссия по расследованию «Выборгских событий» так и не закончила свою работу. Ни один из виновников расправы над офицерами назван не был. Не обнаружены и ее материалы.[51]

Неимоверных трудностей стоило родственникам убитых в Выборге добиться разрешения на розыск трупов и их погребение, поскольку этому противились солдатские массы.

Только спустя несколько дней приступили к водолазным работам. Розыски сильно затрудняло течение, отнесшее тела далеко от моста, вследствие чего работы затянулись на целую неделю. Тело генерала от кавалерии Орановского было извлечено из воды одетым в красную шелковую рубашку русского покроя. Китель был сорван с него тогда, когда его тащили с гауптвахты. По словам Казанцева «Во всей позе трупа, судорожно сведенной конвульсиями, со скрученной и ушедшей в плечи головой при последнем содрогании, было столько жути, что даже наиболее любопытные из солдат отворачивались».[52]

Тело генерала Орановского было перевезено в Петроград и захоронено (по некоторым данным) на территории Исидоровской церкви Александро-Невской лавры. В 1920-е годы церковь была закрыта, захоронения уничтожены, могилы разграблены.

В заключение хочется привести слова маршала Б.М. Шапошникова, служившего под началом В.А. Орановского адъютантом штаба 14-й кавалерийской дивизии перед Первой мировой войной:

«Прошли годы... Орановский давно погиб. И вот теперь, возвращаясь к личности Орановского, хочется сказать о нем доброе слово. Как начальник дивизии, Орановский всегда брал на себя ответственность за принимаемые решения, учил дивизию и, нужно сказать, действительно сделал из нее хорошее боевое соединение; плоды работы этого соединения пожал во время войны уже Новиков, считавший себя чуть ли не русским Мюратом. Как офицер Генерального штаба, Орановский был деятельным, опытным, тактичным. Он прививал эти качества и мне. Правда, его нельзя назвать "отцом-командиром", как это понимали в русской армии, т. е. командиром, который иногда мог по-приятельски похлопать по плечу солдата. Да разве в этом заключалось достоинство командира? Нет и нет. Солдат всегда разбирался, кто настоящий командир, а кто подлаживается под него. Последних он не терпел. Заботился ли о солдате Орановский? Я с полным правом могу ответить, что более заботливого начальника я не видел. Орановский ушел из дивизии с повышением, вполне заслуженным, и в дивизии сохранилась о нем хорошая память».[53]

---

[51] По свидетельству Д.Л.Казанцева, эти материалы были уничтожены.

[52] *Казанцев Д.Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917 / вступ. ст. и примеч. А.И. Рупасова. М. 2016.

[53] *Шапошников Б.М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М. Воениздат. 1974.

Л.Г. Волкова

ДОМ ДАГЕРМАНА (РОТЕ) В ВЫБОРГЕ

На пересечении трех выборгских улиц – Подгорной, Выборгской и Южного Вала – на выгодном угловом участке находится одно из самых живописных зданий, вносящих большое оживление в морской фасад города, а также в море людских впечатлений. По документам это здание называется «бывший Дом Дагермана»[1] и сейчас здесь располагается Выборгский институт (филиал) ЛГУ им. А.С. Пушкина. При ближайшем рассмотрении оказывается, что история этого выдающегося во всех отношениях памятника архитектуры полна загадок и странностей, начиная от названия и заканчивая современной репутацией архитектора, его построившего. С архитектора, пожалуй, и начнем.

Архитектор Вальдемар Аспелин и его репутация в Выборге

Этот дом, «похожий на замок в неоготическом стиле»,[2] построил довольно известный столичный архитектор Вальдемар Аспелин (1854–1923). Прежде чем начать изучение архитектуры профессионально, он прошел пятилетнюю стажировку у Карла Теодора Хойера (1843–1910) – очень влиятельного мастера, про которого говорят, что он первым из финских архитекторов сумел составить успешную карьеру, не занимая официальных постов. Затем Аспелин учился в Швеции, после чего

---

[1] Решение Леноблисполкома № 325 от 27.07.1987 // Список объектов культурного наследия, расположенных на территории МО «Выборгский район» [Ленинградской области] / Раздел «Объекты культурного наследия регионального значения», стр.2, порядковый номер в разделе: № 1. URL: https://studylib.ru/doc/3783088/4.-reestr-obektov-kul._turnogo-naslediya—raspolozhennyh-na (дата обращения 09.04.2021). При этом, в «Списке памятников и объектов историко-культурного наследия» от 01.02.2001, подписанном начальником департамента по охране памятников Ленинградской области, заместителем председателя комитета по культуре правительства Ленинградской области С.Г. Васильевым, здание по улице Выборгской, 2 именуется «Жилой дом», см.: Архив ВОМЗ. Ф. 3. Оп.1. Д. 1490.

[2] *Silius E.* Klackarna på Klostergatan // Wiborgs Nyheter: [альманах]. 2012. S.6. – Электронная копия доступна на сайте альманаха, URL: https://www.wiborg.fi/Site/Data/1773/Files/wn_pdf/Wiborgs_Nyheter_2012.pdf (дата обращения 09.04.2021). Перевод Абакшиной Эльги Николаевны доступен: Силиус, Эмер. Каблуками по Монастырской / ВКонтакте: [социальная сеть]. – Группа «Выборг как это было», раздел «Обсуждения», тема «Перевод статей из «Wiborgs nyheter» – 2009–2012 (Э.Н. Абакшина)». 28 авг. 2012. URL: https://vk.com/topic-281469_21962310?post=3879 (дата обращения 09.04.2021).

Вальдемар Аспелин.
Фото Даниэля Нюблина. 1911 год.
Из фондов Музейного агентства Финляндии

вернулся в Финляндию и поступил в Политехнический колледж, который окончил в 1886 году. Во время учебы Аспелин несколько коротких периодов работал в офисе Франса Анатоля Шестрёма (1840–1885) и у профессора Густава Нюстрёма (1856–1917) в Хельсинки. В 1887 году он основал свою собственную архитектурную фирму в городе Хамина, но уже в 1889-м перенес свою контору в Хельсинки, где и работал до самой смерти в 1923 году. Профессиональные наставники Аспелина были яркими представителями стиля неоренессанс и, конечно, сильно повлияли на его творчество.

В Выборге Вальдемар Аспелин построил два здания – для консула Германии Эмиля Роте близ Южной гавани (1898) и «величественное здание бывшего Северного фондового банка (1900) на Рыночной площади».[3] История со строительством здания банка нанесла урон репутации архитектора в Выборге, возможно даже не столько при жизни, сколько в более поздние времена. Например, биографию Вальдемара Аспелина среди десятков прочих почему-то не приводит Отто-Ивари Меурман (1890–1994) в своей книге «Выборгские архитекторы».[4] Практически не обращают внимания на постройки этого архитектора авторы первых советских путеводителей по Выборгу, и даже Евгений Евгеньевич Кепп (1925–1997), рассказывая о здании Объединенного банка Северных стран, дом консула Роте игнорирует. Современный историк архитектуры финский исследователь Петри Неувонен в архитектурном путеводителе также практически не уделяет внимания постройкам Аспелина в Выборге, особенно дому Роте.[5] Русская версия википедии, вслед за устоявшимся мнением Е.Е. Кеппа[6] и всех выборгских гидов, прямо «обвиняет» архитектора в том, что он «настаивал на сносе Круглой башни, заслоняющей фасад банка». Здесь мы вынуждены прояснить обстоятельства. Дело в том, что дискуссия о судьбе Круглой Башни и возникающих по поводу ее предполагаемого сноса волнах общественного возмущения является излюбленным сюжетом в истории Выборга, и тот же Петри Неувонен уделяет ему в своей докторской диссертации целую главу, подробно рассматривая историографию вопроса.[7] Анализ всей информации приводит нас к выводу, что прямых

---

[3] *Viksted Juhani.* Viipurilaista rakennustaidetta 25-vuotiskaudelta 1895–1920 // Karjalan Aamulehti. № 110, 15.05.1921. S. 4, 5. – *Викстед (Виисте) Юхани.* Выборгская архитектура за 25 лет. – Электронная копия газеты доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/1415544?page=5&ocr=true&term=Waldemar&term=Aspelin. (дата обращения 12.01.2021).

[4] *Meurman O.-I.* Viipurin arkkitehdit // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimiteitta. 2. Helsinki. 1977.

[5] *Неувонен П.* Выборг: Архитектурный путеводитель / Неувонен Петри, Пёюхья Туули, Мустонен Тапани. Выборг. СН. 2008. С. 64, 77.

[6] *Kepp E.E.* Выборг. Художественные достопримечательности. Выборг. Фантакт. 1992. С. 85 (цитата): «...В. Аспелин настаивал на ее (Круглой Башни) снесении».

[7] *Neuvonen P.* Linnoituksesta historialliseksi muistomerkiksi. Viipurin vanhakaupunki 1856–1939 //Aalto-yliopiston julkaisusarja DOCTORAL DISSERTATIONS 164/2017. S. 148–155 – *Петри Неувонен.* От крепости к историческому памятнику: Старый Выборг 1856–1939: диссертация на финском яз. – Электронная копия доступна на сайте Aalto University, URL: https://aaltodoc.aalto.fi/handle/123456789/29048 (дата обращения 09.04.2021).

Здание Северного акционерного банка. Архитектор В. Аспелин, 1899 год. Из книги: Мысько А.С. Архитектура Выборга разных эпох. СПб. 2019

источников, связывающих требование о сносе Круглой башни с личностью Аспелина, не обнаруживается. Напротив, когда в конце 1890-х годов опять на повестку дня встал вопрос о сносе башни, Неувонен отмечает со ссылкой на мемуары Виктора Ховинга (1877–1970), что «хотя Круглая Башня представляла собой строительное наследие шведской эпохи Выборга, <...> представители шведской партии не были на переднем крае защиты башни. Виктор Ховинг рассказывал в своих мемуарах, что , когда партия шведского большинства в совете обсуждала предложение снести башню, единственным, кто высказался за сохранение башни, был его отец, Вальтер Ховинг...».[8] Среди сторонников сноса башни особенно выделялся категоричностью мнений другой выборгский архитектор – Бернд Ивар Аминов (1843–1926). Не стесняясь в выражениях, он называл Круглую башню «старой каменной кучей», «одной из самых уродливых построек Выборга, которая не предлагает горожанам никакого художественного удовольствия», и расположена она «в самом неподходящем месте», «мешает транспорту» и «затмевает собой красоту Северного банка».[9] Таким образом, если Вальдемар Аспелин и правда был недоволен соседством своего творения с «Толстой Катериной», то он был далеко не одинок в своем мнении.

---

[8] *Neuvonen P.* Linnoituksesta historialliseksi muistomerkiksi. Viipurin vanhakaupunki 1856–1939 //Aalto-yliopiston julkaisusarja DOCTORAL DISSERTATIONS 164/2017. S. 153 – *Петри Неувонен.* От крепости к историческому памятнику: Старый Выборг 1856–1939: диссертация на финском яз. – Электронная копия доступна на сайте Aalto University, URL: https://aaltodoc.aalto.fi/handle/123456789/29048 (дата обращения 09.04.2021).

[9] Ibid. S. 153.

Упаковка для кофе «Paulig», дизайн В. Аспелина. Фото с сайта компании «Paulig»

Будущее же показало, что позиции Круглой Башни оказались так же прочны, как и ее стены, она и сейчас является главной доминантой Рыночной площади и продолжает развлекать горожан и туристов своей богатой историей. Что же касается биографии архитектора, то, к счастью, статьи википедии об Аспелине на других языках «порочащую» его информацию не содержат и, вообще, рассказывают о нем гораздо более содержательно. Ведь кроме архитектурной практики, Аспелин известен как преподаватель рисования в Школе искусств и дизайна и в школе совместного обучения в Хельсинки, как дизайнер печей[10] и, наконец, как большой друг Густава Паулига (1850–1907), кофейного магната, для семьи которого он не только построил прекрасную виллу из дерева, но и разработал дизайн упаковок для кофе с изображением девушки в национальном финском костюме, с которого началась и развилась в будущем одна из самых удачных бизнес-акций компании.[11] Имя Вальдемара Аспелина связано и с другой «вкусной» темой: по его проекту построена кондитерская фабрика знаменитой финской фирмы «Oy Fazer Ab». В этом случае ему удалось спроектировать трехэтажное промышленное здание, которое обнаруживало себя как фабрика только благодаря высокой трубе, поднимающейся в глубине участка, но так хорошо было вписано в окружающую среду, что выглядело классическим и хорошо подходящим для улицы.[12]

Что же касается Выборга, то строительство дома для консула Роте, которое велось почти одновременно со зданием Северного банка, было встречено выборгской общественностью вполне доброжелательно. В частности, газета «Wiborgsbladet» в октябре 1898 года писала:

«Новостройки в Выборге. Для каменного дома консула Э. Роте чертежи были разработаны архитектурной фирмой г-на В. Аспелина из Хельсинки. <...> Новое здание, которое возводится на углу улиц Церковной, Царской и Южного Вала, будет оформлено следующим образом: часть, которая не видна с земли, должна

[10] Например, в семейном особняке Лидвалей в Санкт-Петербурге. Подробнее см.: URL: https://terijoki.spb.ru/pechi/trk_pechi.php?item=57 (дата обращения 12.01.2021).

[11] Paulig: [сайт]. – Хельсинки (Финляндия). URL: https://www.pauliggroup.com/what-we-do/since-1876 (дата обращения 12.01.2021).

[12] Биография архитектора на сайте Музея финской архитектуры в Хельсинки, см.: *Waldemar Aspelin* // Arkkitehtuurimuseo, Arkkitehdit. URL: https://www.mfa.fi/kokoelmat/arkkitehdit/waldemar-aspelin/ (дата обращения 12.01.2020).

состоять из подвалов и складских помещений. Первый этаж предназначен для четырех офисных помещений и богато украшенного вестибюля, который ведет к полукруглой лестнице, поддерживаемой железными колоннами. Дворовое крыло на первом этаже будет оборудовано для конюшен, карет, там же будет пекарня и другие хозяйственные помещения. Два верхних этажа дворового корпуса предназначены для складов-магазинов и будут оборудованы электрическим лифтом. В главном здании другие этажи состоят из гостиной, семи комнат, вестибюля, кухни, ванной комнаты, гардеробных и тому подобного. Фасад здания, выходящий на улицу Южного Вала, будет выполнен в готическом стиле, с двумя башнями, с живописным фронтоном между ними. <...> Также на фасаде предусмотрены декоративные анкеры из кованого железа и лепные украшения на окнах и на балконе...».[13]

В феврале 1899 года газета «Wiipuri» фиксировала:

«Строительные работы в городе. Консул Эмиль Роте строит красивый трехэтажный дом на участке № 72 в бывшей крепости с фасадами на три улицы: Церковную, Государеву и Южный Вал. Чертежи выполнены архитектором Вальдемаром Аспелином из Хельсинки».[14]

В 1899 году дом был построен и с тех пор является украшением Выборга.

Где эта улица, где этот дом?

Из-за расположения на угловом участке не все так просто с адресом здания: в разные времена он был разным. Согласно современному адресному реестру дом числится по улице Выборгской, № 2. В довоенных справочниках чаще всего указывается ädрес Etela-Vallikatu (Etelavallikatu, финск. – улица Южного Вала, 10), но встречается и указание через номер владельческого участка: Kirkkokatu, t. 72 – финск., Церковная улица, участок 72, или Biskopsgatan, gard. 72 – швед., Епископская улица, участок 72.[15] В принципе, это нормальная ситуация для того времени, когда степень персонификации собственности и личной ответственности за имущество и деятельность были значительно выше, чем сейчас. Что касается названий улиц Церковная-Епископская, то надо иметь в виду, что это одна и та же улица, которая сейчас на всем протяжении называется Подгорной, а до начала XX века одна ее часть – от пересечения с Прогонной до Крепостной (более возвышенная) – называлась Епископской, другая – от пересечения с Крепостной, спускающаяся к Южному Валу – Церковной. В период независимости (1930-е годы) вся улица называлась Piispankatu – «Епископская улица».[16] Участок под № 72 городского района Линноитус (Linnoitus – «крепость», финск., сокращенно LN) относился к зоне старейшей городской застройки, которая осваивалась людьми с момента образования городского посада на материке, то есть с XIV века. Нумерация владельческого участка не была постоянной и менялась со временем. Номер участка LN-72 был еще раз

---

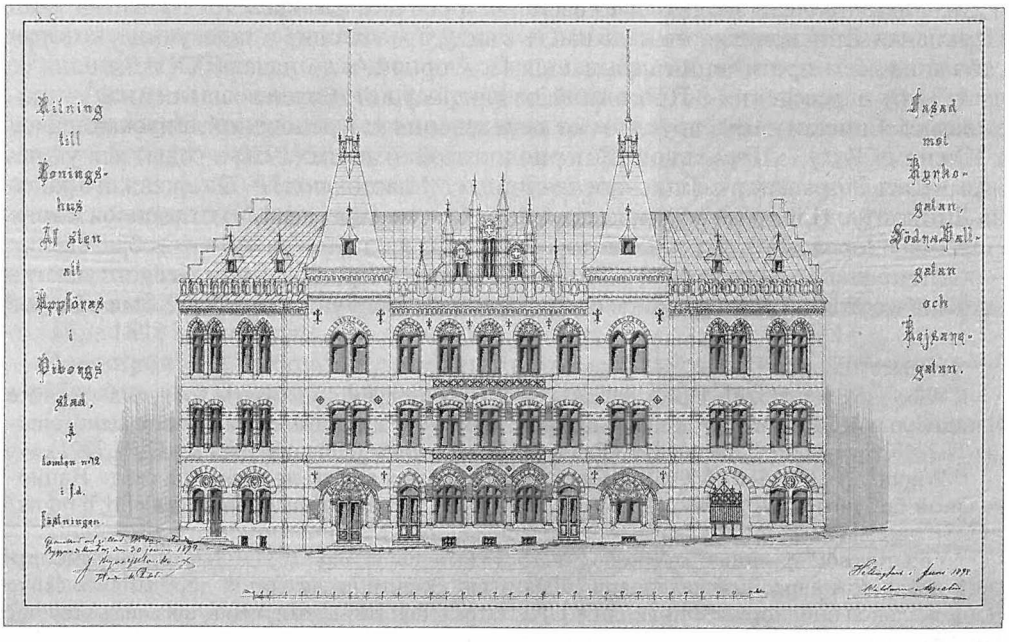
[13] Wiborgsbladet. № 241. 18.10.1898. S. 2, 3. Электронная копия газеты доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/582448?page=2&ocr=true&term=Rothe&term=Aspelins. (Дата обращения 12.01.2021).

[14] Wiipuri. № 38. 15. 02.1899. S.2. Электронная копия газеты доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/737252?page=2&term=Rothe (дата обращения 12.01.2021).

[15] Viipurin osote- ja ammatikalenteri, 1902, S. 95 (15). Os. II; S. 88 (8) Os. III и т.д. – «Выборгский деловой и адресный календарь 1902» и т.п. Электронная копия доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1262861?page=95 (дата обращения 12.01.2021).

[16] См., например, план 1930 года. URL: https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=map_Vyborg_1930&sc=6 (дата обращения 12.01.2021).

Дом № 2 на улице Выборгская. Архитектор В. Аспелин, 1899 год. Из книги: Мысько А.С. Архитектура Выборга разных эпох. СПб. 2019



Главный фасад дома Роте. 1898 год. Архитектор В. Аспелин. Чертеж из Национального архива Финляндии (Провинциальный архив Миккели, MMA-923)

уточнен в середине XIX века, когда Выборг стал развиваться согласно генеральному плану 1861 года, составленному землемером Бернтом Отто Нюмальмом (1819–1887) и утвержденному императором Александром II. Эта нумерация не менялась вплоть до Второй мировой войны.

Если границы участка оставались более-менее постоянными после обретения Выборгом регулярной (прямоугольной) сети улиц (с 1630-х годов) и его застройку можно проследить с момента появления первых планов города, то владельческая история участка не такая прозрачная и первые имена появляются только в конце XVIII – начале XIX веков. Чтобы не запутаться, встанем мысленно в начало улицы Сторожевой Башни и двинемся по ней в сторону «от замка». Участок треугольной формы справа, занятый сейчас лужайкой с деревьями, принадлежал капитану Антону Лаубе и был полностью застроен. Территория нынешнего деревянного дома № 4 была тогда в собственности коллежского асессора Пера Урсина. Далее слева, после перекрестка с Подгорной, находился, как и сейчас, участок старого кафедрального собора, а по правую руку, где сейчас стоит дом № 3 с датой на фасаде «1768», как раз и располагался интересующий нас участок LN-72. В указанное датой время и до начала XIX века здесь «в длинном одноэтажном каменном доме» размещалась резиденция выборгских вице-губернаторов. Участок неоднократно объединялся с соседними (73, 78), разделялся на части и вновь соединялся. С начала XIX века эта территория вместе с застройкой была уже частной собственностью рода Тавастов, в частности, в 1840-е годы владельцем был подполковник и управляющий таможенной экспедицией Рафаэль Таваст, затем недолго участок принадлежал семейству Хакманов, а с 1875-го – консулу Карлу Роте и его родственникам.[17]

Роте и Дагерманы: кто есть кто?

Итак, с 1875 года владельческий участок, на котором был построен интересующий нас дом, принадлежал семье Роте. Эта немецкая фамилия относилась к известному выборгскому роду, основатель которого Карл Генрих Роте (1798–1870) происходил из Любека и принадлежал той же волне ганзейской эмиграции, которая принесла в Финляндию знаменитых Стокманов и Паулигов, а конкретно в Выборг – Хакманов, Теслеффов, Старкйоханов, Миельков и других успешных немцев. Именно он изображен на знаменитой картине художника Михаила Эрасси (1828–1898), показывающей вид на Выборгский замок со стороны Каменного города. Абовский (ныне Крепостной) мост на картине заполнен гуляющей публикой и в расположенной ближе всего к зрителю с левой стороны паре мужчин мы видим в белом цилиндре Карла Генриха Роте – он непринужденно прислонился к перилам моста, а справа от него – в черном плаще и черном цилиндре – стоит его зять Йоханн Готфрид Дидерих Бандхольц (1822–1898), многолетний компаньон своего тестя и основатель выборгского газового завода (см. 4-ю стор. обложки). Бандхольцу принадлежит честь быть устроителем газового освещения в городе.[18]

Поскольку имя Карл является родовым в семье Роте и среди выборгских членов семьи известны, по крайней мере, три Карла, живших в XIX веке, и два из них были консулами,[19] то каждый из них мог приобрести в собственность указанный участок. Точная информация содержится в имущественных документах, которые нам в данном случае недоступны. В генеалогических данных относительно годов

---

[17] *Ruuth J.W.* Viborgs stads historia. Helsingfors. 1906. S. 754.

[18] *Schweitzer Robert.* Lübecker in Finland. 1991. S. 59.

[19] Ibid. S. 46. В примечании к списку германских консулов Роберт Швайцер указывает, что один сын и два внука Карла Роте были германскими консулами в Выборге.

жизни родоначальника Карла Генриха Роте, приехавшего в Выборг в 1825 году и начавшего здесь свой бизнес, также имеются разночтения относительно года его смерти.[20] Поэтому точно указать, кто же из Карлов Роте купил участок у Южной гавани, не представляется возможным. Собственно, для нашей истории это не столь важно, поскольку заказчиком строительства здания в 1898 году выступал внук «первого» Карла Роте, тоже консул Германии в Выборге, Эмиль Пауль Артур Роте (1860–1909).

Эмиль Роте родился в Выборге и был сыном торгового советника и банкира Вильгельма Роте (1825–1889), мать его – Эмилия Луиза Элеонора, урожденная Теслефф. Вильгельм Роте – старший сын Карла Генриха, родившийся уже в Выборге, был одним из самых богатых людей города, его имя постоянно включалось в местные «списки Форбс»,[21] в 1889 году одно только наследство Вильгельма Роте составляло 3,4 миллиона финских марок.[22] Эмиль Роте, как и его отец, и дядя Карл Альберт Рейнхольд Роте (1829–1882), и старший брат Карл Вильгельм Андреас Роте (1851–1891), не отличался крепким здоровьем и прожил очень короткую жизнь – всего 49 лет.[23] Однако, как и все Роте, он оставил о себе в городе хорошую память. Отучившись в знаменитой выборгской гимназии Карла Бема, он получил бизнес-образование в Европе, после чего вернулся в Выборг и работал в семейном торговом доме «Carl Rothe & C°», где после смерти старшего брата в 1891 году взял на себя управление компанией и вскоре после этого был назначен консулом Германии. «Во времена своего здоровья» Эмиль Роте был не только уважаемым бизнесменом, но и – в выборгских традициях – щедрым благотворителем. Он был председателем местной немецкой благотворительной организации, которая поддерживала семьи немецких бедняков, софинансировала строительство школ при «немецких» заводах и фабриках.[24] Газеты сообщали, например, что консул Эмиль Роте сделал щедрый подарок

[20] На международном генеалогическом сайте указаны годы 1798–1870 (см. URL: https://gw.geneanet.org/rafaelo?lang=en&p=carl+heinrich&n=rothe (дата обращения 12.01.2021). А по данным Роберта Швейцера Карл Генрих Роте прожил значительно дольше – с 1798 по 1889 год (см. Schweitzer Robert. Lübecker in Finland. 1991. S. 59). В написанной на французском языке книге Унио Сарлина «Консульский корпус Финляндии» (*Sarlin U.* Corps Consulaire en Finlande.I. 1779–1917 /Unio Sarlin; Suomen sukututkimusseuran julkaisuja. XXVIII. Turku: 1972. 143 s. – *Унио Сарлин.* Консульский корпус Финляндии. Часть 1. 1779–1917 гг. / Издание Финского генеалогического общества) – содержится информация о следующих консулах в Выборге из рода Роте: Карл Генрих Рейнхольд Роте (1798–1870,W) – консул Любека в Выборге в период 1835–1868 (P. 71); Фридрих Вильгельм Александр Роте (1825,W – 1889,W) – консул Германии в Выборге в период 1881–1889 (P. 32); Карл Вильгельм Андреас Роте (1851,W – 1891,W) – консул Германии в Выборге в период 22.09.1891–09.12.1891 (P. 32); Эмиль Пауль Артур Роте (1860,W –1909,W) – консул Германии в Выборге в период 1892–1902 (P. 32).

[21] В газете «Ilmarinen» статья так и называется «Выборгские богачи»: Wiipurin pohatat // Ilmarinen. № 93. 20.11.1878. S.1. Электронная копия газеты доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/431610?term=Karl&term=Rothe&page=1 (дата обращения: 09. 04. 2021).

[22] *Schweitzer Robert.* Lübecker in Finland. 1991. S. 41.

[23] Некролог на смерть Эмиля Роте: Wiborgs Nyheter. № 228. 04.10.1909. S.2. Электронная копия газеты доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/809249?term=Emil&term=Rothe&term=Rothes&page=2 (дата обращения 12.01.2021). Похоронен Эмиль Роте на кладбище Сорвали.

[24] *Täkäl.* Saksal hywäntekewäi syysyhdistytsen vuosikokouksessa // Wiipurin Sanomat. № 44. 15.02.1898. S. 2. Электронная копия газеты доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/613200?page=2&ocr=true&term=Emil&term=Rothe (дата обращения 12.01.2021).

начальной школе в Юкспяя (Селезнево) в виде формовочного станка.[25] Кроме того, после прекращения деятельности торгового дома «Rothe & Co» в 1904 году, на основании совместных завещаний родственников-владельцев был сформирован пенсионный фонд с резервным счетом, который должен был управляться городским советом Выборга и из которого бы выплачивались пенсии лицам, «проходившим службу в торговом доме "Carl Rothe & Co" ... в течение оставшейся жизни».[26]

Возвращаясь к дому, отметим, что один из вариантов указания его местоположения был и такой – «Carl Rothe ja K:ien kont.» – «контора Карла Роте и К°» .[27]

С учетом всего вышеизложенного у внимательного читателя давно уже должен был созреть вопрос: кто же такой Дагерман, указанный в советских и последующих документах в качестве владельца дома? Ответ на этот, оказавшийся довольно сложным, вопрос, удалось получить в результате продолжительных и трудоемких поисков, благодаря сети Интернет, и тому, что в Финляндии уже больше двадцати лет действует программа дигитализации фондов, согласно которой в открытый доступ выставляется вся печатная продукция XVIII, XIX, XX веков, отложившаяся в государственных хранилищах – библиотеках, архивах и музеях.

Господин Густав Виктор Дагерман[28] (1835–1912) – многолетний сотрудник компании «Carl Rothe & Co». Он проработал у Роте 48 лет, из которых 27 лет в качестве юриста. Сама фирма существовала в Выборге почти 80 лет: с 1825 по 1904 год. Когда торговый дом прекратил свою деятельность в связи с тем, что никто из Роте по разным причинам не мог взять на себя руководство им, то Густав Виктор Дагерман был с почетом отправлен на пенсию и за безупречную службу награжден ценным подарком. Газета «Wiborgs Nyheter» в том же номере, где сообщается о закрытии фирмы, в заметке «Почетный подарок» рассказывает, что «г-н Дагерман получил сервиз столовой посуды из серебра, состоящий из 100 предметов, в дубовом ящике с инкрустацией и надписью «Gustaf Viktor Degerman 25.06.1856–01.06.04 с благодарностью Carl Rothe & Co».[29] В адресных и деловых справочниках Г.В. Дагерман указывается как управляющий недвижимым имуществом Роте, в том числе и после 1904 года. В 1907-м, например, в газетах встречается объявление о сдаче в аренду подвала на участке № 72 по Епископской улице «ближе к Г.В. Дагерману».[30] В 1910 года 7 июня газета «Wiborgs Nyheter» в разделе «Из хроники дня», где, например, рассказывалось, что в Выборге остановился во время поездки из Петербурга в Хельсинки товарищ

---

[25] Koulujohtotuntaan // Wiipuri. 193. 22.08. 1894. S.2. Электронная копия газеты доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi. kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/746767?term=Rothe&page=2 (дата обращения: 09.04.2021).

[26] Подробнее об условиях использования средств фонда см.: Donation. Familjen Rothes pensionsfond – 112,000 mark // Wiborgs Nyheter. № 23. 29.01.1910.S. 2. Электронная копия газеты доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/809347?page=2&ocr=true&term=Emil&term=Rothe&term=Rothes (дата обращения 12.01.2021).

[27] Wiipuri. № 157.13.07.1898. S.1. и др. Электронная копия газеты доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/747948?term=Earl&term=Rothe&page=1 (дата обращения 10.04.2021).

[28] Во всех источниках фамилия указывается как Degerman.

[29] Hedersgåfva // Wiborgs Nyheter. № 127. 04.06.1904. S.3. Электронная копия газеты доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/808240?page=3&ocr=true&term=Gustaf&term=Viktor&term=Degerman (дата обращения 12.01.2021).

[30] Från 1 juni uthyres // Wiborgs Nyheter. № 62. 14.03.1907. S. 4. Электронная копия газеты доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/808479?page=4&ocr=true (дата обращения: 09.04.2021).

министра Марков,[31] который совершил визит к командиру крепости и увидел работы по установке статуи Петра в укреплениях Святой Анны, сообщала также: «Сегодня исполняется 75 лет Густаву Виктору Дегерману».[32] В 1912 году Густав Виктор Дагерман скончался и был похоронен на кладбище Ристимяки.[33]

Дальнейшее развитие сюжетных линий нашего повествования в силу скудости данных наметим пунктирно.

Род Роте в XX веке по мужской линии практически угас. Жена Эмиля Роте Марта (урожденная Авеллан) в 1919 году вышла вторично замуж за Артура Неовиуса (1869–1956) и умерла в Хельсинки в 1946 году. Третий сын Вильгельма Роте, Вильгельм Юлий Август Роте (1862–1948), продолжавший дело отца и бывший, как и он, банкиром, проживал со своей семьей в Выборге, на семейном участке LN-72, но в другом строении – по адресу улица Сторожевой Башни, 3 (сейчас жилой дом), возможно до самой войны.

Вид на Южную гавань со стороны Смоляного мыса. В центре (за судном белого цвета) – дом Роте. Открытка начало XX века. Из собрания Л.И. Амирханова

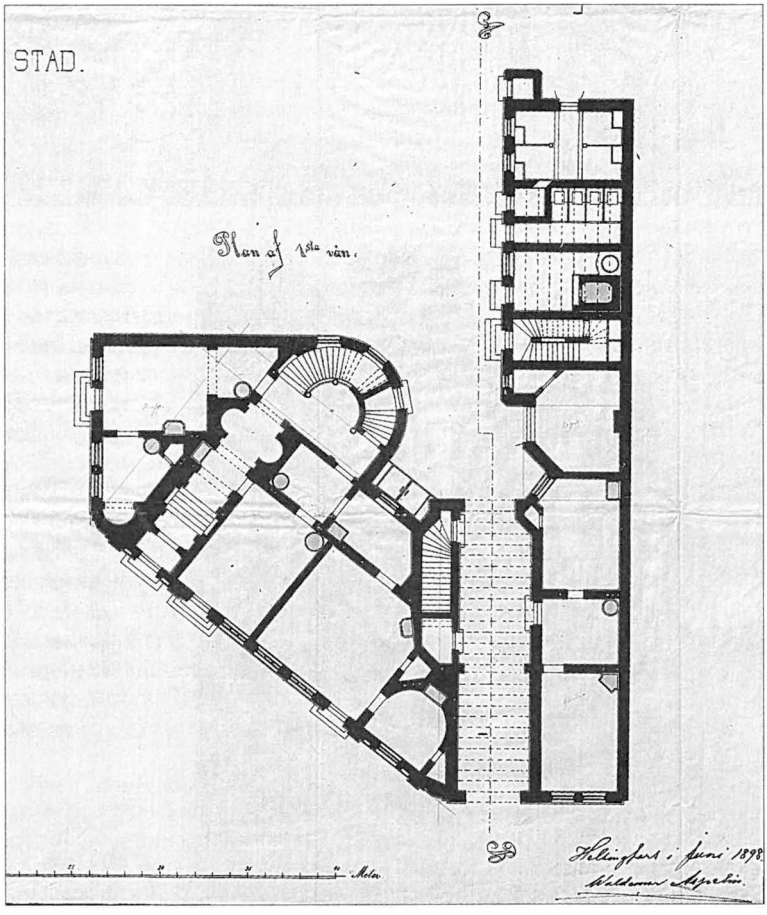
[31] Скорее всего, речь идет о Маркове Павле Алексеевиче (1841–1913) – юристе, государственном деятеле, товарище министра юстиции.

[32] Сообщение о 75-летии Дагермана // Wiborgs Nyheter. № 128. 07.06.1910. S. 4 (над рубрикой "Telegram"). Электронная копия газеты доступна на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/809452?page=3&term=Gustaf&term=Degerman&term=viktiga&term=viktig (дата обращения: 09.04.2021).

[33] Сообщение о смерти Густава Виктора Дагермана на 77- м году жизни и благодарность за соболезнования от сына Виктора и внука Георга опубликовано в газете «Karjala» от 30.03.1912 (стр.1) и от 02.04.1912. См., например: https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/1242131?page=1&term=Degerman (дата обращения 12.01.2021).

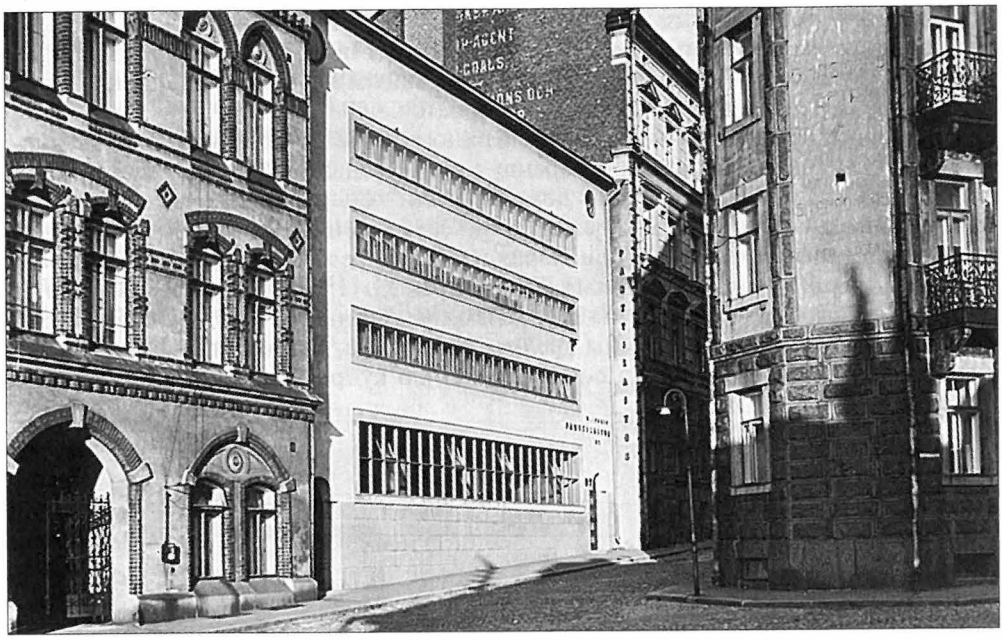
Семья Дагерманов – сын управляющего Виктор и внук Георг и другие члены их семьи – проживали в разные годы в разных местах, в частности, в районе Папула.[34] Георг Дагерман много лет был управляющим пивным заводом у Ильинской горы. К 1939 году «след» Дагерманов в Выборге теряется.

Здание, построенное Вальдемаром Аспелином, после смерти Эмиля Роте использовалось как офисное и сдавалось в аренду самым разным предприятиям и организациям. До войн 1939–1944 годов дом называли консульским, поскольку в нем размещались два консульских учреждения – Германии и Дании, и, соответственно, здесь же проживали консулы Леон Перандер (Датское королевство) и Фердинанд Юлиус Клевер (Германия) с семьями. Леон Перандер (1881–1956) – это внук Вильгельма Роте, сын его дочери Эммы Вильгельмины Алины Роте (1854–1925). Он был не только консулом, но активным предпринимателем, поэтому тут же в доме был офис «Cuprinol Tehdas» (завода по изготовлению купринола, применяемого при

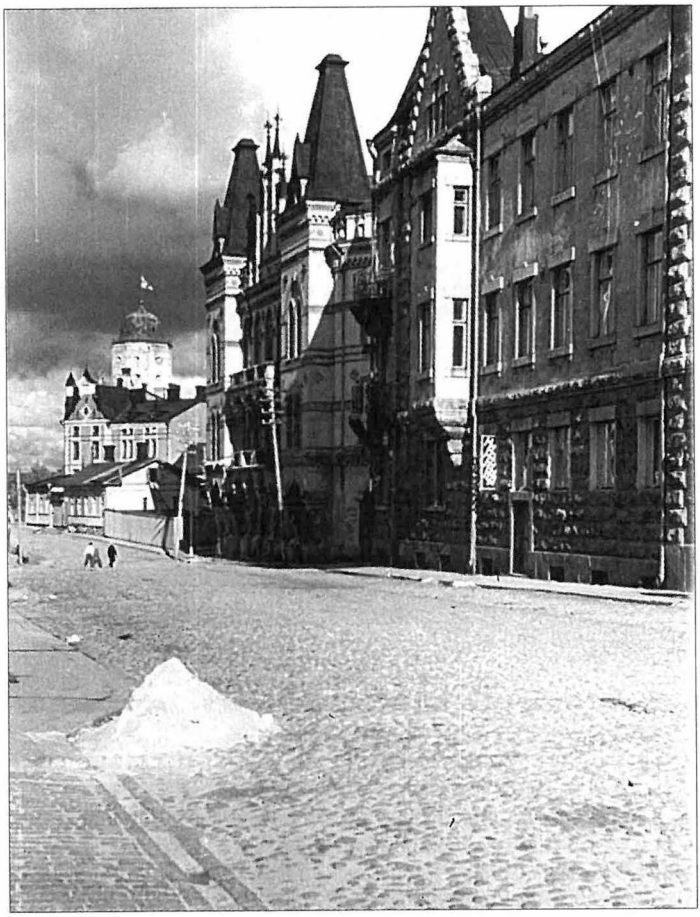


Фрагмент чертежа Дома Роте с аркой. 1898 год. Архитектор В. Аспелин. Из Национального архива Финляндии (Провинциальный архив Миккели, MMA-926)

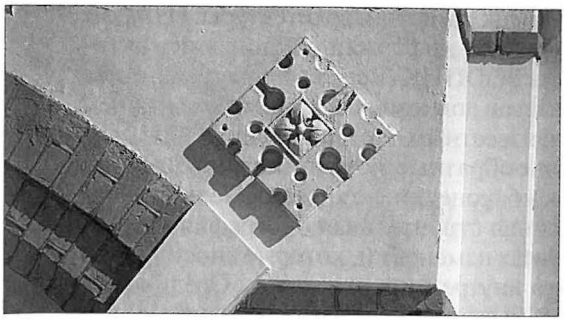
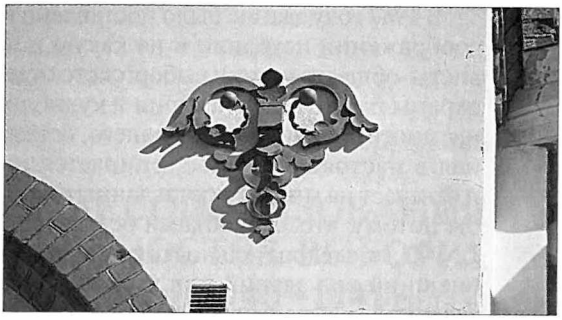
[34] Viipurin kaupungin osoitekalenteri ja liikehakemisto. 1926. Электронная копия справочника опубликована на сайте Национальной библиотеки Финляндии. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1262791?page=61&ocr=true&term=Degerman (дата обращения 12.01.2021).



Перекресток Выборгской (бывшей Монастырской) улицы и улицы Южный Вал. Первый слева – дом Роте с проездной аркой, которая позднее была заложена. В центре – здание ломбарда, построенное по проекту Уно Ульберга (1931 год). Справа виден угол дома «в готическом стиле» (архитектор Эдвард Диппель,1897 год). Фотография Эйно Партанена, 1930-е годы. Из фондов объединения Музеев Лаппеенранты



Монастырская улица. 1930-е годы. Из собрания Музейного ведомства Финляндии

Элементы украшения дома Роте. 2021 год. Фото М.М. Браудзе

производстве медной и стальной проволоки), офис «Paraisten Kalkkivyori Oy» (добывающей компании) и других.

Как сразу и в каком качестве здание использовалось после окончания военных действий в 1944 году неизвестно – советский период архитектурной истории Выборга пока еще наименее всего освещен в открытых источниках. В имеющихся в нашем распоряжении отчетных документах Выборгского горисполкома за 1947, 1948, 1949 годов адрес «Выборгская, 2» не встречается. Однако можно предположить, что степень сохранности дома была высокой – как и многих других каменных зданий в старой части города. Часть из них долго стояла после войны, разрушаясь от царившей в Выборге бесхозяйственности.[35] Известно, что с 1959 года «отдельное здание на Выборгской улице, дом № 2» получила школа рабочей молодежи (вечерняя школа № 1). Справочник Выборгской городской телефонной сети за 1960 год указывает по этому же адресу Райком союза работников госторговли.[36] Вполне возможно, что организации просто делили между собой помещения. В ходе послевоенных ремонтов здание претерпело некоторые изменения, в частности, была заложена сквозная арка, которая вела во внутренний двор участка со стороны Выборгской улицы. На одной из башенок некоторое время «красовалась» надпись «1966», сделанная краской. Какой смысл был вложен в эту дату, выяснить не удалось. Согласно распоряжению Леноблисполкома от 22 июня 1983 года № 262-р и приказу Леноблоно от 1 июля того же года № 209, Выборгская средняя (сменная) школа рабочей молодежи была закрыта, а здание, документы, личные дела учащихся были переданы вечерней школе № 2.[37] С 1988 года начинается современная история здания, когда в его стенах было открыто педагогическое училище. История реорганизаций этого учебного заведения выходит за рамки нашего исследования, в кратком виде она изложена на сайте Выборгского филиала ЛГУ им. А.С. Пушкина.[38]

---

[35] Подробнее об освоении Выборга после войны см.: *Орав В.А.* Политика Советского государства по восстановлению и развитию Карельского перешейка в 1944 –1950-е годы: автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07.00.02 / Орав Владимир Алексеевич; Санкт-Петербургский государственный университет. СПб. 2017. URL: https://disser.spbu.ru/files/disser2/1282/aftoreferat/PN92wfbdJb.pdf (дата обращения 10.04.2021). – Копия доступна: Архив ВОМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1746. Сокращение ВОМЗ – Выборгский объединенный музей-заповедник.

[36] Список абонентов Выборгской городской телефонной сети / Издание Выборгской районной конторы Министерства связи РСФСР. Выборг, 1960. С. 55.

[37] *Кунаев Т.В.* Из истории развития системы образования в г. Выборге и Выборгском районе в 1940–1998 гг. Краткий информационно-статистический справочник. Выборг, 1999. С. 34.

[38] Выборгский институт (филиал) ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина» : [сайт]. Выборг. URL: http://www.vpk-vbg.ru/home.php (дата обращения: 10.04.2021).

В 1987 году здание было поставлено на учет как памятник архитектуры. Из каких соображений исходили и на какую историческую информацию опирались активисты-общественники выборгского отделения ВООПИК (Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры), назвав дом консула Эмиля Роте именем наемного лица, им управлявшего, остается неизвестным. История здания, написанная в настоящей статье, опирается на разнообразные источники информации и отвечает на многие поставленные вопросы, но, конечно, не является полной. Хотя бы потому, что за скобками осталась подробная строительная биография участка LN-72, последовательность его застройки и всех изменений, которые вносились во внешний вид зданий или касались каких-то внутренних переделок. Среди архитекторов, причастных к работам на участке, чьи имена хранят подписанные ими чертежи, можно встретить Виктора Эрика Амадеуса Босина (1805–1862) и Якоба Аренберга (1887–1914). Но и изложенного вполне достаточно, чтобы признать, что судьбы домов, как и судьбы людей, полны драматизма и самых невероятных поворотов. В истории же зданий оказывается, что быть на виду – во всех смыслах и со всех сторон – вовсе не означает быть досконально изученным.

Литература

Кепп Е.Е. Выборг. Художественные достопримечательности. Выборг. Фантакт. 1992.

Кунаев Т.В. Из истории развития системы образования в г. Выборге и Выборгском районе в 1940–1998 гг.: краткий информационно-статистический справочник / Кунаев Т.В. Управление образования администрации МО «Выборгский район Ленинградской области». Выборг. 1999.

Неувонен П. Выборг. Архитектурный путеводитель / Неувонен П., Пёюхья Т., Мустонен Т. Выборг. СН. 2008.

Орав В.А. Политика Советского государства по восстановлению и развитию Карельского перешейка в 1944–1950-е годы: автореферат диссертации кандидата исторических наук. 07.00.02. Печатная копия. Архив ВОМЗ. Ф. 3. Оп.1. Д. 1746.

Список абонентов Выборгской городской телефонной сети. Выборг. Издание Выборгской районной конторы Министерства связи РСФСР, 1960.

Meurman O.-I. Viipurin arkkitehdit: [Архитекторы Выборга] / Меурман Отто-Иивари, Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimiteitta, 2. Helsinki. 1977.

Neuvonen P. Linnoituksesta historialliseksi muistomerkiksi. Viipurin vanhakaupunki 1856–1939: [монография] / Неувонен Петри, Aalto-yliopiston julkaisusarja DOCTORAL DISSERTATIONS 164/2017. Helsinki. 2017.

Ruuth J.W. Viborgs stads historia. [История города Выборга] в двух томах / Руут Йохан Вильгельм. Helsingfors. 1906.

Schweitzer R. Lübecker in Finland / Швейцер Роберт. Helsinki. 1991.

Digitaaliset aineistot : дигитальные ресурсы Национальной библиотеки Финляндии: [сайт] / Kansalliskirjasto, Nationalbiblioteket. Helsinki. 2001-2021. URL: https://digi.kansalliskirjasto.fi/serial-publications?generalTypes=JOURNAL (дата обращения 10.04.2021).

Digitaaliarkisto : дигитальные ресурсы Национального архива Финляндии [сайт]. Helsinki. Обновляется ежедневно. URL: http://digi.narc.fi/digi/dosearch.ka?atun=6687.KA. – Viipurin maistraatin arkisto-arkiston sarjat. Rakennuspiirustukset: Корпус чертежей строительной конторы Выборгского магистрата. Доступно также в формате pdf: http://wiki.narc.fi/portti/images/4/45/Viipurinrakennuspiirustukset.pdf (дата обращения 10.04.2021).

Л.В. Геращенко

О РЕЖИМЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ ВЫБОРГА В 1940–1941 годах[1]

Уничтожая леса, люди подрезают основу своего существования.
К.Г. Паустовский

В статье рассматриваются отложившиеся в Ленинградском областном государственном архиве города Выборга (ЛОГАВ) документы, отразившие положение дел по сохранению лесопарковых зон вокруг Выборга и озеленению города в период 1940–1941 годов. Данный вопрос в настоящее время недостаточно изучен. Автор обосновывает мнение о необходимости привлечения более пристального внимания в изучении советского опыта по сохранению природы.

Обращение к теме лесопользования, сохранения, приумножения парков и скверов в регионе вызвано интересом автора этой статьи к изучению истории усадьбы Суур-Мерийоки в окрестностях Выборга. Главное здание усадьбы, спроектированное известными финскими архитекторами Э. Саариненом, Г. Гезеллиусом и А. Линдгреном в начале XX веке, было названо не только «жемчужиной модерна», но и «лесным дворцом». И заказчик, и исполнители этого здания стремились к созданию зоны отдыха среди нетронутого девственного леса. В настоящее время памятник архитектуры во многом утрачен, руинирован, но пока еще не окончательно утрачены фрагменты парка XIX – начала XX века. Место привлекает туристов, в том числе возможностью увидеть неплохо сохранившиеся деревья (туи западной, сосны Веймутова, лиственницы, великолепные сосны, липовую аллею). О сохранившихся древесных экзотах в усадьбе Суур-Мерийоки указывал Виктор Николаевич Максимов, в прошлом главный лесничий выборгского лесхоза.[2]

Как же были сохранены пережившие разрушительные войны деревья? Бесспорно, владельцы усадеб оберегали свою собственность, приумножали ее. Но что было позднее, когда земли находились в государственной собственности, каков социалистический опыт в деле охраны лесов и лесопарковых насаждений? С марта 1940 по август 1941 года и с 1944 по 1991 год Выборгский район – частичка СССР. Советская страна жила в условиях планового централизованного хозяйства и управления. 27 мая 1918 года был принят Декрет о лесах, где леса объявлены общенародным

[1] По материалам ЛОГАВ.

[2] *Максимов В.Н.* Древесные экзоты выборгского района. Страницы выборгской истории. Краеведческие записки. Выборг. 2000. С. 413.

достоянием, где каждый гражданин обязан заботливо относится к лесам, как общему благу. Было создано центральное управление лесов республики, а на местах – губернские и уездные лесные органы, леса были определены по категориям: эксплуатационные (для нужд хозяйства страны и граждан) и защитные, где пользование было ограниченным для сохранения почв, истоков рек, охраны памятников природы, для решения эстетических и культурных задач. В принятом в 1924 году лесным законодательством РСФСР значилось: «Охрана памятников природы, садов и парков регулируется специальными декретами ВЦИК и СНК от 16 сентября 1921 г. и 7 января 1924 г.», в которых было отмечено, что самовольное истребление леса, порубка деревьев и нарушение историко-художественного пейзажа парков карается по статьям 99, 102, 197 уголовного кодекса РСФСР. К 1926 году в инструкциях для лесоустройства были выделены следующие категории лесов: защитные, курортные, пригородные, городские. В 1925 году проходивший Всесоюзный съезд по курортному делу рассматривал вопросы о лесопарках для курортных мест. К 1935 году был создан Лесопарковый защитный пояс Москвы на территории 45 тыс. га, с 1934-го начал разрабатываться проект лесопарка «Невский» для организации отдыха населения Ленинграда, в дальнейшем почти во всех крупных городах, областных центрах создавались лесопарковые зоны, велись научные исследования. К 1940 году, таким образом, был накоплен опыт по созданию таких зон. Важнейшим документом в этом направлении явилось Постановление СНК СССР от 26 августа 1939 года «Положение о государственной лесной охране Союза ССР».

Ознакомившись в ЛОГАВ с документом, датированным 1940 годом, о положении дел с лесом и парковым хозяйством в Выборгском районе, мне хотелось бы отметить следующее:

В короткий период мира между «зимней войной» и началом Великой Отечественной войны, несмотря на сложность момента, связанной с восстановлением разрушенного и заселением приграничной территории, решением многих задач в режиме мобилизационной экономики, достаточное внимание было уделено и сохранению леса и парков.

С марта 1940 года начались восстановительные работы. Как следует из документов, объем капиталовложений на все работы в городе (жилищное коммунальное хозяйство, просвещение, здравоохранение, кинофикацию, торговлю, общественное питание и социальное обеспечение) составил 13 240 тыс. руб., из них на восстановительные работы – 10 645 тыс. Эта цифра показывает, что многое надо было именно восстанавливать. По решению Временного управления в Виипури из этой суммы было определено 500 тыс. руб. на вложение в благоустройство города, в том числе приведение в порядок садов и парков. В одном из интереснейших документов этого периода (так часто цитируемого исследователями), а именно «Рекогносцировочное обследование г. Выборга», за подписью архитектора Н.А. Солофненко в разделе описания архитектурных памятников и парков отмечено: «Крупнейший парковый комплекс в Виипури "Монрепо" живописен, не уступает лучшим усадебным паркам средней и северной России и, кроме того, интересен местным колоритом, пейзажем. Большие валуны и гранитные скалы, на которых причудливо растет сосна, обилие воды, сочетание флоры средней России и севера придает парку особую прелесть...».[3] В этом же документе отмечалось (уже в описании пригородов Выборга) «наличие значительных пригородных массивов зелени создает характерный пейзаж Выборга, в котором район с малоэтажной застройкой неожиданно сменяется парковым ландшафтом в английском вкусе, причем прелесть этого контраста усиливается обилием водной глади».[4] Это обследование проводил Трест по планировке населенных мест

[3] ЛОГАВ. Ф. р-440. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.
[4] Там же. Л. 23.

и проектированию гражданских сооружений «Гипрогор». Вплотную его работа началась с августа 1940 года. Содержание коммунального хозяйства в городах страны в то время являлось делом государственным, при этом решались вопросы не только эксплуатации и строительства жилья, транспорта, бань и прочего. Важнейшей задачей было повышение качества жизни советского человека, то есть создание благоприятной среды для его работы, отдыха и здоровья. Были созданы специальные отделы, такие как отдел зеленого строительства. Из протоколов заседаний Временного управления Виипури за июль 1940 года следует, что работа по очистке города, приведению в порядок садов и парков находится в «запущенном состоянии и городской коммунальный отдел (лично ответственность т. Быкасов) должен приступить к систематической очистке основной магистрали города, очистить и содержать в порядке сады и парки, принять меры к охране озелененного фонда, не допускать въезда в сады и парки всех видов транспорта, установить для этой цели специальную охрану».[5] Документы позволяют делать выводы, что эти проблемы не разрешались легко и быстро. Приведу выдержку из доклада инженера Донышева, возглавившего созданный отдел зеленого строительства: «Наш город располагает большим зеленым массивом, однако, используется [он] неудовлетворительно. Рубят деревья кому вздумается. В парке Папула вырубили 100 деревьев, то же можно сказать и о парке Торкели, там деревья не рубят, а беспорядок есть. Чего стоит тот факт, что приезжающие на почту заводят лошадей в парк, привязывают их к деревьям и уходят на 2–3 часа, надеясь на то, что сторожа отдела благоустройства постерегут их лошадей, а те, вместо того, чтобы стеречь зеленые насаждения от лошадей, стерегут именно лошадей. Городскому коммунальному отделу надо навести порядок и на этом участке. На озеленение затрачивается 50 тыс. руб. Будут приведены в порядок сады и скверы, произведены дополнительные посадки растений, приведено в порядок оранжерейное хозяйство. На охрану наших садов и парков надо привлечь широкую общественность города, комсомольские организации, школьников».[6] Не доставало рабочих рук, но посадкой деревьев, озеленением города занимались, что называется «всем миром», такова была практика и необходимость в тот период.

На страницах протоколов заседаний Временного управления отразились планы, содержание работы по озеленению города, сроках выполнения поставленных задач. Например, в протоколе № 42 значится: «провести устройство газонных ограждений к 1 октября, посадка не менее 700 деревьев и кустарников к 25 октября, произвести инвентаризацию зеленых саженцев в парках к 25 ноября».[7] Реализовывать эти задачи приходилось, преодолевая различные трудности, к примеру, нехватки материалов для ограждений. На 25 апреля уже следующего, 1941 года, решая вопрос об ограждениях парка по улице Торккели (ныне Ленина) и газонов по Карельской улице, принималось решение «О передаче непригодных обгорелых труб конторе зеленого строительства для ограждения парков в 5-дневный срок».[8] Острая нехватка рабочих рук – одна из основных проблем в заселяемом регионе, поэтому широко привлекалась общественность, организации и воинские части, хотя, к сожалению, не всегда под должным контролем специалистов. Исследователи Ю.И. Мошник и М.В. Ефимов со ссылкой на документы НАРК (Национальный Архив Республики Карелии)[9] сообщают, что работавшая в Выборге комиссия управления по делам искусства при Совете Народных комиссаров (СНК) Карело-Финской ССР (КФССР) составила акт, в котором указывалось, что «воинские части производят произвольную

[5] ЛОГАВ. Ф. р-440. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.
[6] ЛОГАВ. Ф. р-437. Оп. 1. Д. 2. Л. 125.
[7] ЛОГАВ. Ф. р- 440. Оп. 1. Д. 1. Л. 94.
[8] ЛОГАВ. Ф. р-437. Оп. 1. Д. 2. Л. 214.
[9] Национальный Архив Республики Карелии. Ф. 2150. Оп. 1. Д. 14. Л. 163.

порубку деревьев, составляющую сосновую рощу и аллеи, ведущие в парку "Монрепо"».[10]

По решению комиссии Временное управление Виипури должно было: «1. Установить охрану зеленых насаждений в парке и в городе. 2. Издать обязательное постановление, категорически воспрещающее кому-либо порубку, пересадку или уничтожение зеленых насаждений без разрешения горисполкома с установлением строгой уголовной ответственности за это нарушение».[11] В сентябре 1940 года на заседании Временного управления г. Виипури был поставлен вопрос о «ходатайствовании перед командованием корпуса передачи отделу зеленых насаждений оранжерей Монрепо, лесопарка на Папуле, оранжерейного хозяйства по ул. Вааса с земельным участком 1 га, скверов Панцерлакского залива, Привокзального сквера и по ул. Куллерво».[12] Эти решения были отосланы для ознакомления и работы в отдел земельных насаждений, отдел благоустройства и командный корпус. Задачи ставились и периодически производилась отчетность по их выполнению.

На мой взгляд, очень показателен еще один документ, отразивший состояние дел по охране зеленых насаждений. Приведу цитаты из него в достаточном объеме. Так, 9 января 1941 года проходило заседание Выборгского городского совета, где был рассмотрен вопрос об охране зеленых насаждений. В протоколе № 2 отразились следующие моменты: «Все организации (учебные, производственные, домоводства и пр.) несут ответственность за сохранность находящихся в их ведении зеленых насаждений. В случае необходимости произвести вырубку или пересадку дерева или кустарника должны заинтересованные организации и лица, в том числе все управления и отделы исполкома горсовета, обязаны получить в каждом отдельном случае письменное разрешение от конторы зеленого строительства отдела коммунального хозяйства. Все владельцы зеленых насаждений обязаны производить за ними уход, а также выполнять санитарный минимум по борьбе с вредителями и болезнями зеленых насаждений в соответствии с инструкцией, издаваемой конторой зеленого строительства отдела коммунального хозяйства. Все организации, на территории которых находятся зеленые насаждения, должны предусматривать в своих бюджетах средства на содержание насаждений, придерживаться календаря работ по инструкции. Утверждение проектов застроек на участке, где имеются зеленые насаждения, должно производиться главным архитектором города по согласованию с конторой зеленого строительства отдела коммунального хозяйства. Воспретить отвод участков под вновь сооружаемые аттракционы, сооружения во всех парках и скверах без разрешения конторы зеленого строительства. При составлении проектов застройки дорог, трамвайных линий наносить на генеральный план точную съемку имеющихся на участках древесно-кустарниковых насаждений, с указанием породы и диаметра дерева, а в случае отсутствия деревьев – делать оговорку на плане при строительстве, ограждать деревья прочными щитами, корни дощатым настилом, оставлять вокруг дерева и кустарников свободное пространство. Воспрещается добывать лаки, делать затесы, надрезы, вбивать гвозди в деревья, находящиеся в садах и парках, ломать и срезать сучья, ходить по газонам, лежать на них, выливать всякого рода кислоты, растворы солей, химикаты вблизи деревьев и кустарников, разводить огонь в саду, парках, скверах, выпускать в сады животных, кур, гусей. В организациях выделить ответственных за исправление состояния зеленых насаждений, их фамилии сообщить в контору зеленого строительства в 15-ти дневный срок со дня опубликования настоящего постановления. В случае

[10] *Ефимов М.В., Мошник Ю.И.* Парк Монрепо в XX веке: страницы выборгской истории. СПб. Центр сохранения Культурного Наследия. 2010. С. 80.

[11] Там же.

[12] ЛОГАВ Ф. р-440. Оп 1. Д. 1. Л. 94.

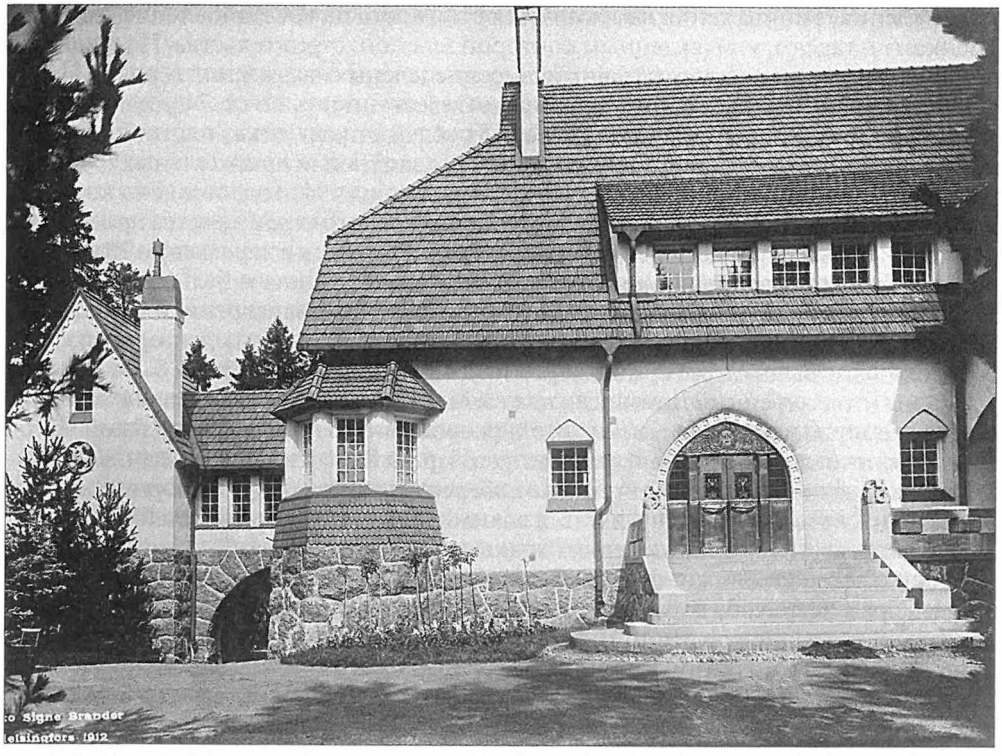
повреждения, уничтожения взыскивается стоимость на восстановление согласно оценкам по таксам, утвержденным конторой зеленого строительства. Полученные средства должны использоваться на расширение зеленых насаждений города. Умышленная порча влечет за собой уголовную ответственность по ст. 74 угол. кодекса, поломанные ветки и ходьба по газонам – 5 рублей штраф, отказ платить штраф – 25 р., если другие формы нарушений – до 200 р. с заменой исправительных трудовых работ».[13] Были составлены планы по озеленению и на 1941 год, согласно которым следовало осуществить под руководством отдела зеленого строительства приведение в порядок парка по улице Торккели и посадку кустарников и деревьев до 20 августа, до сентября приведение в порядок сквера у вокзала, залива и бульвара по улице Кирова.[14] В мае 1941 года за конторой зеленого строительства закрепили территорию земельного участка 2,5 га (район психиатрической больницы) для организации городского питомника, все организационные моменты должны были быть решены к 15 июня (ответственный Донышев, отдел зеленого строительства). В июне же также решался вопрос и об образовании лесопарковой зоны в пределах городской черты Виипури, доклад делал главный архитектор товарищ Красотин. Для создания резервных парков дачной и курортной зоны на побережье залива вокруг Выборга, для организации массового отдыха трудящихся и возможного размещения лечебных учреждений, а также в целях обеспечения охраны и проведения мероприятий по восстановлению лесопарковых насаждений исполнительный комитет решил:

«1. Образовать особо охраняемую лесопарковую зону вокруг Выборга в пределах городской черты, утвержденной СНК от 27 августа 1940 г.

2. Парки, сады <...> Приложение № 1) Считать входящими в особо охраняемую зону и подлежащими обязательной прописке к указанным организациям, с возложением на последних обязательств по соблюдению установленных правил. В списке парков: "Монрепо" (Выборгский гарнизон), Хертуала 54 га, Хиетал 57 га (гарнизон), Ронка – 79 га (гарнизон), все лесонасаждения на островах, расположенных к Укспя-йоки (кбф, военторг, выборгский гарнизон), лесные массивы и сады в Тиенхаара 216 га (горкомунотдет) и др.».[15]

Были установлены 5 июня 1941 года следующие «Правила пользования парковыми и лесопарковыми насаждениями охраняемой лесопарковой зоны Выборга»: «Все парковые, лесопарковые, приусадебные и садовые насаждения, расположенные в пределах охранной зоны приписываются по принадлежности пользователю согласно договору. При заключении договора городской отдел коммунального хозяйства сдает приписные насаждения по акту под охрану пользователя и с этого момента пользователь несет ответственность за их целостность, выделяя ответственных. При приемке участка все пни должны быть заклеймлены особым клеймом, и в дальнейшем каждый обнаруженный пень без клейма рассматривается как самовольная порубка, за которую несет ответственность пользователь. Пользователь обязан за свой счет провести съемку всей приписной территории, подробное описание угодий, ежедневно пользователь производит осмотр древесины и кустарников, участков против отмирания и заражения грибком, производит уборку бурелома. На основании данных инвентаризации составить план мероприятий по восстановлению лесонасаждений, осушению канав, дорог, оград, посадке деревьев. Не допускать рубок, не производить пастьбы лошадей и другого скота, не распахивать и не перепахивать имеющиеся свободные луговые пространства, не засорять свалками мусора, отбросами, содержать в исправности дороги, мосты, тропы, охранять от пожаров, поставить согласно плану межевые знаки. Любой проект на территории должен быть

[13] ЛОГАВ Ф. р-437. Оп. 1. Д. 1. Л. 85.
[14] ЛОГАВ Ф. р-437. Оп.1. Д. 2. Л. 270.
[15] ЛОГАВ Ф. р-437. Оп. 1. Д. 2. Л.274.



Усадьба Суур-Мерийоки. 1912 год. Из фондов Музейного агентства Финляндии

Повреждения усадьбы Суур-Мерийоки, полученные во время «зимней войны». Из фондов SA-Kuva

Так выглядит сегодня контора Калининского лесничества. Фото автора

Такие штабеля гниющих бревен – типичная картина на Карельском перешейке. 2021 год. Фото Л.И. Амирханова

с утверждением главного архитектора горисполкома. В случае нарушения виновный привлекается к ответственности в порядке предусмотренного постановлением 20 октября 1936 г. и ст. 85 УК РСФСР (исправительно-трудовые работы до 6 месяцев, штрафы в пятикратном размере стоимости поврежденного), правила вступают в силу через 10 дней после опубликования».[16]

К большому сожалению, на сегодня Калининское лесничество, то есть ближайшее к бывшей усадьбе Суур-Мерийоки, входящее в северо-западного лесничества, сгорело и не восстанавливается, охрана леса не ведется на должном уровне. Специалисты отмечают, что не лучшим образом сказалось появление такого документа как Лесной кодекс РФ 2006 года, так как резко сократилось число лесников, специалистов. В итоге лес завален валежником, буреломы, а значит и сильнее вероятность пожаров, кругом многочисленные свалки мусора, много перестоявшего сухостоя. Ценные породы вымирают.

Казалось бы, озвучена программа «Сохраним лес», в Ленинградской области и даже отмечены успехи в этом направлении, но лес под Выборгом в районе Суур-Мерийоки (Харитоново) вырублен, «Лесной дворец» погибает окончательно...

---

[16] ЛОГАВ Ф. 437. Оп 1. Д. 2. Л. 276.

А.Г. Смирнов

ВЫБОРГ СОВЕТСКИЙ

Я появился на свет в Выборге в середине 60-х годов XX века. Поколение советских выборжан долгое время не знало правды об истории родных мест, о той другой жизни, которая когда-то прежде тихо протекала в уютных декорациях северного романтизма и горбатых средневековых улочек.

Истина проступала постепенно. Подчас неожиданно, как будто сквозь осыпающийся пласт позднейших наслоений открывались фрески иного мира, иного быта, культуры.

Со школьной скамьи мы твердо знали, что Выборг – это город, находящийся на исконно русской земле, принадлежавшей в незапамятные времена новгородцам, позже отошедшей к шведским захватчикам и возвращенной России уже Петром Великим. Как-то вскользь упоминалось о карелах, но о финском населении Карельского перешейка – ничего. И только в рассказе о революционных событиях 1917–1918 годов вдруг появлялись белофинны, жестоко расправившиеся в районе Выборга с красными финнами. Далее следовал неловкий обрыв в хронологии до освобождения города от фашистов в 1944 году.

Однако сам город, его прямые улицы, дома, отличавшиеся архитектурной индивидуальностью, парки, необыкновенные для советского восприятия скульптурные памятники, кладбища с надгробными камнями на неизвестном языке, камины и лифтовые кабины, сохранившиеся во многих старых домах, – предлагали пищу для размышлений.

Я постараюсь рассказать, как сквозь призму советской реальности пробивалась весть о прежних жителях Выборга.

Мои дедушка и бабушка со стороны отца жили в отдельной квартире на первом этаже в доме № 26 по Морской набережной (Pontuksenkatu, 26). Планировка квартиры удивляла. В квартире отсутствовала кухня в том виде, как ее понимали советские люди. Имелась обширная комната около 25 м^2 с камином, выложенным глазурованной плиткой, маленькая часть этой комнаты была отгорожена от основного пространства. В этом закутке без окна прятались раковина и газовая плита, в стене имелась довольно просторная ниша, выполнявшая роль импровизированного холодильника. Понятно, что принимать пищу в чуланчике с плитой и раковиной не представлялось возможным и, таким образом, есть приходилось не на кухне, как было принято у советских людей, а в столовой с камином, что несколько конфузило. Квартира моих родных со стороны матери располагалась в доме советской постройки. Здесь как раз имелась отдельная кухня 5 м^2, куда помимо плиты и раковины втискивался обеденный стол, за которым питались по очереди, так как семья из четырех человек не могла разместиться за столом одновременно.

Такое простейшее сравнение неизбежно приводило к открытию, что разница в планировке проистекает из того, что дом № 26 по Морской набережной построен давно, еще финнами, а финны эти не едят на кухнях, они приучены к столовым.

Дальнейшие мои расспросы про финнов были вознаграждены (было мне тогда не более семи лет). Бабушка рассказала, что переехали они в Выборг с Дальнего Востока в 1949 году. Деда, как офицера-пограничника, перебросили обустраивать новый участок советско-финской границы, возводить «железный занавес». Квартиру им предоставили прямо напротив штаба погранотряда, который находился в сером параллелепипеде, залегшим на боку на гранитной скале. К скале вели широкие террасы-ступени. Такое решение придавало, в общем-то, заурядной постройке радующую глаз перспективу. Построили все это тоже финны. Бабушка не упоминала, что им досталось что-либо от прежних хозяев этой квартиры, хотя смесители в ванной комнате совсем не были похожи на советские образцы. И вот однажды в начале 1970-х, когда через Выборг стали пропускать в Ленинград интуристов, в дверь позвонили. На пороге оказались мужчина и женщина примерно одинакового с бабушкой возраста. Они совсем не могли изъясняться по-русски и выглядели крайне смущенно. Смутилась и бабушка, ибо общение жены бывшего офицера-пограничника с иностранными гражданами в отсутствие свидетелей выглядело неприемлемым поступком. Мучительная для обеих сторон сцена закончилась тем, что неожиданные гости, промямлив что-то, попятились прочь. Бабушка также поспешила притворить дверь. Так закончился первый контакт цивилизаций. Размышляя о происшедшем на семейном совете, решили, что заходили прежние, довоенные хозяева квартиры.

В те годы подобные случаи не были редкостью. Наступала эпоха разрядки, в 1975 году на Выборгском вокзале встречали Брежнева, спешащего подписывать Хельсинский акт по безопасности и сотрудничестве в Европе. Мой приятель оказался в шеренге пионеров, вручавших цветы «дорогому» Леониду Ильичу. В ответ генеральный секретарь пожал руку юному ленинцу и подарил коробку конфет. Приметами того времени стали громадные, как нам казалось, туристические автобусы, перевозившие живых инопланетян – иностранцев и кавалькады разномастных легковушек с финскими, английскими, шведским и прочими номерами. На некоторых перекрестках появились предупредительные указатели с надписью латинскими буквами «Khelsinki». Несмотря на официальную восторженность, доверия на уровне «простых» людей все еще не чувствовалось. В большинстве случаев незапланированные визиты прежних хозяев к новым заканчивались по описанному выше сценарию. И тех, и других понять можно, у одних спустя четверть века появилась возможность хотя бы издали посмотреть на милые сердцу места, постоять у родного порога, у других такие проявления вызывали настороженность и даже смутное опасение за свой кров. Некоторые полагали, что финны возвращались за какими-то оставленными ими пожитками, однако мне лично не доводилось видеть у кого-либо предметы мебели или иной утвари, оставшиеся новым хозяевам от прежних. Видимо, в 1944 году финские власти провели эвакуационные мероприятия более организованно, чем в 1940-м.

По воспоминаниям советских переселенцев 1940 года, их тогда и в самом деле вселяли в квартиры, обставленные мебелью от прежних владельцев. Советские власти придумали даже взимать денежную компенсацию за мебель и носимые вещи финских граждан, которые переходили к новым жителям Выборга. Трудно представить себе, что эта компенсация доходила до финнов. Особенно много вещей, возможно, перед отправкой, было сосредоточено в здании бывшего завода детских колясок по адресу Набережная 40-летия Комсомола, 5 (финский адрес Salakkalandenkatu, 5). Спустя некоторое время началось воровство этих вещей, однако вскоре власти приняли действенные меры к мародерам. Вообще, весной – летом 1940 года в Ленинграде и Калининской (ныне Тверской) области довольно быстро пошли слухи

о богатых трофеях в Выборге. Нашлись охотники посетить вновь приобретенный советский город с целью раздобыть, по случаю, вещи. Властям пришлось в буквальном смысле поставить на каждом перекрестке постовых милиционеров, ввести строжайший контроль приезжающих.

Первыми советскими гражданскими лицами, посетившими Выборг после окончания «зимней войны» (30 ноября 1939 – 13 марта 1940 года) стали родственники красных командиров, принимавших участие в боевых действиях. Их организованно привозили на экскурсию по городу и окрестностям. Н.П. Бабаева вспоминает: «Считалось, что жена военного должна знать, как служит ее муж. Больше всего запомнилось посещение финской церкви, что стояла в центре парка. Там было так много наложено мертвых солдат и наших, и финских. Потом, когда стали чистить город, их похоронили в общей могиле за Кангасом (возможно, речь идет о районе Kangasranta. – *Авт.*). Еще нас возили на линию Маннергейма. Это было опасно, поэтому наша группа шла цепочкой друг за другом, а впереди шел минер. Подводили к доту, и мы смотрели сквозь окошечко. В дотах тоже еще лежали трупы».

Во второй половине сороковых (после повторного присоединения Выборга к СССР в 1944-м) город был нелюдим, со следами обширных разрушений, особенно в районе железнодорожного вокзала. Советские переселенцы, как правило, это были члены семей военнослужащих и вольнонаемные работники Вооруженных Сил, предпочитали селиться не в городе, а жались поближе к воинским частям, например, поселки Петровский и Гвардейский (финские районы Neitsytniemi и Sorvali) были заселены почти сразу, вслед за расквартированием воинских частей. В городских кварталах жить считалось небезопасно. Граница еще не была должным образом прикрыта, и финны или, как утверждали, финские диверсанты могли напасть на советских граждан. Я сам слышал рассказ одного сторожила, имевшего участок для покоса на брошенном финском хуторе, о том, как уже в начале 1950-х он имел неприятную встречу с чужаком один на один. К счастью, дело закончилось мирно – оба предпочли разойтись в разные стороны, но, бывало, что такие встречи заканчивались трагически. Тогда в начале семидесятых подобных визитеров называли не иначе, как диверсантами, бандитами. Теперь же я думаю, что зачастую это были несчастные хозяева хуторов, заложники политических вихрей, которых тянуло на родное пепелище.

Наше поколение имело очень смутное представление о том, в каком месте мы живем, что нас окружает, и правда о финских хуторах явилась для нас настоящим открытием. Путешествуя на автомобиле или автобусе по дорогам Выборгского района, наблюдаешь по обочинам густую стену жутковатой тайги, и вдруг лес расступается, обнажая залитое солнцем поле. И на каком-нибудь пригорочке, либо посреди этого поля, либо с краю у леса замечаешь очаг кустов шиповника. Подобные картины казались нам настолько естественными, что никто не трудился вникнуть в природу таких пейзажей. Лишь со временем мы поняли, что этот шиповник обозначает места расположения погибших хуторов, разрушенной жизни. Разросшиеся, одичавшие кусты с яркими красными плодами и цветами охраняют каменные фундаменты некогда существовавших построек.

Несмотря на тотальную эвакуацию финского населения с Карельского перешейка, в советском Выборге все же встречались отдельные представители довоенного населения. Мой приятель как-то (середина семидесятых) показал мне свои тайные сокровища – подшивку финских газет и журналов за 1920–1930-е годы. Потом выяснилось, что его бабушка в девичестве носила финскую фамилию. В середине семидесятых такие истории возбуждали только исторический интерес, не представляя опасности для людей. В конце сороковых – начале пятидесятых бывших коренных жителей могли выслать с Карельского перешейка, например, в Карелию.

Массовый приток советского гражданского населения в Выборг начался с начала 1950-х. Как правило, это были специалисты: строители, железнодорожники,

Разбор завалов в старом городе, 1956 год. Работают школьники старших классов, которым в день платили по 3 руб., то есть 30 коп. в пересчете на рубли 1961–1990 годов, по современному курсу что-то около 50 руб. Слева Геннадий Смирнов – отец автора. Семейный архив автора

портовики, члены их семей, а также завербованная преимущественно в Вологодской области неквалифицированная рабочая сила для нужд восстановления города и дальнейшей индустриализации региона.

На гребне этой волны в 1951 году в Выборг попала семья моей матери. Дед по матери был одним из организаторов восстановительных работ железнодорожного узла и железнодорожного вокзала. Современный вокзал, копируя размеры своего предшественника, существенно отличается от прототипа. На смену арочным очертаниям главного корпуса пришел тяжеловесный сталинский стиль. Внутренний декор также соответствует эстетике сталинских времен. Кстати, громадная люстра под сводом вокзала была предметом особой гордости моего деда, поскольку он лично «доставал» ее, обивая пороги высокого московского начальства.

В городе с первых же дней его массовой колонизации возник дефицит жилья. Многие городские кварталы представляли собой руины, не разрушенные жилой и нежилой фонды также требовали косметического или капитального ремонта.

Весна второй половины 1950-х годов. Мальчики пускают кораблики на Крепостной улице около дома № 37. На заднем плане фундамент с вазонами – все, что осталась от Кафедрального собора, руины которого были разобраны к 1953 году. Семейный архив автора

Первым местом жительства семьи моей матери оказалась комнатушка в здании современного автовокзала. Потом перебрались в жилой дом финской постройки на Папулу (Papula).

Этот район сохранил свое название и в советские времена, конечно, неофициально, хотя никто уже не понимал, что название это связано с высотой, на которой в 1960-е годы поставили ретранслятор. Еще в начале XX века Папула Парк (Papulan Puisto) считалась живописнейшим уголком города, отделенным от него небольшим заливчиком Papulan Lahti. Дореволюционные путеводители по Выборгу приглашали туристов посетить ресторан на Папуле. От железнодорожного вокзала по Papulankatu (современная улица Кривоносова) до моста через Papulan Lahti курсировали трамвайчики, обеспечивая комфортабельную доставку до горы. Советское время сильно и, увы, не в лучшую сторону изменило облик Папулы. Сгинули ресторанчики и павильончики на Papulan Puisto. Papulan Lahti превратился в канаву для нечистот, регулярно сбрасывавшихся сюда Выборгским мясокомбинатом. Предприятие просто сливало все отходы от разделки скота в заливчик. Очень скоро в заливе Папула (Papulan Lahti) вода сделалась непрозрачной, имела резкий неприятный запах, пропала рыба. Несколько раз в месяц на юго-восточные и отчасти южные районы города наползало тлетворное удушье выбросов с мясокомбината. Дело доходило даже до стихийных мероприятий населения. Я помню, как в 1969 году обитатели Папулы были настолько возмущены сбросами мясокомбината, что была предпринята попытка самостоятельно, без санкции властей, построить плотину или, как говорили, запруду под мостом, чтобы таким образом предупредить попадание загрязнений из залива Папула (Papulan Lahti) в остальную акваторию Выборгского залива. Конечно, застрельщиками дела и главными энтузиастами выступили старые да малые. Дед по своим старым связям пригнал несколько самосвалов песка и щебня для импровизированного гидротехнического сооружения. Мы – мальчишки – таскали, кто по-

старше – бревна, кто помладше – хворост и просто ветки. Плотина и в самом деле просуществовала несколько лет, хотя небольшой проток, связывавший отравленный Papulan Lahti с Выборгским заливом, все же был оставлен. Разумеется, проблему сохранения экологии Папулы таким способом решить было нельзя. Мясокомбинат по-прежнему продолжал свое грязное дело, отходы, не имея возможность покинуть Papulan Lahti естественным путем по течению, тухли прямо у нас под носом. И наша плотина постепенно, то ли под влиянием естественных факторов, то ли по воле людей была ликвидирована. Вот только экологическая проблема Papulan Lahti сохранилась.

К концу 1950-х Выборг был в основном восстановлен. То, что можно было вернуть к жизни, – реанимировали, то, что не могли, – разобрали окончательно, либо возвели на старых фундаментах советские новоделы. Однако некоторые руины простояли до конца 1970-х и даже до начала 1980-х годов. Например, развалины в районе вокзала – улица Железнодорожная, 15 (возможно, Erkonkatu, 6 и Huranaankatu, 14-16) исчезли только в самом конце 1970-х. В народе этот квартал прозвали «дом Павлова», по аналогии с известным домом-крепостью в Сталинграде. Но самыми знаменитыми руинами считалась так называемая «финская кинофабрика», или другое неофициальное название – «рейхстаг». Дом этот находился как бы на отшибе, где вплоть до 1980-х не было обустроенных проезжих дорог, за исключением проспекта Победы, впрочем, вплотную не примыкавшего к дому. Любопытно, что на плане Виипури от 1935 года вокруг треугольного участка, на котором расположено здание, обозначены улицы: Varustuskatu (по которой в 1965 году проложили проспект Победы), Sepankatu и Hirvikatu (это район Talikkala, а ныне Южный поселок, получивший в советские времена название поселок имени Ленина). Это было довольно обширное брошенное, но не полностью разрушенное строение, имевшее с одной стороны подъезд с широкими ступенями. Видимо, эти ступени и вызывали в советских умах ассоциации то с артистической богемной жизнью, то с символом

фашистского логова. «Рейхстаг» имел мрачную репутацию, и гулять вечерами в его окрестностях не рекомендовалось ни взрослым, ни детям. В 1980-е дом кое-как привели все же в жилое состояние, а позже пристроили к его стенам дополнительные уродливые корпуса.

Апофеозом восстановления довоенного города стало возобновление трамвайного сообщения. Более того, была проложена новая линия до парка Монрепо, превращенного при помощи каруселей и качелей в Парк культуры и отдыха трудящихся. Затем что-то неизъяснимым образом провернулось на 180° в начальственных головах и в конце 1950-х трамвайное движение в Выборге полностью уничтожили. Видимо, этот момент можно принять за условную точку начала советского этапа развития города, его инфраструктуры, планировки и архитектуры, если можно так выразиться применительно к советскому зодчеству.

Слава Богу, планировка центра города относительно ограниченно изменилась в советские годы. На некоторых фундаментах разрушенных в войну домов появились советские сталинки и хрущевки, в иных местах на месте бывших домов разбивались садики и скверики. Самой тяжелой утратой можно признать разобранную еще в 1940 году финскую церковь напротив почтамта. В конце 1950 – начале 1960-х преобразилась набережная от железнодорожного вокзала до Выборгской крепости. Раньше от вокзала до порта вдоль так называемого ковша залива следовала железнодорожная ветка. Ее ликвидировали, на месте путей разбили газоны, посадили деревья и построили набережную (Набережная 40-летия Комсомола). Пожалуй, одно из немногих удачных, на мой взгляд, градостроительных решений советского периода. Тогда же рядом с крепостью появился новый мост.

Однако советские проектировщики мыслили не категориями отдельных домов или дворов, а категориями кварталов, районов. Может быть, эта мыслительная особенность советских архитекторов спасла центр Выборга от того, что сейчас в России называют точечная или уплотнительная застройка. Так или иначе, кварталы советских пятиэтажек и девятиэтажек зашагали преимущественно в южном от центра города направлении. Еще в середине 1960-х районы, находившееся вдоль современной Приморской улицы, – финские названия Talikkala, Kangasranta, Kolikkoinmaki, Lepola, Kelkkala – представляли собой участки индивидуальной застройки с кустами сирени, яблоньками и грядками. Спустя десятилетие частные домишки, плодоносные деревья и кустики были растерзаны бульдозерами и на их месте утвердились шеренги панельных многоквартирных домов со всеми удобствами.

Впрочем, все же некоторую пользу такая застройка городу принесла. Прежде дома в центре города имели индивидуальные кочегарки, работавшие на угле. Каждый дом отапливал себя сам, выбрасывая при этом массу сажи в атмосферу города. Сажа благополучно оседала. Зимой в центральных кварталах Выборга нельзя было увидеть белого снега – только черный. Одновременное возведение десятков домов, имеющих системы центрального отопления и горячего водоснабжения, подразумевает наличие мощной котельной. Такие предприятия для централизованного нагрева воды, подаваемой городским районам, называются ТЭЦ. Для получения необходимой тепловой энергии Выборгская ТЭЦ сжигала природный газ, минимально загрязняя воздушный бассейн. К концу 1970-х годов центр города подключили к ТЭЦ, и многочисленные кочегарки перестали коптить небо.

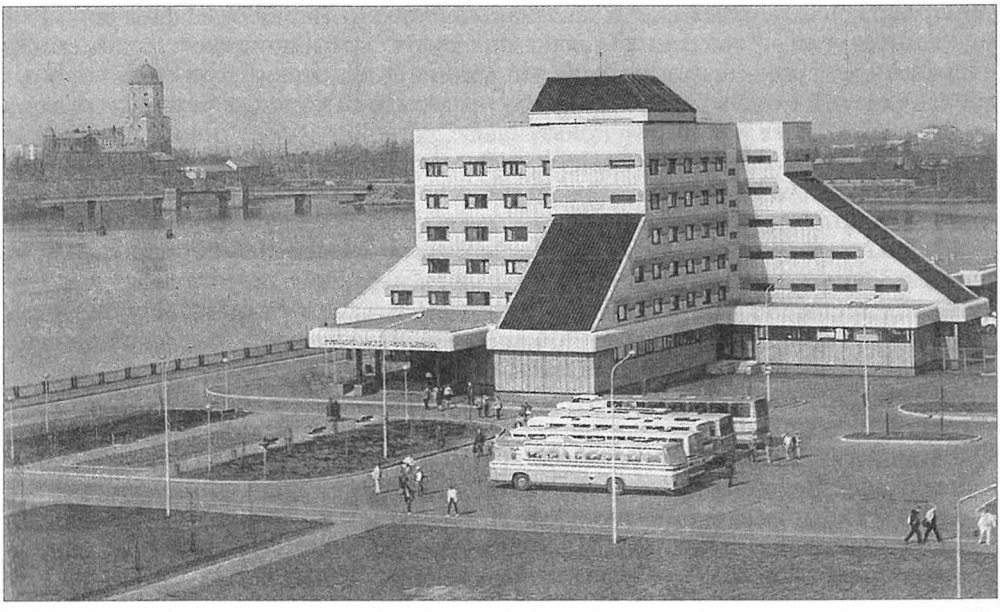
В семидесятые годы всерьез планировали сформировать или, как тогда говорили, перенести центр города в южные районы (Talikkala). По генеральному плану развития Выборга тех лет проектировали продолжение парадной Torkkelinkatu (современный проспект Ленина) через Батарейную гору в Южный поселок. Однако план как-то повис в воздухе. Построили лишь у подножья горы торговый центр с модным в начале 1980-х рестораном «Север». Torkkelinkatu лезть в гору не пожелала.

Посещая современный Выборг, ловлю себя на мысли, что под одним названием соседствуют два разных города, два разных мира. С одной стороны, продуманная

Скульптура «Лось» (скульптор Юсси Мянтюнен) в парке «Эспланада». 1950-е годы. Семейный архив автора

строгая планировка центральной части с архитектурными шедеврами Аалто и Ульберга, с другой – такое характерное для советских больших и малых городов сумбурное скопление безликих домов в южных районах. В советское время в городе был построен, на мой взгляд, единственный объект, сопоставимый по качеству архитектуры и технологиям со строениями конца XIX – середины XX веков. Я имею в виду здание гостиницы «Дружба», возведенной опять-таки финскими специалистами в начале 1980-х годов.

Наслаждаясь панорамой центральной части города с высоты Батарейной горы (в 1980-е годы совершенно лысой, без деревьев), особенно в тишине белой ночи, казалось, что тот, настоящий Выборг не ушел безвозвратно в прошлое, он спит, но все еще готов к возрождению, должно лишь наступить утро.



Гостиница «Дружба». 1986 год. Из альбома: Выборг / автор вступительной статьи и составитель Е.Е. Кепп, фотограф Ю.Ф. Березовский. Л. 1986

Однако советский Выборг все же не был заурядным райцентром, каких тысячи в России. Даже если ослепнуть и не замечать архитектурных красот довоенного города, не знать его историю, все равно жизнь в Выборге заметно отличалась от существования на остальном пространстве социалистической родины. Определяющим аспектом выступал статус приграничного пропускного пункта – этакой слегка приукрашенной витрины СССР. Эта особенность Выборга предопределяла постоянное наличие в городе интуристов – людей иной культуры, иных умонастроений, обладателей иных денежных знаков. Советские выборжане были обречены на контакты с иностранцами и постепенно контакты эти давали определенные результаты.

Если еще в начале 1970-х неслужебное общение с иностранцами выглядело абсолютно предосудительным деянием, безусловно и искренне порицалось общественным мнением советских людей, не говоря уже о соответствующем интересе внутренних органов, то во второй половине десятилетия ситуация несколько изменилась, «железный занавес» в головах слегка дрогнул. В городе появилось явление фарцовки. По современным понятиям фарцовщики – это попрошайки, мелкие менялы, совершающие обмен товаров или небольших денежных сумм с иностранцами в целях личной наживы. Первоначально круг этих лиц был незначителен. В основном это были подростки из неблагополучных пролетарских семей, которые попрошайничеством у иностранцев (или как тогда говорили: «приставанием») действительно добывали себе на пропитание, поскольку пьющие, морально опустившиеся родители не заботились о них. Технология дела выглядела следующим образом. Интуристы, а преимущественно это были граждане Финляндии, возвращаясь из Ленинграда на родину, делали небольшую остановку в Выборге. У многих из них оставалась на руках бесполезная дома советская валюта и финны тратили последние рубли на любые цели. Особенной популярностью пользовалась железнодорожная булочная на Северной улице, 8 (Pohjolankatu, 8), где продавался вкуснейший хлеб. Финны подъезжали к ней целыми автобусами и брали до десяти буханок в одни руки еще теплого благоухающего ржаного хлеба. Советские бабушки, наблюдавшие такие сцены, качали головами и жалели приезжих, полагая, что в Финляндии плохо с продуктами питания. Затем, перед окончательным отбытием из СССР, туристические автобусы останавливались у гостиницы «Выборг», Ленинградский проспект, 19 (Mannerheiminkatu, 15). Здесь располагался магазин для иностранцев «Березка». Вот тут и происходила атака юных попрошаек. Мальчишки лезли в автобусы, либо хватали интуристов за руки на улице возле входа в отель и со словами: «Порукуми ё!» клянчили деньги и жевательную резинку. Подобные же действия происходили и на железнодорожном вокзале, где также находился киоск «Березки». С этой самой жевательной резинки и начался дальнейший расцвет фарцовки. Оказалось, что жвачку можно выгодно менять на что-либо или продавать школьным и дворовым товарищам. Вслед за жвачкой стали выпрашивать или обменивать красочные полиэтиленовые пакеты, пользовавшиеся огромным успехом и у детей, и у взрослых, затем пришла очередь предметов одежды и валюты. Впрочем, валютчики, то есть те фарцовщики, которые целенаправленно занимались приобретением иностранной валюты, появились значительно позже – к середине 1980-х – и представляли собой отдельную, высшую касту фарцовщиков. Первоначально фарцовщиков не одобряли и порицали, но заграничные вещички у них охотно покупали. К началу 1980-х фарцовка приобрела некую организацию. Пионеры фарцовки подросли и поставили дело на широкую ногу. Теперь юнцы, бросавшиеся на иностранцев, уже не забирали себе плоды своих трудов, а передавали добычу более старшим по возрасту кураторам, прятавшимся в близлежащих дворах. Этот прием позволял, во-первых, снизить риск поимки с поличным (это имело большой смысл при работе с валютой), во-вторых, обрабатывать большее количество автобусов с туристами. Кураторы занимались дальнейшей перепродажей вещей и валюты.

На вокзальной площади. 1975 год. Из альбома: Выборг / составитель и автор текста Н.И. Закатилов, фотографы Б.Е. Ритов, В.И. Савик и др. Л. 1976

Магазин «Березка». 1975 год. Из альбома: Выборг / составитель и автор текста Н.И. Закатилов, фотографы Б.Е. Ритов, В.И. Савик и др. Л. 1976.

Говорили, что у некоторых из них были постоянные финские клиенты. Вероятно, в поздний советский период такие кураторы обеспечивали откуп от правоохранителей. Вообще в борьбе с фарцовкой советская власть проявляла какую-то необычную для нее мягкотелость и даже беспомощность. На высоком уровне считалось, что советский человек – строитель коммунизма – не может быть попрошайкой и, якобы, по этой причине в Уголовном Кодексе отсутствовало само понятие правонарушения – фарцовка. То есть, борьба с таким неприличным явлением, как бы перекладывалась социалистическим государством на плечи советской общественности. И такие странные, какие-то полулегальные меры действительно предпринимались. Когда я учился в старших классах средней школы (моя школа располагалась по адресу Школьный переулок, 5 (Myllymaenauxio, 5, в финское время здесь также находилось учебное заведение), нас как-то выборочно записывали в таинственный отряд под названием «Дзержинец». С одной стороны, принимать участие в мероприятиях «Дзержинца» считалось комсомольским[1] поручением, от которого не подобало отказываться, а с другой это подавалась как большая честь. Мы – члены этого отряда, под руководством учителя труда периодически, как бы на общественных началах, устраивали своеобразные вылазки против фарцовщиков. Во время таких рейдов мы должны были отсекать мальчишек-фарцовщиков от туристических автобусов, не давать им приблизиться к иностранцам. Вступать в конфронтацию с кураторами попрошаек запрещалось. Понятно, что такие «операции» не могли переменить ситуацию, в основе которой лежали экономические интересы групп лиц. Но к московской Олимпиаде 1980-го года правоохранители самостоятельно, без нашей помощи, полностью очистили город от фарцовщиков, тунеядцев и пьяниц, правда, ненадолго. В горбачевские времена фарцовщик в Выборге был уважаемым, преуспевающим человеком. Их дружбы искали, родители с удовольствием выдавали своих дочерей за них замуж. Фарцовка исчезла вместе с гибелью СССР, когда российским гражданам позволили владеть валютой, а свободная торговля наполнила прилавки зарубежным ширпотребом.

Перед закатом советского государства в Выборге расцвела так называемая валютная проституция. Девушки – валютные проститутки, многие из которых приезжали в Выборг специально для этого дела, занимались сексом исключительно с иностранцами. Отечественные юноши и мужчины их принципиально не интересовали. Тонкость дела заключалась в том, что девушки как бы не получали заранее оговоренное вознаграждение от своих клиентов, но те на свое усмотрение делали им добровольные презенты – иногда мелкие суммы в валюте, но чаще «дарили» дешевые украшения, парфюмерию, предметы туалета, аксессуары, расплачивались даже блоками сигарет. Любопытно, что эти секс-работницы зачастую происходили из благополучных советских семей, имели высшее образование или учились в высших учебных заведениях, обладали довольно широким кругозором, не были ни пьяницами, ни наркоманками, хорошо следили за собой. Основной целью таких девушек все же являлось не сиюминутное обогащение за счет оказания сексуальных услуг, а возможность знакомства с иностранцем для последующего замужества. При этом их, как правило, не смущал социальный статус иностранного жениха на родине – будь он бизнесмен, лесоруб, безработный или студент. Наши валютные проститутки, как и прочие советские граждане, очень долго считали априори, что любой иностранный подданный есть человек материально обеспеченный. Такой почти бессознательный ментальный стереотип – раз иностранец, значит, капиталист. Понятие социального статуса человека в обществе не было значимым для советских людей, воспитанных на догмах бесклассового общества.

[1] Комсомол – в СССР общественно-политическая организация, воспитывавшая молодежь на коммунистической идеологии. В 1970–1980-е годы членство в ней для старшеклассников было общепринятым явлением.

Конечно, не только фарцовка и проституция являлись отличительными чертами выборгской жизни советского периода. Город был заметно чище и ухоженнее, даже чем Ленинград. Дома вовремя ремонтировались, дороги коряво, но асфальтировались. Магазинные прилавки хотя и были далеки от современного изобилия, но по советским меркам отнюдь не пустовали вплоть до второй половины 1980-х годов. Холодильные камеры горожан морозили не только воздух. А лето 1980-го – время московской Олимпиады – врезалось в память появлением в свободной продаже пепси-колы и других доселе неведомых разносолов и вкусностей. Правда, термины «дефицит», «достать», «по блату» никогда не выходили из повседневного употребления вечно чуть встревоженных советских граждан. Разумеется, и кулинарные блага, недоступные для большей части жителей СССР, и относительное коммунальное благополучие предлагались выборжанам не за перевыполнение трудовых планов и социалистических обязательств. Советская власть вынуждена была поддерживать в Выборге иллюзию изобилия, чтобы и иностранцам пыль в глаза пустить, и чтобы свои не побежали в сторону государственной границы. В Москве понимали, что население приграничного города, такого открытого для иностранных граждан, беззащитного перед чужими «голосами» и даже капиталистическим финским телевидением, знает несколько больше о загранице, чем остальной советский народ, и значительно больше, чем того хотели коммунистические руководители и идеологи.

Советскую прессу выписывали много и многие, но внимательно читали только литературные и научно-популярные издания, советское радио слушали, но не слышали, Центральное московское телевидение охотно смотрели, но здесь в Выборге ему приходилось конкурировать с финским телеканалом. Такой конкуренции на своей территории советская пропаганда не имела больше нигде.

«Голосами» стали увлекаться в начале 1970-х, но существенного влияния на мозг большинства советских слушателей передачи «Свободы», «Голоса Америки», «Русской службы Би-би-си» не оказывали. На мой взгляд, виноваты в этом сами вещатели. Большинство передач было перегружено политикой, подчас довольно резкими для нашего уха суждениями, новостями, больше похожими на кухонные сплетни, утомительными рассказами о мучениках-правозащитниках, которых в СССР никто толком не знал и, кажется, не стремился знать. Большое упущение, что слушателям предлагалось мало передач о жизни в других странах: об их экономике, истории, условиях жизни граждан (социальное обеспечение, образование, культура – особенно современная, отдых, здравоохранение, правосудие). Редкостью были и развлекательные программы. Лично я с большой теплотой вспоминаю только передачи Севы Новгородцева[2] – ненавязчивые рассказы о современной музыке, деликатный умный юмор. К концу 1970-х популярность «вражеских голосов» сошла почти на нет.

Другое дело финское телевидение. Советские телеприемники начала 1970-х уверенно принимали сигнал «Yleisradio» в Выборге, и никакие «глушилки» не могли изменить этот факт. Первоначально мы видели только картинку, звука не было. Но к середине 1970-х умельцы за весьма умеренную плату ставили всем желающим в телевизоры дополнительный модуль, который позволял теперь принимать звук. В позднее горбачевское время в какой-то выборгской газете публиковалась программа передач первого и второго каналов финского телевидения. Именно через финское телевидение я открыл для себя Чарли Чаплина – на протяжении долгого времени, кажется, по четвергам около 21 или 22 часов финны крутили немые фильмы о забавном маленьком человечке; еще черно-белые диснеевские мультфильмы про славного Микки-мауса – остальной СССР познакомится с Микки только в конце 1980-х; итальянские картины с Софи Лорен; ну и, конечно, бесчисленные вестерны.

[2] Авторская музыкальная программа Русской службы Би-Би-Си.

Проспект имени Ленина. 1970-е годы. Открытка из собрания Л.И. Амирханова

Дом политического просвещения горкома КПСС. 1970-е годы. Открытка из собрания Л.И. Амирханова

На Красной площади. 1970-е годы. Открытка из собрания Л.И. Амирханова

Дом-музей В.И. Ленина. 1970-е годы. Открытка из собрания Л.И. Амирханова

Собственно финские передачи, несмотря на то, что я честно пытался вникнуть в их смысл, казались скучноватыми, невысокого профессионального уровня по сравнению с отечественными программами. Приведу пример. В разгар разрядки на экраны вышла передача из двух частей. В первой части финский корреспондент, еще молодой человек, отправился в США, где на улицах городов (не помню каких) задавал американцам один и тот же вопрос: «Боитесь ли вы русских?» Услышав такой немного простецкий вопрос, американцы обнажали свои крепкие зубы и добродушно объясняли скандинавскому тележурналисту, что никого они не думают бояться, и даже причина такого вопроса им не вполне понятна. В следующей части любознательный финн уже оказывается в России, непременно заснеженной, кажется, в Ярославле. С микрофоном наперевес он отважно бросается к немного ошалевшему от неожиданности детине в мохнатой ушанке и лупит в него своим каверзным вопросом: «Боишься ли ты американцев?» От столь непривычного для здешних мест напора у парня выкатываются из орбит глаза, и он, по-лосиному мотнув головой, так что с головы едва не слетает огромная мохнатая шапка, яростно отвечает: «А чё мне их бояться-то?» Теперь корреспондент озадаченно разводит микрофончиком, собираясь с вежливыми словами. Дальше диалог развивается в том же духе – финн задает россиянину вопрос, а в ответ получает другой. Честно говоря, я очень переживал за тележурналиста, чтобы он после своих вопросов выбрался из Ярославля невредимым.

По отношению к большому соседу финское телевидение в 1970-е проявляло непоколебимую тактичность (сейчас бы сказали политкорректность), предпочитая давать минимум информации о СССР. За все годы своего сознательного просмотра финского канала (восемь лет) я только дважды видел советские фильмы. Первый – «Ленин в Октябре» – на первый взгляд, немного странный выбор, но следует вспомнить, что результатом октябрьско-ноябрьского 1917 года переворота явился распад Единой и неделимой державы Романовых и, как следствие, обретение Финляндией долгожданной независимости; и второй – «Весенние перевертыши» – честный фильм о духовной нищете советских подростков, в отечественном прокате почти не демонстрировался.

Несмотря на языковой и культурный барьер, финское телевидение распахнуло нам окно в другую цивилизацию.

Вообще, с культурной жизнью в советском Выборге было не очень, особенно в 1960–1970-е годы. Причина в том, что для культурной жизни нужны люди – носители культуры. Вот с этим-то как раз был большой дефицит. Число жителей в советском Выборге колебалось около 60 000 человек (для сравнения, к концу 1930-х в финском Виипури проживало 86 000 горожан). Значительно более половины советских выборжан было пролетариями, занятыми на индустриальных предприятиях города, в строительстве. Надо сказать, что в социалистическом Выборге действовало значительное количество промышленных объектов, крупнейшим из которых являлся Выборгский судостроительный завод. Основная масса пролетариев представляла собой вчерашних жителей нищих сельскохозяйственных районов северо-западной России. Менталитет и характер мировоззрения таких лиц довольно точно соответствовал обыкновенному уровню советской массы, оторванной от своих традиционных корней. Вторую по численности группу населения составляли военные пенсионеры, офицеры, гражданские служащие Вооруженных Сил и члены их семей. Эту группу образовывали представители различных национальностей, однако заметную долю составляли украинцы. Культурный уровень этой группы довольно трудно определить однозначно, но, несомненно, здесь встречались люди, имевшие некий кругозор. Самую незначительную часть выборгского общества советского периода составляли инженерно-технические работники, медицинские работники, учительство, работники сферы обслуживания (включая торговлю, общественное питание, бытовое обслуживание населения, органы внутренних дел, местные

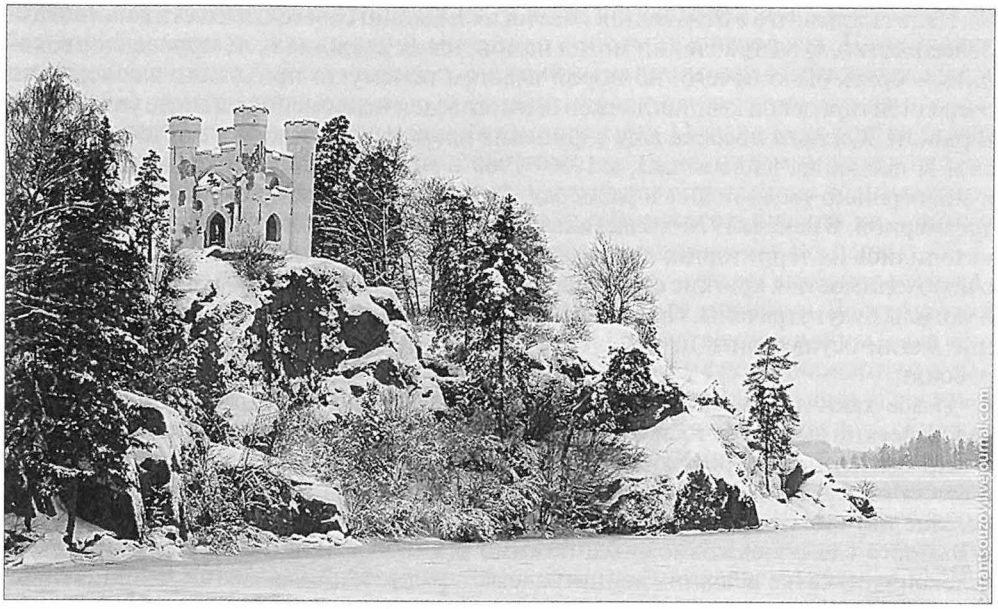
средства массовой информации, организованный досуг), партийный и административно-хозяйственный актив. Полиэтническая по своему составу группа содержала в себе ощутимый процент евреев. Именно в этой среде, даже в глухие советские времена, допускался минимальный плюрализм мнений, имелись сравнительно транспарентные представления о морали, хотя и с поправкой на Кодекс строителя коммунизма,[3] проявлялась тяга к культурному просветлению. Большим пробелом для культурного облика советского Выборга, на мой взгляд, было отсутствие в городе высших учебных заведений. В городе явно чувствовался недостаток креативных, интеллектуальных начал, так свойственных профессорско-преподавательской и студенческой среде. Духовная атмосфера в советском Выборге была необычайно серой, неинтересной, что усугублялось негативным общественным отношением к религии вообще и к христианской вере в частности. Получалось так, что именно привычки и уровень сознания советских пролетариев определял стереотип поведения горожан. И поведение это порой принимало формы, не украшавшее человека.

Сейчас мне, с болью в сердце, придется осветить, довольно мрачную сторону бытия. Речь пойдет о проявлении общественного вандализма. У огромных масс населения, вырываемых на протяжении 70-ти лет из естественной среды обитания и многократно тасуемых на гигантских пространствах СССР, вероятно, притупились некоторые чувства. У всех цивилизованных и не очень цивилизованных народов принято почитать могилы предков своих и чужих – это совершенно естественная нравственная установка для нормального человека, не зависящая от вероисповедания и классовой принадлежности. Но оказалось, что можно и иначе. В парке Монрепо, некогда представлявшем собой образец европейского паркового искусства, имеется живописнейший уголок – остров Мёртвых,[4] отмеченный Башней смерти,[5] сооружением в псевдо-средневековом стиле. На этом острове находилась фамильная усыпальница создателей парка и владельцев усадьбы баронов Николаи. В 1960-е годы парк приспособили для отдыха советских трудящихся, изуродовав ландшафт чудовищными увеселительными аттракционами. Помещение усадьбы тоже не пощадили, устроив в ней некое учреждение. Веселье очень скоро свелось к массовому пьянству и хулиганству с беспричинным мордобитием. В 1970-е годы парк был заброшен и посещался обычно в летнее время неорганизованными группами гуляющих, предпочитавших добираться до него по воде, чтобы избегать неприятных встреч с местной шпаной. Однажды и я, будучи ребенком, был привезен в Монрепо на весельной лодке и ступил на остров Мёртвых. Надо сказать, что после этого посещения я долгое время брезговал навещать парк Монрепо. Башня смерти, издали смотревшаяся романтическими развалинами, при ближайшем знакомстве оказалась стихийной обгаженной общественной уборной. Весь островок был засыпан осколками битого бутылочного стекла. Вход в склеп разбит, гробницы вскрыты, вместо останков – гниющие помои с мириадами навозных мух. Несколько позже я стал интересоваться у стариков, что же произошло с могилами на острове Мёртвых. Я слышал несколько отличавшихся в деталях версий, но общая картина складывалась примерно одинаковая. Почти сразу после освобождения Выборга (не знаю только, после первого в 1940-м или после второго в 1944-м) какие-то не то бандитствующие мародеры, не то просто мирные переселенцы активно шарили по более или менее

[3] Моральный кодекс строителя коммунизма – документ, разработанный коммунистическими идеологами, в котором зафиксированы нравственные ценности советского человека; составлен по подобию десяти заповедей из Нового Завета.

[4] Остров Людвигштайн (*Прим. ред.*).

[5] Капелла Людвигсбург, внешне представляет собой квадратный в плане средневековый замок с четырьмя башнями по углам (*Прим. ред.*).



Капелла Людвигсбург на острове Людвигштейн. Фото Л.И. Матвеева

уцелевшим объектам в поисках брошенного добра. Не обходили стороной и кладбища. В числе первых пострадал семейный склеп баронов Николаи на острове Мертвых. Вход в него взорвали ручными гранатами, потом таким же способом раскрыли гробницы, останки в поисках сокровищ выпотрошили на улицу. Что далее стало с прахом покойных, неведомо уже никому.

Какая печальная судьба после смерти некогда талантливых, прекрасных людей, служивших России и принесших ей несомненную пользу!

Однако это был только первый приступ варварства. Вплоть до начала 1970-х в Выборге в относительно нетронутом виде существовали финские кладбища, многие могилы и памятники сохраняли свой первоначальный облик. Все изменилось с началом дачного бума. В конце 1960 – начале 1970-х на крупных промышленных предприятиях трудящимся стали выделять дачные участки. Это обстоятельство всколыхнуло население на массовое дачное строительство. Однако в СССР практически не существовало рынка строительных материалов для населения. Каждый изгалялся как мог, но преимущественно таскали строительные материалы с городских строек. Простой рабочий нес на себе столько, сколько мог осилить; бригадир, прораб – по случаю, уже вывозили машинами. Вот тогда-то и стали исчезать с финских могил надгробные плиты и камни. Финны любили своих усопших и последнее пристанище предков обустраивали основательно, не жалели гранита и мрамора. Некоторые советские дачники, озабоченные поисками стройматериалов, быстро смекнули, что финские кладбища – прекрасный источник дармового, уже обработанного камня, который можно легко приспособить для обустройства домиков и участков. Так, в течение каких-нибудь двух-трех лет подверглись тотальному уничтожению финские могилы, безмятежно существовавшие до того долгие десятилетия. Для меня это было особенно заметно на примере участка с захоронениями возле моста через железную дорогу, соединяющего город с районом Папула. Вскоре после исчезновения надгробных плит уже ничто не напоминало о скорбном месте. Стыдливо выждав несколько лет, советская власть, никак не противившаяся вандалам, стала потихоньку прибирать к рукам как бы пустующий участок под промышленную застройку.

Надо сказать, что в отношении советских кладбищ советская власть действовала более жестко. О разграблении могил на советских кладбищах не приходится говорить – брать было нечего, но порой властям почему-то приходило в голову, что очередной городской квартал должен быть возведен непременно на месте упокоения. В районе Южного поселка еще с финских времен находилось кладбище (Suomal kaur ja maaseuraa hautausmaa), в 1950–1960-е годы оно оставалось действующим и значительно увеличилось в размерах. Площадь, занимаемую кладбищем, сочли чрезмерной. В начале 1970-х власти известили родственников усопших, чьи могилы находились на территории, отводившейся теперь для жилищного строительства, о необходимости в краткие сроки перенести прах (за свой счет) – иначе и останки, и могилы будут утрачены. Понятно, что и известили далеко не всех, и перезахоронение могли осуществить не все... На этом месте теперь высятся бетонные гнезда россиян.

И все-таки любое средневековье рано или поздно заканчивается, иначе род человеческий вымрет от тоски. Подготовка к московской Олимпиаде и мероприятия с нею связанные потревожили сонное сознание советского народа и не только в Выборге. Чуть живее стали программы Центрального телевидения – появилось больше научно-популярных, спортивных и развлекательных сюжетов. Наконец, в Выборге сделалось возможным помимо ЦТ и YLE принимать ленинградский телеканал. В сетке вещания ленинградского радио нашлось время для занятных, лишенных идеологического груза передач и постановок. Большой резонанс в читающей среде вызывали публикации в журнале «Иностранная литература». А главное, в умах что-то пришло в движение.

В советском Выборге общепризнанными очагами культуры считались: Дворец культуры 50-летия Октября (большое здание, скрывающееся за кронами деревьев городского парка (Парк Торккели, Torkkel Puisto), чей фасад обращен на Советскую улицу, Koillukatu), краеведческий музей в Выборгском замке, городская библиотека (творение Алвара Аалто). Дворец культуры воспринимался как символ официоза, бастиона советской идеологии и нетрезвого пролетарского досуга. Городскую библиотеку хотелось посещать не из-за литературы, а из-за архитектуры. Сколько восторга вызывал, например, лекционный зал с волнообразным потолком. Как нужно любить оратора и его слушателей, чтобы продумать такую акустику. В начале 1980-х интересные вещи стали происходить в замке. Вдруг помимо уже детально изученной, годами не обновляемой экспозиции открылась выставка голографии. Затем и с основной экспозицией начали происходить метаморфозы. С середины 1980-х у Крепостного моста время от времени стали швартоваться забавные финские пароходики. Во второй половине 1980-х обратили внимание на несчастный Монрепо. Парк стали прихорашивать по мере своих сил энтузиасты, но не советские выборжане, а бывшие финские горожане!!! Их почин заметил академик Лихачев и власти стали выделять средства для приведения парка в элементарный порядок. В середине 1980-х в Выборге появилась своя профессиональная театральная труппа, выросшая из шинели народного самодеятельного театра.

В кругу старшеклассников, помимо академика Лихачева и музейных работников, пророс-таки осознанный интерес к подлинной, а не изувеченной советскими идеологами истории финского Выборга. С детства нас окружали артефакты прошедших грозных событий. Воронки, траншеи, взорванные блиндажи, развороченные землянки, каменные надолбы в окрестностях города воспринимались, как нормальные явления, неотъемлемые элементы ландшафта. Кто-нибудь из сверстников периодически находил в лесу заржавевшее оружие, боеприпасы. В 1950-е еще гибли, подрываясь на минах. В конце 1970-х отец летом вывозил нас на своей «Ладе» купаться в местечко, которое он называл Лиханнийеми. Примерно в 20 километрах от Выборга по Приморскому шоссе он поворачивал на асфальтированную лесную дорогу (что большая редкость для СССР, где и магистральные дороги местами становились

грунтовыми), ведущую в сторону залива, и через несколько минут мы въезжали на бетонный мостик, соединяющий материк с небольшим островом. На островке помимо маленького пляжа умещались сложенный из гранитных глыб причал, кусты шиповника, прикрывавшие каменный фундамент со ступенями, ведущими в никуда, а чуть поодаль горюнился остов железобетонного сарая. Отец почему-то утверждал, что это место есть дача Маннергейма.[6] Не знаю, так ли это на самом деле или отцу нравилось так думать, но прозвучало имя. Случай кое-что узнать о Маннергейме вышел скоро. Приятель пригласил меня на автобусную экскурсию по... линии Маннергейма. Экскурсия эта была довольно странной для тех лет. Во-первых, тема. Во-вторых, проводилась она в инициативном порядке, а гидом выступал краевед-любитель, абсолютно не ограниченный идеологическими запретами. Во время этой экскурсии я с изумлением узнал, что до Великой Отечественной войны была еще одна – советско-финская. Гид беспощадно рассказывал о тех не знаменитых у нас событиях. Мы тряслись по извилистой лесной дороге от одного дота к другому, заворачивали к воинским захоронениям, а факты все сыпались и сыпались, обнажая очертания леденящих кровь подробностей Зимней кампании.

У нас со школьными товарищами со временем выработалась привычка бродить по городу, прослеживая, как на одной улице с течением столетий менялись архитектурные вкусы. Более других в этом смысле представляла интерес Крепостная улица (Linnankatu). Средневековье через несколько шагов сменяется домами XVIII – начала XIX веков, а вот уже финский романтизм со своими очаровательными деталями, садик на месте утраченного собора, сквозь который просвечивает белоснежная библиотека, дальше начинается советское безобразие, упирающееся в гору. Не улица, а открытая книга истории Выборга. Однако самым интересным для меня казался одиннадцатиэтажный дом (в самом начале Ленинградского шоссе, Kannaksenkatu). Высокий дом – символ большого города, кипучей жизни, почти что американский небоскреб. Каково же было мое изумление, когда я открыл, что воздвигнуто это материальное воплощение идей урбанизации еще в конце 1930-х годов. Не менее восхитительными казались и тихие уголки финских предместий, включенные в черту современного Выборга. А сколько волнительных переживаний в детские годы вызывали рассказы по ночам о многочисленных подземных ходах под центральной частью города. Впервые слухи о тайных подземных ходах появились еще в 1940-м, когда разбирали финскую церковь в центре города. Утверждали, что от нее идет подземное сообщение с замком. Дело дошло даже до того, что в центре города на некоторое время выставили вооруженное оцепление.

Интересно, как выглядел бы Выборг, если бы не прервался естественный ход развития. Возможно, подсказками служат громадные общественные здания двух госпиталей – на Батарейной горе и в районе Neitytniemi (Госпитальная улица), воздвигнутые незадолго до начала «зимней войны». Кто знает...

К середине 1980-х отношение советских к заграница претерпело кардинальное изменение. Идеологические установки прошлого распались под напором фактов реальной жизни и массированного информационного потока, обрушившегося на головы советских граждан в горбаческие времена. Теперь никто не избегал контактов с иностранцами, но, напротив, всячески их искали. Бывших финских хозяев квартир охотно сажали за столы. Одним словом: «Мир, дружба, водка!» Такое вот торжество линии Паасикиви-Кекконена на руинах линии Маннергейма.

Поздние горбачевские времена запомнились несколькими курьезными случаями, имевшими место в Выборге. В самом конце 1980-х в Выборге на Рыночной площади

[6] В настоящее время исследователи истории Карельского перешейка достоверно установили, что у маршала К.Г. Маннергейма никаких дач на территории, отошедшей к СССР, не было (*Прим. ред.*)

(Kauppa tori) разбил лагерь шумный цыганский табор. Цыгане, не имея ни виз, ни паспортов, рвались в Финляндию, на свой манер истолковывая право на свободу передвижения. В какой-то момент бессилие властей, погрязших в безответственном словоблудии, стало предельно явным, что провоцировало горячие цыганские головы на экстремистские действия. С большим трудом и нервным напряжением для жителей города через некоторое время удалось все же разрядить взрывоопасную ситуацию. Другим явлением позднего горбачевского времени стала деятельность многочисленных иностранных религиозных миссионеров. Пикантность ситуации заключалась в том, что в Выборге всегда действовал приход Русской Православной Церкви, однако большинство советских выборжан были, как и полагалось в советском государстве, атеистами. В конце 1980-х на фоне апокалиптических событий конца СССР в общественном умонастроении граждан стала проявляться почти истерическая склонность к мистицизму, волшебству. Лучшее время теле- и радиоэфира занимали передачи с врачевателями, колдунами, гадалками. Им вторили газетные публикации об экстрасенсах и инопланетянах. Например, мне один совершенно обычный человек на вопрос о его специальности на полном серьезе ответил: «Уфолог». В такой нервозной среде в изобилии было лиц, одержимых поиском истин, и различные миссионеры оказались здесь очень кстати. Мой бывший одноклассник несколько лет содержал свою семью за счет того, что служил переводчиком у миссионера-мормона. Молодой человек, кажется, по рождению австралиец, прибыл в Выборг по разнарядке мормонской общины на несколько лет для утверждения вести о том, как верные христиане спаслись в пустыне штата Юта. Как и полагается миссионеру, молодой человек чурался гормональных удовольствий, не имел вредных привычек и был унылым вегетарианцем. Честно говоря, я не видел, как молодой мормон общался со своей новообращенной паствой, но злые языки утверждали, что многие вновь обращенные выборгские мормоны посещали собрания не столько ради великой мормонской истины, сколько в ожидании конкретных материальных благ. Несмотря на продолжительность и видимую затратность эксперимента (на смену молодому человеку затем явился еще один добропорядочный мормон, не отягощенный знанием русского), мормонизация выборжан не привела к сколь-нибудь замечательным последствиям. Видимо, обет миссионерского безбрачия всему виной – при творческом развитии идей полигамии, так занятно отличавших мормонов на заре их славного движения, несомненно, мормонское учение оставило бы по себе известную память среди выборгских мормонов и их потомков.

В 1991 году закончилась история СССР, Выборг унаследовала Российская Федерация. Старая песня легла на новый мотив. С тех пор город здорово изменился, но эта тема для совсем другого рассказа.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аалто А. – 402, 412
Абрамов Ф.А. – 36, 39
Август II – 287
Авдеев В.В. – 342
Агапетус – 165
Агте Д.А. – 264
Адамини А. – 310
Адлер Я. – 298
Адмони В.Г. – 143
Александр I – 5, 317, 332
Александр II – 6, 7, 10, 68, 336, 379
Александр III – 11, 91, 201, 306, 338, 339, 343, 346
Александровский – 106
Алексеев В. – 20
Алексеев М.В. – 361
Алексий II – 367
Алмазов И. – 46
Аминов Б.И. – 375
Амирханов Л.И. – 3, 9, 12, 76, 93, 97, 132, 137, 150, 173, 214, 382, 394, 407, 408
Амфитеатров А.В. – 128
Ангулемская М. Т. Ш. – 333
Ангулемский, герцог – 333
Андерсин А. – 43
Андреев В.Л. – 200, 207, 211, 230, 235, 237
Андреев Д.Л. – 199, 211
Андреев Л.Н. – 193, 198, 199, 200–211, 213, 221–238
Андреев П.Н. – 201, 227, 237
Андреев С.Л. – 203, 209, 229, 237
Андреева А.И. – 222, 230, 234, 237
Андреева А.Н. – 229
Андреева А.М. (урожд. Велигорская) – 200, 235
Андреева В.Л. – 203, 208, 229
Андреева Н.Н. – 221
Андреева Р.Н. – 228, 237
Анна Павловна, великая княжна – 334
Анненский И.Ф. – 16
Анненков Ю.П. – 201
Аннин В.П. – 273
Антонов Ю. – 35
Анциферов Н.П. – 208, 210
Апполон, бог – 16, 17
Апраксин Ф.М. – 288–291, 300
Ардов Б.В. – 136
Аренберг Ю.Я. – 239, 241, 317, 386
Арронет – 105
Артуа д' Ш. – 328, 333
Аспелин В. – 373–378, 383
Ахматова А.А. – 136–145

Б

Багратион П.И. – 331
Багратуни – 371
Бажанов Ф.Г. – 219, 220
Баженов Б.П. – 369
Базанов П.Н. – 121, 123, 125, 128–131
Базилевский В.И. – 127
Базылев – 369
Бакманссон Х. – 201
Балашов Е. – 150, 256
Банатов П.К. – 71
Бандхольц Й.Г.Д. – 379
Барановский А.М. – 167
Барановский В.Г. – 158–160, 162
Барановский Г.В. – 150–153, 157, 158, 161, 162, 165–168
Барановская Е.В. – 152, 153, 160, 162, 167
Барановская И.А. – 167
Барановская-Диамантиди (урожд. Малиновская) – 161, 167
Бараш Н. – 107
Барклай де Толли М.Б. – 333
Басов – 284
Баторевич Н.И. – 147
Бахтин М. – 210
Беззубов В.И. – 198
Безобразов – 368
Беклемишева В. – 207
Беликов В.В. – 53, 54
Белов В.Ф. – 37
Белоусов – 237
Белый А. – 215
Беем К. – 380
Бендер О. – 165
Бенедиктов В.Г. – 18
Бенецианов Б. – 35
Бенкендорф А.Х. – 329
Бенуа А.Н. – 50, 101, 105, 106, 354
Берг А.И. – 276
Бергхольц В. – 297
Березовский Ю.Ф. – 402
Бернштейн Г. – 211
Бетман К.А. – 53
Билибин И.Я. – 123
Бирбаум Ф.-П. – 102
Бирилёв А.А. – 264
Блок А.А. – 136–138, 198
Бобышев Б.В. – 144
Богданов – 106
Богданов М.А. – 281
Богоевский – 243
Боголюбов А.П. – 106
Богуславский – 368
Бодиско – 292
Болонин Н.Е. – 55
Болотин Я.Д. – 83
Бомбинский А.Р. – 119
Бонч-Бруевич В.Д. – 131
Бонч-Бруевич М.Д. – 366, 367, 369–371
Борман – 148, 149
Бородин – 367
Бородина Т.П. – 132
Босин В.Э.А. – 386
Браво А.Е. – 150
Брамс Я.И. – 125
Браудзе М.М. – 11, 12, 65, 77, 110, 111, 257, 291, 385
Браун Н.Н. – 168
Брежнев Л.И. – 397
Бреклин И. – 301
Бренёв Г.Н. – 121, 123
Бренёв К.Н. – 129
Бренёв Н.Г – 123, 124, 129
Бренёва А.П. – 123
Броглио де А.-О. – 329–331, 333
Броглио де В.Ф. – 328, 329
Броглио де О.-С. – 328–330, 334
Броглио де Р. – 334
Броглио де Ш.-Ф. – 328–332
Бродский И.А. – 144
Бродский И.И. – 130, 131
Броун Г. – 58
Броун С.А. – 54
Бруни А.П. – 101, 105
Брусилов А.А. – 363
Брусянин В.В. – 234

Брюллов А.П. – 37
Брюллов К.П. – 37
Брюс Р.В. – 288, 290
Брюсов В.Я. – 16
Будда, бог – 140
Булгарин Ф.Ф. – 17
Булла К.К. – 228, 272
Бунин И.А. – 16
Булгарин Ф. – 329
Бурлюк Д.Д. – 233
Бусс Э. – 245
Бух Б. – 172– 20
Бьеркстен В. – 321
Быкасов – 389
Быстров Е. – 20
Бэр П. – 263

В

Валтонен Х. – 165
Ван Звитен С. – 46
Ванновский С.П. – 363
Вапнярчик – 108
Варламов И. – 38
Васильев – 367
Вейде И.Л. – 336
Венгеров – 368
Веретенников А.П. – 59, 66
Веретнова Ю.В. – 238
Вернандер А.П. – 59
Вернер – 205
Версудский Л.Д. – 69
Верховской (Верховский) В.П. – 261
Виленская Н.Х. – 23
Виллем – 334
Виллин – 233
Вильдт – 368
Вильсон Г.А. – 274
Вирен А.Р. – 272
Вирен Р.Н. – 272
Виттих фон Г. – 298
Владимир Александрович, великий князь – 339, 340
Владимиров – 113
Владимиров И.А. – 147
Воеводский С.А. – 268
Волошин М.А. – 16
Вольф А. – 321
Вольф А.Н. – 321
Вольф О. – 321
Вольф Ч. – 321
Вордстрём Й.-В. – 165
Вордстрём Э. (урожд. Потоцкая) – 165, 166
Воронин М.С. – 192, 193, 206, 331
Воронцов С.Р. – 331, 333, 334
Ворошилов К.Е. – 130, 131
Вострикова Н . – 37
Врангель П.Н. – 128, 129
Вяйнямейнен – 342, 347, 353

Г

Гаврилин В.А. – 36, 37, 39
Гальнбек И.А. – 101, 102, 107
Гамченко С.С. – 97, 98
Гапон Г. – 217
Гартман фон Л.Г. – 8
Гартонг А.П. – 18
Гаусвальд – 149
Гаусман К.Ф.– 52, 53, 55–58, 60, 71, 72, 78
Гаш Ю. – 42
Гейден Ф.Л. – 338
Гезеллиус Г. – 387
Гелиос, бог – 20
Герасимова Н. – 39
Герман – 206
Гернанд Д. – 153
Герчеков – 70
Гефтлер – 106
Гёте Э. – 326–328
Гинтер И.Я. – 300
Гинцбург И.Я. (М.Я. Гинзбург) – 130, 131
Гиргенсон фон П. – 349
Глан – 218
Глиндзич – 368
Глинюк Н.П. – 273
Глуховцев – 204
Годунский – 369
Гойя Ф. – 106, 203, 230–232
Голль де Ш. – 334
Головин С. – 205
Гольцман Д.Г. – 293, 296–298
Гортье Т. – 16
Горький М. – 198, 200, 204
Граф Г.К. – 268
Гренман А. – 354
Гржебин З. – 198, 221, 224
Григорович И.К. – 268
Григорьева Д.А. – 130
Григорьева Н. – 203
Гришкевич-Трохимовский А.П. – 119
Гукасов Г. – 20
Гулевич А.А. – 356
Гуляев В.М. – 84
Гуляк П. – 39
Гумилёв Н.С. – 139, 145
Гутхейль – 105
Гучков А.И. – 361
Гюльден А. – 325

Д

Давиденко А.И. – 52
Дагерман В. – 383
Дагерман Г. – 383
Дагерман Г.В. – 373, 379, 381–383
Даль В.И. – 231, 238
Данилов Ю.Н. – 359, 361
Дантес Ж. – 334
Даянов Р.М. – 3, 146, 147, 149, 150, 151, 168
Деволан (Де Волан) Ф.П. – 53, 55
Дегтяренко Н.С. – 69
Демотре – 332
Ден фон В. – 339
Деникин А.И. – 128, 361, 366
Денисевич А.И. – 202, 221
Дибич И.И. – 329
Диздери – 342
Дикандер – 323
Диппель Э. – 384
Дмитриев М.П. – 349
Дмитриев-Байцуров Н.Г. – 97
Дмитриевский Е.Н. – 97, 98
Добровольский (Доливо-Добровольский) С.Ц. – 123
Домнин И.Н. – 168
Донышев – 391
Дорогин В.А. – 54
Драгомиров – 362
Дудин М.А. – 35, 36
Дунин-Слепец И.К. – 367
Дэвис Р. – 198, 223, 224, 238
Дюринг фон Л. (урожд. Хакман) – 316
Дюсберг-Барановски Н. – 159

Е

Евгений Австрийский – 340
Егоров – 106
Екатерина II – 136, 327

Елизаров М.М. – 367–371
Елисеев Г.Г. – 157, 162
Ерыкалов – 106
Есипов Н.А. – 263, 266, 268, 269
Ефверберг А. – 251
Ефимов М.А. – 389
Ефремова В.И. – 238

Ж
Жакоте Л.-Ж. – 332, 336
Жонваль Н. – 54, 57, 58
Жуковский В.А. – 326

З
Зайцев Б.К. – 2, 198, 203, 204, 211, 213–215, 218, 223
Зайцева В.А. – 213, 214, 218
Закатилов Н.И. – 404
Залманзон А.М. – 150
Залюбовский А.П. – 53, 61
Заржецкий И.А. – 47
Захаров П.С. – 214
Защук В.А. – 66, 67
Зевальд А. – 154, 155, 158
Зеелер В.Ф. – 121
Зейферт М. – 328, 335, 342–347
Зилов Г.А. – 263
Зиновьев Г.Е. – 108, 109
Золотахин – 324, 325
Зотов – 108
Зубатов П. – 612
Зубов – 369
Зубцова Г.Е. – 239

И
Ивало С. – 165
Иван Грозный – 243
Иванов А.Д. – 69
Ивков Н.Н. – 273
Игнациус В.В. – 262
Иезуитова Л.А. – 198, 202
Ильин – 108
Илья Пророк – 129
Индурский Ю. – 342
Индурский Я. – 335–342, 347, 348
Иуда Искариот – 236

К
Кабысов М. – 68
Кавернинский – 371
Кайдановский А.Л. – 189
Кайлас У. – 165
Кайтмазова Л.В. – 83
Казанцев Д.Л. – 366, 367, 370, 372
Камерон Ч. – 17
Кампель М. – 349
Канин В.А. – 279
Карл X – 333
Карл XII – 241, 287, 300
Карлстрем К.Г. – 126
Карнеев П.П. – 270
Каронен С. – 164
Карпович Н.М. – 367
Кастрен – 318
Кауше А.Г. – 213, 218–221, 224
Кяпя П. – 251
Квятковский Валерий – 92, 93
Квятковский Василий – 92
Квятковский Иван – 92
Квятковский Николай – 92
Кемпайнен Е. – 285
Кен Л.Н. – 238
Кепп Е.Е. – 374, 402
Кербер Л.Б. – 283
Керенский А.Ф. – 115, 366, 368
Кианто И – 164, 165
Кибарин Н. – 95
Кирениус – 367
Кирилл Владимирович, великий князь – 268
Кирин А. – 184, 194
Киров С.М. – 215
Кирхнер – 105
Китаев А.А. – 342
Клапье де Колонг А. – 299
Клевер – 106
Клембовский В.Н. – 363, 364, 366
Клевер Ю. – 383
Клеодора, нимфа – 16
Клингер А. – 329
Клычин В.Н. – 23
Кнакстед – 246
Кобелев М.В. – 153, 154
Козаков М.М. – 136
Козакова З.А. – 136
Колоницкий Б.И. – 357
Комаров В.Л. – 51, 145
Комаровский В.А. – 141
Комаров Ф. – 97
Комиссаржевская В.Ф. –234
Конде, принц – 328
Коновалов В.П. – 67
Кононов А.А. – 269
Копельман С. – 207, 221, 224
Коптев – 106
Корнилов Л.Г. – 363, 366, 371
Корф Н.И. – 219
Коскеннеми – 165
Костоусов А.И. – 69
Костромин И.З – 273
Косяков В.А. – 153
Кох фон А.М. – 164
Кох фон В.М. 0 164
Кох фон Л.М. – 164
Кох фон В.М. – 164
Кох Р. – 106
Кохонен И. – 152
Крайзман И. 0 125
Крапивина Е. – 29
Краснов П.Н. – 128
Красотин – 391
Крастин – 108
Кристенсен – 336
Крисятецкая Н. – 38
Крыжицкий – 106
Крюденер К.А. – 331
Крюйс К. – 290
Куксенко – 367
Кулон де А. – 298
Кульбин Н.И. – 201, 233
Куокка М. – 162
Куосманен В. – 163
Кураев М.Н. – 36
Куфальдт Г.-Ф. – 157
Кяхинен Э. – 152
Кяяпя П. – 252

Л
Лампен-Исо-Кейсари Э. – 165
Лантинг – 329
Лапин И.С. – 239, 242, 243
Ласковский Ф. – 289, 299
Латынин П.И. – 71, 72, 78
Лаубе фон А. – 379
Лаубе фон И.Ф. – 315, 316, 323, 324
Лаубе фон М. – 323

Лебедев – 115
Лево А. – 251, 252
Лево Т. – 251
Левошко С.С. – 149, 151, 157, 193
Левченко М. – 39
Лежен Ф. – 158
Лейзтенбергский Г.Н. – 128
Леконт де Лиль Ш. – 16
Ле Корбюзье – 176
Ленин В.И. – 22, 35, 358, 371, 408
Леонтьев К.П. – 62
Леонтьев П.К. – 262
Лермонтов М.Ю. – 349
Лехтимяки К. – 165
Лехтонен У. – 168
Лешинский С. – 300
Лильелунд А. – 354
Лилиенфельд фон О. – 54
Лингард А. – 368
Линде – 108
Линдер К. – 318
Линдер Х. – 318
Линдваль Ф.И. – 327, 376
Линдгрен А. – 387
Линдстрем К. – 244
Лихачев Д.С. – 201, 412
Лихачёва Е.В. – 264, 265, 273
Логенберг де М.С. – 329
Логинов А. – 97
Лозинский М.Л. – 140
Лоран А.Е. – 264
Лорен С. – 406
Лоренцо герцог – 202, 204, 236
Лукомский А.С. – 363, 364
Луначарский А.В. – 107
Людовик XIV – 166
Людовик XVI – 109, 328, 333
Людовик XVIII – 333, 334
Людовик XIX – 333

М

Магнус – 209
Майдель Г.И. – 288
Макаревич – 368
Макаров А.Д. – 358
Максимов А.С. – 356, 357, 360
Максимов В.Н. – 387
Мандельштам О.Э. – 144
Маннергейм К.Г. – 413
Мантейфель Я.С. – 245
Мария Федоровна, императрица – 329
Мариет – 206
Марина – 209
Мария Антуанетта, королева – 333
Марков П.А. – 382
Маркс А.Ф. – 236
Марта – 206
Мартинелли Д.А. – 325
Мартос И.П. – 327
Маслов А.А. – 84
Матвеев Л.И. – 97, 98, 266, 271, 278, 280, 362, 411
Мейерхольд В.Э. – 200, 201, 221
Меншиков А.Д. – 288, 290, 292, 294, 297
Меурман О.-И. – 374
Михаил павлович, великий князь – 326
Михайлов В.Л. – 270
Молас Б.Н. – 108
Монферран О. – 326
Мосин С.И. – 53, 55, 58, 59, 61, 67, 95, 100
Мотре де – 332
Мошник Ю.И. – 389
Мунстеръелм Я. – 354
Муравьев-Апостол М. – 331
Мухина В.И. – 83
Мысько А.С. – 325, 375, 378
Мюрат И. – 372
Мякеляйнен Е.-К. – 153
Мянтюнен Ю. – 402
Мятлев П.В. – 327

Н

Набгольц – 349
Надежный Д.Н. – 370
Нансен Ф. – 123
Наполеон – 18, 229
Нарышкин К.А. – 296
Небольсин В.К. – 270
Неёлов (Дальский) М. – 167
Неёлова-Здзитовецкая В.М. – 167
Неклюдов М.Е. – 63
Некрасов Н.А. – 216
Немирович-Данченко В.И.– 201
Неовиус А. – 382
Непенин А.И. – 356
Неувонен П. – 374
Ника, богиня – 20
Никитин М. – 228
Никитин Н.Ф. – 146
Николаенко А.Ю. – 78
Николаенков А. – 39
Никонов Н.Н. – 147
Николаи А.-С. – 327, 329, 330, 333, 334
Николаи фон Л.Г. – 323, 324, 330, 346
Николаи фон П. – 319, 320, 324, 326–328, 330–334, 340, 341
Николай Павлович, великий князь – 326
Николай I – 268
Николай II – 11, 128, 200, 201, 219, 286, 339, 340
Новгородцев С. – 406
Новиков – 106
Новиков, генерал – 372
Новоселова З.А. – 355
Норден – 193
Нортамо Х. – 165
Ностиц Ф.-Г. – 290
Нублак В. 0 329
Нэтер – 246
Нюблин Д. – 317, 320, 374
Нюльман Б. О. – 379
Нюстрём Г. – 374

О

Оболенский И.М. – 318
Овсянко А. – 31, 32, 33
Оленин А.Н. – 326
Оль А.А. – 105, 198, 228, 237
Ольденбург Г.Ю. – 348
Ольденбург Класс – 348
Ольденбург Конрад – 348–354
Ольденбург Х.Ю. – 348
Орановский В.А. – 355–357, 359, 361, 362– 364, 366, 367, 369, 370, 372
Ординарцев И.А. – 71
Орлов Г.Г. – 47
Орлов, граф – 324
Орнтлих А.Г. – 162, 164
Орфеев А.П. – 63
Отто Н. – 58

П

Пааволайнен П. – 152
Павел I – 329, 334
Павлов И.П. – 121
Пален фон дер С.Н. – 340, 341, 342

Палеолог С.Н. – 128
Панфилов – 108
Парамонов Е.Н. – 128
Парамонов Ф.М. – 130
Партанен Э. – 384
Парусов Е.Г. – 177
Пастернак Б.Л. – 142, 144
Пасынков – 369
Паулиг Г. – 376
Паустовский К.Г. – 387
Пекканен У. – 255
Пелтонет – 285
Перандер Л. – 383
Петен А.Ф. – 334
Петр I Великий – 17, 42, 43, 46, 53, 240, 287–293, 296–298, 300–302, 304, 306, 307, 382, 396
Петражицкий Л.И. – 121
Петров – 115
Петров, генерал-лейтенант – 285
Петров-Евтеев А.С. – 119
Петровых М.С. – 144
Петухов К. – 106
Пиетинен А. – 321
Плеханов А.П. – 84
Поздняков В. – 315
Половов И.Н. – 348
Помер В.А. – 213
Попов – 263
Попов А.С. – 270, 275, 277
Попова Т.Ф. – 136
Посейдон, бог – 16
Правдзик – 153
Прозерпина, богиня – 217
Прокофьев С.С. – 136
Прокудин-Горский С.М. – 349
Прохиндеев Е. – 176
Прохоров С.Я. – 68
Прямицкий С.Д. – 187, 188, 196
Пугачёва А.Б. – 194
Пуллинен А. – 159–161
Пуни И.А. – 201
Пурсиайнен А. – 251
Пушкарев К.Н. – 128
Пушкин А.С. – 200, 334, 373, 385

Р

Раздолгин А.А. – 309, 310
Ракколайнен Ю. – 251
Рамси Август – 316–319
Рамси Андерс – 317
Рамси А.Й. – 317
Рамси (Рамзай, Рамсэ) В. – 318
Рамси К.А. – 317
Рамси (Рамзай) Э.А. – 317
Рамси Х. – 319–322
Рамси Ю. (урожд. Экстрем) – 320, 321
Раскольников Ф.Ф. – 362
Растворова О.Г. – 53
Растрелли Б. – 326
Рантанен (Рантала) Х.М. – 283, 284, 286
Раутио О.А. – 252, 255
Резников А.И. – 54
Рейнбот – 192, 193
Ренни С.В. – 155, 158–160, 163, 256
Ренно – 149
Ренстрём К.-О. – 164
Ренстрём М. – 164
Ренье де А. – 219
Репин А.В. – 130
Репин В.Е. – 129
Репин Г.Ю. – 122–124, 132, 133
Репин Д.Ю. – 121–133
Репин И.В. – 129
Репин И.Е. – 121–125, 127–133, 172, 200–204, 206, 211, 237
Репин Ю.И. – 122, 124, 129–133
Репина В.И. – 122, 128
Репина Е.А. – 129
Репина П.А. – 122
Репонен К. – 165
Рерих Н.К. – 200, 202, 203, 209, 210
Ривкин Б.Е. – 3, 52, 78
Ритов Б.Е. – 404
Родионов С.И. – 270
Розанов Н.Ф. – 61
Романовский Г.В. – 158
Росси К. – 326
Роте В. – 380, 383
Роте В.Ю.А. – 382
Роте К.А.Р. – 380
Роте К.В.А. – 380
Роте К.Г. Р. – 379, 380
Роте М. (урожд. Авеллан) – 382
Роте Ф.В.А. – 380
Роте Э.В.А. – 383
Роте Э.Л.Э. (урожд. Теслефф) – 380
Роте Э.П.А. – 373, 374, 376–378, 380, 383–386
Рубинштейн А.Г. – 105
Рубцов Н.М. – 36, 38
Рузский Н.В. – 286
Рунеберг В. – 6
Рунтова О.М. – 147
Рыжков А. – 36
Рыбкин П.Н. – 270
Рындин – 106

С

Сааринен Э. – 387
Савик В.И. – 404
Савицкий – 105
Савицкий Б. – 162
Савойская М.-Т. – 333
Саволайнен Й. – 251
Сапежко – 116
Сапсай А. – 284
Сапунов П.С. – 82, 89, 185
Сафронская Л.Л. – 365
Свиньин П.П. – 17
Седергольм Я.Й. – 307, 308, 310–312
Седерстрём В. – 316
Седунов А. – 39
Семенов Г.С. – 143
Сеппенен – 119
Серов В.А. – 203
Свечников М.С. – 369
Свиньин П.П. – 327
Св. Алфий – 220
Св. Анна – 5
Св. Апостол Павел – 95
Св. Апостол Пётр – 95
Св. Екатерина – 5
Св. Иоанн Кронштадтский (Сергиев И.И.) – 213, 214, 263
Св. Исайя – 237
Св. Киприан – 220
Св. Мария – 5
Св. Михаил Архангкл – 36
Св. Мученики младенцы Вифлиемские – 40
Св. Пантелеймон – 20
Св. Серафим Саровский – 150
Св. Сергий Радонежский – 16
Св. Филадельф – 220
Серебровский М.Б. – 88
Серов В. – 230
Сёдергран Э. – 202
Сёдеркройтц Э.Г. – 201

Сибелиус Я. – 165, 201
Сизов А.А. – 49
Симонов П.В. – 273
Скиталец С.Г. – 230, 238
Скитский П. – 227, 228
Скитский С. – 227, 228
Скрыгин А.А. – 28, 73
Симановский Н. – 163
Скориков Ю.А. – 309, 310
Сметанин – 119
Смирнов Г. – 399
Смирнов О.С. – 129
Снелльман Й-В. – 8
Соколов – 109
Соколов, комиссар – 368
Соколов М.Т. – 54, 58
Соколов-Кречетов С.А. – 128
Солженицын А.И. 0 211
Солодовников И.А. – 84
Соловьев В. – 218, 219
Сологуб Ф.К. – 206
Солоневич И.Л. – 216
Солофненко Н.А. – 388
Сосин – 71
Сталин И.В. – 130–132
Станкевич – 369
Старикова М.И. – 226
Старков А.И. – 167
Стасов В.В. – 200
Стенбок-Фермор А.А. – 47, 48
Степанов Ф.В. – 367
Сторицын – 204
Стоубес Л.Х. – 291
Ступишин П.А. – 353
Суворин А. – 349
Сукачев В.Н. – 20, 21
Сундберг К.– 162
Сухтелен П.К. – 327
Сюлли-Прюдом – 16

Т

Таберман Э. – 354
Таваст Р. – 379
Таканен Й. – 6
Талвио М. – 165
Тамбела В.И. – 130
Танфильев Г.И. – 20
Таранина Л.И. – 35
Тарковский Андрей Арсеньевич – 138
Тарковский Арсений Александрович – 137, 138
Таушер Б. – 255
Твиди Алек (Э.Б.) – 316, 320, 321
Тепери Й. – 167
Термонен Т. – 152
Терса М. – 165
Тирион Ж. – 296, 297, 300, 301
Тирион Я.Ж. – 301
Ткаченко В.Ф. – 197
Толстая С.А. – 232
Толстова А. – 150
Толстой И.А. – 296
Толстой Л.Н. – 198, 203, 232, 233, 349
Толубеев А.Ю. – 37
Толубеев Ю.В. – 37
Тот – 204
Травина Е.М. – 151, 152, 193
Траншель И. – 172
Тройницкий С.Н. – 106
Тургенев И.С. – 229, 238, 349
Тэйтем Ч.Х. – 326

У

Ульянов Н.П. – 215
Уокконен М. – 251, 257
Уокконен Т. – 251
Укконен Х. – 257
Ульберг У. – 325, 384, 402
Урицкий М.С. – 106
Урсин П. – 379
Ушаков 2-й – 332

Ф

Фаберже – 10
Фаберже Агафон К. – 101–112
Фаберже Александр К. – 105
Фаберже Е.К. – 102, 106
Фаберже К.Г. – 101, 102, 105,–107
Фаберже Л. (урожд. Трейберг) – 105
Фаберже Н.К. – 105
Фаберже Т. – 103, 107
Фаворин Э. – 354
Фальковский Ф.Н. – 205, 225
Фальконе Э. – 326
Фацер К. – 5
Федерлей А. – 316
Фельдгейм К. – 249, 250
Феннандер А. – 164
Ферсман А.Е. – 105
Фивейский В. – 202, 206
Фидлер Ф.Ф. – 207, 226
Философов М. – 107
Фишер К.А. – 61, 62
Фогель Г.В. – 335
Франц-Иосиф I – 340
Фрелих В.Г. – 66
Френсис – 64
Фридрих III – 298

Х

Хаарла Л – 165
Хавеманн Х.Х. – 323
Хаггарт – 206
Хакман А. – 316
Хакмак В. – 325
Хакман И.Ф. – 323, 324
Хакман М.Э. (урожд. Лаубе) – 316, 323–325
Хакман Ю.Ф. – 324, 325
Ханжоенков А. – 273
Хапцов – 368
Хаупт И.-И. – 166
Хаупт Мариино – 166
Хаупт Марио – 166
Хаупт Матти – 165–167
Хаупт Э. – 166
Хвалов С. – 20
Хеллман Б. – 198, 208, 223, 224
Хендриксон Н.В. – 370, 371
Хенрикссон Э. – 53
Хенрикссон-Мальм К. – 153, 160, 166
Хеншель К. – 54, 57
Хидекель Л.М. – 83
Ховинг Вальтер – 375
Ховинг Виктор – 375
Хойер К.Т. – 373
Хранилов И.И. – 324
Христос Иисус – 237
Хрустова Е. – 39
Худяков Л.Н. – 68
Хэгтстрем Д. – 251
Хэггстрем Ф.В. – 246, 250
Хюппёнен Л. – 153
Хюппёнен П. – 153
Хяркюнэн И. – 165

Ц
Цветаева М.И. – 141, 142, 144

Ч
Чепакин А. – 39
Чаплин Ч. – 406
Черкасов – 329
Чернушевич М.П. – 117, 119
Чернышев Г.П. – 241
Ческис – 108
Чичерин – 332
Чичерина С.В. – 340
Чувалдина – 219
Чуковский К.И. – 198, 200–202, 204
Чулков Г. – 204, 221

Ш
Шабельский И.П. – 267
Шалфеев – 108
Шаляпин Ф.И. – 200
Шапошников Б.М. – 372
Шауб В.В. – 172
Швайцер Р. – 379, 380
Шварц А.В. – 116
Шевченко П. – 37
Шейнман А.Л. – 117
Шереметев Б.П. – 298, 300
Шерер – 349
Шестрём Ф.А. – 374
Шефнер А.А. – 270
Шиллер А.Г. – 227
Шитов Д. – 256
Шишкин И.И. – 47
Шишко Л.П. – 68
Шляхецкий В. – 95
Шмидт К.К. – 101, 102
Шнабель – 371
Штиглиц А.Л. – 83, 101, 102
Шубергт Ф.Ф. – 47
Шубов М.Г. – 70
Шувалов – 17

B
Baisch – 106
Borngeois V. – 106

C
Canella – 106
Carlstrem K. – 126

D
Degerman – 381
Dietrich – 106

E
Erikson G. – 125

H
Heisk – 106
Hermann – 106

Шультце И. – 106
Шульц фон М.К. – 264–268, 270, 273
Шумихин С.В. – 131

Э
Эдельфельт А. – 201
Эйфман Б. – 168
Эксе Д.В. – 83
Экстрем А. (урожд. Хакман) – 320, 325
Экстрем Г. – 325
Экстрем К.А. – 316, 319–321
Экстрем Р. – 325
Экстрем Ю.М. – 317
Элиава – 368
Эльфстрём Э. – 346
Энгель К.Л. – 5
Энгельман Б.Г. – 275
Энгельман Владимир Георгиевич. – 275
Энгельман Вячеслав Георгиевич – 275
Энгельман Г.И. – 275
Энгельман И.Г. – 275–280, 283, 285, 286
Эрасси М. – 379
Эредиа де Ж. М. – 16
Эргардт – 148, 149
Эриксон Г. – 125
Эрн Р.И. – 343, 346
Эссен фон Н.О. – 283

Ю
Юденич Н.Н. – 209

Я
Яворницкий Д.И. – 124
Ягода Г.Г. – 132
Яковлев А. – 169, 171
Яковлев В.Д. – 52
Яковлева К.И. – 47
Янсон – 205
Янтунен А. – 245
Ярвентаус – 165
Яфимович 1-й – 332

K
Korhonen I. – 156, 166
Kianto I. – 165

L
Limburg J. – 106

P
Pierson – 106

R
Riedel – 106

T
Tatham C.H. – 326

V
van Mierevelt – 106

W
Wåhrdström – 165

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

А

Або – 7, 8, 115
Австралия – 125, 127
Австрия – 340
Аделаидв – 125
Азов – 297, 298, 300
Азовское море – 300
Акмельрагс, мыс – 270
Алакюль – 113, 114
Аландские острова – 368
Алленштайн – 298
Альватинеми (Альвати-неми) – 282, 283
Александровка – 48
Альбион – 189
Америка – 209, 211
Англия – 307, 308, 312, 314, 321, 333
Антола – 195
Антреа – 306
Аренсбург, крепость – 300
Аустерлиц – 329–331, 333
Африка – 127
Ахъярви – 248

Б

Баку – 276
Балаклава – 274
Балтийское море, Балтика – 20, 41, 264, 268, 269, 287, 307
Балтийское побережье – 82
Балтиец – 303
Барселона – 348
Батарейная гора – 401, 402, 413
Беларусь – 300
Белоостров – 8, 43, 69, 113–119
Белоостровская Кирха – 43
Бельгийское Конго – 251
Берёзовые острова, архипелаг – 268, 269, 274
Берлин – 128, 200, 211, 317, 335, 354
Биоркезунд (Бьёркэзунд) – 268, 269, 278, 279, 282, 283, 286
Бискайский залив – 126, 127
«Ближние Дубки», усадьба – 42, 46, 47, 49, 50
Бобыльская – 47
Богемия – 330, 332
Болгария – 129
Болгарское княжество – 262
Большая Невка, река – 3
Большой Березовый, остров – 263, 279, 282, 286
Борго – 261
Борисовский сельсовет – 256
Бородино – 333
Ботнический залив – 356
Бугры – 19
Бутово – 204
Былинный, остров – 315
Быхов – 297, 300
Бьёркэ – 262–264. 267, 268, 270, 272– 275, 278–284, 286, 362

В

Вайттила – 251
Валаам, остров – 216
Валдайский ледник – 41
Валкярви – 255
Ваммельйоки – 175, 181
Ваммельсуу – 192, 198, 200, 203, 204, 206– 208, 210, 211, 228, 237
Ваммельйоки, река – 181
Вамнайявеси, озерная система – 8
Вентспилс – 270
Варшава – 269, 305, 329
Великая, река 0 298
Великий Новгород – 17, 38, 42
Великобритания – 13, 235, 237, 238, 326
Великое Княжество Московское, Московская Русь – 43
Великое Княжество Финляндское – 5, 7. 10, 11, 13, 113, 115, 120, 121, 158, 200, 205, 209, 244, 275, 302, 303, 308, 311–314, 317, 339
Вена – 300, 342
Веркалоде – 279
Веркоматала, банка – 279, 281, 282
Верпелево (Верперова Поляна) – 42, 43, 46, 47, 49
Верперлуда, остров – 42, 43, 45
Версаль – 241
Виипури – 388–391, 400, 409
Вилайоки – 303
Вильмансьранд – 7
Виолукиви – 306
Виролахти – 304
Вихревой, остров 0 279
Владимировка – 48, 49
Водолазный, остров – 263, 265, 268, 274
Водосливной канал – 78
Водская пятина – 17, 43
Воздвиженско-Корбосельский погост – 43
Волга, река – 206
Вологодская область – 399
Волчья, река – 251
Володарский, поселок – 16
Вольск – 263, 274
Воронежский край – 288
Вотшхер, остров – 261
Вуокса, река – 298
Вуолукиви – 307
Вуоттаа – 248
Выборг – 3, 5–8, 19, 114, 123, 165, 201, 206, 239, 240, 242–244, 247, 249–251, 254, 278, 279, 281, 283, 285, 287–298, 300, 302, 304, 306, 307, 312, 317, 320, 323, 325, 326, 334–339, 342, 343, 346–348, 350, 351, 353–359, 361–373, 375–377, 379–383, 385, 387, 388, 391, 395–405, 409–414
Выборгская губерния – 121, 123, 169, 243, 244, 262, 303, 307, 324
Выборгская крепость, укрепленный район – 284, 285, 288. 290, 294, 295, 302, 355, 363, 365, 379, 401
Выборгская провинция – 290
Выборгский залив – 269, 279, 288, 400
Выборгский замок – 302, 351, 355, 412
Выборгский лен – 240, 290
Выборгский район – 270, 388, 398
Выборгский уезд – 290
Высоцк – 362
Вятка – 215

Г

Галапагос, остров – 127
Гамбург – 246, 323, 342
Ганге – 270, 306
Гаспра – 232
Гвардейский – 398
Гданьск – 306
Геликон, гора – 16
Геллендорф – 332, 333
Гельсингфорс – 5–8, 10–13, 114, 115, 200–202, 204, 207,

215, 245, 274, 277, 283, 285, 307, 342, 354, 359, 360, 361, 363, 364, 366, 368, 371
Германия – 132, 268, 308, 312, 314, 328, 329, 380, 383
Гистюбель – 332, 333
Гогланд, остров – 262
Гогора, река – 53
Голландия – 334
Горская – 50
Горьковское – 225
Греция – 16, 151
Гродно – 287
Густавсвертский, пролив – 274

Д
Дакар – 188
Дальний Восток – 38, 397
Дания – 290, 308, 314, 383
Двинск – 362
Девяткино – 39
Демократическая республика Конго – 251
Дерпт – 287, 296, 298, 300
Днепр, река – 298, 300
Дойц – 58
Дон, река – 299
Долгий камень, остров – 270
«Дубки» («Дальние Дубки», усадьба), парк – 43, 46, 47
Дюссельдорф – 328

Е
Европа – 102, 115, 159, 207, 209, 210, 308, 326, 348, 380, 397
Ермилово – 278
Ермиловская, бухта – 279
Ессентуки – 81

Ж
Женева – 211

З
Заводская (Малая) Сестра – 52, 53, 59, 61, 63, 66, 73, 76–78
Заводской канал – 77, 78
Заманиловка –21
Западная Европа – 128
Западный Берёзовый, остров – 274, 279, 286
Защитная, бухта – 321
Зелёная Роща – 195
Зеленогорск – 14, 146, 150, 173, 175, 185

И
Игривый, остров – 279
Ильинская гора – 383
Илькясари, остров – 321
Иматра – 336, 338, 353
Имени Ленина, поселок – 400
Ингерманландия – 43, 287, 288, 290
Индонезия – 151
Ингрия – 287, 288, 290, 300
«Ино», форт – 183, 185, 186, 187, 189, 196, 208
Инонкюля – 185
Иоганнес (Йоханнес), приход – 284, 285, 303
Иркутск – 306
Исландия – 127
Испания – 127
Италия – 164, 166, 220, 268, 277

К
Кабловка – 21
Кавказ – 181
Казанская губерния – 264
Казань – 274
Калининград – 38
Калининское, лесничество – 394, 395
Калининская область – 397
Каменогорск – 306
Кангас – 398
Канонирские дачи – 153
Карелия – 398
Карель-Финская ССР (КФССР) – 389
Карельский перешеек (Перешеек) – 3, 10, 11, 43, 113, 115–117, 121, 128, 136, 146, 150, 164, 165, 169, 172, 189, 199,–202, 206, 208, 213, 239, 244, 251, 287, 291, 298, 349, 364, 394, 396, 398, 413
Карельский уезд – 287
Кастальский, источник – 16, 17
Кауксамо – 248
Кезикермен – 298
Кексгольм – 19, 239, 287, 288, 290, 298
Келломяки – 101, 145–148, 152–154, 157, 158, 163–168, 213, 214, 219, 222
Кивеннапа (Кивинебб) – 152, 234, 244, 245, 247–249, 250, 251, 256, 257
Кивисиллансалми, пролив – 323
Киев – 288, 296, 300, 301
Киевопечерская крепость – 301
Киперорт, полуостров – 269, 278
Киркосаари, остров – 261, 263–266, 268, 271, 273
Кировское – 248
Кирьясало (Кириясалы) – 244
Кисловодск – 81
Кирьясало – 251
Китай – 140, 151
Китерон, гора – 16
«Климовец», садоводство – 26, 27, 28, 29
Койвисто – 165, 262, 263, 267, 268, 275, 279, 280, 285
Койвисто, бухта – 280
Койвисто, приход – 284, 285, 303
Койранкангас (Собачья пустошь) – 131
Кольморден – 327
Комарово – 136–138, 144–150
Конная – 47
Копенгаген – 324, 327, 342
Корела – 287, 292
Корин (Карин) Нос – 43
Коринфский залив – 16
Котлин, остров – 50
Котово – 256
Котово, урочище – 256, 257
Кохинеми, мыс – 265
Красногорский рейд – 178
Краснодонский сельсовет – 256
Красное Село – 239–241, 243, 244
Красносельский район – 16
Красносельское – 244
Красный Остров – 282
Крон, равелин – 291
Кронштадт – 48, 68, 153, 168, 178, 195, 208, 213–215, 261, 263, 264, 268, 270, 272, 274, 276, 278, 279, 283, 286, 303, 304, 309, 354, 359–363, 371
Крым – 129, 174, 191, 232
Крымское ханство – 243
Кудрово – 39
Кулоссари – 166
Кульм – 330, 332–334
Куоккала – 115, 123, 127–130, 198, 200–202, 216
Курвиль-сюр-Эр – 269
Курляндия – 287
Курортный район – 77, 80, 82, 83, 150, 151
Кютяя, усадьба – 318
Кюрёля – 239–242, 244
Кякёсенпяя – 164

Л
Ладожское озеро, Ладога – 216, 298

Лапеенранта – 7, 338, 384
Лаутаранта – 179
Латауранта, мыс – 177
Латвия – 125, 270
Лахта – 22, 43, 46, 47, 48, 50, 68
Лахти – 7
Левашово – 101–108. 110, 111
Левонмяки, холм – 255
Ледовитый океан – 219
Лейпциг – 323, 333
Ленинград – 19, 22, 23, 26, 29, 35, 49, 50, 68, 69, 88, 128, 131, 137, 146, 177, 184, 203, 215, 263, 388, 397, 403, 406
Ленинградская область – 42, 215, 255, 256, 263, 270, 395
Ленинское – 130
Лентини – 220
Лидс – 235, 238
Лиепая – 270
Линнансари – 322
Линноитус – 377
Липола – 3, 244–257
Лисий Нос – 41, 42, 43, 46–49, 68
Лисичье – 43
Литва – 335
Литориновая терраса – 41
Литориновое море – 41
Литориновый уступ – 152
Лиханиеми – 412
Ловиза – 261
Лондон – 105, 326, 333
Лонгернский, пролив – 274
Луутахянтя – 153
Любек – 379, 380
Людвигштайн, остров – 319, 326, 346, 347, 353, 410, 411
Люксембург – 300, 328

М

Майами-Бич – 176
Макслахти (Макс-лахта, Мацлахта) – 279, 281
Малоярославец – 333
Марьина гора – 213
Матади – 251
Медведь – 369
Ментон – 268
Мессина – 268
Мессекюля – 130
Мется, река – 178
Метсякюля (Мецикюля) – 177, 178, 183, 184, 193, 197, 206, 223
Метсяоя, ручей – 181
Мёртвых, остров – 410, 411
Миккели – 150, 322, 323, 378, 383
Митава – 333
Михайловское – 203
Мичуринский сельсовет – 256
Мичуринское – 255
Могилев – 300
Молодежное – 174, 175, 178, 181, 206
Монашеский источник – 296
Монпарнас – 17
Монрепо, усадьба – 315, 319, 322–329, 332–337, 339–342, 346–348, 350, 352–354, 388, 390, 391, 401, 410, 412
Моонзундский архипелаг – 273
Морские Дубки – 49
Москва – 101, 105, 106, 131, 141, 204, 205, 211, 225, 237, 238, 273, 288, 300, 306, 333, 339, 349, 388, 406
Мула – 298, 299
Муолаа, волость – 10, 239, 241
Мурино – 39
Мустамяки – 225
Мустолово – 113
Мюнстер – 329

Н

Найсаар, остров – 274
Нарва – 127, 287, 288, 297, 298
Нарген, остров – 274
Нева, река – 208, 287
Невская губа – 41–43, 46, 50, 279
«Невский», лесопарк – 388
Нейвола – 215
Нидерланды – 334
Ницца – 105
Новая Деревня – 74
Новгород – 287, 298
Новосибирск – 68
Норвегия – 200, 218
Нормандия – 334
Нотеборгский лнг – 43
Нунналвхти – 307
Нью-Йорк – 211, 354
Нюландская губерния – 7

О

Оденсхольм, остров – 273, 274
Одесса – 275
Озерки – 217
Ока, река – 206
Олимп, гора – 16
Оллила – 121, 165, 207
Олонецкая губерния – 113
Ольгино – 41, 48, 49, 50
Ольшаники – 248
Ольштын – 298
Ораниенбаум – 217, 263
Орел – 198, 204, 222, 226, 229, 233, 237
Оренбург – 215
Ореховский уезд – 43
«Осиновая Роща», усадьба – 101, 109
Ослам – 298
Осмусаари, остров – 273

П

Павловск – 17
Панцерлакс, бастион – 288, 294, 296, 297, 300
Панцерлакский залив – 390
Папиматала, банка – 279
Папула – 383, 389, 390, 400, 411
Папула, залив – 400
Папула Парк – 400
Парголово – 17, 18, 19, 20, 21, 22
Париж – 175, 188, 211, 217, 330, 331, 333, 334
Паркола – 17
Парнас, гора – 17, 18, 19
Парнас, МО – 16
Парнас, промзона – 19, 20
Парнас, район – 3, 16, 17, 36–39
Пейсаари (Пей-сари), остров – 279, 282, 283
«Пенаты», усадьба – 123, 127, 129, 133, 172, 200, 208
Пензенская губерния – 23
Перно, бухта – 261
Песочное – 150
Петербург, Санкт-Петербург – 3, 5, 7–11, 13, 16–18, 20, 22, 35, 38, 39, 41, 42, 47, 48, 50, 51, 80–82, 101, 102, 121, 141, 146, 151, 152, 154, 158, 164–166, 169, 198–201, 203, 205, 207, 208, 219, 221, 233, 242–244, 270, 275, 277, 279, 287–290, 292, 294, 296, 300, 302–304, 306, 307, 329, 330, 333, 334, 336, 340, 346, 349, 376, 381
Петербургская (Санкт-Петербургская) губерния – 20, 22, 113
Петербургский уезд – 79, 244
Петергоф – 217, 354
Петровский – 398
Петроград – 67, 106, 107, 113, 115, 116, 208, 215, 250, 261, 274, 286, 356, 359, 361, 363–365, 369, 371
Пикрукки, залив – 322

Питкониеми (Питко-неми), мыс – 279
Питкопас, остров – 270
Питтсбург – 268
Плющиха – 230
Полоцк – 300
Польша – 288, 298, 300, 331
Поляны – 43, 49, 51
Порво – 316
Поречье Рыбное – 324, 325
Пори – 348
Порт-Артур – 265, 266, 268, 272
Прага – 123, 124
Прибалтика – 125, 290
Приветнинское – 185
Приморск – 185, 263, 273, 275
Приморский район – 41, 50
Приневье – 43
Приозерск – 19
Приозерский район – 256
Пруссия – 298, 339, 342
Псков – 121, 298, 300, 366
Псковская губерния – 23
Пушкин – 175
Пьесъярви – 307
Пютерлакс – 303, 304, 309, 310. 312

Р

Рабочий поселок № 1 – 26
Рабочий поселок № 2 – 26
Рабочий поселок № 3 – 26
Раздельная, станция – 48, 49
Разлив, озеро – 52–54, 63, 69, 77,79,
Разлив, поселок – 91–94, 96, 97, 193
Райвола – 202, 225, 244, 245, 251, 256
Раппатила – 368
Раумо – 368
Раута – 255
Раутовский район – 255
Раяйоки – 116
Ревель – 65, 300, 371
Ревонхянтя, мыс – 294, 296, 297
Ренамнеми (Ренам-неми), мыс – 279
Репино – 80, 83, 84, 89, 115
Республика Карелия – 389
Речь Посполитая – 287, 300
Ржавая канава – 69
Рига – 125, 300, 306, 333
Рим – 166, 209
Риихимяки – 7
Ристимяки – 382
«Роккала», имение – 368
Ронка – 391
Российская империя, Россия – 8, 38, 43, 55, 91, 106, 115, 116, 123, 132, 159, 162, 169, 172, 183, 199, 200, 208, 209, 213, 215, 216, 219, 221, 241, 244, 269, 274, 275, 284, 287, 288, 290, 297, 298, 300, 303, 304, 307, 310–312, 314, 317, 323, 324, 326, 327, 329, 333, 334, 347, 366, 388, 396, 401, 403, 409, 411
Российская республика – 364
Российская Федерация – 302, 414
Ростовский уезд – 324
Рощино – 244
РСФСР – 115, 120
Ручьи – 19
Рыбинск – 169
Рязанская губерния – 23

С

Сааренпя (Саренпя) – 283
«Сааренпя», батарея – 286
Саво и Карелия, провинция – 317
Сайма – 7, 338
Сайменский канал – 7, 319, 336, 338
Салаккалахти – 319
Саксония – 290
Саммонсари, остров – 315, 316, 319– 323, 325
Санкт-Петербургский уезд – 48
Саратов – 274
Саянйоки, река – 251
Свеаборг – 10, 200
Святой Анны, крепость – 299
Святой Анны, укрепления – 382
Священная Римская империя – 300
Свеаборгский рейд – 270, 274
Севастополь – 274, 275
«Северная долина», ЖК – 35, 36, 37
Северная Ингрия – 251
Северный Березовый, остров – 279, 282
«Северное побережье Невской губы», заказник – 41– 43, 50, 51
Северо-Приморский лесопарк – 41, 49, 50, 51
Сейвястёниеми, мыс – 194
Селезнево – 381
Сергиево – 16
Сергиевское, МО – 16
Серово – 41, 192, 198, 199, 206
Сестра, река – 53, 54, 114, 120, 130, 215
Сестрорецк – 47, 50, 52, 61, 63, 68, 69, 76, 77, 79, 80, 82, 83, 88, 89, 91, 92, 93, 97, 100, 113, 147, 150, 153, 193, 213
Сестрорецкая волость – 79
Сестрорецкий курорт (Курорт) – 58, 78, 83, 193
Сестрорецкий парклесхоз – 50
Сестрорецкий район – 174
Сестрорецкое лестничество – 49
Сёдерманланд – 327
Сибирь – 38, 208, 216, 241
Симбирск – 263
Симола – 338
Сицилия – 220
Смоленск – 298, 300
Смоленская губерния – 261
Смоляной мыс – 382
Смолячково – 179
Советская Россия – 116, 129, 200
Советский – 284, 303, 368
Солнечное – 80, 83, 89
Сопки – 181
Сорвали – 322, 354
Сортавала – 202, 239
Сосново – 255, 256
Сосновский район – 256
Сочи – 81
«Средние Дубки», усадьба – 46
СССР, Советский Союз – 128– 133, 211, 387, 403, 405, 40– 414
Сталинград – 400
Старожиловка – 21
Старожиловка, река – 37
Старая Финляндия – 302
Старый Петергоф – 150
Стейнорт, мыс – 270
Стирсудден, мыс – 194, 195, 197
Стокгольм – 160, 200, 215, 272, 288, 290, 292, 326, 327, 331
Суземяки – 255
Суденсаари, остров – 268
Суздальское, озеро – 17
Суздальское, село – 17
Суоменведенпохья, залив – 319, 321, 322
Суур-Мерийоки, усадьба – 387, 392, 393, 395
США – 128, 268, 409

Т

Таганий Рог, мыс – 296, 300
Таганрог – 300

Таиланд – 151
Тали – 250
Таллин – 65, 274
Тамбовская губерния – 23
Таммерфорс – 8, 369
Тампере – 8, 130, 369
Тарту – 298
Тарутино – 333
Тверская губерния – 263
Тверская область – 397
Тейкасаари (Тейка-сари, Тейкер-сари) – 279, 281
Теплиц – 332, 333
Терваниеми, мыс – 294
Териоки – 105, 124, 130, 152, 159–161, 164, 169, 173, 175, 200, 207, 220, 221, 245
Термолово – 114
Тиенхаара – 391
Тисвиль – 251
Тихий океан – 264, 276
Токсово – 131
Торкели – 389, 412
Торсаари (Тиуринсаари, Тор-сари), остров – 274, 282
«Торсаари», батарея – 286
Торфяное, поселок – 24–28, 30, 31–35, 40
«Тотлебен», форт – 215
Транзунд – 362
Транзундский рейд – 269, 279, 281, 282
Троицкая, крепость – 298, 300, 301
Тула – 222
Тульская губерния – 203
Тупурунсаари (Тупоран-сари), остров – 278, 279, 281, 283
Турку – 7, 115, 166, 324
Турция – 298, 301
Тюрве – 367

У

Углич – 169
Угличский район – 169
Украина – 290, 300
Укспя-йоки – 391
Усть-Нарва – 127
Ушково – 41, 175

Ф

Фенноскандия – 318
Финляндия – 5, 7, 8, 10, 11, 43, 107, 113–117, 120, 121, 123, 124, 127–131, 133, 144, 162, 198–202, 204, 205, 206, 207, 209–211, 213, 216, 219, 221, 225, 237, 238, 241, 243, 244, 249, 251, 268, 274, 284, 286, 288, 290, 292, 302–305, 307, 308, 310–312, 316–319, 324, 328–330, 338, 339, 340, 342–346, 348, 349, 355, 356, 359, 361–365, 369, 370, 371, 372, 374, 379–381, 383, 384, 392, 403, 409, 414
Финляндская Социалистическая рабочая республика – 115
Финский залив – 7, 17, 41, 43, 46, 47, 49, 50, 51, 77, 82, 83, 86, 150, 153, 157, 172, 198, 207, 269, 270, 282, 286, 287, 298, 356
Франкфурт-на-Майне – 346
Франция – 213, 241, 268, 269, 277, 328–331, 333, 334
Фридланд – 333

Х

Хабаровск –38
Хамина – 374
Ханко – 305, 306
Хапала – 130
Харелода, банка – 279
Харитоново – 395
«Харкеля» («Херкала»), батарея – 278, 279, 282, 283
Харьковская губерния – 322
Хельсинки – 5, 8, 107, 121, 123, 129, 133, 150, 165, 166, 238, 244, 255, 294, 303, 306, 307, 317, 318, 342, 354, 374, 376, 377, 381, 382
Херттуала, имение – 315, 316, 322–325, 391
Хибины, горы – 318
Хиетала – 322, 391
Хмалевский, залив – 279
«Хумалйоки», батарея – 278, 279, 292
Хумалйоки, бухта – 279
Хусниеми, пролив – 319
Хювинкяя – 121, 164
Хямеенлинна – 8

Ц

Царское село – 17, 175
Цегист – 332, 333

Ч

Чад, озеро – 139
Черная гора – 20, 21
Черная речка – 54, 175, 198–200, 203, 220–222, 224, 225, 228, 230, 237
«Черная Речка», санаторий – 189, 191, 192
Черниговская крепость – 299
Черное море – 274
Чехия – 334
Чехословакия – 124
Чимборассо, вулкан – 17

Ш

Швельм – 328
Швеция – 10, 13, 43, 125, 126, 159, 162, 288, 290, 291, 307, 308, 310, 313, 314, 317, 327, 339, 373
Широкобоково – 169, 170, 172
Шотландия – 314
Штатгарт – 342
Шувалоские болота – 20, 22
Шуваловский парк – 16, 18, 20, 21, 38, 39
Шуваловский торфяник, Шувалово торфопредприятие – 20–23 26, 27, 29, 30
Шушары – 39

Э

Эзель, остров – 300
Эквадор – 17
Эсбо (Эспоо) – 200, 318, 319
«Эспланада», парк – 402
Эстерботния – 7
Эстергётланд – 327
Эстония – 127, 273, 274, 298
Эуряппяя, бастион – 294, 296

Ю

Южный поселок – 400, 401, 412
Юкспяя – 381
Юстила – 338
Юта – 414
Юука, волость – 308

Я

Ям – 298
Ямбург – 298
Япония – 277
Яппиля – 196
Ярвенпяя – 129
Ярославль – 409
Ярославская область – 169
Ясная Поляна – 203

J
Juuka – 307

K
Kangasranta – 398

L
Linnoitus – 377
Lipola – 248, 249, 251, 255

M
Metsävirta – 180

N
Neitsytniemi – 398
Neityniemi – 413
Nunnalahti – 307

P
Papula – 400
Papulan Lahti – 400
Papulan Puisto – 400

S
Saint-Georges d'Aunay – 334
Sorvali – 398

T
Talikkala – 400, 401
Torkkel Puisto – 412

V
Varapara (Wеränpä) – 43

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Агафонова Екатерина Алексеевна, магистр архитектуры.

Амирханов Леонид Ильясович, литератор, директор ООО «Издательский центр «ОСТРОВ».

Балаценко Юрий Дмитриевич, старший научный сотрудник музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты».

Болгов Валентин Александрович, главный хранитель фондов музея-заповедника «Парк Монрепо» (ГБУК ЛО ГИАПМЗ «Парк Монрепо»).

Волкова Любовь Геннадьевна, старший научный сотрудник ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник».

Востров Алексей Владимирович, преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета, исследователь истории Карельского перешейка.

Геращенко Лилия Валентиновна, кандидат исторических наук.

Глезеров Сергей Евгеньевич, кандидат филологических наук.

Дмитриев Виктор Васильевич, архитектор, член Совета Ленинградского отделения ВООПИиК.

Дружинина Алла Геннадьевна, режиссер, автор исторических краеведческих фильмов из цикла «Незабытое прошлое».

Ермолаев Павел Николаевич, независимый исследователь.

Зайцев Борис Константинович (1881–1972), русский писатель

Иванова Мария Сергеевна, старший научный сотрудник ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник».

Исаченко Григорий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского университета.

Лапин Илья Сергеевич, лауреат литературной премии им. Ахматовой, соавтор краеведческого сайта Ristikivi: частный архив Карельского перешейка.

Левошко Светлана Сергеевна, кандидат архитектуры, доцент, советник Российской Академии архитектуры и строительных наук (РААСН).

Лисица Наталья Николаевна, научный сотрудник музея-заповедника «Парк Монрепо» (ГБУК ЛО ГИАПМЗ «Парк Монрепо»). лауреат переводческих премий Беларуси и Финляндии. Живет в Финляндии.

Медведников Сергей Анатольевич, командор «Северо-Западного водно-моторного клуба».

Мельникова Арина Юрьевна, краевед.

Мельников Юрий Алексеевич, военный пенсионер, краевед.

Ренни Сергей Владимирович, краевед, коллекционер.

Румянцев Андрей Георгиевич, кандидат исторических наук, главный архивист Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

Салманов Андрей Сергеевич, младший научный сотрудник музея-заповедника «Парк Монрепо» (ГБУК ЛО ГИАПМЗ «Парк Монрепо»).

Скурлов Валентин Васильевич, кандидат искусствоведения, ученый секретарь Мемориального фонда Фаберже.

Смирнов Александр Геннадьевич, коренной житель Выборга (ныне проживает в Петербурге), автор романа «Вторая жизнь Петра Гарина», автор сайта «Мировое танкостроение».

Старков Александр Иванович, краевед.

Ткаченко Владимир Федорович, художник, автор серии монографий по истории фортов Кронштадта, последний комендант форта «Тотлебен».

Травина Елена Михайловна, кандидат философских наук, координатор исследовательской группы «Старые дачи».

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3

А.В. Востров. Финляндская железная дорога в 1870–1917 годах: нереализованный фактор сближения Санкт-Петербурга и Гельсингфорса 5

ПАРНАС – РЕПИНО

С.Е. Глезеров. Парнас и его обитатели 16
Г.А. Исаченко. Природа и история заказника «Северное побережье Невской губы» 41
С.В. Ренни. Заводская электростанция (к 300-детию основания «ружейных заводов и прочих железных дел фабрик при Сестре реке») 52
Е.А. Агафонова. Архитектура санаторно-курортных комплексов Сестрорецка, Репино и Солнечного эпохи советского модернизма 1960–1990-х годов 80
А.Г. Дружинина. Ремесленная школа Сестрорецкого оружейного завода 91
В.В. Скурлов. Загородный дом Агафона Фаберже в Левашово 101
А.Г. Румянцев. «Новые пограничники» на Карельском перешейке в 1918 году 113
Ю.Д. Балаценко. Дий Юрьевич Репин – жертва контрреволюционных организаций Финляндии 121

КОМАРОВО – КРАСНОЕ СЕЛО

Л.И. Амирханов. Памяти Анны Андреевны Ахматовой 136
С.С. Левошко, Е.М. Травина. Архитектор Р.М. Даянов и архитектурное наследие Карельского перешейка 146
Е.М. Травина. Villa «Harppulinna". Неоконченная мелодия для арфы. 1905–1921 152
С.А. Медведников. От Углича до Териоки. История одной пуговицы 169
В.Ф. Ткаченко. «Лесное село» 174
А.В. Востров. Леонид Андреев и Финляндия. Диалог «своего» и «чужого» 198
Б.К. Зайцев. Финляндия. К родным краям 213
А.И. Старков. Леонид Андреев –художник-живописец 226
Якоб Аренберг. Село Кююрёля 239
С.В. Ренни. Липола. Из истории почтовых учреждений на Карельском перешейке 244

ПРИМОРСК – ВЫБОРГ

А.Ю. Мельникова, Ю.А. Мельников. Остров Киркосаари – база Водолазной партии Кронштадтского порта 260
П.Н. Ермолаев. Забытая трегедия в Бьёркэ (смерть капитана 1 ранга И.Г. Энгельмана) 275
В.В. Дмитриев. Первый русский план Выборга (1706 год). Атрибуция и вопрос авторства 287
М.С. Иванова. К вопросу о динамике развития гранитной промышленности в Финляндии в конце XIX – начале XX века 302
В.А. Болгов. Остров Саммонсари и его обитатели 315
Н.Н. Лисица. Залог любви. Обелиск братьев Броглио в Монрепо 326
А.С. Салманов. М. Зейферт и Я. Индурский – самые известные выборгские фотографы второй половины XIX века 335
А.С. Салманов. Конрад Ольденбург. «Отражение времени» 348

П.Н. Ермолаев. Тревожное лето 1917 года в Выборге
(переписка генерала В.А. Орановского со штабом Северного фронта) 355
Л.Г. Волкова. Дом Дагермана (Роте) в Выборге 373
Л.В. Геращенко. О режиме лесопользования в окрестностях Выборга
в 1940–1941 годах 387
А.Г. Смирнов. Выборг советский 396

Именной указатель 415

Указатель географических названий 422

Коротко об авторах 428

1-я стор. обложки: Здание ремесленной школы Сестрорецкого оружейного завода. 2021 год. Фото Л.И. Амирханова.
4-я стор. обложки: Карл Генрих Роте (слева) и Йоханн Готфрид Дидерих Бандхольц на Абовском мосту. Фрагмент картины Михаила Эрасси.

Форзац: Здание вокзала в Раяйоки (совр. Белоостров). Из собрания С.В. Ренни.

Титульный лист: обелиск братьев Броглио в Монрепо. Фото В.А. Позднякова
Оборот титульного листа: памятник М.В. Крестовской на Марьиной горе. Фото Л.И. Амирханова
С. 4: «Прибытие поезда». Рисунок Р.В. Кашина.

Развороты:
с. 14—15: Заводская плотина Сестрорецкого оружейного завода. Май 2021 года. Фото Л.И. Амирханова;
с. 134—135: Могила А.А. Ахматовой на Комаровском кладбище. Фото Л.И. Амирханова;
с. 258—259: М. Зейферт. Панорама с Выборга с Часовой Башни. Фрагмент. 1865 год. Из собрания Музейного ведомства Финляндии.

ББК 26.891
УДК 908
К22

К22 Карельский перешеек. Страницы истории. Книга пятая. — СПб.; ООО «Издательский центр «ОСТРОВ», 2021, — 432 с., илл., вкл.

Составитель и редактор Л.И. Амирханов

ISBN 978-5-94500-175-1

Охраняется законодательство РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя

© Авторы, 2021.
© ООО ИЦ «Остров», 2021.
© М.А. Богданов. Художественное оформление, 2021.

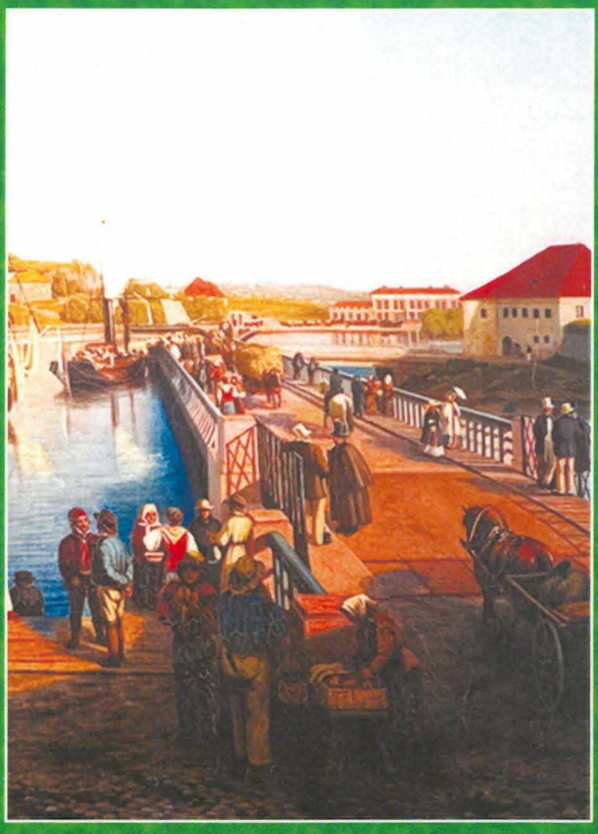
КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Книга пятая

ООО «Издательский Центр «ОСТРОВ»
Составитель и редактор Л.И. Амирханов
E-mail: zitadel@bk.ru

Компьютерная верстка и подготовка иллюстраций: М.А. Богданов
Корректор: Н.Н. Никифорова
Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная, вклейка — мелованная. Гарнитуры Newton, Academy, HeliosCond
Печать офсетная. Печ. л. 27. Усл.-печ. л. 35. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»,
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, дом 8, офис 14
www.litobook.ru тел.: +7 (812) 712-02-08
E-mail: info@litobook.ru

RAJAJOKI



Карл Генрих Роте (слева) и Йоханн Готфрид Дидерих Бандхольц на Абовском мосту. Фрагмент картины Михаила Эрасси (см. статью Л.Г. Волковой «Дом Дагермана (Роте) в Выборге». Абовский (Крепостной) мост заслуживает отдельной публикации, и такая публикация, возможно, появится в одном из следующих сборников